

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XII

Диалектология

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА
2017

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. —
М., 2017. 400 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

О. Е. Кармакова, кандидат филол. наук (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

И. А. Букринская (Москва, Россия);
А. В. Мальшева, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. Г. Ровнова, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017
©Авторы, 2017

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XII

Dialectology

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2017

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, No. 12. Dialectology. — M., 2017. 400 p.
ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Olga E. Karmakova, Ph.D. (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Irina A. Bukrinskaya, (Moscow, Russia);
Anna V. Malysheva, Ph.D. (Moscow, Russia);
Olga G. Rovnova, Ph.D. (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017
© by Authors, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Фонетика и акцентология

- С. В. Дьяченко* (Москва).
Особенности коартикуляции в южнорусском говоре. 11
- Д. М. Савинов* (Москва).
К проблеме изучения ударного вокализма в южнорусских говорах. 35
- А. В. Тер-Аванесова* (Москва).
О диалектном различии в распределении двух фонем “типа *o*”: формы Р. мн. существительных *-a/ja*-основ с подвижным ударением. 48

Грамматика

- И. В. Бегуниц* (Москва).
К изучению служебных частей речи в архангельских говорах 62
- Е. А. Галинская* (Москва).
Указательное местоимение *tot-to* в курских говорах. 73
- И. Б. Качинская* (Москва).
Формы множественного числа в лексико-семантической группе «термины родства»: модели образования и семантика (по материалам архангельских говоров). 88
- А. В. Малышева* (Москва).
Беспредложный генитив в конструкциях с количественным значением 100
- Н. В. Маркова* (Петрозаводск).
Двусоставное предложение в одном заонежском говоре. 126

Лексикология и лексикография

- Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова* (Екатеринбург).
Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики народных говоров) 137
- А. Ф. Журавлёв* (Москва).
Лексикографические фантомы. 10. СРНГ, Б–Р (дополнение к предыдущему) 159
- Е. В. Колесникова* (Москва).
Семантика прилагательного *красный* в русских говорах 176
- Е. А. Нефедова* (Москва).
ДО-глаголы в говорах архангельского региона: семантика и функционирование 189
- С. А. Мызников* (Санкт-Петербург).
«Словарь русских народных говоров»: некоторые проблемы семантического описания . . 197
- М. В. Турилова* (Калуга).
Русские диалектные слова и словосочетания, связывающие сумасшествие с умом. 207

Лингвогеография

- И. А. Букринская, О. Е. Кармакова* (Москва).
Ареальный портрет муромских говоров 221
- Т. В. Попова* (Москва).
О восточнославянской лингвогеографической проблематике. 240

Лингвокультурология и история науки

В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова (Саратов). Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей . . .	263
Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова (Томск). Муж и жена как константы традиционной народной культуры в речи диалектной языковой личности.	272
О. В. Никитин (Москва). Из истории отечественной диалектологии: И. Г. Голанов и его идеи на заре ареальных исследований.	284

Русские говоры за пределами России

Т. П. Лёнигрен (Норвегия, Тромсё). Русские говоры за пределами России: слово в контексте диалектного архипелага Украины.	293
Е. А. Оглезнева (Томск). Русские говоры в Китае в XX в.	301
О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов (Москва). Соотношение диалектных черт первичного и вторичного говора (старообрядцы- «каменщики» Казахского Алтая и «синьзянцы» Южной Америки)	320

Этимология

Ж. Ж. Варбот (Москва). Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VII . .	333
Л. В. Куркина (Москва). Русские диалекты как источник пополнения славянских этимологических гнезд	338

Диалектные тексты

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва). Образцы говора с. Мологицы Муромского района Владимирской области	348
С. В. Дьяченко, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова (Москва). Образцы говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области.	357
А. В. Малышева (Москва). Образцы говора с. Татарово Муромского района Владимирской области.	369
О. Г. Ровнова (Москва). «Надо по-русски говорить»: старообрядцы о сохранении русского языка в Южной Америке	379

Юбилей

С. Гжибовский (Польша, Торунь). Слово о Л. Л. Касаткине	389
О. Г. Ровнова (Москва). Диалектология как любовь и судьба.	394

In memoriam

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва). Памяти Т. В. Поповой	397
--	-----

CONTENTS

Phonetics and akcentology

- Svetlana V. Dyachenko* (Moscow)
Coarticulation in the South Russian southern dialect 11
- Dmitry M. Savinov* (Moscow).
On the problem of study of the stressed vowel systems in South Russian dialects 35
- Aleksandra V. Ter-Avanesova* (Moscow).
On the dialect difference in distribution of two *o*- phonemes:
gen. pl. wordforms of *-a/ja*-stems with mobile accent 48

Grammar

- Irina V. Begunts* (Moscow)/
Function words and their usage in North Russian dialects: latest observations 62
- Elena A. Galinskaya* (Moscow).
The demonstrative pronoun *tot-to* in the Kursk dialects of Russian 73
- Irina B. Kachinskaya* (Moscow).
The plural forms within the lexical-semantic group of “kinship terms”:
formation patterns and semantics (a case study of Arkhangelsk dialects) 88
- Anna V. Malysheva* (Moscow).
Constructions with quantitative genitive in the South Russian dialect 100
- Nina V. Markova* (Petrozavodsk).
The two-member sentences in one dialect of Zaonežye 126

Lexicology and lexicography

- Elena L. Berezovich, Olesya D. Surikova* (Ekaterinburg).
Space and time markers in the texts of russian imprecations
(with reference to the russian dialects vocabulary) 137
- Anatolij F. Zhuravlev* (Moscow).
Lexicographic phantoms. SRNG, Б — P (addition) 159
- Elena V. Kolesnikova* (Moscow).
Semantics of the adjective *krasnyi* (red) in the russian dialects 176
- Elena A. Nefedova* (Moscow).
Do-verbs in the dialects of the Arkhangelsk region: semantics and functioning 189
- Sergey A. Myznikov* (St. Petersburg).
“Dictionary of russian dialects”: some problems of the semantic description 197
- Maria V. Turilova* (Kaluga).
Russian dialectal words and word combinations associating madness
with the human mind, sense in the lexical-semantic field «madness» 207

Linguogeography

- Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova* (Moscow).
Areal description of murom dialects 221
- Tatiana V. Popova* (Moscow).
On the Eastern Slavic geolinguistic problem 240

Lingvokulturologiya and the history of the science

<u>Valentin E. Gol'din</u> , <i>Olga Ju. Krjuchkova</i> (Saratov). Notes on the speech oral, non-literate and the linguistic mindset of native dialect speakers.	263
<i>Lyudmila G. Gyngazov, Ekaterina V. Ivantsova</i> (Tomsk). Husband and wife as constants of traditional folk culture in the speech of the dialectal language personality	272
<i>Oleg V. Nikitin</i> (Moscow). From the history of russian dialectology: I. G. Golanov and his ideas at the dawn of areal studies.	284

Russian dialects beyond the limits of Russia

<i>Tamara Lönnngren</i> (Norway, Tromsø). Russian dialects outside of Russia: the word in the context of Ukraine's dialectal archipelago	293
<i>Elena A. Oglezneva</i> (Tomsk). Russian dialects in China in the XX-th century	301
<i>Olga G. Rovnova, Dmitry M. Savinov</i> (Moscow) Interrelation of features of primary and secondary dialect (old believers «kamenshiki» of the Kazach Altai and «sintszyantsy» of South America).	320

Etymology

<i>Zhanna Zh. Varbot</i> (Moscow). Russian dialectal additions to proto-slavic reconstructions and etymologies. VII.	333
<i>Liubov' V. Kurkina</i> (Moscow). Russian dialect vocabulary as a source of slavic etymological nests.	338

Dialect texts

<i>Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova</i> (Moscow). Samples of the dialect of the v. Molotitsy (Muromskiy district, the region of Vladimir)	348
<i>Svetlana V. Dyachenko, Anna V. Malysheva, Aleksandra V. Ter-Avanesova</i> Samples of the dialect of the v. Rogovatoe (Starooskol'skiy district, Belgorod region)	357
<i>Anna V. Malysheva</i> Samples of the dialect of the v. Tatarovo (Murom district, Vladimir region)	369
<i>Olga G. Rovnova</i> (Moscow). The old believers on the preservation of the russian language in South America	379

Anniversary

<i>Stefan Gzhibovskij</i> (Pol'sha, Torun') A report on Leonid Leonidovich Kasatkin.	389
<i>Olga G. Rovnova</i> (Moscow) Dialectology as love and destiny	394

In memoriam

<i>Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova</i> (Moscow). T. V. Popova.	397
---	-----

ФОНЕТИКА И АКЦЕНТОЛОГИЯ

С. В. Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

svet-lan-a@list.ru

ОСОБЕННОСТИ КОАРТИКУЛЯЦИИ В ЮЖНОРУССКОМ ГОВОРЕ*

Статья основана на результатах исследования архаического южнорусского говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области.

Были изучены явления коартикуляции на стыке гласных и соседних с ними согласных.

Коартикуляционные явления говора сопоставлены с коартикуляцией в русском литературном и английском языках. Показано, что коартикуляция между губными согласными и гласными переднего ряда [и] и [е] (изменения F1 и F2 на первом переходном участке гласного) в говоре Роговатки отличается от коартикуляции в русском литературном языке и сближается с коартикуляцией в английском языке.

Ключевые слова: русские диалекты, диалектная фонетика, коартикуляция.

В статье описывается специфика коартикуляционных явлений в говоре с. Роговатое (Роговатка) Старооскольского района Белгородской области. Приводятся сонограммы монофтонгов и [ы] (сделаны в программе PRAAT) и обсуждаются особенности коартикуляции на стыке гласных и соседних согласных.

Материалом исследования послужила аудиозапись длительностью около 2-х часов, информант – женщина 1939 г. р., образование 5 классов.

Динамические спектры гласных и явления коартикуляции

1. *Методы исследования и постановка задачи.* Как известно, гласный звук обычно состоит из стационарного участка, где не наблюдается значительных изменений формантной картины, и переходных участков, где формантная картина

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00485а.

изменяется вследствие коартикуляции с соседними согласными. Изменения F1 и F2 на переходных участках гласных в соседстве с шумными согласными определяются подъёмом гласных и локусами F2 согласных; последние не видны на сонограммах, но могут быть с достаточной определённой реконструированы по изменениям F1 и F2 на переходных участках гласных [Кодзасов, Кривнова 2001: 170–173; Князев, Пожарицкая 2005: 79–83].

Изменения первых двух формант гласных как отражение коартикуляции в русском литературном языке подробно изучены методами инструментальной фонетики, результаты этих исследований отражены в учебниках по общей и русской фонетике [Бондарко 1977: 61–73; Бондарко и др. <http://phonetics.spbu.ru/sites/default/files/res/man/index.html>; Кодзасов, Кривнова 2001: 155–182; Князев, Пожарицкая 2005: 79–83].

Схемы изменения формантной картины русских гласных в соотношении с локусами F2 согласных разного места образования приводятся в описании фонетики русского литературного языка [Князев, Пожарицкая 2005: 294–295].

При изучении динамических спектров гласных и явлений коартикуляции в говоре Роговатки мы опирались на схемы, представленные в названной книге С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, и на широко известную схему изменений F1 и F2 гласных русского литературного языка после твёрдых и мягких согласных разного места образования из учебника Л. В. Бондарко [Бондарко 1977: 65], см. рис. 1.

Оказалось, что в говоре Роговатки изменения F1 и F2 на переходных участках гласных (в первую очередь — переднего ряда) после согласных разного места образования несколько иного характера, чем в русском литературном языке, что естественно связывать с качеством согласных в этой позиции. На слух согласные перед гласными переднего

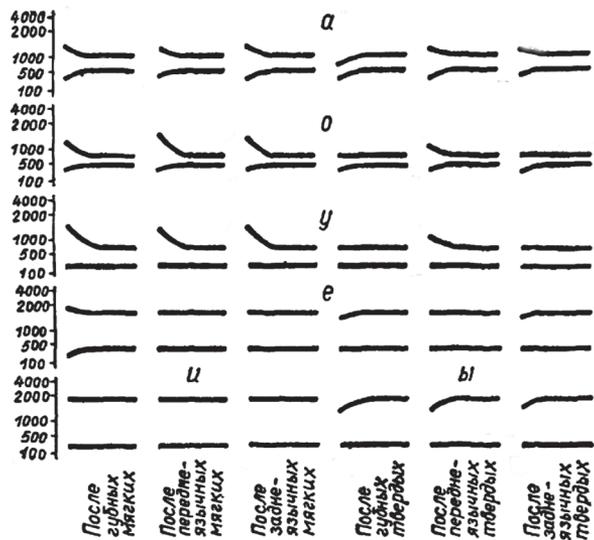

Рис. 1. Схемы изменения F1 и F2 русских гласных после разных согласных (по [Бондарко 1977: 65])

ряда воспринимаются как более или менее палатализованные, но в целом — как более «твёрдые», чем в русском литературном языке, а переднеязычные взрывные — как согласные альвеолярного места образования. Поэтому для сопоставления с данными говора мы обратились также к схемам изменения F1 и F2 в сочетаниях звонких взрывных согласных с гласными в английском языке, приведенной в [Dellatre et al. 1955], она воспроизведена на рис. 2 в настоящей работе.

Эта схема, наряду со схемой Л. В. Бондарко для русского

литературного языка, приводится в [Кодзасов, Кривнова 2001: 170–173]. В книге С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой в разделе, посвященном коартикуляции, приведены также схемы переходных участков гласных, соответствующие локусу F2 для альвеолярного [d], по [Kent, Read 1992: 118], и таблица формантных значений локусов с учётом их контекстной вариативности для взрывных согласных английского языка, по [Kewley-Port 1983] (мужской голос).

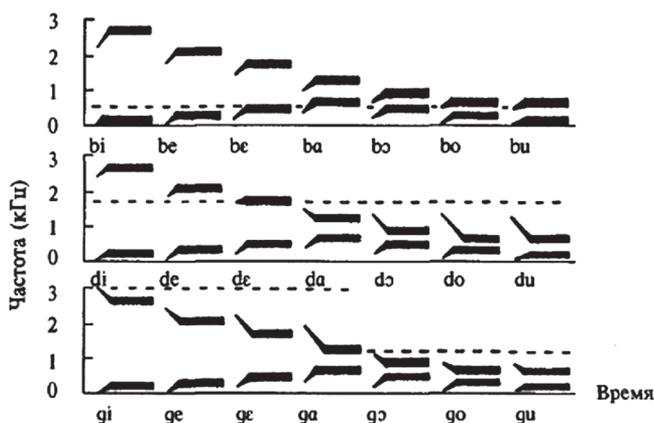

Рис. 2. Схемы переходов F1 и F2 для сочетаний звонких взрывных согласных с гласными (на материале английского языка), по [Delattre et al. 1955: 770]

Мы сочли, что более осторожным будет напрямую не сопоставлять данные такого характера с данными из Роговатки в поисках акустических коррелятов альвеолярной (а не дентальной) артикуляции [т], [т'], [д], [д'], [н], [н'] в говоре. Принимая такое решение, мы руководствовались замечанием С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой, которое мы понимаем как указание на близость локусов F2 дентальных и альвеолярных смычных: «...Локус F1 отражает смычность согласного, т.е. степень сужения речевого тракта, которая у взрывных согласных максимальна. Локусы F2 и, в несколько меньшей степени, F3 непосредственно связаны с местом образования преграды. Локус F2 имеет самые низкие значения у губных согласных. У зубных и альвеолярных согласных он находится в средней части частотного диапазона, возможного для F2. Велярные согласные характеризуются <...> большой вариативностью и самой широкой областью возможных локусов (от 1000 до 2500 Гц)» [Кодзасов, Кривнова 2001: 173].

Следует заметить, что альвеолярный характер [л] ([l]) перед [e] (примеры типа [Léna], [s'elén'йу]), отчетливо устанавливается аудитивным способом.

Далее будут представлены динамические спектры ударных монофтонгов и [ы] в позициях после губных и переднеязычных согласных, некоторые гласные показаны и в позиции после заднеязычных. В примерах определяются значения F1 и F2 на стационарном участке гласного, сопоставляются со средними значениями формант для данного говора, комментируются изменения формант на переходных участках и длительность последних.

2. Динамические спектры монофтонгов — реализаций фонем /y/, /o/, /a/, /u/ говора Роговатки в позиции **после твёрдых согласных фонем** и коартикуляционные явления.

Фонема /y/ реализуется огубленным монофтонгом верхнего, реже верхне-среднего подъёма, заднего или задне-среднего ряда. Средние значения первых двух

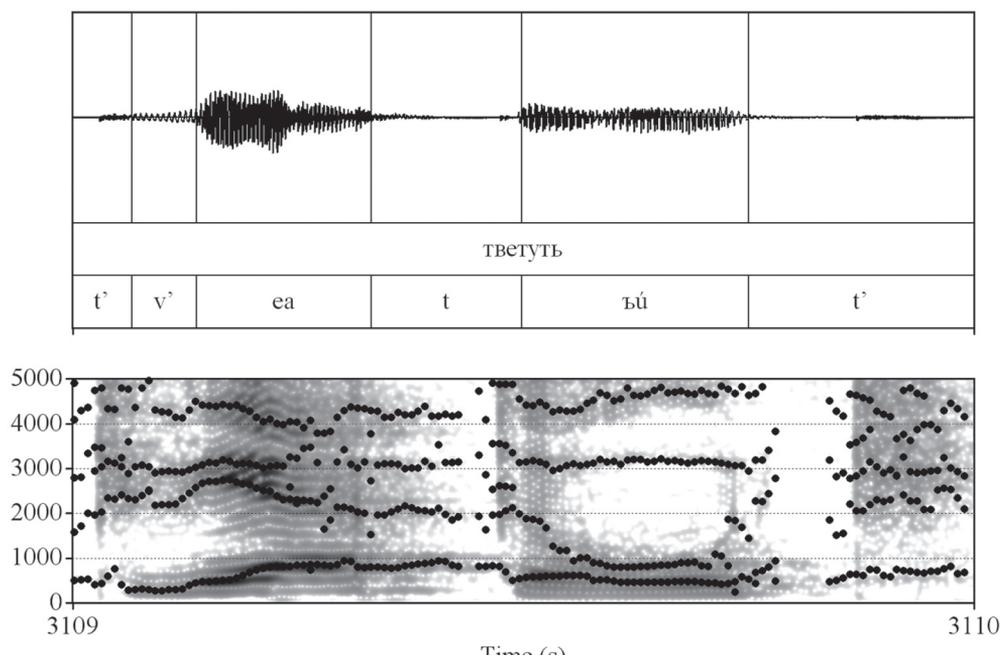

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [tv'eatut'] — *цветут*

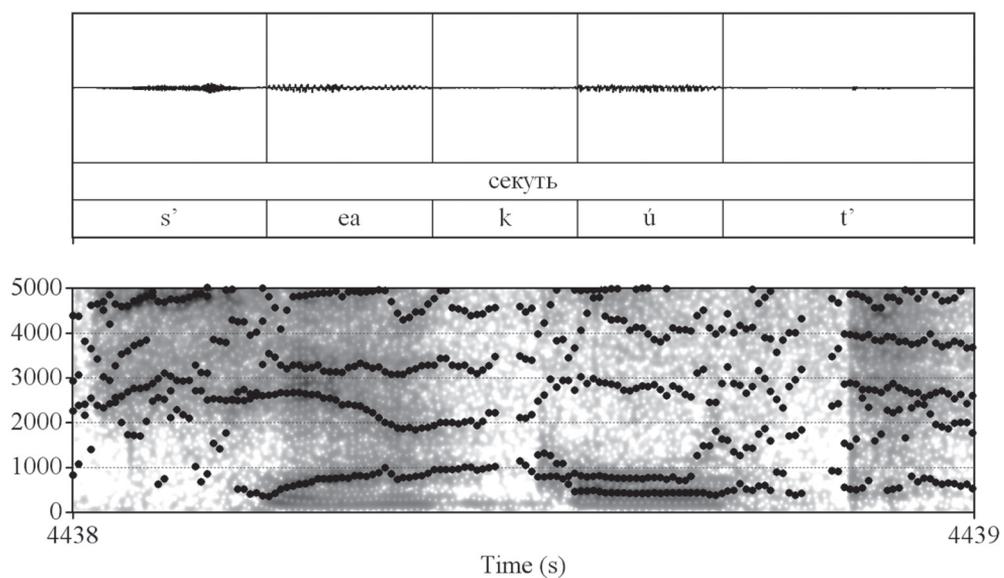

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [s'eakut'] — *секут*

формант [y]: F1=486 Гц, F2=1267 Гц (независимо от консонантного окружения гласного), F1=504 Гц, F2=1253 Гц (в позиции перед твёрдыми согласными).

В примере [тв'еат'ут'] (*цветут*) на рис. 3 на стационарном участке ударного [y] F1=400 Гц, F2=900 Гц, в примере [с'еак'ут'] (*секут*) на рис. 4 — F1=350 Гц, F2=900 Гц.

На рис. 3 и 4 виден характер переходных участков гласного [y]. На рис. 3 можно видеть, что в сочетании [ту] (*цветут*) на переходном участке гласного [y], занимающем около четверти длительности гласного¹, значения F2 изменяются от 2000 до 900 Гц, а значения F1 незначительно поднимаются с 400 до 500 Гц, затем падают до 400 Гц на стационарном участке. В целом такая картина соответствует английскому [du] (см. рис. 2), для русского [ду] установлено изменение F2 в меньшем диапазоне (см. рис. 1); сам же переходный участок имеет ъ-образный характер.

Конечный переходный участок гласного [y] перед согласным [т'] значительно менее длительный, чем его начальный переход (в сочетании [ту]), при этом конечный переходный участок характеризуется таким же диапазоном изменения F2, как и начальный, см. рис. 3, 4.

После заднеязычного согласного изменения значений F1 и F2 не происходит (рис. 4); то же в русском литературном языке.

Отражение тех же коартикуляционных эффектов можно видеть на сонограммах заударных [y], см. рис. 5 (*моркóвку*) и рис. 6 (*подсóлнух*). В обоих примерах заударные [y] имеют о-образный характер (сдвинуты вперёд и вниз). В слове *моркóвку* [y] характеризуется F1=600 Гц, F2=1100 Гц, после [к] практически отсутствует изменение формантных значений в начале гласного. В слове *подсóлнух* гласный [y] характеризуется F1=700 Гц на стационарном участке (на переходном участке в начале гласного — повышение F1 с 500 Гц), F2=1150 Гц на стационарном участке (понижение на переходном участке в начале гласного с 1400 Гц).

Звук [y] в предударном слоге фактически не отличается от ударного [y], см. рис. 18 (*купи́ла*).

Фонема /о/ представлена монофтонгом среднего ряда среднего подъёма [о] (напомним, что фонема /о/ — это так называемое «о открытое» в соответствии с *о под праслав. «нисходящим» ударением и *ь, а также *е и *ь после твёрдых шипящих).

Средние значения формант этого монофтонга: F1=614 Гц; F2=1270 Гц (средние формантные значения [о] перед твёрдыми согласными: F1=621 Гц; F2=1263 Гц). Это гласные более низкого подъёма и более переднего ряда, чем [о] в русском литературном языке (русский литературный [о]: F1=400 Гц; F2=800 Гц [Князев, Пожарицкая 2005: 82]) и в украинском литературном языке (украинский литературный [о]: F1=450±30 Гц; F2=750±40 Гц [Ищенко 2012]).

¹ Ср. результаты измерений ъ-образного участка для говора Роговатки в [Исаев 2014: 195], которые также показали, что он составляет около ¼ длительности гласного.

На рисунках 5–6 представлены осциллограммы и спектрограммы словоформ с ударным [o]. На рисунке 5 в словоформе *моркóвку* этот ударный гласный на стационарном участке имеет значения $F1 = 550$ Гц, $F2 = 1100$ Гц, на рисунке 6, в словоформе *подсóлнух*, значения $F1 = 650$ Гц, $F2 = 1400$ Гц.

Рисунки показывают характер переходных участков между ударным гласным [o] и окружающими его согласными.

На рисунке 5 видно, что первый переходный участок от заднеязычного [к] к [o] в слове *морковка* практически отсутствует, после смычки сразу следует гласный [o]. Не обозначен явно и второй переходный участок от [o] к губно-губному сонанту [w], что обусловлено близостью артикуляции этих двух звуков.

Во втором примере, на рисунке 6, коартикуляционные изменения гласного выражены значительно. Длительность первого переходного участка составляет почти треть длительности всего гласного, значения $F1$ изменяются от 500 до 700 Гц, значения $F2$ — от 1700 до 1400 Гц. Второй переходный участок [o] характеризуется гораздо меньшей длительностью, она составляет примерно половину длительности первого переходного участка. Здесь наблюдается некоторое повышение подъёма гласного, значения $F1$ изменяются от 700 до 500 Гц, а также сдвиг гласного назад, значения $F2$ изменяются от 1400 до 1000 Гц.

Фонема /a/ представлена монофтонгом среднего ряда нижнего подъёма [a]. Средние формантные значения этого гласного: $F1 = 778$ Гц, $F2 = 1659$ Гц. Средние

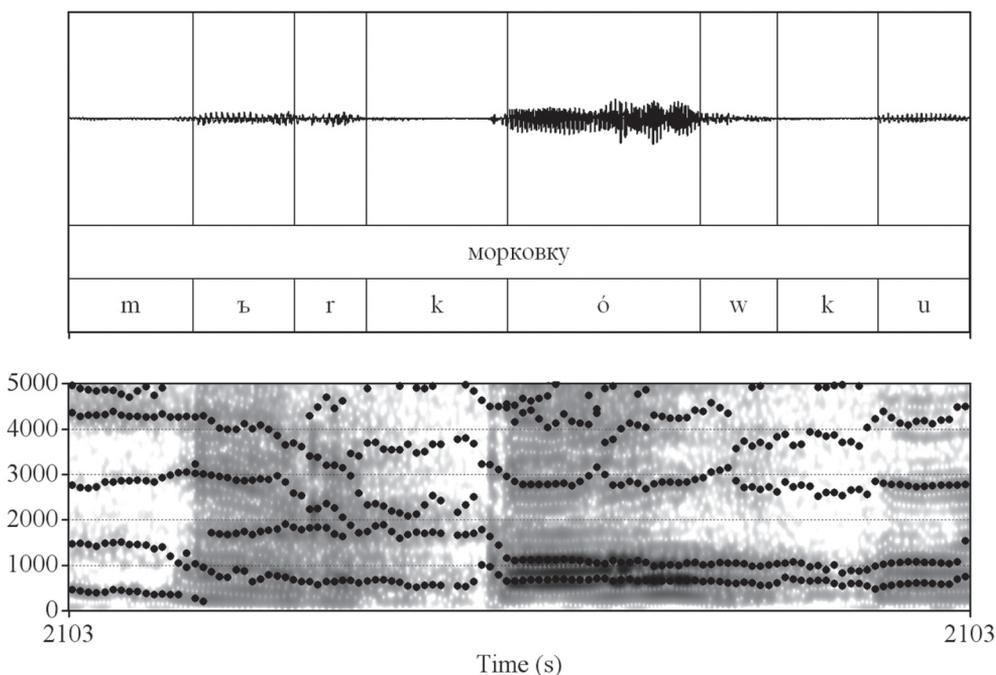

Рисунок 5. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [м'ркóвкy] – морковку

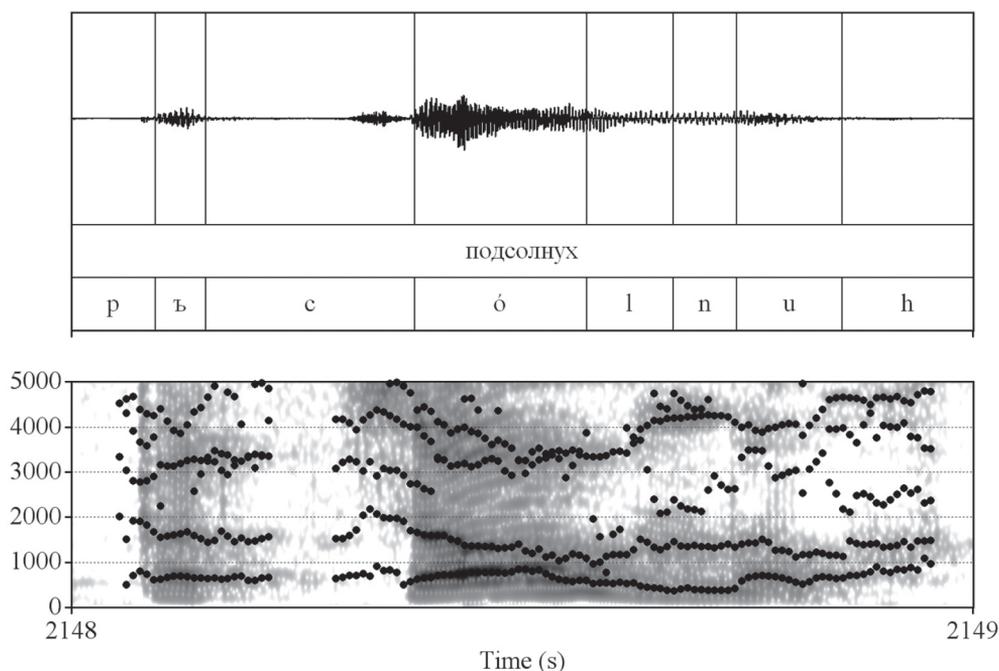

Рисунок 6. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [п'ьóлнух] – подсолнух

формантные значения, рассчитанные на ограниченном материале (в позиции перед твёрдыми согласными): F1 = 775 Гц, F2 = 1593 Гц.

В словоформах, спектрограммы и осциллограммы которых приведены в качестве примеров ниже, ударный гласный [a] на стационарном участке имеет стандартные для роговатовского говора формантные значения. В словоформе *копать* (рис. 7) F1 = 750 Гц, F2 = 1300 Гц; в словоформе *не так* (рис. 8) F1 1000 Гц, F2 = 1800 Гц; в словоформе *приказываешь* (рис. 9) F1 = 800 Гц, F2 = 1700 Гц.

На рисунках видно, что наибольшее влияние на ряд (значение второй форманты) гласного [a] оказывает положение после губного согласного, которое способствует сдвигу гласного назад.

Рисунки показывают характер коартикуляционных явлений. На рисунке 7 виден очень краткий переходный участок в сочетании [па]. Он состоит в изменении второй форманты от 1000 до 1300 Гц, при том что значения первой форманты постоянны. Однако общее влияние на ударный [a] положения после губного согласного очень существенно: стационарный участок демонстрирует сдвинутость гласного почти в задний ряд, близость первой и второй форманты характеризуют гласный как огубленный. Гораздо более выражен второй переходный участок (сочетание [ат']), который растянулся почти на треть общей длительности гласного. На рисунке видно, как гласный сдвигается в передний ряд перед мягким согласным, значение F2 изменяется от 1300 до 2000 Гц.

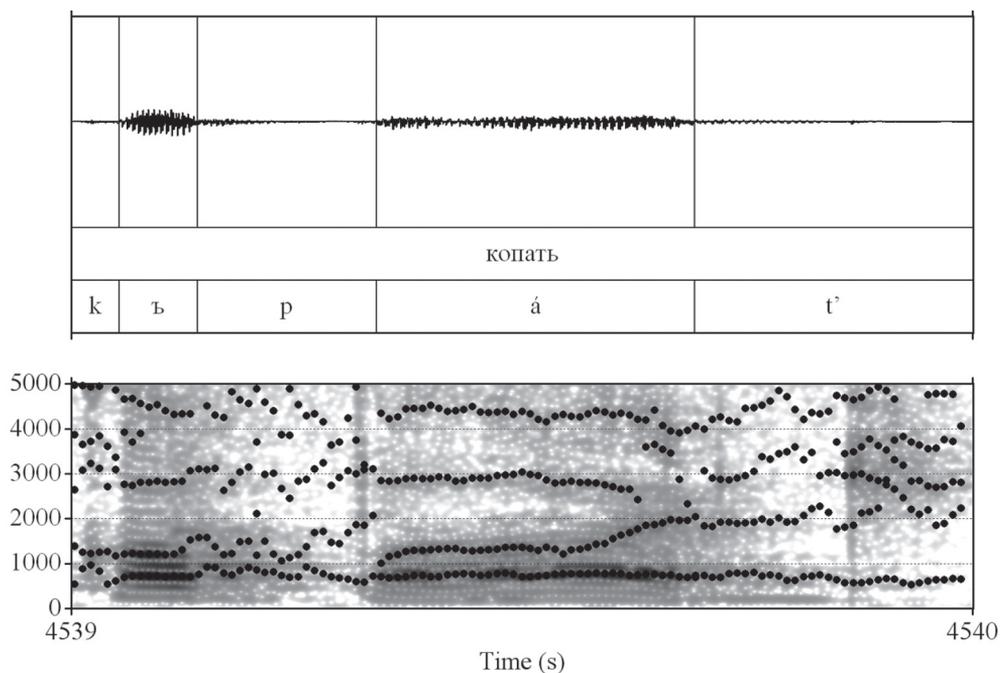

Рисунок 7. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [к'ɔпát'] — копать

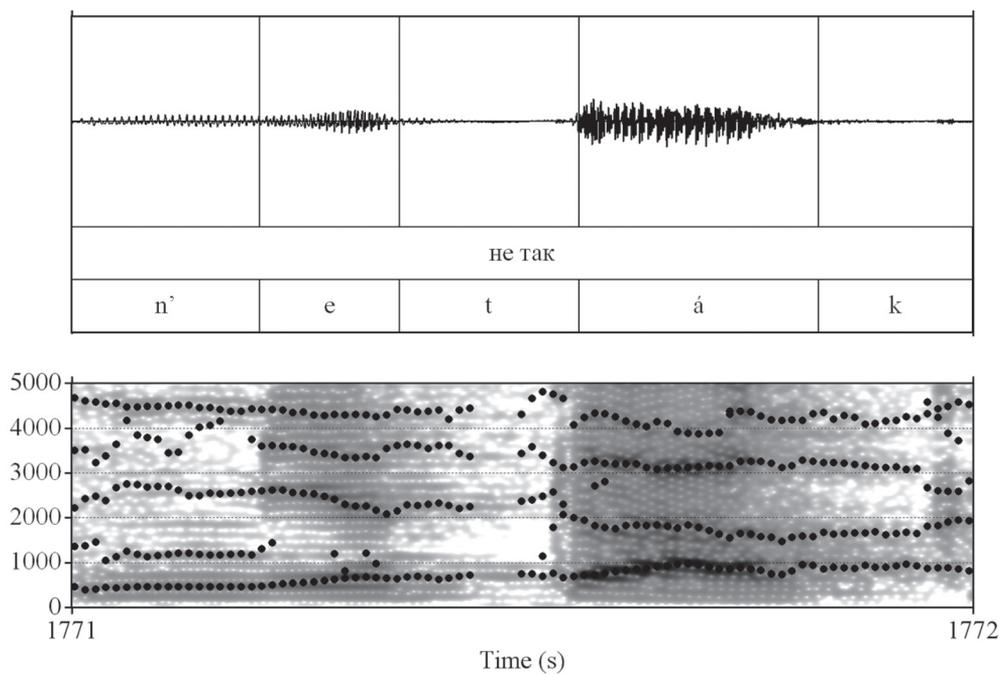

Рисунок 8. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [н'е táк] — не так

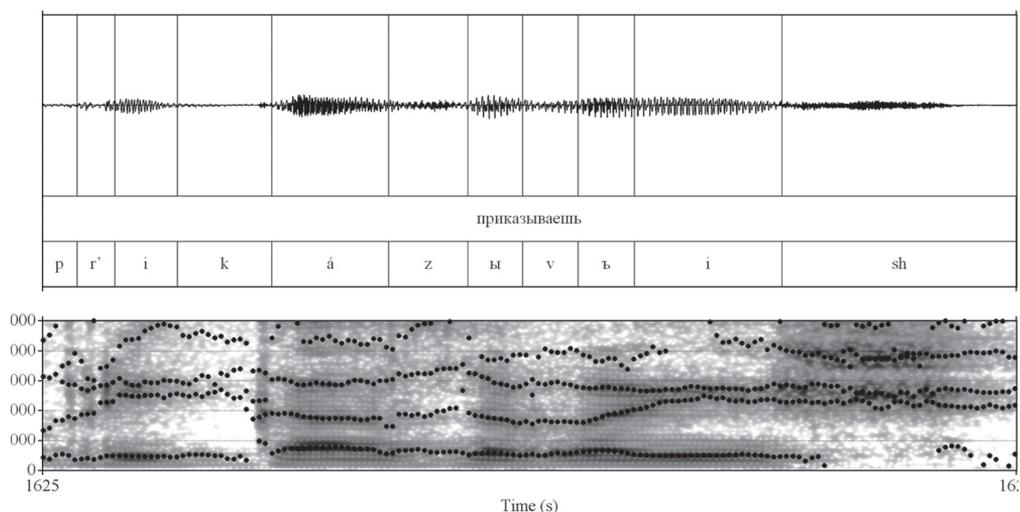

Рисунок 9. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [pr'ikázýv'ish] – приказываешь

На рисунке 8 виден коартикуляционный переход от [т] к [а]. В позиции после передненёбного согласного наблюдается переходная зона, составляющая около четверти всей длительности гласного. При этом гласный сдвигается вниз и назад, изменяются значения обеих первых формант: значения F1 изменяются от 700 до 1000 Гц, значения F2 – от 2000 до 1800 Гц. Второй переходный участок (от [а] к [к]) гораздо менее выражен: здесь наблюдается небольшой сдвиг гласного назад и вверх, значения F1 меняются от 1000 до 850 Гц, значения F2 — от 1800 до 1700 Гц.

На рисунке 9 виден переход от заднеязычного согласного [к] к гласному [а]. Переходный участок очень краткий, он заключается в небольшом сдвиге гласного вниз, F1 изменяется от 600 до 750 Гц, и назад, F2 изменяется от 2000 до 1700 Гц. Второй коартикуляционный участок — переход от [а] к [з] тоже очень краток и мало выражен. Он заключается лишь в незначительном сдвиге гласного вверх, значения F1 меняются от 800 до 650 Гц.

Рисунок 10, на котором представлена осциллограмма и спектрограмма словоформы *насыпютъ*, позволяет проанализировать коартикуляционные переходы между согласным [н] и гласным [а] первого предударного слога, а также между гласным [а] и согласным [с]. Первый переходный участок краткий, он выражается в резком снижении подъёма, значение F1 меняется от 400 до 900 Гц, и небольшим сдвигом вперёд, значение F2 меняется от 1800 до 1900 Гц. Второй переходный участок характеризуется менее существенными изменениями значений формант, но он более длителен и составляет почти треть всей длительности гласного. Гласный сдвигается вверх, значение F1 меняется от 900 до 800 Гц, и вперёд, значение F2 меняется от 1900 до 2000 Гц.

На рисунке 13 в словоформе *столбы* видно, что после передненёбного [т] переходный участок довольно длительный, он составляет около трети гласного. Гласный сдвигается вниз и назад. Значение F1 изменяется от 500 до 800 Гц, значение

F2 — от 2000 до 1500 Гц. Второй переходный участок от [а] к [л] выражен только в небольшом сдвиге гласного назад, F2 изменяется от 1500 до 1400 Гц, при этом движения первой форманты нет.

Фонема /и/ после твёрдых согласных представлена звукотипом [ы]. Это звук верхнего или верхне-среднего подъёма передне-среднего ряда. Роговатовский [ы], как и литературный русский [ы], имеет неровную вторую форманту: её значения меняются примерно от 1500 Гц до 2400–2600 Гц, происходит движение гласного от среднего к переднему ряду. О характере [ы] в русском литературном языке см., например: [Князев, Пожарицкая 2011: 102], [Деркач и др. 1983: 27], [Бондарко 1977: 62].

Средние формантные значения, выведенные на основе измерений в центральной точке гласного, таковы: на всём материале — F1 = 450 Гц, F2 = 2100 Гц, на ограниченном материале (в позиции между твёрдыми согласными) — F1 = 521 Гц, F2 = 2145 Гц.

Параметры роговатовского ударного [ы] сближают его с гласным [и] украинского литературного языка (ср. данные об этом звуке в [Ищенко 2012: 62, 58]) и отличают от гласного [ы] русского литературного языка (см. характеристики этого звука в [Бондарко, Щербакова 1978: 78–79], [Бондарко 1981: 162–163], [Фант 1964: 114]).

Кроме того, роговатовский [ы] сближается с украинским [и] по характеру изменения первых двух формант на всём протяжении его звучания: ср. спектральную картину ударного гласного [ы] ниже на рисунках 10–13 и спектральную картину украинского [и] в [Ищенко 2012: 43, 62].

Ср. также динамические спектрограммы роговатовского [ы] со спектрограммами, демонстрирующими русский литературный [ы], в [Князев, Пожарицкая 2005: 299], [Кузнецов 1997: 108].

В примерах, приведённых ниже на рисунках 10–13, представлены словоформы с ударным [ы] в позиции после согласных разных мест и способов образования.

В словоформе *насытють* на рис. 10 гласный [ы] в центре звучания имеет значения F1 = 500 Гц, F2 = 2100 Гц, в словоформе *цветы* на рис. 11, где [ы] оказывается в позиции абсолютного конца фразы и поэтому удлиняется его конечная фаза, — F1 = 500 Гц, F2 = 2800 Гц, в словоформе *столбы* на рис. 13, где [ы] находится в абсолютном конце слова, но не фразы, F1 = 400 Гц, F2 = 2100 Гц. В словоформе *помылись* на рис. 12 — F1 = 520 Гц, F2 = 2100 Гц.

Рисунки дают представление о переходных участках между [ы] и согласными разных типов. Так, на рис. 10 видно, что коартикуляция между передненёбным щелевым [с] и [ы] проявляется в некотором сдвиге гласного вперёд, значение F2 начинает изменяться от 2000 Гц. К концу звучания F2 составляет около 2500 Гц.

Такое изменение значений F2 характерно для украинского языка, где звук [и] также образуется в переднем ряду и незначительно сдвигается по ряду на протяжении своего звучания [Ищенко 2012: 41–44], ср. коартикуляцию передненёбных согласных и [ы] в русском литературном языке на рис. 1. Подъём гласного на всём протяжении звучания одинаков, значение F1 = 500 Гц.

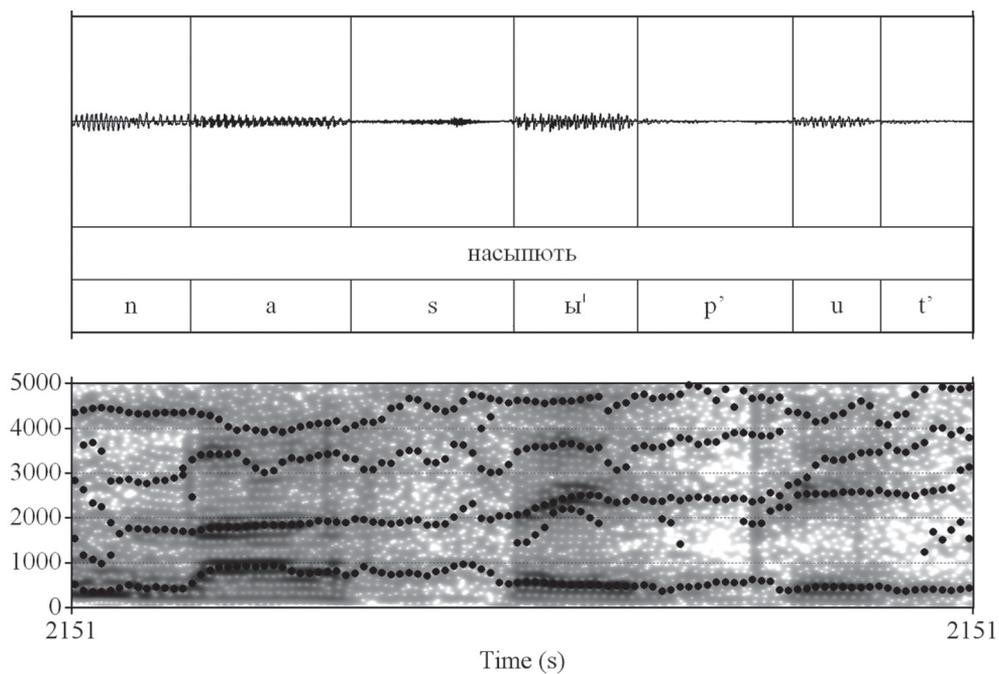

Рисунок 10. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [насып'ут'] – насыпуть

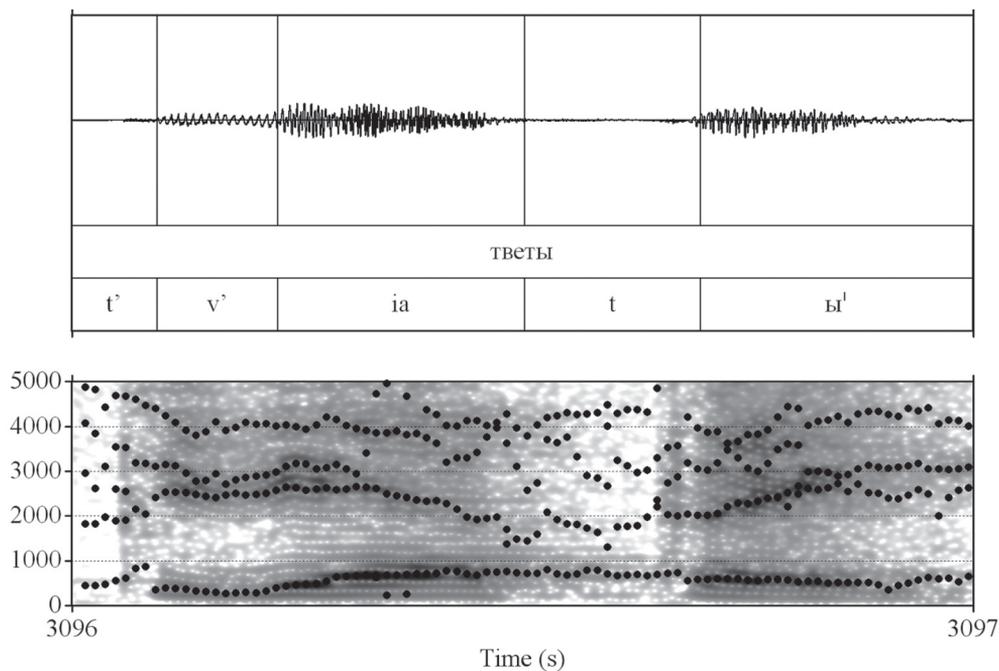

Рисунок 11. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [т'в'еаты'] – цветы

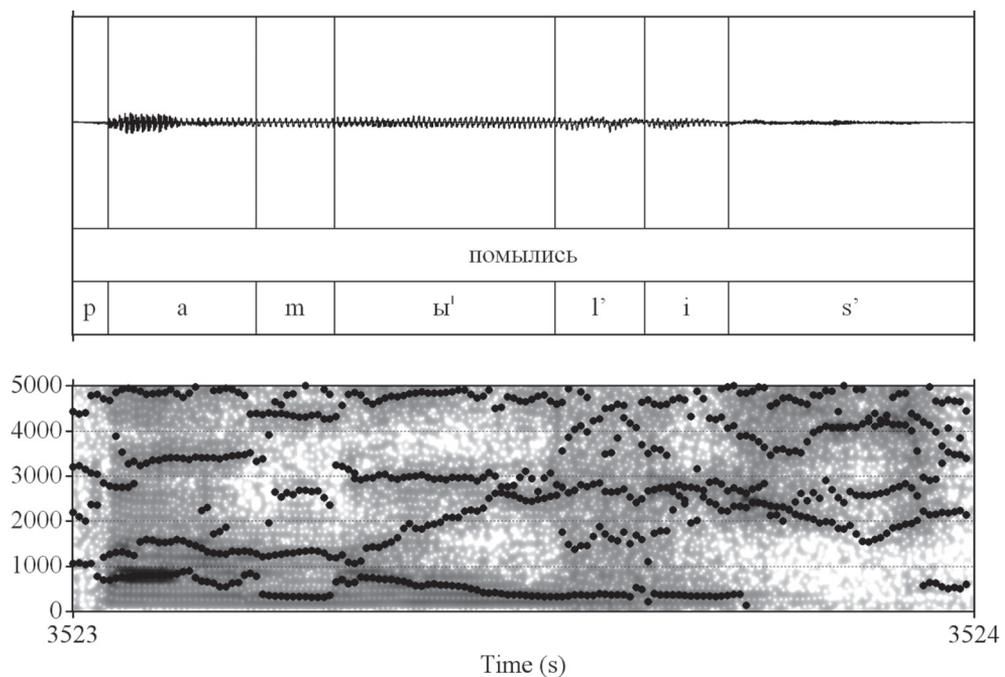

Рисунок 12. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [памы́ль'ис'] – помылись

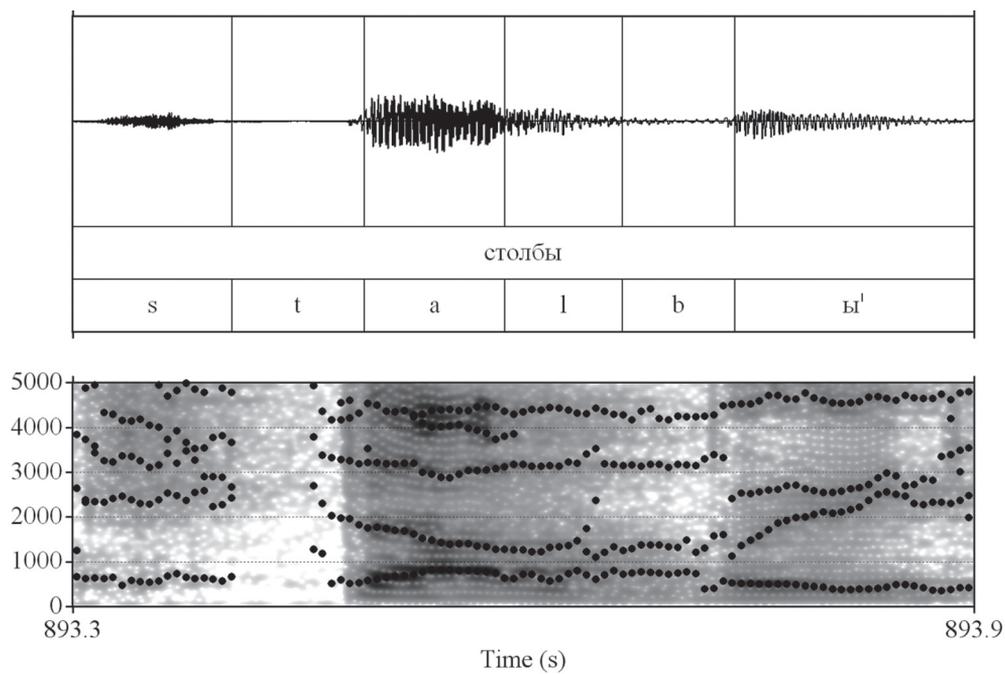

Рисунок 13. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [сталбы́] – столбы

На рисунке 11 можно наблюдать переход от переднеязычного смычного согласного [т] к гласному [ы]. Видны те же особенности, что описаны выше для перехода от [с] к [ы], однако здесь значение второй форманты меняется от 2000 до 2700 Гц, что обусловлено, вероятно, позицией гласного в абсолютном конце слова и некоторой его растянутостью.

Рисунки 12 и 13 демонстрируют коартикуляцию губных согласных и [ы]. Хорошо видно, что в этой позиции разброс значений F2 значительно больше, чем в позиции [ы] после передненёбных согласных. Изменения значений второй форманты после губных — от 1500 до 2700 Гц, а в ряде случаев наблюдаются также изменения значений первой форманты, например, при переходе от [м] к [ы] на рис. 12, гласный сдвигается из средне-нижнего подъёма в верхний, значения F1 меняются от 700 до 400 Гц. Этот сдвиг в верхний подъём связан, вероятно, с позицией перед мягким [л']. На рис. 13, где гласный [ы] находится в позиции конца слова, изменение значения первой форманты меньше — от 500 до 400 Гц.

3. *Динамические спектры монофтонгов — реализаций фонем /u/, /e/ говора Роговатки в позиции после мягких согласных фонем и коартикуляционные явления.*

После мягких согласных в говоре возможны два гласных монофтонгического характера — [и] и [е]. Они оба характеризуются относительной однородностью протекания, и в этом заключается отличие роговатовского [е] от литературного [е], который имеет довольно длительную *и*-образную начальную зону, отражающую коартикуляцию мягких согласных и [е] (см., например, динамическую спектрограмму гласного [е] литературного языка в [Князев, Пожарицкая 2005: 299]).

Фонема /и/ после фонологически мягких согласных реализуется звуком [и]. Средние значения первых двух формант, полученные на всём материале: F1 416 Гц; F2 2443 Гц, средние значения первых двух формант, полученные на ограниченном материале (в позиции перед твёрдыми согласными): F1 424 Гц; F2 2411 Гц.

Ниже приведены рисунки, изображающие осциллограммы и спектрограммы словоформ с ударным гласным [и] в позиции после разных согласных: передненёбного [с'], бокового сонанта [л'], задненёбного [к'], а также после губных [б'], [п'], [м'].

На рис. 14 ударный гласный имеет значения F1 = 350 Гц; F2 = 2800 Гц, на рис. 15 — F1 = 300 Гц; F2 = 3000 Гц, на рис. 16 — F1 = 350 Гц; F2 = 2800 Гц, на рис. 17 — F1 = 400 Гц; F2 = 3000 Гц, на рис. 18 — F1 = 400 Гц; F2 = 2900 Гц, на рис. 19 — F1 = 350 Гц; F2 = 3000 Гц.

Рисунки демонстрируют характер коартикуляционных участков между ударным гласным [и] и согласными.

На рис. 14 видно, что переходный участок от передненёбного [с] к [и] выражен минимально: он заключается лишь в небольшом движении первой форманты вниз (значение её меняется от 300 до 350 Гц), значение второй форманты неизменно. Гораздо более заметен второй переходный участок от [и] к [л], где [и] оказывается в позиции перед твёрдым боковым согласным [л]. Этот переходный участок составляет около четверти всей длительности звука, видны изменения обеих первых формант. Значение F1 изменяется от 350 до 500 Гц, значение F2 — от 2800 до 2000 Гц.

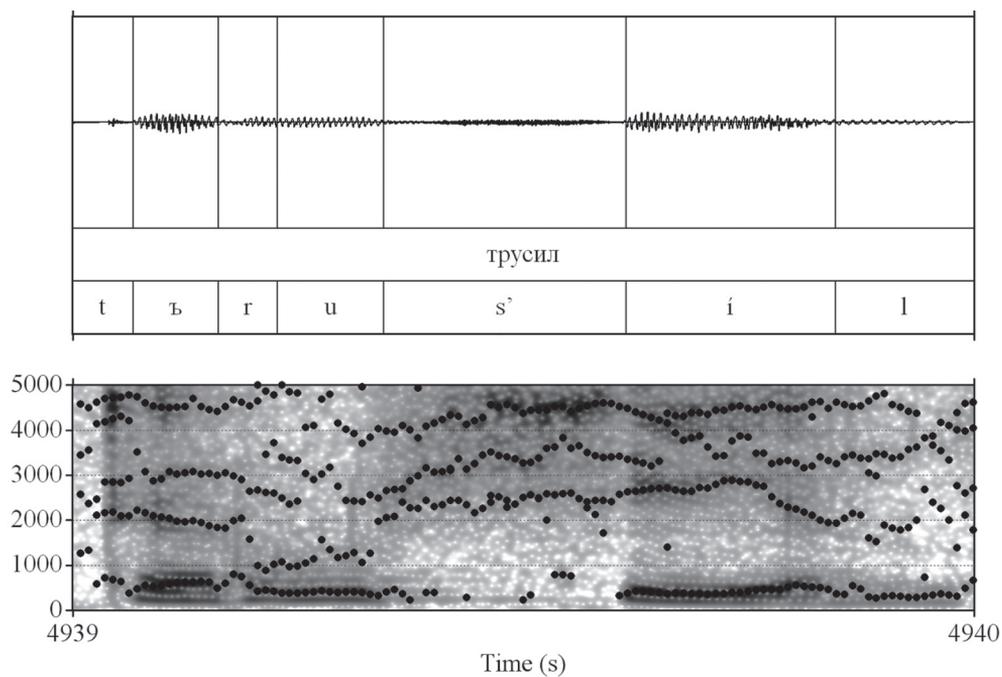

Рисунок 14. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [trus'íl] – трусил

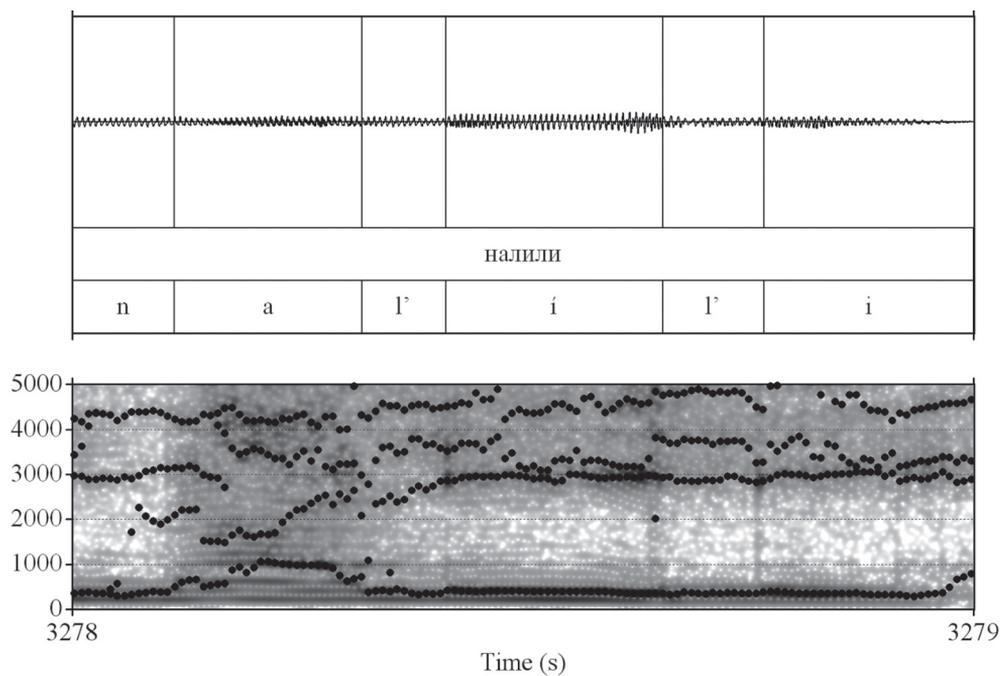

Рисунок 15. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [nal'íl'í] – налили

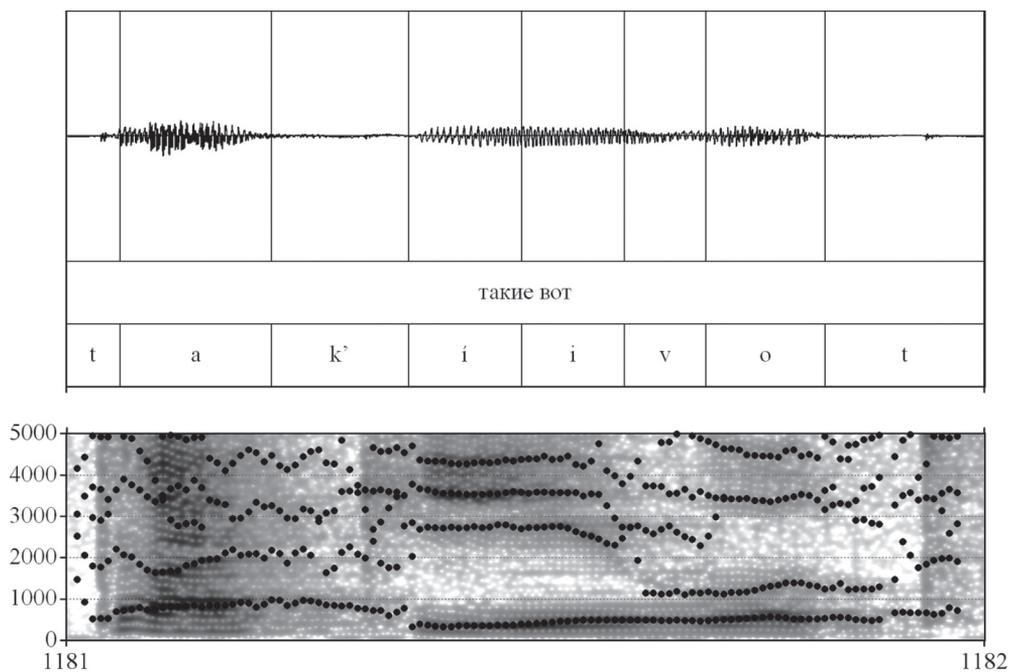

Рисунок 16. Осциллограмма и спектрограмма словоформ [так'йи вот] – такие вот

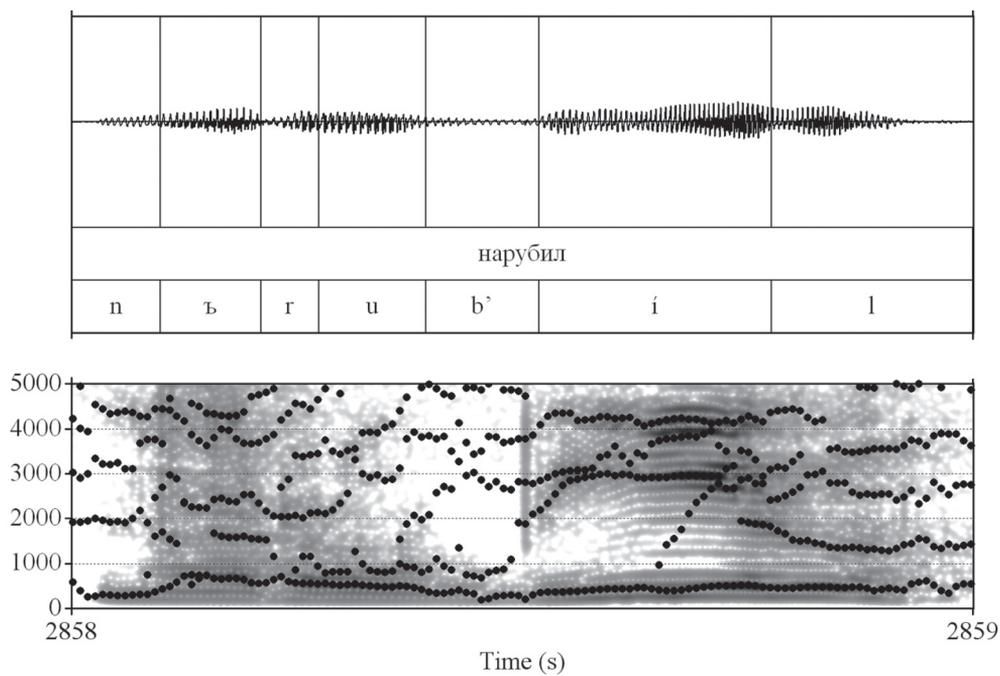

Рисунок 17. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [наруб'йл] – нарubil

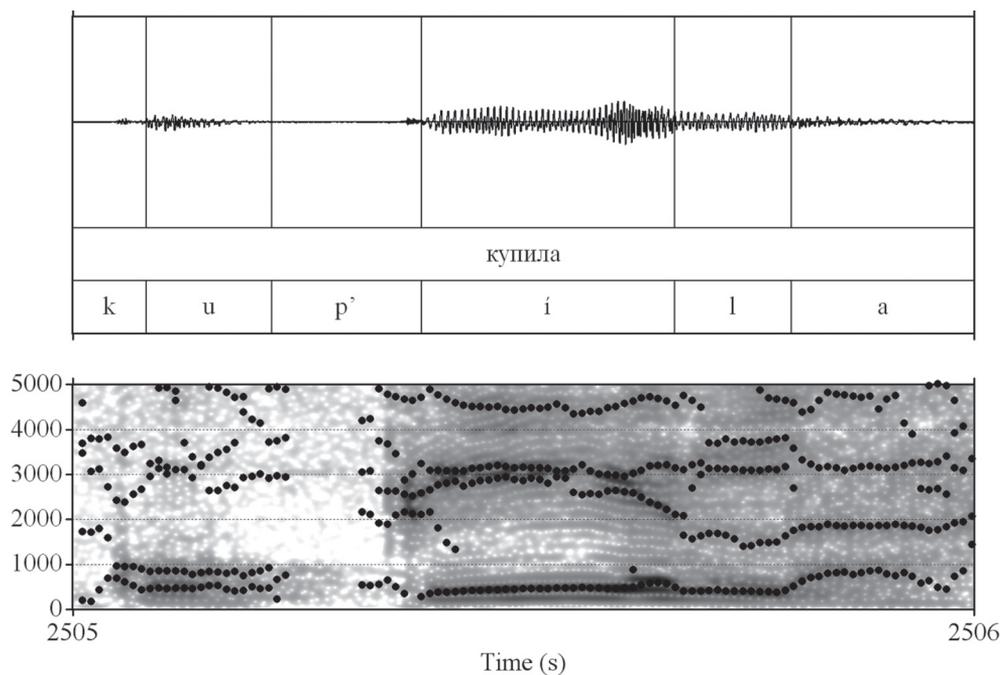

Рисунок 18. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [куп'ила] – купила

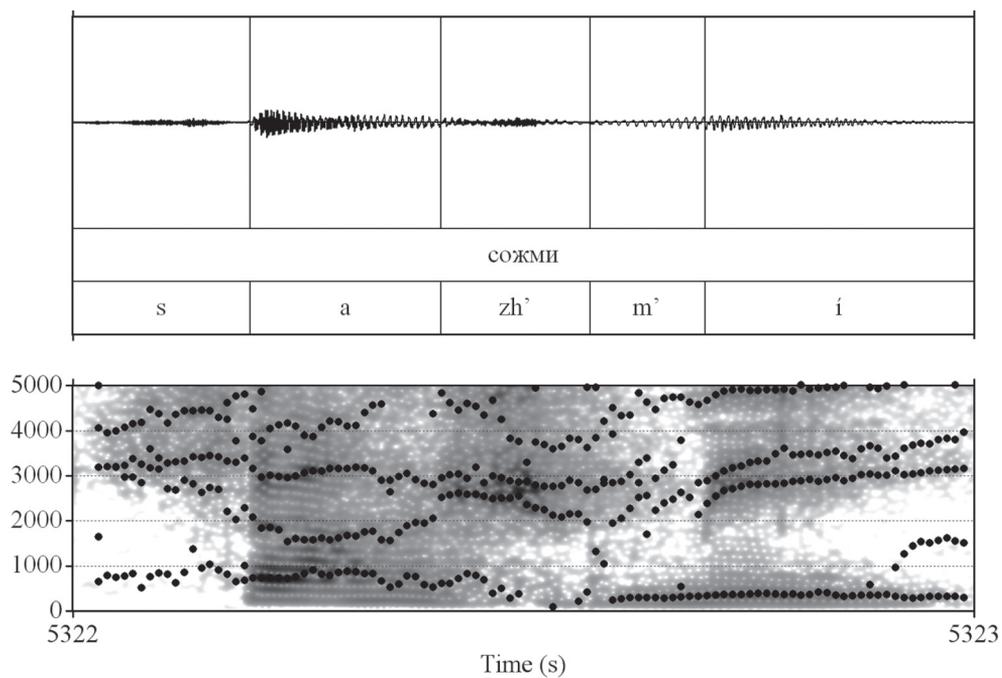

Рисунок 19. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [саж'м'и] – сожми

На рис. 15 ударный [и] представлен в окружении мягких боковых [л']. В данном случае переходные участки не выражены никак: обе первые форманты ровные.

Отсутствует переходный участок и между задненёбным смычным [к'] и [и], см. рис. 16.

На рис. 17–19, где ударный гласный [и] оказывается в позиции после губных согласных [б'], [п'] и [м'] можно видеть, что коартикуляция губных согласных и гласного [и] в Роговатке значительно отличается от коартикуляции между губными и [и] русского литературного языка, см. схему коартикуляции на рис. 1, схему в [Князев, Пожарицкая 2005: 295]), а также динамические спектрограммы губно-губных согласных в симметрических слогах гласный — губно-губной согласный — гласный ([ыпы]-[ип'и], [ыбы]-[иб'и], [ымы]-[им'и]) в [Деркач и др. 1983: 35–40].

Отличия состоят в том, что значения второй форманты при роговатовской коартикуляции изменяются от 2000–2500 Гц до 2800–3000 Гц, то есть происходит сдвиг гласного вперёд. При этом значения первой форманты не изменяются. Подобное коартикуляционное явление наблюдается в литературном языке в сочетании твёрдых губно-губных согласных с последующим гласным [ы].

Таким образом, характер коартикуляции между губными согласными и гласным [и] сближает роговатовский говор с английским языком (см. рис. 2, на котором представлена схема коартикуляции между гласными и согласными английского языка) и отличает его от русского литературного.

Фонема /e/ после мягких согласных реализуется звуком [e] верхне-среднего подъёма переднего ряда.

Средние значения первых двух формант на всём материале: F1 = 490 Гц; F2 = 2553 Гц, на ограниченном материале (перед твёрдыми согласными): F1 = 484 Гц; F2 = 2450 Гц.

В примерах, приведённых ниже на рисунках, значения формант ударного [e] F1 = 500 Гц; F2 = 2800–2900 Гц.

На рисунках видны коартикуляционные переходы между согласными и ударным гласным [e].

Рисунки 20–22 показывают, что, как и в случае с гласным [и], в позиции после передненёбных, боковых и задненёбных согласных ударный гласный [e] не имеет выраженных переходных участков, обе форманты ровные.

Рисунки 23–25 демонстрируют словоформы, в которых ударный [e] находится после губных [м'] и [б']. На этих рисунках видно, что коартикуляционный переход от губных согласных к гласному, как и в случае с аналогичным переходом к гласному [и], отличен от коартикуляционного перехода между губными согласными и [e] в русском литературном языке. Наблюдается сдвиг гласного вперёд, значения второй форманты меняются от 2200–2500 Гц до 2900–3000 Гц, тогда как для соответствующей позиции в русском литературном языке свойственна неизменность значений второй форманты, см. схему соединения согласных с гласными монофтонгами на рис. 1, по [Бондарко 1977: 65]. Здесь вновь следует отметить близость роговатовской и английской коартикуляции между губными согласными и гласным переднего ряда [e] (см. рис. 2, по [Delattre et al. 1955: 770]).

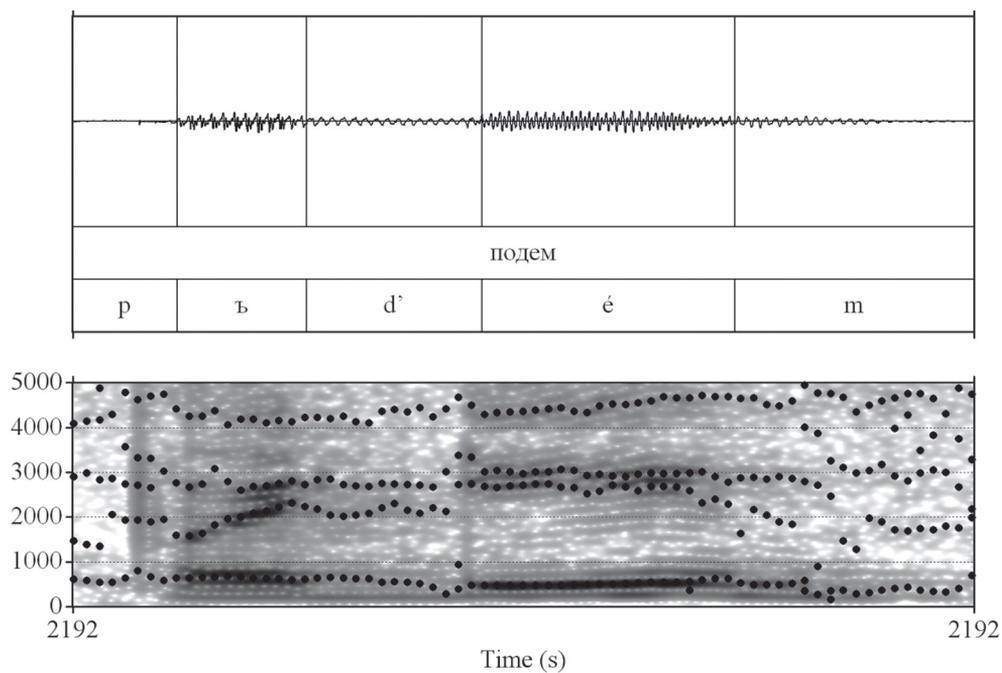

Рисунок 20. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [п'д'эм] — *пойдем*

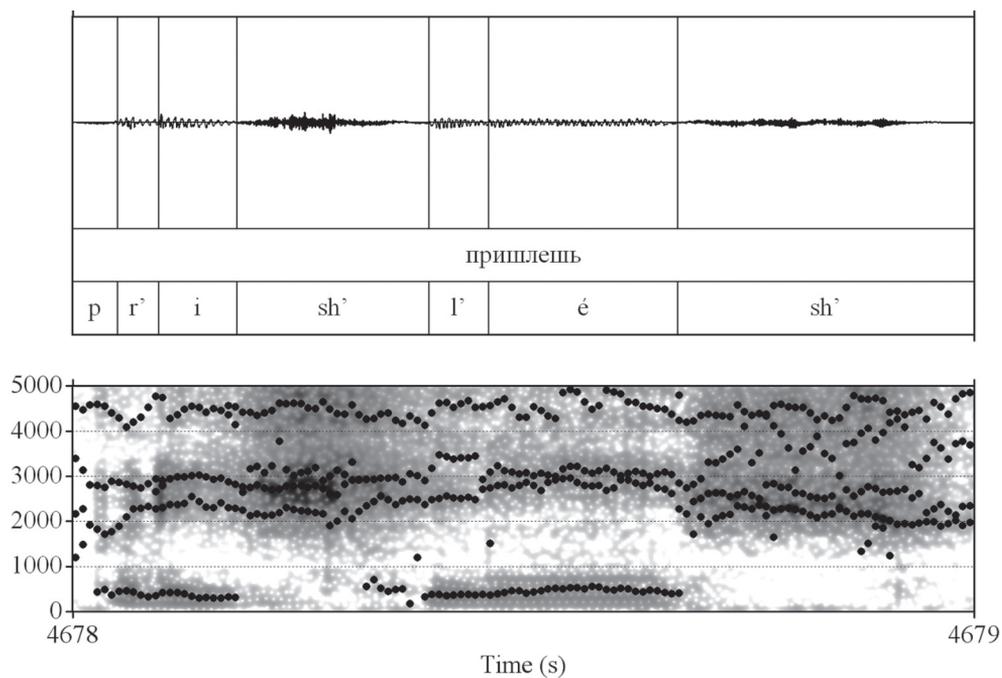

Рисунок 21. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [п'ишл'эш] — *прилешь*

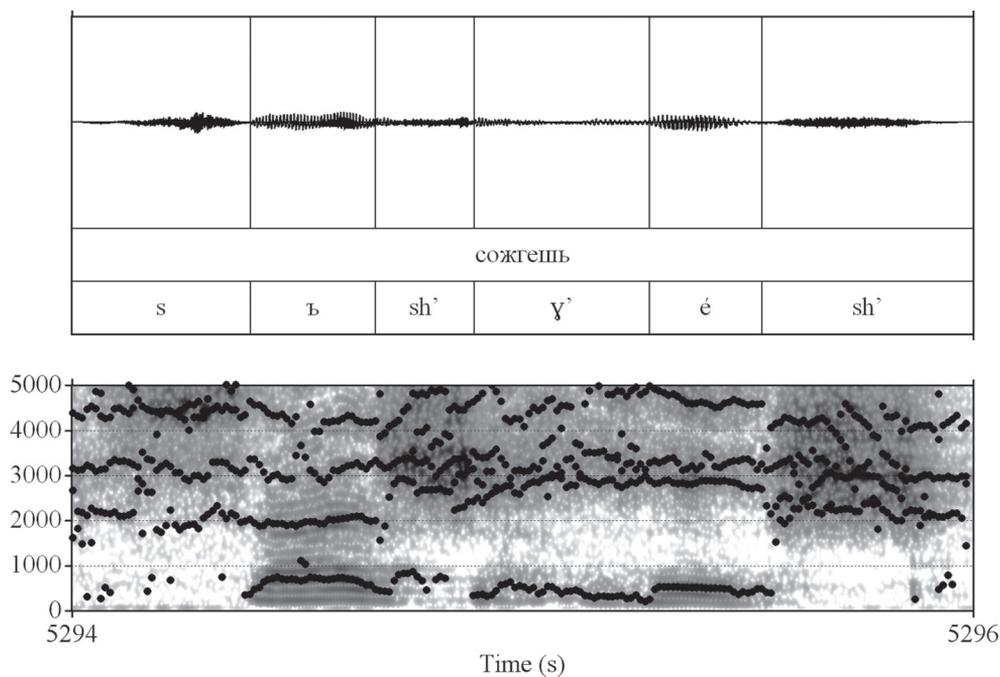

Рисунок 22. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [сʲɨ'ɣ'ɛʲɨ] – сожгешь

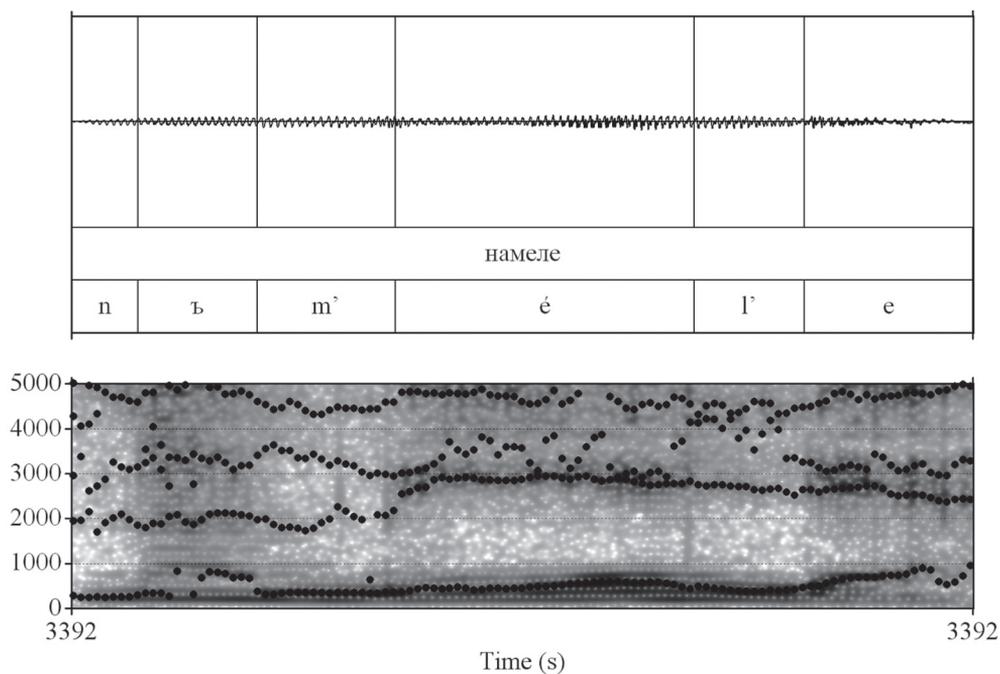

Рисунок 23. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [нʲм'ɛ'l'e] – намеле

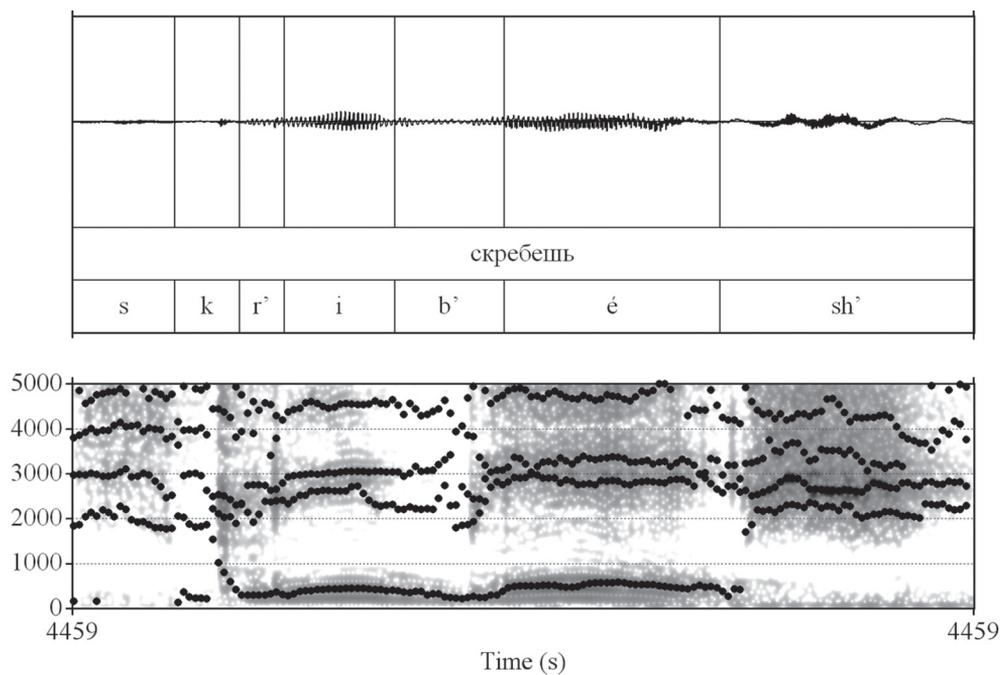

Рисунок 24. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [skr'eb'eu'] – скребешь

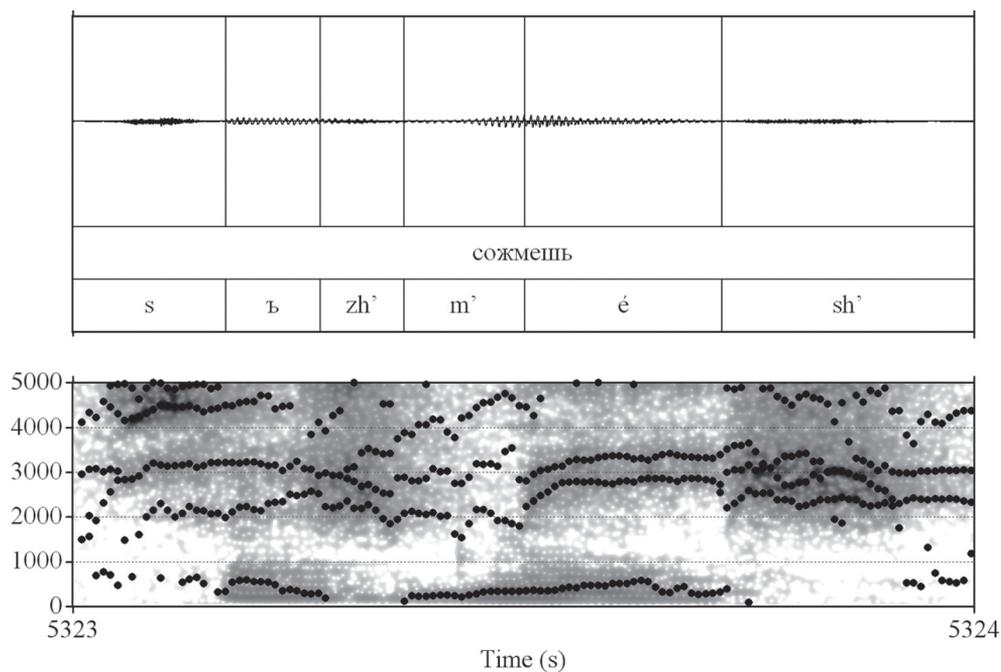

Рисунок 25. Осциллограмма и спектрограмма словоформы [sʲzʲm'eu'] – сожмешь

4. Выводы.

Коартикуляция фонологически мягких губных согласных со следующими за ними гласными переднего ряда [и], [е] отличается от коартикуляции в русском литературном языке: вместо понижения значений F2, характерного для литературного языка, мы наблюдаем повышение этих значений, иногда очень существенное, достигающее до 1000 Гц (от 2000 Гц до 3000 Гц).

Эти отличия позволяют заключить, что губные согласные роговатовского говора фонетически немягкие в позиции перед гласными переднего ряда [и], [е]. Они воспринимаются как немягкие при прослушивании² их изолированно или с примыкающим к ним слева гласным (например, [еб] из словоформы *скребешь*, [уп] из словоформы *купила*, [уб] из словоформы *нарубил* и т.п.). Однако при прослушивании изолированных слогов типа [бе], [пи], [би] или же целых словоформ губные согласные однозначно воспринимаются как мягкие. Такая особенность восприятия, вероятно, связана с тем, что гласные [е] и [и] имеют чрезвычайно высокие значения второй форманты (2800–3000 Гц³, что на 300–400 Гц выше, чем в литературном языке), и это обстоятельство влияет на восприятие предшествующих им согласных: они кажутся мягкими, хотя фактически таковыми не являются.

Проанализировав специфику коартикуляции, мы составили схему соединения согласных с гласными монофтонгами для роговатовского говора (рис. 26) по типу соответствующей схемы, составленной Л. В. Бондарко для литературного языка (см. рис. 1).

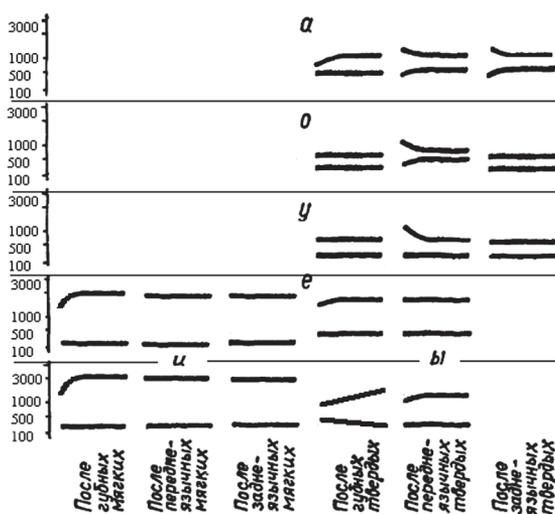

Рисунок 26. Коартикуляционная схема соединения согласных разных мест образования с гласными монофтонгами в роговатовском говоре

² Мы провели небольшой эксперимент, дав прослушать двум носителям литературного языка соответствующие аудиофрагменты сначала в изолированном виде, затем в составе звукосочетаний согласный+ гласный, гласный+согласный и, наконец, в составе словоформы.

³ Впрочем, такой заметный сдвиг гласных в переднюю зону может быть связан также с особенностями артикуляционного аппарата и голосового источника говорящего [Кузнецов 1997: 107].

Литература

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. — М.: Просвещение, 1977. — 175 с.

Бондарко Л. В., Щербакова Л. П. Формантные характеристики русских гласных в потоке речи // Автоматическое распознавание слуховых образов. Материалы Всесоюзн. Школы-семинара (АРСО-10). г. Тбилиси. 19–23 октября 1978 г. «Международный форум». — Тбилиси, 1978. — С. 78–79.

Деркач М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е. Динамические спектры речевых сигналов. — Львов: Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1983. — 168 с.

Исаев И. И. Проблемы фонологического анализа диалектной системы согласных с многоступенчатой фонетической реализацией признака «твёрдость–мягкость» // Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст [тези доповідей міжнародної конференції] / За ред. П. Ю. Гриценка. Ін-т укр. мови НАН України. — Київ, 2014. — С. 194–197.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический проект, 2005. — 320 с.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика: учебник. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 592 с.

Кузнецов В. И. Вокализм связной речи: Экспериментальное исследование на материале русского языка. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 248 с.

Фант Г. Акустическая теория речеобразования. Перевод с англ. Л. А. Варшавского и В. И. Медведева / Под ред. В. С. Григорьева. — М.: Наука, 1964. — 284 с.

Delattre P., Liberman A. M., Cooper F. S. Acoustic loci and transitional cues for consonants // Acoustical Society of America, Vol. 27, №4, July 1955, Pp. 769–773.

Kent R. D., Read Ch. The acoustic analysis of speech. — San Diego, 1992. — P. 311.

Kewley-Port D. Measurement of formant transitions in naturally produced stop consonant-vowel syllables // JASA. 1983, 72. — P. 379–389.

Ищенко О. С. Голосні звуки української мови залежно від темпу мовлення: монографія. — К.: Інститут української мови НАН України, 2012. — 220 с.

PRAAT: Soft for doing phonetics / © P. Boersma, D. Weenink. University of Amsterdam. 2000–2014. <http://www.praat.org>.

Звуковая форма русской речи: Учебное пособие. Составлено на основе учебника Л. В. Бондарко «Фонетика современного русского языка», издательство С.-Петербургского Университета, 1998 г. СПбГУ, 2006 (изд. 2) <http://phonetics.spbu.ru/sites/default/files/res/man/index.html>

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

svet-lan-a@list.ru

COARTICULATION IN THE SOUTH RUSSIAN DIALECT

The phenomenon of coarticulation at the junction of vowels and neighboring consonants were studied.

Co-curative phenomena are compared with co-articulation in Russian literary and English languages.

The article is based on the results of the study of the archaic South Russian dialect of Rogovatoye village, Starooskolsky district, Belgorod region.

Key words: Russian Dialects, phonetics, coarticulation.

References

Bondarko L.V. *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka* [Sound system of modern Russian language]. Moscow: Prosveshhenie Publ, 1977. 175 p.

Bondarko L. V., Shherbakova L. P. [Formant characteristics of Russian vowels in connected speech]. *Avtomaticheskoe raspoznavanie sluhovyh obrazov. Materialy Vsesojuzn. Shkoly-seminara (ARSO-10). g. Tbilisi. 19–23 oktjabrja 1978 g. «Mecniereba»* [Automatic recognition of auditory images. Materials Of The All-Union. School-seminar (ARSO-10). Tbilisi. 19–23 October 1978 «Mecniereba»]. Tbilisi, 1978, pp. 78–79. (In Russ.)

Derkach M. F., Gumeckij R. Ja., Gura B. M., Chaban M. E. *Dinamicheskie spektry rechevyh signalov* [Dynamic spectra of speech signals]. L'vov: Vishha shkola. Izd-vo pri L'vov. un-te, 1983. 168 p.

Isaev I. I. [Problems of phonological analysis of the dialect system of consonants with multi-stage phonetic implementation of the feature «hardness-softness»]. *Dialekti v sinhronii ta diahronii: zagal'noslov'jans'kij kontekst (tezi dopovidej mizhnarodnoï konferencii)* [Dialects in synchrony and diachrony: proceedings of the international conference]. P. Ju. Gricenka (Ed.). In-t ukr. movi NAN Ukraïni. Kiïv, 2014, pp. 194–197. (In Russ.)

Knjazev S. V., Pozharickaja S. K. *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: Fonetika, orfojepija, grafika i orfografija: Uchebnoe posobie dlja vuzov* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and orthography: textbook for universities]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2005. 320 p.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshhaja fonetika: uchebnik* [General phonetics: a textbook]. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t Publ., 2001. 592 p.

Kuznecov V. I. *Vokalizm svjaznoj rechi: Jeksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka* [The vowel connected speech: a Pilot study in the Russian language]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1997. 248 p.

Fant G. *Akustičeskaja teorija rečeobrazovanija* [Acoustic theory of speech production]. Translate by Eng. L. A. Varshavsky and V. I. Medvedev, V. S. Grigor'eva (Ed.), Moscow: Nauka Publ., 1964. 284 p.

Delattre P., Liberman A. M., Cooper F. S. Acoustic loci and transitional cues for consonants. *Acoustical Society of America*. Vol. 27, no. 4, July 1955, pp. 769–773.

Kent R. D., Read Ch. *The acoustic analysis of speech*. San Diego, 1992. P. 311.

Kewley-Port D. Measurement of formant transitions in naturally produced stop consonant-vowel syllables. *JASA*. 1983, 72, pp. 379–389.

Ishhenko O. S. *Golosni zvuki Ukraïns'koï movi zalezžno vid tempu movlennja: monografija* [Vowel sounds of the Ukrainian language, depending on speech rate: the monograph]. K.: Institut Ukraïns'koï movi NAN Ukraïni, 2012. 220 p.

PRAAT: Soft for doings phonetics. © P. Boersma, D. Weenink. University of Amsterdam. 2000–2014. <http://www.praat.org>.

Zvukovaja forma russkoj rechi: Uchebnoe posobie. Sostavleno na osnove uchebnika L. V. Bondarko «Fonetika sovremennogo russkogo jazyka» [The sound form in Russian speech: study guide. Based on the textbook by L. V. Bondarko «Phonetics of modern Russian language». 1998, SPbGU Publ., 2006 (ed. 2). <http://phonetics.spbu.ru/sites/default/files/res/man/index.html>

Д. М. Савинов
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
crillon@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ УДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В статье затрагиваются некоторые типологические аспекты исследования систем ударного вокализма в южнорусских говорах, анализируется и критически оценивается ряд положений, содержащихся в диалектологических работах прошлых лет.

Ключевые слова: диалектология, южнорусское наречие, ударный вокализм.

1. Системное и детальное изучение русских народных говоров, начавшееся в середине XX века, знаменовало собой новый этап развития диалектологии русского языка. Всесторонний анализ материала, в том числе с использованием инструментально-фонетических методов исследования, способствовал не только выявлению новых диалектных особенностей, но и углублению знаний о диалектных фактах, уже описанных в специальной литературе.

Материалы атласа внесли много нового и в понимание ряда явлений ударного вокализма. В частности, данные, собранные в архаических говорах различной локализации, позволили наметить основные типологические особенности вокалических систем с противопоставлением /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Было выяснено, что эти фонемы некрайних ступеней подъема реализуются различными дифтонгами и монофтонгами, артикуляция которых предполагает разнообразные переходы от одного звукотипа к другому. При этом оказалось, что дифтонги могут произноситься не только в соответствии с /ѣ/ и /ѡ/, но и в соответствии с фонемами /е/ и /о/, что впервые обнаружил С. С. Высотский в говоре д. Леки Шатурского р-на Московской обл. [Высотский 1949: 24–31].

С. С. Высотский также обратил внимание на то, что дифференциация фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ поддерживается качеством предшествующего им согласного: перед различными реализациями фонемы /е/ произносятся твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения, перед реализациями /ѣ/ — мягкие согласные; перед аллофонами /о/ — согласные с низкой степенью лабиализации,

перед аллофонами /ω/ — сильно лабиализованные согласные [Высотский 1949: 11–12, 18–19]. Важно отметить, что произношение несмягченных согласных перед аллофонами /e/ было признано «характерной сопутствующей особенностью» архаических говоров с различием /ъ/ и /e/ [Некоторые новые данные 1957: 84], то есть установлен системный характер этого явления.

Специфика диалектных различий в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма применительно к севернорусским и среднерусским говорам была выявлена в известной статье С. С. Высотского [1967: 5–82]. Основные виды локализации подъёмов гласных представлены в указанной работе с некоторой степенью условности: для «упрощения схемы в “трапециде” показываются не дифтонги, а замещающие их просодические вариации — монофтонги, отмеченные в промежуточном уровне подъема» [Высотский 1967: 68–69].

«Обычными» типами семифонемного состава гласных в обследованных говорах С. С. Высотский признает следующие системы. Первая система предполагает симметричность по высоте гласных 2-й и 3-й ступеней подъема: аллофоны фонем /ъ/ и /ω/ локализованы в зоне верхне-среднего подъема, аллофоны фонем /e/ и /o/ — в зоне среднего подъема (**тип I**, по С. С. Высотскому). Для второй системы характерны, с одной стороны, симметричность по высоте гласных 3-й ступени подъема (как в предыдущей системе), с другой — асимметричность гласных 2-й ступени подъема: аллофоны /e/ локализуются в зоне среднего уровня, аллофоны /o/ — в зоне средне-нижнего уровня (**тип II**) [Высотский 1967: 77–78].

Анализ представленного в звучащей хрестоматии [Касаткина (ред.) 1991] корпуса диалектных текстов, отражающих разные группы Северного наречия, несколько уточняет это положение С. С. Высотского. Практически все из отмеченных здесь архаических систем характеризуется несимметричностью по высоте парой [ɔ] и [e] (то есть представляют собой **тип II**). Фонемы /ъ/ и /ω/ могут параллельно реализоваться гласными верхне-среднего подъема [ɛ], [ɔ], однако большее артикуляционное пространство между основными аллофонами /ω/ и /o/ обуславливает возможность появления в соответствии с фонемой /ω/ звука [o], в этом случае асимметричность отношений распространяется на все «некрайние» гласные. Описанные несимметричные типы семифонемного вокализма отмечены в Харовском и Биряковском р-нах Вологодской обл., Мёжевском р-не Костромской обл., Слободском и Свечинском р-нах Кировской обл. [Касаткина (ред.) 1991: 178–180, 193–194; 210–211].

Видимо, подобное соотношение аллофонов /o/ и /e/ характерно и для других архаических севернорусских говоров, однако в большинстве диалектологических работ, включая исследования фонетической тематики, отсутствует целостное описание системы вокализма: их авторы, фиксируя особые реализации фонем верхне-среднего подъема, не обращают внимания на аллофоны /o/ и /e/. Подобный подход снижает достоверность общих фонологических построений авторов, а зачастую приводит к ошибочным выводам относительно устройства вокалической системы в целом. Например, в звучащей хрестоматии «Вятские говоры» утверждается, что говору д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл. «присущ семифонемный

состав гласных». Фонема /ʋ/ перед твердыми согласными реализуется в гласном верхне-среднего подъема [ɛ̞] [Мошкина 1999: 92]. Однако комплексный анализ, проведенный Т. Н. Коробейниковой, показал, что в местном говоре отсутствует противопоставление /ʋ/ и /e/, а различные звукотипы, ранее представлявшие одну из этих фонем, в синхронной системе вокализма стали аллофонами новой “обобщенной” фонемы /e/ [Коробейникова 2015: 310].

Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип [ɔ] на месте /o/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем, что, по всей видимости, обусловлено особенностями исторического развития (подробнее см. [Савинов 2013: 182–183]); однако гласный средне-нижнего подъема [ɛ̞] в соответствии с фонемой /e/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма <...> обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма» [Высотский 1967: 79]. Такое широкое распространение систем с несимметричным уровнем подъема гласных на месте фонем /e/ и /o/, возможно, обусловлено следующей особенностью: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий» [Мартине 1960: 132].

2. Описанное выше соотношение гласных /e/ и /o/ при наличии различия под ударением четырех уровней подъема представлено и в южнорусских говорах: так, семифонемные системы вокализма с несимметричной по высоте парой [ɛ̞] и [ɔ] отмечены в говорах Воронежской, Белгородской, Калужской, Липецкой, Тамбовской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 45, 113, 126, 165; Фомина 1980: 6–7]. В этих системах фонемы /ʋ/ и /ω/ реализуются либо восходящими дифтонгами [и̞ε̞] и [у̞о̞], либо монофтонгами, симметричными по степени подъема [ɔ̞] и [ɛ̞]: *л[и̞ε̞]т, п[и̞ε̞]сни, хорош[у̞о̞], раб[у̞о̞]тали, сол[ɔ̞]ма, на лоша́д[’ε̞]*. Передним коррелятом гласного средне-нижнего подъема [ɔ̞], реализующего фонему /o/, здесь выступает гласный [ɛ̞], реализующий фонему /e/: *у коз[’ɔ̞], д[ɔ̞]м, к[’ɔ̞]ечек, бер[’ε̞]шь, нес[’ε̞]шь, кв[’ε̞]рху*. На месте этих гласных иногда встречаются нисходящие дифтонги [ε̞и̞], [о̞у̞]: *ат[’ε̞и̞], што̞у̞*. Подобная система представлена, например, в говорах д. Поповка Староюрьевского р-на Тамбовской обл. и д. Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 113, 165].

Следует отметить, что в указанных диалектных системах этот тип семифонемного вокализма проведен непоследовательно. Например, в говоре Афанасьевки довольно часто произносятся гласные [ɛ̞] и [ɔ̞], близкие по звучанию соответствующим звукам литературного языка, как в соответствии с фонемами верхне-среднего, так и в соответствии с фонемами среднего подъемов: *жел[’ε̞]зо, тоб[’ε̞], нед[’ε̞]ля, враг[’о̞]в, разговор[’о̞]р, мясн[’о̞]го, кон[’ε̞]чно, вез[’ε̞]м, бер[’ε̞]м, пол[’о̞]пались, порт[’о̞]к, как[’о̞]й* и т.д. [Касаткина, Щигель 1995: 297]. Эта особенность свидетельствует о развивающемся процессе нейтрализации фонем /ʋ/ и /e/, /ω/ и /o/.

Можно предположить, что прежде описанный тип семифонемного вокализма был широко распространен во многих других архаических южнорусских системах, в частности — на территории липецко-воронежского ареала, в бывших Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии. По данным В. И. Тростянского, в начале XX века в местных говорах дифтонгическое произношение /ѣ/ и /ѡ/ прослеживалось как определенный закон и четко противопоставляло эти гласные недифтонгическим реализациям фонем /е/ и /о/: *хлѣп*¹, *дѣла*, *вяслѣд*, *вяснѣд*, но *тѡть*, *нѡчь*, *ѣчмень*, *ѣвѣсь* и др. [Тростянский 1916: 7–11]. Однако уже в 1920-е годы Н. П. Гринкова фиксировала здесь лишь единичные случаи дифтонгизации, sporadически встречавшиеся в речи отдельных информантов на месте /ѣ/, /ѡ/ и /о/: *лѣс*, *кѣсы*, *пѡускон*², *тѡу же* [Гринкова 1929: 89–90].

Позднее, в начале 1950-х годов, З. В. Жуковская обнаружила в говорах соседнего Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. пятифонемную систему вокализма, где в качестве факультативных вариантов фонемы /о/ выступали дифтонги [уѡ], [ѡу] и монофтонг [ѡ]². Эти звуки «употребляются только носителями традиционного говора, причем они не всегда верно отражают первоначальные этимологические условия их существования»: в соответствии с *о и *ь: *тѡук*, *кѡусы*, *рѡуш*; *тѡк*, *кѡсы*, *рѡш*; *тѡдк*, *нѡу*³; в соответствии с *ѡ: *нѡужык*, *кѡужын*, *на слѡум*; *нѡш*, *карѡва*, *на слѡм*; *нѡужык*, *слѡм*. Наличие в говоре дифтонгических образований [уѡ], [ѡу], а также отсутствие отступлений от архаического типа диссимилятивного яканья, по мнению автора, указывают «на сравнительно недавнюю утрату различия между о и ѡ» [Жуковская 1954: 65–71].

Приблизительно тогда же Ю. Т. Листрова отметила в говоре села Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл. «остатки старых, некогда присущих говору фонем ѡ и ѣ: *варѡна*, *сарѡка*, *кѡт*, *ун'ѣзды*, *с'н'ѣх*, *с'ѣнь*, *с'ѣръя*, *т'ал'ѣга*, *п'ѣл'и* (дифтонги в соответствии с ѡ и ѣ не зафиксированы). По данным Ю. Т. Листровой, подобная система характерна для сел Манино и Воробьёвка того же района (в Воробьёвке «было отмечено даже дифтонгическое произношение е в слове *п'ѣл'и*») [Листрова 1953: 48, 60, 64].

Е. И. Кирсанова, обследовавшая говор села Долгуша Долгоруковского р-на Липецкой обл.³, сообщила «о наличии там, “помимо Е, Е закрытого, причем в отличии от показаний В. И. Тростянского не нашла в употреблении этого звука определенной регулярности”» [Котков 1951: 117].

3. Приведенные выше материалы вызывают некоторые сомнения. Прежде всего, непонятно, почему ни Н. П. Гринкова, ни З. В. Жуковская, ни Ю. Т. Листрова, ни Е. И. Кирсанова не упоминают о существовании в исследуемых диалектных системах особого звукотипа средне-нижнего подъема [ѡ]. Наличие этого гласного

¹ Здесь и далее сохраняется транскрипция источников.

² Случаев «употребления ѣ (*иѣ*) на месте старого ѣ» в местном говоре не отмечено [Жуковская 1954: 88].

³ По старому административному делению сѣла, упоминаемые Ю. Т. Листровой и Е. И. Кирсановой, относились к Задонскому и Землянскому уездам Воронежской губ.

в говорах воронежско-липецкого ареала подтверждается материалами Т. Г. Фоминой [1980: 6–7], Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель [1995: 300–301], С. В. Дьяченко (устное сообщение), а также материалами фонотеки отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: этот монофтонг отмечен в селах Кондрашовка, Стадница, Перлёвка Семилукского р-на Воронежской обл., Отскочное и Верхняя Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл.

Очевидно, что звукотип [ɔ] не был выявлен и интерпретирован как значимая структурная единица в описанных выше диалектологических работах потому, что качество звуков речи, подвергавшихся затем фонологической интерпретации, определялось этими исследователями только на основании слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки слуховых образов с помощью инструментального анализа. Это не позволило выявить в архаических южнорусских говорах ряд других важных черт, присущих семифонемным системам вокализма: пониженного образования аллофонов фонемы /у/ и упрежденного образования аллофонов /а/, что также значимо как с точки зрения синхронического, так и с точки зрения диахронического изучения диалектных систем, подробнее см. [Савинов 2013: 168, 172, 187–188]. Необходимо также иметь в виду, что носителями литературного языка произношение [ɔ] не воспринимается как яркая диалектная черта: этот гласный «идентифицируется с [о] в отличие от [ɒ], воспринимаемого преимущественно как [у]» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 24].

Кроме того, в некоторых из процитированных работ утверждается, что в соответствующих диалектных системах в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ѡ/ характерно исключительное употребление монофтонгов верхне-среднего подъема [ɛ] и [ɔ]. Так, Ю. Т. Листрова пишет, что в говоре Отскочного «дифтонгическое произношение *о* мы не зафиксировали» и «дифтонг [иѣ] на месте б. ѣ не произносится» [Листрова 1953: 60, 64]. Звуковой диалектный материал, собранный в этом населенном пункте в 1963 г. Н. Н. Пшеничной, опровергает это категорическое утверждение: в магнитофонных записях из Отскочного довольно часто фиксируются дифтонги и более сложные звуковые комплексы в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ѡ/, см. формы *за ст[уѣ]л*, *д[’иѣ]вкиной*, представленные на рис. 1 и 2. Указание на бытование в говоре с семью гласными фонемами (или со следами их бывшего различия) «пар дифтонгов *уѡ*, *иѣ* и пар монофтонгов *ɔ*, *ɛ* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-то ограниченной комбинации» [Высотский 1967: 15].

Особо следует остановиться на утверждении З. В. Жуковской о том, что в западных воронежских говорах, характеризующихся пятифонемным составом вокализма со следами различия /ѡ/ и /о/, на месте /ѣ/ совершенно отсутствуют дифтонгические образования (так же как и монофтонг верхне-среднего подъема [ɛ]). По ее словам, эти «наблюдения подтверждаются материалами экспедиции в соседние с Нижнедевицким районы Воронежской обл. — в 30 пунктах записано всего 3 случая с *ѣ* на месте *ѣ*» [Жуковская 1954: 66, 87].

Описанная З. В. Жуковской частная система вокализма выглядит нереальной с точки зрения общих фонетических закономерностей, широко представленных

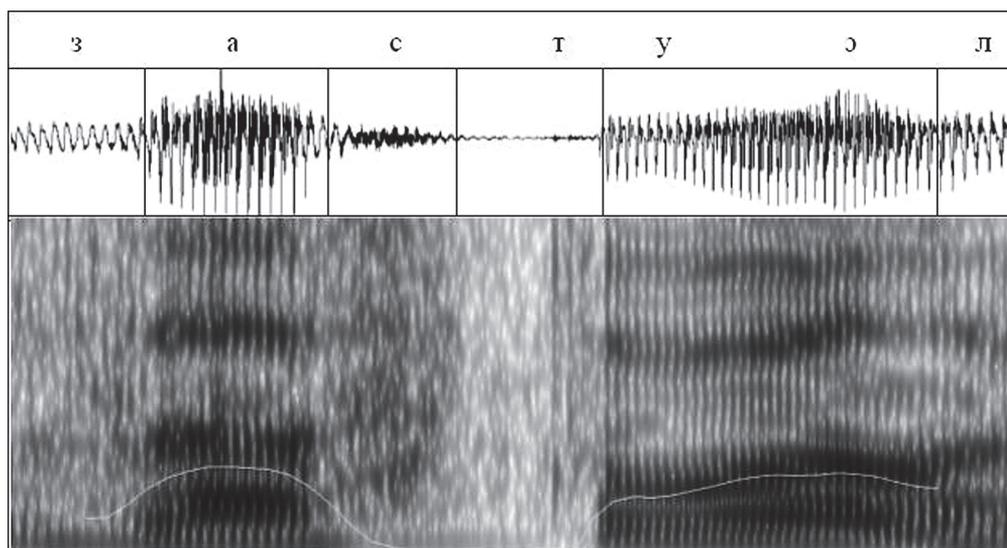

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы за ст[уд]л
(с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

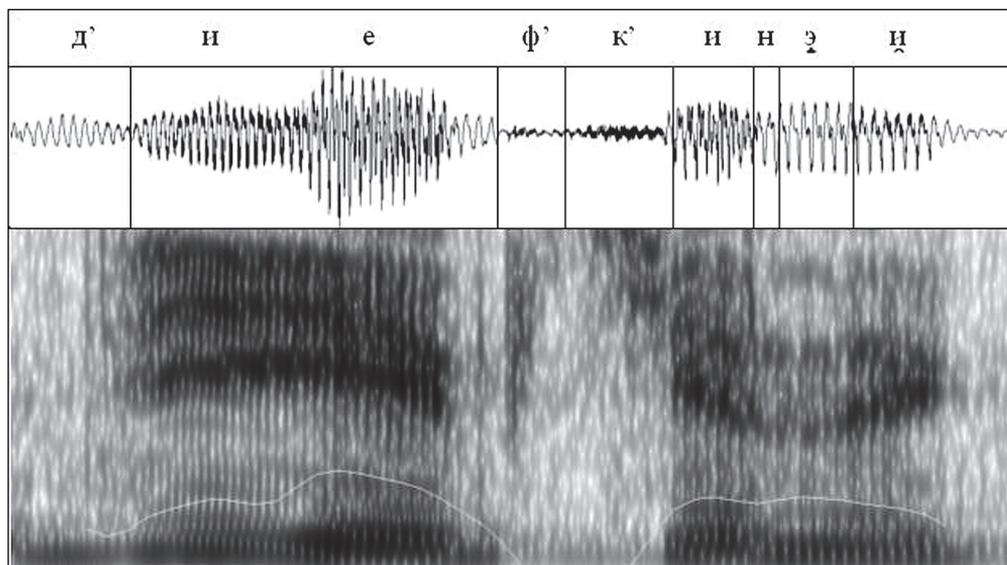

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы д[н]и'е'ф'к'ннэ'ц'
(с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

как в других южнорусских говорах, так и в русском литературном языке. Во-первых, процесс нейтрализации /ʎ/ и /e/ обычно развивается за счет распространения на месте обеих фонем неоднородных гласных типа [и̯е̯] и [ʎ̯е̯]. Подобная ситуация отмечена, например, в близкородственных говорах Кондрашовки и Стадницы, где фонемы /ʎ/ и /e/ чаще всего бывают представлены дифтонгами и дифтонгоидами с большей или меньшей степенью закрытости начального элемента гласного [Фомина 1982: 147]. Отсутствие дифтонгических образований при пятифонемном вокализме отмечено на южнорусской территории «лишь в говорах Курской обл., непосредственно соседящих с говорами украинского языка, для которых ровное начало *о*, *е* типично» [Высотский 1967: 24].

Во-вторых, дифтонгоидность реализаций /e/ типична и для русского литературного произношения, причем «этот признак считается характерным и относительно доступным для восприятия простым слухом при заострении внимания к оценке качества гласных» [Высотский 1967: 22]. Наконец, дифтонгические реализации /ʎ/ и сегодня широко распространены на территориях, непосредственно граничащих с Нижнедевицким р-ном: в с. Истóбное Репьёвского р-на Воронежской обл., в с. Роговато́е Старооскольского р-на Белгородской обл.⁴, о чем свидетельствуют материалы последних экспедиций. См. рис. 3 и 4, на которых представлены формы *челов[ʎ̯и̯е̯]к* и *д[ʎ̯и̯е̯]вки*, записанные в этих диалектных системах.

Наконец, в исследовании З.В. Жуковской содержится еще одно сомнительное утверждение: по ее данным, фонема /ω/ в нижнедевицких говорах может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [ʎ̯о̯], но и нисходящими дифтонгами типа [о̯ʎ̯]: *но̯ужык*, *ко̯ужын*, *ско̯ул*’, *по̯ут* (‘часть печи’), *т’о̯утка* [Жуковская 1954: 65].

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /ω/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдениям З.В. Жуковской: эта фонема всегда представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полифтонгами) с восходящей силой звука. Пик интенсивности этих дифтонгических образований никогда не соприкасается с их абсолютной границей, однако последняя фаза гласного произносится со значительно ослабленной артикуляцией и обычно образуется на том же или более низком уровне подъема, что и его слоговая часть. Изредка в позиции ауслота возможно некоторое повышение подъема гласного в рекурсии, однако оно незначительно и практически не воспринимается на слух.

Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно у губных и заднеязычных согласных: *к̆о̆ут*, но *к̆зы*, *раб̆о̆ты*, но *б̆х* и т.д. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [ʎ̯о̯] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. Описанная ситуация характерна, например, для говора с. Солдатское Старооскольского р-на

⁴ До 1928 года это село входило в Нижнедевицкий уезд Воронежской губ., до 1954 года — в Шаталовский р-н Воронежской обл.

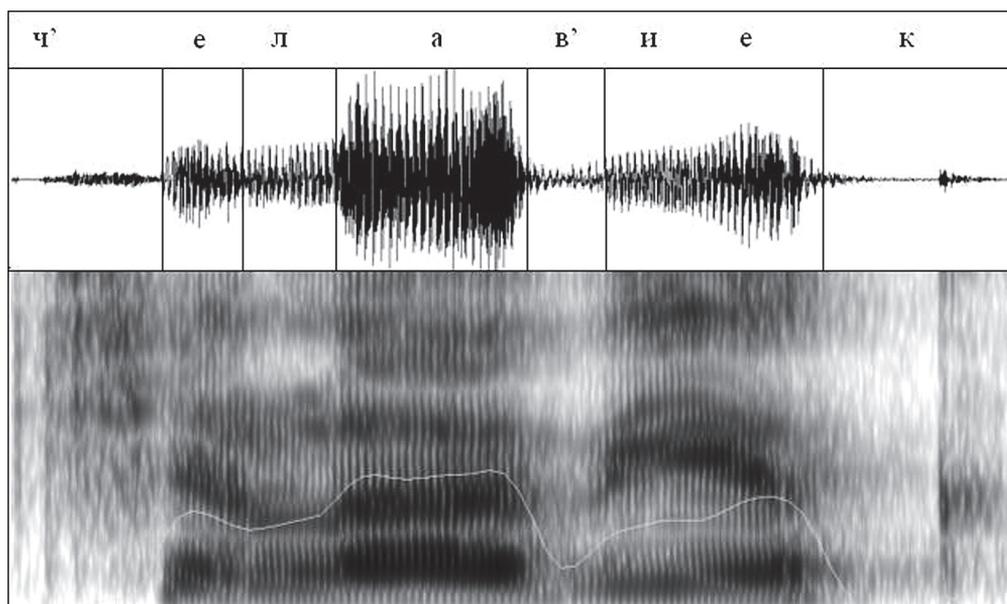

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *челов[^чи́е]к* (с. Истобное Репьёвского р-на Воронежской обл.)

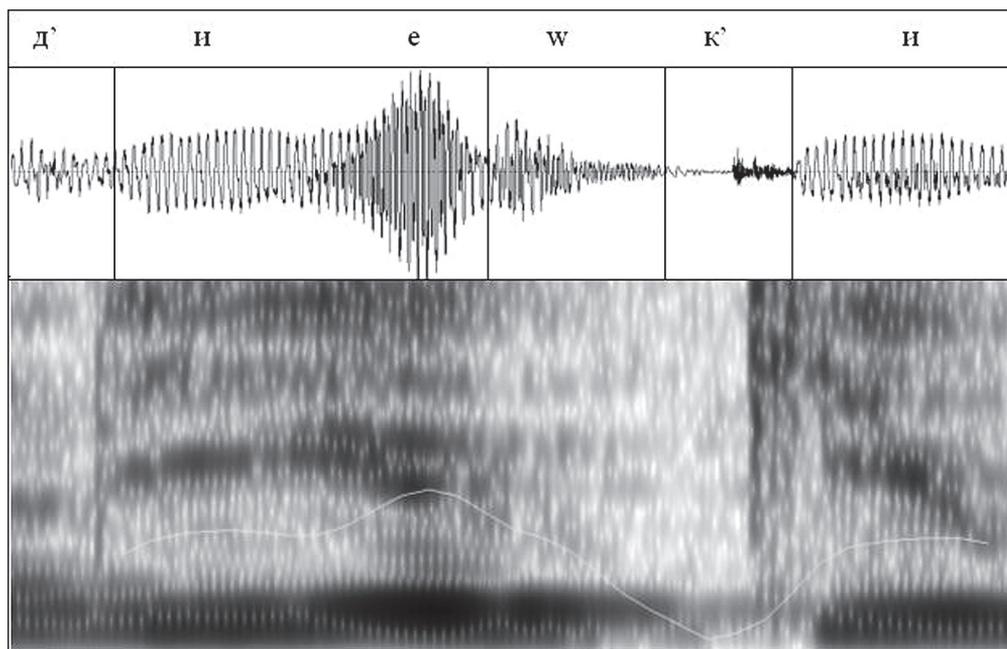

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *д[^ди́е]вки* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

Белгородской обл., где перед гласным [o], реализующим в большинстве случаев фонему /ω/, произносится сильно лабиализованный согласный, что создает на перцептивном уровне отсутствие контраста между этим монофтонгом и дифтонгическими образованиями типа [y̞o] на месте /ω/, но противопоставляет эти гласные аллофонам фонемы /o/.

Очевидно, что говоры, для которых характерен дифтонгический переход между гласным и согласным типа $C^o\hat{y}o$, представляют собой более архаичные системы по сравнению с теми, в которых дифтонгический переход выражен слабее, а тембровая окраска первых фаз гласного создается исключительно за счет сильной лабиализации предшествующего согласного: C^oo ; это же верно и относительно пары $C'ie$ и $C'e$. Очевидно, что изменение $C^o\hat{y}o \rightarrow C^oo$ и $C'ie \rightarrow C'e$ демонстрирует переход от силлабем, то есть нерасчлененных сочетаний согласного с последующим гласным, к отдельным фонологическим единицам, составляющим слог, где определяющую роль играют консонантные элементы. Как известно, силлабемы представляют переходное состояние фонетической системы от вокалической к консонантной [Аванесов 1974: 243–251].

4. Однако в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов, а сами архаические системы ударного вокализма обычно «встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая фонемы отсутствуют» [Высотский 1967: 14].

Инструментально-фонетическое исследование двух архаических говоров воронежско-липецкого ареала, проведенное Т. Г. Фоминой, свидетельствует о «взаимном смешении» в местных вокалических системах акустических вариантов, представляющих фонемы верхне-среднего и среднего подъемов. В результате комплексного анализа распределения гласных на месте соответствующих фонем Т. Г. Фомина пришла к следующему выводу: «В современном вокализме говора наблюдается процесс нейтрализации <ρ> и <q>, <ϕ> и <ϕ>, о чем свидетельствует появление неэтимологических звукотипов средневерхнего, среднего и средненижнего подъема <...>. Употребление этих акустических вариантов не носит четкой обусловленности каким-либо фонетическим или лексико-морфологическим фактором: в одном и том же слове в равных фонетических условиях могут появляться гласные как средневерхнего, так и средненижнего подъемов» [Фомина 1982: 149]. Многочисленные случаи нейтрализации фонологических оппозиций /ʋ/ и /e/, /ω/ и /o/ на указанной территории зафиксированы звучащей хрестоматией «Южнорусское наречие» [Касаткина (ред.) 1999: 124–126].

Таким образом, в настоящее время архаические диалектные системы липецко-воронежского ареала должны квалифицироваться как пятифонемные, содержащие лишь следы противопоставления этимологических фонем верхне-среднего и среднего подъемов. Этот вывод подтверждается, в частности, материалами

аудиторского анализа: современные диалектоносители, живущие в Кондрашовке и Стаднице, практически не различают на слух звукотипы «с макс. F₁–400, 500, 640 Гц (при слабом выделении гласного средне-нижнего подъема)», то есть [ɔ] [Фомина 1982: 145–146].

Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем, в сильных (чаще — в «гиперсильных») фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения семифонемной системы вокализма: произношение на месте этимологических фонем /ъ/ и /ω/ «полноценных» дифтонгов [йѐ] и [уѐ]. Подобная особенность характерна, например, для курских говоров: по материалам Н. А. Волковой, «дифтонгический след» этимологических фонем верхне-среднего подъема «встречается по всей Курской области довольно часто в широкоупотребительной бытовой лексике <...> преимущественно при эмфатическом произношении»: *рабуѐтал'и, хѐрашуѐ, т'ижаљуѐ, н'иѐту, л'иѐтам, хл'иѐбѐ* и др. [Волкова 2003: 61–67]. В качестве конкретного примера можно привести говор с. Анненково Фатѐжского р-на Курской обл., который характеризуется пятифонемной системой вокализма. Однако при эмфазе, а также удлинении гласного на месте /ъ/ и /ω/ под ударением встречаются дифтонги: *хѐладнѐѐ, вѐѐт, с'м'иѐху* [Касаткина (ред.) 1999: 66].

Литература

- Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. 288 с.
- Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980. 112 с.
- Волкова Н. А. Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003. 180 с.
- Высотский С. С. О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 3–71.
- Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.
- Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. по рус. языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 1. Л., 1929. С. 76–116.
- Жуковская З. В. Говоры западной части Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 393 с.
- Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.
- Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991. 245 с.
- Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. [Ч. 2]. Южнорусское наречие / под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999. 208 с.

Коробейникова Т.Н. Эволюция системы ударного вокализма в свете синхронных данных (на материале кайского говора Верхнекамского района Кировской области). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 389 с.

Котков С.И. Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та . Т. V. Кафедра русского языка, вып. 2. Орел, 1951. С. 58–124.

Листрова Ю.Т. Говор села Отскочного, Дмитрияшевского района, Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953. 261 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. 262 с.

Мошкина Е.Н. Вятские говоры. Звучащая хрестоматия [Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Вятка — Бохум, 1999. 110 с.

Некоторые новые данные 1957 — [Без автора] Некоторые новые данные о русских народных говорах (По материалам диалектологических атласов) // ВЯ. 1957. № 5. С. 82–91.

Савинов Д.М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 378 с.

Тростянский В.И. К изучению местных говоров в Воронежской губернии [Сб. ОРЯС. Т. 95, № 2]. Пг., 1916. 28 с.

Фомина Т.Г. Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа. Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов. 1980. 18 с.

Фомина Т.Г. К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию / науч. ред. В.И. Собиенникова. Воронеж, 1982. С. 142–149.

Dmitry M. Savinov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
(Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru*

ON THE PROBLEM OF STUDY OF THE STRESSED VOWEL SYSTEMS IN SOUTHERN RUSSIAN DIALECTS

The article touches on some typological aspects of the research on the stressed vowel system in Southern Russian dialects. It analyses and reviews a number of provisions contained in dialectological works of previous years.

Key words: Dialectology, Southern Russian dialects, stressed vowel systems.

References

Avanesov R.I. *Oчерки russkoi dialektologii* [Outlines of Russian Dialectology]. Vol. 1. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.

Al'mukhamedova Z.M., Kul'sharipova R.E. *Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh* [Vowel reduction and word prosody in the Russian dialects with okaye]. Kazan: Kazan State Univ., 1980. 112 p.

Fomina T.G. *Vokalizm akayushchego govora s arkhaischskim dissimilyativnym yakan'em zadonskogo tipa (po eksperimental'nym dannym)*. Avtoref. kand. diss. [Vowels of a dialect with okaye with archaic dissimilative okaye of Zadonsk type (based on experimental data). Author's abstract of the kand. diss.] Saratov: Saratov State Univ., 1980. 18 p.

Fomina T.G. [On the quality of the vowel phonemes <e>, <o> in one South Russian dialect (based on experimental data)]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu* [Materials on Russian-Slavic linguistics]. Sobinnikova V.I. (ed.). Voronezh: Voronezh Univ., 1982. Pp. 142–149. (In Russ.)

Grinkova N.P. [Essays on Russian Dialectology. V. About some dialects of the former Zadonsk and Zeml'ansk districts of Voronezh region]. *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti* [News in (Report on the Russian language and literature)]. 1929. Vol. II. Part. 1. L., 1929. Pp. 76–116. (In Russ.)

Kasatkina R.F., Shchigel' E.V. [Assimilative and dissimilative okaye]. *Problemy fonetiki* [Issues in phonetics]. Vol. II. Moscow, 1995, pp. 295–309. (In Russ.)

Kasatkina R.F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 1: Severnorusskie govory* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part I: Northern Russian dialects]. Moscow; Bohum, 1991. 245 p.

Kasatkina R.F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 2: Yuzhnorusskoe narechie* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part 2: Southern Russian dialects]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 208 p.

Korobejnikova T.N. *Evoljutsiya sistemy udarnogo vokalizma v svete sinkhronnykh dannyx (na materiale kaiskogo govora Verkhnekamskogo raiona Kirovskoi oblasti)* [The evolution of the stressed vowel system from a synchronic perspective (in a Kaj dialect, Kirov Region, North-East of European Russia)]. Kand. diss. [Cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2015. 389 p.

Kotkov S.I. [The vowel systems in dialects of Orel region]. *Uchenye zapiski Orlovskogo pedagogicheskogo instituta*. Vol. V, edition 2. Orel, 1951, pp. 58–124. (In Russ.)

Listrova Iu.T. *Govor sela Otskochno, Dmitryashevskogo raiona, Voronezhskoi oblasti* [The dialect of the village Otskochnoe of Dmitriashevskii district of Voronezh region]. Voronezh: Voronezh State Univ., 1953. 261 p.

Martinet A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in phonetic changes]. Moscow: Izd-vo Inostranoi Literaturnoi Publ., 1960.

Moshkina E.N. *Vyatskie govory. Zvuchashchaya khrestomatiya* [Dialects of Vyatka region. Sounding anthology]. Moscow; Bohum, 1999. 110 p.

Savinov D.M. *Evoljutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh*. Dokt. diss. [The evolution of vowel systems in South Russian dialects. Doct. diss.] Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2013. 378 p.

Trostyanskii V.I. *K izucheniyu mestnykh govorov v Voronezhskoi gubernii* [On the study of local dialects in Voronezh region]. Petrograd, 1916. 28 p.

Volkova N. A. *Fonetika govorov Posem'ia. Istoriia i sovremennoe sostoianie* [Phonetics of the dialects of Posem'je {Kursk region}. History and current status]. Cherepovec, 2003. 180 p.

Vysotskii S. S. [About the dialect of Leka village (Based on the materials of the expedition of 1945)]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Material and studies on Russian dialectology]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949. Pp. 3–71. (In Russ.)

Vysotskii S. S. [Determination of vowel phonemes inventory in connection with sound quality in Northern Russian dialects]. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* [Essays on the phonetics of Northern Russian dialects]. Moscow: Nauka Publ., 1967. Pp. 5–82. (In Russ.)

Zhukovskaya Z. V. *Govory zapadnoi chasti Voronezhskoi oblasti*. Kand. diss. [The dialects of the western part of Voronezh region. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics Publ., 1954. 393 p.

[Up-to-date information on Russian folk dialects (based on materials contained in dialect atlases)] // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1957, no. 5. Pp. 82–91.

А. В. Тер-Аванесова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
teravan@mail.ru

**О ДИАЛЕКТНОМ РАЗЛИЧИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДВУХ ФОНЕМ
«ТИПА О»: ФОРМЫ Р. МН. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ -А/ЈА-ОСНОВ
С ПОДВИЖНЫМ УДАРЕНИЕМ***

Материалы по говорам с различием двух фонем «типа о», распределенных в соответствии с «великорусским принципом» [Зализняк 1985 (2010)], показывают, что для говоров разных территорий характерны различные типы огласовки корней, содержащих *о и другие гласные среднего подъема, в словоформах Р. п. мн. числа существительных а/ја-склонения. Преобладание того или иного типа огласовок показывает, что принципы выстраивания новой системы с противопоставлением форм ед. и мн. числа по месту ударения были различными в разных частях великорусской территории. Границы распространения огласовок того или иного типа на территории южнорусских говоров соотносятся с засечными линиями XIV–XVII вв.

Ключевые слова: русские говоры, лингвистическая география, акцентуация, тональные акценты, вокализм, морфология.

Работа посвящена диалектным различиям в распределении двух фонем «типа о»: корневым огласовкам словоформ Р.мн. а/ја-основ с подвижным ударением в том виде, как они представлены в современных русских говорах. Появление этих диалектных различий, очевидно, достаточно позднее: в части случаев инновации в распределении двух фонем «типа о» можно связывать с формированием акцентного противопоставления форм ед. и мн. числа у а/ја-основ, в других случаях — с унификацией фонемного состава морфем, «морфологизацией» огласовок корня в Р.мн., обобщением огласовок корня под влиянием диминутивов и некоторыми другими аналогическими преобразованиями; эти более общие и более частные группы примеров рассматриваются в работе. Рассматриваемые диалектные различия сформировали ареалы говоров значительного размера, причем границы этих

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант 17-04-00485а «Текстовые базы данных по русским народным говорам».

ареалов на территории южнорусского наречия, по-видимому, совпадают с засечными линиями XIV–XVII вв.

В работе использованы только данные говоров с «великорусским» принципом распределения двух фонем «типа о» (Зализняк 1985(2010): 173–179): фонема /о/ (так называемое «о открытое») выступает в этих говорах на месте *о в формах-энклиноменах, *ь, в определенных случаях — также *е, *ь; фонема /ѵ/ (так называемое «о закрытое») — на месте *о в оротонических словоформах¹. Данные русских говоров с другими принципами распределения фонем «типа о» [Николаев 2015: 110–123] здесь не рассматриваются.

Говоры, в которых две фонемы «типа о» распределены в соответствии с великорусским принципом, встречаются фактически на всей территории Европейской части России, однако западнорусские говоры такого типа сегодня — большая редкость, а в Псковской, Смоленской, Ленинградской и Архангельской областях они вообще не зафиксированы. Подавляющее большинство их сосредоточено на восточнорусской территории. Представление об их современном распространении дает карта ДАРЯ I № 42. В XIV–XVII вв. такие говоры были распространены шире, в том числе достаточно широко — и на западнорусской территории, см. карту 2 в (Зализняк 1985(2010): 239). То, что эти говоры практически не зафиксированы собирателями на западе Европейской части России, может быть связано с характером фонетической реализации этих фонем (относительной трудностью восприятия этого различия на слух, см. ниже раздел 2).

1. В работе использован следующий материал (говоры перечислены с севера на юг). (1) Севернорусские говоры. Западные вологодские говоры: 1) говор дд. *Арзубиха* и *Злѵбиха* (*Пѳерекс*) Слободского с/с Харовского р-на Вологодской обл.; записи О. В. Беловой и А. В. Тер-Аванесовой в 2002–2003 гг., информанты Нина Васильевна Клешнина 1935 г. р. (Арзубиха) и Зинаида Николаевна Егорова 1941 г. р. (Злѵбиха, род. в д. *Полѵтиха*) [Тер-Аванесова 2008]; 2) говоры дд. *Панькѵво* и *Ихалица*, в 50 км друг от друга, бывш. Тотемского у. Вологодской губ., материал записан Олафом Брокком в 1902 г. [Брок 1907]; Паньково находится в 106 км по прямой к югу от Арзубихи, Ихалица — в 102 км к юго-востоку от Арзубихи.

(2) Среднерусские говоры. 1) Говор с. *Пустошѵ* Шатурского р-на Московской обл., бывш. Ягодинской вол. Судогодского у. Владимирской губ., «муромско-рязанский» говор с неполным оканьем (обследован Д. В. Бубрихом в 1912 г. [Бубрих 1914]); приведенный ниже материал записан А. В. Тер-Аванесовой в 1992 и 2000–2006 гг., информанты Клавдия Григорьевна Бобкова 1933 г. р., Клавдия Васильевна Швецова (1924–2007) [Тер-Аванесова 2005]. 2) Говоры *Ялмоти* (Тихановская волость бывш.

¹ Данная формулировка великорусского принципа распределения двух фонем «типа о», как и наименование этого принципа, принадлежит А. А. Зализняку (1985: 173). А. А. Шахматов и Л. Л. Васильев, впервые установившие правило появления двух о на месте праслав. *о, сформулировали его в терминах классической акцентологии: /ѵ/ < *о под праслав. восходящим ударением (старым и новым акутом), /о/ < *о под праслав. нисходящим ударением (циркумфлексом) [Шахматов 1914; Васильев 1929]. В такой формулировке оно обычно приводится в учебниках по русской диалектологии и исторической грамматике русского языка. О фонетической интерпретации праславянских тональных акцентов и условности их обозначений см. [Дыбо 2000: 17–20].

Егорьевского у. Рязанской губ., ныне Шатурский р-н Московской обл., в 40–50 км к югу от Пустошей): д. *Якушевичи*, материал записан А. В. Тер-Аванесовой в 2011 г., информант Мария Андреевна Кувицына 1922 г. р.; д. *Лёка*, в 8 км к югу от Якушевичей, запись А. А. Шахматова [Шахматов 1913]; 3) д. *Ягодина* бывш. Судогодского у., ныне Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл., около 40 км к востоку от Пустошей; запись А. В. Тер-Аванесовой 2010 г. Говоры Ялмоти и д. Ягодины — акающие, с [г] взрывным, яркими рязанскими особенностями в морфологии.

(3) Южнорусские говоры. 1) Севернорязанский говор с. *Новосёлки* Рыбновского р-на Рязанской обл., примерно в 80 км к югу от Ялмоти; запись Ф. М. Тоньшина [Тоньшин 1912; Васильев 1929], в 2006 г. сделаны записи М. Н. Толстой и А. В. Тер-Аванесовой. 2) Говоры вблизи Большой засечной черты (восток). Говоры на водоразделе бассейнов Дона и Оки (Михайлово поле, продолжение на восток Куликова поля): с. *Липяги* Милославского р-на Рязанской обл., запись А. В. Тер-Аванесовой и Т. С. Баклашевой 2016 г., информант Мария Федоровна Троицкая 1928 г. р.; д. *Боршево* в 8 км от Липягов, запись Д. М. Савинова [Савинов 2013] (говоры Новоселок, Липягов и Боршево — с новосёлковским яканьем и недиссимилиятивным(?) аканьем); от Новоселок до Липягов около 300 км. 3) Говоры вблизи Большой засечной черты (запад): говоры водораздела Оки и Жиздры: д. *Нёхочи* Хвастовичского р-на Калужской обл., запись И. С. Пекуновой, М. Н. Толстой, А. В. Тер-Аванесовой 2013 г.; д. Зайцево Белевского р-на Тульской обл. [Савинов 2013], дд. Кирейково и Верхняя Передель Ульяновского р-на Калужской обл. [Клейменова 1956; Савинов 2013]. 3) Говоры в верховьях Дона: «*задонский*», записан В. И. Тростянским (1916), с архаическим яканьем и недиссимилиятивным аканьем; говор д. *Гнилуша* Задонского р-на Липецкой обл. по записям О. Е. Кармаковой и И. И. Исаева 2007 г. (ниже помечены *Гн.*), от Гнилуши до Липягов около 150 км; говор в среднем течении р. Воронеж: с. *Малинино* Хлевенского р-на Липецкой обл., в 25 км на юго-восток от д. Гнилуша, говор с новосёлковским яканьем и «жиздринским» (?) аканьем, записан Ф. А. Балабиным и А. В. Тер-Аванесовой в 2010 г. 5) Говор вблизи Белгородской засеки: с. *Роговатое* (*Роговатка*) Старооскольского р-на Белгородской обл., ранее Нижнедевицкого р-на Воронежской обл., около 150 км на юго-запад от Малинина; материал записан в 2010–2015 гг. И. А. Букринской, С. В. Дьяченко, И. И. Исаевым, О. Е. Кармаковой, А. В. Малышевой, А. В. Тер-Аванесовой; архаическое аканье и яканье; информанты по ударению *a*-основ — Дарья Ильинична Рожкова (1926–2014) и Анна Ивановна Фомина (1949 г. р.).

2. В говорах с «великорусским» принципом распределения две фонемы «типа *o*» различаются очень отчетливо; фонема /*o*/ («*o* открытое») представлена звуками с ровным началом: монофтонгами среднего или средне-нижнего подъема, иногда также дифтонгоидами типа [oʏ]; фонема /*ɔ*/ («*o* закрытое») — дифтонгами типа [yo] или дифтонгоидами типа [ʏo]. Подобным образом противопоставлены в этих говорах и две фонемы «типа *e*»: фонема /*e*/ < **e*, **ь* («*e* открытое») представлена гласными с ровным началом, т. е. монофтонгами среднего или верхне-среднего подъема или дифтонгоидами типа [eʏ], фонема /*ɛ*/ < **ě* («*e* закрытое») — представлена дифтонгами и дифтонгоидами типа [ie].

Между говорами есть различия в реализации фонем области среднего подъема, определяемые, видимо, общими свойствами вокализма говоров, такими как максимальный раствор полости рта. Так, восточные среднерусские говоры типа Пустошей и Леки, восточные южнорусские типа Новоселок, Малинина, Роговатки, Истобного характеризуются широким раствором [а], [о] и выраженной дифтонгичностью реализаций фонем /ô/ и /ê/: начальная фаза верхнего подъема (вместе с переходным коартикуляционным участком) может составлять до 2/3 общей длительности дифтонга; западнорусские (калужские) и севернорусские (харовские, тотемские, вятские говоры) характеризуются более узким раствором [а], [о], в целом более высоким подъемом любых *о* и *е* и менее выраженной дифтонгичностью реализаций /ô/ и /ê/ [Высотский 1967; Савинов 2013].

Фонема /о/ на месте **e*, **ь* после мягких согласных фонем² представлена дифтонгами или дифтонгоидами типа [ио], реже [ео]: Пустоша [пиос], Арзубиха [пеос] ‘пёс’³; после твердых шипящих и *j* фонема /о/ представлена как гласный с ровным началом [о]⁴. Фонема /ô/ в современных говорах встречается вследствие аналогии на месте **e*, **ь* в ряде словоизменительных морфем, суффиксе относительных прилагательных *-ев-* и в отдельных корневых морфемах (*т’отка*, *т’оплый*, *пио́нный*)⁵. После парных мягких согласных фонем фонема /ô/ представлена полифтонгами типа [иуо].

З. А. А. Зализняк указывает, что «памятники и говоры с великорусским принципом распределения /о/ и /ô/ различаются между собой небольшими деталями этого распределения. Такие различия связаны с частными отступлениями от общего

² В говорах с великорусским принципом распределения двух *о* мягкие согласные фонемы обычно реализуются звуками слабо палатализованными или вовсе не палатализованными, см. в сопоставлении друг с другом карты 42 и 63 ДАРЯ I; а также [Азарх 1967: 137–152; Высотский 1967: 50–54; Тер-Аванесова 2005: 61–64; Касаткин 2008]; в последней работе приводится библиография работ по этой теме. В тотемском и пустошенском говорах согласные перед гласными переднего ряда были описаны как твердые, «настроенные» на гласные *i*, *e* [Брок 1907: 75–91; Бубрих 1914: 28–29]. С. В. Дьяченко установила акустические корреляты «полумякости» / «твердости» согласных перед гласными переднего ряда в говорах такого типа: коартикуляционный участок гласного переднего ряда в говорах с «двумя о» выглядит как в английских сочетаниях *pi*, *pe*, *ti*, *te* и под., а не как в рус. лит. сочетаниях *ni*, *ne*, *ti*, *te* и под., см. статью С. В. Дьяченко в настоящем сборнике.

³ Дифтонг [ео] отмечается в западновологодских харовских говорах с различием двух фонем «типа о». В харовских говорах вследствие фронтального отвердения мягких согласных, кроме [ц’], приходится устанавливать двенадцатифонемный состав вокализма и считать /ео/ самостоятельной фонемой, наряду с /ea/, /иу/, /иуо/. Однако в харовских говорах элемент [е] в составе фонем /ео/, /ea/, элемент [и] в составе фонем /иу/, /иуо/, по своему происхождению — коартикуляционные участки гласных после мягких согласных, можно считать и дополнительно распределенными «аллофонами мягкости согласных» — в этом случае состав гласных фонем в харовских говорах сокращается до семи единиц [Тер-Аванесова 2008].

⁴ После заднеязычных согласных на месте тематического **e* находим следующие репрезентанты фонемы /о/: [ио] или [ео] (харовск. *пекёот*, *стригёот*), в среднерусском говоре с. Пустоша — [о] после твердых заднеязычных: *пекóт*, *стригóт*).

⁵ Это отмечено во всех современных говорах, но набор морфологических позиций в говорах разный.

принципа, которые обусловлены позднейшими фонетическими процессами и аналогическими перестройками» [Зализняк 1985: 174]. А. А. Зализняк перечисляет «ряд различий такого рода, имеющих определенное диалектологическое значение» [Там же], и предлагает, исходя из этих различий, классификацию памятников и говоров [Там же: 175–176]. Еще несколько различающих говоры признаков, главным образом, касающихся распределения /о/ и /Ѡ/ в словоизменительных аффиксах, указаны С. Л. Николаевым [Николаев 2015: 106–109]. В работе [Дьяченко, Крылов, Малышева, Тер-Аванесова, в печати] определены еще некоторые диалектные различия, одним из которых является выбор между /о/ и /Ѡ/ в односложных корнях словоформ Р.мн. *a/ja*-основ с подвижным ударением. В настоящей работе будет показано, что говоры с различием двух фонем «типа о» демонстрируют три основных типа огласовок корня в указанной форме, каждый из которых свойствен определенному диалектному ареалу. Граница двух ареалов проходит на территории южнорусского наречия и в целом соотносится с Большой засечной чертой XIV–XVII вв.

Таблица 1

**Акцентные кривые
праслав. а. п. b
и с *a/ja*-основ**

	а. п. b	а. п. с
nom. sg.	<i>kosà</i>	<i>nogà</i>
acc. sg.	<i>kosò</i>	<i>nògò</i>
nom. pl.	<i>kosý</i>	<i>nògy</i>
gen. pl.	<i>kòsъ</i>	<i>nògъ</i>
dat. pl.	<i>kosámъ</i>	<i>nogámъ</i>

4. Подвижными у существительных с *a/ja*-основами в современных говорах являются акцентные типы В и С. Современные акцентные типы В и С восходят к праславянским а. п. *b* и *c*, а также обнаруживаются у отдельных *ja*-основ а. п. *d'* (Е) [Дыбо 1980: 25–28; 78; Зализняк 1985(2010): 134; Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 34–35].

В таблице 1 показаны акцентные кривые праслав. а. п. *b* и *c* *a/ja*-основ.

Словоформы Р.мн. существительных с *a/ja*-основами праслав. а. п. *b* и *c* имели ударение на последнем слоге основы (корня) вследствие сдвига его с конечного редуцированного гласного на предшествующий слог; ударный слог при этом получал интонацию нового акута. Закономерным рефлексом *о в данных условиях является фонема /Ѡ/.

Формы В. ед. и И.(В.)мн. существительных с *a/ja*-основами праслав. а. п. *c* были энклитоменами и характеризовались интонацией циркумфлекса на начальном слоге словоформы (фонетического слова). Закономерным рефлексом *о в данной позиции является фонема /о/.

Сравнительно поздние процессы перестройки ударения существительных с *a/ja*-основами привели к появлению наосновного ударения в форме И.(В.)мн. праслав. а. п. *b*; наосновное ударение сформировалось у некоторых *a/ja*-основ праслав. а. п. *b* и *c* в косвенных падежах мн. числа, однако это затронуло только односложные основы и основы, имеющие второй слог с беглым гласным. В соответствии с *о в новоударных слогах в говорах с различием двух фонем «типа о», как правило, находим /о/, но в некоторых гораздо более редких случаях в говорах встречается и фонема /Ѡ/. В результате в современных говорах (и в лит. языке) образуются следующие варианты акцентных типов В и С, представленные в таблице 2. Варианты огласовок новоударных слогов и корневых огласовок словоформ Р.мн. в говорах встречаются с неодинаковой частотой.

Таблица 2

Варианты акцентных типов В и С *a/ja*-основ в современных говорах

	а. т. В			а. т. С	
	В1	В2	В3	С1	С2
И.ед.	<i>ноздр'á</i>	<i>желез'á</i>	<i>вдава́</i>	<i>бъръздá</i>	<i>коса́</i>
В.ед.	<i>ноздр'ý</i>	<i>железу́</i>	<i>вдаву́</i>	<i>бъръзду</i>	<i>ко́су</i>
И.мн.	<i>ноздр'и́</i>	<i>жел'óзы жел'изы</i>	<i>вдо́вы вдо́вы</i>	<i>бо́рǎзды (галóвы)</i>	<i>ко́сы</i>
Р.мн.	<i>ноздр'ей́</i>	<i>жел'óс</i>	<i>вдо́ф вдо́ф</i>	<i>барóст</i>	<i>ко́с ко́с</i>
Т.мн.	<i>ноздр'áми</i>	<i>желез'áми</i>	<i>вдо́вами вдо́вами</i>	<i>бъръздáми</i>	<i>ко́сам'и</i>

Новое наосновное ударение словоформ И.(В.) мн. существительных с *a/ja*-основами праслав. а. п. *b* в одних случаях является начальным, так что новый акцентный контур этих форм существительных а. п. *b* не отличается от исконного для этих форм акцентного контура а. п. *c*. В других случаях в говорах ударение падает на последний слог основы словоформ И.(В.)мн., как в формах Р.мн. Слова с неодносложными основами, у которых эти два вида акцентовки различаются, в том и другом случае демонстрируют фонему /o/. Эти два типа акцентных контуров не различаются у непроеизводных существительных а. п. *b* с односложными основами; у них в говорах встречаются как /o/, так и /ð/.

Появление наосновного ударения в формах мн. числа *a/ja*-основ праслав. а. п. *b* и *c* часто объясняется тенденцией к акцентному противопоставлению форм ед. и мн. числа, и ближайшей аналогией здесь является ударение существительных ср. рода праслав. а. п. *b* и *c*. Между тем, в отличие от *a/ja*-основ праслав. а. п. *b*, в формах мн. числа *o*-neutra а. п. *b* стабильно выступает фонема /ð/, указывая на интонацию нового акута: Пустоша *полóтны, полóтен, полóтнами; гóвны* и даже по аналогии — *реио́ты*.

5. Нафлекссионное ударение форм И.(В.) мн. *a*-основ а. п. *b* (*сестры́*) последовательно сохраняется в старорусском языке XVI–XVII вв. [Зализняк 1985(2010), 286–287]; оно нередко встречается в поэзии XVIII–XIX вв. [Еськова 2008: 29–83]. В современных русских говорах такое ударение практически не сохранилось, за исключением основ, оканчивающихся на кластеры или суффиксы с беглым гласным: И.мн. Арзубиха *бад'и́й, гл'ист'ы́, кваши́н'и*, Пустоша *мордв'ы́* ‘мордовцы’, *к'чарг'и́, ноздр'и́, к'нопл'и́, суд'и́й, волхв'ы́* ‘колдунья’. В говоре Пустошей оно также встречается у пейоративов любой структуры: И.мн. *б'лон'ы́* ‘сплетница’, *чум'ы́* ‘опасный человек’, *г'спож'ы́* ‘лентяйка’. В Р.мн. такие слова часто имеют ненулевое окончание: Арзубиха *кваши́н'ей* и *квашо́н*, Пустоша *мордв'о́ф, волхв'о́ф, ноздр'ей́*, с нулевым окончанием: *суд'ей́*. За пределами этих групп *a*-основ редкие диалектные примеры форм И.(В.) мн. типа *козы́, снохи́* зафиксированы в записях говоров XX в. — начала 2000-х гг., преимущественно относящихся к восточнорусской территории.

6. У большей части *a/ja*-основ праслав. а. п. *b* и *c* с полногласием в корне или неодносложными основами представлен акц. тип С (С1), с сохранением исконной акцентной кривой *c* и исконного для а. п. *c* распределения фонем /ð/ и /o/ в корнях

словоформ: севернорус. Арзубиха В.ед. *бóроду*, И.-В.-мн. *бóроды*, Р.мн. *борóт*; *бóрону*, *бóроны*, *борóн*; *бóрозду*, *бóрозды*; *под гóлову*, *ц'ерез гóлову*, *гóлову-ту*, *гóловы*, *голóв*; *пóлосу*, *на пóлосу*, *пóлосы*, *полóс*; *стóрону*, *стóроны*, *сторóн*; *Слóбоду* (название деревни); Ихалица В.ед. *бóроду*, В.ед. *гóлову*, И.мн. *гóловы*, Р.мн. *голóв*; *скóвороды*, *сковорóт* [Брок 117]; среднерус. Пустоша В.ед. *бóръду*, И.-В.-мн. *бóръды*, Р.мн. *борóт*, Т.мн. *бъродáми*; *бóръну*, *бóръны*, *борóн*, *бъронáми*; *бóръзду*, *бóръзды*, *борóст*; *на гóльву*, *об гьльву*, *гóльвы*, *голóф*; *гóльвн'у* ~ *гьловн'у*, *гóльвн'и*, *гьловén'*; *пóльсу*, *пóльсы*, *полóс*, *пълосáми*; *слóбьду*, *слóбьды*, *слобóт* 'улица, часть деревни'; *на стóръну*, *стóръны*, *сторóн*; *скóврьду* ~ *скьвроду*, *скóврьды*, *скьворóт*; Лека В.ед. *бóраду*, И.мн. *бóрады*; *гóлаву*, *гóлавы*; *скóврадү*, *скóврады* [Шахматов 181]; южно-рус. Новоселки И.мн. *бóразды* Тон.; Р.мн. *барóт* Тон.; Боршевое В.ед. *гóльву* [Савинов 184], Липяги *гóльву*, *гáлóф*; *пóльсу*, *палóс*; *скóврьду*, *скóврьды*, *скьварóт*; также в *гóльву* [Савинов 184]; Нехочи *барáдá*, *бóраду*, *бóрады*, *барóт*; *барьнá*, *бóрану*, И.мн. *бóрън'я*, *барóн* (ср. *барóнач'ки*); *гáльвá*, *гóльву*, *гáлóв*; *старьнá*, *ф стóръну*, *старóн*, *скаврэдá*, *скóврьду*, *скóврьды*; ср. неодносложную основу с *а под ударением: В.ед. *у стóрину* 'в старину'; Задонск В.ед. *гóлаву* Гн.; В.ед. *стóрану* Гн.; И.мн. *стóраны* [Тростянский 137], Р.мн. *старóн* [Тростянский 63]; *Малинино за бóръду*, *бóрду*, *бóръды*, *б'из барóт*; *бóръну*, *барóн*; *гóльву*, *з гáлóв*; также а. т. С: *къл'адá*, В.ед. *кóл'иду*; *скьрадá*, В.ед. *скóрьду* (съедобная болотная трава с маслянистым стеблем); Роговатка *зъ бóръду*, *бóръды*, *б'ыз барóт* (борода и подбородок); *бóръзду*, *бóрáзды*, *барóст*, *пъ бьръздáм*; *бóр'яну*, *бóр'яны*, *барóн*; *гóльву*, *гóл'явы*.

В Липягах в одном слове а. т. С в форме И.мн. наряду с начальным ударением зафиксировано предфлексивное; под этим последним выступает фонема /o/ (открытое): В.ед. *бóръну*, И.мн. *бóръны*, *барóны*, Р.мн. *барóн*.

Немногочисленные а-основы акц. типа В с полногласием в корне в И.мн. имеют предфлексивное или начальное ударение: Арзубиха *железү*, *жел'óзы*, *железám*; *ц'ереду* (трава); Нехочи *барáздá*, *барáздү*, *бóръзды* и *барóзды*, *барóст*, ср. *барóздач'к'и*; *талáкá*, *т'ялáкү*, *тóльк'и* 'коллективная помощь в работе'; Новоселки *п'яласү*, *пóльсы*, *палóс*, Пустоша *жылезү*, *жéлизы*; ср. выше *головня*, *сковорода* (а. т. В/С). Также к акц. типу В относятся а-основы: Новоселки *т'ялакү*; Малинино, Роговатка *г'ялавлн'у*, *т'ялакү*, *ч'ьр'адү*; Нехочи *п'ил'енá*, *п'ил'енү* на *бóгá в'ешайут'*, *п'ил'енáми*; *пальсá*, *пальсү*.

Предфлексивное ударение форм И.(В.) мн. а/ја-основ а. п. b и с > В характерно, в частности, для витебских говоров: *галóвы*, *барóды* и т. п.

7. Слова с односложными корнями показывают значительное разнообразие как в акцентуации, так и в огласовке корней словоформ мн. числа.

Материал показывает три основных диалектных типа распределения фонем /o/ и /ó/ в корнях односложных а/ја-основ а. п. b и с.

7.1. Вологодские говоры довольно последовательно сохраняют исконную для а. п. с систему огласовок односложных корней: *нóгу*, *нóги*, *нóк* (всюду); *порá*, *пóру*, *пór* (всюду); Арзубиха В.ед. *гóру*, И.мн. *гóры*, Р.мн. *гór*; *росү*, *рóсы*, *рóс*; *скóпу*, *скóпы*, *пéт скóп* 'скоба'; *юдóвү*, *юдóвы*, *юдóү*; Ихалица *гóры*, *гór*; *кóсы*, *кóс* 'scythe'; Паньково *кóзы*, *кóс*.

Выравнивание фонемного состава корня, /о/: Арзубиха *грозү, грóзы, грóс; кóсу, кóсы, кóс* (прическа и орудие косьбы); *кóзу, кóзы, кóс; нóру, нóры, нór; пóру, пór; сóву, сóвы, сóү; зор'ү, зóри-ти, зór*. Выравнивание фонемного состава корня, /ô/: Злобиха И.мн. *жóвы, Р.мн. жóү*, видимо, под влиянием *удóўка* 'вдова'; неясно /ô/ в говоре Арзубихи и Злобихи: *жóны, жóн*, при «этимологически правильных» то-темск. *жóпу, жóп; спох'и, спóх* [Брок 34].

7.2. В южном ареале говоров «Верхнего Дона» (села Малинино и Роговатка, неясно, относятся ли сюда задонские горы) исконные для а. п. с огласовки од-носложных корней представлены даже более последовательно, чем в вологодских говорах. В корнях словоформ В.ед. и И.-В.мн. существительных а. п. *b* и *c* высту-пает исключительно фонема /о/ < *о, в корнях словоформ Р.мн. фонема /ô/ < *о — в большинстве случаев: В.ед. *нóуу, И.мн. нóуи, Р.мн. нóх; үóру, үóры, үór; кóсу, кóсы, кóс* (*коса*, орудие и причёска), *кóзу, кóзы, кóс* (*коза*); *нарү, нóры, нór* (в Роговатке также И.-В.ед. *нór', Р.ед. нар'и, И.мн. нар'и, Р.мн. нór')*; *пóру, пór; сóху, сóхи, сóх; Малинино В.ед. үразү, И.мн. үрóзы, Р.мн. үрóс; Роговатка зór'у, зór'и, зór' и зór'; скóбу, скóбы, скóп*.

В Роговатке и Малинине всё же есть случаи обобщения фонемы /о/ в корнях вследствие выравнивания фонемного состава корня: Роговатка В.ед. *үразү, И.мн. үрóзы, Р.мн. үрóс; пóлу, пóлы, пól; Малинино трапү, трóпы, трóп*.

Морфологизация чередования /о/ и /ô/ в говорах южного ареала приводит к рас-пространению его в отдельных односложных корнях с *е (после шипящих) и не-беглыми *ъ: В.ед. *блахү, И.мн. блóхи, Р.мн. блóх; снахү, снóхи, снóх; В.ед. Малини-но пч'алү, Роговатка пч'óлу, И.мн. пч'óлы, пч'ól; жанү, жóны, жóн*.

7.3. Наиболее инновационными являются говоры рязанско-владимирского ареала и калужский говор д. Нехочи.

А. В словоформах мн. ч. отдельных основ а. п. *b* и *c* представлено исконное для а. п. с чередование фонем /о/ и /ô/: Пустоша, Якушевичи, Липяги, Задонск *нóгу, нóг'и, нók; Задонск вóду, вóт*, однако Новоселки *вóду, вóт*; Пустоша, Якушеви-чи, Задонск *пóру, пór*, однако Лека, Липяги, Задонск *пóру, пór*; Липяги *зór'и, зór'*; *вдóвы, вдóф*; Нехочи В.ед. *йегó вдавү, И.мн. ус'е вдóвы, Р.мн. удów и вдów*;

Б. Фонема /о/ обобщается в словоформах мн. числа большинства односложных основ, независимо от места ударения в В.ед: Пустоша, Якушевичи, Новоселки, Липяги В.ед. *гóру, И.(В.)мн. гóры, Р.мн. гór; кóсу, кóсы, кóс* (прическа и орудие косьбы); *кóзу, кóзы, кóс; Пустоша грóзу, грóзы, грóс; лóзу, лóзы, лóс; рóсу, рóсы, рóс; скабү, скóбы, скóп; совү, сóвы, сóф; сохү, сóхи, сóх; стóпу / стóпү, стóпы, стóп, Д.мн. стóп'ьм, М.мн. стóп'ьф; стрóку, стрóки, стрóк; трóпу, трóпы, трóп; Якушевичи гразү, грóзы, грóс; скóбу, скóбы, скóп; Новоселки үразү, үрóзы, үрóс; расү / рóсу, рóсы, рóс; скабү, скóбы, скóп; сахү, сóхи, сóх; Липяги үрóзы, үрóс; сóвы, сóф; сóхи, сóх; трóпы, трóп; Нехочи үразү, үрóзы, үрóс; савү, сóвы, сów, савám'и; у сóсны, сóс'ьн; сахү, сóхи, сóх; казү, кóзы, кóс, казám'и, ср. кóз'ьч'ку; касү, касóй, кóс, кóсам'и кóс'ит'; кóсу, кóсы, кóс, кóсам'и; да т'эх'пór; зар'ү, И.мн. зór'и; капнү, И.мн. кóпны, Р.мн. капén; то же на месте *ъ, *ь, *е: *блахү, И.мн. блóхи, Р.мн. блóх; женү, жóн, жэ женáми; пч'елү, пч'ól, пч'елáми; сл'езү, сл'óзы, сл'óс*.*

В. Значительно реже в основах (корнях) форм мн. числа обобщается фонема /δ/. Имеющиеся примеры можно разделить на несколько групп, объяснив появление в них фонемы /δ/ особыми условиями. Среднерусские говоры в этом отношении отличаются от южнорусских.

1) В Новоселках, Липягах и Нехочах после [н] под ударением факультативно отмечается дифтонг (назализация начала гласного?) или «закрытый» гласный [ɔ]: Новоселки, Липяги В.ед. *ноуу, нѳуу*, И.мн. *нѳуи, ноуи*, Р.мн. *нѳх*. В говоре Нехочей *нога* обнаруживает колебание В/С: В.ед. *w науу, ноуу*, И.-В.мн. *ноуи, на ноу'и*, Р.мн. *нох*.

Возможно, назализацией после *н* объясняется /δ/ в следующих примерах: Пустоша *нору́, нѳры́, нѳр* и *нѳру, нѳры, нѳр* (эти ряды форм записаны от К. Г. Бобковой с интервалом в 10 лет), однако только /о/ в Якушевичих, Новоселках: *нѳру, нѳры, нѳр, нѳрами / на́рами*; Пустоша *сноху́, снѳхи, снѳх*; Якушевичи *снаху́, снѳхи 2х, снѳх, снаха́ми*; Новоселки *снаху́, №1. снѳхи, снѳх, снѳхами*; Задонск *снѳхи, снѳхи, снѳх, снаха́ми*, чаще *снѳшика* [Тростянский]; однако /о/ в Липягах: *снаху́, снѳхи, снѳх*.

2) В задонском говоре и в Липягах встрети́лась /δ/ в Р.мн. основы **slъza*: Липяги И.мн. *с'л'ѳзы*, Р.мн. *с'л'ѳс*; Задонск И.мн. *сл'ѳзы*, Р.мн. *сл'ѳс* [Тростянский 42]. Такой тип огласовки мог бы быть в говорах Среднего Дона (Малинино и Роговатка), однако в них встретились только ожидаемые формы с /о/: Лека И.мн. *сл'ѳзы, сл'ѳс* [Шахматов]; Новоселки *сл'азу́, сл'ѳзы, сл'ѳс, сл'еза́м'и*; Роговатка *сл'азу́, сл'ѳзы сл'ѳс*.

7.4. Имеется две группы *a/ja*-основ, в которых, при подвижности ударения, фонема /δ/ может выступать во всех формах с начальным (накоренным) ударением (группа 1) или только в формах мн. числа (группа 2).

1) У нескольких слов а. п. *a*· (*E*) с подвижным в говорах ударением в корне отмечается фонема /δ/ (следы накоренного ударения типа нового акута?): Пустоша, Малинино В.ед. *сосну́, сѳсну*, И.мн. *сѳсны*, Р.мн. *сос'ѳн*, Т.мн. *сосна́ми*; ср. накоренное ударение и /δ/ в Арзубихе, Панькове, Новоселках [Тоньшин]: И.ед. *сѳсна*; однако Якушевичи *сѳсну, сѳсны*, Липяги *сасну́, сѳсны, сѳс'ѳн*; Пустоша *зор'у́, зѳри, зѳр'* и *зѳр'у, зѳри, зѳр'* (записано от К. Г. Бобковой с интервалом в 10 лет); ср. «стандартное» распределение в Липягах: *зѳр'и, зѳр'*; ср. выше примеры с /δ/ в словоформах слова *нора*. Ср. также в говоре Роговатки: *шкѳра, шкѳрка* (акц. тип А) 'кора молодого дерева или кустарника'.

2) В группе слов а. п. *b*: *вдова, сноха, жена* фонема /δ/ в корнях словоформ мн. числа может объясняться влиянием более употребительных диминутивов *удѳвка, удѳвушка, снѳшика*, в севернорусских говорах *жѳнка, жѳночка*; ср. повсеместно распространенное в говорах с различением двух фонем «типа *о*» образование *т'ѳтка* и более редкое, явно вторичное *т'ѳта*. В свою очередь, /δ/ в *снѳшика, жѳнка, т'ѳтка* < **спъшъка, *зѳпъка, *тѳтъка* в говорах с великорусским принципом распределения двух фонем «типа *о*» может объясняться влиянием огласовки диминутивов типа *но́жка* с корневым **о*.

Примеры *сноха* см. выше; Пустоша *вдову́*, И.мн. *вдѳвы*, Р.мн. *вдѳф*, Д.мн. *вдѳвам*; Якушевичи *вдаву́, вдѳвы*; Новоселки *вдаву́, вдѳвы, вдѳф* (наша запись), однако *вдѳвы, вдѳф* [Тоньшин]; исконное распределение в Липягах: *вдѳвы, вдѳф*; Пустоша *жѳну́, жѳны, жѳн, жѳнами*; Якушевичи *к жѳнам, ж жѳнами*; Новоселки

жоны, жон, жанам'и (наша запись), однако *жон* [Тоньшин]; Липяги *жоны, жон*; Задонск *жоны* [Тростянский].

Наибольшее число примеров с «аномальной» /*ǫ*/ в корнях словоформ мн. числа *a*-основ а. п. *b* отмечено в Пустошах; значительно реже они встречаются в географически близких к Пустошам акающих среднерусских говорах Ягодиной, Леки, Якушевичах и южнорусских рязанских говорах.

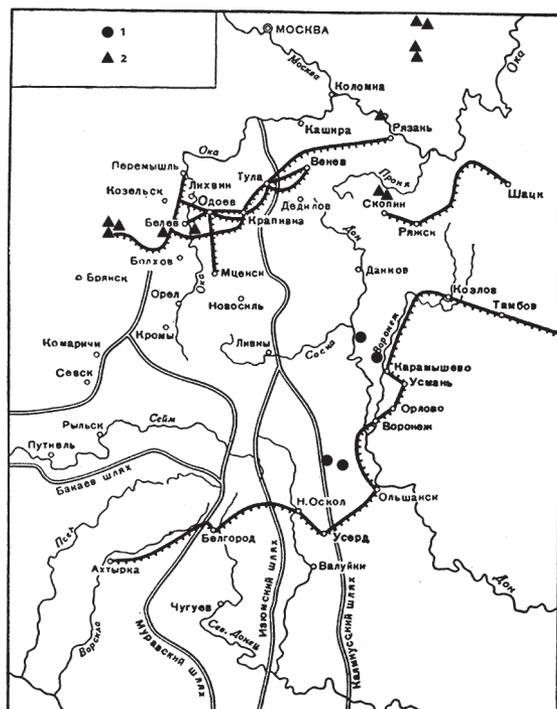
8. Говор д. Нехочи, притом что в целом его система имеет яркие черты говоров окско-деснинского междуречья, в отношении распределения двух фонем «типа о» в *a*-основах обнаруживает тесную связь с рязанскими говорами. Этот говор относится к небольшому ареалу семифонемных систем Хвастовичского р-на Калужской обл. (дд. Бояновичи, Пеневичи и нек. другие). В последнее время столь же небольшой ареал близких Нехочам говоров обнаружен Д. М. Савиновым в нескольких десятках километров восточнее, на границе Калужской и Тульской областей: в Белевском р-не Тульской обл. и Ульяновском р-не Калужской обл. [Савинов 2013], в которых ранее Е. С. Клейменова зафиксировала диссимилятивно-умеренный тип *яканья*, ориентированный на различие под ударением фонем /*o*/ и /*ǫ*/ [Клейменова 1956]. Оба эти ареала, вероятно, представляют собой говоры переселенцев из рязанских земель, однако это предположение может быть выдвинуто главным образом на основании общих инновационных черт в распределении двух *o*-фонем.

«Восточнорусской чертой» говора Нехочей, по-видимому, является сохранение оппозиции акцентных типов В и С у *a*-основ (в окружающих Нехочи говорах тип С полностью или в значительной степени вытеснен акц. типом В).

Акц. тип В: *б'едá, блахá, в'еснá, винá, удавá, ұразá, ұубá, деснá* (И.мн. *д'осны*), *д'ежá, дурá (дур'и, за дурáми), дырá, йедá, женá (жон, ж женáми), з'в'ездá, залá, зар'á, казá, карá, касá* (орудие косьбы), *капнá, крупá, кумá, л'исá лхмахвостья* (Т.мн. *за лисáми*), *лабудá* 'лебеда', *лазá, межá* (И.мн. *м'ожы*), *мукá, нарá, ал'хá, асá, пч'елá* (Р.мн. *пч'ол*, Т.мн. *пч'елáми*), *рекá* (И.мн. *р'еки*, М.мн. *w рекáх*), *расá, св'ин'йá, сестрá, (с'обстры, с'ьс'т'ор, с'естрám'и), сл'езá, смалá, снахá, савá, саснá, сахá, стрелá, травá, трапá, хвайá, щекá.*

Акц. тип С: *вадá, з'емл'á, зимá (пóд зиму, з'з'им'е, з'иму, зимám'и), косá* (заплетенные волосы), *науá* (наряду с В), *рукá, спинá, стенá.*

Примечательно, что названные калужско-тульские говоры расположены на водоразделе Жиздры и Десны, в верховьях небольших речек окского бассейна, впадающих в Жиздру; в свою очередь, Липяги и Боршевое находятся на водоразделе Оки и Дона — на Михайловом поле, которое продолжает на восток более известное Куликово поле — также в верховьях небольших речек окского бассейна. Микроареалы говоров с различием двух фонем «типа о» и инновациями «рязанского типа» в их распределении, таким образом, расположены вблизи заградительных линий XIV–XVI вв., проходивших по водоразделу Оки и Дона, Оки (Жиздры) и Днепра (Десны). В то же время они расположены по сторонам от обширной тянущейся с севера на юг возвышенности между верхним течением Дона и Оки, где проходили в XVI–XVII вв. татарские сакмы (Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи и их ответвления) и где сегодня распространены курско-орловские говоры.

На карте показаны основные типы корневых огласовок форм Р.мн. существительных *a/ja*-основ акцентных парадигм *b* и *c* в среднерусских и южнорусских говорах: тип, свойственный говорам Среднего Дона (Малинино и Роговатка), с достаточно последовательным сохранением фонемы /*ɔ*/ и ее распространением в корнях с **e* и небеглыми *ь*, **ь* (обозначены на карте знаком 2 — треугольник) — и тип, свойственный «владимирско-рязанским» говорам, с преобладанием инновационной корневой фонемы /*o*/ (обозначены на карте знаком 1 — круг). На карте показаны Большая засечная черта, начало формирования которой относится к XIV веку, а окончательное сооружение — к концу XVI — началу XVII в., и Белгородская

засечная линия, сооруженная в XVII веке, а также татарско-ногайские шляхи XVI–XVII вв. «Владимирско-рязанский» тип огласовки корней форм Р.мн. соотносится с Большой засечной чертой; более архаичный «донской» тип ориентирован на более поздние засечные линии.

Современные курско-орловские говоры имеют тесную связь с говорами окско-деснинского междуречья, однако многие яркие черты последних в курско-орловских говорах отсутствуют, равно как и яркие черты более восточного донского диалектного ареала. Интересно, что деловой язык XVI–XVII вв. [Котков 1963] и язык светских памятников письменности этого времени «южного» происхождения [Зализняк 1981(2010)] представляет собой архаичную форму курско-орловских или окско-деснинских говоров; даже старорусские грамоты, написанные в Воронеже, Ливнах или Ельце, полностью лишены архаичных особенностей верхнедонских или рязанских говоров.

Поселения вроде Липягов и Боршевого могли возникнуть в безопасной местности вблизи рязанской засечной линии, а могли быть и старыми поселениями на этой территории, выжившими под ее прикрытием. Ареал говоров типа Бояновичей — Нехочей — Верхней Передели предположительно связан с временем укрепления белёвской засеки, современной рязанской засечной линии.

Литература

- Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС, 1907, т. 83, №4.
- Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (ягодинск. вол. Судогодского уезда Владимирской губ. Спб., 1913.
- Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о происхождении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 3–82.
- Дьяченко С. В., Крылов С. А., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Материалы по различению двух фонем «типа о» в говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области // Славянское и балканское языкознание (в печати).
- Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1980.
- Дыбо В. А. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000.
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. М., 2008.
- Зализняк А. А. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985 (2010).
- Касаткин Л. Л. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской обл. Дисс... канд. филол. наук. М., 1956.
- Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Николаев С. Л. Новые данные о рефлексах **o* и **ъ* в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015.
- Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.
- Тер-Аванесова А. В. Отклонения от правила распределения двух фонем «типа о» в восточнорусском говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005.
- Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III (IX). М., 2008.
- Тер-Аванесова А. В. Коротко о фонологии и морфонологии вологодского слободского говора // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. С. 158–176.

Тоньшин Ф. М. Материалы по Рязанской губ. и у. Новосельской в. с. Новоселки // Русский филологический вестник 1912, т. 68, № 3; см. также [Васильев 1929].

Тростянский В. Н., Гришкин И. С. и др. Материалы, собранные В. Н. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС, 1916, т. 95, № 1.

Шахматов А. А.. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. // Известия ОРЯС 1913, т. 18, кн. 4. СПб. 191.

Aleksandra V. Ter-Avanesova

*Vinogradov Russian Language Institut of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
teravan@mail.ru*

ON THE DIALECT DIFFERENCE IN DISTRIBUTION OF TWO O-PHONEMES: GEN. PL. WORDFORMS OF A/JA-STEMS WITH MOBILE ACCENT

In Russian varieties, in whose vocal systems there are two *o*-phonemes distributed in accordance with the «Russian» principle of distribution: in case of csl. **o*, the phonemes /*o*/ and /*ô*/ have arisen dependantly of csl. tonal accents, — the vocalization of roots in the gen. pl. wordforms shows the deviation from the main principle of distribution. The deviations must be due to the analogy and take place in the period when the accentual opposition of singular and plural forms has formed. Three main types of deviations are attested in Russian varieties. The boarders of their dialectal areas coincide with the protecting fortification lines of XIV–XVII cc. on the territory of South Russian dialects.

Key words: Russian varieties, linguistic geography, accentuation, tonal accents, vocal system, morphology.

References

Brok O. Opisanie odnogo govora iz jugo-zapadnoj chasti Totemskogo uезда. *Sb. ORJaS*, 1907, Vol. 83, no. 4.

Bubrih D. V. *Foneticheskie osobennosti govora s. Pustoshej (jagodinsk. vol. Sudogodskogo uезда Vladimirskoj губ. Spb., 1913.*

Vasil'ev L. L. *O znachenii kamory v nekotoryh drevnerusskikh pamjatnikah XVI–XVII vekov. K voprosu o proishozhdenii zvuka o v velikoruskom narechii.* L., 1929.

Vysotskiy S. S. *Opredeleniye sostava glasnykh fonem v svyazi s kachestvom zvukov v severnorusskikh govorakh. Oчерki po fonetike severnorusskikh govorov.* M., 1967. S. 3–82.

Diachenko S. V., Krylov S. A., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. *Materialy po razlicheniyu dvukh fonem «tipa o» v govore sela Rogovatoye Starooskolskogo r-na Belgorodskoy oblasti // Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie (v pechati).*

- Dybo V. A. Slavyanskaya aktsentologiya. M., 1980.
- Dybo V. A. Morfonologizirovannyye paradigmaticheskiye aktsentnyye sistemy. Tipologiya i genezis. M., 2000.
- Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolaev S. L. *Osnovy slavyanskoj akcentologii*. M., 1990.
- Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo jazyka XVIII–XIX vekov*. M., 2008.
- Zaliznjak A. A. Glagol'naja akcentuacija v juzhnovelikoruskoj rukopisi XVI v. *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Problemy morfonologii*. M., 1981.
- Zaliznjak A. A. *Ot praslavjanskoj akcentuacii k russkoj*. M., 1985 (2010).
- Zaliznyak A. A. *Trudy po akcentologii*. T. 1. M., 2010.
- Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo jazyka*. M., 1999.
- Kleymenova E. S. *Govory yuzhnoj chasti Kaluzhskoy obl. Diss... kand. filol. nauk*. M., 1956.
- Kotkov S. I. *Juzhnovelikoruskoe narechie v XVII stoletii*. M., 1963.
- Nikolaev S. L. Novye dannye o refleksah *o i *ъ v russkih govorah. *Issledovaniya po slavjanskoj dialektologii. 17. Sud'ba slavjanskih dialektov i perspektivy slavjanskoj dialektologii v XXI veke*. M., 2015.
- Savinov D. M. *Evoljucija sistem vokalizma v juzhnorusskih govorah*. M., 2013.
- Ter-Avanesova A. V. *Otkloneniya ot pravila raspredeleniya dvukh fonem «tipa o» v vostochnoruskom govore Pustoshey. Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 6. Slavyanskaya dialektologiya i istoriya jazyka*. M., 2005. S. 60–93.
- Ter-Avanesova A. V. *Korotko o fonologii i morfonologii vologodskogo slobodskogo govora. Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 14. Foneticheskiy aspekt izucheniya slavyanskikh dialektov*. M., 2008. S. 158–176.
- Ter-Avanesova A. V. *Fragment sistemy imennogo slovoizmeneniya i akcentuacii slobodskogo govora. In: Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. Vyp. III (IX)*. M., 2008.
- Ton'shin F. M. *Materialy po Rjazanskoj gub. i u. Novosel'skoj v. s. Novoselki. Russkij filologicheskij vestnik* 1912, vol. 68, no.3; sm. [Vasil'ev 1929].
- Trostjanskij V. N., Grishkin I. S. i dr. *Materialy, sobrannye V. N. Trostjanskim, I. S. Grishkinym i dr. Sb. ORJaS*, 1916, vol. 95, no.1.
- Shahmatov A. A. *Opisanie Lekinskogo govora Egor'evskogo uezda Rjazanskoj gub. Izvestija ORJaS* 1913, vol. 18, part 4. SPb. 1914.

ГРАММАТИКА

И. В. Бегуиц

*Московский государственный университет им. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ibeg04@mail.ru*

К ИЗУЧЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассмотрены особенности функционирования некоторых служебных частей речи — частиц, союзов и предлогов — в говоре деревни Тавреньга Коношского района Архангельской области. Исследование выполнено на материале аудиозаписей из диалектологических экспедиций 2011–2017 гг. В говоре обнаружена ранее не описанная в научной литературе диалектная частица *лиже*, употребляемая как маркер резкой смены ситуации или завершающего действия в нарративной цепи. В области функционирования союзов исследуемый говор демонстрирует расширенное по сравнению с литературным языком употребление союза (союзного слова) *что*, чрезвычайно многозначного и способного присоединять придаточные части со значением причины, цели, сравнения, а также со сложными синкретичными значениями. Кроме того, автором подробно рассмотрена такая диалектная особенность, как употребление предлога *по* с винительным падежом во временном значении; подвергается сомнению наличие и трактовка некоторых наречий с начальным *по-* в диалектных словарях: представляется более корректным рассматривать их как свободные сочетания предлога с существительным. Таким образом, в статье показано, что в сфере функционирования служебных частей речи диалектная система конкретного говора может обнаруживать существенные отличия от литературного языка как за счет наличия в ней собственно диалектных единиц, так и в связи с особенностями употребления общих для диалекта и литературного языка «частиц речи».

Ключевые слова: служебные части речи, диалектные частицы, союз *что*, предлог *по*, архангельские говоры.

Лексическое разнообразие говоров Архангельской области уже более полувека находится в центре внимания многих диалектологов. Наиболее масштабным

проектом в сфере их изучения был и остается составляемый на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова «Архангельский областной словарь» (далее — АОС), словник которого на данный момент составляет более 180000 лексем. Благодаря ежегодным экспедициям картотека АОС постоянно пополняется новыми лексическими единицами; также уточняются значения ранее записанных диалектизм. В последние годы в экспедициях запись материала осуществляется через диктофон с последующей расшифровкой. Такой метод дает особенно много возможностей для изучения служебных частей речи, т.е. предлогов, частиц, союзов — «мелких слов» [Пожарицкая 2010: 103], часто почти неуловимых на слух в быстром потоке севернорусской диалектной речи. Таким образом, становится возможным описание семантических, синтаксических и просодических характеристик служебных частей речи на обширном материале точно расшифрованных записей, с широким контекстом для каждого случая употребления.

В настоящей статье объединены несколько частных сюжетов, связанных с функционированием служебных частей речи, т.е. предлогов, частиц и союзов, в говоре деревни Тавреньга Коношского района Архангельской области. Материалом для исследования послужили аудиозаписи, сделанные в ходе экспедиций 2011–2017 гг.; обработано около 200 часов звучания; записи хранятся в кабинете диалектологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

1. Из наблюдений над частицами. В говоре Тавреньги употребляется множество частиц, как общих для диалекта и литературного языка (*же, ведь, бы*), так и собственно диалектных, распространенных преимущественно на русском Севере (*дак, этта*). Большинство таких частиц уже известно, их семантика и особенности употребления в архангельских говорах описаны в вышедших томах АОС и исследовательской литературе (ср. *да* [АОС 10: 174–178], *дак* [АОС 10: 232–241], *бы, было* и др. [Пожарицкая 2010]).

Однако наряду с ними в говоре Тавреньги употребляются и ранее не зафиксированные собирателями и не описанные частицы. В первую очередь, речь идет об активно используемой носителями говора частице *лиже* (записано более 300 контекстов). Частица *лиже* всегда безударна и просодически примыкает к предыдущему ударному слову, при этом тяготеет ко второму месту в синтагме; в условиях полного оканья произносится как [лижо]. Приведем несколько типичных контекстов:

(1) *Меня отправили за пятнадцать километров по сено, я еду одна ночью, еду на кобыле, стала за реку-то переезжать, кобыла-то лиже повалилась в воду, ой-ой я и закричала.*

(2) *Она настелет соломы на поветь, а мы и ходим в круге: умер покойник, в среду во вторник, пошли хоронить, а он за нами бежит; кто-нибудь закопан в эту, в солому-ту, он лиже выскочит, кого поимает, того и закопают — мяли солому.*

(3) (Как Вы делали сборки на одежде?) — *А строку сделаешь большую, прошьешь большой строкой на машине да соберешь, вот тебе, а руками — дак надо простегать, а потом лиже собрать в одно место, вот, собрать лиже так, чтоб такой эдакой сделался вот, вот так.*

(4) *Поедем, а заворы¹ всё везде были, так неохота соходить (с лошади) заворы-то открывать, дак вот разгонимся, чтобы перескочить, так я один раз — перескакивать-то стали, а сидел один тоже дурачок да шапку подкинул, а лошадь-то лиже в сторону, я с вершиного²-то (упала).*

(5) *Здоровый тоже мужик, размахнулся да как мне даст по щеке; у меня, грит, челюсть выскочила — ну, они и расхохотались все, немцы-то; другой подходит да с другой стороны тоже как вмажет — у меня лиже, грит, челюсть на место-то встала, я обрадел.*

В картотеке АОС есть немногочисленные фиксации *лиже*, в весьма коротких контекстах и без значения. Единственный диалектный словарь, содержащий толкование для слова *лиже*, — это «Словарь русских народных говоров» (далее — СРНГ), где сказано следующее:

1) ли же. Смотри же. Перм., 1852. *Ли же, дождь сделался.* Перм.

2) *лїже, союз разделительный.* Или. *Завтра днѣм лїже машина попадет к вечеру.* Ряз., 1960–1963 [СРНГ 17: 39, 43].

Оба этих варианта, к сожалению, не соответствуют собранному нами материалу. Что касается «смотри же», то в этом значении в Тавренье широко представлено слово *лико* (из **гли-ко*, т.е. *гляди-ко*, аналогично указанному в СРНГ *лиже* из *гли же*, т.е. *гляди же*). В Тавренье *лико* используется очень широко, ср. несколько типичных примеров:

(7) *А вода с крыши убегает, лико, поточники там.*

(8) *Лико, ото двора бревёшко-то загнулось, это курица.*

(9) *У меня, лико, всего дополна, сушки взяла да печенье взяла.*

(10) *Лико, какой красивый у меня отец.*

(11) *А вот Нина Николавна-та, лико, какая у меня была: полная да могущая.*

Сравнение контекстов для *лиже* и *лико* в говоре Тавреньи показывает, что они различаются по большинству релевантных параметров и имеют совершенно разные функции в говоре. Во-первых, они различаются просодически: *лико* всегда ударно (имеет ударение на первом слоге) и, как правило, выделяется интонационно, в том числе паузами; *лиже*, как было сказано выше, безударно, просодически примыкает к предыдущему слову и интонационно никак не выделяется в потоке речи. Во-вторых, эти слова занимают различное место в предложении: *лико* чаще всего стоит на первом месте, открывая высказывание; *лиже*, напротив, не может быть первым, а тяготеет ко второму месту в синтагме (после первого ударного слова). Таким образом, *лико*, скорее всего, следует трактовать как вводное слово, в то время как *лиже* обнаруживает все свойства частицы. Кроме того, если значение *лико* очевидно, осознается и легко трактуется носителями говора (*гляди-ко*, привлечение внимания собеседника при указании на объект или факт), то определение значения (функции) частицы *лиже* оказалось весьма непростым для собирателей, а прямой вопрос носителям говора о значении

¹ Завор — ограждение на краю деревни.

² Ехать на вершном — ехать верхом; упасть с вершного — упасть с лошади.

только что ими же употребленного *лиже* оставался, как правило, без внятного ответа.

Второе из приводимых в СРНГ значений для *лиже* (союз, разделительный, или) также явно не соответствует записанным в Тавренъге примерам — ни синтаксически, ни по смыслу.

Только анализ большого числа широких контекстов позволил увидеть закономерности в употреблении частицы *лиже* в говоре Тавренъги и тем самым определить ее значение (функцию). Установлено, что *лиже* используется чаще всего при описании последовательности событий и маркирует некоторый резкий поворот в развитии сюжета; часто это неожиданное или решительное действие, поворотная точка, главное событие или итог всей событийной цепи, ср. в приведенных примерах: (1) кобыла упала в воду; (2) закопанный в солому человек неожиданно выскочит; (3) простеганную ткань надо (взять и) собрать; (4) лошадь резко свернула в сторону; (5) челюсть вдруг встала на место. Таким образом, вероятно, узувального аналога *лиже* в литературном языке нет (как частицы); наиболее адекватным переводом будут конструкции типа «раз и сделал», «взял и сделал»³. Приведем еще несколько примеров:

(12) (Об устройстве мышеловки) *Там плашка такая приделана, и вот мышь-та идет, идет, а тут сверху еще вот так вот, тоже деревина, а там сыр ли мучка насыпана, и вот она как ступит-то, плашка лиже упадет.*

(13) *Я в печку посмотрела, мне показалось, что уж оно всё исшайло⁴; такое-то угольё, бывает, что там внутри эка зрелое, а сверху как позатемнело; я взяла да трубу-ту закрыла; ночью-ту у меня лиже старша-та дочь разбудилась, заплакала, я соскочила, грю: чего? — ой, мама, у меня голова болит.*

(14) *Называлось, что залом, там заломило дак — может, на повороте, может, где-то о берег кусты есть, дак за кусты одно бревно прилепилось, потом другое прилепилось, да вот лиже вся река, всю реку и заломит.*

Как уже было сказано, *лиже* в большинстве случаев стоит на втором месте в синтагме, тем самым проявляя нормальные архаичные свойства частицы. Первым словом может быть и союз, присоединяющий клаузу — например, *а* или *да*, а также частица в функции союза (*дак*, *вот*); в этом случае ударение падает на союз, а *лиже* к нему просодически примыкает, например:

(15) *Они жили путем, дак ему шахты там надоели, они путем-то жили дак, ему шахты надоели, он в шахте не хочет, не может, да ведь и страшно, в шахте дак, ну так он восемь годов отробил, да лиже он уехал сюды, вот к дочери-то к моей.*

³ Отметим, что единственный информант, попытавшийся пространно объяснить семантику *лиже*, описал ее именно и использованием оборота «взял и сделал»: *Ну лиже, лиже... Я взял да выступил. Я взял лиже выступил. Вот не утерпел. Я взял и выступил такого у нас нет, лиже выступил — да. Короче, не утерпел. Вот тоже депутат: взял да выступил, а тут — лиже выступил да и всё. Вырвался, подрался кое с кем да, вышел да сказал, что у него тут накопело — вот лиже. Взял да.*

⁴ Исшайть — прогореть дотла.

(16) *Лучат⁵ некоторые на лодках, а некоторые дак на плоту; они закалывают там чем-то, видно, наставляяют этот, свет-от, увидят да́ лиже ткнут вострым чем-то.*

(17) *Надо ехать было, говорили в двенадцать дня, а́ лиже позвонили, что раньше повезут, в восемь утра.*

(18) *Там ни дома инвалидов нет, ни дома престарелых нет, а́ лиже потом Валентин в пенсионном узнал и говорит, тебя Коля свозит в Подюгу.*

(19) *А ткать-то будут — так сюда вот просовывают, и оттуд оно навито-то сюды, идёт сюда ткаться, выткнут, сколько там метров надо, да́к лиже отрезали.*

(20) *Она там тоже — подделали какие-то там документы, она в конторе работала, а потом проверили, не по совести тут сделано, так там с лесопункта ее освободили из конторы, не надо такого грабителя. А она-то осталась здесь, была в администрации, шоркалась, чуть не главная тут была, кассиром ли кем ли, и тут быстро — их как два было три, дак не столь было заметно, а как компания тут насобиралась из пяти примерно, вот разоблачили, вот лиже тут нашу шайку-администрацию и расшибли.*

Примеры с частицей *лиже* весьма многочисленны: она регулярно употребляется большинством старших носителей говора и представляет собой яркую диалектную черту Тавреньги. Возможно, ареал распространения *лиже* и более широк: в ходе экспедиции 2016 г. в деревню Благовещенская соседнего Вельского района Архангельской области также были записаны несколько контекстов с *лиже*, с аналогичными синтаксическими свойствами и семантикой. Сбор материала для АОС продолжается, и можно предполагать, что пристальное изучение «мелких слов» диалектной речи еще откроет новые, неизвестные ранее лексические единицы даже из такого, казалось бы, закрытого класса слов, как частицы.

2. Из наблюдений над союзами. Помимо общих с литературным языком союзов (таковых большинство), в говоре Тавреньги употребляются и диалектные — как сочинительные (*ли* ‘или’, *да... да* ‘и... и’), повторяющийся постпозитивный союз), так и подчинительные (*болозе* ‘благо что’, например: *Пойду в огороде почищу, болозе время есть*). В настоящей статье мы хотели бы подробно рассмотреть особенности функционирования союза *что*, поскольку характер его употребления явно отличается от литературного.

Основной тенденцией в употреблении союза (союзного слова) *что* в говоре Тавреньги можно назвать его расширенное употребление по сравнению с литературным языком, его полифункциональность и многозначность. Так же, как в литературном языке, *что* может присоединять придаточные изъяснительные и меры и степени, ср.: *Он чует, что я на его горячуся, хлопалку ищу* (сержусь на кота, ищу мухобойку); *Отрепья пряли толстые такие, что уж только вязать и под*. Но вместе с тем, *что* может вводить и целый ряд других типов придаточных предложений. Рассмотрим их по группам.

⁵ Лучить — ловить рыбу с лодки в темное время суток, привлекая ее светом факела или фонаря и протыкая острым предметом (обычно острогой).

1) Союз *что* может выражать причинные отношения и вводить придаточное причины (т.е. соответствует литературному *потому что*): *Я сижу, обула и ноги, что холодно; В восемь часов почти встаю, лежу-то долго, что свет-от жегчи жаль; А его еще не брали в ФЗО, что молод; У Семёновы всё грязно... вымыла бы порядком, а то дочь придет, в машине и ночует, что душинища⁶; Его увезли в Коношу в терапию подлечить, что больной; Мы только в бане вымоемся, чайку поьем да поедем домой, что мне с восьми на работу; Яша всю неделю на квартире жил и только на выходной домой возили, что с лесопункта не осталось рабочих-то тамо-ка, каждый день машина не ходила; Первые санки — запрягли лошадь в эти сани, а это подсани, что лес-от долгой был, на одних-то санках он короток, так сзади были еще подсанки и мн. др. В главной части может возникать соотносительное слово *то*, всегда ударное: *Я с утра баню топлю, я с утра то́ топлю, что она выстоится, пойду — и тепла хватает, и мыться легко; Лук желтеет то́, что черва наверно есть там в земле; Видишь, это подполок, а это пол, так вот зимой наверно то́ и холодно, что здесь лико вот высокое подполье, так тут холоду-то много, вот у меня зимой-то то́ и холодно, что тут большие холоду-то поступает и др. Соответственно, значение «поэтому» выражается в говоре одиночным ударным *то́*: *Кровать покрашена, дак то́ доска к ей и прилипла; Я думала, к ей всё по деньги бегают, мужики-то займуют, а Нинка говорит — она спиртом торгует, так то́ и бежат к ей; У Полины Петровны дети есть, парень есть и девка, только может живут далёко, так то́ не уезжает и пр.***

2) Союз *что* может выражать целевые отношения (соответствует литературному *чтобы*): *Застряли, мы с ей топчемся, топчемся, чурочки подтаскиваем, что выехать-то нам из этой ямы; Хорошо, что сами не провалилися туды с трактором, а мы больно-то кругом бежали да кидали чурки-ти, что выехать; Артем приехал по меня, что меня увезти в больницу; Коз много, залезают в огороды... дак козам навешивали кресты — две палки, дак вот она идет, если она в огород упрется в дыру, что ей залезти, а этот ей крест-от не даст и под. Как правило, глагол в зависимой части употребляется в форме инфинитива, однако в редких случаях можно наблюдать формы презенса, ср: *Круглая репа была, жёлтая, вот намыли, вычистили — да в печь садили, что изопреет, заслонку приставят да и глиной умажут.**

3) Союз *что* используется в сравнительных придаточных (соответствует литературному *чем*): *Пришли — а там следы, а у волка след больше, что у собаки, видно, что волки; Нынешние дома да и старинны дома — дак уж есть розличка: старые, старинные дома много крепче, что вот нонеча строят, ноне лес-то-от слабой, он долго на корню-то не стоял; Мне Валентина Ивановна больше понравилась, что дочь; На мелу-то даже лучше пекчи, что на дрожжах, хлеб-от; Можно четыре полоски вырезать, пошире вот, что эти-то, клейстеру наварить и приклеить; Ты еще красивее стала, что была-то; Ну, кузнецу-то ладно, а вот который бьёт молотом-то, тому тяжелее, что самому кузнецу (подмастерью кузнеца)*

⁶ Душнища — вонь, сильный запах.

и мн. др. Литературной конструкции *чем... тем* в говоре соответствует *что... то*: *Вот опять глаз зачесался — а что больше чеши, то больше чёшется; Мне что дальше, то всё хуже и хуже; А были такие заартачки, что что покрепче натяни, то они больше лезут в сторону куда-нибудь, не удёржишь* (были такие непослушные кони, что чем сильнее натягиваешь удила, тем они хуже управляются); *Один раз ей говорят: Надеха, почто ты врёшь? — а она: девки, уж простите меня, вот как начну чего говорить, говорю-говорю, мне что дальше, то больше врётся, знаю, что вру, а расстаться не могу и пр.*

4) Союзное слово *что* может вводить придаточное определительное (соответствует слову *который* в разных предложно-падежных формах): *Дак вот два полена положь, что на растопку-то, те загорят — и эти истопятся скоро; Там материал привезён, что летом будут всё делать; Выбежала на остановку, что с Красивого приходит транспорт по рабочим; А могутны кони, что могут везти да всё — те на войну были взяты.* Вероятно, в связи с освоением литературной нормы в речи носителей диалекта периодически встречаются конструкции с двойным средством связи *что который*, ср: *Она таблетки успела купить, те что которые записала, а во вторник аптеку уже закрыли; Коля-то... вот эту Ирину-то он узнал, что которая евонна жена Ирина Григорьевна, она приезжала тут разок в Слободу.*

5) Как и в литературном языке, союз *что* вводит косвенную речь; при этом очень часто сохраняется исходная глагольная форма (наклонение, лицо, число) предиката прямой речи: *Гадала она Сашке по книге, написано не по-русски, вот она откроет книгу и судит, и вот этой Сашке выгадала, что уедешь, работать будешь; И тот долго, наверно полмесяца сидел в милиции, и всего исхлестали, что сознавайся, сознавайся; Стоит в углу, тарак⁷ продает, что вот купите у меня, купите.*

6) Союз *что* употребляется в некоторых устойчивых оборотах, например, *не иначе что*: *Я грю: Колька, это не иначе что волк; Я тебе скажу, у Нинки не иначе что рак, я вижу, как она хۇдает.*

Как видно, союз *что* в говоре Тавренъги может передавать большой спектр смысловых отношений между предикативными единицами; порой эти значения синкретичны и с трудом поддаются однозначной трактовке. Например, *Там были такие ёлки, тако место было, крышии не было, а ёлки — здоровы-здоровы ёлки, дак вот кони-ти, лошади-ти, все и собиралися к этим ёлкам, что их и не мочит* (причина/ цель), *Ийка попросила у ее рельсу, что будут дом поднимать, дак рельса надо* (изъяснительное/ причина); *На той неделе психанула на меня, убежала, что домой пойдёт жить* (изъяснительное/ цель); *Я мало в лесу была, года три или четыре, что зарабатывала деньги-ти, а четверту-то зиму я не полностью* (причина/ определительное); *Питались соломой да клевером, вот затопят печку, что олябышей разных насжимают с соломой да с клевером, и ели* (цель?); *Дегтяную тряпку привяжут к этому копыту, что копыто заломилося* (причина/определительное);

⁷ Тарак — тряпка, одежда.

Посылают сватов к невесте, например две вот бабушки пойдут свататься; если высватают — дак им полотенце подарят, что невеста согласна если, дак дарят полотенце, пойдут домой, что высватали, и начинают свадьбу (причина/ изъяснительное); Дождь, ливень, и еще какой-то мужчина к ним стучится, что переночевать, пустите, я ничего, я тут в уголочке посижу, что невыносимо — темень, страшная темень, да еще дождь (изъяснительное/ цель + изъяснительное/ причина); Было и льняное, и врядно ткали, вот эти матрасы — дак их врядно ткали, что они плотнее, крепче (причина/цель) и пр.

Таким образом, союз (и союзное слово) *что* имеет в говоре Тавреньги по сравнению с литературным языком больше функций, т.е. может оформлять существенно большее число семантических отношений между главной и придаточной частями сложного предложения. Назвать его универсальным маркером подчинительной связи невозможно, поскольку в говоре активно используются и другие союзы и частицы в функции союза, но факт расширенного употребления очевиден, равно как и высокая степень синкретичности выражаемых значений.

3. Из наблюдений над предлогами. В говоре Тавреньги употребляются как общие с литературным языком, так и собственно диалектные предлоги (двойные: *по-за, по-под*). Однако и «литературные» предлоги в говоре могут иметь синтаксические и семантические особенности. Рассмотрим это на примере предлога *по* в конструкциях с винительным падежом.

В литературном языке предлог *по* статистически существенно чаще употребляется с дательным падежом, а в конструкциях с винительным используется в значении ‘вплоть до’ (временном и пространственном: *с понедельника по пятницу, зайти в воду по поясу*), а также в устойчивых выражениях с целевым значением типа *ходить по грибы/ по ягоды*. Особым случаем является употребление предлога *по* в дистрибутивном (или распределительном) значении, т.е. в сочетаниях с числительными, «обозначающими цену или количество, приходящееся на каждого» [Ожегов 1975: 482]: *детям раздали по яблоку/ по два банана; все взяли себе по конфете/ по три конфеты; я жила в Москве несколько раз по месяцу / по два месяца*. В этих случаях числительные *два, три, четыре* и пр. стоят в винительном падеже (*жила по два месяца*), причем существительное в этих случаях не согласовано с числительным и употребляется в счетной форме; если же имеется или подразумевается (опускается) слово *один*, то используется форма дательного падежа: *жить по (одной) неделе, (одному) месяцу, году*.

В говоре Тавреньги отмечается несколько расширенное по сравнению с литературным языком употребление предлога *по* с винительным падежом. Во-первых, как и во многих других севернорусских говорах, *по* используется в значении цели не только в устойчивых выражениях, но и в свободных сочетаниях, где соответствует литературному *за*, например: *А я вставала рано, встану и бегу по дрова, дров приволокчи чтоб на истопель; Я не хожу никуда по землянику; Дедушко пришёл, говорит: пойдём-ко, Опросинья, по щук; Поди, говорю, по Вальку, Валька пристрелит (волка)*. Как видно, в таком значении *по* употребляется свободно, в том числе и с именами собственными.

Во-вторых, предлог *по* часто употребляется во временном значении. В некоторых случаях такое употребление соответствует литературному дистрибутиву, например: *А некоторые дак — запуск долго, некоторые долго не доят, месяца по два, по полтора оне отдыхают* (о коровах; здесь подразумевается регулярность ситуации). Однако чаще в речи информантов приходилось слышать предлог *по* с винительным падежом в контекстах, предполагающих однократность действия; значение здесь — ‘в течение, на протяжении какого-то времени’; часто в литературном языке такому *по* соответствует *ноль* (предлог отсутствует). Например: *У меня под полом стало нельзя и картошки держать, набезжит всегда воды, как дождь дак; по две осени туды, в Тавреньгу возили* (две осени так было); *Зимой я тут не живу, по две зимы уж* (уже две зимы ездит к детям); *Ноне этой печи по третий день не топила* (три дня не топила); *У меня сестра приезжала — не по одно лето жила* (не одно лето, несколько подряд); *Гречневую кашу тоже дак по два дня варила, тоже не хочу, наелась* (два дня подряд варила) и т.п.

Во многих контекстах предлог *по* употребляется со словом *год* в единственном и множественном числе, с числительными и без него: *Вот эта сегодня женици-на звонила, дак она по два года приезжала, копала* (два года подряд); *По те годы не выходило много сена, на лошаде привезу — дак много ли* (в те годы); *По те годы автобус ходил, так на автобусе* (ездили); *Вот спасибо тудо-ка вологжанин или кто ли приехали по другой год, вот паишут поля, у нас всё было брошено; Вот тоже было черноплодки ой много по один год* (один какой-то год); *Нонь уж не по один год так не жгли* (не делали большой костер уже несколько лет); *Дак я не по один год поливала, дак у меня хороший был* (лук поливала несколько лет соленой водой). Как можно видеть, *по* в этих сочетаниях не означает ‘в течение’, а просто указывает на временной интервал или период времени внутри него: черноплодки было много не в течение всего года, а в какой-то момент (вероятно, летом) того года.

Это обстоятельство проясняет значение сочетания собственно *по́ год*⁸: оно значит то же, что *по один год*, то есть «в какой-то год» или «в тот год», ср.: *Скотины было много в колхозе, а кормить-то нечем, дак вот как-то оне чесались по год, дак всех водили в парилку* (как-то в один год было такое, что скот запаршивел и стал чесаться, и их водили в парилку); *Я дом страховала, как-то раз по год не всё заплатила; Хлебом худо было, по год было, дак я некла челпаики; Женицина мне по год картошки дала..., и трава не вышла* (ботва не взошла); *А в какой-то год, ну наверно года уже поди два или три, вот соседка да сноха Ольга, пошли — бабушка, пойдём, своди нас по малину; пошли вот туды по малину, а по год ходили, я пока еще не болела сердцем-то, дак ходили* (в тот год; ср. в начале фразы синонимичный оборот).

В свете сказанного представляется спорной трактовка *по́год* как наречия в СРНГ: материал, собранный в Тавреньге, показывает, что это свободное сочетание *по* и *год*, синонимичное *по один год* и допускающее распространение типа *по другой год*, *по второй год* и пр. Еще более спорными кажутся значения, приводимые

⁸ В сочетаниях *по* со словами акцентной парадигмы *с* ударение закономерно переносится на предлог.

в СРНГ: «Раньше, прежде; несколько лет назад; в прошлом году; в позапрошлом году; два-три года назад» (все примеры с пометами Арх., Волог.) [СРНГ 27: 297]. Приведенные контексты (*Погод из Москвы были, старинных песен добирались; Погод — не сейгод, и не лони, а ране*) схожи с записанными в Тавренъге и могут значить «в какой-то год» (ответы информантов на вопрос, сколько именно лет назад, будут зависеть от конкретной ситуации и контекста, а у самого слова *погод* этих абсолютных временных значений нет).

В пользу трактовки *по год* как свободного сочетания говорит и употребление в говоре Тавренъги сочетаний *по́ день, по́ вечер, по́ раз*, также допускающих распространение определениями, ср.: *Она нам дала сапоги из поросёнка, дак мы с братом ходили в школу, через поле ходили, дак по́ день он сходит, да по́ день я схожу в школу, вот так ходили; Бегаёт одна (женщина), по́ день видела и по́ другой видела, она сравниваласи со мной, я говорю: гуляешь?; Челябинск — Ленинград шёл (поезд), так он ведь по́ день идёт с Екатеринбурга да с Челябинска, а по́ другой идёт с Ленинграда; Толя сегодня по́ первый день вышел обирать жуков; Вечеровали, по́ вечер в одной избе соберемся, по́ вечер уж у соседей; Тут по́ раз идём — я в магазин, а он из магазина идёт; По́ другой раз нонь тоже приходится соврать*. В СРНГ имеется и наречие *по́раз* в значении «как-то раз, однажды»; значение полностью соответствует материалу из Тавренъги, однако перед нами, вероятнее всего, всё же сочетание предлога с существительным.

Можно было бы предположить, что материала из одного населенного пункта недостаточно, однако, по наблюдениям О. Г. Гецовой, употребление предлога *по* с винительным падежом во временном значении является общearchангельской диалектной синтаксической особенностью [Гецова 1997: 135].

Этот частный сюжет, связанный с одним предлогом, показывает, что при сборе диалектного материала важно видеть в говоре общую картину употребления служебных частей речи, в данном случае, предлогов, с их синтаксическими и семантическими особенностями, чтобы избежать фантомных единиц и значений в диалектных словарях.

Литература

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–17. М., 1980–2017–

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Выпуск VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975.

Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать*, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. № 19 (1) М., 2010.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 17. Л.: Наука, 1981. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992. Вып. 30. СПб.: Наука, 1996.

Irina V. Begunts
Moscow State Lomonosov University
(Russia, Moscow)
ibeg04@mail.ru

FUNCTION WORDS AND THEIR USAGE IN NORTH-RUSSIAN DIALECTS: LATEST OBSERVATIONS

The paper considers certain function words, i.e. particles, conjunctions and prepositions, found in one North-Russian dialect. The study is based on records made in expeditions of 2011–2017 to the village Tavren'ga, Arkhangelsk region, Russia. It is due to thorough analysis of these long-duration records that we can now define usage and functioning of quite short and subtle local function words. For instance, there has been discovered the particle *lizhe*, and its semantic and syntactic properties investigated. The particle is missing from standard Russian and appears to have no regular equivalent in it. Also, some conjunctions (*chto*) and prepositions (*po*) are regarded in great detail. Whereas they are treated as common for dialects and standard Russian, yet, in the dialect they reveal numerous differences in functioning, in terms of both semantics and syntax.

Key words: Arkhangel'sk region dialect, function words, local participles, preposition *po*, conjunction *chto*.

References

- Arhangel'skij oblastnoj slovar'*. Issue 1–17. M., 1980–2017–
- Gecova O. G. Dialektnye razlichija russkih arhangel'skih govorov i ih lingvogeograficheskaja harakteristika. *Voprosy russkogo jazykoznanija. Vypusk VII. Russkie dialekty: istorija i sovremennost'*. M., 1997.
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka*. M., 1975.
- Pozharickaja S. K. Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov byt', byvat', v severnorusskoj dialektnoj rechi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2010, no. 1.
- Slovar' russkih narodnyh govorov (SRNG)*. Issue 17, 27, 30. L.–SPb. 1981, 1992, 1996.

Е. А. Галинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

eagalinsk@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *ТОТ-ТО* В КУРСКИХ ГОВОРАХ

В курских говорах отмечено редуцированное указательное местоимение *тот-то* с формами типа *того-то*, *тый-ту*, *тэй-тэй* и т.д. Его значения частично сопоставимы с анафорическими значениями местоимения *этот* русского литературного языка, например, оно отсылает к упомянутому объекту, но, в отличие от литературного языка, бывает удалено от antecedента распространенным сообщением (или сообщениями) на другую тему. Употребление местоимения *тот-то* сопоставимо и с употреблением слова *этот* в русской разговорной речи и северных диалектах: оно может быть субстантивом, отсылающим к 3-му лицу или предмету — упомянутому и не упомянутому; имеет артиклевое значение в составе указательной группы, впервые называющей объект, ранее не упомянутый, но актуализирующийся или в принципе возможный в описываемой ситуации. Подобно местоимению *этот* в разговорной речи, местоимение *тот-то* служит для постоянного обозначения одного и того же объекта, выполняя, как и в предыдущем случае, артиклевую функцию.

В древнерусском языке существовали противопоставленные по пространственному отношению указательные местоимения *сь* и *онь-оного* и местоимение *тъ* (> *тоть*), нейтрально отсылающее к 3-му лицу или предмету. Далее *сь* и *онь-оного* из живого употребления вышли и осталось только местоимение *тот*, на базе которого позже возникло местоимение *этот*. В деловой письменности XVII века *тот* употребляется в артиклевых значениях, тех же, что имеет местоимение *тот-то* в курских говорах. Это может говорить о том, что деловые тексты XVII века в какой-то степени отражают особенность живого языка своего времени. С другой стороны, функционирование *тот-то* в курских говорах, схожее с употреблением *тот* в деловой письменности XVII века, возможно, свидетельствует о том, что эти говоры сохранили архаическую особенность — использование по преимуществу только одного указательного местоимения.

Ключевые слова: указательные местоимения, русские говоры, русская разговорная речь, памятники русской деловой письменности.

В звучащей хрестоматии [Русские народные говоры] опубликованы четыре текста, записанные в Курской области, в которых отражается интересное морфологическое явление. Это тексты № 13 (Щигровский р-н, с. Охочевка; информант Анна Федоровна Рюмшина 1925 г. рожд.; записал А.М. Красовицкий в 1994 г.); № 14 (Обоянский р-н, д. Бушвино, информант Мария Антоновна Лунёва 1915 г. рожд.; запись сотрудников Курского пед. ин-та); № 15 (Золотухинский р-н, д. 1-е Скородное; информант Матрена Гапеевна Савенкова 1906 г. рожд.; записала А.М. Кузнецова в 1969 г.); № 16 (Октябрьский р-н, с. Черницыно; информант Варвара Акимовна Хромцова 1916 г. рожд.; запись из фонотеки Курского пед. ин-та). Населенные пункты, из которых происходят тексты, располагаются соответственно к востоку, югу, северу и западу от Курска. Все четыре говора, относящиеся к Курско-Орловской группе, однородны, отражая примерно одинаковые диалектные явления. И во всех четырех говорах встречается указательное местоимение *тот-то*. О синтаксических функциях этого местоимения речь пойдет ниже, пока же продемонстрируем элементы его парадигмы склонения, извлекаемые из текстов, приводя формы в транскрипции, принятой в издании [Русские народные говоры]:

	Муж.р. ед.ч.	Жен. р. ед.ч.	Ср.р. ед.ч.
И.п.	<i>тот-тэ</i>	<i>та-та</i>	
В.п.	<i>тэвó-тэ</i> (одушевл.)	<i>тэй-ту, тэй-ту</i>	<i>тэй-тэ¹</i>
Р.п.	<i>тэвó-тэ</i>		
Д.п.	<i>тамú-тэ</i>		
Т.п.		<i>тэй-тэй</i>	
П.п.		<i>тэй-ту, тэй-ты, тэй-тэй</i>	

В И.п. мн.ч., а также в В.п. мн. ч. в сочетании с неодушевленным существительным — *тэ-тэ*.

Как видим, рассматриваемое местоимение образовалось путем редупликации, причем для формы *тот-то* редупликация двойная, так как сама форма *тот* образовалась в истории русского языка путем удвоения. Дело в том, что форма И.-В. пп. ед.ч. *тэ* была односложной и, видимо, не слишком выразительной, отчего в большей части древнерусских диалектов она осложнялась прибавлением еще одного *тэ*². В наиболее древних памятниках форма *тэтэ* не отмечается, что, однако,

¹ Местоимение отмечено в сочетании со словом «одеяло», средний род которого доказывается сочетанием следующих примеров: *нэйла я адиялэ нимецкая* (не мужской род, судя по согласованному слову) и *тиридрала тэй-ту э... тэй-тэ адияла* (не женский род, судя по окончанию самого существительного).

² Второй тип осложнения в И.-В. пп. приводил к появлению формы *тыи* с напряженным редуцированным (отсюда современные диалектные *той, тэй, тэй*), которая встречается уже в самых ранних памятниках церковнославянского языка, например в Остромировом Евангелии, то есть она должна была возникнуть в дописьменный период. Если форма *тыи* появилась в достаточно раннюю эпоху существования праславянского языка, то была образована с помощью добавления местоимения **и*, так же, как членные формы прилагательных. Если же она возникла в позднепраславянском языке накануне или в процессе его распада, то можно считать, что это аналогичное образование под влиянием уже существовавших полных форм прилагательных.

не значит, что в живом языке ее не было. Первая ее фиксация — в Договоре неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом 1223–1225 гг.: *смолянину же тѣтъ тѣварь не надобе*.

Указательное местоимение, восходящее к **тъ*, имеет осложненные формы в украинском языке и в западославянских языках. В украинском наряду с местоимением *той* есть и *тамтой* со склоняемой второй частью и неизменяемой первой частью, имеющей наречное происхождение. Ср.: *Я забула тобі в тамтому листі написати, що я передала тобі через Каменського всі томи Толстого, окрім «Войны и мира»* (Л. Укр., V, 1956, 127); — *Тамтої зими так мене в селі всі за ті казки полюбили, ще ні одні вечорниці без мене не обійшлися* (Фр., II, 1950, 348) [Словник української мови, т. 10: 31]. В чешском языке представлено местоимение *tento, tato, toto*, в словацком — *tento, táto, toto*. И там, и там вторая часть — по происхождению указательное местоимение в среднем роде, однако при склонении изменяется только первая часть, например, *Dat. tomuto* в обоих языках. На этом фоне русские курско-орловские говоры выделяются тем, что в них, по крайней мере в формах женского рода, у редуцированного указательного местоимения склоняются обе части, причем с вариативностью в пределах винительного и предложного падежей.

Если говорить о значениях местоимения *тот-то*, то они частично сопоставимы со значениями местоимения *этот* современного русского литературного языка. Указательные местоимения *тот* и *этот* в литературном языке противопоставлены в сфере дейксиса, так что *этот* указывает на близкий в пространственном или временном отношении предмет, а *тот* — на предмет в том же отношении отдаленный. В рамках же анафоры симметричный характер оппозиции отчасти стерт, так как, если нет отсылки одновременно к двум предметам, употребляется в основном местоимение *этот* вне зависимости от того, насколько в предыдущем тексте от него отдален антецедент [см. Кржижкова 1972: 147]. Местоимение *той-то* в исследованных диалектных текстах употребляются только анафорически.

В русском литературном языке конструкция «этот X» часто используется при отсылке к упомянутому выше «X». По словам Е. В. Падучевой, самый естественный антецедент для группы «этот X» — тот, который обозначает некий новый объект, вводимый в общее поле зрения говорящих (как правило, это неопределенная именная группа) [Падучева 1985: 162]. Ср. два примера, в одном из которых анафор стоит непосредственно после антецедента, а в другом несколько удален от него:

(1) *Потом он обругал парижскую публику, которая ничего не понимает в искусстве, и к этому добавил, что в Париже есть только один порядочный человек, и этот человек — королевский мостовицк Леонар Обри*. М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера.

(2) *В одной из дамских голов созрел замечательный проект: для того чтобы сделать правописание доступным для женщин, которые, как всегда, значительно поотстали от мужчин, дама предложила писать слова так, как они выговариваются. Но не успели закрыться рты, раскрывшиеся вследствие этого проекта, как грянула над драгоценными беда*. М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера.

Однако, антецедентом может быть и скрытоопределенная именная группа³. Ср.:

(3) *Вот почему произошел таинственный отъезд за город, вот почему **ребенка** прятали, вот почему **ребенка** услали! Какая же из двух дочерей была матерью: Женевьева или Мадлена? Что касается Женевьевы, то ее надлежит сразу ответить. Нигде не встречается ни тени какого-нибудь указания на то, чтобы Женевьева родила **этого ребенка**.* М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера.

В диалектных текстах есть примеры обоих типов, но анафор может быть удален от антецедента достаточно длинным речевым отрезком.

І. Конструкция «тот-то Х» (или «Х тот-то») соотносится с неопределенной именной группой.

А. Анафор стоит близко к антецеденту или не слишком далеко от него:

(4) *А патом становить у тот-тэ жар **сун**, и стаіц⁴ **сун** тот-тэ да вэчира.* № 13.

(5) *Ана сваріла **сун** и малако ў пэчыку пэстаіла, прыході(т) с рабóты. Вытэшыт тот-тэ **сун** краснэй...* № 13.

(6) *У Тіхънъвых былэ трицэтэ три души: у йиу былэ шэсьтэ сынóу и шэсьтэ **нивэстэк**. Жылі энí бэуатэ, ув адный хати. А симья бальшяя была. У их и хазяйствэ бальшійэ былэ, у их и ох... витряг был. **Нивэски те-тэ** хаділі ані паширэднэ: ныншы дзве нивэски вэрютэ абэт, зэутрэ друуіи, а пòсьлизэутрева трэтии.* № 14.

(7) *Знашйтэ, у Миуашёвых, вот идé Анэшка жывётэ, збóку Анэшки была хата — Миуашёвы у **тэй-та хати**.* № 14.

(8) *Я пэшла па (о)уарóду, нэшла я **адиялэ** нимéцкая, ані лшыэдэй о... адивáli, да принислá, рэссушыла, пэшла нэ паталок, нэшла лáпти, пиридрала тый-ту э... **тый-тэ адияла**, абўли мы явó* № 14.

Б. Анафор удален от антецедента достаточно распространенным сообщением (или сообщениями) на другую тему:

(9) *У Тіхънъвых былэ трицэтэ три души: у йиу былэ шэсьтэ **сынóу** и шэсьтэ нивэстэк. <Далее идет длинный рассказ о жизни семьи, в котором сыновья не упоминаются (17 строчек печатного текста)> Тут пирварот... у калхóз заунáli, ані стáli рэзійжжэатцэ. **Те-тэ** фсе **сынй** жэ жбóнэми и дятъмй сáми рэзйэхэлиса, астэлáсь аднá вдэвá Аксюткэ с двумя дятъмй.* № 14.

(10) *...Ну вэйнá. Былá я нэ рэшьки, прыходя хэзын и ўэваріть: «Пайдём, сабирáй вэщи, **вайнá** нэшилáсь». <Далее идет рассказ о некоторых дальнейших событиях (9 строчек печатного текста)> Пирижылá я **тый-ту вайнóу**.* № 14.

(11) *... пэшла нэ паталок, нэшла лáпти, пиридрала тый-ту э... тый-тэ адияла, абўли мы явó <Далее говорится о том, как разведчик нашел свои документы, побыл у рассказчицы четыре дня и решил идти искать свою воинскую часть (5 строчек печатного текста)> Ну вот, абўли w **те-та лáптэки**, ув...уw те ув анушыки, и ён штыры дня у нас пажыл и паиол нэ завóт.* № 14.

³ Е. В. Падучева, впрочем, пишет, что в качестве анафора в таких случаях чаще встречается скрытоопределенная именная группа, чем указательная [Падучева 1985: 162].

⁴ В издании знак ударения поставлен на первый слог, однако в магнитофонной записи слышится ударение на втором слоге: *стаіц* (= стоит).

II. Конструкция «тот-то X» соотносится с определенной именной группой.

А. Анафор стоит близко к антецеденту или не слишком далеко от него:

(12) *Утрэм, да, уш абéдэ вѣтэишыш, вон (= он, т.е. суп) крáснэй, каг бурáк. Та-кóй-тэ суп. Лóпэим, налóпэимси, ф хáте урýсь тóжэ, зем такáя бэлá. Налóпэимси тэвó-тэ сýну, пайдём би... апя́дь бéгэим, мáлиньки эт такí-тэ.* № 13.

(13) *Ну а тут тьялёнак у миня́ был, нáдэ и у...явó весьть. Пэвилá я, пэвизлá я нэ сáласкэх. Адéла евó, накры́ла шáлью, пэсади́ла ф сáласки, пэлажы́ла, привезáла и пэшлá. Дáльным лóуэм пэвезлá. Визла-визлá, миня́ нэшиялó дёрóуть зá нэри, я ишлá в уалóшах и у вáлинкэх. А в ярóушки зэсáда бэлá. Ну што ж дéлать? Я н...тут ня пи-рýйдú, палéзу я на решьку. Палéзла я на рéшьку и на рéшьки я везлá тóт-тэ⁵ тé-тэ сáласки с телёнкэм.* № 14.

Б. Анафор удален от антецедента достаточно распространенным сообщением на другую тему:

(14) *Знáшить, у Ми́уаиёвых, вот идé Анэ́шка жывётъ, збóку Анэ́шки былá хáта — Ми́уаиёвы у тэ́й-та хáти.* <Далее идет рассказ о том, как разведчик спасся от немцев и как рассказчица соорудила ему обувь (7 строчек печатного текста)> *Ну и пашóл ён с Ти́шкаю, и ён укáзывæе. И вот у Ми́уаиёва тэ́й-ту хáту, свай́и да-кúминты пэбрáл и пэбрал тэвáришишэвы.* № 14.

Употребление слова *этот* в литературном языке может порождать множество, сложившееся в определенной ситуации, например, *этот* *приезд* означает, что были и другие приезды [см. Падучева 1985: 160–161]. Такой характер носит и следующий диалектный пример:

(15) *Пиринаши́вали мы тэ́й-ту ношь, прихóдим мы дамóй.* № 14.

От литературного языка в плане употребления местоимений отличается русская разговорная речь, в которой, помимо тех же позиций употребления местоимения *этот*, что и в литературном языке, есть и другие.

Во-первых, это субстантивное употребление местоимения для отсылки к 3-му лицу или предмету — как упомянутому выше, так и не упомянутому. При этом после местоимения может следовать уточнение. Вот несколько примеров из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru):

(16) *Да/ он что-то говорил / чеченец / а этот ему что-то там шептал на ухо.* (Беседа в Москве // Фонд «Общественное мнение», 2003)

(17) — *Нет / ну по крайней мере он знает / что ему хватит и на образование / и на... а олигархи / это те / у кого есть деньги / которые он не знает куда их реализовать.*

— *А эти знают?* (Беседа в Петербурге // Фонд «Общественное мнение», 2004)

(18) *Видел я / как Коля Сорокин по стране / как бабочка на булавке / ежился / когда я ему говорил / «Коля / что ты делаешь / в каких газетах размещаешь рекламные тексты / в левых газетах размещаешь». Он говорит / «Да разве я размещаю / эти из Москвы заказали маркетинговые исследования / выявили наиболее читаемые газеты». (Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004)*

⁵ *Тот-тэ* здесь — оговорка.

(19) *А/ кстати/ знаешь/ блин/ есть такая идея/ только единственное/ короче/ у меня есть ээ вот мама участвовала в выставке рукодельной/ и ей подарили два разных набора больших. Аа эти/ рисовать по номерам/ но там/ ну/ такой большой набор/ по-моему/ три типа триптиха/ вот три картины.* (Планирование встречи // Из коллекции НКРЯ, 2015)

(20) — *Ну мне сразу в этот... в капельницу вкололи там как-то... Как он наз...*

— *Успокоительные.* (Телефонный разговор о медицинских процедурах // Из коллекции НКРЯ, 2015)

Местоимение *тот-то* в курских говорах употребляется в том же значении:

(21) ... *наварили спирва супу. Таму-тэ стали дэвать суп...* № 14.

(22) *О-ох я зэулянула на пёшьку, а ноуи таршя́т шелавёшьи́и, а я издаля́ уэварю́: «Хтой-тэ, хтой-тэ?» А ён уэварить: «Ни бо́йтися́ ёта свайи́». И ён развётчик, пришёл у хату пасья́ нёмса и залёс на пёшьку. Тэдá ш пешь тапи́ли, штоп тёпла́ бы́ла им. Вот мы уля́нули на тэво́-тэ, на развётчика, а ён шярным шёрна́й! № 14.*

В этой же позиции встречается и неударенное местоимение, крайне, впрочем, редкое в анализируемых текстах

(23) *И Аксютка умярла́. Асталáся ад... а тот, сын Аксюткин, с армии ни пришёл, и муш ни пришёл № 14.*

(24) *Вот мэво́ тэвáришиша убíли, убíли вот тут пад низо́м, вот я па...на вáишэй ву́лисы шол, и w wáишэй хáти астэнавíлиси, а дакúминты там, нат тём, нэд буу́ром. № 14.*

(25) *Привязли́ но́шью и зэуя́нли этэ те, пáли (=бревна), дэ́лали. № 15.*

Для русской разговорной речи характерно и употребление указательной группы с местоимением *этот*, которая впервые называет объект, ранее не упомянутый, но актуализирующийся или в принципе возможный в описываемой ситуации. Ср. примеры из устного подкорпуса НКРЯ (ruscorpora.ru):

(26) — *Тошнота.* «Ну/—говорит/—таблетки пью».

—*Ну да/ ну да.*

(27) — «Ну/—говорит/—хочется побыстрее/ щас с **этими** праздниками всё это отдаляется». (Разговор дочери с матерью о домашних делах // Из коллекции НКРЯ, 2015)

(28) — *Одна ходила/ я люблю одна/ идёшь спокойно.*

— *Ну да/ в своих мыслях.* [Смех].

— *Да/ да/ да/ ага. Постояла около сосёнок/ там/ где дачи/ где эти/ Шохины живут*

— *А.*

— *И назад/ назад пошла.* (Разговор дочери с матерью о здоровье // Из коллекции НКРЯ, 2015)⁶

⁶ Сходные примеры из современной спонтанной речи приводит Р. Ф. Касаткина [Касаткина 2012: 6].

В письменном литературном языке случаи такого рода тоже встречаются, но, как правило, подобное употребление указательной группы связано с экспрессией [см. Касаткина 2008: 124], ср. примеры, приводимые Р. Ф. Касаткиной:

(29) *Что за прелесть эта Наташа!* (Л. Толстой. Война и мир)

(30) *Вы видели ее глаза, Сергей Иванович? ...Жуть — такие голубые, словно ненастоящие, и смотрит тебе вот прямо между бровей, будто усмежается, а глянешь в лицо — нет, не усмежается. Смотрит — и по спине мороз дерет, когда волчица из-за кустов в затылок тебе глядит. Умная, решительная, не боится ничего. Этими журналистами продажными, как хочет, вертит, все в свою сторону поворачивает.* (Т. Устинова. Первое правило королевы)

В диалектах же нормально употребление указательной группы с местоимением *этот* без каких-либо экспрессивных оттенков значения, о чем пишет Р. Ф. Касаткина, определяя такое функционирование местоимения как артиклевое и приводя многочисленные примеры из говора Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской области. Вот некоторые из них:

(31) *Цюгуны ставим в печь. Поварим, а тут заметём пецькю, закроем, оно у нас и прёт до вецера. К вецеру вынимаём, крошим мясо это и раскладываем опять по судам, по блюдам. Этот бульон розливаем: там уж по сколько будёт. Долго, годы может (мясо) лежать так. Будет оговорочья. С вилоцькой ходи, как летом как ежели. Не копацьця. Вот взгляни, какую там взять. Раз — раз. Опять загнетай. А гнёт надо хороший, чтобы кадушка эта, судно, не бежала ни грамма.*

(32) *Вот и эти половики, про них скажу. Ты её выкипятишь всяко, а потом на этом настú выбелишь.*

(33) *Вот мы возмём это бельё да замоцим; по-нашему бúцили, в эту кадку положим и буцим. Ведь снацяла этого мыла и не было, да в эту воду-ту сухой золы накладём.*

Но, как мы видим, данная особенность не является специфически диалектной, а характеризует русскую разговорную речь в широком смысле слова — принадлежащую носителям и литературного языка, и диалектов.

Эта же артиклевая функция указательного местоимения обнаруживается в украинском языке, см. [Касаткина 2008: 126] со ссылкой на [Матвіяс 1962: 109] и [Ревзин 1973: 125–127]. Здесь ее берут на себя местоимения *той* и *отой*:

(34) *Тилькі печально, Валечка, що ти пережила таке лихо, я уявляю, як це страшно лягати на той холодний стіл, і підходять до тебе оті хірурги з ножами, я це пережила два рази* (из письма жительницы Киева, пример приведен в [Касаткина 2008: 126] и [Касаткина 2012: 5]).

Вернемся к курским текстам. Тут рассматриваемое местоимение *тот-то* в составе указательной группы, впервые называющей объект, тоже употребляется:

(35) *А то, бгáлэ, пгэдим — ёзьдили, за питнáцэть килóмитрэф, крáли тóт-тэ дуп и устэна́вльли кэпаня́. № 15.*

(36) *Свáрит там куря́м, пэрасёнку шчó-нибу́ть. А патóм станóвить у тóт-тэ жар суп ... № 13.*

(37) *Ана́ придётъ, ну, вѣчирэм. А вѣчирэм вотаскым (=вытаскиваем) тот-тэ чюуно́к ис пѣчи. У чюуно́кх варі́ли, эт(о) вы ни зная́ти, што тако́й(е) чюу́н...но́к и как йиво́ ва́(рят).* № 13.

(38) *А типе́рь как шю́ть, так ужэ́ там прѣстуді́лси, там зэбалел, там та́-та балэ́зня, там та́-та балэ́зня.* № 16.

В том же значении употреблено неударенное местоимение *тот*:

(39) *Ну вот, абу́ли w те-та ла́пэтки, ув...ув те ув ану́шки, и ён шьты́ри дня у нас пажы́л и пашо́л нэ заво́т.* № 14.

В рассматриваемых текстах наряду с частотным употреблением местоимения *тот-то* и редким употреблением местоимения *тот* в трех случаях зафиксировано местоимение *этот*, и все три раза оно находится в составе указательной группы с существительным, упомянутым впервые:

(40) *Вы́тэшы́т тот-тэ суп кра́снэй, э́тэт куші́н мэ дэста́йм ...* № 13.

(41) *Сі́лэс во́зють э́тэт (в)от, ну, называ́йтса уа́рох вазі́ли, ві́ку-смесь, вазі́ли, вот.* № 15.

(42) *... как поп с та́во... с э́тый цэ́рквы прихаді́л ...* № 16.

По наблюдениям Е.В. Падучевой, в русском литературном языке (имеется в виду письменный язык) указательное местоимение не может использоваться для длинной серии упоминания объекта [Падучева 1985: 161]. Однако замечено, что в разговорной речи местоимение *этот* в составе указательной группы вполне употребительно для постоянного обозначения одного и того же объекта [Каширина 1997: 47]. В этом случае, так же как и в предыдущем, оно выполняет артиклевую функцию. Ср. примеры из устного подкорпуса НКРЯ (ruscorpora.ru):

(43) *Мы собираемся снимать этот концерт на dvd и / возможно / сейчас ведем переговоры о выпуске / чтобы этот показали / этот концерт показали по телевидению / но это будет / конечно позже / пока все это смонтируется и снимется / но сам этот концерт / в общем-то / готовится к восемнадцатому марта ...* (Беседы с популярными певцами в радиостудии // Из коллекции Ульяновского университета, 2009)

(44) *Монастырь наш основан во имя образа Пресвятой Богородицы Смоленская. Этот образ являлся покровительницей города Осташкова. Висел этот образ на городских вратах. В тысяча семьсот одиннадцатом году в городе произошёл огромный разрушительный пожар / и / когда разбирали угли / то нашли этот образ невредимым. Стали думать / где этот образ поместить.* (Т/к «Культура». Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2009)

(45) *А тем не менее / если всё-таки этим процессом заниматься / то выясняется / что / действительно / это очень активное такое / активное явление / которое всё время обнаруживается в разных глаголах / которые в словаре не отражены. То же самое и с этими причастными прилагательными. Вот их / огромное количество / и вопрос в том / зачем человеку нужны эти причастные прилагательные / вот / как номинативный ресурс.* (Г.И. Кустова. Доклад на конференции Диалог 2012 // Из коллекции НКРЯ, 2012)

То же явление применительно к местоимению *тот-то* наблюдаем и в курских диалектных текстах:

(46) *И вэдá была на рéшьки. И е брáли, тэй-ту вадú, и нíли, и варíли, и фсё на свéти дéлали на тэй-ты вадý на рéшьки.* № 16.

(47) *Поб дьяшил, дьяшил — усé стэя́ть, (в)се стэя́ть, (в)се с видрáми стэя́ть. Ну вóт. Вóт тафё кóньчел дьяшилъ **поп тот-тэ.** Как он рэзьзивáлси (=раздевался), я даж(е) ни видáлэ. Ну, разьдёлси — как нырнё(т) (в) **тэй-ту пралúнку** (=прорубь)! Ой как нырнúл **тот-тэ нýп** и **тáх-тэ** во паплýл, **вóкэлэ**, у **тэй-тэй пралúнке**, (о)на бльшáя бэлá, **пралúнка.** Аүá, вьнэрнул атьтédэвэ, улянь, улянь — кíнулись, накинуде нэ йиво, а Катя блíскэ, збок прям Мáньки-тэ... Ис-пат крúхи (=кручи) прям у хáту. А мы кíнулисe **фсе вадú брась** (=братъ) **тэй-ту.***

— *И пить, да?* (вопрос диалектолога)

— *И пить, и ришй́ть (=крестить), усё на свéти тэй-тэй вадóю. Да. И нíли тэй-ту вадú даже, этэ ни тó што на дрáку брáли. Пэ двá видрá. Ну вóт, и фсё, и дитэй пайíли, и сáми избрýзүвэли фсё на свeтя. И (в)сё былэ харашо. И **поп тот-тэ** жывой!* № 16.

Если сравнить проанализированные тексты с текстами, записанными в соседних областях, смежных с Украиной [Русские народные говоры], то можно заметить, что в них в составе указательных групп значительно активнее употребляется местоимение *этот*, чем *тот* (*той*). Например, в тексте №4 (Брянская обл., Почепский р-н) местоимение *этот* употреблено 9 раз, а местоимение *той* — 2 раза; в тексте №27 (Белгородская обл., Алексеевский р-н) насчитывается 3 случая употребления *этот* в составе указательной группы и ни одного случая употребления местоимения *тот*. Поэтому вряд ли можно предположить, что высокочастотное употребление местоимения *тот-то* (и редкое употребление местоимения *тот*) появилось под влиянием украинского языка. Видимо, более надежно сравнить ситуацию, зафиксированную в архаическом слое курских говоров, с той ситуацией, которая сложилась в результате исторического развития русского языка к XVII веку.

Для позднеславянского языка предполагается трехчленная система указательных местоимений: **сь*, **ть*, **онь*. Местоимение **сь* обозначало объект, приближенный к говорящему, местоимение **ть* — объект, приближенный к слушающему, местоимение **онь* — объект вне отношений к говорящему и слушающему. А. Мейе провел аналогию с латинскими местоимениями: *hic* 'этот (здесь у меня)', *iste* 'тот (тут у тебя)', *ille* 'тот, там у него' [Мейе 1951: 353]. Помимо этих трех местоимений, в праславянском языке было также местоимение **jь* (**и*, **а*, **е*), нейтрально указывавшее на 3-е лицо или предмет, и местоимение *онь*. О местоимении *онь* мы знаем, что в старославянском языке, а также в русском церковнославянском оно имело особое употребление и использовалось в противопоставлении — в паре с другим местоимением. Ср.: **Улег же шмиривъ городъ овы изъима а другыа расточи и имъныа нхъ штъга** (Повесть временных лет по Лаврентьевскому сп., запись под 1096 г.). Следов его в живом русском языке не наблюдается, хотя другим славянским языкам оно известно: в сербском и хорватском, например, это местоимение стало указывать на близкий объект, заменив местоимение *сь*.

Древнерусский язык трехчленной системы указания на 3-е лицо или предмет уже не знал. Памятники письменности свидетельствуют о том, что противопоставление по близости к говорящему и удаленности от него осталось у местоимений *сь* и *онь-оного*. Ср.: нѣлзѣ бы ни внѣмъ на сѹ сторону ни симъ на внѣ (Киевская летопись по Ипатьевскому сп., запись под 1151 г.)⁷. Что же касается местоимения *тъ*, то никакие древние славянские тексты не дают примеров со значением ‘близкий к слушающему’. Для него на уровне древнерусского языка восстанавливается значение нейтрального указания на 3-е лицо или предмет. Ср. показательный пример, где местоимение *тъ* употреблено в атрибутивной функции, нейтрально указывая на объект (в данном случае — реку), и в том же контексте представлены семантически противопоставленные местоимения *сь* и *онь-оного*: **Изъславъ же ѿступивъ . и есть рѣчка мала . до города . и тѣ исполциса . съ братомъ своимъ Володимеромъ . и съ сномъ своимъ Мъстиславомъ . тѣ же и ста на тон рѣкъ . и стрѣлахутса в ню . Изъслави же стрѣлци перегонахутъ черестъ рѣкѹ на внѣ сторону и Галичане на сѹ** (Киевская летопись по Ипатьевскому сп., запись под 1150 г.). Кроме того, местоимение *тъ* встречается и тогда, когда оно отсылает к уже упомянутому и подчеркивает его известность, определенность, то есть имеет значение ‘тот самый’. Ср. пример из Мстиславовой грамоты ок. 1130 г., где упоминается монастырь святого Георгия (Новгородский Юрьев монастырь) и сам святой Георгий, а в конце говорится: да соудить **кмоу бѣ въ днь пришьствиа своѣго и тѣ стын Георгии**.

И, наконец, следует отметить, что в значении указания на 3-е лицо или предмет чаще, чем *тъ*, встречалось местоимение, появившееся в результате контаминации форм двух местоимений — И.п. *онъ, она, оно, они, оны, она, онѣ* и косвенных падежей от местоимения **и, *а, *к* (*кѣго, кму* и т.д.), так что сложилось новое указательное местоимение *онь-кѣго*⁸.

Переход от древнерусской стадии к современной произошел следующим образом. Местоимения *сь* и *онь-оного* вышли из живого употребления в русском языке (сохранившись в сфере высокого стиля литературного языка), осталось лишь местоимение *тъ*, которое какое-то время функционировало в указательной сфере одно, но оказалось недостаточным для выражения всех значений, присущих указательным местоимениям. В результате на базе местоимения *тъ*, вернее, уже на базе редуцированного в именительном падеже местоимения *тот* (см. выше),

⁷ У местоимения *онь-оного* в древних книжных текстах была и еще одна функция — оно использовалось субстантивно так же, как местоимение *овъ*, при противопоставлении со значением типа совр. ‘те — эти’, ‘эти — те’, ‘одни — другие’. Ср.: **имахутъ вни вни^а а вни внѣхъ** ‘захватывали те этих, а эти тех’ (Киевская летопись по Ипатьевскому сп., запись под 1151 г.), **а лоуцане... ѿступиша они въ городъ . а нни Пльсковѹ** ‘и лучане...отступили — одни в город, а другие в Псков’ (Новгородская I летопись по Синодальному сп., запись под 1167 г.).

⁸ Ныне применительно к современному русскому языку местоимение *он-его* относят к разряду личных, хотя оно сохранило формы древних указательных местоимений, поскольку, с одной стороны, оно полностью утратило функцию определения (следы его атрибутивного употребления находим в Остромировом Евангелии 1056–1057 гг.: **азъ Григории днако^и написахъ еѹ^и лне ѣ**. ‘я, дьякон Григорий, написал это Евангелие’), а с другой стороны, развилась возможность употреблять при местоимении *он-его* местоименные определения (*он сам, его самого* и т.д.).

сформировалось еще одно указательное местоимение *этот* путем присоединения дейктической частицы *е* к форме *тот*. Произошло это, впрочем, достаточно поздно, и возможно, что местоимение *этот* не вошло в норму ни книжного, ни приказного языка. Так, Б. Унбегаун [Unbegaun 1935], исследовавший большой корпус деловых текстов первой половины XVI в., не упоминает о наличии в них местоимения *этот*. Видимо, оно сложилось как чисто разговорное и только начинало входить в употребление. Примечательно, что случаи его фиксации обнаруживаются в материалах частной переписки второй половины XVII века: **ѣтой воли... лѣтше, ѣти росписи, на ѣтихъ указехъ** (письмо князей Хованских).

Итак, главное направление в изменении системы указательных местоимений начиная с позднеславянского периода и на протяжении истории русского языка состоит в том, что трехчленная система пространственных отношений превратилась в двучленную, причем изменился набор и функции местоимений, которые участвуют в противопоставлении: **позднеславянский период:** **sb* — **tb* — **opъ* (все три члена маркированы) + нейтральное **jъ*; → **древнерусский период:** *сь* — *онъ* (оба члена маркированы в сфере дейксиса и анафоры) + нейтральные *тъ* и *онъ-его*; → **старорусский период:** *тот*; → **русский язык нового времени:** *тот* — *этот* (оба члена маркированы в сфере дейксиса и только один член — *тот* — маркирован в сфере анафоры).

Функционируя какое-то время в живом языке в одиночестве, и имея, помимо прочих, значение ‘тот самый’, которое подразумевает отсылку к уже упомянутому, подчеркивая его известность, определенность, местоимение *тот* развило артиклевую функцию. Мы наблюдаем ее в деловой письменности XVI–XVII вв. Это широко представлено, в частности, в южнорусских деловых текстах XVII века, которые дошли до нас в достаточно большом количестве.

Так, отмечается употребление указательной группы с местоимением *тот*, которая впервые называет ранее не упомянутый, объект, актуализирующийся в описываемой ситуации. Ср. примеры из курских челобитных грамот первой половины XVII века:

(48) *жалаба зѣдрь намъ на Богдана Видеѣва да на ево сна на куѣченина на Семена да на члвка ево Микиѣѣка Коѣтавоѣ дѣлаѣ зѣдрь ннешнеѣ РЛВ ѣ гоѣу в Пятроѣ постъ на пятоѣ ндлѣ в няѣнцу после вечеѣни шоѣ зѣдрь Прѣстыѣ бѣѣцы куѣские служка Пеѣруѣка Коѣдраѣѣ своево дворишка на мнстрѣ и какъ зѣдрь приходиѣм в вулицу протиѣѣ таво Семенова осадного двора аѣжно зѣдрь туѣм стояѣм на поѣсаде нарядныѣм дѣлоѣ тоѣм Богдаѣ своими деѣми и людьми [Памятники южновеликорусского наречия, № 23, 1624 г.].*

(49) *и во ста зѣдрь MS ѣ гоѣу жиѣ зѣдрь тоѣм Демеѣка и вдова Гѣѣиѣца s деѣми sa куѣченинаѣ снаѣ бояѣскиѣ за недорослеѣ sa Степанаѣ Гѣѣяновыѣм снаѣ Моѣчяновыѣм на время по челобиѣтю и во ста зѣдрь MS ѣ же гоѣу на Ѣѣлипова заговѣна прихоѣ зѣдрь Степаѣ с своими крѣтъяны i со мѣногими в то Степанова помѣстья Молчянова в деревню Сорину [Памятники южновеликорусского наречия, № 80, 1639 г.].*

Эти примеры сопоставимы с вышеприведенными случаями употребления в сходной функции местоимений *тот-то* и *тот* в курских говорах (35–39) и местоимения *этот* в разговорной речи (26–28), в северо-восточных (31–33) и изредка в курских говорах (40–42).

Довольно широко в южнорусских памятниках деловой письменности отмечается употребление местоимения *тот* в составе указательной группы для постоянного обозначения одного и того же объекта. Ср. примеры из записей курских говоров с местоимением *тот-то* (46–47) и русской разговорной речи с местоимением *этом* (43–45). Приведем отрывок из челобитной попа города Ливны (ныне Орловская обл.):

(50) *и я богомоле^и тво^и би^и чело^и на Ливна^х воеводе кнзю Михаилу Григо^ревичу Ко^зловскому и тѣхъ дете^и боя^рски^х с приста^{во} переима^и тово Ивана Павлова да Елистрата Онисимова да Курдюма Овсяникова а Петрушка Евано^е да Бу^га^к Хани^и ро^ббежали^с и тово своего грабе^жнова живота и без^честь[я] своево на то^и Иване Павлове да Елистрате Онисимове да на Курдюме О^ссяникове пере^д воеводою пере^д кнзем Михаило^и Ко^зло^сски^и иска^и на трица^и на пя^и рублевъ и на пя^и а^тнъ и с суда г^дръ тѣ дети боя^рские в то^и мое^и иску по о^бчаи правде и по саписи что онѣ взяли на меня в пятидеся^и рублехъ что было и^и то^и мои грабе^жнои живо^и мнѣ о^ида^и ве^с и с тово своево иску воевода кнзъ Михаилу Ко^зло^сско^и на тѣхъ детехъ боя^рски^х твои г^дрвы пошлины доправи^и и в моемъ иску вел^е темъ дете^и боя^рски^и мнѣ добива^и чело^и и Курдюмъ Овсяниковъ в свое^и жеребеи мнѣ доби^и чело^и а тѣ дети боя^рские Ива^и Павло^е да Елистра^и Онисимовъ мнѣ богомо^ицу тво^ему в мое^и иску и в без^честье и по ся мѣсто^и не добивали чело^и [Памятники южновеликорусского наречия, № 6, 1622 г.].*

А. П. Майоров в статье об указательных местоимениях *сей, тот, оной, этот* в деловом языке XVII–XVIII вв. приводит схожие примеры и приходит к заключению, что такое употребление местоимения *тот* в деловых текстах XVII века выступало в качестве стилиобразующего средства приказного слога [Майоров 2004: 231–233], однако анафорическое и отчасти артиклевое функционирование модифицированного варианта этого местоимения — *тот-то* (наряду с редким употреблением немодифицированного *тот*) в южнорусском диалекте XX века может говорить о том, что деловые тексты XVII века все же отражают в какой-то степени особенность живого языка своего времени. И наоборот, функционирование местоимения *тот-то* в курских говорах, схожее с употреблением местоимения *тот* в деловой письменности первой половины XVII века, должно быть, свидетельствует о том, что эти говоры сохранили архаическую особенность, существовавшую в истории русского языка, — использование по преимуществу только одного указательного местоимения.

Литература

Касаткина Р. Ф. Псевдо-артиклъ и местоимение-артиклъ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. 3 (9). М.: Наука, 2008. С. 111–131.

⁹ Местоимение *сь* (*сей*) в деловых текстах XVII века в анафорической функции употребительно только в формулах типа *с тѣхъ мѣсть по ся мѣста*. Вторую часть этой формулы мы и видим в данном отрывке. Дейктически это местоимение встречается в словосочетаниях, обозначающих определенный вид документа (*сия челобитная, сей указ* и т.д.) [см. Майоров 2004: 227], что тоже можно считать формульным употреблением.

Касаткина Р. Ф. Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.

Каширина Е. Н. Употребление местоимений *тотъ* и *сей* в русской деловой письменности первой половины XVII века и в разговорнике Т. Фенне 1607 г.: дипломная работа / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 1997. 158 с.

Кржижкова Е. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 141–153.

Майоров А. П. Указательные местоимения *сей, тот, оной, этот* в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2(8). С. 224–239.

Матвѣяс І. Г. Синтаксис займенників в українській мові. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. 131 с.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Иностранная литература, 1951. 492 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.

Ревзин И. И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 121–137.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под редакцией Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999. 207 с.

Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства. За ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970–1980.

Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М.: Наука, 1993. 235 с.

Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). La flexion des noms. Paris, 1935. 480 p.

Elena A. Galinskaya

Moscow State Lomonosov University

(Russia, Moscow)

eagalinsk@mail.ru

THE DEMONSTRATIVE PRONOUN *TOT-TO* IN THE KURSK DIALECTS OF RUSSIAN

In the Kursk dialects of Russian, there is a reduplicated demonstrative pronoun *tot-to* (declined as *togo-to, tiy-tu, tey-tey*, etc.). One can compare its meanings to anaphoric meanings of the literary language pronoun *этот*. For example, it refers to the mentioned object, but unlike the situation in the literary language it can be separated from the antecedent by long pieces of information considering another subject. It is also possible to compare the use of the pronoun *tot-to* to the use of the word *этот* in Russian

colloquial language and in northern dialects, where it can be used as a substantive referring to the third person or an object whether the later was mentioned before or not. *Tot-to* acts as a kind of the definite article when being a part of a demonstrative group which names the object that was not mentioned before, but is salient or possible to mention in the present situation. Similar to the pronoun *ètot* in the colloquial language, the pronoun *tot-to* is used for constant reference to one and the same object (that is also a definite article role).

In Old Russian, there were demonstrative pronouns *сь* and *онь–оного* which were spatially antithesized, and the pronoun *тъ* (>*totъ*) neutrally referring to the third person or an object. Later on, *сь* and *онь–оного* passed out of use in the spoken language, and only the pronoun *tot* stayed present. Later the pronoun *ètot* came into existence, being based on the pronoun *tot*. In business style texts of the 17th century *tot* has article meanings similar to those which *tot-to* has in the Kursk dialects. It can mean that business style texts of the 17th century reflect to some extent the characteristic properties of the spoken language of that period. At the same time, the functioning of *tot-to* in the Kursk dialects being similar to the use of *tot* in business style texts of the 17th century may mean that those dialects preserved an archaic trace — the predominant use of one demonstrative pronoun.

Key words: demonstrative pronouns, Russian dialects, Russian business style documents.

References

Kasatkina R. F. Psevdo-artikl' i mestoimenie-artikl' v slobodskikh govorakh [The pseudo-article and the pronoun-article in the dialects of Slobodsky villages]. *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii*. [Materials and research in the Russian dialectology.]. Ed. L. L. Kasatkin. Vol. 3 (9). Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 111–131. (In Russ.)

Kasatkina R. F. Russkii iazyk ishchet artikl' [The Russian language in the search of an article]. *Voprosy jazykoznanija*. 2012, no. 2, pp. 3–9. (In Russ.)

Kashirina E. N. *Upotreblenie mestoimenii tot» i sei v russkoi delovoi pis'mennosti pervoi poloviny XVII veka i v razgovornike T. Fenne 1607 g. Diplomnaia rabota* [The use of the pronouns *tot» i sei* in the Russian business style documents of the first half of the 17th century and in the conversation book by T. Fenne. Graduate thesis]. Moscow State Lomonosov University, Moscow, 1997. 158 p. (In Russ.)

Krzhizhkova E. Zamechaniia o sisteme ukazatel'nykh mestoimenii v sovremennykh slavianskikh literaturnykh iazykakh [About the system of the demonstrative pronouns in modern Slavic standard languages]. *Russkoe i slavianskoe iazykoznanie. K 70-letiiu R. I. Avanesova* [Russian and Slavic linguistics. In celebration of the 70th anniversary of R. I. Avanesov]. M.: Nauka Publ., 1972, pp. 141–153. (In Russ.)

Maiorov A. P. Ukazatel'nye mestoimeniia sei, tot, onoi, etot v delovom iazyke XVII–XVIII vv. [The demonstrative pronouns *sei, tot, onoi, etot* in the business style language of the 17–18th centuries]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. № 2(8), pp. 224–239. (In Russ.)

Matviias I. G. *Sintaksis zaimennikiv v ukraïn'skii movi* [The syntax of pronouns in Ukrainian]. Kiev, Publishing house of the Academy of sciences of the USSR, 1962. 131 p. (In Ukrainian)

Meie A. *Obshch斯拉vianskii iazyk* [The Common Slavic language]. Moscow, Inostrannaia literatura Publ., 1951. 492 p. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The utterance and its relation to the reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. M.: Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russ.)

Revzin I. I. *Nekotorye sredstva vyrazheniia protivopostavleniia po opredelennosti v sovremennom russkom iazyke* [Some means of expression of the determinacy opposition in modern Russian]. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniia* [Problems of the grammatical modelling]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 121–137. (In Russ.)

Russkie narodnye govory. Zvuchashchaia khrestomatiia. Iuzhnorusskoe narechie. [Russian dialects. Sound anthology. Southern Russian dialect. Ed. R. F. Kasatkina]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 207 p. (In Russ.)

Slovník ukraïns'koï movi: v 11 tt. AN URSSR. Institut movoznavstva. Za red. I. K. Bilodida [Dictionary of the Ukrainian language in 11 vol. The Academy of sciences of the USSR. Ed. I. K. Bilodid]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1970–1980. (In Ukrainian)

Pamiatniki iuzhnovelikorusskogo narechiia. Chelobit'ia i rassprosnye rechi [Manuscripts reflecting Southern Russian dialects. Humble petitions and minutes of interrogation]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 235 p. (In Russ.)

Unbegaun B. *La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). La flexion des noms.* Paris, 1935. 480 p.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

kacza@yandex.ru

**ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ТЕРМИНЫ РОДСТВА»:
МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ И СЕМАНТИКА
(по материалам архангельских говоров)**

Статья посвящена моделям образования форм множественного числа (*брат ~ братья, братья, братовья*) у существительных, обозначающих лиц мужского пола в лексико-семантической группе «Термины родства»: кровников (*брат, сын, дядя, внук*) и свойственников (*муж, зять, деверь, шурин*). Именно для этих терминов характерна наибольшая вариативность форм множественного числа, причем не только в именительном, но и в косвенных падежах. Формы множественного числа у лексем из этой группы образуются путем прибавления окончания к основе (*внук ~ внук-и*); помимо окончания, путем прибавления суффикса *-j-* (*муж ~ муж-j-я, брат ~ брат-j-я*) или суффикса *-овj-* (*сын ~ сын-овj-я*). Каждая из этих моделей в архангельских говорах оказывается достаточно продуктивной.

С одной стороны, у лексем может наблюдаться значительная вариативность форм множественного числа. С другой стороны, одна и та же форма множественного числа может соответствовать сразу нескольким лексемам (*дед, дедо, деда ~ деды*). У некоторых лексем во множественном числе нивелируются гендерные признаки (*внук, внука, внучка ~ внуки*).

Рассматриваются термины родства со значением множества, обозначенные собирательными существительными (*братня, братия, братьё, сыновьё, дядьё, внучье, мужьё, деверьё, зятьё, кумота* и др.). Некоторые существительные во множественном числе имеют особую семантику (*деды, прадеды, отцы-матери* – ‘предки’).

Статья сопровождается таблицами, в которых содержится инвентарь зафиксированных падежных форм множественного числа для лексем, обозначающих кровное родство и свойство.

Материал взят из огромной картотеки «Архангельского областного словаря», из вышедших томов Словаря и из собственных полевых записей автора.

Ключевые слова: русская диалектология, термины родства, диалектная морфология, архангельские говоры.

В народных говорах, в том числе архангельских, чрезвычайно активны словообразовательные процессы. Так, например, более 50 лексем обслуживают понятие ‘родная мать’, ок. 60 — понятие ‘родной отец’, понятие ‘брат’ — более 30, понятие ‘сын’ (с корнем *сын-*) — более 10 и т.д. Не менее активны оказались процессы формообразования. Огромный материал картотеки «Архангельского областного словаря» дает возможность делать наблюдения не только над лексикой, но и над грамматикой говоров. Настоящая статья посвящена анализу форм множественного числа у существительных, обозначающих лиц мужского пола в лексико-семантической группе «Термины родства»: кровников (*брат, сын, дядя, внук*) и свойственников (*муж, зять, деверь, шурин*). Именно для этих терминов характерна наибольшая вариативность форм мн. числа, причем не только в именительном, но и в косвенных падежах.

1. Инвентарь форм множественного числа. Формы мн. числа у лексем из группы «Термины родства» образуются путем прибавления окончания к основе (*внук ~ внук-и*); помимо окончания, путем прибавления суффикса *-j-* (*муж ~ муж-j-я, брат ~ брат-j-я*) или суффикса *-овj-* (*сын ~ сын-овj-я*). Каждая из этих моделей оказалась достаточно продуктивной, что отражено в Таблице 1. Непродуктивным суффиксом является только суф. *-ej-*, зафиксированный для лексемы *брат* в форме *брат-ej-и*. В таблицы добавлены также лексемы *сват* (разные значения этого слова связаны с указанием на свойство) и *кум* (значение связано с духовным родством, возникающим после обряда крещения).

Таблица 1

Образование множественного числа некоторых существительных ЛСГ «Термины родства»

ед. ч.	без суффикса	суффикс <i>-j-</i>	суффикс <i>-овj-</i> // <i>-евj-</i>	суффикс <i>-ej-</i>
брат	бра́ты	бра́тья, бра́тьи	брато́вья	бра́теи
сын	сы́ны, сы́на		сыно́вья	
дядя	дя́ди	дя́дья		
внук	вну́ки, вну́чи, вну́ча	вну́чья	внуко́вья	
муж	му́жи	му́жья	муже́вья	
зять	зя́ти	зя́тья	зятёвья	
деверь	де́вери	де́вэрья		
шурин ¹	шу́рины; шу́ряки	шу́рья		
сват	сва́ты	сва́тья	сватово́ья, сватеве́ья	
кум	ку́мы		кумово́ья	

Различные формы мн. числа часто встречаются в одном и том же говоре и даже в одном высказывании как варианты: *Пожэ́нця дэ́ти на́шы, мы и сва́ты, сва́тья. ПИН. Явзора². З зетья́ми да не с сыно́вьями, фся́ко нажывё́сса, да и сы́ны фся́ки быва́ют. ШЕНК. Ямская Гора.*

¹ Слово *шурин* выделено в таблице, т.к., в отличие от остальных лексем, его первичная основа **шур-* в ед. числе не сохранилась, зафиксированы суффиксальные варианты: *шу́рин, шура́к, шурачэ́к, шу́рьяк, шу́ряк*.

² В конце статьи приводится список сокращений районов Архангельской области.

В Таблицах 2–4 приводятся зафиксированные формы падежного склонения во множественном числе выбранных существительных, сразу за таблицей следуют примеры.

Таблица 2

Формы множественного числа без суффикса

ед. ч.	И	Р	Д	В	Т	П
брат	бра́ты	бра́тов <i>бра́теѝ</i> ³		<i>бра́теѝ</i>	братáми	
сын	сы́ны, сы́на	сынóв	сынáм	сынóв	сынáми	
дядя	дяди	<i>дядеѝ</i>	дядя́м	<i>дядеѝ</i>	дядя́ми	
внук	вну́ки, вну́- чи, вну́ча	вну́ков, внукеѝ, внук, внуч	вну́кам, внуча́м	вну́ков	вну́ка́ми, вну́ки́ма	внуча́х ⁴
муж	му́жи					
зять	зяти	<i>зятѝ</i>	зятя́м	<i>зятѝ</i>	зятя́ми	
деверь	де́вери	<i>деверѝ</i>				
шурин, шуряк	шу́рины; шу́ряки					
сват	сва́ты	сва́тов	сва́там	сва́тов	сва́та́ми	сва́тах
кум	ку́мы			кумо́в		

Брат: *Хто́ мне бра́ты-то? Бра́тоф у меня́ не́ было́ никово́. УСТЬ. Сабуровская. Бра́та́ми сй́ехали́сь, так я ходи́ла. ОНЕЖ. Большой Бор.*

Сын: *Ма́ть у ни́х си́льно пи́ла, запи́ла́ся, и сы́ны поги́бли. ПИН. Сура. Хоть до́ци, хоть сы́на жы́вут шы́пко — я жы́ву по-хри́стья́нцки, мне́ ни́чего́ не на́до. УСТЬ. Синики. У ней мно́го сыно́ф-то. КАРГ. Ошевенское. От Чю́рьейги по пра́вой ру́ки кла́дбище бу́де, я туда́ к сына́м хожу́. КАРГ. Архангело. Сыно́ф, детеѝ бил. ЛЕШ. Смоленец. Катери́на-то жы́вет с тре́ма-ти сы́нами. ПИН. Ёркино.*

Дядя: *Та́м дяди́ да два бра́та жы́вут та́мотка. ПРИМ. Нёнокса. Ро́ду мно́го было́, одни́х дядеѝ се́мь. МЕЗ. Со́яна. Паца́нкой бы́ла, з дядя́м, к те́тям-то йе́жыдила. ШЕНК. Верхоледка. Фсе́х родите́лей со́брали, фсе́х дядеѝ, йе́йной све́кор бы́л. МЕЗ. Со́яна. А он че́рез ма́ло вре́мя з дядя́ми пришо́л сва́таца. ПИН. Ёркино.*

Внук: *Ка́к на́шы вну́ки бу́дут жы́ть, ка́к им дойде́це? ПРИМ. Зимняя Золоти́ца. Вну́ци-то уш фсе́ йеѝ обожа́ют. МЕЗ. Баковская. У меня́ вну́ча до́м поста́вили, на уо́ре вну́к до́м поста́вил. МЕЗ. Баковская. Во́сем вну́коф. ЛЕШ. Шегмас. Се́меро вну́к и це́тверо правну́чат. ПЛЕС. Церковное. Вну́ць-то мно́го, де́вять-то (о мальчи́ках и дево́чках). УСТЬ. Сабуровская. Тепе́ря вот пе́теро вну́кеѝ ви́растила. МЕЗ. Мосеево. Для детеѝ да до́цереѝ на́сме́кано, дак вну́кам сме́кат. МЕЗ. Бы́чье. Я вну́чя́м-то ба́пка. ПЛЕС. Федово. Сво́йих-то води́ла, води́ла, тепе́рь вну́коф на́до*

³ В Р.-В мн. выделены слова, форма которых может рассматриваться как омонимичная двум основам: без суффикса (*дяд-ей*) и с суффиксом *-j-* с утратой самого [j]: (*брат ʔj-ей* > *братей*; ср. *братов-j-ей* > *братов-ей*).

⁴ Как видно из этой и из следующих таблиц, для терминов родства не характерно употребление в предложном падеже.

водіть. ВЕЛЬ. Пежма. Ба́бы-ти фсе́ уш со **вну́ками** пошлі́ воді́цце, поровѣ́нка-то. МЕЗ. Мосеево. Я с **вну́ками** заводі́лась и мно́го годо́ф не ро́била. ПИН. Кеврола. С **вну́кима**. ВИЛ. Тырпасовская. Щя́стьіе мойо́ во **внуча́х**. ХОЛМ. Брин-Наволоч.

Муж: У на́с **му́жы** ця́с придут. УСТЬ. Сабуровская.

Зять: Меня́ лю́бят **зяті** обе́и. ЛЕШ. Белоцелья. У меня́ внуча́т мно́го, **зятéй**. ЛЕШ. Кельчемгора. В вели́ко гові́ньіе носі́ли **зятя́м** виту́шки, о па́ске — яйця́. ПЛЕС. Кенозеро. Фсе́ че́сь по че́сьти, нико́гда не ругі́вала **зятéй**-то. ЛЕШ. Кельчемгора. Зна́ш, каг з **зэ́теми** жы́ть?! УСТЬ. Синики.

Деверь: Бра́тья мойего́ Ворогу́шына для́ меня́ бу́дут **де́вері**, а се́стры — золо́фки. В-Т. Вершина. Лучы́шэ де́вять **деверéй**, чем о́дна золо́вушка. УСТЬ. Строевская.

Шурин: У жэ́ны бра́тья **шу́рины** мне́ бу́дут. ШЕНК. Тарня. Оні́ наве́рно **шу́рякі** бу́дут. ШЕНК. Верхоледка.

Сват: **Сваты́** — йёсли у мо́ло́тки бра́т, то он **сва́т** мне. ПИН. Нюхча. **Сва́ты** — роді́тели с о́дно́й сторо́ны. УСТЬ. Сабуровская. На Лоба́н-то сйе́зды́ть не привело́сь ко **сва́там**-то, з Зі́ніным роді́телям. МЕЗ. Азаполье. А подру́шки ру́гаю́т **сва́то́ф** фся́к. ЛЕШ. Олема. Все́ ро́звеники неvéсты на́зыва́юца **сва́та́ми**. ПРИМ. Нёнокса. Ко́гда іде́т жэ́ніх со **сва́та́ми**, ма́тицу не́льзя́ пере́ходіть. МЕЗ. Бычы́е. Испуга́лась я́, ко́гда сказа́л мне́ о **сва́тах**, веть я́ чере́с сестёр пры́гнула: двé ста́ршы́х сестры́ бы́ли. ВИЛ. Тырпасовская. Как мушкó, дак не быва́ть во **сва́тах**, а каг жэ́нско — не быва́ть во **сва́тых**. ПИН. Явзора.

Кум: Ко́лька-то зове́ца с Мі́шэй-то **ку́мы**. ПИН. Нюхча. Приглаша́ют дете́й, **кумо́ф**, **сва́тьёф**. ПИН. Кулой.

Окончания, присоединяемые непосредственно к основе, считаются достаточно архаичными. По данным Ю. С. Азарх, в памятниках древнерусской письменности они почти не встречаются [Азарх 1977: 197]. Но возможно, в современных говорах это уже новообразования, построенные по регулярной модели.

Таблица 3

Формы множественного числа с суффиксом -j-

ед. ч.	И	Р	Д	В	Т	П
брат	бра́тья, бра́тгы	бра́тьёв, бра́тьёв, бра́тьей, бра́теу	бра́тьям	бра́тьёв бра́теу	бра́тьями	
дядя	дя́дья	дя́дье́в, дя́деу	дя́дья́м	дя́деу		
внук	вну́чья					
муж	му́жья	му́жéй, му́жéй, му́жéв	му́жья́м	му́жéй	му́жья́ми	
зять	зятья́	зятя́ёв зятя́ей зятя́ей	зятя́ям	зятя́ёв	зятя́ями	зятя́ях
деверь	де́ве́рья	де́ве́рьей	де́ве́рьям		де́ве́рьями	
шурин	шу́рья					
сват	сва́тья			сва́тьёв	сва́тьями	

Формы мн. числа с суффиксом *-j-* на *-ья* образовались от соответствующих собирательных существительных: «Особенность семантики терминов родства и свойства... обуславливает... утрату образованиями на *-ья* собирательного значения уже в древнерусский период» [Там же: 202].

Брат: *Оци́и-то их бы́ли бра́тья, а мы́-то уж далеко́нько. ЛЕШ. Олема. Бра́тья тут, хоте́ла повидáца. ХОЛМ. Че́лмохта. Бра́тя купи́ли мне́ г двацатилéтию. ПИН. Кулой. А бра́твы — то́лько оди́н жыво́й. ПИН. Валдокурье. Туд бра́твэй мно́го. ПИН. Ёркино. Де́вять бра́тей, говя́ят, де́сятой ба́тя. ВИЛ. Павловск. Я у него́ бра́тьёв зна́ла, а йего́ не зна́ла. КАРГ. Архангело. У нас тут мно́го бы́ло бра́тьёф развело́сь. ШЕНК. Верхоледка. Их мно́го бра́ттев да се́сьтер-то. ПИН. Ёркино. Ба́йн настрóй-ил бра́тьям йейным. МЕЗ. Бычье. Бра́тэй корми́ть на́до бы́ло. ШЕНК. Верхоледка. У на́з бы бывáйе де́динка, и я́ бы де́динка — за бра́тьями бы́ли. ПИН. Нюхча. Любя́цэ з двою́родными бра́тьями те́перь фсе́, а ра́ншиэ грэх. ШЕНК. Котажка.*

Дядя: *Дядя́ мойи́ фсе́ далеко́ жыву́т. ВИЛ. Селяна. У на́з дя́дья бы́ли. ОНЕЖ. Анциферовский Бор. Туд бра́тья да де́дья. ПИН. Кеврола. В Москвё порабо́тал у дя́двёф. ПРИМ. Летняя Золотица. Г дя́дьям не́весту та́г жэ везу́т. ПИН. Кеврола.*

Внук: *Вну́цья да пра́внуцья. МЕЗ. Долгощелье.*

Муж: *Дава́й э́ту я засу́ю тря́пку, вехо́ть. Пло́хо бу́дут засу́шывать де́фки тря́пки — мужья́ пьяни́цы бу́дут. КРАСН. Черевково. Ма́льчики молодова́ты, мне не ф сыновья́, не в мужья́ не го́жы. МЕЗ. Ручей. Каг говоря́т-то — мужэ́й-то как псо́ф, а ма́ть-то одна́. Оцо́ф как псо́ф. ШЕНК. Верхоледка. Мужэ́й не́ было. МЕЗ. Азаполье. Де́ти от трёх мужья́ёф. ОНЕЖ. Турчасово. А у на́с в Лоба́не жо́нок фсе́ по мужья́м зва́ли. МЕЗ. Бычье. Спу́сьтили́ мужэ́й: ну́сть пью́т. МЕЗ. Ручей. Жы́ра худá — э́то жысы́, ну́, с мужья́ми ху́до жыве́м. ПИН. Сура.*

Зять: *Меня́ ма́мой жэ́ зову́т зетья́-те, у меня́ два зéтя. ПИН. Ёркино. Да пядь зетья́ей. ПИН. Ёркино. Мне́ не приходи́лось ходи́ть г зетья́м. КАРГ. Усачёво. Мне не на́до зятьё́ф пьяниц. КРАСН. Черевково. Зятьё́ф я люблю́, а сно́х не́ту. ВЕЛЬ. Пкш. З зетья́ми да не с сыновья́ми, фся́ко нажыве́сса... ШЕНК. Ямская Гора. Йесли́ ты́ йей напóром возьме́ш, тогдá в зятьях не бу́деш. ПИН. Ёркино.*

Деверь: *Деверья́ та́м жы́ли, ф том до́ме, где вы́шка. ПИН. Кулой. Пожыви́-ко со свекро́фкой, да иши́о деверья́ были дикари́. ШЕНК. Ямская Гора. Семья́: свёкр, свекро́фка, де́верья, золо́фка. УСТЬ. Сабуровская. Семь де́верья́ей, восьмо́й свёкор был и де́вятой де́тко. МЕЗ. Долгощелье. Де́верьям то́жэ по рубáхе. УСТЬ. Сабуровская. Не з золо́фками, не з де́верьями не жы́ву́т ны́нцэ. ВЕЛЬ. Судрома.*

Шурин: *Бра́тья Людми́лины — шурья́. ПИН. Ёркино. Шурья́, бра́тья холо-сты́йе. ОНЕЖ. Ворзогоры.*

Сват: *Сва́тья — твоя́ сестра́ вы́шла бы за моего́ бра́та, мы́ с тобо́й сва́тья. ПИН. Нюхча. Фсех сватьё́ф обдарю́. ЛЕШ. Кельчегора. Фсех сестёр и бра́тьйеф жэ́нихá сва́тьями зову́т. ПИН. Сура.*

При склонении существительного *брат* с суффиксом *-ej-* во мн. числе выявилось лишь две формы: в И. мн. (*бра́теи*) и в Р. мн. (*брате́й*): *Бра́теи-то* и *вы́уци-ли. ПИН. Веегора. Я от ма́тери оста́лась са́ма ста́рша, у меня́ бы́ло пя́ть бра́теи-ёй. ПРИМ. Нёнокса.*

Вот у мойей сестры вьгадалося — и **сватовей** вьдела, и жэниха вьсмотрела, и ф каких шалях пришли. ВИН. Заостровье. Он пришол со **сватовьями**, з двоюродным, он на концэрте-то присмотрел да и задумал, вот ы пришли **сватовья**. ПИН. Нюхча.

Кум: *Стоят кумовья:* кум да кумушка, хрёсной и хрёсна. В-Т. Вершина. Были кум и кумá — это крёсньйе мáть и отёц, они когда кресътили, становились оцү и мáтери **кумовьями**. ПИН. Чакола.

Относительно использования суффикса *-овј-* во мн. числе исследователи пишут, что «в большей части русских говоров такое соотношение основ множественного и единственного числа ограничивается небольшой группой названий лиц мужского пола по признаку родства и свойства. Для многих говоров это соотношение ограничивается двумя такими словам: *сыновья* и *кумвья*. В других говорах такое же соотношение основ наблюдается в словах *братовья*, *сватовья*, *зятевья*, *дядевья*, *мужевья*, *внуковья*» [Бромлей, Булатова 1972: 97].

Помимо терминов родства и свойства, множественностью вариантных форм мн. числа обладает лексема *друг*. Как правило, мн. число образуется либо с помощью суф. *-ј-* (*друзья*, *дружья*), либо *-овј-/-евј-* (*друговья*, *дружевья*). В косвенных падежах: Р.-В. *дружбей* и *дружбей*, *друзбей* и *друзбей*, а также *друговбей*, *друговбей*; Д. *друговьям*, *дружевьям*; Тв. *друговьями*: *Каких-то там дружбей на заводю, как-то там дружбей-то — ни лет, ни примет*. ВИЛ. Павловск. *Как уж были друговья, так уш не бегали бы*. КАРГ. Архангело. *Отёц меня ф школу не спустил: «Зацём? Друговьям письма писать?» ОНЕЖ. Подпорожье. Говорили тады, што учица-то дэфкам не нать: только дружговьям письма писать*. ПИН. Кеврола. *У Макара живёт, друговбей приведёт, спит з друговьями*. ЛЕШ. Смоленец. *Дружбей бешчётно перевелá*. ПИН. Кеврола. Форма без суффикса зафиксирована только одна: Р.-В. *другов*: *Не запускай другов-то*. ПИН. Ёркино.

2. Соотношения форм единственного и множественного числа. Гендерные соответствия во множественном числе. До сих пор мы рассматривали случаи, когда одно существительное имело несколько вариантов форм множественного числа. Но встречается и обратное явление: когда одна форма множественного числа обслуживает несколько форм единственного. Так, форма мн. числа *дедушки* соотносится к существительными ед. числа *дедушка* (1 скл.) и *дедушко* (2 скл.), *деды* — с существительными *дед* (2 скл.), *дедо* (2 скл.), *деда* (1 скл.); *дедки* — с *дедка* (1 скл.) и *дедко* (2 скл.). То же касается ‘прадедов’. Как правило, существительным 2-го скл. на *-о* (*дедо*, *дедко*, *дедушко*) соответствует в И.-Р. мн. то же окончание *-и/-ы*, что и существительным 1-го скл. на *-а* (*деды*, *дедки*, *дедушки*). В падежных формах мн. числа тип склонения не различается: *Злы дёти ни бабушок, ни дёдушэк не запómнили, ни по оцү ни по мáтери*. МЕЗ. Бычьё. *Фсё примерли, никогó нёту большэ бабушэк, дёдушкоф*. ПИН. Явзора. *Или по дёткам прózвиция были*. ВИН. Конецгорье. *Чётверо было тóжо у Лиш (детей), без дёдок, без бабок, каг грица (воспитывала)*. МЕЗ. Бычьё. *Фсех родителей проверяют: оцёв, дёдоф*. ПРИМ. Зимняя Золотица. *Это было у правдёдоф, дёды ставили, не оцү*. ЛЕШ. Смоленец.

Во мн. числе может происходить гендерное смешение. Особенно характерно это для лексем со значением ‘дети’, ‘внуки’, ‘правнуки’, ‘племянники’ и некоторых других. Из контекста не всегда бывает очевидно, о ком именно идет речь, и гендерный аспект либо вовсе не представлен, либо речь идет о лицах обоего пола: **Вну́ки** дво́я. ПИН. Труфаново. *Ходят внуковья́-ти. ЛЕШ. Шегмас. Это нынче вну́чи-то жь́бли, воева́ли (баловались). МЕЗ. Азаполье. Никола́й Чюдотворец, спаси́ и сохрани́ мо́их де́тонёк, вну́чёнёк. КАРГ. Кречетово. Щя́стьё моё во вну́чя́х. ХОЛМ. Брин-Наволоок.* Для этих лексем соотношение единственного и множественного числа может быть нестандартным. Так, мн. число *внуки* обслуживает несколько лексем: *внук* и *вну́ка*, *вну́чка*; форма *вну́чи* может объединять лексемы *внук*, *внуч*, *вну́ча* (девочка) и *вну́ча* (мальчик); форма *вну́чки* соответствует единственному числу лексем *внучёк*, *внучка*, *внучко*; форма *вну́ченки* соответствует словам *вну́чёнок*, *вну́ченка*, *вну́ченко* — и т.д.

Ср. в ед. числе: *У меня́ внук* и *вну́ка*. ВИН. Конецгорье. **Вну́ка** да **вну́к** фчерá при́ехали. ВЕЛЬ. Лиходеево. Во мн. числе: **Во́сем вну́коф**. ЛЕШ. Шегмас.

Ед. число: **Вну́ця** при́ехал. ЛЕШ. Лебское. *Ко мне́ при́ехала вну́ця. ОНЕЖ. Трч.* Мн. число: *Я вну́чям-то ба́нка. ПЛЕС. Федово. Вну́ця бы́ли с собо́й. УСТЬ. Бст. Вну́ця то́жэ ма́стерá. ЛЕШ. Юрома.*

Ед. число: **Внучёк** с ы́бня привезён дак. МЕЗ. Свп. **Вну́цек** в го́ды пришо́л. ВИН. Моржегоры. *Во́т како́й вну́цько. ШЕНК. Верхопаденьга.* Мн. число: *Га́ля да Ко́ля — сыно́ф мо́йих вну́цьки. УСТЬ. Синики.*

Есть примеры, в которых гендерный аспект очевиден. Есть примеры, когда одна и та же форма мн. числа может использоваться и для женского, и для мужского рода, и тогда гендерный аспект выявляется из контекста, из пояснения, из включенности собирателя в семейные отношения: *У меня́ вну́чята* — *три́ де́фки. МЕЗ. Бычье. Я ду́мала — дефчёшки мо́й, вну́чята. ПИН. Ёркино. У меня́ Таню́шка и Воло́дя — вну́цьки. ШЕНК. Верхоледка. Шэ́сь вну́чёнкоф: четы́ре вну́ка и две́ вну́цьки. ХОЛМ. Звоз. У тя́ фсе́ вну́чята, вну́цек-то нет? ПРИМ. Зимняя Золотица. И вну́чята, и вну́чки е́сть (девочки и мальчики). ВИН. Заостровье. Сын йе́сь, вну́ки и вну́чята. НЯНД. Лимь. Дак у нас 13 их, вну́ков да вну́чков да (мальчиков и девчо́ек). ПИН. Кеврола.*

Проблема состоит еще и в том, как лучше подавать в Словаре⁶ множественное число таких существительных: внутри словарной статьи при слове мужского рода, оговаривая особое значение этой формы? Но тогда в какую словарную статью (*внук*, *внуч*, *внучёк*, *внучёнок* и проч.) включать нерегулярные формы мн. числа типа *внучата*, *внучатки*, *внучатка*? Или бо́льшую часть форм мн. числа подавать как отдельные словарные статьи?

Форма мн. числа от лексем *брат*, *братан* может указывать не только на лиц мужского пола, но мужского и женского, то есть на брата и сестру: *Отёц и ма́ти бы́ли бра́тья, а мы́ од бра́тьейф* — *во́т нас называ́ли сестре́нницы. ЛЕШ.*

⁶ Готовится к изданию авторский словарь «Термины родства в архангельских говорах», работа над которым была поддержана грантом РГНФ № 13–04–00137.

Березник. Сестру́хи о́ни, двою́родны — у йётой ма́ти, а у йётой о́тець бра́ты родны́ были. ПИН. Ёркино. У йёво́ **братаны́**-те жэні́лися, о́на́ от сестры́, и о́н от сестры́. Он и сро́цтвенник бу́дет мне по зётю-ту, зётъ мне с эво́нной-то ба́бой **братаны́**, та́к-то го́сьти́лись фсё. ВИЛ. Павловск. Встретился пример, где форма дяди указывает на дядю и тетку: *Пошто́ дяди́ разреши́ли? ХОЛМ. Хаврогоры.*

Безразличными к гендерным различиям часто оказывается мн. число при лексемах *сват* и *сватья*, *кум* и *кума* и нек. др. Для слов с обозначением лиц женского пола: *Две́ божáтки — о́ни ме́жду собой кúмы. И ма́ть да божáтка — вот о́ни то́жэ кúмы. КОН. Вельцы. Свáтьйи — э́то ма́тери, каг де́ти-то жэ́няця. КАРГ. Кречетово. Свáтьйи росплетúт, заплетúт и нало́жат плато́к. В-Т. Вершина.* Для лиц мужского пола: *Колька-то зовё́ца с Ми́шэй-то кúмы. ПИН. Нюхча.* Для обоих полов: *Вот я, наприме́р, поста́вила хрёсново и божáтку — вот о́ни и бу́дут кумо́вьё. МЕЗ. Сафоново. Фсех сестёр и бра́тьев жэ́нихá свáтьями зовúт. ПИН. Сура.*

3. Особая семантика форм множественного числа. У терминов родства, обозначающих старшее поколение, т.е. у лексем *деды* и *прадеды* (*правдеды*, *правдедки*, *прадедки*), *отцы*, *матери*, *бабки*, *родители* во мн. числе появляется особое значение: это не только ‘старые люди, старики’ или ‘родители’, но и ‘предки’: *Пра́вдетки — стари́ны де́ды, отце́й отце́й. МЕЗ. Кимжа. Э́то бы́ло у пра́вдедо́ф, де́ды ста́вили, не оу́й. ЛЕШ. Смоленец. Дото́гошнйи коко́шники, йиши́о у ба́бок на́ших как коро́нки бы́ли. КАРГ. Калитинка.*

Очень часто в этом значении используются сочетания: *деды-отцы*, *деды-прадеды*, *деды-правдеды*, *дедки-продедки*, *дедушки-правдедушки*, *дедушки-бабушки* и т.д.: *Ра́не жы́ли стари́ки на́шы, де́тки да про́детки, о́ни сё зна́ли. ПИН. Ёркино. На́шы де́ды-пра́деды дру́к у дру́га перенима́ли. ВИН. Уйта. Э́то уи оу́цй на́шы да де́ды хозя́йничяли (делали). ХОЛМ. Сия.* Те же сочетания используются для обозначения представителей прошлого, предыдущего поколения: *Э́то-то я слы́хала, од де́ткоф-пра́деткоф. ПИН. Ёркино. О́на́ сех де́душэ́к-пра́вдедушэ́к зна́т. ЛЕШ. Усть-Кыма. Фсё приро́да: де́ды ста́вили, оу́цй про́жыли, не стро́йили, и де́ти уж до́жыва́ют. МЕЗ. Долгощелье. На́ш-од бра́т ф и́танáх, а на́шы ма́тери ф сарафа́нах до́лгйх, то́лько хо́лки красе́ют. ПИН. Ёркино.*

Мн. число может иметь собирательное значение, например *отцы* – ‘родители, старшие родственники’: *Ма́рфа, поди́ к оу́цйáм-то. ОНЕЖ. Тамица.*

4. Собирательные существительные. Как показала Ю. С. Азарх, многие формы мн. числа связаны с собирательными существительными: «В некоторых говорах произошло переоформление древних собирательных на -ья в словообразовательный тип существительных на -ье, словоформа -ья в этих говорах употребительна для выражения расчлененного множества» [Азарх 1977: 204]. В архангельских говорах собирательные существительные встречаются постоянно в любой лексико-семантической группе, в том числе в ЛСГ «Термины родства»: чаще «новые» формы на -ье, но зафиксированы и архаические формы.

Собирательные существительные для понятия ‘брат’: *братня́, бра́тия, бра́тье, братовьё: Го́сьти бы́ли хоро́шы, братня́. ХОЛМ. Чёлмохта. Вот у меня́*

братовья — то мно́го. ПРИМ. Летняя Золотица. Йёзь **братьё**. КАРГ. Лёкимозеро. На той сторонé фсё были Бурáнихины домá, **братьё** фсё, прозвищэ бы́ло да́но. КАРГ. Лядины. Йёсли мно́го **брати**, йёсь кому́ обробáтывать (землю). КОТЛ. Федотовская.

Собирательные существительные для понятия ‘сын’: **сыновьё**: Фсё **сыновьё** моё со мно́й жывьёт. **Сыновьё** уш в а́рмию ушлó. КАРГ. Лёкимозеро.

‘Дядя’ — дядьё: **Дедьё** и дёдины да тётки. КАРГ. Лёкимозеро.

‘Внук’ — внучьё: Это фсё **внучьё** наго́ло. УСТЬ. Бестужево. Там на Во́лге **внучьё** у меня́. КАРГ. Усачёво. Я **внучья́м** вяжю́. КАРГ. Архангело.

‘Дед’ — дедовьё: Ничево́ мужьёк у теб́я, ишио́ не **дедовьё**. ПИН. Кеврола.

‘Муж’ — мужьё: **Мужьё** гдэ? Да какі тут **мужьё**! КАРГ. Лядины. У н́их веть **мужьё** йёсь, даг зац́ита. КАРГ. Лёкимозеро.

‘Деверь’ — деверьё: Золо́фки йёсь и **деверьё**. ВИЛ. Павловск. Золо́вок сто́лько-то, **деверья**-то нёт. ПЛЕС. Кенозеро.

‘Зять’ — зятьё: Тут фся тáтина **родова́**⁷: сёстры да брáтья, **зетьё**, фсё поколénьё — фсе срóцтвеники. КАРГ. Лядины.

‘Кум’ — кумотá: **Кумотá** й́ихна принос́ила видро́. ОНЕЖ. Большой Бор.

Во многих примерах собирательное существительное согласуется с глаголами и адъективами во мн. числе, т.е. согласование производится не по форме, а по смыслу: **Братьё** бы́ли. **Братьё** прилит́или. ПЛЕС. Першлахта. То **братьё** дёнек пошлю́т. КАРГ. Маселга. **Братьё**-то, бывáй, брaтáлись. ПИН. Ёркино. **Сыновьё** прийёхали да жóнка. **Сыновьё** фсё на войн́ы уб́или. Это то́жэ мой́и **сыновьё**. Йёсь и **сыновьё** в а́рмию уйд́ут. Раньшэ **сыновьё** помогáли. КАРГ. Лёкимозеро. **Сыновьё**-то зьдэсь и жывьóт. КАРГ. Ошевенск. **Деверьё** не кúрили, свекрóва былá то́жэ хорóшая. КАРГ. Лядины. Скóро прид́ут **мужьё** с войн́ы. КАРГ. Лядины.

Но встречается согласование по модели ед. числа: Цегó ругáть, как пьёт **сыновьё**! КАРГ. Лёкимозеро. Это **сыновьё** люб́ило охóтиця. КАРГ. Лёкимозеро. А **деверьё** большóё. ВИЛ. Селяна. **Мужьё** там рабóтáет. КАРГ. Лядины. **Мужьё** уб́ито. КАРГ. Лёкимозеро.

Значение собирательности как нерасчлененного множества может исчезать. Собирательные существительные получают значение множественного числа: Дóцери да **сыновьё** вь́роцч́ены да в лю́ди вь́пуцч́ены. Вот у меня́ **сыновьё** да дóцери ницёго́ не знáют. Ф Киселёвой стар́ик жыл з дóцерью, а **сыновьё** зьдэсь нé жыли. КАРГ. Лёкимозеро.

Иногда собирательные по форме существительные используются в единичном значении и даже подвергаются счету. Таким образом, исчезает сема собирательности, а суффикс собирательности выступает как экспрессивный: **Сыновьё** двá в Архáнгельск уйёхали. ОНЕЖ. Клещёво. Не пришо́л, гáт, **зятьё**-то, вод́ы не нанос́ил.

⁷ У существительных с корнем *род-* и значением ‘родственники, родство’ имеется большое количество собирательных существительных (*род, родня́, родни́на, родова́, родьба́* и др.), которые мы здесь не рассматриваем.

ШЕНК. Ямская Гора. Я пришлá, семья-то большáа былá, вод дéверьё оддели́йся.
ВИЛ. Павловск. Девéрьё жы́ли, двá их. ПЛЕС. Перилахта.

Материал взят из огромной картотеки «Архангельского областного словаря», из вышедших томов словаря и из собственных полевых записей автора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ районов Архангельской области

В-Т.	Верхнетоемский	КРАСН.	Красноборский	ПЛЕС.	Плесецкий
ВЕЛЬ.	Вельский	ЛЕН.	Ленский	ПРИМ.	Приморский
ВИЛ.	Вилегодский	ЛЕШ.	Лешуконский	УСТЬ.	Устьянский
ВИН.	Виноградовский	МЕЗ.	Мезенский	ХОЛМ.	Холмогорский
КАРГ.	Каргопольский	НЯНД.	Няндомский	ШЕНК.	Шенкурский
КОН.	Коношский	ОНЕЖ.	Онежский		
КОТЛ.	Котласский	ПИН.	Пинежский		

Литература

Архангельский областной словарь. Вып. 1–18–. М., 1980–2017 (изд. продолжается).

Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья, зверье* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1977. С. 189–210.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Irina B. Kachinskaya

Moscow State Lomonosov University

(Russia, Moscow)

kacza@yandex.ru

THE PLURAL FORMS WITHIN THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF “KINSHIP TERMS”: FORMATION PATTERNS AND SEMANTICS (A CASE STUDY OF ARKHANGELSK DIALECTS)

The article describes plurality formation patterns of nouns denoting male individuals within the lexical-semantic group “terms of kinship”: relatives by blood (*brother, son, uncle, grandson*) and relatives by marriage (*husband, son-in-law, brother-in-law*). It is these terms that are characterised by the greatest variability in plural forms not only in the Nominative Case but also in all the other cases. The plural forms of these lexemes are formed by means of adding the inflection to the stem (*vnuk ~ vnuk-i*) as well as by adding the suffix *-j-* (*muzh ~ muzh-j-a, brat ~ brat-j-a*), or the suffix *-ovj-* (*syn ~*

syn-ovj-a). Each of these patterns turns out to be quite productive in Arkhangelsk dialects.

A singular form lexeme may show considerable variability in plural forms. On the other hand, a plural form may correspond to several lexemes in the singular (*ded, dedo, deda ~ dedy*). A lot of lexemes in the plural lose their gender signs (*vnuk, vnuka, vnuchka ~ vnuki*).

The article also deals with terms of kinship with the meaning of plurality denoted by collective nouns (*bratnja, bratija, bratjo, synovjo, djadjo, vnuchjo, muzhjo, deverjo, zjatjo, kumota*, and others). Some nouns in the plural have the semantics of a specific character (*dedy, pradedy, otsy-materi* — ‘ancestors’).

The article contains the tables which present the inventory of the fixed case-forms of the plural for the lexemes denoting kinship by blood and by marriage.

The material is drawn from the Arkhangelsk Region Dictionary, both from the published dictionary volumes and the author’s own notes based on field work.

Key words: Russian dialectology, kinship terms, dialectal morphology, Arkhangelsk dialects.

References

Arhkangelsky oblastnoy slovar [Archangelsk Region Dialect Dictionary]. Moscow, Iss. 1–18–.

Azarh J. S. *K istorii sobiratelnyh tipa bratja, zverje v russkom jazyke* [The history of collective nouns as *brethren, the beasts* in the Russian language]. *Obsheslavjansky lingvističesky atlas: Materialy i issledovanija* [The Slavic linguistic Atlas: Materials and research]. Moscow. 1977. P. 189–210.

Bromley S. V., Bulatova L. N. *Očerki morfologii russkih govorov* [Essays of the morphology in Russian dialects]. Moscow. 1972.

А. В. Малышева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annamalys@mail.ru

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ГЕНИТИВ В КОНСТРУКЦИЯХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ЮЖНОРУССКОМ ГОВОРЕ*

В статье описываются синтаксис и семантика беспредложного генитива в конструкциях с количественным значением в южнорусском говоре. Анализ основывается на материале корпуса расшифрованных текстов. Рассматриваются количественные конструкции — как диалектные, так и не имеющие диалектной специфики. Приводится материал корпуса, охватывающий управляемые падежные формы — генитив при числительных и количественно-местоименных словах (*два колхоза, много колхозов*), существительных со значением количества, совокупности, емкости (*стог сена, бутылка молока*), переходных глаголах (*купить хлеба*), а также конструктивно обусловленные формы, являющиеся компонентом к структурной схеме предложения (*Нарождается девок. Народу!*).

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, падежный синтаксис, семантика падежной формы, количественный генитив, количественно-именное сочетание, квантификаторы, партитив.

Генитив, наряду с номинативом и аккузативом, относится к числу главных синтаксических падежей [Курилович 1949 (2000); Плунгян 2009: 169], признается наиболее трудным в индоевропейской системе [Булыгина-Шмелева 1960: 4] и является одним из наиболее частотных русских падежей [Рахилина 2010: 251, Воейкова 2011].

В диалектных языковых системах употребление генитива, как и любого другого падежа, в определенных аспектах отличается от литературного. Диалектную специфику имеют конструкции с генитивом субъекта при бытийном глаголе (*у меня платов есть*) [Кузьмина, Немченко 1974], [Кузьмина 1993: 112–120], [Маркова 1991], [Маркова 2008], целый ряд конструкций с объектным генитивом (*купить насоса, пошел травы косить, открой окна, дай серпа* и др.) [Лопатина

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17–04–00485а.

1998: 234–243], [Малышева 2004], [Малышева 2008]. Существуют также диалектные различия в употреблении генитива и аккумулятива при отрицании и при модально-эмоциональных глаголах типа *желать, хотеть, бояться, стыдиться* и др.

Внимание исследователей привлекают прежде всего северные говоры (архангельские, онежские, пермские), поскольку именно там диалектные особенности употребления генитива представлены наиболее ярко [Потапова, Русинова 1991: 54–69], [Гецова 1997], [Маркова 1999], [Малышева 2010], [Seržant 2015]. Упоминания о генитиве в южнорусских говорах есть в работах [Собинникова 1961], [Собинникова 1965], [Горелова 1983], до сих пор не утратила актуальности монография Е.К. Тимченко о функциях генитива в южнорусской языковой области [Тимченко 1913].

Описание синтаксиса и семантики количественного родительного падежа на материале южнорусского корпуса даст новый материал для сравнения генитивных конструкций в разных диалектных системах, а также для сопоставления диалектного и литературного узуса. Сопоставительное изучение этих материалов позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы употребления количественного генитива в современном литературном языке.

Материалом для данной работы послужил корпус расшифрованных текстов, записанных в с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области в 2007, 2010, 2012–2015 гг. Село Роговатое (местное название Роговатка или Роговатовка) расположено на границе с Воронежской областью, недалеко от границы с Украиной (подробнее о селе и особенностях его говора см.: [Отчеты о диалектологических экспедициях ИРЯ РАН 2014: 263–281]). Корпус объемом около 80000 словоупотреблений отражает преимущественно архаический слой говора; в нем представлены образцы речи 9 информантов, рожденных в промежутке от 1919 до 1948 гг.¹

В рассматриваемом южнорусском корпусе зафиксировано 653 употребления беспредложного генитива. Из них всего 50 приходится на генитивные конструкции, не имеющие количественного значения. Это родительный прикомпаративный (*н'ь схужь мамы, м'ал'чей сл'ивы*), генитив при словах, обозначающих пространственное и временное членение и ориентацию, а также часть [Кустова 2011], [Рахилина 2010] (*н'ервый ден' с'ьм'ика, на канц'у с'ела, к'ра б'ьр'озы*), квалитатив [Золотова 2001] (*ьна харошг'й пр'ирод'е была; ум'ерла дв'енациьт'и уадоб; в'ишн'ик саус'ем друод'у ук'усу*), посессив (*м'ийа'о м'ужа т'отка*), родительный при модально-эмоциональных глаголах *бояться, хотеть* (*б'ийал'ис'е ур'омушку*), а также т. н. «родительный даты» (*д'ив'етнац'ьт'ь у и'ун'а мн'е буд'е в'ос'ьм'з'ьд два'юд'ь*).

В большинстве случаев генитивное сочетание или конструкция имеют количественное значение (447 примеров). Генитив при отрицании отмечен в 156 примерах (генитив при отрицании также может рассматриваться как количественный (см., например: [Шахматов 2001, 325], [Seržant 2014: 301–306], ср. [Золотова 2001: 31]).

¹ Тексты для корпуса расшифрованы С.В. Дьяченко, А.В. Малышевой, А.В. Тер-Аванесовой, база данных создана С.А. Крыловым.

Генитив в конструкциях с квантификаторами

В данном разделе рассматриваются формы генитива в составе количественно-именных сочетаний (всего 324 примера). В качестве количественного слова, или квантификатора, выступают количественные и собирательные числительные (*два колхоза, трое колхозников*), местоименные числительные (*несколько колхозов*), квантитативные наречия (*много колхозов*) и существительные со значением количества, совокупности, емкости (*стог сена, бутылка воды*). При препозиции генитивной формы в роли квантификатора могут выступать также предикативы, междометия, словосочетания с количественным значением.

Местоименно-числительные *несколько, сколько-то* (неопределённо-количественные); *сколько* (вопросительно-относительное); *столько* (указательное) и квантитативные наречия *много, немного, мало, немало* в некоторых работах объединяются термином «количественно-местоименные слова» [Сичинава 2012].

Сочетания с числительными и количественно-местоименными словами составляют ядро данной конструкции. В таких сочетаниях форма имени зависит от количественного слова. Числительное или количественно-местоименное слово управляет формой родительного падежа, если употреблено в именительном (*пять друзей, несколько домов*) или винительном (*вижу несколько домов*) падеже; в остальных случаях между компонентами таких сочетаний возникают отношения согласования (*о нескольких друзьях*). Этим количественные сочетания с числительными и количественно-местоименными словами отличаются от сочетаний с количественными существительными (*десяток деревьев, о десятке деревьев, десятку деревьев*) [Современный русский язык 1989: 454].

Н. Ю. Шведова рассматривает управляемый (присловный) генитив в сочетаниях типа *два дома, несколько книг* как необходимую информативно-восполняющую форму, не имеющую самостоятельного семантического значения [Грамматика 1980, II: 427], однако при препозиции родительного падежа (*Книг мы купили две*) генитив приобретает дополнительное объектное значение [Там же: 429]. В классификации синтаксем Г. А. Золотовой количественно-именные сочетания помещены в раздел «обусловленные синтаксемы» и рассматриваются как компонент предложения; с точки зрения семантики, они отнесены к формам с количественным значением [Золотова 2001: 27–37].

1. Числительные в роли квантификаторов. Шире всего представлены в Роговатовском корпусе количественно-именные сочетания с числительными (210 примеров). В говоре, как и в литературном языке, числительные *полтора, два* (м. и ж. р.), *три, четыре* в форме им.-вин. п. управляют именем в форме род. п. ед. ч.: *пѣ'вѣтѣра м'ѣтра* МП; *д'в'ѣ бѣб'е* АнФ; *д'в'ѣ карѣвы* ДР; *двѣ рѣза* НИ, МП, ДР, *двѣ уърѣжѣ* ДР, *тр'и карѣв'е/карѣвы* ЕС, *тр'и ч'есѣ* НИ, *тр'и уѣдѣ, ч'итѣр'ь с'астр'ѣ* ЕН, *ч'итѣр'е ст'аны* НИ, *ч'атѣр'ѣ хр'есѣѣ* ЕС и др. В вин.-род. п. они управляют именем в форме род. п. мн. ч.: *двѣх д'ит'ѣй вѣхѣд'иль* ЕН; *двѣх д'ѣвѣк рѣд'иль* ЕН.

Числительные *пять* и далее в им.-вин.-род. пп. управляют формой имени в род. п. мн. ч.: *п'ят' ʁадѡв* ДР, *шез' д'ит'ей* ЕН, *с'ем' п'н'ад'ел'н'икъв* АД, *вѡс'им' д'ив'ер'ей* ЕН, *дѣв'ит' т'ыс'еч'* НИ; *д'ес'ьт' в'ед'ьр* АД, *ад'инъцът' ч'асѡв* МП, *д'в'енáцът' снапѡу* АД, *тр'инáцът' ч'илав'ѣк* РП, *вѡс'ьмнáцът' рубл'ей* НИ, *двáцът' къп'ѣек* ЕС, *тр'ицът' т'ыс'ич'* НИ, *сѡръз д'уш* НИ, *сѡръу д'он* ЕН; *п'ид' д'ис'ят' ʁрám* ДР, *вѡс'м'с'т' кап'ейек* АД, *стѡ рубл'ей*; *д'в'ес'т'е рубл'ей* ЕН, *п'етсѡт рубл'ей* АД, *с'емсѡт рубл'ей* МП, *вѡс'ем'сѡд' ʁрám* АД и др.

Собирательные числительные *двое*, *трое*, *пятеро*, *семеро* управляют формой род. п. мн. ч.: *двѡйе д'ит'ей* АрФ; *трѡйе д'ит'ей* ЕН; *п'ят'ерьь б'ылъ къпач'ей* НИ; *с'ем'ьра чълав'ѣк* ДР.

В корпусе зафиксированы сочетания субстантивированных прилагательных мужского рода и количественных числительных: *два*, *тр'и*, *ч'атыр'ь мálъуь*.

Далее будет рассмотрено употребление количественно-именных групп с числительными в разных типах предложений и в разных синтаксических позициях.

1. 1. Наиболее часто (101 пример) именная группа с числительным употребляется в составе предикативной основы бытийного предложения: *Вот у м'ин'ѣ два з'уба*, *и ѡа пр'ик'усывьѡу ѡз'ык* ДР; *У н'ьуѡ там двáцът' б'р'анъв*, *д'ѣржá*, *д'ес'ит' в'ѣц'* НИ; *С с'ынъм*, *с снахѡй*, *ишѡ у н'их двѡйе д'ит'ей* АрФ; *И у н'еуѡ шез' д'ит'ей* ЕН; *Тр'инáцът' снапѡуѡ* у *хр'асц'у* НИ; *У капн'ѣ б'ылъ ч'атыр'ѣ хр'есцá* ЕС; в том числе со значением приблизительности, которое передается выносом генитивной формы в препозицию: *Хл'ѣбушк'ь ватшѣ*, *там нъп'ак'ут'*, *оѡ*, *дъ у п'ач'ѣ бухáнък' д'ес'ит' вѡх как'их!* АрФ и др.

Глагол-связка *быть* употребляется обычно в форме ед. ч.: *Вот у м'ин'ѣ два брат'ишкá б'ылá* (немцы), *ну*, *ан'и нав'ѣрнъ харѡшъи*, *нъч'áл'н'ик'и-тъ* АД; *У м'ин'ѣ б'ылъ двá д'ѣда* НИ; *Д'в'ѣ н'уѡш'к'и*, *д'в'иѣ нѡш'к'и* б'ылъ у *хáлстáх* ЕС; *Ч'атыр'и цáпкá б'ылъ*, *халст'ину ткáл'и* у *двá цáпка* ЕС; *Сѡх*, *п'ят' сѡх б'ылá*, *и н'и ѣднá н'епут'ѡв'ѡа* ДР; *Б'ылъ двѡйе* у н'ей *свáiх* — *мáлъи* и *д'ѣвк'ь*, *ну вѡт*, *а ѣтъ ѡá* АрФ; так же в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*: *Къдá б'ылá нъ сѡрък' ч'илав'ѣк* у *з'в'ан'ѣ*, *и нъ д'ес'ит' машын' нъ работу в'ыйежжáл'и* ММ.

Иногда возможно употребление глагола *быть* в форме мн. ч., при этом изменяется структура предложения: *Дъ д'в'ѣ н'ав'ѣс'к'и вот б'ылъ у нас*, *два брат'ь н'арѡдныи* у *мáмы б'ыл'и* ЕС; *Ну как ты д'умъиш*, *ѡá вот нъпр'им'ѣр*, *ну д'умъѡу*, *ну вот нáшъ с'áлѡ*. *Ну н'ехáй вод б'ыл'и два с'ил'сав'ѣтъ* ДР.

Внутри рассматриваемой группы в материалах корпуса можно выделить несколько типов предложений, несущих информацию о мере количества.

1) Предложения, сообщающие о возрасте (24 примера): *Уш т'ит'ѣр' вѡс'им'д'ис'ьд двá ʁѡдá*, *пъстар'ѣлá* АрФ; *А суды вот — шыйс'ят ʁадѡу с'ыну*, *нъ п'ен'с'иш' п'ир'ешѡл*, *он т'уть рад'илс'и* АД; *Мн'ѣ б'ылъ д'в'енáцъд' ʁадѡу*, *п'ърварѡд быѡ*, *нас см'ал'и с л'ицá з'амл'и*, *ус'ѡ ръс'т'анул'и*, *ръзвълакл'и*, *и мы стрáдáл'и хад'ил'и* ЕС; *Рán'ше б'ыл'и*, *сѡрък л'ѣт* — *уш ѣнá нъ сибѣ*: *ч'ѡрнъй кѡхта*, *ч'ѡрнъй ѡупк'ь*, *ч'ѡрнъй плътѡч'ик* НИ; *Къл'ект'ив'изáцыѡй уш пъшлá*, *д'в'енáцът' л'ѣт* ѡей б'ылъ, *а их ръскулáч'ил'и* НИ; *У вайну ич'ѡ мн'ѣ там б'ылъ*, *ѡа н'ѣ знáѡу скѡкá*, *ʁадѡу д'ес'ит'*, *нав'ѣрнъ* АрФ; *А мы л'а... ну шѡ*, *мы д'ѣт'и*,

ищо ѝа была, мамъ нас'иль м'инэ, там мѳж уѳдъ два мн'э ЕН; *Этъму? Дъ уадѳв тр'иццѳт' и бѳл'ше, мѳжа* МП.

Примечательна конструкция с субъектным детерминантом — неодушевленным существительным: *Дъ был уан'ен'йе, был нѳч'и пѳдымайут', вѳт мн'э бѳль уи — там ѝей п'ат' уадѳв бѳль вайны-тъ* (дат. п. ед. ч.), *ѳна вѳйевалъ* (т.е. война длилась уже пять лет) — *бѳль нав'ернъ уи уадѳв дв'енациѳт'-та — ун'ал'и дарѳуу ч'ис'т'ит' АрФ.*

Гораздо реже в говоре Роговатого при сообщении о возрасте встречаются другие типы предложений, а именно двусоставные, где количественно-именное сочетание выступает в роли сказуемого: *А ан'и бѳл'и ну п'ад' уадѳв, мал'ин'к'иш и ус'ѳ* АНФ; возможна также конструкция с родительным качественным: *Аднѳ рѳд'ила, Вар'а зват', ѳна ум'ерла дв'енациѳт'и уадѳв, и м'ин'э рѳд'ила — д'евкѳ ѳп'ат'* ЕН; *У м'ин'э мат' ум'ерла — ѝа тр'ѳу уадѳф ѳсталъс' ѳт мат'ир'и* АрФ.

2) Предложения, сообщающие о промежутке времени, прошедшем с какого-л. момента в прошлом (9 примеров): *А тѳ уи стѳ уадѳв* [прошло], *и н'ихтѳ н'е знѳйе и у нас, у Рѳувѳатк'и, вѳт пад'и зѳѳку, анѳ* (соседка) *и н'ѳ знѳе, штѳ эт за кр'ѳк* ДР; *И тѳп'ер' уи тр'иццѳт', па-мѳему, тр'иццѳт' л'ѳет* (с тех пор, как появились колорадские жуки), *у м'ен'э д'ет'и бѳл'и у шкѳл'а, ув инс'т'итут' у Варѳн'ижы, и доч' пр'ийѳхълъ пѳмъуат' сѳб'ират', а ѝа гр'у: «В'ерка, дъ как'ѳйѳ-тъ, уѳвер'а, жук'и зѳв'ал'ис'а, надъ жѳ их пѳл'ад'ет'»* АД.

Обычно такие предложения присоединяют придаточное времени с союзом *как*: *Дъ этъ уж давнѳ бѳль д'ель, дъ как давнѳд'?* *Тр'иццѳд' уадѳв, вѳт мы как во эту справ'ил'и, п'ерпрѳвл'ал'и* АД; *Стѳ уадѳв уи, кѳк стрѳил'и* МП; *Вѳт д'н'а тр'и мѳш, как ыз'д'ельл'и дарѳуу* АД.

Диалектную специфику имеет конструкция, обозначающая временной промежуток с момента смерти: с субъектным детерминантом (местоимение 3 л. или существительное) в дательном падеже и придаточным времени с союзом *как*:

От, штѳ ѳна, ну ѝамѳ П'ит'ун'и нав'ернъуѳ мѳжу... как-тъ кѳ л'ебѳ уи уадѳв п'ат' ѝамѳ, как муш ум'ир у ней ЕН; без придаточного: *ѳна ш ум'ерла вѳт. Сѳрѳу д'ѳн уч'ера бѳль ѝей. Уч'ера бѳль ѝей сѳрѳу д'ѳн* ЕН.

3) Предложения, сообщающие о времени суток (4 примера): *А щѳс н'ич'ѳѳ!* *Пѳл'ад'иш — ад'инѳцѳт' ч'асѳв, а ѝа шѳ н'ич'ѳѳ* МП; *Два ч'ѳса. Ыѳст' ч'асл'ѳвѳй, ч'ас, ѝѳст' — ѳх, д'ѳрнулъ ш м'ин'е ув этѳт ч'ас вѳйт'ит' там кудѳи-н'ибут'и, там штѳ-н'ибут' стр'ѳлс'и л'и* НИ.

4) Предложения, сообщающие о цене (5 примеров): *Шѳс' тѳс'еч' ѳс'еѳѳ. Грѳн, и ѳс'ѳ, и этѳ кѳпач'ѳ, и шѳс' тѳс'еч'* НИ; *С'п'ирт из уѳрѳдъ пр'ив'азут'и трѳшк'и пл'исканѳт' у бутѳлку — стѳ рѳubl'ѳй зѳ бутѳлку* АД.

5) Предложения, сообщающие о расстоянии (2 примера): *Вѳт ан'и нас пр'ив'азл'ѳ ѳ С'ин'иш, дваѳцѳт' к'илѳм'ѳтрѳ, ссад'ил'и, нѳ хват'ѳры пѳрѳстѳнѳв'ил'и и уѳѳхъл'и, а мы ѳстал'ис'е* АД; *И вѳт ан'и пайѳѳдут', тудѳ к'илѳм'ѳтрѳ дваѳцѳт'* АД.

Как и в литературном языке, в предложениях, сообщающих о пространстве, цене, определенном количестве, возможен второй родительный с уточняющей, определенной функцией [Грамматика 1980, II: 331]: *П'идд'ис'ат тѳда сѳтъг бѳль*

уарбоду ДР; *Штo йа рабoтъялэ, у м'ин'э сoръяк двá уoдá стáжэ, а штo за мъялакo мы на этъм зъярoбoтъял'и?* НИ; *Тр'и кáпсулы у'идр'ии, а их у пак'эт'е уш этъм, ш упъякoвки, стo штук* НИ; *М'этра двá дл'ин'ины, а и кр'ук этът, сант'им'итръв п'идд'ис'ат* МП; *А д'этъч'ка как'их-тъ нъязывáйуцъ двá м'ил'йoна йéвръв ъдда-дът', и с'ем'л'эт н'е зъл'áдывъяут' ув инс'итут'!* ММ.

1. 2. К этой группе предложений близки предложения с кванторной группой и отрицательным словом *нет* в составе предикативной основы. При этом второй компонент – количественно-именное сочетание – в говоре Роговатого чаще имеет форму не генитива, а им.-вин. падежа: *Стo рубл'ей? И вот стo рубл'ей уш н'эту!* ДР; *А йей н'эту, н'эт, ънá... ишишo сoръя д'oн н'эту, как ум'ерлá* АрФ; при склонении числительных в говоре возможны колебания, когда одна часть составного числительного склоняется, другая выступает как неизменяемая форма: *Мъямáша, ишишo йей п'ид'д'ис'ат и п'ат'и нé была, н'е нá п'энс'иш-тъ ишишo там н'е этá, нъм'ир'áл'и, сoръяк сoтък йей нам'эр'ил'и, — а ънá ува ш'oм у ч'oрнъм хад'ила* НИ.

1. 3. Количественно-именное сочетание в составе предикативной основы предложения без спрягаемой формы глагола может выступать в позиции сказуемого: *Вот васмýшкъ хoлст — вoс'ъм' пáсьм, в'ис'á эт дeс'ит' пáсьм* МП; *Тъядá жъ, в'ид'иш, с'ем'иш был'и, дáжъ и бл'шáйъ с'им'йá — сoръя душ, а этъ ад'д'эл'цы, брáт'йа и...НИ; Бухáнку... дъ уoлъд же был, и въянá, бухáнкъ былá стo рубл'ей* АД; *Жён'уцъ иные — адд'эл'ут', а спáл'и — мъядых у кл'эт', кл'эт' этá ч'итыр'е ст'аны, б'ыз ъкoн, б'ыз... дв'эр'и тoка адн'и* НИ; в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*: *А тady ж нъ Тъмпáс-тъ йéз'д'ил'и Н'инк, а йа йéз'д'ила, и с Тoл'икъм, а тady был'и пъ двáциът' п'ат' кап'еик картoхи* МП;

а также подлежащего: *А как уъявр'á: лýч'иш'е, уыт', вoс'им' д'ив'ер'ей, как ъднá зáлoвушкъ, а их п'ат'* ЕН; *Ну ан'и этъ из уoръядá, д'в'е пл'емён'ици из уoръяда, этъ пл'имён'н'ик'и ид'е-тъ дъя'акo жывýт'* ЕН; *А, у вас есл'и у бъяуч'áх ид'е там бъяла, йáич'к'а! Тady нá пъя'а, есл'и двá йейцá — этá хъяшo, сýмку укръшáла этá, двá йáйцá есл'и пáлoжыт'* НИ;

1. 4. В предложениях со спрягаемой формой глагола и количественно-именным сочетанием в позиции подлежащего возможны колебания в координации подлежащего и сказуемого в формах числа. Сказуемое может употребляться:

в форме ед. ч.: *У н'еуo трoйе д'ит'ей ѡстáлъс'е* ЕН; *Мн'е на м'ес'иц, и тáм и д'ес'ит' эт'их кáпсул ѡстъявáицъ* НИ; *Мáмъ ур'ит': ѡстáлъс' у м'ин'е д'в'енáциът' м'этръв — аршын, д'в'енáциът' м'этръв, этъ халст'ины* ЕН; *С'ем' пън'ад'эл'н'икъш праилo — ръяварoтъ н'эту* АД; так же при указании на приближительное количество: *Барoн п'ат' там л'ежáла, а пълуч'илъс' уже ъднá бъярнá, а ч'ытыр'oх уш н'эту* АнФ;

в форме мн.ч.: *Д'в'е бáб'е брoн'уцъ с утрá* АнФ; *Два мáл'ч'икá пъм'ерл'и, и йá уж былá, а йá былá уруднáйа* ЕС; в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*: *Къядá былá пъ сoръяк ч'илав'ék у з'в'ан'е, и пъ д'ес'ит' машын нъ рабoту выйежжáл'и* ММ; *Па сoръяк душ жыл'и рáнше ув эт'их у хáтъх* МП; также в том случае, если сказуемое стоит перед подлежащим, что нехарактерно для

литературного языка [Грамматика 1980, II: 242]: *Нужда́ их зьста́в'иль, та́х-ть вот у нас ны́н'ьшн'ий го́т урад'и́л'ис'е тр'и ку́ста́* (картофеля), *ч'ём бу́д'им жы́т', хто́ знье АД; А тады́ ува́ фс'ёу бьы́л памну́доу у хат'а́ л'уд'ей, п'таму́ шо жы́л'и тр'и́, ч'аты́р'и душы́ жь АД* (ср. мн. ч. глагола-связки в бытийном предложении: *А тады́-т бьы́л'и к'ильгу́рам ка... пр'анцаў вòс'м'с'т кап'ейк АД*).

Отмечены колебания в форме субстантивированного прилагательного мужского рода при числительном два: род. п. мн. ч. *С'ем' рьжа́ла́, два ма́л'ьн'к'их п'м'ёрл'и, а э́т'и мы ус'е вьы́рсл'и* и им. п. мн. ч. *А э́т у го́льд два ма́л'ьн'к'ийе ум'арл'и́* ЕС.

1. 5. Количественно-именное сочетание с числительным может занимать позицию объектного распространителя в предложении со спрягаемой формой глагола (49 примеров): *П'а́т' барòст пр'ьбъраз'д'и́л, и смьы́лс'и, уш н'ёту́ й'ю́* АНФ; *Гьвэр'а́, йа́ ъсньва́ла тр'и́ ст'ён'к'и́* ДР; *А п'том а ъна́ бр'иуа́д'и́р'ьм хад'и́ла́, и бьы́л пр'и́д'е в'еч'и́р'ьм, п'кьлба́иццъ — ч'аты́р'е кьв́ра́ вьышы́ла́, за́ з'иму́* МП; *Пато́м д'в'е́ па́лк'и, вод' д'в'е́ па́лк'и п'ло́жым, н'ь па́лк'и́ кльд'ём, д'в'ена́ицц'ьт' снапо́ў* АД; в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*: *Ра́н'ше ка́ртòх па вòс'им' тон рьы́л'и* НИ; *Дьва́л'и ма́ку п'ь сто́ гу́рам, ден' прабу́д'иши н'ь рабо́т'е — даду́т' сто́ гу́рам ма́ку, и ус'ò* МП; *Йа́ им по́ дву пр'анца́* дьла́, *паб'ёул'и* АД; в объектно-определятельном значении: *Ба́нкъ Марху́н'а-ть у нас дьжы́вала́, йей вòс'ьмна́ицц'ьт' ру́бл'ей́* дьва́л'и *п'ён'с'ийу́* м'ма́шы НИ; *П'лу́ч'а́л тр'и́ицц'ьт' тр'и́ ру́бл'а́ п'ён'с'ийа́* (вин. или род. п. ед. ч. АД)

Здесь также возможны сочетания, осложненные вторым родительным: *Йа́ йей насы́п'л'у́ тр'и́ м'ешка́, э́т'их, п'тсолну́х, п'мау́н'и́ йей пр'ьда́т', а мьы́ нало́у заплòт'им* АД; *Пидд'ис'а́т со́тъгъ гу́рòду* мы уско́пыв'ьл'и л'ьпа́тъм'и ДР; *Фс'ò-та́ ч'ижало́ ка́к ы, ъбрушы́л м'ётр'ьв д'в'ена́ицц'ьт', э́та́, л'ду́, и утòп* ЕН; *Ъна́ п'п'и́ла́ мо́жэ ба́н'к'и́ тр'и́ э́т'иу́, wo, тр'òхл'итрòв'и, и ъна́ э́тъ, п'ьд'жыло́ у ней* ЕН.

1. 6. Количественно-именное сочетание с числительным в обстоятельственной позиции в большинстве случаев указывает на промежуток времени, срок осуществления действия (27 примеров): *Ну и у ма́мы но́у'и ътн'ал'ис'е, ма́мь дв'ена́ицц'ьт' н'ад'ёл' б'аз но́у л'ежа́л* ЕН; *Йа́ шышн́аицц'ьд' гу́дòў* н'ь бурька́х пр'ьбыла́ АД; *Ну́ и он изд'ева́лс', п'етна́ицц'ьт' гу́дòw* йа с' н'им жы́ла́, д'ь йа до́мъ мо́же р'ёткь кьда́ н'ч'ева́л ЕН; *Ну́ и скòкъ ъна́ там с' н'им, мо́жэ м'ёс'иу́ц'ьw п'а́т' н'е жы́ла́, а йеу́о зьбра́л'и на вьйну́, на гу́р'ьжжа́нск'ийу* ЕН; *Йа́ же зь ра́н'ены́м'и хад'и́ла́, и тр'ьхтар'и́ск'ий бы́ла́, и бр'иуа́д'и́р'ьм бы́ла́ с'ём' гу́дòw,* п'ка́ д'э́т пр'ишо́л МП; *Усха́д'и́л' и хл'ёбушк'и́ ро́внь д'в'е́ н'ад'ёл'ушк'и́* АНФ; возможно также указание на частоту совершения действия: *Б'у́ бр'иуа́д'и́р мо́ж за у́тр'ь п'а́т' ра́с пр'и́д'е — н'и збай́ Бо́жэ ты ъста́н'исс'и, ид'и́ н'ь рабо́ту* АрФ; *«Йёс'л'и п'ьш'ш'ита́т', ты у с'ём' ра́с бо́л'ь м'ен'е́ п'тра́т'иль, ка́жн'ий д'ён' у т'иб'е́ рад'и́т'ьлск'ийа!»* АД; *Д'в'ена́ицц'ьт' ра́з ба́н'у тапи́л'и и йей ба́н'ил'и, э́т'им б'ер'озьвы́м в'ён'ик'ьм с'ёкл'и но́у'и* ЕН; *Мо́ж ъна́ п'едд'ес'а́т ра́с* у го́р'ьт хад'и́л'ь п'е́шкòм ЕН; *Тро́шк'и, мо́жэ ра́за два́ ай тр'и́* ульн'е́ он ДР, *цену́: Ана́ бы́ла́ н'и па ч'òм, вòс'ьмна́иц кап'ейк л'и́тра́ ма́лька́ сто́ила* НИ.

2. Количественно-местоименные слова в роли квантификаторов. В качестве квантификаторов в говоре Роговатого употребляются местоимения-числительные *ско́лько, то́лько* ('столько'), *не́сколько*, квантитативные наречия со значением большого количества *мно́го*, маленького количества *ма́ло, ме́ньше, ма́ло-ма́ло, трóхи, трóшки, трóшечки*.

2. 1. Как и в рассматриваемом выше комплексе примеров с числительными, генитивная именная группа с количественно-местоименным словом чаще всего употребляется в составе предикативной основы бытийного предложения (около 50 примеров).

ско́лько *А вѣ п пѣл'ад'ѣл'и, скóкъ у м'ин'ѣ там сѣра́йев! Ус'ѣ ъднá мáзълъ ДР; Унас [в школе] д'ир'ѣктър бѣл'оч'ин' стрóу'ий. Уж бывáль зѣйд'ѣ ... укал'идóр'и... пóлѣн къл'идóр, вó тѣдá скóкъ бѣль д'ит'ѣй! ДР; Мóже хтó знáйе кáк, там мóжэ скóкъ бѣль брáн'и, скóкъ шóму бѣль! ДР; А ты мълъдáйѣ ишио, скóкъ таб'ѣ гадóв? ЕН; Укапн'ѣ скóл'к'ѣ бѣль хр'асидóу? НИ; со вторым родительным: Скóкъ, йá вот н'ѣ знáйу, скóкъ их штúк ДР; черед. с им. п.: Зáпáкъвáл'и бѣуáцтвѣ — тáм и пáн'óвы, скóкъ з'ипунóв ы скóкъ эт'и шóбы хвалóух'и, и ч'икм'анú — тáм, и не пражѣл'и б'г'ят н'и ўнóк'и, н'и праўнóк'и — бѣуáцтвѣ бѣль ЕН; в сочетании *ско́лько есть N₂*: Тѣдá, хтó идут' тады у цѣркву, цѣркву эту рѣзурьмл'ат', ан'и пѣд'н'имáйут' ус'ѣ хлак'и, скóл'к'а там йѣс'т' м'иру, и кр'ич'á тады н'ѣ... кр'ич'á там нѣ гълъсá ЕС; *Скóкá бѣлá м'иру*, скóкъ ууѣвáр'ивъл'и, скóкъ упрáшывъл'и — н'ѣ пѣшóл! АД; Этѣ пѣс'ѣр'óтк'и йáмка, а пѣ бѣкáм, скóкъ нас йѣс'т', с'ѣм'ѣра чѣлав'ѣк, мы иурáим, этѣ нѣзывáл'ис' сáвк'и ДР;*

то́лько *У н'их там тóкъ-тѣ м'ил'иáрдѣв, а пѣтом пр'ибáв'ил'ис'а за кр'и́зѣ ишио бóл'шы АНФ;*

мно́го *У м'ин'ѣ мнóуа кóз бѣла ДР; Дѣ хтó знѣе, этѣ и мнóуѣ д'алóу АД; Ох, у жѣзн'и мнóуѣ ус'ѣуó бѣль ЕН; И тѣдá, бѣуáтыи бѣл'и л'уд'и, у н'их мнóуа з'амл'и, мнóуа трудавóй сýлы, рабóч'их эт'их л'уд'ѣй — спрѣвл'áл'ис'ѣ ѣс'ó на св'ѣт'а, а хтó б'ѣдн'ин'кии, и тѣдá бѣл'и, тѣдá ишио хúжá, нѣишии НИ; У нас мнóуá д'áтлѣв НИ;*

ма́ло *В этѣм гáду гразы как-тѣ н'ѣ бѣль, мáлѣ бѣль грóс. Мáлѣ бѣль в нон'ѣшн'ѣм гáду гразы, ув'эту л'ѣтѣ ДР; Клѣд'ѣ у сáн'и, и сáм сáб'ирáицѣ т'áплó, и вот у кѣуó бѣл'и вáл'ѣнк'и, мáлѣ бѣль вáл'ѣнáк, а бѣл'и у лáпт'ех, и ув'анúч'ех ЕС; Л'ѣтс'ѣ иц' тóжѣ у нас мáлѣ дóжѣсу бѣль, а нын' сáу́с'ѣм н'ѣту АД; Мáлѣ ч'ѣуó, мáлѣ тѣуó, што тáм ѣнá дóмѣ кѣмáндѣвѣлá, тѣк ѣнá и суды пѣп'инáлѣс'ѣ! АНФ;*

ме́ньше *Пут'ин' гълъвá ув'áзд'ѣ, а у н'ѣуó м'ѣниш' дахóду, а у эн'т'их бóл'ше, этá штó ѣзнѣч'áйе? Эканóм'ика? АНФ;*

ма́ло-ма́ло *Дѣ щáс'иш' у нас н'ѣ стáл'и д'ѣржáт'. Уж мáлѣ-мáлѣ карóв — н'ѣ стáл'и д'ѣржáт' АрФ;*

трóхи *Мáмá к этѣму дѣкум'ѣ... к ѣнтѣму мужѣкú, а мáмѣ бѣла ѣднá, ѣднá доч', у н'ѣй там бѣль трóх'и д'ѣн'жóнѣк ЕС.*

Субъектное значение генитива в этой модели может быть усилено именительным темы: *Иурáл'и, прáз'н'ик, ѣс'л'и вот прáз'н'ик гълъвóй там, ан'и мнóуѣ*

праз'н'икъѹ быль. И С'еруѹв д'ен' был, и Патрѹ д'ен' быѹ, и этъ, а С'еруѹвъ д'ен' р'йел'и пр'иваз'йл'и ЕС; а также постановкой глагола-связки в форму мн. ч.: *Вот у наз дѹма был'и мноѹа кѹс.* А тѹ Н'урка, то... д'ет был ѹч'ин йеканѹмнѹй, у нас ус'ѹ былъ w хъз'айств'е, и мноѹа кѹс была ДР.

2. 2. Генитивные именные группы со словом *много* в роли квантификатора отмечены в неподлежащно-сказуемых предложениях с первым компонентом — предикативом *надо*: *Была рабѹч'их мноѹу наѹдѹ* АД; *И эт'и, кун'д'ѹк'и шыл'и ѹ мужыкѹх эткѹи ѹд'евѹл'и, и нъ штаны вѹтк'е, штаны вѹтке, сѹшйе, из этѹй из вѹны, вѹт таѹы рабѹч'их рук мноѹу наѹдѹ былъ* АД.

2. 3. Генитивная именная группа выступает в позиции сказуемого в предложении без личной формы глагола: *Гушша — стрѹс'т' мноѹа л'уд'ей, и вот гушша зѹкѹшываѹт' хл'еп* ДР; *Дѹ шѹйк'а — капелѹ, мноѹу нарѹду* АД; *ѹм'ѹт — мноѹу снапѹ, тѹкѹй высѹкѹй, вот с хѹту* АД.

2. 4. В предложениях с личной формой глагола возможны (как и в литературном языке) колебания в координации подлежащего, выраженного генитивной группой с количественным значением, и сказуемого в формах числа, то есть допустимо употребление сказуемого как в ед. ч.: *Эт'и как'йе с нам'и — с нам'и жылѹ с'в'екрѹв'ѹа, т'ѹтка, д'ив'ер', бабушкѹ старѹйа, с'в'екрѹв'ѹинъ с'в'екрѹв'ѹа.* В'ид'иш скѹкѹ там абы как'ѹх л'уд'ей сѹбрѹтѹ! И жыл'и, и ѹс'е лѹд'ил'и ДР; *Там вот вѹ зѹл'ан'т'е, ѹтвар'ѹт'е дв'ер'и, там скѹкѹ пасѹды стѹйѹль тѹхтѹвѹ, тар'елк'и как'ѹ-тѹ, ч'ѹшк'и, как'ѹ-т б'итѹны, и пѹлнѹ там, ув'азл'ѹйей, этъ пнѹхпѹтѹ рѹзнѹйѹ ДР; *Бѹл'ше ден'ех прахѹд'е нъ лекѹрствѹ, Н'ин* МП, так и во мн. ч. (т.н. семантическое согласование): *Дѹ и у дѹме, ну сѹбрѹл'ис бы с там н'ѹскѹл'кѹ ч'ѹлавѹк и б'асѹду в'ал'ѹ* АнФ; *Свѹд'ба эт свѹд'ба, а эт б'асѹда.* Ну прѹстѹ сѹбрѹл'ѹс' нѹскѹл'к'е ч'ѹлав'ѹк, там праз'н'ик кѹкѹй, нъ б'асѹду АнФ. В целом форма ед. ч. сказуемого маркирует пассивность и неизвестность, неопределенность субъекта, а форма мн. ч. — активность и известность, определенность, конкретность субъекта: *пришло/пришли несколько человек.**

Для литературного языка форма ед. ч. сказуемого признается единственно возможной при подлежащем — сочетании со *столько, сколько, много, немного, мало, немало*: *Сколько людей пришло; Произошло немало событий* [Грамматика 1980, П: 242–243]. В говоре Роговатого возможна как форма ед. ч.: *Б'едѹ зѹ б'адѹйѹ, ѹднѹ бедѹ н'ъ пр'ихѹд'ѹа, а их мноѹа срѹзу пр'ихѹд'ѹа* (3 л. ед. ч.) *ет'их б'ет* АнФ, так и форма мн. ч.: *Мноѹу дубѹв растуѹт'* НИ. При подлежащем, выраженным ИГ с собирательным существительным (*Много народу пришло*), в Роговатом возможна форма мн. ч.: *Наб'ивѹйѹцѹ у ѹту цѹркѹву пѹлнѹ нарѹду, зѹб'ирѹйе этѹ, б'арѹт' пѹлк'и, на пѹлкѹх хлѹк'и, нав'азѹвѹѹт' тр'ѹп'к'и, хлѹк'ѹ* ЕС.

2. 5. Генитивная именная группа с квантификатором может употребляться в позиции объектного распространителя в предложении с личной формой глагола: *Из'д'ельл мноѹу дѹх, бѹд'ѹа лѹшад'ей зѹпр'еѹат'* АнФ; *Ѣнѹ мноѹу трудѹв п'ѹр'н'еслѹ* ДР; *Картѹх н'ѹа д'ѹже мноѹу нѹкрашѹла и лѹку, квѹсу нѹв'адѹ вам* АнФ; *Йѹа в'идѹла мноѹа мноѹа зв'ѹст.* Н'ѹбушка *ws'ѹа вѹз'в'ѹз'д'ѹла, нав'ѹрнѹ к марѹзу* ДР; *Сл'ѹс прѹл'ил мноѹа, плѹкѹл д'ѹже* ДР; *Ну бѹл'иш св'аклѹ с'ѹил'и*

АрФ; *Г'откъ Дѡн', дѣ йей мѡль дѣвѡл'и мѡлькѡ, д'ит'ѡм!* НИ; *Ну, ус'ѡ знѡл'и, ус'ѡ пѣ рѣш'иш'ѡту, скѡкъ нѡдѣ н'ѡтѣк ид'ѣ пѣлажѣйт'* ЕС; в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*: *Нѡм же рѣзм'ер'ѡл'и, на скѡкъ уектѡр, и за скѡкъ вѣпѡл'иш* АД.

2. 6. В обстоятельственной функции в предложении с личной формой глагола: *Вѡт, и пр'иват'из'ѡрѣвѡла им ѣтѡ, и зѣ кварт'ѡру скѡкъ рѡс* [платила], *унѡч'ич'к'ѡ стѡришѣѡ уѣвар'ѡт'*: «*Бѡбушкѡ, у нѡз д'ѣн'их н'ѣту зѣплат'ѡт'*» НИ; *Вѡт, из'ѡ ѣльл'и мѡ, мѡжѣ, дѣ кѡк, скѡкъ там уѡдѡв кѡк* (сколько лет назад), *н'ѣ скажѣ* АрФ.

3. Существительные в роли квантификаторов. Н. Ю. Шведова рассматривает формы генитива при словах *стая (птиц), бочка (дегтю) стакан (воды)*, так же, как при числительных и количественно-местоименных словах, как семантически несамостоятельные, информативно-восполняющие [Грамматика 1980, II: 427], с другой точки зрения, формы генитива при этих словах заполняют семантическую валентность измеряемого [Кустова 2011].

3. 1. Количественный генитив употребляется в конструкции с существительными со значением количества, совокупности, множества: *кѡча, лѡжина, бухѡнка, жѡмка, пригѡрша, кус*.

Количественно-именное сочетание употребляется в назывных предложениях: *Кѡч'ѡ навѡзнѣѡ, кѡч'ѡ салѡмы, кѡч'и рѡзнѣ, а кѡу жѣ* ДР; в позиции подлежащего в предложении со спрягаемой формой глагола: *Н'ѡ лѡжа, а лѡжѣна вѡдѣ сѣбрѡлѡс* ДР.

Наиболее часто эта группа отмечена в корпусе в позиции объектного распространителя глагола: *ѣс'л'и н'и сп'ѡкс'и, н'ѡ вѣнул'и, н'ѣ пр'ибрѡл'и кудѣ-н'т' ѣт'и бухѡнк'и хл'ѣбѣ, патхѡд'ут' ѣтѡ, д'ѣжѡ, кадѡшкѣ с хл'ѣбѣм — н'ѣр'евѡл'ивѣѡ-ут', вѣвѡл'ивѣѡут', мѡмѡшѣ рѣскѡзѣвѣлѣ, вѣвѡл'ут' ѣтѣт хл'ѣп — н'и таб'ѣ, н'ѣ саб'ѣ, н'икамѣ* НИ; ...*мѡжѣ, там жѡмку усыпѡлѡ кѡкѡй муч'ѡцѣ, нѡкарм'ѡлѡ их, и нѡ п'ач'ѣ спѡл'и; Дѣ тудѣ ѡсып'иш пр'иуѡрѣшу ѣту мук'ѡ, ну шѡбѣ за... за ѣтѣ... зак'исѡлѡ, и тѡх-тѣ и жѣл'и* АД; *Ауѡ, щѡс нѡд'ѣ ѣтамкн'ѣ там, атр'ѣже, пр'ин'ѡс кѡс сѡл'ѡ, хл'ѣбушкѡ, пѡжѣѡуцѣ ѣт'и снѡх'и — ѡп'ѡт' пр'ѡст'* МП.

3. 2. Существительные, обозначающие вместилища, емкости (*лѡжка, рѡптѡх, мешѡк, бутѣлка, бутѣлочка, стакѡнчик*) вместе с управляемой падежной формой образуют генитивные конструкции меры [Рахилина 2010: 269–272]: *И картѡх там, лѡку, ч'ѣснакѣ там абѣ ч'ѣуѡ нѣкладѣт', хл'ѣбушка, и два йейцѡ ѣтѣ жѣ, и бутѣлка мѡлькѡ* НИ; *А зач'ѣм, бѣл стѡ рубл'ѣѡ стѣкѡн'ч'ѡк сѡл'и, а д'ѣн'их-тѣ у нас н'ѣ бѣлѣ* АД; в позиции первого объекта: *Ну и лѡшку увѣл'ѡѣш у в'ѡдрѡ вѡдѣ, а тѡдѣ хѡд'иш, пѣрскѣши, ан'ѡ дѡхнут'* АД; *Нѡб'ивѡит' р'ѡптѡх с'ѣнѡ* ЕС; *Дѡ, пр'ивѣз'ѣт' ѣт'ѡу урѣшѣг м'ѣшѡк, нѣ пѣталѡк сѣѣп'ѣ, ан'ѡ ул'ѣжѣвѣѡуцѣ, бѡнкѣ нѣб'ер'ѣ у хвѡртѡк л'и, у сѣмку л'и, и нѡ бѣзѡр с н'ѡм'и* АД; в позиции второго объекта (с опущенным первым объектом): *Нѣ стѣкѡн'ч'ѡк нѣб'ер'ѣм сѡл'и* (продавая крахмал, наберем денег на покупку стаканчика соли), *а уш сѡл' ѣтѣ т'в'ѡрдѣѡй, тѡт-тѣ стѣкѣѣ, и ѣтѣт, крухмѡл т'в'ѡрдѣѡй* АД; в эллиптических конструкциях: *Вѡт мѡ картѡх'и нѣтр'ѣм нѣ т'ѡрку, вѣжм'им, кружмѡл ѡтѣб'ѡѣм, крухмѡл*

пъв'ез'ем — *стък'ан'ч'ик сол'и* [получим за крахмал] АД; *Ж'алушка, наст'ой йа таб'е бутылч'к'у каз'иньгъ мьльч'к'а* ММ.

3. 3. Отмечено генитивное сочетание с существительным *тысяча* (в форме вин. п. ед. ч.) в позиции сказуемого: *А к'ау же йей овицу п'йм'аши, табун-та был тыщу этих а'в'ецъ ъл', м'оже, д'в'е тыщи* МП;

4. **Количественно-именные группы с генитивной формой в препозиции.** Вопрос трактовки конструкций с препозитивным генитивом типа *Театров в нашем городе три; Событий произошло много* является дискуссионным (обзор разных синтаксических концепций см.: [Крылов 2014: 298–299]). Большинство исследователей признают особый статус этой конструкции (ср. *Театров у нас три* vs. *У нас три театра*), см. например: [Арутюнова 1976: 226–228], [Золотова 2001: 28], [Апресян 2013: 12, 15–16]; высказывается идея о том, что генитив в случае рематической постпозиции квантификатора становится синтаксически самостоятельным и приобретает значение партитивности [Арутюнова 1976: 227].

При препозиции генитивной формы в качестве квантификаторов наряду с числительными, количественно-местоименными словами и существительными могут выступать междометия, слова разных частей речи, не имеющие количественного значения вне этих сочетаний, а также словосочетания или целые предложения. Непосредственная грамматическая связь между генитивом и квантификатором в этом случае отсутствует.

В Роговатовском корпусе зафиксированы следующие примеры употребления генитивной формы в препозиции по отношению к квантификатору.

4. 1. В препозиции к квантификатору обычно выступают местоимения *мы, они*: *Нас тр'оёе* и *ѣна* ЕН; *ѣна, мы, нас-тъ тр'оёе* о'къл йей ЕН; чаще в конструкциях, осложненных вторым родительным: *Н'аз былъ тр'и п'ьдр'у'и: искв'а'тър, бул'д'оз'ир* и *в'иртъл'от* (прозвища) ММ; *Нас этъ — н'ан'а, мамъ, В'ар'к'а, йа — ч'иты'р'и этъ ч'ила'екъ* ЕН; *Ну шт'о-йтъ, их н'и д'ес'ит' бар'д'w-тъ, он ад'ин б'ор, л'ес-тъ ад'ин, а шт'о ш их н'ьпр'им'ер д'ес'ит' п'ьдр'ат-тъ?* НИ; связочный глагол употребляется в ед.ч.: *Й'их был'а ч'иты'р'ь с'астр'е* ЕН; *Ш'ес' тыс'еч' ъд'дал'и, и их там ч'и п'ат'ерьъ былъ к'ьпач'ей, и ан'и ѣтн'ас'л'и, и ур'оп а'п'уст'ил'и* НИ; *Этъ д'ет'и... св'екр'ов'йа н'ар'одн'ийъ, хот' ('точнее') у н'е'у'о у ѣца н'ар'одн'ийъ мат' был'а. А их п'ат' д'ит'ей* ЕН; *Ну, у м'ин'е н'е'уд'а, а этъ, их мн'д'у' л'уд'ей* ЕН; с глаголом *стоять*: *Вот ан'и эт'ят пр'ир'езъч'ик, там ст'ийа их м'ил'ий'оны нас, эт'их д'ит'ей — ан'и ѣдд'в'айут', эт'ят, пр'ир'езък* ЕН; с именительным темой: *Эт'и в'арт'ел'ис' вот т'х'т'в'о, вот как этъ, в'ар'т'ел'ис', и й'на вот т'ол'ка ст'айт' вот т'х'т'в'о, эт'и сн'в'алк'и их малъ былъ* ДР.

4. 2. Довольно большое количество примеров препозиции отмечено в предложениях с квантитативными наречиями *много, мало, трошки, трошечки* и местоименным числительным *сколько*:

много *Ну, н'р'ад'w мн'д'у', т'ип'ер'а, ну, жыв'еш, д'ен' пр'йд'е — сл'авъ т'еб'е р'осп'д'и* ЕН; *Скат'ины мн'д'у'. Этъ н'ч'ал'и этъ урам'ит-та, эт'их т'ил'атъ с'б'ир'ат', зъ так* ЕН; *Н'уркъ зан'ята, тут у нас у'ст'ей мн'д'уа, и йа с'ч'аз*

зán'ята, рабóтѣу с н'им'и ДР; Дáмá был'и аурáмáднѣи, з'амл'и у н'еуó былъ мнóуóу ЕС; Ч'ém вы зън'имáл'ис'а? У вáс з'... з'амл'и былъ мнóу? НИ; Двaйóурьд-ных у нѣй мнóуъ, мнóуъ ЕН; У кѣуó радн'и мнóуá, рáзных, и хтó знай, съб'ирáйут' кѣуó, а нъ стал'е — штó нъ свáд'б'е, штó нъ пѣхърънáх НИ; Стáжу-т у м'ин'е мнóуá, а штó тóлку МП; «Ой, ну н'е нáдъ, н'е валнóуис'и, таб'е д'ужэ уп'ер'ад'и уóр'ь мнóуъ», — этъ бáбъ-ть, дáй йей Бóу здарóв'йá ЕН; в дистрибутивной конструкции: Нъч'áл'и кулáч'ит', бýлá áв'еу па мнóуá, д'ержáл'и, и пѣрс'áт ЕС;

мáло Дъ пѣч'аму, сáль-ть бýлá, а мълкá-ть мálъ НИ; А ѣнá — и мълкá мáла, и брухáлс'е, и там штó-нибóт' и... ДИ; Нъ тóл'к'и вóт этъуъ тут мálъ, а тó дáжэ вóт так вó вышывáл'и ДР; Вър'ен'йá дá, Тán'к'е этъ вóт сварíла вѣрэн'йá, штó йéзд'ил'и са мнóу-тá, Йóур'. Ну да там адн'и уълушы, там м'áкът'и мáла НИ; Зр'ит'ил'иw мálъ былъ, а рáд'он у н'ей мнóуъ ЕН;

трóшки Картóишк'и трóишк'и (возможно, эллипсис), а кѣдá б'ьс картóишк'и, ну ѣнá óч'ьн' у́кóснѣй НИ;

трóшечки Дъ у сýнá былъ д'ен'жóнък трóишч'к'и, он съб'ирáл д'ит'ей уч'ит', дъ он мн'е дал, ды пр'ийиэхъл ды прáв'ól, дъ уйэхъл АД.

скóлько И этк'их п'ер'ажыткѣф скóкъ, скóкъ былъ уóр'а, уълъдá, хълъдá, óх! ЕН.

4. 3. Генитивная форма в препозиции к квантификатору — количественному существительному (ком, груда, пятак, жомка, ведро).

Такие конструкции выступают в составе предикативной основы бытийных предложений: Нъб'ирáицѣ ком, и уш йáиц ком (о яйцах колорадского жука), а нын'ышн'ий уот н'и кустóу, н'и картóх АД; Вады в'адрó и мук'и — и м'ес'иш НИ; в позиции подлежащего в предложении со спрягаемой формой глагола: Ус'áкѣв хлѣм'йá уруда л'ажыт' АнФ.

Приведем также примеры препозитивной формы в позиции объектного распространителя глагола в конструкции с квантификаторами — числительными, количественно-местоименными словами и существительными: Хл'ебъ дѣвáл'и на трóд'д'ен д'в'ес'т'е урám АД; И нъ саб'е н'ос хл'ебá п'еч'онъуá мóжэ нýда двá, нам, нам зб'ирáл, уóлът! ЕН; Дáл'и нам волá, б'асхвóстѣуъ, и насыпѣл'и нам уарóху двá м'ешкá АД; Хтó д'ен'еу даст п'етáк, хтó кан'х'в'ету дас, хтó пр'án'еу даст, кѣл'едá бýлá, нъзывáлс'е, ф стѣр'ину АД; Свóр'уцѣ эт'и ш'и, кѣк рáс уш, а патóм жóмку этáй, св'ежы́й капóсты жóмку нар'езывáют', и ѣнá шоп н'е дѣвар'илс'е ДР; на дистрибутивной конструкции с предлогом по: áв'еу-ть д'ержáл'и па мнóуу ЕС.

4. 4. В качестве квантификаторов в конструкции с препозицией генитивной формы могут выступать предикативы гúсто, рéдко, пóлно, стрáсть: И уúишá бу-вáйá л'уд'ей. Тáм ых уúста бýла ДР; Тъдá-ть íх р'еткѣ, этъ ц'áс у кáжнѣуъ ЕН; Вóт нъ цѣнтръ там съб'ирáйут' этъ, ус'у, л'уд'ей, эт'их л'уд'ей, уармóишкá там, л'уд'ей эт'их стрáс'т' там ЕС (также в объектной позиции: Хлón'йеу нъб'ер'еш стрáс'т', а патóм выб'ирáиши вр'ем'á, нъ д'арушк'и тады эт'и хлón'йá ЕС); Тáм у н'ей у ур'ив'а р'апíðw пóлнѣ, и нъ хвасту пóлнѣ ет'их ѣр'апíðв, и у ур'ив'е мнóуá ДР.

В предложении с полузнаменательным глаголом *стоять* и предикативом *страсть* в качестве квантификатора сказуемое употреблено во мн. ч.: *Дь ў нас мнѡуь, мнѡуь пѡпѣм'ерл'и. Хѡт пустѣх стѣйѡ — стрѡс'т', вѡ нарѡжн'их* АрФ.

4. 5. В бытийных предложениях в роли квантификаторов отмечены словосочетания с количественным значением: *И вот ѡа жьлѡ пѣт кѡтѣруѣу, уѡлѣд был жьь, и вѣйнѡ, и уѡлѣт, вадѣ была — ад'ѡн калѡд'ис' у с'ал'ѣ* АД; *А пѡб'урушѣк ѣт'ѡу бѣлѣ — н'ѣ прѡдыхн'ѣш* ЕС; в том числе устойчивые (*невыносимый край, невыносимая сила, видимо и невидимо*): *Бѡл'шы ѣнѡ нѣ д'ѡт'ѡх бѣлѡ карѡста, тадѣ бѣлѣ ѣтѣй карѡсты н'ѣвынас'ѡмѣй крѡй* ДР; *...дѣ рѣс'т'ѣл'ѡт' их на ѣту, нѣ жнѣв'ѣт, ан'ѣ ѡл'ѣжаѡцѣ, дѣ мнѡт' ѡх, да тѡкѣ-тѣ рабѡты бѣлѡ — н'ѣвынас'ѡмѣй с'ѡлѡ* АрФ; *Дѣ он был д'ѡжѣ бѣуѡтѣй, у н'ѣуѡ ш пѣстрѡйк'ѡ, з'амл'ѣ тѣм в'ѡд'ѡмѣ ѡ н'ѡв'ѡд'ѡмѡ* ЕС.

4. 6. Значение большого количества может подчеркиваться междометиями: *Дѣ оѡй! тѡм у мѣуаз'ѡн ус'ѣуѡ нѣв'азл'ѣ, тѡм нарѡду бѣлѡ — оѡй!* АД; *ѣтѣуь нѣр'ѡду — ѡ-ѡ-ѡ-ѡ* ЕН.

5. **Бытийные предложения с генитивной формой без квантификатора.** Конструкции с субъектным генитивом со значением неопределенного количества без количественного слова типа *есть еще старых навыков, раньше часовен было*, обычные для севернорусских и западных среднерусских говоров, в южных говорах обычно представлены единичными примерами [Кузьмина 1993: 114, 123]. Говор Роговатого не является исключением: в корпусе зафиксирован один пример такой конструкции с генитивом местоимения: *Хѡт'ѡ, ѡс'ѣуѡ бѣлѡ* НИ; можно привести также несколько контекстов, записанных от руки: *Ѣѣс' ѡлубѡк'ѡх р'ѣк. Вѡн у нѡз бѣлѣ прѡвѣдѣ рабѡты.*

6. **Статистика.** Таким образом, наибольшей употребительностью в Роговатовском корпусе характеризуются сочетания с числительными и количественно-местоименными словами. Предикативные наречия, междометия, а также глагольные и именные словосочетания с количественным значением выступают в роли квантификаторов только в конструкциях с препозицией генитивной формы (*Людей страсть*).

В таблице показана статистика употребления разных частей речи в роли квантификаторов в Роговатовском корпусе:

числит.	колич.-мест. слова	сущ-ые	предикативы	словосочет.	междометия	всего
210	82	17	6	7	2	324

Количественно-именное сочетание — как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к квантификатору — чаще всего является компонентом предикативной основы бытийных предложений разных типов: посессивных (*У н'ѣуѡ шѣз' д'ѡт'ѣй*); локативных (*У п'ач'ѣ бухѡнѣк д'ѣс'ѡт'*; *Сѡрѣз дѣш у с'ам'ѣй-тѣ*), временных (*Дѡѡ ч'ѣса*) и др.

Кроме того, количественно-именное сочетание может выступать в позиции подлежащего или сказуемого в предложениях без спрягаемой формы глагола типа *ѣм'ѡт — мнѡуь снапѡуь*; в позиции подлежащего в предложениях со спрягаемой

формой глагола типа *Събрáл'ис бы там н'ёскъл'къ ч'лавёк*; в объектной позиции: *Йа в'идала мно́уа, мно́уа зв'ёст*; в обстоятельственной позиции: *П'етна́цът' γадѡв йа с' н'им жыла*.

В таблице показана статистика употребления количественно-именных сочетаний в разных типах предложений:

тип предложения	числит.	колич.-мест. сл.	сущ.-ые	предик.	сочет.	междом.	всего
<i>Сѡръг дѡш у с'ам'ий-тъ</i>	101	50	4	5	7	2	169
<i>ѡм'ѡт — мидѡш снапѡѡ</i>	17	12	3	0	0	0	32
<i>Събрáл'ис бы там н'ёскъл'къ ч'лавёк</i>	15	3	0	0	0	0	18
<i>Йа в'идала мно́уа зв'ёст</i>	42	14	10	1	0	0	67
<i>П'етна́цът' γадѡв йа с' н'им жыла</i>	35	3	0	0	0	0	38

Объектный количественный генитив при переходном глаголе

В данном разделе рассматривается управляемый генитив при глаголе, реализующий валентность количественного объекта (*дать хлеба*). Известно, что в говорах семантика и употребление приглагольного объектного генитива с количественным значением (далее — партитив) отличается от литературного: в северных и части среднерусских говоров партитив употребляется более широко, чем в литературном языке [Кузьмина 1993], [Малышева 2010, 2014 и др.]. В южнорусских говорах, в том числе в описываемом говоре села Роговатое, ситуация сопоставима с литературным языком. В корпусе отмечено 94 примера употребления партитива.

В форме партитива в говоре Роговатого, как и в литературном языке, употребляются только неисчисляемые, или делимые существительные (вещественные, собирательные, отвлеченные), а также исчисляемые существительные в форме мн.ч. Большая часть (70%) существительных, употребленных в форме партитива, — вещественные: *водá* (5), *гли́на*, *горо́х* (3), *грязь*, *камса́* (мелкая промысловая рыба), *квас* (2), *кипятѡк*, *крупá*, *лапшá*, *масло*, *молоко́* (4), *мука́* (3), *но́шпа* (2), *подоро́жник*, *се́но*, *сметáна*, *снег*, *солѡма* (3), *соль*, *спирт*, *таба́к*, *тѡр* (тѡрн), *тѡсто*, *трава́*, *хлеб* (3), *череда́*, *чесно́к*, *ши́фер*; сущ.-ые pl. tantum: *карто́хи* (3), *коно́пи*, *ѡтруби*. Близики к вещественным также существительные, обозначающие «совокупности чего-н. как множества» [Грамматика 1980, I: 473]: *де́ньги* (3), *гво́зди*, *подсо́лнухи* ('семена подсолнечника'). Среди названий веществ 26% составляют названия жидкостей (*молоко́*, *молочко́*, *спирт*, *водá*, *кипятѡк*, *квас*, *гу́ща* 'закваска'). Форму партитива активно принимают существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *жй́жечка* 'закваска', *кормѡ́чек*, *молочко́* (3), *масли́це*, *мучи́ца*, *са́льце*, *хлебу́шек*.

Как и в литературном языке, количественным генитивом в говоре Роговатого управляют только глаголы с определенной семантикой. В корпусе при переходных глаголах без количественных приставок зафиксировано 36 примеров генитивного управления. С партитивом отмечены глаголы четырех семантических групп: физического восприятия и передачи (21), глаголы со значением перемещения (7),

глаголы с общим значением ‘поместить что-н. куда-н.’ (4), глаголы с общим значением ‘приготовить что-н. для кого-н, чего-н.’ (4). Это глаголы с широким потенциалом управления количественным генитивом. Они имеют в семантике количественное значение, которое позволяет им семантически согласовываться с партитивом. Большинство из них, за небольшими исключениями, могут сочетаться с вещественным существительным и имеют также валентность бенефицианта.

Активность управления количественным генитивом повышается у глаголов с количественными приставками *на-* (37 примеров), *пона-* (2), *под-* (3), *при-* и глаголов одноактного способа действия с суффиксом *-ну-*.

Большинство глаголов, управляющих партитивом, — глаголы СВ; при глаголе НСВ зафиксировано всего 4 примера (ср.: [Малышева 2004]).

Статистика употребления партитива при переходных глаголах СВ без количественных приставок, с приставками *на-*, *под-*, *пона-* и с суффиксом *-ну-* показана в таблице:

глаголы	физич. восприятия и передачи (дать, взять)	перемещения (принести, привезти)	‘поместить что-н. куда-н.’ (налить, насыпать)	‘приготовить что-н. для кого-н.’	конкретного физич. действия
без колич. приставок	21	7	4	4	0
<i>на-</i> , <i>пона-</i> , <i>под-</i>	9	3	16	8	7
с суффиксом <i>-ну-</i>	4	0	0	0	0

1.1. Глаголы без количественных приставок

1.1.1. *Глаголы физического восприятия и передачи: дать, взять, купить, выпить, написать, выпить получить, послать, собрать*

Управление количественным генитивом — характерная черта глаголов физического восприятия и передачи как в современном русском литературном языке, так и в говорах. К глаголам физического восприятия и передачи относятся глаголы *взять, дать, купить, получить, заработать*, глаголы со значением ‘поменять, обменять’, ‘найти’, глаголы с общим значением ‘употребить в пищу’: *съесть, выпить* и др.

дать (8) «Дь Дѡн'к'а, дь у м'инѣ вьдѣ, и сол', и мука, ну как ѡей пѣч'?» — «Дь пѣд'ѣм ѡа мьльч'к'ѣ дам». — «У м'ин'ѣ н'ич'ѣуѡ н'ѣту». — «ѡа мьльч'к'ѣ дам» АД; Пѣд'ѣм ѡа таб'ѣ мьльч'к'ѣ дам! Пѣд'ѣм кружьч'к'у ММ; Дѣ, а мѣ у С'ѡн'ѡх д'ѣл'ѣ и прѣт'ѡвѣтѡнкѣвѣѡ, шьрѡкѣѡ, ѡлубѡкѣѡ, ш'ѡп тѡнкѣ шлѣ, н'ѣ в'ѡднѣ былѣ, ѡкѡп, и вѡт и прѣвѣжѣл'ѡ и нас ат кѡлхѡзѣ, и ѡарѡху нам дѡл'ѡ, и быкѡ зѣпр'ѡул'ѡ АД; Вот вѡпѡл'ѡм н'ѣрвѣѡ рѡс, хѣрашѡ дѡл'ѡ и н'ѡ д'ѣн'ѡх, зѣ прѡпѡлку, зѣ н'ѣрвѣѡу, сѡхѣр дѡл'ѡ и ѡвѡнц АД; Дѡдѡт' с'ѣнѡ, дѡдѡт' х'л'ѣбѡ, и ѣтѣ, з'ѡрны заплѡт'ѡт', вѡд зѣ ѣтѣ и расп'ѡсѣвѣѡѡс'ѡ и АД; Ну вѡт ѡл'ѡх ѣтѣд жѣжѡх ѣту хѡту, кур'ѣн'ѡк ѣтѣт, ну ан'ѡ ѡѣуѡ пѣд'ѡ д'ѣржѡл'ѡ, там ѡамѡ л'ѡскѡ дѡл'ѡ, кѡѡ-ч'ѣуѡ он нѣбрѡл дѡ вѡз'ѡл'ѡ, влѡц'с'ѡ дѡлѡ ѡамѡ ЕС; с вин.: Д'ѣн'ѡ'ѡи за хл'ѣп, а нам хл'ѣб дѡдѡт', а д'ѣн'ѣх нам н'ѣ дѣвѡл'ѡ АД; **взять** (5) По блѡту там у ѡѡрѣд'ѣ вѡзмѡт сп'ѡрту и у бутѡльч'к'у пл'ѣска-нѡт' — стѡ рубл'ѣѡ зѣ бутѡльч'кѡ АД; Ш'ѡ ты вѣзм'ѣш, вѣзм'ѣш мьлькѡ — ѡнѡ прѡк'ѡс'ѡ н'ѣ ЕС; Дь ѡѣс'ѡт' у м'ен'ѣ рѡст'ѡркѣ, ѡѣс'ѡт'. Вот ѡц'ѡс вѣз'ѣлѡ ѣтѣ, как ѡѣуѡ,

ношпы, *у́вар'а, ът не́й, ъб'езбол'ивъйе* ЕН; *А тѣруѡвал'и ш'ь, ес'л'и н'ѣту у м'ин'ѣ д'ѣн'ех, ѡа то кѣнѣп'ѣй с'в'арнуѡл', туды пѣн'есла́, камсы́ уз'елá* ЕС; *И у п'ач'и пасушут', ѡна́ рум'анѣйѣ стáн'е, и тѡда́ зѣк'ип'ит' вѡда́, и ѣтѣй вазмѡт' ланишы́, туды́ картѡшк'и, с картѡхѣм'и шѣ вар'ил'и, да?* НИ; **купить** (3) *Куп'ил крупы́, мánнѣйу, үрѣч'н'ѡвѣйу* ДР; *Куп'ил үвáz'д'ѣй* НИ; **Ношпы купилъ**, *ѡ мáс'йес'т' у м'ин'ѣ дѡмъ, ш'ас пр'иду, бѡду мázт' ЕН; вы́писать* *Пѣшла́ — мн'ѣ вѣп'исѣл'и шы́х'в'еру, скѡкъ там* АД; **вы́пить** *Ш'ас вѡт мѡлакѡ с'к'ип'елá. Таб'ѣ нáдѣ мѡлѣч'к'á пѣкá үр'áч'иуѣ вѣп'ит'* АНФ; **получить** *Вѡт у нáс он пѡлүч'ил пáтсолнүх, мы их ссы́пл'и у д'арушкү, анá л'ежáл — вѡн ѡна́ д'арушкѣ — и рѣзв'арнүт' йеүѡ, патѡм шы́л'и ѣту д'арушкү* АД; **послать** *А ѡн скѣзál: «Умр'ѣш, дѣ клáдб'ишиш п'ирс'ицк'их [ковров] пашл'ү таб'ѣ, пѣст'ал'ү»* АД; **собрать** *Ш'ас пѡд'ѣш у мѣүаз'ин, д'ѣн'жѡнѣк събир'ѣш, пѡд'ѣш күп'иш, нáр'áд'ис'с'и и пѡд'ѣш!* АД

1.1.2. Глаголы со значением перемещения принесть, привезть

принесть (4) *Вот' ѡа вѣл'йу ѣтт ч'ууун, ѣтѡд д'ѣтт вар'ит', а шиѡ пайдү пр'ин'асү, а бѡл'е н'ѣ ү ч'үя, пр'ин'ес'т' вады́* АД; *Спáл'и у м'ѣс'т'е? Дѣк а нѣ палү? Пѣс'т'илáл'и, салѡмы пр'ин'асүт', д'арушк'и с'т'елүт' и...* НИ; *Дѣ с свáйм'и д'ит'ám'и, нá палү, дá, салѡмы пр'ин'асүт', д'арушкү пѣ... д'арушк'и пѣс'т'ел'иш, падүшк'и пѣклáд'ѣш, и кáжнѣй с свáйм'и д'ит'ám'и л'áгут', дá* ЕС; *У рѡрѣт нас'ил'и нѣ саб'ѣ, л'ип'ѡшк'и, л'ап'ил'и ѡт'н'асүт', аттүдѣ сол'и пр'ин'асүт' саб'ѣ, н'ѣч'ѡм сал'ид' бѣлѣ* НИ; **привезть** (3) *Ну, пр'и... там, үаст'инѣцѣ мн'ѣ пр'ив'ѡс. Йáблѣк'и вѡт так'ийá, á, шѡ тѣ! ЕН; Ан'и туды́ зá д'ѣн' дайдүт', дѣ зѣ друуѡй ѡнтел', ѣт'иу үрүшѣк пр'ив'азүт'* АД; *Нáм бы кубы́ тѡжѣ ѣтѣүа ѡтруб'ѣй-тѣ кубы́ хто пр'ив'ѡс* НИ

1.1.3. Глаголы с общим значением 'поместить что-н. куда-н.' налить, насыпать

налить (2) *Йá им нѣкрашы́лá хл'йѣба дѣ нѣл'илá мѡлѣкá, пѣаб'йѣдѣт' им събрѣлá, и ан'и үѡвѣр'á: «Бѡл'шѣ пр'икѣрат'ил'и үас прѣвэд'ит'»* АД; *Дѣ уш вѡду вот ваз'ил'и, нѣ бурѣкáх, у жѡбнáх у ѣт'их, д'ир'ив'áннѣш д'елáнѣш, нал'йүт' туды́ вады́, кл'ѡпушкѣм заткнүт', пр'ив'азүт'* НИ; **насыпать** (2) *И кѣрѡвáй мы вар'ил'и. У хват'ѣр'е нач'үим, а вѣйд'им нѣ двар'ѣ, дадүт' нам ч'ууунѡк, зѣк'ип'ат'ит', насы́п'им үарѡхү, а кѣмáшк'и тады́ рѣзл'етáйүцѣ, а мы ѣнтѡд үарѡх йад'им* АД; *Муká, насы́п'ит' мук'и, вады́, нам'йес'ут' т'йѣста, а туды́ үуишы́ падм'ѣс'ут'* АД

1.1.4. Глаголы с общим значением 'приготовить что-н. для кого-н., чего-н.' (для еды, для продажи) замесить, сварить, оттопить, свернуть

замесить *Тáк, хвát'а, а тѡ йá не упрáвл'ус', а тѡ нáдѣ мн'ѣ муч'и́цы зѣм'ас'ит'* АНФ; **сварить** *ѣтѣйу прѣс'анѡй там мѡжѣ картѡх как'их свѡр'ут'* туды́ ЕС; **оттопить** *Ч'ѣм л'ач'ит' карѡсту. Тѣбакү вѣттáп'ит'а, и ѡна́ прѣпѣд'ѣ* ДР; **свернуть** *А тѣруѡвал'и ш'ь, ес'л'и н'ѣту у м'ин'ѣ д'ѣн'ех, ѡа то кѣнѣп'ѣй с'в'арнуѡл', туды́ пѣн'есла́, камсы́ уз'елá* ЕС

1.2. Глаголы с приставкой на-

Приставка вносит в значение глагола значение некоторого, чаще большего, количества. При наличии приставки *на-* глагол приобретает более широкий потенциал управления партитивом.

1.2.1. **Глаголы физического восприятия и передачи** с приставкой *на-*: *набрáть*, *надавáть*, *накупíть*

набрáть (4) *Пайдúт', н'асúт' хл'е... нъб'арúт' ет'их кусóч'к'ъв, уóсп'д'и!* ЕН; *Эт нъбрáл'и нър'áдъф саб'е — шóлкъвъи плат'к'и, этъ ус'áкьи йúпк'и тáм, пътай... Ой, кáу... душá, н'евъзмóжень!* ЕН; *Ънá х'итрýйа, ъна нъб'ир'е д'ен'ъх, и нóч'и кут'á с мúжъм. И мúж-ът п'йе* ЕН; *Хтó там мáс'л'иць нъб'ир'е мóжъ карóв'ей, хтó с сáлъм, дá, дъ и бáрáн'йе...* ЕС; **надавáть** *Мы ўч'ерá къл'ъдъвáл'и в'еч'иръм, и уармóшкъ былá, и пл'есáл'и, и иурáл'и, и нъдъвáл'и нáм и съмауóн, и д'ен'ъх, и ўс'еуó нъдъвáл'и* ДР; **накупíть** *Ус'ó, и этъ пр'áл'и, и ткáл'и, и ус'ó-ус'ó д'елъл'и, и шýл'и, ус'ó свáйм'и рúч'к'им'и уатóв'ил'и. Не тó щó вот щáс: пайдúт', накуп'ут' ус'еуó дъ и нър'ежáйуць* АрФ

1.2.2. **Глаголы со значением перемещения:** *наносíть*, *навезть*

наносíть (2) *И вот сн'еуу нанóс'ут' вот з'имóйу-тъ, щáс ръзувáйуць, тьдá-тъ н'е ръзувáл'ис'* ДР; *Вот нънас'ýлъ вадý, шó и кружýс'е дъ кружýс'е* АД; **навезть** *Дъ оóй! тáм у мъуаз'ин ус'еуó нъв'азл'и, там нарóду былá — оóй!* АД

1.2.3. **Глаголы с общим значением 'поместить куда-н.':** *наклáсть*, *накидáть*, *накрошíть* *натурíть* 'положить, налить в большом количестве', *навалíть*, *настелíть*:

наклáсть (4) *И картóх там, лúку, ч'ьснакú там абы ч'уó нъкладúт', хл'ебушка, и два йейцá этъ жъ, и бутылка мълъкá* НИ; *Вот, и нóшк'и хад'ýл'и, ънá у уóрýд п'ешкóм хад'ýла!* **Нъкльд'е мáслá**, *нъзát, нп'ер'óт, хóд' бы парóжн'ийе, а тó нъ саб'е т'án'е* ЕН; *Мы вот эту л'ап'ýл'и, этъ тр'ет'йá у м'ин'е, пъ майóм ши'асú, а тó вот, эткъйе штúч'к'а, из дъстóк справ'ил'и, нъкльд'ем ур'áz'и, а тúт абóрч'к'а пр'ив'ázьнъ, зъ абóрч'к'у йá и пъвълакú, атвълакú, п'ир'ак'ýну, вьáйл'у, он л'ажыт' сьмáн* АД; *И д'ýже бл'ины хърашы. Ну и см'етáны нъкладúт', этъ св'екрóв'йа нъкльд'е...* ЕН; **накидáть** (2) *Пъдн'елáс'а бúr'а, и път'ануль вс'ó, бúr'а стръшённыйъ пъдн'елáс'е и вс'ус'енъ пъръзвъльклá, лаз'ýнк'и л'ат'ел'и, и нъкыдáл'и ув'азд'ет'их лаз'ýнк'и* АнФ; *Да ну, к'из'акóу мы нак'идáл'и, врóд'и этъ. А к'из'ак'и, дъ ты-тъ н'е знáйши, ч'ó этъ зá к'из'ак'и* АрФ; **накрошíть** (2) *Йá им нъкрашылá хл'еба, дъ нъл'илá мълъкá, пъаб'едът' им събрълá, и ан'и увъър'á: «Бóл'иш пр'икърат'ýл'и уас пръвад'ýt'»* АД; *Тó мужык'и эту, кур'ýл'и и салóму крашыл'и, кур'ýt'. Вот тьбакú накрóшй, а óн жъ тьбáк вот къкóй* ДР; **натурíть** (2) *Ну с'енъ карóв'е нътур'ýлъ, а ънá н'и пайёлъ* АнФ; *Ну вадý нътур'ýлъ мнóуъ, ч'ер'ис крýйá ...вадý нътур'ýлъ и н'á..., н'ис'и* АнФ; **навалíть** *Труп эт нъвал'ýл'и, увъър'á* ДР; **настелíть** *Тáм нъ кълáх пъстáв'ут' эту кърват', пъст'ел' там пъст'ел'ут', салóмы нáст'ел'ут', дъ д'арушк'и прът'аньйе, дъ сукóнныйе есл'и, эту жóпу пад'ир'еш' аб'эту, кáк йей, прът'аньйе* НИ

2. 4. **Глаголы с общим значением 'приготовить что-н. для кого-н, чего-н.'** (чаще о еде): *навезть*, *намесíть*, *напечь*, *наварíть*, *напарíть*

навезть (2) *Хат'ела квáсу нав'ест', ан'и увъър'ат' ус'е эт'и нáшы уóст'и, их шест' ч'илав'ек, ан'и увъър'ат', мы мóже так ъбайд'емс'и* ДР; *Картóх н'а д'ýже мнóуъ нъкрашыла и лúку, квáсу нъв'адú* вам АнФ; **намесíть** (2) *Дъ т'есть нам'ес'а, а мы ныйáр'ивъим эту т'есть, такúу, сыруу* ЕН; *Хл'ен? Мука, насып'ут' мук'и,*

вады́, **нам'и́ес'ут' т'и́еста**, а туды́ у́шишы **падм'ес'ут'** АД; **напéчь** (2) Ш'ас Н'у́ркъ **нъп'екла́ как'их-ть пы́шгъ**, из лúка, с лúкъм, ъна́ таб'е н'ьха́й рьска́же, бч'ин **мкúсныи** ДР; А ъна́ **бл'индý-ть нъп'ик'е к'ислыx**, толстѣи, харóшгьи! Как, **пиóннай п'акл'и**, и **ур'ач'ишнай** ЕН; **наварить** Нъп'екла́ **эт'их пы́шгъ**, ан'и **йёл'и пы́ш'к'и**, ъна́ **нъвар'и́ль картóх** ДР; **напáрить** **я́на травы́ нáпáр'илá**, нъкарм'илá ЕС

1.2.5. **Глаголы конкретного физического действия** **наломáть**, **намесить**, **нарвáть**, **нары́ть**, **натолóчь**

наломáть А **йа у́вар'у**, ну **што** вы **нълъмáл'и этъй лазы́**, **вот** **эту** **на́да** **в'ёрбу** ДР; **намесить** Ну и **ѡдна́ мáзълъ**, а **што** **ш?** Утръм **устан'им ранъ**, **нам'ес'им** с' н'им **ул'и́ны**, **вймъжым ст'енку** ДР; **нарвáть** **Нървал ч'ър'ады́** АНФ; **Пр'ид'им, пьддарóжн'ику нърв'ем**, **дъ пы́ш'и** и **эт'и исп'ик'ем** МП; **Пайéхъл'и зъ т'оръм**, **йа ур'у** «**Дъва́й, М'ит'**, **нъ настóйк'у т'ору нърв'ем**» НИ; **нары́ть** У м'инé **нъ уарóд'е нары́л'и нór'**, л'ьбо **сл'ьпушóнгъ**, **ил'и шиó** как'их-ть **нъзыва́ют'** ДР; **натолóчь** **Нáтгъл'ем ул'и́ны**. **Этъ утръм ранъ нáтгъл'ем**, **ст'енку зъмáжу** — **иду́** **нъ рабóту** ДР

1.3. **Глаголы с другими приставками** **понабрáть**, **подкупить**, **подмесить**, **подсы́пать**

понабрáть Оооо, **дъ ид'е ты их пънъбръла́ так'их слóв** ДР; **Этá бáнда** **пр'ишл'и тады́**, **ноч'и**, у н'их **аружьѣе бы́ла**, ан'и **аружьѣй** с **вайны́ пънáбрáл'и** ЕС; **подкупить** А **патóm** **ишиó л'аскú пъткуп'ил'и**, **ды вóт справ'иу́**, **ш'оп** и **доч' пр'ийéхълъ**, и **сын пр'ийéхъл** АД; **подмесить** **Хл'еп?** **Мукá**, **насы́п'ут'** **мук'и**, **вады́**, **нам'ес'ут'** **т'еста**, а **туды́ у́шишы падм'ес'ут'** АД; **подсы́пать** ...**съжáют'**, и **мук'и патсы́п'ут'** и **пъсód'ут'**, **туды́** **йей**, и **вот** **тáк** **йей трóшк'и тр'ахнút'**, и **ѡна́ скóч'е туды́ на пóт**, и **там п'ек'эццá** АД

1.4. **Глаголы с суффиксом -ну-**: **зачерпнуть**, **пивнуть**, **прихлебнуть**

зачерпнуть **Вз'елá**, **зъч'арпнúль к'ип'аткú** и **ливнúль йамú** ЕС; **пивнуть** **Вáз'м'еш п'ивнéш мълъкá**, и **н'е хвътáлá** НИ; **прихлебнуть** (2) **Да**, **кто** с **хл'и́ебушкъм**, а **кто б'ас** **хл'ебушкъ**, **жы́жъч'к'и пр'ихл'ебн'еш**. **Кáшу** **эту пайéж** **дъ** и **жы́жыч'к'и пр'ихл'ебн'еш**, и **этът** **кáт'ол** **тады́ пъйед'á**, **трóх'и ѡддахнút'** — **пашл'и пн'ат' кас'ит'** ЕС

1.5. **Глаголы НСВ**

На способность присоединять количественный генитив влияет не только лексическая, но и аспектуальная семантика глагола. Так, хорошо сочетается с партитивом результативность (*Петя купил журналов*) и не сочетается актуально-длительное значение глагола (**Петя стоит около киоска и покупает журналов*) [Падучева 1996: 189–191].

В роговатовском корпусе управление количественным генитивом встретилось в трех контекстах, в которых глагольная форма НСВ имеет значение повторяющегося, узуального действия, и в одном контексте при инфинитиве. Известно, что в этих значениях противопоставление СВ и НСВ существенно нейтрализовано [Анна А. Зализняк, Шмелев 2000: 34–39; Падучева 1996: 74], что и обуславливает смягчение запрета на количественный генитив (ср.: [Мальшева 2010: 22–23]).

дава́ть **Дъ** **эт** **ишигъ уарóху** **дъвал'и!** АД (ср. с вин.: **Зъ ѡва́нц** **въш'итъл'и д'ен'уи** — **а нам** **н'ич'ею́** **н'е встáлгьс'**. **Друуóй рас** **пóл'им**. **Друуóй рас**

выпльл'и — *хл'эб дьвэйут'* АД); *добавлять* Да, *яна* възшла, *патом* уу *эту* *гүишу* *ишио* *дъбьвл'эйут* *вады*, *ишио* *мук'и*, *зам'ес'ут'* *накруч'е* АД; *резать* *Уборшиньйя*, *р'эжум'* *сал'ца*, *и там* *кашу* *вор'ут'* *пишоннйу*, *д'н'ом*, *аб'едьйут'*, *н'еч'гь* *йес'т'* ЕС; *готовить* *Кърав'онку* *д'ержал'и*. *Ну вот. Що* *и*, *йей-ть* *кърмоч'к'у* *надь* *гатов'ит'* АрФ

1.6. Генитив отвлеченных существительных

При более детальном семантическом анализе сочетаний с количественным генитивом возникает необходимость разделять сочетания с конкретными и отвлеченными существительными, поскольку характер отношений между действием и объектом в этих сочетаниях совершенно разный, и соответственно, значение генитива также часто оказывается различным. В корпусе Роговатого зафиксированы отвлеченные существительные в форме генитива в следующих позициях:

1) при глаголе *дать* в значении обеспечить наличие того, что обозначено существительным', чаще всего в контексте пожелания: *Ну дай бoх вам там здарoвья и ус'уо блъгьналуч'ийа*. *П'ир'едьвай пр'ив'ет*, *скъзала* *гьст'ам* *п'ир'давай пр'ив'ет* *ат м'ин'е*, *слъшыт'а* *д'ежк'и?* ДР; *Ну пька-пька*, *ну дай бoх вам здарoвья там и блъгьналуч'ийа* ДР; *Б'яна*: «*Ой, ну н'е надь, н'е валнуйс'и*, *таб'е* *д'ужэ* *уп'ер'ад'и* *гор'ь* *мнoгь*», — *этъ* *бaбь-ть*, *дай йей боу здарoв'ий* ЕН; *Он* *за* *н'их* *скар'б'ел*. *А зь* *врагoв* *за* *этих* *мал'илс'и*, *штоп* *йим* *дал* *бох* *разума* НИ;

2) в сочетании с глаголом *дать* и существительным *милостина*, которое часто употребляется в говорах в форме генитива: *Мужыч'ау* *во* *йд'е* *во*, *страс'ц'* — *дай м'илгьс'т'ины* ЕС;

3) при глаголе *дать* в сочетании *дать дёру*: [нарвал] *т'ору* *и* *дал* *д'ору* НИ.

4) при глаголе с приставкой *на-* употребляется генитив со значением большого количества: *Нькап'ил* *ур'ахoу!* НИ;

1.7. Генитив объекта при отрицании. Объектный генитив в роговатовском корпусе в отрицательной конструкции употребляется при следующих переходных глаголах:

1) при глаголах с широким потенциалом управления партитивным генитивом, рассмотренных выше: *братъ* *А*, *н'е*, *н'е*, *н'е*, *яна* *бол'шь* *съма* *н'а* *буду*. *А* *йа* *думль* *мн'е*, *йа* *н'икак'их* *улаткoв* *н'и* *б'ару* АНФ; *дать*: *Вот* *л'етс'ь* *н'е* *бьль* *дожжа*, *эт'и* *с'т'ьр'ежонгч'к'и* *у* *картохьх*, *и* *н'е* *дал'и* *рoстя* АД; *С'т'ьр'ежонк'и* *у* *картохьх*, *вот* *как'ие* *усход'ут'*. — *Д*: *Это* *стирижёнки?*— *Да*, *и* *н'е* *дал'и* *вот* *картох* АД; *давать* *А* *он* *вот* *ушoл* (Иисус Христос), *и* *дожжу* *н'е* *дьвайе*, *эт* *зъ* *ч'еуo-т* *нъ* *нас* *ъс'ер'ч'ал* АД; *Вот* *у* *кьуo* *нъръжаицъ* *д'йевък*, *ход'* *з* *гольду* *пъм'ирай*, *з'амл'и* *н'е* *дьвал'и* НИ;

2) при глаголах зрительного и слухового восприятия: *видать* *Празьыл'и* *свайу* *жыс'т'*, *харoшьгь* *д'ужэ* *н'и* *в'идал'и* АрФ; *Вьина* *была*, *ну* *вот*. *Н'е* *в'идал'и* *мы* *н'ич'еуo* *харoшьгь* АрФ; *И* *вот* *ъстал'ис'* *б'ез* *аццoу*, *пъпауьбл'и* *и* *нашы* *аццы*, *и* *б'ель* *св'етъ* *н'е* *в'идал'и*, *н'а* *в'ид'ил'и* *мы* *йеуo* АрФ; *А* *муж* *хороший* *был* *у* *вас?* — *Н'ипльхой*. *Н'ипльхой*. *Ът* *н'еуo* *йа* *н'ич'еуo* *н'е* *в'идаль*, *абы* *какой* *пльхаты*, *н'ет* АрФ; *Да*, *кл'имът* *стълкану(лси)*. *А* *то* *ит'* *бьвалъ* *акoшк'и* *ад'н'и*, *ш'ас* *нъдвойе*, *а* *то* *ад'н'и* *был'и* *ъкошк'и*, *и* *рам* *н'е* *в'идат'!* ЕС; *слыхать* *Вот*

мн'е вѳс'ѳмд'ѳс'ѳт шестѳй, а йа' ѳткѳй ч'ѳды н'е слыхѳль АД; переслѳхатъ А нѳших бѳл тут ѳт'их тѳ н'е п'ир'аслѳхѳиш' их НИ;

3) при глаголах других семантических классов: **найтѳ** *Никак не найдут' работѳ* ЕГ; *Н'и на двѳр н'и маѳу д'в'ѳр'и найт'ѳт'*, н'и у хѳту ДР; **знатъ** *Зѳв'ербовѳл'и нѳ торѳх. А йа' н'ѳд'ѳ н'ѳ былѳ, н'е знѳйу с'т'ѳшк'и* и к сѳс'ѳд'ѳм АД; *Расп'ѳсѳвѳцѳ ум'ѳиш'?* НИ — *Н'ѳ, н'ѳ, н'и днѳй бѳкѳвы н'и знѳйу* ЕС; **почитѳтъ** *Кѳк йа таб'ѳ! Хтѳ мѳт'ер'и н'а слѳхайѳ, хтѳ ѳцѳ-мѳт'ер'и н'ѳ пѳч'итѳйе, тѳт, ѳйт, тр'ѳжд'и прѳкл'ѳтѳй»* ЕН; **сказѳтъ** *Штѳбы знѳл'и, штѳ ѳтѳ, ѳт истѳр'ѳиѳа в'ѳд'ѳцѳ там, тѳ дѳмѳиш. Щѳс вот уш нѳишѳ д'ѳт'и, ан'ѳ ужѳ ѳтѳѳ н'е скѳжѳт'*, штѳ мѳ с табѳйѳ ѳѳвар'ѳм НИ.

1.8. Безглагольные эллиптические конструкции

В корпусе зафиксировано некоторое количество примеров употребления количественного генитива в эллиптических конструкциях, в которых подразумевается чаще всего глагол со значением 'поместить куда-н.' или глагол со значением физического восприятия и передачи:

И у п'ач'ѳ пасѳшѳт', ѳнѳ рѳм'ѳнѳйѳ стѳн'е, и тѳдѳ зѳк'ѳп'ѳт' ѳдѳ, и ѳтѳй вѳзмѳт' лапѳшѳ, **тудѳ картѳшк'и**, с картѳхѳм'и вар'ѳл'и, да? НИ; *Дѳ картѳшк'и кадѳ, кал'ѳ б'ѳс картѳх* ЕС; *Ч'ѳуунѳ бѳл'и, табѳ у ч'ѳуун, а патѳм хот' мѳлѳкѳ тудѳ, а хот' вадѳ* ЕС; *Ѓѳшѳд'ѳ, уѳшѳд'ѳ д'н'ѳм пѳв'адѳт' папѳѳѳт'*, и саб'ѳѳ вадѳ пр'ѳ... саб'ѳ из рѳд'н'ѳкѳ, а уѳшѳд'ѳ... ЕС; *Хтѳ там мѳс'л'ѳщѳ нѳб'ѳр'ѳ мѳжѳ карѳв'ѳй, хтѳ с сѳлѳм, дѳ, дѳ и бѳрѳн'ѳе... ЕС — Бѳрѳн'ѳѳ жѳѳру мѳжѳ* НИ; *Кѳшу ѳту, картѳшѳк' раскрѳшѳ трѳх'и, патѳм тудѳ пѳшѳнѳ, картѳх'и ѳтѳй, зѳк'ѳп'ѳ, табѳ тудѳ пѳшѳнѳ* ЕС; *Йа квѳсу вам на ѳжѳн, и картѳшк'и, и ѳлѳд'ѳѳ лѳкѳѳѳх* АНФ; *Дѳ п'ѳч' ѳлѳд'ѳ'и. Картѳх и квѳсу. Ну спрашѳвай, йа пѳйдѳ ш'ѳс зѳ мѳкѳѳ* АНФ; *ѳт мѳмѳ нѳшѳй и хл'ѳп, и мѳлакѳ и, пѳрс'ѳнѳч'к'ѳ зар'ѳжѳм, и сѳл'ѳѳ — ус'ѳ ѳт мѳмѳ* ЕН.

Генитивные формы как компонент структурной схемы предложения со спрягаемой формой глагола

В этом разделе будут рассмотрены примеры конструктивно обусловленного генитива в предложениях со спрягаемой формой глагола. Генитив в подобных конструкциях является не присловным распространителем глагола, а компонентом структурной схемы предложения [Грамматика 1980, II: 274–278], [Золотова 2001: 28–29]. Такой генитив употребляется в предложениях, сообщающих о наличии, появлении чего-л. во множестве. Место глагольного компонента занимают глаголы с количественным значением: *Вот у кѳѳ нѳрѳжѳицѳ д'ѳѳѳѳк, ход' з ѳѳлѳду пѳм'ѳрѳй, з'ѳмл'ѳ н'е дѳѳѳл'и* НИ; *Дѳстѳѳѳлѳс' ус'ѳѳѳ нам ѳр'ѳшнѳм, ѳт'ѳм вот стѳрѳм, мѳлѳд'ѳжѳ жѳ, ш'ѳс ан'ѳ ув'ѳз'д'ѳ устрѳѳл'ѳс'ѳ ид'ѳ шѳп укл'ѳч'ѳт'* АД; с квантификатором: *Табѳ ѳп'ѳт' м'ѳт'ѳх, сѳшѳт', нѳ п'ѳѳч'ѳ сѳшѳт'ѳх, ѳт'ѳ кѳнѳп'ѳ* ЕС — *Ид'ѳ ш таб'ѳ п'ѳч'ѳ скѳкѳ нѳбрѳѳцѳ!* НИ.

В качестве глагольного компонента могут выступать также глаголы *хватѳть*, *хватѳтъ*. Генитивная группа при глаголах *хватѳть*, *хватѳтъ* в является

«носителем оценочно-количественной характеристики (с точки зрения соответствия норме, целому)» [Золотова 2001: 29]). Глагол *хватать* с генитивным объектом означает 'чего-н. достаточно для кого-н., чего-н.': *Тьд́а нъ к'ильгурáмы дьв́ал'и хл'эп. И, ну н'е хвѣтáйь к'ильгурáмь* — *пр'ир'езáч'ик* ЕН; *Вот нáдъ мн'е пѣхм'ал'иццѣ, вот н'е хвѣтáйе мн'е, рубл'а н'е хвѣтáйе* ЕН; *Тадь нъч'áлс'и кал-ху́дс, нáч'elác'e э́тá, нъч'áл'и к н'ен'з'ийу э́тъ, пѣд'д'в'иуáт', а у н'еу́о у́одъ н'е хвѣтáйе* ЕС; *И не хвѣтáла д'ен'ьх шыс'áт ть́с'ич', йа тóже дь́лат'и́ла* НИ.

В значении 'достаточно' при глаголе *хватить* может употребляться форма им.-вин.: *В'ит'к'ь: «Вот иишó ты талкúиш, таб'е д'ес'ьт' в'ед'ьр хвáт'е!»* АД.

Глагол *хватить* с генитивом может также означать наличие в большом количестве, избытке: *А там э́сл'и п мьлáд'ош, вот ктó купил бы [дом], там вьлч'е бь́ль п. Э́тъ йих [домов] хвáт'а, прьдъвáйут'. Н'е б'арут' э́т'и хáты. Ан'и ужэ́ ус'е пустыйе* ЕН; *Дь их [понёв] хвáт'я, сьб'ирайццѣ же* (участники фольклорного коллектива для выступлений надевают традиционную одежду) МП; *Э́тъ тр'áпч'к'у, ну ну ну э́т э́тъ, ч'истыйь вот тр'áпч'к'а. Мь́л'иш йей, намь́л'иш. И ц'ас у́пк'и, ц'ас хвáт'а ус'еу́о* ЕН; *Дь хвáт'а, у́оспѣд'и, рабѣ́ты, абы твь́йá ахѣ́тъ бы́ла. А пѣч'аму́, рабѣ́ты хвáт'а* АрФ; *«Дь л'ебѣ́ уш пѣхл'опку ны́н'е, мы па-ру́с'к'и н'а сун, а пѣхл'опку, а зáвтръ ш'ш'и — э́п'áт' с картѣ́хм'и? А картѣ́х-тъ н'э́ту».* — *«Дь их хвáт'е!»* АД; с глаголом *хватать*: *Дь пькупáл'и, а кáу жь, и пькупáл'и, ит' ус'áк'их л'уд'ей хвѣтáль* ЕС.

Генитив в однокомпонентных моделях

1. Однокомпонентные экспрессивные модели. Как и в литературном языке, форма генитива выступает в говоре Роговатого в роли предиката в экспрессивных моделях, количественно характеризующих ситуацию с помощью интонации (ср.: [Золотова 2011: 29]): *Тáм нъ уарѣ́д'а л'иб'ады! И н'ь скас'ит' йей, н'и спалѣ́т'* ДР; *Дь разм'ес'т'уццѣ, н'е талкúй, дво́йе пр'ийѣ́дут', д'алѣ́в!* ДР; *«Н'е, н'и пайѣ́ду нъ Сибѣ́р, щѣ́ ты м'ин'е пр'ив'ѣ́л, э́тъ, йа б́ду з д'ит'áм'и стрáнъствѣ́ват' там. Н'э́т!»* А *на́шых л'уд'ей там! Иишó мѣ́жэ́ хто знъ кьдá пьпьюйѣ́хл'и нъ С'иб'и́р на э́ту* ЕН; *И йа дáжэ́ п'ис'мы, там кáртъч'ьг бь́ль — ус'е пѣ́жѣ́к он, мѣ́й э́тът, тáх-тъ р'авн'ивь́й* ЕН; *Мáмь ул'áнул: уш йѣ́д'е машы́нá, у́роп мáишиѣ́нъ там, хр'ѣ́ст ч'ѣ́рнъй там, ну ў́с'еу́о, н'евъзмѣ́жнъ* ЕН; *А э́т'их рáзных стару́шъч'их нъзвáн'йьв, и пьсиу́шка, и дуръч'к'а и, и, стару́шъч'ий пѣ́льсы, ап тр'уѣ́х з'ил'ѣ́ных, аб дьух з'ил'ѣ́ных* НИ.

2. Однокомпонентные предложения, несущие информацию о желании, требовании: *Д'в'е́ штуч'ич'к'и. Мн'е тѣ́л'к'и д'в'е́ дач'ун'.* ММ. Следует также отметить «родительный пожелания» (*Здоровья! Всего доброго!*), широко распространенный в устной речи: *Спакѣ́йнъй нѣ́ч'и вáм!* ДР.

Таким образом, функционирование беспредложного генитива в южнорусском говоре, рассмотренное на материале относительно небольшого корпуса расшифрованных текстов, в целом мало отличается от литературного языка. Неотрицательные количественные конструкции составляют 68% всех употреблений беспредложного генитива, при этом наиболее частотны генитивные формы в моделях

с квантификаторами (72%) и при переходных глаголах (21%). Незначительные отличия от литературного языка касаются состава некоторых квантитативных моделей, координации подлежащего, выраженного генитивной группой с количественным значением, и сказуемого в формах числа.

Список информантов

1. ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл.
2. АнФ — Анна Ивановна Фомина, 1948 г.р., 10 кл. и библиотечный техникум, дочь Д. И. Рожковой.
3. ЕН — Елена Андреевна Нечаева, 1932, неграм.
4. АрФ — Арина Ивановна Фомина, 1931, 1 кл.
5. АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, неграм.
6. НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1937, 7 кл.
7. ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919, неграм.
8. ММ — Мария Алексеевна Макарова, 1932, 7 кл.
9. МП — Мария (прозвища Мирониха, Вертолет), 1936.

Литература

Апресян Ю. Д. Словарная статья глагола БЫТЬ: исправленное и дополненное издание // *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой.* М.: Индрик, 2013. С. 9–31.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. — 383 С.

Булыгина-Шмелева Т. В. Сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1960.

Воейкова М. Д. Винительный падеж (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // *Вопросы русского языкознания.* М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 7: Русские диалекты: история и современность. С. 138–197.

Горелова Л. Н. Семантические группы глаголов, управляющих родительным неопределенного количества // *Материалы по русско-славянскому языкознанию: проблемы сравнительно-исторического синтаксиса.* Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. С. 24–30.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 440 с.

Крылов С. А. О трактовках количественно-именных групп с рематической позицией квантификатора / С. А. Крылов // *Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка*

(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. — С. 298–299.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. — 224 с.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах // ОЛА: Материалы и исследования, 1974. М., 1976. С. 214–236.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. Бирибиджан, 2000.

Кустова Г. И. Падеж. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Лопатина Л. Е. Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы 1998 / Отв. редактор Т. В. Попова. М., 1998. Вып. 2. С. 234–244.

Мальшева А. В. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004. С. 170–184.

Мальшева А. В. Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2008. С. 232–247.

Мальшева А. В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2010. — 28 с.

Маркова Н. В. Родительный падеж субъекта в онежских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.

Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом полного объективирования в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 102–109.

Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом объекта и субъекта в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 146–155.

Отчеты о диалектологических экспедициях ИРЯ РАН 2014 — Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г. // Русский язык в научном освещении. № 2 (28). М., 2014. С. 262–309.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 384 с.

Потапова Н. П., Русинова И. И. Винительный и родительный падежи в функции прямого объекта (на материале говоров северной части Пермской области) // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1991. 9. С. 54–69.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с.

Русская грамматика. Т. I, II. М.: Наука, 1980.

Сичинава Д. В. Числительное. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2012.

Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1961. — 297 с.

Собинникова В. И. Родительный падеж прямого объекта и его взаимодействие с другими падежными формами при глаголе // Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания. Воронеж, 1965.

Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.

Тимченко Е. К. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.

Seržant, I. A. The Independent Partitive Genitive in North Russian. In: Seržant, I. A. and B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars*, Slavica Bergensia 13. Bergen: John Grieg AS. 2014. 270–329.

Seržant, I. A. Independent partitive as a Circum-Baltic isogloss, *Journal Language Contact* 8, 2015, 341–418.

A. V. Malysheva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

annamalys@mail.ru

CONSTRUCTIONS WITH QUANTITATIVE GENITIVE IN THE SOUTH RUSSIAN DIALECT

The article describes the syntax and semantics of the genitive constructions with a quantitative value in the South Russian dialect. The analysis is based on the transcribed texts recorded in Rogovatoye village, Starooskolsky district, Belgorod region. All non-negative constructions with quantitative genitive are considered. The following cases are illustrated: the genitive with numerals, quantitative and pronominal words (*dva kolhoza, mnogo kolhozov*), nouns with the meaning of quantity, totality, plurality (*stog sena, butylka moloka*), transitive verbs (*kupit' hleba*), as well as structurally conditioned forms, a component of the structural scheme of the sentence (*Narozhaetsja devok. Narodu!*). It is shown that in the South Russian dialect genitive quantitative designs differ little from

the standard language: the dialect shows the same model as in the literary language, but there are slight variations in the coordination of subject and predicate, the lexical content of the constructions with quantifiers.

Key words: dialectology, Russian dialects, the syntax and semantics of case forms, quantitative genitive, quantifiers, partitive genitive.

References

Apresjan Ju. D. Slovarnaja stat'ja glagola BYT'': ispravlennoe i dopolnennoe izdanie. *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: K jubileju Svetlany Mihajlovny Tolstoj*. M.: Indrik, 2013. Pp. 9–31.

Arutjunova N. D. *Predloženie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy*. M.: Nauka, 1976. — 383 p.

Bulygina-Shmeleva T. V. *Sochetanija s roditel'nyj padezhom v sovremenom litovskom literaturnom jazyke*. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 1960.

Voejkova M. D. *Vinitel'nyj padezh* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. M., 2011.

Gecova O. G. Dialektnye razlichija russkikh arhangel'skikh govorov i ih lingvogeograficheskaja karakteristika. *Voprosy russkogo jazykoznanija*. M.: Dialog-MGU, 1997. Iss. 7: Russkie dialekty: istorija i sovremennost'. Pp. 138–197.

Gorelova L. N. Semanticheskie grupy glagolov, upravljajushchih glagolami neopredelennogo kolichestva. *Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju: problemy sravnitel'no-istoričeskogo sintaksisa*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1983. Pp. 24–30.

Zaliznjak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuju aspektologiju*. M.: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 226 p.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa*. M.: Jeditorial URSS Publ., 2001. 440 p.

Krylov S. A. O traktovkah kolichestvenno-imennykh grupp s rematicheskoj poziciej kvantifikatora. *Russkij jazyk: istoričeskie sud'by i sovremennost': V Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologičeskij fakul'tet, 18–21 marta 2014): Trudy i materialy*. M. L. Remnjova, A. A. Polikarpov, O. V. Kukushkina (ed.). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. Pp. 298–299.

Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeografičeskom aspekte*. M.: Nauka Publ., 1993. 224 p.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. Glagol'nye konstrukcii s sub#ektnym genitivom v sovremennykh russkikh govorah. *OLA: Materialy i issledovanija*, 1974. M., 1976. Pp. 214–236.

Kurilovich E. Problema klassifikacii padezhej. *Očerki po lingvistike*. Birobidžan, 2000.

Kustova G. I. *Padezh*. (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. M., 2011.

Lopatina L. E. Roditel'nyj padezh v funkcii prjamoj ob#ekta. *Vostočnoslavjanskije izoglossy 1998*. T. V. Popova (ed.). M., 1998. Iss. 2. Pp. 234–244.

Malyševa A. V. Roditel'nyj padezh prjamoj ob#ekta pri glagolakh nesovershennogo vida v russkikh letopisjah i sovremennykh arhangel'skikh govorah. *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii II (VIII)*. L. L. Kasatkin (Ed.). M., 2004. Pp. 170–184.

Malysheva A. V. Tipy upotreblenija kolichestvennogo genitiva ischisljaemyh sushhestvitel'nyh (na materiale sovremennyh arhangel'skih govorov i russkikh letopisej). *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii Sh (IX)*. L. L. Kasatkin (Ed.). M.: Nauka Publ., 2008. Pp. 232–247.

Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagol'nogo upravlenija: ob#ektnyj genitiv (na materiale russkikh letopisej i sovremennyh arhangel'skih govorov)*. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 2010. 28 p.

Markova N. V. Roditel'nyj padezh sub#ekta v onezhskih govorah. *Sovremennye russkie govory*. M., 1991.

Markova N. V. Glagol'nye konstrukcii s roditel'nym padezhom polnogo ob#ektivirovanija v onezhskih govorah. *Severnoruskie govory*. Iss. 7. SPb.: Izd-vo SPbGU Publ., 1999. Pp. 102–109.

Markova N. V. Glagol'nye konstrukcii s roditel'nym padezhom ob#ekta i sub#ekta v onezhskih govorah. *Severnoruskie govory*. Iss. 9. SPb.: Izd-vo SPbGU Publ., 2008. Pp. 146–155.

Otchety o dialektologicheskikh jekspedicijah Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2013 g. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, no. 2 (28). M., 2014. Pp. 262–309.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa)*. M.: Shkola «Jazyki russkoj kultury» Publ., 1996. 464 p.

Plungjan V. A. *Obshhaja morfologija: vvedenie v problematiku: uchebnoe posobie*. 3d edition. M.: Knizhnyj dom «Librokom» Publ., 2010. 384 p.

Potapova N. P., Rusinova I. I. Vinitel'nyj i roditel'nyj padezhi v funkcii prjamoego ob#ekta (na materiale govorov severnoj chasti Permskoj oblasti). *Literaturnyj jazyk i narodnaja rech'*. Perm', 1991.9. Pp. 54–69.

Rahilina E. V. *Lingvistika konstrukcij*. E. V. Rahilina (ed.). M.: «Izdatel'skij centr «Azbukovnik» Publ., 2010. 584 p.

Russkaja grammatika. Vols. I, II. M.: Nauka Publ., 1980.

Sichinava D. V. *Chislitel'noe. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. M. 2012.

Sobinnikova V. I. *Prostoe predlozhenie v russkikh narodnyh govorah*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1961. 297 p.

Sobinnikova V. I. Roditel'nyj padezh prjamoego ob#ekta i ego vzaimodejstvie s drugimi padezhnymi formami pri glagole. *Voprosy russkogo jazyka, dialektologii i metodiki prepodavanija*. Voronezh, 1965.

V. A. Beloshapkova, E. A. Bryzgunova, E. A. Zemskaja at all. *Sovremennyj russkij jazyk: Ucheb. dlja filol. spec. un-tov*. V. A. Beloshapkova (ed.). 2d edition. M.: Vysshaja shkola Publ., 1989. 800 p.

Timchenko E. K. *Funkcii genitiva v juzhnorusskoj jazykovej oblasti*. Varshava, 1913.

Shakmatov A. A. *The Syntax of the Russian language*. 3d edition. M.: Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.

Н. В. Маркова
Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)
markova_nina@mail.ru

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ОДНОМ ЗАОНЕЖСКОМ ГОВОРЕ

Статья посвящена двусоставным предложениям, функционирующим в говоре д. Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия. В синтаксической системе говора общерусские конструкции имеют диалектную окраску за счет морфологических диалектных различий, связанных с образованием глагольных форм, а также с диалектными способами распространения предложения.

Уникальность синтаксической ситуации в говоре заключается в сосуществовании двух типов перфектных конструкций: теряющей свои позиции деепричастной *он ушедши* и новообразования — причастного оборота *он уйдено*.

С предикативными причастиями на *-н-*, *-т-* связаны основные типы синтаксических диалектных различий.

Ключевые слова: частная диалектная система, синтаксические диалектные различия, сказуемое, прямое дополнение, квазистрадательные причастия, северо-западный перфект.

Обращение к синтаксической системе отдельно взятого говора позволяет установить, какое место в ней занимают собственно диалектные синтаксические различия, определить особенности их функционирования в говоре, а также отношения с общерусскими конструкциями внутри системы.

Говор д. Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия — один из заповедных диалектов Заонежья, оказавшихся, к сожалению, за границей карт ДАРЯ¹. Жители Кузаранды верны фольклорной традиции [Кузнецова, Логинов 2001: 312–315], бережно хранят память своей землячки — вопленицы И. Федосовой.

Особенностям структуры и специфике функционирования простого предложения в заонежском диалекте, объединяющем говоры Кузаранды, Толвуи, Шуньги,

¹ Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия находится за 62 ° с. ш., по которому проходит северная граница карт Диалектологического атласа русского языка: центр Европейской части СССР, в 3-х вып., М. 1986–2004.

Типиниц, Сенной и Великой Губы и многих других, посвящена диссертация Т. Г. Доля [1967]. Исследование Т. Г. Доля, выполненное на обширном материале, отражает систему простого предложения заонежского диалекта весьма подробно, что позволяет сопоставить современные данные с данными середины XX века.

Основу частной диалектной системы (ЧДС) составляют подлежащно-сказуемые предложения, с номинативным подлежащим, включающие в себя известные диалектные различия уровня простого предложения и — в связи с особенностями его распространения — уровня словосочетания².

Как и в литературном языке, в кузарандском говоре наиболее распространены являются предложения с номинативным подлежащим и глагольным сказуемым.

В подавляющем числе случаев подлежащее и сказуемое координируют друг с другом, при этом координация по смыслу, как и полвека назад, встречается в говоре в том случае, если подлежащее — собирательное существительное, местоимение *кто* или количественно-именное сочетание: *Молодёжь путёвая работают на тракторах. Да эта молодёжь только вино пьют. Да вот сейчас даже государство ('пекарни') пекут калитки такие. А теперь за это <за чистоту> не борются никто. Там уже всё меньше и меньше домов остаются. Стали много уходить с армии народу.*

В говоре количественно выделяются двусоставные конструкции с глагольным сказуемым в форме 3 лица ед. и мн. числа глагола *быть*: *Ну вот, тут подпольница есть, тут под полом. Сейчас там вот деревня там есть, подальше туда, на горке. Тут два есть охломона. Какой там ести теперь заповедник али что там ести-то?*

Эта синтаксическая особенность северо-западных говоров [Дементьева 1971] отмечена и в работе Т. Г. Доля: *у тебя ноньку постоялец есь* [1967: 49–51].

В формах прошедшего времени индикатива отмечены глаголы *быть*, *бывать* в среднем роде, не координирующие с подлежащим: *Я давно там не было, а теперь и не бывать, конечно. У соседки было двухэтажный дом. Да у нас даже лось бывало. Тоже ведь церковь раньше ведь бывало.*

Изредка в роли сказуемого используются формы среднего рода полнозначительных глаголов, не координирующих с подлежащим: *У меня ведь два сына служило-то. Чашка и сахар стояло. Головёнка стряхнулось.*

Если номинативное подлежащее слабо затронуто диалектными морфологическими различиями, преимущественно связанными с большей свободой в образовании форм мн. числа (*памяти-то наши уже плохие; бестолковые эти сарафана; включены были музыки; каменья выворочены*), то простое глагольное сказуемое еще сохраняет диалектные черты.

По-видимому, к лексико-грамматическим диалектным различиям можно отнести спрягаемые залоговые формы глагола с избыточной или, напротив, опущенной

² Крайне редкие в говоре предложения с инфинитивным подлежащим, не отмеченные диалектными чертами, в работе не рассматриваются, как и случаи осложнения простого предложения.

частицей *-ся*: *В деревне водка торговалась. Ведь все же зарослось. Мы с Катькой все вместе дружились. Ещё вот Выроззеро тоже проезжается перед нашей Кузарандой. Сколько народу погубилось! А Марина, дочка, приватизировалась и взяла в Медгору дом-то ей. Вот ведь в армию не попался <сосед> и работать не хочет.*

Они тут с мамой встретили 'встретились'. (Все расцвели <цветы>) даже душа радуется.

Как известно, невозвратные в литературном языке глаголы в говорах допускают «употребление в возвратной форме и наоборот» [Черепанова 1990: 139]. Заметим, что это грамматическое диалектное явление, представляющее несомненный научный интерес [Мюркхейн 1975: 107–113; Гецова 2008: 194], не зафиксировано в исследовании Т. Г. Доля.

Диалектные личные формы глагола остаются живой чертой кузарандского говора. И сегодня здесь сохраняется «редкое для севернорусских говоров явление *-ть* в окончании формы 3 лица мн. числа глаголов 1 спряжения» [Доля 1967: 38]: *Ноги-то мёрзнуть. А туды за губину наша деревня пойдёт. Чурачья так и гниют.* Отмечаются стяженные формы 3 лица ед. числа глаголов 1 спряжения, а также окончания без *-т*: *Это приезжат врач. Кто работат, а кто дурака валят. Косу жених расплетат.*

Девятый десяток иде мне уж. А сирень-то цветя. Топя баню, молодые туда сходя. Замечены в говоре архаические формы: *Дети как хворют!*

По-видимому, как и в других севернорусских говорах [Пожарицкая 2014], в кузарандском диалекте изредка встречаются формы давнопрошедшего времени со значением действия, отдаленного от момента речи большим временным отрезком [Кузьмина, Немченко 1964: 189], например: *Были артисты тоже приезжали. (Морда как у волка, не к нам ли идя?) Не дам, была сказала, не дам (о деньгах). Да были меня там и ранили. Так вот <мы> работали, вот сеяли были.*

Диалектные глагольные фразеологизмы также отмечены в сказуемой функции: *А теперь всё в бросок идет ('на выброс')* [СРГК 1:121]. *Вам бабушка, может, наскажет этого бочку арестантов* [СРГК 1: 22].

В должноствительном и условном наклонении встречаются диалектные глагольные формы: *Кто работай, а кто сидей за занавекам. Вот сын стань жениться (где они свадьбу могут сыграть?).*

Местную окраску предложению придают второстепенные члены — диалектные различия уровня словосочетания.

Избранный нами говор входит в территорию функционирования конструкций типа *косить/кошу трава* [Кузьмина 1993: 9]. Полвека назад, судя по наблюдениям Т. Г. Доля, в Заонежье не отмечалось проникновение форм именительного падежа существительных на *-а* в функции прямого объекта в двусоставные предложения, хотя они активно употреблялись в односоставных, преимущественно инфинитивных, предложениях [Доля 1967: 128–133]. Наши материалы свидетельствуют, что, при редком употреблении в говоре односоставных оборотов с номинативным объектом, формы прямого объекта на *-а* становятся возможными в личном предложении: *Рыба они выловят. <Я> купила в Петрозаводске*

краска. Ну дак вот она положила тыща рублей. Ну вот я два Петра вспомнила. Я нога поморозила.

В современном кузарандском говоре формы на *-а* зафиксированы также в функции косвенного объекта, несогласованного определения и обстоятельства места, что свидетельствует о разрушении архаического оборота: *И старинная песня <мы> заливаемся. У Валерика обои ключи есть от два замка, навесной и этот внутренний. У нас в Кузаранда один Павлик в одиннадцатом училище учится.*

В кузарандском говоре, помимо форм прямого объекта на *-а*, зафиксированы единичные примеры с формой им. падежа одушевленных существительных во мн. и ед. числе, использованные в функции прямого объекта, что подтверждает правомерность рассмотрения их «в кругу синтаксических явлений» [Кузьмина 1993: 22]: *Никто не пускает жители. Овечки ещё <я> держала тут в сарайке. Да козлики и коровы <я> любила тоже. Ведь люди все коровы держали. Он лисёнок поймал, сфотографировал.*

К диалектным синтаксическим различиям относятся и формы род. падежа прямого объекта, семантически дублетные конструкциям с вин. падежом [Кузьмина 1993: 32–33]: *Я вот тут взял да парням сделал граблей да. Даки они как утром поедут, кирпичача начистят, штук писят, к Вициным туда увозили. Не знаю открыть замка.*

Если род. падеж полного объективирования в говоре встречается редко, то «генитив неопределенного количества» [Малышева 2014: 121–122] регулярно употребляется как при глаголах СВ, так и при глаголах НСВ: *Мы сами уберём листьёв. Я хлебу вчера купила. <Сын> косил сена. Вот они всяких таких страстей рассказывали. Сама тут делаю раствору да положу маленько цемента. <Они> мин взрывали да дорогу чистили.*

В косвенном дополнении сохраняются хорошо известные диалектные формы: окончания дат. падежа существительных 2 склонения, омонимичные род. падежу (*Нина ещё купила Тамары иконку*); совпадение тв. и дат. падежей во мн. числе у этих существительных (*корову держали они там с овечкам*); характерные для севернорусских говоров окончания тв. падежа *-амы, -ама* (*оны сеткамы рыбачат; мы тогда и муку брали мешкама, баранки мешкама*).

Предложения с номинативным подлежащим и составным именным сказуемым в говоре являются частотными. В конструкциях с именным компонентом — прилагательным, наряду с полными и краткими формами, регулярно используются диалектные — стяженные формы: *У меня всёгда усадебка была чиста. Вы не местны, петрозаводски? А норма не больша была. Медвежья пляска не очень баска.*

Конструкции же с номинативным подлежащим и предикативным существительным в им. падеже не являются частотными: *Кубасов ленковатый был бригадир. Косы раньше были горбуши. Молодость как лютый зверь. Воля что синя море.*

Редкими оказываются двусоставные предложения с номинативным подлежащим и сказуемым — существительным в косвенном падеже или обстоятельственным наречием: *Она на пенсии (но работат). Кто в упряже (а кто отвиливает). Дети вси далёко. Да корова тоже уж сухо, ялово уж года, наверно, четыре.*

В избранном говоре по частоте употребления значительно превосходят все перечисленные общерусские типы двусоставных предложений с номинативным подлежащим и именным сказуемым предложения с предикативным страдательным причастием прошедшего времени, как кратким, так и полным. Значение результативности, временной относительности причастных конструкций обуславливает включение их в сложное предложение, например: *Еще одна Люба пригляжена была (но она городская); (Она приехала) а Колька нежененый был. (Уж он-то заил) дак корова два дни не доена. Дак расстрел был данный (дак потом уже <на> двадцать пять лет заменили).*

Вместе с тем возможны и самостоятельные, законченные интонационно и по мысли высказывания с аористным значением предикативного причастия, образованного как от глаголов СВ и НСВ: *Я-то в городе там нафотографирована дак. Там Федосова захоронена. Это у меня Тамара не была крещёна. Так армия уже отслужена у человека. А эти прялицы у меня в музей сданы. У меня нервы-то сдержаны вси. А у кого-то есть горох-от в деревне посеян.*

Все тут рушено. И свитеры вязаны. Дом зеленой краской крашеный. Один дом у финнов строенный. У меня были дрова рублены.

Отличительной чертой севернорусских говоров является употребление в роли сказуемого полных причастных форм, которые сохраняются в говоре, как и пятьдесят лет назад [Доля 1967: 69–70], несколько уступая по частоте кратким формам: *Там домик у него на Щельге маленький построенный. (В Великой судили) дак был расстрел данный. У меня чайничек такой подаренный у детей, беленький. У мене телевизёр купленный у сына.*

В подавляющем большинстве случаев при указании на субъект действия в страдательных конструкциях используется именное сочетание *у + род. падеж*. В результате возникают омонимичные способы выражения обладателя результата действия и деятеля, как в двух последних примерах. Причем субъектом действия чаще всего оказывается человек, реже — представитель фауны (*Морда вся у комаров съедена*). Исключительными оказываются предложения книжного стиля с субъектом, выраженным тв. падежом: *Да и кому сколько лет дано Господом Богом*. В других случаях субъект (не лицо) выражается тв. падежом или предложно-падежным сочетанием *от + род. падеж*: *(Так не могу даже ходить) но все <здоровье> угроблено это ну всякымы работамы. Вот такие большие, огромные камни были трактором вытасканы. А папа-покойничек в Римский был отправленный от рабкома.*

В говоре зафиксированы немногочисленные примеры характерных для северо-западных говоров конструкций без координации главных членов, с неизменяемой причастной формой на *-но, -то*: *У них оны нафотографировано. Зубы вынято. Поставлено большой памятник. Ключ Валерку дано. Ну медицинский у ней кончено. А у нас включено в розетку таблетки [фумигатор]. Оны в разных местах у меня так посажено. Сын с Габсельги фотографировано. У его ножик заказано. Дак мы во всяко всячино надено. У меня половина желудка вырезано. Корова была туда сведено.*

«Несогласованным пассивом» охарактеризовал такого рода предложения В. И. Трубинский, который рассматривает этот оборот как двусоставный, учитывая

широкое распространение в говоре общерусского согласованного пассива [Трубинский 1984: 109–112]. И в нашем говоре «несогласованный пассив» зафиксирован в условиях частотного употребления предложений с координацией главных членов типа *жизнь прожита*. Как двусоставные рассматривает предложения такого типа И. Б. Кузьмина, отмечая, что «формы на *-но, -то* здесь — для современных говоров — застывшие, неизменяемые образования (а не формы, которые можно непосредственно возводить к безличным конструкциям)» [Кузьмина 1993: 137]. Напомним, что в нашем говоре средний род глагольного сказуемого не является показателем безличности (*дом было; чашка и сахар стояло*).

Особый интерес представляют единичные случаи двусоставных конструкций без координации главных членов, когда и субъект действия и объект выражены именительным падежом, а предикат — причастной формой на *-но*: *Я была окончено 6 месяцев курсы на медсестру. Я куплено одеколон, купила*. Значение причастной формы здесь связано с результативностью действия, а отнюдь не с пассивностью, поскольку сказуемое выражает результат действия. Как известно, северо-западные конструкции типа *у него уйдено* отличаются псевдопассивностью. По-видимому, активное использование носителями говора причастного перфекта сказалось на нейтрализации залогового значения у причастий, образованных от переходных глаголов, и утверждении результативно-перфектного значения, благодаря чему стали возможными высказывания с им. падежом субъекта и вин. падежом объекта при неизменяемой форме сказуемого: *Телят-то я таких выращен*. Надо заметить, что неизменяемые формы на *-н* в Кузаранде единичны: *Полы не крашен*.

Исключение составляет предложение без координации главных членов со сказуемым — полным причастием в мужском роде: *А у меня стрессы дак перенесённый*.

Уникальность нашего говора состоит в сосуществовании в нем двух перфектных конструкций — деепричастной и причастной. По меткому выражению В. И. Трубинского, Заонежье «является ареной «столкновения» двух перфектов» [Трубинский 1984: 181–182]. В своей монографии исследователь особо выделил очерк «Русские говоры Карелии — место соприкосновения ареалов непереходно-перфектных образований на *-ши* и на *-но, -то*», в котором дал подробное описание взаимоналожения изоглосс, указал на ущербность деепричастного оборота, его лексическую ограниченность [Там же: 179–185].

В связи с этим примечательно свидетельство Т. Г. Доля: «Обороты со сказуемым-деепричастием, образованным от глаголов движения, встречаются преимущественно в речи молодого поколения. Люди старшего возраста осознают обороты типа *он ушодши, она уехавши* как необычные для их родного говора, и используют безличный оборот с посессивным перфектом: *у него уйдено, у ней уехано*» [Доля 1967: 78].

В настоящее время в речи одного и того же информанта, которому за 70 лет, можно услышать синонимичные *он ушедши* и *у него уйдено* [Маркова 2014], но не все используют конструкции с деепричастным перфектом.

Перфектное значение двусоставных деепричастных конструкций отчетливей проявляется в полипредикативных единицах: *Да и вам надо будет тоже*

с бабушкой Марусей побеседовать) она сейчас приехавши (<а зимой> с дочкой живет). Не было озеро вскрывши (так не рыбачили, а охотились). (Морозы такие были) озеро замерзши было почти. (Нет плиты дак) что эта вся разваливши дак. Внука приехадши (не знаю, что она не приходит). У меня брат был приехадши (дак я туда ходила на поминки).

Предикативные причастия не отличаются лексическим разнообразием, могут быть употреблены с глагольной связкой в прошедшем и настоящем времени или без нее: *Я была уехачи. На похороны-то она была приехадши. Был человек приехавши. Без отца оставши была сирота. Тут молодица е приехамши в деревни. Вот сарайка тоже внизу упавши. Там дома все разваливши.* Отмечен единственный случай предикативного деепричастия с возвратной частицей: *Дак тогда уже и войны кончивишись и всё.*

Как уже отмечалось, так называемый посессивный перфект употребляется активно и используется всеми информантами. При этом страдательное по форме причастие выражает активное действие, а субъектный детерминант, утрачивая значение посессивности, называет активного деятеля. Вероятно, семантическое тождество оборотов типа *у него уйдено* с двусоставными деепричастными перфектными оборотами типа *он ушедши*, а также с доминирующим в говоре двусоставным предложением с глагольным сказуемым (*он ушел*) послужило развитию двусоставной перфектной конструкции типа *он уйдено*.

Яркой синтаксической особенностью рассматриваемого говора являются двусоставные предложения с номинативным подлежащим и причастиями на *-н-*, *-т-* без координации и с координацией главных членов: *Они-то этого уехано. Серезка тоже было падено с этого причала.*

Внуки выйдены замуж. Невеста-то не очень, не привыкнута. Эта Катя с города приехана. Да в город потом я была съехана. Я была привыкнута. Дак в город потом я была съехана. Ну я сама не записанась была.

Не все жители Кузаранды прибегают к оборотам такого типа, и количественно двусоставные предложения значительно уступают односоставным. Трудно не заметить «лишних слов» (*этого, не очень*) между главными членами предложения, что, на наш взгляд, связано с природой неподготовленной устной речи.

В диалектных записях середины XX века, выполненных Т. Г. Доля, подобные предложения вообще не обнаружены. В восьмидесятые же годы в Кузаранде отмечены примеры двусоставных предложений без координации и с координацией главных членов: *внук уехано в Петрозаводск; он спотета; гостья придено; я была выйдена замуж на 19 году* [Маркова 1987: 171].

В диалектные материалы XIX века предложения типа *он уйдено* не попали. Единственный пример употребления причастной перфектной формы от непереходного глагола с им. падежом субъекта действия зафиксирован в фольклорных записях XIX в. из соседнего Пудоожского края: *Как в Цареград есть наехано; Наехано поганое Идолице, одолели поганые татарица* [Рыбников 1909: 96].

По-видимому, возникший в XIX в. по аналогии с двусоставными предложениями в онежской былине двусоставный оборот *Идолице наехано*, во второй половине

XX в. утвердился в заонежских говорах и получил дальнейшее развитие — без координации и с координацией главных членов: *он уехано, я привыкнута*.

Еще одно редкое диалектное синтаксическое явление отмечено в кузарандском говоре — двусоставные бытийные отрицательные предложения, к которым относим предложения с бытийным глаголом в прошедшем времени и предикативом *нет (нету)* [Кузьмина 1993: 120–123]: *При мне ведь она не была, (умерла она уже давно). Там уж жители не были. Дак это у меня не одна тёлка не было. У нас деревянная кадушка не было.*

Невеста еще верно нету. Наша деревня теперь нету. Дак коса-то нету. Как нету у нас ферма. Все подружки в живых нету. Сказали, что нет работа. Время нет. Грабила, и грабли нет — не помню, куды что клала.

Двусоставные отрицательные предложения замечены были в заонежском диалекте в 60-х годах: *мука-то не была, а нонь привезена, верно; там-то финны не были; в этом году не было пшено; у меня-то не был чепчик; никогда не были у меня лапти; у меня не бывал повойник; у нас не бывали кролики; девять ден как крошка хлеба во рте не бывала* Типиницы; *сода нет* Вороний остров [Кузьмина 1993: 121].

При подавляющем большинстве отрицательных односоставных бытийных предложений крайне редкое употребление в говоре двусоставных отрицательных бытийных конструкций, по-видимому, семантически тождественных односоставным, позволяет видеть в них варианты общерусских отрицательных предложений. Сохранение в говоре оборотов типа *жители не было* и *жители нет*, вероятно, связано с другим диалектным явлением — существованием в говоре, наряду с общерусскими двусоставными предложениями *жители есть*, односоставных неотрицательных конструкций типа *жителей было, жителей есть*.

Таким образом, в современном говоре, как и в литературной речи, используются одни и те же структурные схемы простых предложений при доминировании подлежащно-сказуемых предложений с глагольным сказуемым. В отношении диалектных явлений приходится констатировать в целом их невысокую частотность и нерегулярность, а также угасание и разрушение.

Частотными в говоре являются предложения с номинативным подлежащим и страдательным причастием прошедшего времени, нередко используемым в полной форме (*блиндаж тут у финнов строенный*). Именно в причастных конструкциях заметнее колебания во временных (перфектное и аористное) и залоговых значениях (*куплено одеколон — я куплено одеколон*), которые наблюдаются и в спрягаемых формах глагола (*мы дружились — они сюда вернули*).

Собственно диалектные предложения с номинативным подлежащим и предикативным деепричастием употребляют далеко не все жители деревни. Перфектное значение в основном берут на себя причастные конструкции. Однако обороты типа *он ушедши* и *у него уйдено* в речи отдельных информантов оказываются взаимозаменяемыми, то есть синтаксическими синонимами, что составляет уникальность рассматриваемой частной диалектной системы.

Кроме того, здесь получило развитие двусоставное предложение с причастными формами на *-н-, -т-* от непереходных глаголов (*он уехано, она привыкнута*), пополнившее синонимический ряд диалектных конструкций, но еще не отмеченное в середине прошлого века. Таким образом, непротивопоставленные диалектные синтаксические различия с предикативными причастиями на *-н-, -т-*, образованными от непереходных глаголов, получают в говоре определенное развитие: *Уйдено — У него уйдено — Он уйдено*.

Отрицательные двусоставные предложения являются очень редкими, по-видимому, синонимичными общерусским односоставным отрицательным предложениям. Если не тождественность, то семантическая близость общерусских и диалектных предложений способствуют вытеснению последних из речи жителей деревни: *Время нет — Времени нет*.

Итак, в целом частная диалектная система отличается, с одной стороны, сохранением архаических морфологических и синтаксических диалектных явлений (*косить трава, жители не были*), а с другой стороны, синтаксическими новациями — *я привыкнута работать*.

Литература

Гецова О. Г. Вопросы диалектного словообразования. Словообразование глаголов: Соотношение глаголов по возвратности-невозвратности (на материале архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX). М.: Наука. 2008. С. 194–220.

Дементьева В. И. Конструкции с глагольной формой *есть* (от *быть*) в современных русских говорах на территории Северо-Запада: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с.

Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: дис. ... канд. филол. наук. Петр. гос. ун-т. Петрозаводск, 1967. 359 с.

Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья: Конец XIX — начало XX в. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. 328 с.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис // Русская диалектология. М.: Наука, 1964. 306 с.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров: лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1993. 224 с.

Мальшева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 120–145.

Маркова Н. В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-, -т-*, в онежских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 167–173.

Маркова Н. В. Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современной севернорусском говоре // Севернорусские говоры. Вып. 11. СПб, 2010. С. 25–33.

Маркова Н. В. Диалектные перфектные конструкции в одном заонежском говоре и идиостиле // Севернорские говоры. Вып. 13. СПб, 2014. С. 137–148.

Мюркхейн В. В. О соотношении возвратных и невозвратных глаголов в одном из русских говоров Эстонской ССР // Труды по русской и славянской филологии: XXV Серия лингвистическая. Тарту, 1975. С. 107–113.

Пожарицкая С. К. Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте // Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Edited by I. Seržant & B. Wiemer / Bergen, 2014. P. 216–244.

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. СПб. 1909.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. СПб.: Издательство СПбГУ, 1994.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. 214 с.

Черепанова О. А. Возвратная форма // Русская диалектология. М: Высшая школа, 1990. С. 138–141.

Nina V. Markova

Petrozavodsk State the University

(Russia, Petrozavodsk)

markova_nina@mail.ru

THE TWO-MEMBER SENTENCES IN ONE DIALECT OF ZAONEŽYE

Article is devoted to the two-member sentences functioning in a dialect of of Kuraranda of the Medvežyegorsky region of the Republic of Karelia. In syntactic system of a dialect the standard Russian designs have dialect coloring due to the morphological dialect distinctions connected with formation of verbal forms, ways of distribution of the offer.

Uniqueness of a syntactic situation in a dialect consists in coexistence of two types of perfect designs: with adverbial participle *on ushedshi* and with participle *on uydено*.

The main types of syntactic dialect phenomena are connected with participles with suffixes *-n-*, *-t-*.

Key words: individual dialect system, syntactic dialectal oppositions, predicate, direct object, perfekt.

References

Gecova O.G. Voprosy dialectnogo slovoobrasovanija. Slovoobrasovanie glagolov: Sootnoshenie glagolov po vozvratnosti-nevozvratnosti (na material arhangel'skih govorov). *Materialy I issledovanija po russkoj dyalectologii III (IX)*. Moscow, Nauka Publ., 2208. Pp. 124–220.

Dementjeva V. I. *Konstrukcii s glagolnoj formoy est' (ot byt') v sovremennyh russkikh govorah na territorii Severo-Zapada*. Moscow, 1973. 20p.

Dol'a T. G. *Syntaxis prostogo predlogenia v govorah Zaonežja Karelskoi ASSR*. Petrozavodsk, 1967. 359p.

Kuznecova V. P., Loginov K. K. *Russkaja svad'ba Zaonežja: Konec XIX — nachalo XX v.* Petrozavodsk, 2001. 328 p.

Kuzmina I. B., Nemchenko E. V. *Syntaxis. Russkaja dialektologija*. Moscow: Nauka Publ., 1964.

Kuzmina I. B. *Sintaxis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka Publ., 1993. 224 p.

Malysheva A. V. *Objektnyi genitiv v russkikh letopisiah I sovremennyh govorah. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2014, pp. 120–145.

Markova N. V. *K voprosu o konstrukcijah s prichasynymi formami obrazovannymi ot neperehodnyh glagolov s pomoshju suffixov -n-, -t- v onežskih govorah. Russkije dialektology: lingvogeograficheskii aspekt*. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 167–173.

Markova N. V. *Dvusostavnyie otricatelnyie bytiinyie predlogeniya v odnom sovremenom severnorusskom govore i ideostile. Severnorusskie govory*. Vol. 11, St. Petersburg: Izd-vo SpbGU Publ., 2010, pp. 25–33.

Markova N. V. *Dialektnyie perfectnyie konstrukcii v odnom zaonežskom govore I idiostile. Severnorusskie govory*. Vol. 13, St. Petersburg: Izd-vo SpbGU Publ., 2014, pp. 137–148.

Miurkhein V. V. *O sootnoshenii vozvratnyh I nevozvratnyh glagolov v odnom iz russkikh govorov Estonskoy SSR. Trudy po russkoy I slavjanskoy filologii: XXV Serija Lingvisticheskaja*, Tartu: Izd-vo Tartu GU, pp. 107–113.

Požarickaja S. K. *Konstrukcii s glagolom byt' (byl, byla, belo, byli) v odnom severnorusskom govore: k voprosu o pluskvamperfekte. Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Edited by I. Seržant & B. Wiemer/ Bergen, 2014. P. 216–244.

Rybnikov P. N. *Pesni sobrannyje Rybnikovym*. Vol. 2. St. Petersburg, 1909.

SRGK — *Slovar russkikh govorov Karelii I soprodelnyh oblastey*. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo SpbGU Publ., 1994.

Trubinskii V. I. *Očerki russkogo dialektного syntaxisa*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1984. 214 p.

Cherepanova O. A. *Vozvratnaja forma. Russkaja dialektologija*. Moscow: Vysshaja shkola, 1990, pp. 138–141.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
berezovich@yandex.ru, surok62@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ МАРКЕРЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ПРОКЛЯТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)*

В статье изучаются формулы народных проклятий (злоречений, содержащих пожелания бед и несчастий в адрес какого-либо лица), извлеченные из диалектных словарей русского языка. Рассматриваются лексически (а не грамматически) выраженные обозначения пространства и времени, которые содержатся непосредственно в текстах проклятий. Этот материал обогащает наши представления о ценностной «разметке» времени и пространства в народном сознании; кроме того, он помогает охарактеризовать лексический состав и принципы организации текстов народных проклятий — слабо изученного жанра народной речи. Обнаружено, что пространственных маркеров в формулах проклятий значительно больше, чем временных. Они называют преимущественно «проклятые места» — локусы, куда говорящий посылает адресата, — реальные (омут, болото, объекты, названные местными топонимами) или ирреальные (ад). Временные маркеры указывают на конкретное время осуществления проклятия (раннее утро, Фомина неделя) или на бесконечность. В статье осуществляется семантическая интерпретация ряда темных слов с локативным или темпоральным значением, функционирующих в текстах проклятий (*квомут < к (чертям) в омут, одночастни < одночасье* и др.). Устанавливается зависимость пространственно-временных маркеров от приемов организации магического текста (например, приема лексической инерции).

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная лексикология, формулы проклятий, обозначения пространства, обозначения времени.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17–18–01351).

Авторы выражают благодарность С. М. Толстой за ценные замечания, высказанные при знакомстве с текстом статьи.

Статья основана на материале русских народных проклятий (злоречений, содержащих пожелания бед и несчастий в адрес какого-либо лица). Изначально проклятия несли магическую функцию — покарать словом (перформативно предполагающим «дело»); затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции «эмоциональной разрядки». Однако в народном восприятии эти виды речевых актов могут иметь одинаковые перлокутивные эффекты (к примеру, тривиальный «посыл к черту», если он направлен на ребенка, по народным верованиям, может привести к «реальному» похищению ребенка нечистой силой и, конечно, считается грехом). В статье рассматриваются оба вида речевых актов (иногда к анализу привлекаются также близкие к проклятиям формулы угроз и иных ругательств), при этом непосредственным объектом анализа становятся лексически выраженные обозначения пространства и времени (грамматические способы воплощения пространственно-временных смыслов могли бы изучаться отдельно).

Маркеры пространства и времени можно разделить на «затекстовые» и *текстовые*. Под «затекстовыми» маркерами следует понимать слова с локативной и темпоральной семантикой, функционирующие вне собственно текста проклятия: это указания на время, когда произносится проклятие (реже — когда проклятие оказывается снятым или преодоленным, когда можно встретить того, кто был проклят), и локусы, в которых может оказаться проклинаемый адресат (реже — в которых произнесено проклятие). Сведения о «затекстовом» пространстве и времени можно почерпнуть из текстов быличек, бывальщин и другого рода устных рассказов и сообщений носителей традиции, ср.: арх. «Детей никогда не проклиняйте, особенно **ф пятницу**» [АОС 14: 290], перм. «Мать дочь проклянула в **дикое время**, она не росла, как изругали» [ЭСМРП], яросл. «Сын проклятый заскулел, стремглав бросился из избы, залаял под окном, да и убежал в песьей шкуре в **лес**» [МРПК: 550], нижегор. «В нашем **Отрепьевом озере** одно время проклята девка полоскалась. Видели ее в **двенадцать ночи**» [МРНП: 202], костр. «Арину мать прокляла, дак на **одёнок¹ её занесло. В поле** оказалась на одёнке» [ЛКТЭ] и т. п. Подобные пространственно-временные показатели анализировались фольклористами и этнолингвистами, ср., к примеру, [Виноградова 2008: 403–404; Власова 2015: 845–846; Черепанова 1996: 123–129]. Не становились объектом специального рассмотрения, кажется, показатели пространства и времени, включенные непосредственно в текст проклятия: костр. *Уйди в **кромешную***, арх. *Унеси **лешой да вóдерень*** и др. Именно они будут интересовать нас в этой статье.

Пространственные маркеры

Пространственных маркеров в формулах проклятий значительно больше, чем временных. Они называют локус, связанный с проклинаемым адресатом, и выступают в двух основных функциях. Во-первых, в очень редких случаях локативы выступают как объекты проклятий — это дом и усадьба адресата, на которые

¹ Ср. костр. *одёнок* ‘основа стога’ [ЛКТЭ].

говорящий хочет накликасть беду: нар. *В поле тебе лебеды, да в дом три беды!, Чтоб твой двор заглох, и крыльцо травой поросло, и никто бы к нему дороги не торил!* [Даль ПРН 1993/3: 212], пск. *Пусть хоромы нечистый растрясёт* (кому): «Тогда хвороба яво забери, пусть яму глаза вывярня, пусть яму хоромы няцыстый растрясё» [СПП: 79].

Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев называется тот локус, куда говорящий посылает адресата (или говорится о дороге, которая туда приведет). Далее описываются обозначения таких мест, при этом мы следуем логике постепенного «расширения пространства», в центре которого находится проклинаящийся субъект, стремящийся удалить адресата из своей зоны и отправить его в какой-либо внешний локус, реальный или ирреальный, который в самом общем виде может быть обозначен как *проклятое место*, ср. перм. *Будь проклятое место!* [ФСПГ: 37].

Сначала приведем выражения, характеризующие не собственно проклятый локус, а перемещение в пространстве. Адресату желают плохой *дороги (пути)*: волгогр. *Чтоб (кому-л.) путя не было!* [СДГВО: 62], морд. *Чтоб и на том свете не попутилось* (кому): «Токъ аднаво стьрика дабром фспьминаю, а асталным штоб и на том свети ни пъпутилсь» [СРГМ 2: 915], пск. *Колесом тебе дорога* ‘недоброе пожелание отправляющемуся в путь’ [СПП: 45], новг. *Колесом (кубарьком) дорога* (кому) ‘то же’: «Ну пошёл, колесом тебе дорога» [Сергеева 2004: 24].

Самое ближайшее место из тех, куда предлагается обратиться адресату злоречений, — *двор*: перм. *Вались ко двору* ‘уходи, убирайся’: «Пропал он куды-то, не стало его в деревне, дак и вались он ко двору» [ФСПГ: 39]. Здесь имеется в виду двор адресата проклятия (тогда выражение следует читать как «убирайся восвояси, к себе домой») либо двор проклинаящего, понимаемый как внешнее по отношению к избе пространство. В том же районе (Соликамском Пермского края) записано злоречение с локативом *град*: перм. *Вались ко граду!* ‘уходи, убирайся’: «Да вались ты ко граду — надоел» [Там же]. К сожалению, локатив *град* вне бранных формул не зафиксирован; можно предполагать, что это слово совпадает по значению с общенародным *ограда* ‘изгородь’ (ср. также перм. *оградаина* ‘забор, изгородь’ [СПГ 2: 32]). Возможно и другое решение, основанное на допущении, что при записи имела место ошибка и произошло «переразложение» сочетания *к ограде*, в котором выступает перм. *ограда* ‘двор при крестьянском доме’ [Там же]. В этом случае сочетания *вались ко двору* и *вались *к ограде* выступают как тождественные в мотивационном плане².

Данные примеры лишний раз показывают, что статус двора в оппозиции «своего» и «чужого» пространства зависит от положения наблюдателя, который либо «приписывает» двор к дому — и тогда удаление из него означает буквально *выдворение*, либо разделяет их как внешнее и внутреннее. Проклинаемый может оказаться не только в «реальном» дворе, но и во дворе у черта: пск. *Двори тебе черт* [ПОС

² Наконец, есть еще одна мотивационная возможность: *град* может читаться как обозначение атмосферного явления.

8: 156], ср. *дворить* пск. ‘принимать гостей’ [Там же], влг., новг., сев.-двин. ‘быть, приходится к месту, оказываться подходящим к каким-либо условиям, требованиям и т. п.’ [СРНГ 7: 298].

Локатив *семь соборов* (перм. *Будь анафема на семи соборах!*: «Будь ты анафема на семи соборах! До че корова бездомовая! Не Олег бы, дак не знала, как и загонеть» [ФСПГ: 37]), хоть и имеет, казалось бы, конкретную «адресность», подразумевает «повсеместность». Существовало известное поверье о том, что с того холма, на котором располагалась церковь, можно увидеть семь других церквей; число *семь* маркирует в данном случае неопределенное множество. Образ *семи соборов* функционирует также в заговорах: б. м. «...здесь сидит Пресвятая Богородица, родившая Творца плотию, Христа Бога нашего, Царя небеснаго аз же силою Христоваю: диявол, буди проклят, и нечистый дух, всеми *седьми соборами*, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь» [Майков 1869: 371].

В ряде проклятий в качестве обозначений локуса изгнания выступают местные топонимы, которые, как правило, называют отдаленные от говорящего и страшные для него места. Так, стало известным благодаря словарям название олонецкой горы — *Мяньгора*. Она находится на восточном берегу Онежского озера, недалеко от г. Повенец [Куликовский 1898: 59]. Приводя олонецкие бранные формулы *Пой на Мяньгору! Чтoб тебе Мяньгора приснилась!*, Г. Куликовский отмечает: «В Зонежье немало ругательств, где фигурирует эта гора», так как, «по поверью крестьян, на этой горе центральная квартира всей нечистой силы» [Там же]. Иногда в бранных формулах упоминаются отдаленные деревни, например деревня *Дедюлино* в Кадейском районе Костромской области и *Аиша* в Чернушинском районе Пермского края, ср. костр. *пойти в Дедюлино*: «Ругались: “А ну-ко, пойдн в Дедюлино! Больно далёко посылали”» [ЛКТЭ], юж.-прикам. *идти в Аишу налево* ‘шутливая брань’: «У нас зять в соседях опять вот как ругался: идти в Ашшу налево! А Ашша — тут деревня есть такая» [СРГЮП 1: 344]. Кажется, на выбор этих локативов оказала влияние и фоноэкспрессия топонимов. Встречаются также упоминания болотистых мест, к примеру отдаленной пожни *Кекуры*, находящейся в сырой низине (Шарьинский район Костромской области), и *Филимовских Болот* в Вохомском районе той же области: костр. «Ругаются, дак скажут: “Да неси тебя леший на Кекуры!” Прокляно место, может» [ЛКТЭ], костр. «“Да всех угнать бы вас на Филимовские болота косить!” — это когда разругаются, кричат» [Там же].

Один из наиболее популярных локусов проклятий — *лес*, ср. костр. *лесная ругань* ‘любое проклятие’: «А дома-то девки ругаются лесными руганями, какие-то нехорошие слова» [ЛКТЭ]. В огромном большинстве случаев лес упоминается косвенно — через обозначение лешего (формулы типа *Понеси тебя леший* и т. п.).

Реже встречается собственно локатив *лес*: простореч. *Пойди лесом*, новг. *На лес тя угóнь!* [СРНГ 19: 95], новг. *Побери черт на темный лес* (кого): «Побери тебя черт на темный лес. Всех осудила, всех охаяла» [Сергеева 2004: 25]³.

Типичный «проклятый» локус, трактуемый как место обитания чертей, — *болото (солотина)*: пск. *Болото с ними!*: «Баршшыну каму служили, фсё паны были. Балота с ними!» [ПОС 2: 89], влг. *Солотина⁴ ты утопи!* [КСГРС]. Особо следует поставить вопрос о слове *памха*, которое представлено в ленингр. *Провалился бы ты в памху*: «Провалился бы ты в памху — как провалился бы сквозь землю» [СРГК 4: 387]⁵. Структура этого выражения не дает возможности усомниться в том, что слово *памха* имеет локативную семантику, которая, однако, не отмечена в [СРГК]. Ландшафтные значения фиксируются на близких территориях: *памха* влг. ‘низкое сырое место, болотина’: «Ляжина — это памха, сырость-то и есть, это место, где невозможно ехать, где кончается бор и начинаецца болото», «За куманицей ходим да в памху провалимся, так и жихнешься туда» [КСГРС], калин. ‘топкое место среди мха’ [СРНГ 25: 187]; думается, эти значения и «оправдывают» предположно-падежную форму *в памху* в составе проклятия. Однако это слово функционирует и в ряде проклятий другого рода, где явно носит непространственные значения: влг. *Памха тебе сядь* [КСГРС], новг. *Дери (побери, возьми) тебя памха* [НОС 7: 95], влг. *Памха бы тебя взяла* [СРГК 4: 387] и т. п. Употребляется слово и вне проклятий. Значения его многочисленны: ‘беда, напасть’, ‘смерть’, ‘слабость, недомогание’, ‘моровая болезнь, эпидемия’, ‘странность, причуда’, ‘изморось с туманом’, ‘нечистая сила’ и др. [СРНГ 25: 187; НОС 7: 95; КСГРС; СРГК 4: 387; Черепанова 1983: 43, 77 и др.]. Для новг., ленингр., олон. *памха* ‘зло, вред, беда, неудача’ М. Фасмер предлагает происхождение из *па-* и *мох* (**па-мъха*) с первоначальным значением ‘иней’ [Фасмер 3: 195]; отметим, что приведенные выше фиксации *памхи* в «болотных» значениях позволяют полагать, что исходной могла быть не только метеорологическая, но и ландшафтная семантика. Ситуация осложняется тем, что в идентичных значениях в той же зоне (и на более широкой территории) выступает слово *памжа*, которое тоже активно используется в проклятиях

³ Говоря о лесе, упомянем также обозначения деревьев, которые не являются собственно локативами. В проклятиях упоминаются *дерево* и *сосна*, которые иногда выступают в сочетании с числительными: костр. «Как тебе кто надоел, дак сказать ему: “*Запутайся в четыре дерева!*”» [ЛКТЭ], перм. *Поди к семи соснам!*: «На кого шибко зол, дак поди к семи соснам говорят», «Чё и плетёшь, поди ты к семи соснам! А семь-то сосен где-то в верхах — леший знат, надоть, за Нырбобом» [ФСПГ: 283], ср. также бранную формулу *в сосну головой* (новг.): «Не буду я с ним работать боле, ну его в сосну головой» [Сергеева 2004: 23–24]. Упоминание сосны ассоциируется с ее «погребальной» символикой, ср. влг. *идти под сосну* ‘умирать’ [СРГК 2: 268], карел. *попасть в сосны* ‘умереть’ [СРГК 5: 76], перм. *под зеленую сосну уехать* ‘то же’ [ФСПГ: 389] и др. Не случайно появление в формулах злоречений и «проклятого» дерева — *осины*: нар. *На осину б тебя! Чтоб тебя на осину! Ладило б тебя на осину!* [Даль ПРН 1993/3: 213], новг. *Чтоб повесили* (кого) *на сухой осине!*: «Всю жизнь с ним маюсь, чтоб его повесили на сухой осине» [Сергеева 2004: 26].

⁴ Влг. *солотина* ‘болотная топь’ [КСГРС].

⁵ В [БСРП: 479] дается еще выражение *Провалился бы ты к памхам!* с пометой «карельское», однако в словаре-первоисточнике [СРГК 4: 387] этот факт найти не удалось.

[НОС 7: 93; СРНГ 25: 184; КСГРС; ПОС 25: 66–68 и др.]: вполне возможно, что *памха* и *памжа* подвергаются взаимной аттракции, оказывающей влияние на парадигмы значений слов. Как бы то ни было, вопрос о происхождении нелокативных значений *памхи* требует отдельной проработки; пока можно говорить лишь о том, что в выражении *Провалился бы ты в памху* выступает ландшафтный термин, семантика которого допускает бранное использование.

Часто упоминается в проклятиях и другой типичный локус — *омут* (*бук*, *вир*, *яма* в реке): брян. *Вертись в вир⁶ на дно* [СРНГ 4: 291], новг. *В омут (яму) боком* (кого): «Ну тебя в омут боком», «Опять пришел денег просить, а ну его в яму боком» [Сергеева 2004: 23], влад. *В омут те головой* [СРНГ 23: 206], новг. *Омут возьми* [СРНГ 4: 200], калуж. *Пошел в бук⁷* [СРНГ 3: 262] и др. Возможно, с *омутом* связано и темное слово *квóмут*, встретившееся в вологодских говорах: *квóмут* в знач. межд. ‘употребляется как бранное слово для выражения досады’: «Квомут, не знаю, чего и делать, вот как спуталось» [СВГ 3: 53]. Рискнем предположить, что здесь имело место «сращение» сочетания *к (кому-то, например *чертям*) в *омут*; получение темного, зашифрованного слова «играет на руку» магической функции проклятий. К этой группе проклятий примыкают и формулы с упоминанием *дна*: латыш., литов. (рус.) *Сквозь дóнную провались* [СРНГ 8: 125], волгогр. *Провались в дóнную* [СДГВО: 483]; ср. также новг. «Матяринская молитва со дна-дона вынимать! А материнское проклятие во дно-доно опускать!» [МРКК: 550].

Обозначения бездонной пропасти — места одновременно реального и «фигурального» — встречаются в целом ряде проклятий, включающих слова *провал* и *пропасть*: перм. *Будь ты прова́л*, орл., вят. *Прова́л бы те (их) взял*, яросл., вят., перм., пск., твер., ворон., тул. *Прова́л тебя (те, его, вас, их) возьми*, перм., пск., твер. *Будь ты прова́ленный*, ворон. *Провались ты провалом*, ряз. *Провались пропастью* и т. п. [СРНГ 32: 90–91]. С одной стороны, *провал*, *пропасть* (и многочисленные словообразовательные варианты) — узуальные географические термины: *прова́л* ворон. ‘лощина’, ‘вязкое, топкое болотистое место’, влг., яросл., ворон., курск. ‘бездна, пучина’, пск., казаки-некрас. ‘овраг’ и др. [Там же: 90], *пропа́сть* арх., ворон., курск., оренб. ‘глубокая яма (в земле, реке и т. д.)’, арх., перм., горно-алт., сиб., ряз., ворон., свердл. ‘труднопроходимый участок (чащоба, топкое болото и т. д.)’ [Там же: 203]. С другой стороны, сама организация текста проклятия, где важнейшую роль играет предикат, выражаемый, как правило, глаголом с деструктивной семантикой, семантикой перемещения, изъятия и присвоения, предполагает появление отглагольных существительных, усиливающих воздействие предиката (курск. *Осади осáд* [СРНГ 23: 350], ворон. *Облу́п тебя облупи* [СРНГ 22: 111], смол. *Катыши тебя закати* [СРНГ 13: 137] etc.), — и в этих условиях у слов *провал* и *пропасть* происходит оживление внутренней формы, поскольку они

⁶ Смол., брян., тул., калуж., орл., сев. (европ. части СССР), сев.-зап., зап., литов., перм., твер. *вир* ‘глубокое место в реке или озере; омут, водоворот, пучина’ [СРНГ 4: 291].

⁷ Зап., калуж., смол. *бук* ‘глубокое место под колесом мельницы, вырытое водой; яма в реке, в месте падения воды’ и др. [СРНГ 3: 262].

появляются в составе проклятия рядом с производящими глаголами *провалиться* и *пропасть* (*пропадать*) или вместо них. Таким образом, в текстах проклятий указанные слова играют двойную роль — выступают как обозначения локусов⁸ и как реализация приема лексической (словообразовательной) инерции, служащего одним из способов воплощения магической функции языка.

К локативам с семантикой пропасти можно отнести и слово *дыра*: арх. *Ну (кого) в дыру!* [АОС 12: 445]; в словаре эта формула отнесена к значению арх. *дыра* ‘глухое место, глушь, захолустье’ [Там же].

Имеется ряд текстов, где фигурирует *гора*. В большинстве случаев слово выступает в творительном падеже, и это дает основание предполагать, что перед нами характеристика образа действия, а не локатив: орл. *Горой тебя положи*, дон. *Горой тебя расстреляй*, олон. *Дуй ты горой*, том. *Дуло те горой*, костр. *Дуй тебя горой*: «Не езд, дуй тебя горой», яросл. *Одерёт (одуй, раздуй) ты горой*: «Одерет ты горой да и с делом-то», «Раздуй ты горой да и с твоей-то лошадей», астрах. *Разорви тебя горой*: «Ах, разорви тебя горой, какой ты проказник-то» [СРНГ 7: 17–18], морд. *Дери ты (его, ее и т. п.) горой*: «Дири ты гарой! Апять свинью в агарот пустил» [СРГМ 1: 199]. Это предположение подтверждается, во-первых, тем, что упоминание различных физиологических деформаций и болезней — популярный мотив проклятий. Если «читать» выражения типа *Дуй ты горой* в соматико-физиологическом ключе, то надо полагать, что в них воплощен мотив «соматической избыточности», прозрачно проявленный, к примеру, в ярославском проклятии *Чтоб тебя прибыло* [ЯОС 10: 62]. Во-вторых, глаголы *раздуть*, *разорвать*, *расстрелять* и пр., выступающие в проклятиях, обычно не сочетаются с локативами, ср., например, яросл. *Раздуло бы (кого-л.)* [ЯОС 8: 116], нар. *Чтобы тебя разорвало*, *Чтоб тебя пополам, да в черепья* [Даль ПРН 1993/3: 211] и т. п. Очевидно, конструкции с упоминанием горы представляют собой формулы «гиперболизированного абсурда» типа *Посулил ему озеро в рот!* [Там же]. Справедливость наших предположений подтверждается и тем, что при аналогичном проклятии, зафиксированном в белорусском языке — *Здуй цябе гарой!* [Выслоўі 1979: 205], имеется комментарий: «Это значит “чтобы раздуло, чтобы распух”» [Там же: 465].

Но у *горы* есть коннотации «проклятого» локуса: она может восприниматься как обитель черта (ср. хотя бы сев.-вост. *Ступай к горному!* ‘ступай к черту’ [Зотов 2010: 457]) и как место, связанное со смертью (на возвышенных местах нередко

⁸ Следует, однако, учитывать, что *прова́л* в говорах обозначает еще и болезнь: яросл. ‘чирей’ [СРНГ 32: 90], ср. здесь еще смол. *обва́л* ‘опухоль на шее, свинка’ [ССГ 7: 108]: *Обвал тебя (вас) возьми (обвали)* [Там же], ряз., юж. *завáлка* ‘распухание подчелюстных железок’, ‘о болезнях горла, связанных с распуханием горла или железок’, смол. *завáл* ‘желвак’: арх. *Завáл тебе в горло*, *Завáл тебе сядь* [СРГК 2: 90]. Таким образом, выражения типа *Провал бы те взял* (но не *Прова́лился ты провалом*, где локативный смысл поддерживается лексической инерцией!) могут продолжать ряд проклятий, «насылающих» болезнь: вят. *Лихорад тебя возьми* [ОСВГ 5: 197], арх. *Ма́деж возьми* [Черепанова 1983: 78] (ср. влг. *ма́деж* ‘красное пятно, выступившее на лице’ [Там же]) и мн. др.

располагались кладбища): арх. *на гóру собираться (заезжать, уйти)* ‘умирать, умереть’ (при арх. *гора* ‘кладбище’) [АОС 9: 320], пск. *отправиться на горку* ‘умереть’ [ПОС 7: 109], перм. *сбежать на мертвую горку* ‘то же’ [БСРП: 154], пск. *глядеть на гóру* ‘готовиться к смерти’ [Там же: 151], прибайк. *ехать (переселяться) на гóру (на <веселую> горку)* ‘умирать’ [Там же], пск. *вогнать в гóру* ‘умучить, изнурить, довести до смерти’: «“В гору вгонишь ты яё”, — гаварю сыну» [ПОС 7: 89]⁹. Вероятно, подобные коннотации мотивировали белорусское проклятие *А гора яго бяры!* [Выслоўі 1979: 199].

Можно предположить, что в проклятиях типа *Дуй ты горой* есть «двойное дно»: одновременно используются и узуальный «локативный» смысл слова *гора*, и контекстный «физиологический». Наконец, в проклятии *Дуй ты горой*, записанном в Олонецкой губернии, может выступать еще одно значение комментируемого слова: арх. *гора* ‘южный ветер (со стороны материка)’ [СРНГ 7: 18].

Завершая пассаж о *горе*, следует привести еще такой фразеологизм: морд. *горы урыть* ‘пожелать кому-либо плохого, недоброго’: «Чай, ей токъ скажы, она и поташчыт пь деревни-ти. Токъ ей горы урыть, пьжалать плоховъ» [СРГМ 2: 1387]. Мотивация выражения до конца неясна; возможно, здесь не очень точная запись¹⁰.

С горой и оврагом одновременно связан еще один локус, куда посылают проклинаемого, — *крутик*: арх. *Спустись в крутик* ‘отстань, иди к черту’: «А спустись ты, говорят, в крутик, если надоел кто», ср. арх., влг. *крутик* ‘крутой берег реки; крутой склон оврага, обрыва’ [СГРС 6: 194].

Коннотация отдаленности и «захолустности» имеется в обозначении такого локуса, как *бутырки*: курск. *Пойди к чертям на бутырки* [СРНГ 3: 317], ср. *бутырки* арх., симб. ‘крестьянский двор, стоящий в стороне от села, деревни; хутор’, симб. ‘дом, стоящий особняком, на отшибе’ [Там же], влг. ‘отдаленное селение; край, конец села, деревни’ [СГРС 1: 234].

К черту посылают еще на *тутарки (тутаики)*: костр. *Иди (к черту) на тутарки, Иди на тутайки*: «Иди-ко к чёрту на тутарки, надоел — сил нет», «Иди на тутарки! Иди под окаянного! — бранятся так», «Иди на тутайки! Старухи так посылают. Мужики покрепче» [ЛКТЭ]. Слово *тутарки (тутаики)* отсутствует в диалектных словарях. Возможно, оно образовано от наречия *тут*: (производные от этого слова могут выражать значения не только «ближней указательности», но и «отдаленной», ср., к примеру, арх. *тутам* ‘там, в том месте’ [СРНГ 45: 292]). В этом случае перед нами эвфемистическое выражение с внутренней формой типа «иди туда-сюда». Известны подобные эвфемистические образования со словом *туда (туды)*, например, алт. *Туды твою в горе* [БСРП: 153]; ср. также замены матизмов словами *тудыть, растудыть* etc.

От «наземных» локусов переходим к «тому свету», а особенно к подземному миру — аду. «*Тот свет*» упоминается в проклятиях, сулящих проклинаемому

⁹ Подробнее о соответствующей символике горы см. [СД 1: 520–521].

¹⁰ Ср. более ясный в мотивационном плане фразеологизм, где используется образ рытья гор: пск. *горы рыть* (на кого-нибудь) ‘наговаривать понапрасну, обвинять кого-нибудь’ [ПОС 7: 89].

различные беды и после смерти: нар. *Чтоб тебе и на том свете без пристани приставать! Чтоб ему на том свете икалось!* [Даль ПРН 1993/3: 213]. Единично встречается **рай**: перм. *Ну (кого) к богу в рай*: «Ну их к богу в рай! Не рассыльна я им бегать по личным делам» [СРГСПК 1: 112]. Здесь имеет место присущая «божественным» фразеологизмам энантиосемия (ср. поляризацию значений простореч. *бог с тобой*: ‘выражение согласия, примирения’ и ‘выражение упрёка, несогласия, удивления’): проклиная, можно посылать не к черту, а к богу (ср. простореч. *Ну тебя к богам!*) — и, соответственно, не в ад, а в рай.

Для обозначения ада используются разные лексические средства. Это может быть собственно слово **ад**: костр. *Ад ты останй!* [СРНГ 1: 204] (слово *остани* неясно; возможно, оно читается как «оставь у себя»¹¹); ср. также костр. *адово дно принесло* ‘черт принес, нелегкая принесла’: «Адово дно принесло тебя, полава <половодье> принесла»¹² [ЛКТЭ]. Показательна диалектная трансформация слова **преисподняя**: башк. *тресподня, трисподня* ‘бран. преисподняя’: «Ну тебя ф тресподню со своей рыбалкой», «Пошел ты ф трисподню!» [СРГБашк С–Я: 64], морд. *Провалиться в трисподнюю* (кому): «Пръвалищць тее ф триисподню зь таки слова!» [СРГМ 2: 981], горьк. *Провалиться в три исподни*: «Провались он в три исподни и этот базар» [СРНГ 32: 91]. Во всех этих случаях имеет место аттракция к числительному *три*, которое настолько активно в проклятиях, что возможны формулы, в которых — вследствие семантической конденсации — числительное занимает позицию предиката (**будь ты трижды проклят*): свердл., костр. *Будь ты трюю* [СРГСУ 1: 59; ЛКТЭ], арх. *Будь ты троя!* [СРНГ 45: 141], перм. *Будь трюю!*: «Парень-от собаку спустил, а сам убежал, будь он трюю» [СПГ 1: 72] и т. п.¹³ Более того, существуют случаи, когда числительное занимает позицию локатива: перм. *Мать во трюиху!*: «Мы сидим, мать во трюиху! Мужик на лошаде сидит, головой качат, вот потешно было» [ФСПП: 211–212].

Это же числительное фигурирует в других эвфемистических формулах, где, по всей видимости, подразумевается подземный мир, понимаемый как место под **тремя чертами** или **тремя землями**: волгогр. *Иди под три черты* [СДГВО: 218], коми-перм. *провалиться в три земли* ‘вид сильного проклятия’: «Он колдун был, много худого сделал. Пускай в три земли провалится» [СРГКПО]. **Земля** упоминается в злоречениях и вне числовых характеристик: нар. *Провались (провалиться бы тебе) сквозь землю!* [Даль ПРН 1993/3: 212], новг. *Колом в землю* (кого): «Колом тебя в землю, аспид ты окаянный, надоел, сил нет терпеть» [Сергеева 2004:

¹¹ Ср. здесь еще слово, которое можно трактовать как контекстное обозначение ада, — **останьшино**: самар. *В останьшино!*, пенз., сарат. *В останьшины* ‘к черту’: «В останьшины бы его взяли», сарат. ‘на погибель, на смерть’: «Ну тебя в останьшины! В останьшины бы его!» [СРНГ 24: 58] (узвальная семантика в *останьшины* (в *останьшино*) — пенз., сарат. ‘в последний раз’, арх. фольк. ‘в последний раз, напоследок’ [Там же: 57]).

¹² Ср. здесь костромское «метеорологическое» проклятье *Полава (тебя) неси*: «Полава тебя неси! — говорят. Это как “иди к чёрту”», «Ну, полава неси тебя, чего припёрлась» [ЛКТЭ].

¹³ Ср. выражения, в которых описываемая формула логически достраивается: перм. *Будь трюе проклятой*, костр. *Будь ты трюю проклят* [СПГ 1: 72; ЛКТЭ].

24]. Фиксируются также формулы с компрессией (*сквозь землю > сквóзде, сквóзе, сквóзье, сквóзи): костр. *Подь ти сквóзи*: «Ой, подь ти сквози, опять сёдня коров прокараулила» [ЛКТЭ], влг. *Провались сквóзде; Ну тебя сквóзде; Сквóзье, чуть не упала* и т.п. [СВГ 10: 18]. Мотивация для «земляных» проклятий описана в следующем устойчивом выражении метаязыкового характера: печор. *проклинаят не из земли, а в землю* ‘желают людям несчастий и смерти не мертвые, а живые’: «Не мёртвых надо бояться, а живых, проклинаят-то не из земли, а в землю»; «Они его волочили и проклинали: а лешак тебя не берёт. А мати говорит: заволочите его в поварню, пусть он там замерзат. Он и замёрз. Проклинаят-то не из земли, а в землю» [ФСНП 2: 219].

В ряде бранных формул содержатся «вариации на тему» *Тартара*: морд. *Чтоб тебе (ему, вам и т. п.) провалиться в тартáрии!*: «Штоп тебе пръвалищъ ф тартарии, нъпугал как!» [СРГМ 2: 1302], прибаек. *Чтоб змей в тарары* (кому) [БСРП: 255], р. Урал *Провалиться мне в тартарару!* ‘употребляется как клятва, божба для подтверждения истинности сказанного’ [СРНГ 43: 294] (ср. р. Урал *тартарá* ‘тартар, преисподняя’ [Там же]), дон. *Провалиться в (на) три тарары*: «Как ругаюца да и гаворють — Штоп ты правалился в три тарары!», «Да правались ты на три тарары» [БТДК: 429]; ср. дон. *за три тарары, под тартарары* ‘очень далеко (жить, уехать)’ [Там же: 524]; разг. *провалиться в тартарары* ‘пропасть, исчезнуть, скрыться’. Фонетическая переработка слова вызвана не только его деэтимологизацией, но и притяжением к звукоизобразительному *тарара* и подобным сочетаниям, усиливающим экспрессию и эвфемистичность бранных формул, ср. также перм. *мать тарарá* ‘восклицание, выражающее удивление, возмущение и т. п. чувства’ [ФСПГ: 212], где на первый план выходят именно экспрессивность и необходимость зашифровать бранное содержание.

Еще одно обозначение «проклятого места» — *окаянница*: костр. *Подь-ко ты в окаянницу!* [СРНГ 23: 117], костр. *Подь ты к Каину в окаянницу!* [ЛКТЭ], ср. костр. *окаянница* ‘проклятое место, ад’: «Ой, какая окаянница, жизнь-то» [СРНГ 23: 117]. Это слово можно понимать как обозначение локуса *окаянного* — нечистой силы, ср. костр. *Иди под окаянного!* [ЛКТЭ], а также новг. *окаянный* ‘черт, нечистая сила’ [СРГК 4: 172], перм. *к семи окаянным* ‘далеко’: «Куда он и ушел к семи окаянным» [ФСПГ: 248]. В проклятиях используется и другое образование из этого гнезда: омск. *Окайни тебя!*: «Ах ты, окаяни тебя-то!» [ФСРГС: 126]. Эти контексты заставляют думать о том, что слово *окаянница* используется только в составе разного рода бранных формул, хотя однокоренное сочетание *окаянное место* может употребляться и в «нарративном» режиме: «Грубость этого сатрапа известна во всех околных губерниях, чиновники бегут казенной палаты, как *окаянного места*, он дерзок не только с нами, но и с столоначальниками» <А. И. Герцен>, «И снова казалось, разговор совершенно изменился, они заговорили о том, какие кругом безводные, *окаянные места*» <В. Гроссман> [НКРЯ]. Приведенный выше пример *Подь ты к Каину в окаянницу* замечателен тем, что в нем имеет место своеобразная *figura etymologica* (народноэтимологического характера), которая

служит еще одним проявлением уже отмечавшейся выше лексической инерции, характерной для текстов проклятий.

Другое обозначение ада, появившееся из его эпитета, — *кромешная, кромешный*: костр. *Уйди в кромешину*: «Надоест если, дак скажут: “Уйди ты в кромешину!»». Мать так может дочь проклясть» [ЛКТЭ], костр. *Окромешный тебя возьми! Иди-ко ты в окромешный!* Ср. костр. *окромешный* ‘преисподняя, ад’ [СРНГ 23: 164]¹⁴ (это значение выделено на материале приведенных формул проклятий). О. А. Черепанова приводит диалектный мифоним *кромешники*¹⁵, являющийся обобщенным наименованием всего сонма враждебных сил, и дает следующую интерпретацию его внутренней формы — «находящиеся вне, кроме, за пределами здешнего мира» (ср. *не наша сила, другие* и под.) [Черепанова 1983: 67]. Слово *кромешный* производно от *кром* [Фасмер 2: 381]; последнее имеет ряд пространственных значений: др.-рус. *кромъ* ‘прочь, в сторону’, ‘в стороне, вдали, отдельно’, ‘вне, за пределами’ [СлРЯ XI–XVII 8: 70–71], арх. *кром* ‘в стороне, вне чего-либо’ [СГРС 6: 170]; показательны также пространственные значения родственных слов *кром*, *крома* и др. (ср. литер. *кромка*): дон. *кром* ‘конец улицы, деревни, села’, ряз., тул., ленингр. *кромá* ‘конец, край земельного участка, поля, луга’, ленингр. *крайняя кромá* ‘в единоличном хозяйстве — конечная, самая отдаленная полоса земли’ [СРНГ 15: 274], орл. *окром* ‘отдельно’ [СРНГ 23: 164], новг. *кромина* ‘край болота’ [СРГК 3: 23], влг. *окромок, окромку* ‘с краю, по краю’ [КСГРС] и др.

Семантика слов рассмотренного гнезда помогает понять значение и роль в бранных формулах слова *опричь*: моск. *Опричь тебя возьми*: «Апричь тибя вазьми — брань такая», «Ах ты, апричь тибя вазьми, бесстыдник эдакий, куда залес, глиди» [Войтенко 2: 320], ср. также юж. *опричь хлеба святого* ‘отойди, дай покой’: «Ну тебя, опричь хлеба святого» [СРНГ 23: 298]. В говорах известны предлог и наречие *опричь, óпричь* — диал. шир. распр. ‘кроме’, юж., смол., тул., орл., новг., калин., моск., влг., пск., иркут., твер. ‘особо, отдельно; особенно’ [Там же: 297–298]. Эти слова восходят к **ob-pri-сь*, сложение преф. **ob-*, **pri-* и местоимения **сь* (ср. *что*) [ТСлРя: 570]; в одно гнездо с ними входят др.-рус. *опричьныи, опричьный(-ий), опришныи* и др., в кругу значений которых есть значение ‘посторонний’, рус. диал. *опричьный* ‘отдельный’, а также *опришенный* (ср. в тексте «Причитаний Северного края» Барсова: «Мне куды с горя пойти да угоститися, Опришена от спорядных я суседушек...») [ЭССЯ 29: 25]. Показательна формулировка значения слова *опришенный, опришённый* (сев., олон.) в [СРНГ 23: 298] — ‘лишенный чего-либо; обездоленный; находящийся за пределами чего-либо’. Возвращаясь к бранным формулам, следует предположить, что выражения *Опричь тебя возьми, Опричь хлеба святого* предполагают «обособление», отделение адресата брани, удаление его *опричь* — вовне, за пределы зоны говорящего или того места, где находится хлеб

¹⁴ Фиксируется и сочетание эпитета *окромешный* с определяемым словом: влг., новг., костр. *окромешный ад* ‘кромешный ад’ [СРНГ 23: 164].

¹⁵ Место записи не указано, скорее всего, это территория Русского Севера, которой посвящено исследование О. А. Черепановой.

(как известно, наделявшийся в народной культуре сакральностью), т. е. возможное прочтение — «Не при хлебе будь сказано». Нетипичная текстовая позиция лексемы *опричь* в составе проклятия (обычно локатив находится на последнем месте, а на первом — текстовый субъект, «актор» проклятия) породила лексикографическую ошибку: в [БСРП: 465] при моск. *Опричь тебя (вас, его и пр.) возьми (побери)!* дается «расшифровка» значения слова *опричь*: 1. Припадок, внезапный приступ. 2. Порча, сглаз. 3. Нечистая сила. Однако исходный словарь А. Ф. Войтенко, указанный в качестве источника этой словарной статьи, не приводит ни одного из выделенных трех значений. По всей видимости, они сформулированы авторами [БСРП] исключительно с учетом препозиции слова в составе проклятия¹⁶.

Временные маркеры

Как уже говорилось выше, пространство в русских проклятиях — категория гораздо более развитая, чем время. Если «затекстовое», «внешнее» время (момент произнесения злопожелания) чрезвычайно важно для этого жанра (что доказывает масса устных рассказов, где повествуется о разрушительности проклятия — даже непреднамеренного, случайного, — произнесенного в определенные часы или минуты), то время «внутреннее», собственно текстовое, выражаемое словами с темпоральной семантикой, существенной роли, как правило, не играет. Проклинаая, человек ориентируется на событие, действие или состояние, которому предписывается произойти с адресатом (смерть, болезнь, невзгоды, контакт с нечистой силой, уход адресата в отдаленный или опасный локус и т. д.), — на сам факт его свершения, порой — на характер проистекания; но период, когда проклинаемого настигнет наказание, остается в большинстве случаев за пределами внимания. Представления о времени свершения злопожелания «свернуты» в элементарно организованную пресуппозицию: естественное, неизбежное и негативное событие должно случиться раньше положенного срока (выражение *Чтоб ты сдох!* подразумевает преждевременную кончину адресата — не в глубокой старости); событие неестественному (в том числе фантастическому) предписывается просто произойти — сейчас или, допустим, через год (говоря *Черт бы тебя побрал!* или *В лоб тебе кишки!* (алт.) [ФСРГС: 93], проклинающий не ставит временные рамки); событие естественное и оцениваемое положительно не должно случиться никогда (волгогр. *Добра б не видать* [СДГВО: 78]). Эта пресуппозиция, как правило, устойчива и не находит формального отражения в текстах — однако в редких случаях встречаются исключения, когда в злопожеланиях возникают временные маркеры, репрезентирующие названные установки проклинающего или некоторые другие представления о времени совершения проклятия.

¹⁶ Укажем и на такую библиографическую оплошность: при проклятии в [БСРП: 465] дается ссылка «Войтенко 1993: 60», которая не расшифровывается в списке литературы. Думается, что «Словарь говоров Подмосковья», выпущенный А. Ф. Войтенко в 1995 г. (2-е изд., испр. и доп.), должен был бы включать «демоним» *опричь*, если бы это слово было реальным фактом, а не лексикографическим фантомом.

Так, обозначение долгого периода времени или вечности — *век* — отмечается в текстах проклятий тогда, когда адресату отказывается в естественных, положительных или нейтральных, свойственных каждому человеку действиях и проявлениях: перм. *Хоть век не будь!*: «Убирайся давай, на что ты мне, хоть век не будь» [СПГ 1: 72], арх. *Пузь бы он бы век ссал бы*: «Пузь бы он бы век ссал бы: у йего не держалась мочь!» [АОС 11: 90] (ср. здесь клятву *Век воли не видать*)¹⁷. Другая номинация бесконечности — *водерень*¹⁸ (арх. ‘навсегда, неизвестно куда и надолго’ [АОС 4: 154], арх., перм. ‘насовсем, навсегда’ [СРНГ 4: 335]) — употребляется в качестве обстоятельства образа действия при предикатах (и называет, таким образом, не время осуществления проклятья, а характер поведения адресата или субъекта злопожелания): арх. *Унеси лёшой да водерень! Унеси лёшой вовёки и водерень! Уйди ты водерень! Уйди ты к цёрту водерень!* [АОС 4: 154].

Противоположная семантика — мгновенного, сиюминутного действия — реализуется в новосиб. *Однoчастни тебя!* [СРНГ 23: 55], где глагол, очевидно, представляет собой результат межчастеречного перехода (< *однoчасье*). Тексты с таким переходом (ср. приводившееся выше омск. *Окайни тебя!*, а также перм. *Чёмори тебя* [СРГКПО] < перм. *чёмор* ‘черт’ [СПГ 2: 525] и др.), иллюстрируют, как грамматика может «работать» на прагматику: в проклятиях, базовым свойством которых является перформативность, предикат, как говорилось выше, играет центральную роль — такую значимую, что любая часть речи — носитель «нужной» семантики (или даже фоносемантики) — способна становиться окказиональным глаголом. Предикативность жанра приводит к тому, что в проклятиях может фигурировать слово *амором* (дон. ‘внезапно, сразу’ [БТДК: 26]): дон. *Провалиться амором*: «Правались ты амаром!», *Будь амором*: «Будь он амарам картежник проклятый» [Там же]. Это наречие, по предположению А. Е. Аникина, является застывшим рефлексом праслав. **obmorъ*, ср. общенар. *обморок*, смол. *обмор* ‘болезнь, недуг’ и пр. (семантически переход объясняется так: ‘мигом’ < *‘повергнув в обморочное состояние’) [Аникин РЭС 1: 202]. Есть более ясные в плане мотивации проклятия, где выступают слова из этого гнезда, ср. хотя бы орл. *Оморок (тебя) возьми!* [СРНГ 23: 204]. Присущая существительным субстанциональность благодаря транспозиции сменяется значением образа действия, которое выражает наречие, — и это вновь «на руку» прагматике жанра¹⁹.

¹⁷ Интересна «категоричность» проклятий в не-свершении хорошего с адресатом: никогда. В жанре примет, например, тому, кто нарушил предписание, отказывается в удаче на определенный период, т. е. наказание имеет пределы, ср.: *Кота убить — семь лет ни в чем удачи не видать* [Даль ПРН 1993/3: 630] и др.

¹⁸ Это слово образовано, по всей видимости, от глагола *драть, деру* и имеет первоначальное значение ‘до конца, полностью’, ср. арх. «Валёнки износились водерён, их ужэ цинить трудно» [АОС 4: 154].

¹⁹ Ср. и другие случаи транспозиции и семантической конденсации в проклятиях: вят. *Наболести тебе* [ОСВГ 6: 124] < вят. *Иди на болесть* [ОСВГ 1: 87]; омск. *Опасна тебя в душу* [ФСРГС: 126] < *опасный*, ср. новосиб. *Иди к опасному (опасным)!* ‘иди к черту, дьяволу’, *Опасная на вас ‘черт вас возьми!’* [СРНГ 23: 241]; простореч. *Пусто тебя (его, вас и пр.) побери!* [БСРП: 544] и т. д.

Появляются в проклятиях и слова, называющие конкретные временные интервалы — части суток: *день* и *раннее утро*. Ср. примеры: краснояр. *Наране*²⁰ <удар. ?> (вам, тебе и пр.) *всядь в живот*²¹ [СРНГ 20: 119], юж.-прикам. *Как бы день, так бы тебе сажень*: «Радио было — кругляш, в избе-то, передают: “Сталин умер”. А я думаю: “Как бы день, так бы тебе сажень”» [СРГЮП 1: 228].

Среди темпоральных маркеров, фигурирующих в проклятиях, представлен один хронотим — *Фомина неделя*: морд. *Умереть бы тебе на Фоминой неделе*: «Я ни буду тебя звать и ругать, только умереть бы тебе нь Фьминой нидели!» [СРГМ 2: 1379]. Для правильной интерпретации этого злоречения стоит обратиться к коллекции славянских инвектив, собранной Л. Н. Виноградовой; многие из них реализуют распространенный мотив «не дожидаться следующего календарного праздника»: бел. *Каб ён не дажыў да Святое Нядзелі, Каб не даждаў ні Пятра, ні Паўла, ні дробных святкаў*, болг. *Да не посрещнеш Великденъ* и др. [Виноградова 2015: 58]. «В проклятиях этой тематической группы отражается осознание цикличности человеческой жизни, которая проживается поэтапно, от одной временной точки в течение года до другой» [Там же]. Говоря о временной цикличности, стоит понимать, что на Фоминой неделе, второй неделе после Пасхи, а именно в Фомин вторник, на Радуницу, поминают усопших [РНК: 464–465]; этот период считается переходным и «открывает сезон посвященных и матримониальных обрядов весенне-летнего цикла <...> В России воскресенье Фоминой недели называлось Красной горкой — это был день сватовства и молодежных гуляний, он считался последним сроком для сватовства перед началом весенне-летних полевых работ» [СД 5: 403]. Таким образом, тот, кто умирает на Фоминой неделе — в символически отмеченное время — преждевременно сближается с «родителями» и не вступает в новый цикл «репродуктивных» обрядов.

С этим проклятьем в смысловом отношении сближается другой текст, в котором говорящий желает адресату смерти в родительский день или в другой период поминовения усопших: новг. *Канун те возьми!* [СРНГ 13: 45], ср. *канун* влг. ‘день поминовения усопших, родительская суббота’, арх. ‘первая годовщина со дня чьей-либо смерти’, влг., влад., калуж., тамб. ‘поминки’, смол. *кануна* ‘панихида’ [Там же: 44–45]. Не исключено здесь, однако, и народноэтимологическое сближение с глаголом *кануть* ‘бесследно пропасть, исчезнуть’, ср. реализацию этой возможности в урал. *оканунеть*, влг. *окануниться* ‘уйти и долго не возвращаться, остаться надолго где-либо’ [СРНГ 23: 109]. В таком случае *Канун те возьми!* реализует пространственный код и продолжает ряд пожеланий исчезновения: ряз.

²⁰ Ср. омск. *нارانэ* ‘рано’ [СРГС 2: 352], краснояр. *нارانэ* ‘рано утром’ [СРНГ 20: 119].

²¹ В проклятии не уточняется, что именно должно *всест в живот*: позиция текстового инструмента / субъекта остается незанятой. Можно предположить, что речь должна идти о болезни, ср. реализацию модели «болезнь атакует чрево» в злопожеланиях: смол. *Грызь тебе в кишки!* [СРНГ 7: 180], кубан. *Болячка им в живот (животы)!* [СРНГ 9: 157] и др.

*Зник*²² *те станься!* [СРНГ 11: 316], новосиб. *Разнёт*²³ *на тебя*: «Эх, разнёт же на тебя!» [ФСРГС: 163], простореч. *Чтоб тебе пусто было!* — и, наконец, аналогичное по структуре простореч. *Пусто тебя поберу!* [БСРП: 544]. Так проявляется в проклятиях синкретизм восприятия пространственных и временных категорий.

Приведенный материал привлекателен не только тем, что он обогащает наши представления о ценностной «разметке» времени и пространства, о «проклятых» часах и местах, но и тем, что помогает охарактеризовать лексический состав и принципы организации текстов народных проклятий — слабо изученного жанра народной речи, дающего ключ к пониманию того, как реализуется магическая функция языка и работают механизмы языковой экспрессии. Выбор пространственных и временных показателей подчиняется как общим законам языковой магии (например, установка на эвфемизацию), так и частным законам жанра проклятия, сближающим его с заговорами (например, принцип лексической инерции). При этом следует подчеркнуть различия между организацией внутритекстового хронотопа проклятий и внешнего хронотопа. Как указывает Л. Н. Виноградова, «по общеизвестному мнению, осуществление злого пожелания (и настоящего, и случайного) зависит от времени, в которое произносится проклятие. <...> Менее значимым считалось место проведения ритуала» [Виноградова 2008: 403–404]. В текстах проклятий, как мы показали выше, дела обстоят наоборот: многократно указывается место, куда должен удалиться проклинаемый, но редко — время свершения проклятия.

При реконструкции семантики локативов, выступающих в проклятиях, обнаруживается их сходство с другими группами лексики, выражающими сходные значения: локативами, связанными с темой смерти и захоронения; обозначениями «демонических» мест (тех, где, по поверьям, обитает нечистая сила, где «водит», и т. п.) [см.: Березович 2002]; локативами, называющими удаленные места, в том числе такие, которые находятся на неопределенно большом расстоянии (а также места, куда, по мнению говорящего, можно уйти на длительное время); названиями мест, где можно пропасть, исчезнуть.

Литература

Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

²² Ср. ряз. *зник* ‘исчезни, провались’ [СРНГ 11: 316].

²³ Ср. новг., пск. *разнётить* ‘уничтожить, обратить в нет’, пск., твер. *разнётиться* ‘пропасть, исчезнуть (неизвестно куда)’ [СРНГ 34: 35].

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.

Березович Е.Л. Демонический топос в призме русской народной языковой традиции // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2002. С. 103–128.

БСРП — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

БТДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т, ф-т филологии и журналистики ; каф. общ. и сравнительн. языкознания. М. : Русские словари ; Астрель ; АСТ, 2003. 608 с.

Виноградова Л.Н. К проблеме типологии и функции магических текстов: Формулы проклятий в народной культуре // Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации / отв. ред. А.М. Молдован, Л.И. Сазонова. М. : Индрик, 2008. С. 397–411.

Виноградова Л.Н. Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (Благопожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2015. С. 53–80.

Власова М.Н. Комментарии // Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М.Н. Власовой. СПб. : Пушкинский Дом, 2015. С. 641–880.

Войтенко А.Ф. Словарь говоров Подмосковья : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Логос, 1995.

Выслоўі 1979 — Выслоўі: Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і каммент. М. Я. Грынבלата. Рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука, 1979. 520 с.

Даль ПРН 1993/1–3 — Пословицы русского народа : в 3 т. / сб. В. Даля. М. : Русская книга, 1993.

Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Куликовский Г.И. Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1898. 151 с.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Майков 1869 — Великорусские заклинания / сб. Л.Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869. 164 с.

МРНП — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб. : Тропа Троянова, 2007. 494 с.

МРРК — Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб. : Пушкинский Дом, 2015. 911 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>

НОС — Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. пединститута, 1992–1995.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика ; Изд-во ВятГГУ ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М. : АСТ-Пресс, 2015. 544 с.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СД — Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.

Сергеева 2004 — *Сергеева Л. Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 307 с.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.

СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 1999–2002.

СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.

СРГБашк — Словарь русских говоров Башкирии : в 4 т. / под ред. З. П. Здобной. Уфа : Гилем, 1997–2005.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2011–. Вып. 1–.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во ; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ТслРя — Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

ФСНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008.

ФСПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / сост. К. Н. Прокошева. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 169 с.

Черепанова О. А. Очерк традиционных народных верований Русского Севера (Комментарии к текстам) // Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 113–181.

ЭСМРП — Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами / сост. И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, Л. С. Нечаева. Рукопись.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Elena L. Berezovich, Olesya D. Surikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Russia, Ekaterinburg)

berezovich@yandex.ru, surok62@mail.ru

**SPACE AND TIME MARKERS IN THE TEXTS OF RUSSIAN IMPRECATIONS
(WITH REFERENCE TO THE RUSSIAN DIALECTS VOCABULARY)**

The article considers models of folk curses (evil sayings, containing wishes of bad luck and misfortune to a particular person) taken from Russian dialect dictionaries. The article analyzes lexically (not grammatically) expressed designations of chronotope, which are found directly in the texts of curses. This material enriches our knowledge of the value marking of time and space in folk mind; additionally, it helps to characterize the lexical structure and principles of folk curse texts organization — a genre of folk speech which has not been studied in detail. The analysis reveals that there are much more space markers in curse models than time markers. They mostly refer to «cursed» places — loci to which the speaker sends the addressee, — real (slough, marsh, objects called by local place names) or unreal (hell). Time markers indicate the specific time of curse realization (early morning, Fomin's Week) or infinity. The article performs semantic interpretation of a number of «dark» words with locative and temporal meaning functioning in the texts of curses (*квoмyт < к (чертям) в oмyт, oднoчacтнu < oднoчacьe* etc.). The article establishes a correlation between time-space markers and methods of organization of a magical text (for example, the method of lexical inertia).

Key words: Russian dialectology, dialect lexicology, curse models, space designations, time designations.

References

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2007–, vols. 1–.

Atroschenko O. V., Krivoschchapova Ju. A., Osipova K. V. *Russkii narodnyi kalendar'. Etnolingvisticheskii slovar'* [The Russian Folk Calendar. An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, AST-Press Publ., 2015. 544 p.

Barkhudarov S. G. et al. (Eds.). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the 18th Century Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1975–, vols. 1–.

Berezovich E. L. [Deamon topos in the prism of Russian folk language tradition]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Feature space of culture]. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 103–128. (In Russ.)

Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva [The Great Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie slovari Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 608 p.

Borisova A. N., Prokosheva K. N. (Eds.). *Slovar' permskikh govorov* [The Dictionary of Perm Dialects]. Perm', Knizhnyi mir Publ., 1999–2002, vols. 1–2.

Card index of the dictionary of folk dialects of the Russian North (Department of the Russian Language and General Linguistics UrFU, Ekaterinburg)

Cherepanova O. A. [Feature article of traditional folk beliefs of the Russian North (Commentaries to the texts)]. *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*

[Mythological stories and legends of the Russian North]. Saint Petersburg, Saint Petersburg St. Univ. Publ., 1996, pp. 113–181. (In Russ.)

Cherepanova O. A. *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad, Leningr. St. Univ. Publ., 1983. 169 p.

Dal' V. *Poslovitsy russkogo naroda* [The Proverbs of the Russians]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1993, vols. 1–3.

Dolgushev V. G., Smetanina Z. V. (Eds.). *Oblastnoi slovar' viatskikh govorov* [The Regional Dictionary of the Vyatka Dialects]. Kirov, Konnektika Publ., Viat. St. Univ. Publ., Raduga-PRESS Publ., 1996–, vols. 1–.

Fedorov A. I. (Ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [A Phraseological Dictionary of Siberian Russian Dialects]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 232 p.

Fedorov A. I. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [A Dictionary of the Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1999–2006, vols. 1–5.

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (Eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–, vols. 1–.

Gerd A. S. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Territories]. Saint Petersburg, Saint Petersburg St. Univ. Publ., 1994–2005, vols. 1–6.

Getsova O. G. (Ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1980–, vols. 1–.

Korepova K. E., Khramova N. B., Shevarenkova Ju. M. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia* [Mythological stories and legends of the Nizhegorodskoe Povolzhie]. Saint Petersburg, Tropa Troianova Publ., 2007. 494 p.

Kudriashova R. I. (Ed.). *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti* [A Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011. 704 p.

Kulikovskii G. I. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [A Dictionary of the Olonets Regional Dialect in Its Everyday and Ethnographic Use]. Saint Petersburg, Imperat. Akad. Nauk Publ., 1898. 151 p.

Lexical card index of the toponymic field research of Ural Federal University (Department of the Russian Language and General Linguistics UrFU, Ekaterinburg)

Majkov L. N. *Velikorusskie zaklinanija* [Great Russian Spells]. Saint Petersburg, Majkov Publ., 1869. 164 p.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of the Dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural St. Univ. Publ., 2001–, vols. 1–.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Middle Urals]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izd-vo, Ural St. Univ. Publ., 1964–1987, vols. 1–7.

Mel'nichenko G. G. (Ed.). *Jaroslavskii oblastnoi slovar'* [The Yaroslavl Regional Dictionary]. Jaroslavl' : IaGPI Publ., 1981–1991, vols. 1–10.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008. 785 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [A Dictionary of Proverbs of the Pskov Region]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001. 176 p.

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 05.03.2017).

Panikarovskaja T. G. (Ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [A Dictionary of the Vologda Dialects]. Vologda, VGPI/VGPU Publ., 1983–2007, vols. 1–12.

Podiukov I. A. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Komi-Permiatskogo okruga* [Dictionary of folk dialects of the Komi-Permyak Okrug]. Perm', PONITsAA Publ., 2006. 272 p.

Podiukov I. A., Pozdeeva S. M., Svalova E. N., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. *Slovar' russkikh govorov Iuzhnogo Prikam'ia* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Kama Region]. Perm', Perm St. Univ. Publ., 2010–2012, vols. 1–3.

Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [A Phraseological Dictionary of Perm Dialects]. Perm', Perm St. Ped. Univ. Publ., 2002. 431 p.

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi [The Pskov Regional Dictionary Supplemented with Historical Data]. Leningrad, Saint Petersburg, Saint Petersburg St. Univ. Publ., 1967–, vols. 1–.

Rusinova I. I. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia* [A Dictionary of Russian Dialects of Perm Region]. Perm', Perm St. Univ. Publ., 2011–, vols. 1–.

Rusinova I. I., Chernykh A. V., Shumov K. E., Nechaeva L. S. *Etnodialektnyi slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraia. Chast' I. Liudi so sverkh»estestvennymi svoistvami* [Ethnocultural dialect dictionary of mythological stories of Perm Krai. Part I. People with supernatural features]. Manuscript.

Semenkova R. V. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoi ASSR (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia)* [A Dictionary of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. Saransk, Mordov. St. Univ. Publ., 1978–2006, vols. 1–8.

Sergeeva L. N. *Materialy dlia ideograficheskogo slovaria novgorodskikh frazeologizmov* [Materials for an Ideographic Dictionary of Idioms of the Novgorod Region]. Velikii Novgorod, Novg. St. Univ. Publ., 2004. 307 p.

Shvedova N. Ju. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Information on Word Origin]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1174 p.

Stavshina N. A. *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [A Phraseological Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Area]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008, vols. 1–2.

Strogoва V. P. (Ed.). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [The Novgorod Regional Dictionary]. Novgorod, Izd-vo Novg. Ped. Inst. Publ., 1992–1995, vols. 1–12.

Tolstoi N. I. (Ed.) *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012, vols. 1–5.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksičeskii fond* [An Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Word Stock]. Moscow, Nauka Publ., 1974–, vols. 1–.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973, vols. 1–4.

Vinogradova L. N. [Conceptualization of the notions of good and evil in small folklore genres (Good wishes and curses as axiological texts)]. *Kategoriia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [The category of evaluation and the system of values in language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 53–80. (In Russ.)

Vinogradova L. N. [The problem of typology and functions of magical texts: Models of Curses in Folk Culture]. *Pis'mennost', literatura i fol'klor slavianskikh narodov / XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Okhrid, 10–16 sentiabria 2008 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, literature, and folklore of Slavic peoples (14th International Congress of Slavists, Okhrid, 10–16 September, 2008). Reports of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 397–411. (In Russ.)

Vlasova M. N. (Ed.). *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'ian XIX–XX vv.* [Mythological stories of Russian peasants of 19–20th cc.]. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2015. 911 p. (In Russ.)

Vlasova M. N. [Comments]. *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'ian XIX–XX vv.* [Mythological stories of Russian peasants of 19–20th cc.]. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2015, pp. 641–880. (In Russ.)

Voitenko A. F. *Slovar' govorov Podmoskov'ia* [A Dictionary of the Dialects of the Moscow Region]. Moscow, Logos Publ., 1995, 2nd ed., vols. 1–2.

Zdobnova Z. P. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii* [A Dictionary of the Russian Dialects of Bashkiria]. Ufa, Gilem Publ., 1997–2005, vols. 1–4.

Zotov G. V. *Slovar' regional'noi leksiki Krainego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of regional vocabulary of the Far Northeast of Russia]. Magadan, SVGU Publ., 2010. 539 p.

А. Ф. Журавлёв
Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
afzhuravlev@yandex.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ. 10.
СРНГ, Б–Р
(дополнение к предыдущему)

Смотришь, совсем как будто *Иже*;
а приглядишься, или *Наш* или *Покой*.

Панько Рудый

Предлагаемая новая серия заметок о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (как правило гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка является продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и предлагаемых прочтений (см. [Журавлёв 1995–2014]).

Ключевые слова: русские диалекты, лексика, словарь, словарная статья, фантом, ошибочное прочтение.

Бавтрюк, *á, м.* 1. Крупный, здоровый человек. Смол. Смол., 1850. 2. *Бранно*. Лентяй, туняедец. *Работай — какой ты бавтрюк*. Смол., 1914 [СРНГ 2: 32].

Взято из Смоленского областного словаря [Добровольский: 20]. Скорее всего, рукописная буква *с* в *бастрюк* прочитана как *в*; ср. *волдат* ‘солдат’ в предыдущих заметках [Журавлёв 1995–2014, 1].

Багакáрь, *я, м.* Горшок для молока. Беднодем. Пенз., 1945 [СРНГ 2: 32].

Буква *л* ошибочно принята за *г*. Ср. самар. (куйб.) *балáкарь* ‘горшок с узким горлом’, *балáкирь* нижегор., казан., оренб., симб., казан., самар., сарат., вят., перм. ‘глиняный муравленный горшок с узким горлом для молока’, астрах. ‘бадейка’, костром. ‘чугун’ [Даль₂ I: 41; СРНГ 2: 70]. Смещение ударения вправо может быть реальностью: подударность суффикса *-арь* обычна.

Базéл, *злá, м.* Плакса, рева; тот, кто не переставая плачет. Влад., 1853 [СРНГ 2: 49].

Судя по нарушению словарного алфавитного порядка (статья находится между *базгаль* и *базгальник*), «слово» обязано своим появлением какой-то патологии в лексикографической обработке данных. Оно связано с *базанить*, *базланить*, *базгать* и др. ‘плакать’, но реконструировать его исходный графический облик и принадлежность той или иной акцентной парадигме я не возьмусь. «Инверсионный индекс» [: 297] множит ошибку.

Базлákить... Жалобно плакать; реветь. Оренб., 1849 [СРНГ 2: 49].
Буква **н** прочитана как **к**: *базланить*.

Баклúшишь... Говорить о пустяках. <...> [СРНГ 2: 62].

Скорее просто опечатка во флексии (а не ошибка вследствие механического смещения рукописного трёхштрихового **т** с **ш**), которую можно было бы и не отмечать, но заголовок бездумно оприходован в «Инверсионном индексе» [: 508], что чревато погрешностями в возможных дальнейших машинных обработках словарного массива.

Балбубан, а, м. [удар.?). Шалун. Слобод. Вят. [год записи неизвестен] [СРНГ 2: 78].

Троекратное проведение в пределах морфологически цельной единицы (основы) одного и того же согласного (здесь — звонкого твёрдого билабиального) выглядит чрезмерностью даже для звукоизобразительной экспрессивной лексики, ср. слова, фонетически и семантически близкие, но кажущиеся более органичными: *балабан* ‘глупец, болван’, ‘болтун, пустомеля’, ‘шалун, озорник’, *балабон* ‘пустомеля’ (из ‘колокольчик на шее скотины’), *балобан* ‘глупец, дурак’, ‘болтун, пустомеля’, *балобонить* ‘болтать, шутить’, *болóбан* ‘болван’, ‘грубый, неуклюжий человек’, *булюбень* ‘болтун’, *барабан* ‘участник летней игры мальчиков, похожей на бабки...’, *барабонить* ‘говорить вздор’, *барабун* ‘болтун, хвастун’, *буробить* ‘врать, плести’ и мн. др. Поэтому оправданы соображения о том, что либо третья в разбираемом заголовочном слове литера **б** может быть знакомым девятикратным чтением рукописной одновертикальной буквы **т**, ср. совпадающее с такой реконструкцией по консонантному каркасу пск., смол. *балбатун*, *болботун* ‘болтун, пустомеля’ [СРНГ 2: 77; 3: 71], либо вторая **б** является неосознанной инерционной графической вставкой под влиянием распространённых форм, восходящих к **bьlb-*, см. [ЭССЯ 3: 116–117]. Ввиду господства в возникновении этой лексики идеофонического принципа лингвогеографические моменты в поиске сходств отступают на второй план как менее существенные.

(**Бесстведный*). См. **Рожа**.

Бíрига, и, ж. Сложенное сено, солома. Курмыш. Симб., 1897 [СРНГ 2: 293].

Я подозреваю, что это неверно прочитанное слово *биржа*, метонимически используемое для обозначения складированного товара и, далее, больших количеств

однородных вещей; ср. *биржа* лодейноп. (1930) ‘место на берегу реки или озера, где находятся лесоматериалы перед сплавом’ [СРНГ 2: 292; Словарь Русского Севера I: 115: *С лесу свозили, куда спехивали, биржа лесу ему название*], пск. ‘очень большое количество, множество’ (*Раньшэ единолічно жь́ли, для скотá приго-товля́ли сэно, да́жа излішнн бы́ло, а в колхóзе-то така́я б́иржа корóф, пойд́и за-пасі*) [Псковский словарь 2: 12], мещов. калуж. «в знач. нареч.» ‘очень много (чего-либо)’ (*А ведь у нас их (мух) биржа целая!*) [СРНГ 2: 292].

Дерёвыще, а, ср. Деревцо. Мещов. Калуж., 1916 [СРНГ 8: 15].

По признаку уменьшительности в значении слова и по редкости несмягчения гласным суффикса предшествующего согласного (ср. *окосовыще, взглядыще, ратыще* [Инверсионный индекс: 139]) напрашивается конъектура *деревыще*. Смешения букв вполне стандартны. Случай заставляет внимательнее присмотреться и к другим графическим формам на *-ыще*.

Деропава, ы, ж. [удар.?). Волость. Ряз., 1852 [СРНГ 8: 26].

Как сочетание литер *оп* воспринята рукописная *ж*: следовало читать *держава*, ср. значение (8) ‘волость’ у этого слова [СРНГ 8: 19], извлечение из рязанских записей И.И. Срезневского. Именование относится, можно думать, не столько к волости как единице территориального членения, сколько к властному учреждению — волостной управе.

Дурарьё, я, ср., собир. Дураки, дурачье. Камышл. Перм., 1945 [СРНГ 8: 264].

Просится мысль о девиантном чтении источника: вторая *р* на месте *ч* (об опечатке речи нет, поскольку обсуждаемая вокабула предшествует статье **Дурасветить**). Статей со словом, у которого собирательный суффикс *-ьj(e/ó)* оформлял бы основу на *-р(’)* (в частности производного с суффиксом *-арь*), в СРНГ не встречается, если не считать слова *собарьё* ‘свора собак, собаки’ ([39: 141], ворон.), возникновение которого обязано аномалиям — контаминативным явлениям, усечению основы и семантическим сдвигам: ср. [*псарь* — *псарня* —] *собарня* ‘псарня’ (пск.), *собарня* ‘свора собак’, *собарно́*, *собарне́* ‘свора собак’ (дон.) (там же). (Нужно признаться: нехорошее подозрение, что за всеми регистрациями псевдокорня *собар-* скрывается вульгарное *собач-*, у меня возникало. Однако, кажется, оно отводится формами с ударением на флексии.)

Жжéние... Сжигание. *Баурины (связки) камышу на возах для жжэния*. Гурьев, 1959 [СРНГ 9: 148].

В этом же выпуске, в полусотне с чем-то страниц ранее, помещена статья **Жжéние** «... Сжигание. *Баурины (связки) камышу на возу для жжэния*. Гурьев, Малеча, 1959» [9: 93], которая представляет собою более точное воспроизведение текста из предварительных материалов к яицкому словарю Н.М. Малечи, см. [Малеча 1, Ж: 1]. Для чего О.Г. Пороховой, составителю статьи **Жжэние**, понадобилось «облагородить» по литературному образцу диалектное слово — и в заголовке,

и в иллюстрации, да ещё в последней «плюрализировать» оригинальную форму единственного числа *возу*, не покушаясь, однако, на сохранность лексикографически корректной статьи коллеги О. Д. Кузнецовой, остаётся полнейшей загадкой.

Жипучий ... Певчий (о птицах). *Коли [будут слетаться] разными птицы жипучи — удачной пойдет мне-ка рання неволя велика, женско житье подначально. А кукушка — так уж горе-горько житье мне победной* (свадебн. причит.). Поморье, 1910 [СРНГ 9: 180].

Прилагательному *жипучий* неоткуда взяться: производящего глагола с корнем **жип-* в русском языке, насколько я знаю, не существует. Более того, само буквосочетание *-жип-* отмечается только при соединении префикса *меже-/межи-* с корнями, начинающимися на *п-*: *межипарье* 'пора между весенними и летними полевыми работами', *межиперст-(ье)* (сюда же деэтимологизированное *нижипарищица* 'панариций') и *межиполосье*. Возникает мысль о подпорченной записи или неверном чтении. Несмотря на то, что контекст прямо не обуславливает предложенного толкователями значения отглагольного имени, весомых поводов отказываться от фольклорного противопоставления кукушки другим птицам «с голосами» как будто нет. В таком случае, отклоняя графически допустимые, но с семантической стороны не самые вероятные ономастические эпитеты *шипучий* и *хрипучий*, в качестве возможного предмета ошибочного прочтения можно задержаться на прилагательном **кикучий*, ср. беломор., арх. волог., южносиб., колым. *кíкать*, сов. *кíкнуть* 'кричать (о птицах)', онеж. *кикач* 'поганка — *Podiceps cristatus* или *Podiceps auritus*', моск. *кикун* 'петух', далее волог. *кикирiкi* «о крике петуха — кукареку» и др. [СРНГ 13: 204–205]. Однако если усомниться в необходимости дефиниции, отсылающей к способности пернатых издавать звуки, не следует ли прочитать в разбираемом тексте другой эпитет, для фольклорного образного строя весьма привычный: *разными птицами (--?)летучи*? Ср. словосочетание *стрелять всякие полетучие птицы* в «Великорусских заклинаниях» Майкова (задевает внимание смысловая перекличка прилагательных *разными — всякие*), контексты *только гнусина ползучая да птица летучая* [СРНГ 6: 250; ст. **Гнусина**], *усмотрю ... полетучих птиц гуся и лебедя* [СРНГ 9: 73; ст. **Жаравль**], *пролетучий да ясный сокол* [СРНГ 32: 172]. Записи Барсова дают также намёк на возможность эпитета *скакучий*: *Аль сорока эта птица поскакучая, Аль вороница она да полетучая* (см. [СРНГ 5: 115], ст. **Вороница**).

Запрестить, тiшь... Запретить... *Теперь русалок мало: их запрестили*. Смол... [СРНГ 10: 354]; **Запростить**, iшь... Запретить. *Таперь русалок мало: их запростили*. Смол., 1914 [СРНГ 10: 360].

Ровно тот же иллюстрирующий контекст (правда, с заменой в первом случае диалектной формы *таперь* на литературную *теперь*) заставляет думать, что одна из цитированных статей (опирающихся, как нетрудно понять, на материалы В. Н. Добровольского) порождает заголовочную фикцию. Предполагаю, что вторая. Кроме того, небольшой оговорки требуют приведённые парадигматические

финали *-тішь* и *-ішь*. Если демонстрация «голой» флексии *-ішь* должна свидетельствовать о сохранности глагольной основы целиком (^п*запротішь*), то представление сегмента с конечным консонантом основы (*-тішь*) двусмысленно: это может указывать как на неизменность основы (*запрестішь*), так и на внутриосновное «чередование» *-ст-* с *-т-* (*запретішь*). Неаккуратность препарирования диалектного материала, таким образом, присутствует в обеих статьях.

Каковій ... ◇ **Каковá** **немера**. В случае, на случай. *Позови его ко мне, а какова немера он не пойдет, то скажи ему, что плохо ему будет. Я объявляю вам для того, что какова немера будет какое несчастье, то чтобы я не был в ответе.* Обоян. Курск., Машкин. ... [СРНГ 12: 330].

Имеется в виду не заголовочное слово, а существительное **немер* в составе включённого в статью фразеологизма. Отдельной статьи на слово **немер* в СРНГ нет, что само по себе говорит о сбое в рецепции картотечного материала. Предполагаю, что мы сталкиваемся с погрешностью в зрительном анализе записи широкораспространённого слова *чемер*, *чомор*... (праслав. **šemerъ* / **šemera*), которое развило значение ‘нечистая сила’ (с дальнейшим употреблением в качестве брани) из первоначального ‘ядовитое растение, дурман’ (ср. *чемерица*) через ‘головная боль, угар’, ‘(та или иная) болезнь’ (подробнее см.: [ЭССЯ 4: 52–53], с подробной описью источников, русская часть которых может быть значительно расширена, например, Смоленским словарём Добровольского, словарём говоров Коми-Пермяцкого округа, словарём говоров Мордовии и др.). Толкование выражения, данное в СРНГ, может быть уточнено: ‘если; по какой-то причине’ — ср. *какого-то чёрта, за каким-то бесом*.

Корóсадия и **коросáтия**, и, ж. Насест в курятнике. Трубч. Брян., 1957 [СРНГ 14: 365].

Первая из этих форм по сопоставлению с зап.-брян. *курóсадня* ‘насест’ (*Куры уже сели на куросадню*), *курóсадне*, *курóсанне* ‘место для ночевки кур’, смол. *куросодня* ‘курятник; насест’ [СРНГ 16: 140, 141; Расторгуев: 145], белорус. *курóсадня*, *курóсан(ь)не*, *курóсання*, *курóсанье*, *курóсань* ‘седала’ (*На куросані куры сядзяць*) [СПЗБ 2: 583; Яўневiч 1960: 32; Шаталава 1975: 91; Шаталава 1976: 179] легко объясняется чтением *н* как *и*. (Заслуживает некоторого внимания фонетика начального слога. Сдвиг подъёма гласного от верхнего к среднему [у → о] или, иначе, известное ослабление его лабиализованности могут быть вызваны предшествованием слогу с ударным лабиализованным гласным [ó] (в функции соединительного морфа). При этом этимологическая прочитываемость слова не теряется, фонемный статус гласного аллофона в его корне сохраняется, но возникает любопытный для акающего говора эффект: фактический [о] в безударной позиции.)

Вторая форма, *коросáтия*, явно патологична.

Ктихáрь, я, м. Рубаха с воротником из оленьего меха. Енис., 1865 [СРНГ 15: 374].

В истоках — слово *стихарь* («обмирщение» церковной лексики вещь нередкая). Но имеем мы дело с превратным чтением полевой записи или преобразованием лексемы, скажем, из-за ложноэтимологического стяжения с именованьем церковного старосты *ктитор*, не ясно.

Кужугма, *ы, жс.* [удар.?]. Брань, ссора. Влад., 1870 [СРНГ 16: 23].

Крайняя затемнённость этимологических и деривационных связей наличного «слова» подводит к предположению о неверном чтении записи *кутерма*. Ср. *кутерма́, кутерьма́* «о драке» (курск., яросл., тобол.), «о ссоре» (самар., калуж., яросл., тобол.) [СРНГ 16: 169]. Строчная рукописная *т* спутана с *жс* (ср. выявленные предыдущими публикациями фантомные формы *недостижки, омеж, панкрусство* на месте *недостатки, омёт, банкротство*), *е* (видимо, со слишком узкой петелькой) и начальный штрих литеры *р* прочитаны как *у*, а правый «остаток» *р* принят за *г*.

Кукишна, *ы, жс.* [удар.?]. «Кукишнами называются связки рябиновых кистей, употребляемых в пищу...» Сольвычег. Волог., Иваницкий, 1890 [СРНГ 16: 35].

Предшествующие в СРНГ статьи **2. Кукйшка** и **1. Кукйшечка**, которые дают значения ‘пучок льна, приготовленный для прядения’, ‘шесть горстей чёсаного льна’, ‘женская причёска: собранные жгутом на затылке ... волосы’, объединяемые семантическим моментом ‘пучок, связка’ (см. ещё [Словарь Карелии 3: 54]), а также **3. Кукйшка** с формой множественного числа *кукйшки* ‘растение *Leucanthemum vulgare* Lam., сем. сложноцветных; нивяник обыкновенный’ (употребляемое в народной медицине) — с отсылкой к тем же «Материалам по этнографии Вологодской губернии» Н. А. Иваницкого, могут толкать к предположению, что за литерой *н* в заголовке стоит оплошно прочитанная буква *к* в оригинальной записи. Суффикс *-н(а) (-н(я))* (< *-*ьп(а)*) в наименованиях всякого рода связок, по-видимому, редок.

2. Кулйкать... Понимать, брать в толк. Хакас. Краснояр. 1967 [СРНГ 16: 67].

Выделенное в самостоятельную словарную позицию, слово с единичной в СРНГ регистрацией не соотносится с 13 значениями предыдущей вокабулы-«омонима» (‘выпивать, пьянствовать’, ‘идти шатаясь’, ‘шататься без дела’, ‘плутать’, ‘горевать, печалиться’ и др.) и, скорее всего, представляет собою результат смешения рукописных начертаний *ме* и *ли*, то есть — *кумёкать*. Последнее в СРНГ не включено, по-видимому, расцениваясь как не диалектное, а общераспространённое просторечное. В верности предлагаемой поправки убеждает регистрация, также единичная, приставочной формы *докумёкать* ‘додуматься, догадаться’, сделанная там же и тогда же («Хакас. Краснояр. 1967» — [СРНГ 8: 101]).

Кулопа, *ы, жс.* 1. Середина паруса, сильно надутая ветром. Петрозав. Олон., 1899. 2. О чем-либо плохо, неровно сшитом. Олон., 1899 [СРНГ 16: 69] и **Кульпа**, *ы, жс.* 1. Середина паруса, сильно надутая ветром. Петрозав. Олон., 1899. 2. То же, что кулопа (во 2-м знач.). Петрозав. Олон., 1899 [Там же: 75].

М. Фасмер [Фасмер II: 412], пользовавшийся тем же источником, что, в конечном счёте, и составители СРНГ, — [Куликовский 1899: 348], привёл обе эти формы (отклонив подозрения в заимствовании из финно-угорских языков и под некоторым сомнением соединив их с *кульпáть* ‘хромать’), но никак не прокомментировал их фонетико-графические различия. Вероятно, они показались ему малозначительными. Нельзя полностью исключить, что расхождения вызваны самим собирателем в результате неточного прочтения собственных записей. Регистрация слов петрозав. *кульпина* (без ударения) «то же, что *кúлопа* (в 1-м и 2-м знач.)» ([СРНГ], из того же источника) и кондопож. *кúльпа* ‘приспособление в неводе, куда заходит рыба’ [Словарь Карелии 3: 56] наводит на осторожное соображение о вторичности графической формы с *-о-*. Смешение рукописных литер *ь* и *о* встречается не раз, ср. примеры в моих предыдущих публикациях: *горокуха* вместо *горькуха* или — обратные случаи — *котьма*, *котьсать*, *польдра* вместо *котама*, *котосать*, *пол(-)одра* соответственно [Журавлёв 1995–2014, 2; 7].

Кулотеш, а, м. [удар.?). Уродливый палец. Терск., 1907 [СРНГ 16: 69].

Ср. с предыдущим случаем: в заголовочном слове скорее всего отразилось прочтение небрежного рукописного знака *ь* как *о*. Ср. моздок. терск. *культёш*, а, м. ‘человек без пальцев на руке или ноге’ (1900) [СРНГ 16: 75] — суффиксальное продолжение основы [кул’т’]- — *культя́*, ср. *культепá*, *культя́пый*, *культя́к*, *культя́шка*, с твёрдостью образующих сочетание плавного и взрывного, — *култы́ш*, *култы́шка*, *култы́га*, *култы́кать* и др., в значениях ‘беспалый’, ‘хромой или кривоногий’, ‘неловкий, неумелый’, ‘рука или нога без пальцев’, ‘искалеченная рука или нога’, ‘беспалый человек’, ‘хромой человек’, ‘толстый человек маленького роста’, ‘хромать, ковылять’ и проч., в том числе отдаляющиеся формы *кульга*, *кульпа*, *кулынка* с производными [СРНГ 16: 70–76].

1. Кулúкать... 3. ... Делать что-либо небрежно, кое-как. Иркут., 1969 [СРНГ 16: 76]; **Кумока**, и, ж. [удар.?). ~ **Кумоку трясти**. Заниматься пустяками, бездельничать. Енис., 1865. Сиб. [СРНГ 16: 85].

Зная о неоднократных смешениях в чтении рукописных текстов буквенных сочетаний *лю* и *мо* (вроде *мотая* вместо *лютая*, *гамока* вместо *галюка* — [Страхов 2004: 260; Журавлёв 1995–2014, 1]), я нахожу возможным «на всякий случай» отметить эту пару, сближенную по причинам семантической и ареальной близости фактов.

Кúчингать и **кучúнгать**... *несов.*, *перех.* и *неперех.* Щекотать. ... Лодейноп. Ленингр., 1924... Пудож. КАССР, 1970 [СРНГ 16: 190].

В текстуальных окрестностях [16: 190–196] размещены статьи **Кúчетать**, **Кучúтать**, **Кучутáть** и **Кúшитать**, которые трактуют глаголы с теми же грамматическими показателями и тем же значением, записанные в Архангельской и Олонецкой губерниях в 1850–1890-х гг. Дополнительная справка в Словаре русских говоров Карелии (*кúчатать* ‘раздражать своим прикосновением, кусать (о вещи)’, ‘щекотать’, *кúчатка* ‘щекотка’, *кúчатно* ‘щекотно’, *кúчитать* ‘щекотать’, также

к^ук^ут^ать то же — [Словарь Карелии 3: 79–81]) окончательно подтверждает догадку о прочтении трёхштриховой рукописной литеры **т** составителем комментируемой статьи в сводном лексиконе как сочетания букв **нг**. Подобный lapsus legendi мною уже приводился: мнимое слово *лихонга* (← *лихота*).

Лемехи́, *мн.* Коровий навоз. Балаш. Саратов, 1954 [СРНГ 16: 348].

Ввиду форм *лѣпех* (*мн.* *лепехи́*) ‘высушенный кусок навоза’ (без географии, со ссылкой на Фасмера), ряз. *лепѣха* ‘круглый плоский комок грязи, коровьего помёта и т. д.’, вят., петерб. *лепѣшка* ‘плоский ком грязи’, тамб., моск. *лепеши́*, *мн.* (ср. в пословице: *Не спеши в лепеши ≈ Тише едешь, дальше будешь*) [СРНГ 16: 362–363] допустимо предположить ошибочное чтение **м** на месте **п** (ср. обратную путаницу в *-паракать* вместо *-маракать* — [Журавлёв 1995–2014, 4]).

Малазѣя, *и, ж.* Устар. Принадлежавший земской управе большой амбар для хранения зерна и других продуктов <...> Соликам. Перм., 1895 [СРНГ 17: 317].

В иллюстрирующем тексте слово, являющееся искажением общеизвестного *магазея*, прозвучало троекратно. Есть ли аргументы в пользу диалектной (или идиолектной) фонетической мены [г] → [л]? Если это результат этимологической аттракции, — тогда с чем?

Машковáть ... Охотиться, ловить (о лисе). *Лисица машковала зайцев*. Тетюш. Казан., 1954 [СРНГ 18: 59].

Исправление этой же ошибки — уже у Даля: «**Мышковáть**, пускаться на добычу мышей. *Лиса по ночам мышкует*. (Акд. слов. ошибч. *машковать*)» [Даль, II: 367]. Смешение рукописных **ы** и **а** уже отмечалось, ср. *закуша* вместо *зыкуша* [Журавлёв 1995–2014, 1]. Пример *машковать* ‘охотиться’ (и на зайцев тоже) интересен, кроме приобретения переходности, расширением значения, не считающимся с прозрачной внутренней формой слова, ср. хрестоматийные образцы *красные чернила*, *стрелять из пушки*. Но может быть, дело именно в деэтимологизованности, и заголовочный глагол «испорчен» ещё до регистрации и словарного воспроизведения, а они сами по себе пунктуальны?

Мезонѣт, *а, м.* Мезонин. Тотем. Волог., 1902 [СРНГ 18: 94].

Вглядеться в начертание слова при явной формальной связанности толкования и толкуемого составителю статьи не составило бы ни малейшего труда. Значит, имелись причины для создания статьи именно в предложенном виде. И всё же усмотрение подмены при чтении рукописного буквенного сочетания **ин** сочетанием **ет** напрашивается.

Молóх, *а, м.* ~ **Молóхи играют**. Молнии сверкают. Онеж. Арх., 1901 [СРНГ 18: 242].

А. Б. Страхов в заголовочном слове видит контаминацию слов *мóлоньи* ‘молнии’ и *сполóхи*, чаще ‘северное сияние’, реже ‘зарница’ [Страхов 2008: 226] (разделяю

его сомнения в правильности лексикографического решения поместить в заголовок статьи «восстановленную» сингулярную форму **молох*). Однако контаминативное происхождение слова, как мне представляется, уступает в вероятности просто ошибочному чтению рукописного *м/М* на месте *сн/Сн* (сходным образом уменьшенная в начертании буква *с* была воспринята как начальный штрих буквы *м*, что породило фантомную форму *домонально* на месте *досконально*, см. [Журавлёв 1995–2014, 1]). Совсем мелочь: мне всегда хотелось понять приёмы анализа, которые разрешают определить род существительного, если оно известно в записях только в не поддающейся диагнозу форме множественного числа.

Мошлы, *мн.* [удар.?]. Кладбище. Мокш. Пенз., 1899 [СРНГ 18: 324].

Опознать в записи слово *могилы* оказалось задачей из непосильных. «Инверсионный индекс» [: 363] старательно укрепил ошибку.

Мушлы, *мн.* [удар.?]. Губы; щеки. Новооск., Курск., 1852 [СРНГ 19: 46].

Искажённое в чтении *мусалы*, видимо, из-за незамкнутости овала в рукописной букве *а*. Ср. южнорусск. *мусáла*, *мусáлы* ‘скулы’, ‘щёки и рот’, ‘челюсти’ [СРНГ 18: 362]. «Инверсионный индекс» [: 363] и здесь усерден.

(**Немер*). См. **Каковбй**.

Нóшалок, *лка, м.* Большой палец рукавицы. Онеж. КАССР, 1933 [СРНГ 21: 306].

Очевидное *напалок*: рукописная буква *а* зрительно была расчленена, и правый её штрих в восприятии читателя (составителя статьи) прислонился к следующей литере. Ср. многочисленные севернорусские регистрации *напáлок*, *напáлочек* ‘большой палец рукавицы, варежки’, ‘палец перчатки’ [СРНГ 20: 61–62]. Сомнительна подударность префикса: из отыменных образований со структурой «*на-* + R + *-ькь*» с напрефиксным ударением мне известны только два — пск., твер. *на́ледок* ‘гололёд, гололедица’, ‘замёрзшая сверху льда вода’ и донск. *на́варок* ‘тёплое помещение для овец’ (к юж.-русск. *вар*, *варóк* ‘хлев’), преобладает накорневое ударение; впрочем, среди отглагольных таких тоже мало: пск., твер. *на́плавок* ‘поплавок’ и олон. *на́пловок* ‘«крыло узкой лодки»’ (1885–1898), см. [СРНГ 19: 152; 20: 11, 77, 80].

Окóсовыще [?], *а, ср.* Рукоятка косы, косовище. Осташк. Твер., Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 23: 157].

Производное от *окóсовье* [там же]. Более чем вероятно неверное прочтение записи *окосовыще*. См. **Деревыще** (выше).

Помарáть, *несов.* Никнуть, склоняться к земле. <...> [СРНГ 29: 198].

Пунктуальность требует указать опечатку. И местом в алфавитном порядке (после *помарьяжить*), и текстуальной иллюстрацией (*Помаряет просо совсем*)

диктуется заголовочное написание *помаря́ть*. В Инверсионном индексе дана точная форма. Этимологически, видимо, к *ма́рить* [СРНГ 17: 373].

Потясу́чий [СРНГ 30: 330], в составе фразеологизма *кобель потясучий*.

Ранее я с уверенностью увидел в этой форме графически испорченное **потягучий*, ср. *потягу́ха* ‘развратница’. Усмотренная в прилагательном семантика ‘похотливый’ могла быть поддержана примерами с тем же корнем арх. *тяга́ться* ‘находиться в любовной связи, сожительствовать’, пск. *тягу́ха, тягу́шка* о женщине лёгкого поведения [СРНГ 46: 62, 71, 72]. Но в сочетании с существительным *кобель* оно могло быть мотивировано ещё по меньшей мере тремя смысловыми моделями (следующие примеры — из [СРНГ 46: 60–72] — как ‘вороватый’ (ср. подпорож. Ленингр. *тяга́ть* ‘воровать, красть’, дон. *тягло* ‘вор’, *тягу́чий* ‘склонный к воровству’ и проч.), ‘сварливый, брехучий’ (ср. *тягу́ша* ‘задира, сварливый спорщик, сутяга’, Даль) и, с меньшей вероятностью, ‘выносливый’ (ср. в разных диалектах прилагательные *тяглый, тягуцо́й* ‘выносливый, крепкий’; ввиду возможного отнесения последних к псу ср. далее *заживёт как на собаке*, а с другой стороны — колым. *тяглая собака* ‘ездовая собака, которая хорошо везёт, тянет’, СРНГ 39: 138). Теперь в надёжности собственной реконструкции *потясучий* ← **потягучий* я довольно сильно усомнился. Причиной тому — выражение *кобель потрясу́чий*, услышанное Львом Толстым в простонародной речи (в записных книжках: *Из потрясучего кобеля не идёт*) и использованное в драме «Власть тьмы» («Анисья. Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. *Кобель потрясу́чий*, право»), а в дальнейшем встречающееся в переписке Н. Лескова с почитавшимся им Толстым (этим выражением Лесков аттестовал юдофоба Буренина). Семантика прилагательного *потрясу́чий* в инвективном фразеологизме размыта. Остаётся гадать: зарегистрированное в СРНГ *потясу́чий* отражает фонетику источника или содержит lapsus scribendi (пропуск буквы *p*)? И не являлись ли одним из источников «Слов. карт. ИРЯЗ» опубликованные толстовские записи просторечных и диалектных выражений, а то и его художественные произведения, в частности драматургия?

Приблѝзниться... Померещиться, показаться; привидеться. *Приблизнилось мне ночью, что кто-ко к нам стучит в окно*. Руднян. Смол., 1980 [СРНГ 31: 115].

Ср. *приблѝзниться* в статье на предыдущей странице выпуска и беспрефиксные формы несовершенного вида в [СРНГ 2: 314]. Ложноэтимологическое смешение гнёзд *близ-* и *блѝз(н)-*, впрочем, не исключается.

Промжѝга, м. Проныра, пройдоха. Братск. Иркут., 1957 [СРНГ 32: 185].

Несомненное **прожжѝга* (не *прѝжига!*): чтение с *м* оплошно. Кроме литературного *прожжѝнный* ‘опытный, ловкий, ушлый, отъявленный’, ср. диалектные названия смышлёного, пронырливого, хитрого — *прожжѝнный, прожжѝнистый* и плута, прохвоста — *прѝжѝга, прожжѝгало, прожжѝганка* [СРНГ 32: 134–135]. Реконструируемое **прожжѝга*, возникшее, скорее прочего, путём «усилительной» геминации [ж] в *прожѝга*, оборачивается едва ли не уникальным феноменом

«сдвинутого» наложения двух апофонических вариантов одного и того же корня *žeg-, которое условно можно изобразить в виде *(žb[ž]ig)- и которое могло случиться при переоценке ономастем сегмента -ig- как суффиксальной морфемы (ср. диал. *живига*, *кострига*, *шишига*, из характерологических именовании — *плутига* ‘плут’, *молодчига* ‘бравый человек, молодец’, *задерига* ‘драчун’).

Прóтерть, ж. Иголка со сломанным ушком. Бурнашев. Обоян. Курск., Венев. Тул., 1858. Дон. [СРНГ 32: 266].

В сводном словаре регистрируется более десятка формально сходных между собою названий иглы со сломанным ушком, которые пересекаются с названиями иглы по иным признакам (назначению, способу применения). Эта лексика разъедается этимологической эрозией; наблюдается конкуренция нескольких для носителя диалекта возможностей их гнездовой идентификации. Имеет смысл привести, без переадресовок к источникам, все эти названия в алфавитном порядке (удержав, однако, одно из них для следующей заметки): *продéрга* ‘деревянная или костяная игла для обшивания бересты’, *прóдержь* ‘игла без ушка, с протертым ниткою, продерганным ушком’, ‘вдевальная игла’, *продержнáя игла* ‘употребляемая для протержки [продевания. — А. Ж.]’, *прóтарг* ‘булавка, иглолка или вообще что-л. острое, даваемое собаке с пищей (хлебом, мясом) с целью отравить ее’, *прóтарь* то же, *прóтиж* ‘иглолка со сломанным ушком’, *прóтир* то же, *прóтишь* то же, *прóторг* (и *проторг*, без ударения) ‘игла с прорванным или отломанным ушком’ (*Проторгом ничего не сошьешь*), *прóторжь* то же, *прóтош* (муж.) то же, *прóтошь* (жен.) то же, *протягáльная игла* ‘большая тупая игла (для обивки мебели, стежки тюфяков и т. п.)’, *протяжнáя игла* то же, *прóтяжь* то же и ‘игла с прорванным или отломанным ушком’. Если исключить сомнительное, видимо, испорченное *прóтир* (этот апофонический вариант корня *ter-/*tyr- в известных мне бессуффиксных именных образованиях реализуется только под ударением: *подти́р*, *расти́р*, *прити́р*, см.: [Инверсионный индекс: 336; Зализняк: 534]), то заголовочная форма *протерть* провисает в одиночестве, какие бы словообразовательные и этимологические отождествления для остальных слов ни были предпочтены (что совсем не значит, будто реконструкция *pró-tyr-ty невозможна). Имея в виду заметные, при всей их вторичности, взаимные притяжения между перечисленными словами, я склонен думать, что вторая *т* в обсуждаемой вокабуле — результат неверного чтения (скорее всего буквы *ж*).

Протиря́х, м. Иголка со сломанным ушком. Дон., 1929 [СРНГ 32: 270].

После сказанного в предшествующей заметке данную статью СРНГ можно квалифицировать только как анекдотическую.

Пулём, м. Ловушка на зайцев. *Пулемы на зайцев из деревьев делают*. Сев. Урал, 1955–1958. Урал [СРНГ 33: 121].

Ввиду единичности случая на фоне многочисленности регистраций в широком севернорусско-сибирском пространстве форм *кулёма*, *ы*, *ж*. (*кулема́*, *ы́*, *ж́*.) и *кулём*, *а*, *м*. ‘ловушка ... из жердей или брёвен’ разумно предположить неверное прочтение

рукописной литеры *к/К* (→ *п/П*). Кроме того, повод лишний раз отметить неприемлемость упрощения графики (*е* вместо *ё*) в текстуальных иллюстрациях.

Пуцтосвёт, м. Пустоцвет. *У тебя игурцы пуцтосвет*. Кож. Том., 1986 [СРНГ 33: 166].

Мена местами глухих сибиллянта и свистящей аффрикаты. Наиболее вероятный её источник — элементарная описка собирателя (но не опечатка при наборе: статья находится на своём алфавитном месте). С меньшим вероятием можно предположить метатезу в речи информанта. В любом случае вряд ли это следовало расценивать как устойчивое явление в говоре, которое привело к появлению нового слова и которому следовало уделять внимание в сводном диалектном лексиконе. Сама диалектологическая запись сделана, по-видимому, ради регистрации формы *игурцы*, соседство слова *пустоцвет* с которой и могло автоматически подтолкнуть регистратора к графической метатезе.

Пушга, жс. Живот, брюхо. Слобод. Вят., 1881 [СРНГ 33: 172].

Сомнительно прежде всего фонетически — из-за невозможности сочетания глухого фрикативного со звонким взрывным: ^{??}[шг]. Если же информантом было произнесено [жг], каковы причины «восстановления» собирателем фонемы /ш/? Ср., однако, *пушка* орл. вят. ‘толстый живот, брюхо’ (1890), урал. ‘толстый, тучный человек’ (1967) [СРНГ 33: 174].

Раздабúшка, жс. Прозвище высокой женщины. Дмитров. Орл., 1898 [СРНГ 33: 320]. **Раздобúтка, жс.** Прозвище высокой женщины. Дмитров. Орл., 1898 [СРНГ 33: 328].

Авторы у статей разные. Полное тождество послезаголовочной информации в них заставляет подозревать, что авторы имели дело с одними и теми же картотечными показаниями и что по крайней мере одна из вокабул является результатом погрешности чтения. Сравнительная редкость суффикса *-úт-* может быть некоторым аргументом в пользу правильности первой формы, тем более что при близком рассмотрении некоторые помещённые в СРНГ слова с исходом *-утка* оказались фантомными — оснащёнными суффиксом *-ушк-* (*луку́тка* ← *луку́шка* ‘лука’, фолькл. *разлу́кутка* ← *разлу́кушка*, см. в статье «9.» настоящего цикла). Но неясность морфемного членения (*раз-^{??}даб-ушк-а*, *раз-доб-ут-к-а*, *раз-до-^{??}бут-к-а* и т. д.) делает выявление ошибки трудноразрешимым. Долговязость у особ женского пола, в отличие от общей дородности (*дебелости*, «*добротности*»), в народной эстетике не расценивается как достоинство, прозвища по этому признаку обычно обидные, поэтому поиск корня *-доб-* не слишком надёжен. Указав на совпадения геср. различного чтения, я, пожалуй, не отважусь на догадки о причинах последних.

Раскра́стывать... Освобождать от плода (о беременной). *Она все ходила по полям, раньше так называли, ходила раскрастывать* (беременных). Галич. Костром., 1975.

Существование глагола *распрáстыывать* «вост. кого, гов. о роженице: *Бог распростал*, Бог прóстил её, она родилá, разрешилась ребёнком», -ся ‘родить, разрешиться от бремени’ [Даль, IV: 70] может зародить сомнения в правильности прочтения диалектной записи, однако при отсутствии или притуплении у носителя диалекта ощущения этимологических связей слова фонемные замены /п/ ↔ /к/ видятся вполне возможными, ср. пск. *костомáрка* ‘почтовая марка’ (данные К. Иеропольского по Холмскому уезду, 1910, 1916) [Псковский словарь 15: 332; СРНГ 15: 78], *ксень* : волог. *псень* ‘печень (животных и рыб)’ [15: 373; 33: 98] и под.

Раюма́к, м. Здоровенный, буйный, сильный парень. *Выйдут на улицу парни, дерутся такие раюмаки. А кто о них скажет: „Ну и жеребцы!“*. Р. Урал, 1976 [СРНГ 34: 352].

Без всякого сомнения, за фантомной вокабулой стоит реальное бранное (с широким спектром значений) *росомак* или, даже вероятнее, *росомака*. Ср. перм. *росома́га* 2. свердл., вост.-казахст. ‘неряшливая женщина’, ‘неаккуратный человек, неряха’, курган. ~ *Шага, да вага, третья росомага* (поговорка) «о большом количестве гостей»; *росомаха* 1. ‘неаккуратная нечистоплотная женщина, неряха; растрёпа’ (с обширной географией, включая Урал), 2. ‘медлительный, нерасторопный, неловкий человек; разиня, растяпа’, ‘неумелый, трудно постигающий дело человек’, 4. ‘женщина лёгкого поведения’ и др. [СРНГ 35: 188]. Ср. найденное А. Е. Аникиным смещение сочетания букв *со* с буквой *ю* в *бурман* «неприятель; забияка» [СРНГ 3: 333] — искажении реального *бусорман*.

Рóжа <...> ◇ Бесстведная рóжа. Бранное выражение. *Ой ты бесстведная рожка: когда еще обещался принести-то, а и до сих пор не сдержал свое слово*. Кадн. Волог., 1854 [СРНГ 35: 146].

Прилагательное в подчёркнутом выражении — *бесстыдная*; почерк эксплоратора, по-видимому, характеризуется наличием паразитических петель. Доводом в предлагаемом прочтении бы ненахождение в оригинальной записи орфографически оправдываемого «ятя» (*-*věd*-).

2. **Рóтник**, м. [Знач.?). *Жених.. в шапке пливовой, .. в зипуне, .. опоясан красным кушаком, .. в ротнике иголка, чтобы не повредил лихой человек*. Моршан. Тамб., Стандровский [СРНГ 35: 205].

Нагнетание в иллюстрации подробностей экипировки «жениха» подводит к догадке, что заголовочное, с нераспознанным значением, слово *ротник* есть на самом деле аллегорическая форма обыкновенного *воротник* в предложном падеже с предложением *в*, слившимся с начальным согласным существительного: [в’рѣт(’)н’ик’ѣ] или [в’ртн’ик’ѣ]. (Об апотропеическом втыкании иглы в одежду см.: [Славянские древности 2: 371].) Оригинальный текст, легко понять, не акцентуирован, и ударение проставлено лексикографом по собственному усмотрению. В результате родился ещё один словарный фантом.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 (перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы.

1. СРНГ, А—З // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.] М. : Индрик, 1995. С. 183–193;

2. СРНГ, И—К // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. I. М. : Индрик, 1998. С. 93–104;

3. СРНГ, Л—М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб. : Фолио-Пресс, 2000. С. 265–282;

4. СРНГ, Н—О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М. : Институт славяноведения РАН, 2001. С. 265–281;

5. СРНГ, О—П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 382–389;

6. Словарь русских народных говоров, П // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2001. С. 172–178;

7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М. : Институт славяноведения РАН, 2002. С. 120–131;

8. СРНГ, П // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 168–187.

9. СРНГ, Р // *Palaeoslavica*. XX / 2012. No. 1. P. 261–276.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.

Куликовский Г. И. Несколько слов к «Словарю областного Олонецкого наречия» // Этнографическое обозрение, XL–XLI (1899). С. 346–351.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003. [Пагинация — по электронной версии Н. Ерохина.]

Псковский областной словарь с историческими данными. 1–. Л., 1967–.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 1–5. М., 1999–2012.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1–6. СПб., 1994–2005.

Словарь говоров Русского Севера. Т. I–. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2001–.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.

Страхов А. Б. По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica*. XII / 2004, No 1. С. 254–324.

Страхов А. Б. По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения): дополнения // *Palaeoslavica*. Vol. XVI / 2008, № 1. С. 218–275.

Фасмер М. . Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М. : Прогресс, 1964–1973.

Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.

Шаталава Л. Ф. . У дыялектны слоўнік // Народнае слова. Мінск, 1976. С. 175–184.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М. : Наука, 1974–.

Яўневіч М. . 3 лексікі вёскі Кліны // Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960. С. 7–64.

Anatolij F. Zhuravlev

The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

afzhuravlev@yandex.ru

LEXICOGRAPHIC PHANTOMS. 10. SRNG, B — II

“Lexicographic phantoms” — vocabulary entries, owing their existence to the wrong reading of the manuscript fixations of dialectal texts and separate words — are not uncommon in dialectal dictionaries of the Russian language. The present work has for an object the elucidation of such cases in a composite “Dictionary of Russian dialects”.

Key words: Russian dialects, dialects, lexis, dictionary, vocabulary entry, phantom, letter, incorrect reading.

References

Dal’ V.I. . *Tolkovyj slovar’ zhivogo velikoruskogo iazyka*. Т. I–IV [Explanatory dictionary of living great Russian language. Vol. I–IV]. Moscow, 1955–1956 (based on original 2nd edition published in St. Petersburg; Moscow, 1880–1882).

Dobovol’skij V.N. *Smolenskij oblastnoj slovar’*. [Smolensk regional dictionary]. Smolensk, 1914.

Etimologičeskij slovar’ slavjanskikh iazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Вып. 1– [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical stock. Issue 1–]. Moscow, Nauka Publ., 1974–

Fasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka. T. I–IV* [Etymological dictionary of Russian language. Volumes I–IV]. Moscow, Progress Publ. 1964–1973.

Invercionnyi indeks k Slovariu russkikh narodnykh govorov [Reverse Index to the Dictionary of Russian Dialects]. Compilers F.P. Sorokoletov, R. V. Odekov. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000, 570 p.

Kulikovskij G. I. Neskol'ko slov k «Slovarju oblastnogo Oloneckogo narechija 1899 [A few words to the Dictionary of the regional dialect of Olonets]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, XL–XLI, 1899

Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skih (jaickih) kazakov* [Dictionary of the dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Vol. 1–4. Orenburg, 2002–2003.

Pskovskij oblastnoj slovar' s istoričeskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. 1–. L., 1967–.

Rastorguev P. A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoj Brjanshhiny (Materialy dlja istorii slovarnogo sostava govorov)* [Dictionary of dialects of the West of Bryansk region. Materials for the history of vocabulary]. Minsk, 1973.

Shatalava L. F. *Belaruskae dyjalektnae slova* [Belarusian dialect word]. Minsk, 1975.

Shatalava L. F. U dyjalektny složnik [For dialect dictionary]. *Narodnae slova*. Minsk, 1976. Pp. 175–184

Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1–5. Moscow, 1999–2012.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei. Vyp. 1–6 [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas. Issues 1–6]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1994–2005.

Slovar' govorov Russkogo Severa. T. I– [Dictionary of dialects of the Russian North. Volume I–]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2001–.

SPZB: *Složnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha* [Dictionary Belarusian dialects of the North-West of Belarus and its Borderlands]. 1–5. Minsk, 1979–1986.

SRNG: *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Issues 1, 2. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965–1966. Issue 3–. Leningrad (St. Petersburg), Nauka Publ., 1968–.

Strakhov A. B. [According to pages of the Slovar' russkikh narodnykh govorov (comments, corrections, considerations): addition. *Palaeoslavica. XII, 2008, no. 1.* p. 254–324.

Strahov A. B. Po stranicam Slovarya russkikh narodnykh govorov (zamečaniya, pravki, soobrazheniya): dopolneniya [According to pages of the Slovar' russkikh narodnykh govorov (comments, corrections, considerations): addition]. *Palaeoslavica. XVI, 2008, No. 1.* P. 218–275.

Zaliznjak A. A. *Grammatičeskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian Language. Inflexicon]. Moscow, 1977

Zhuravlev A. F. *Leksikograficheskie fantomy* [Lexicographic phantoms].

SRNG, A—3. *Dialectologia slavica. Sbornik k 85-letiju Samuila Borisoviča Bernštejna. (Issledovaniya po slavianskoj dialektologii. 4)* [Dialectologia slavica. To the

85 anniversary of Samuil Borisovich Bernstein. (Studies in Slavic dialectology. 4)]. Moscow: Indrik Publ., 1995. P. 183–193;

SRNG, И—К. *Slovo i kul'tura. Pamyati Nikity Il'icha Tolstogo* [Word and culture. Nikita Il'ich Tolstoj's memories]. I. Moscow: Indrik Publ., 1998. P. 93–104;

SRNG, Л—М. *Slovo vo vremeni i prostranstve (K 60-letiyu professora V. M. Mokienko)* [The word in time and space (To the 60 anniversary of professor V. M. Mokienko)]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 2000. P. 265–282;

SRNG, Н—О. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 7. Slavyanskaya dialekt-naya leksika i lingvogeografiya*. [Studies in Slavic dialectology. 7. Slavic dialectal vocabulary and linguogeography]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 265–281;

SRNG, О—П. *Avanesovskij sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR R. I. Avanesova*. [To the 100 anniversary of corresponding member of the USSR Academy of Sciences R. I. Avanesov]. Moscow: Nauka Publ., 2002. P. 382–389;

Slovar' russkih narodnyh govorov, П. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 20. Gumanitarnye nauki. 4. Istoriya, filologiya, iskusstvovedenie*. [Transactions of the Ural State University. 20. Humanities. 4. History, Philology, Art History]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2001. P. 172–178;

SRNG, П. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 8. Vostochnoslavyanskaya dialektologiya, lingvogeografiya i slavyanskij kontekst* [Studies in Slavic dialectology. 8. East Slavic dialectology, linguogeography and Slavic context]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2002. P. 120–131;

SRNG, П. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. III. Dialektologiya* [Transactions of the Vinogradov Russian Language Institute. III. Dialectology]. Moscow: 2014. P. 168–187.

Yaunevich M. Z leksiki vjoski Kliny. *Matjeryjaly dlja složnika narodna-dyjalektnaj movy*. Minsk, 1960. P. 7–64.

Е. В. Колесникова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
el.kolesnikova@bk.ru

СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КРАСНЫЙ* В РУССКИХ ГОВОРАХ*

Предметом исследования стали особенности семантики прилагательного *красный* в говорах. На обширном материале электронной базы данных «Архангельского областного словаря» проводится сопоставление семантических особенностей данного прилагательного в диалектном и литературном языке. Исследование показывает, что в диалекте сохраняется много архаических значений, бытовавших в древнерусском языке, кроме того, в говоре представлено гораздо больше значений прилагательного, чем в литературном языке. Прилагательные *белый* и *красный* в говорах выступают потенциальными синонимами, а *белый* и *черный*, напротив, вступают в гораздо большее число антонимических оппозиций по сравнению с литературным языком.

Ключевые слова: общерусское слово, диалектная семантика, архангельские говоры.

Имена со значением цветообозначения получили достаточное освещение в научной литературе. По свидетельству ученых, данная группа слов прошла значительную семантическую эволюцию, сравниться с ней могут лишь глаголы движения и термины родства [Бородина, Гак 1979; Фрумкина 1984; Тер-Минасова 2000 и др.]

Значительное количество работ посвящено изучению прилагательного *красный* с различных позиций лингвистической науки [Бахилина 1975, Алимпиева 1986, Кожевникова 2001, Фрумкина 1984 и др.]. Повышенный интерес лингвистов именно к данному имени цвета обусловлен древностью происхождения лексемы, активностью функционирования ее в языке, а также семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений, обуславливающих крайнюю семантическую значимость данного имени прилагательного в языке [Алимпиева 1986: 18].

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (ОГОН), проект № 17-04-18022 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Исследование семантики прилагательных со значением цвета в говорах практически не проводилось за исключением отдельных работ [Вендина 1998, Пищальникова 1982], вышеуказанные единицы слабо представлены в диалектных словарях.

Материалом для нашего исследования в первую очередь послужила выборка из электронной базы данных и картотеки «Архангельского областного словаря» кафедры русского языка МГУ им.М.В. Ломоносова, к анализу также привлекались данные других диалектных словарей.

В ходе работы над описанием и характеристикой семного состава вышеуказанной единицы было установлено, что в архангельских говорах обнаруживаются все типы значений, представленных в литературном языке. Тем не менее, нами были установлены существенные отличия в семантической картине лексемы в говоре по сравнению с литературным языком. В исследовании мы затронем лишь некоторые аспекты данной проблемы.

I. По вопросу о времени появления у прилагательного *красный* цветового значения у исследователей нет единого мнения. М.А. Суровцова полагает, что данная лексема стала обозначать красный цвет, начиная с XIV века, в качестве иллюстрации приводит цитату из «Хождения Стефана Новгородца» (1347г.): *«Единъ столть иже бѣ Иисусовъ, отъ зелена камени, с прочернюю, а другии Петровъ тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣль, видом аки дятлень»*. Исследователь отмечает, что *красный* имеет широкое распространение в значении «цвет крови» в памятниках XVI–XVII вв. Уже в XV веке *красный* в цветовом значении служило базой для образования производных: *красноватый, скрасна, красно-серый*, более того, указанное прилагательное в значении «цвет крови» фиксируется в словарях XVI–XVII веков [Суровцева 1970: 97–100]. Е.М. Иссерлин, полагает, что прилагательное *красный* становится обозначением красного цвета лишь начиная с XVI века. Самое раннее употребление этого слова, с точки зрения ученого, относится к 1515 году: *«И мы тебѣ пожаловали, птицу красную к тебѣ послали, чеглигъ кречатеи»* [Иссерлин 1951: 85–89]. Интересна позиция Н.Б. Бахилиной, которая считает, что «особенности прилагательного, его многозначность и вместе с тем расплывчатость, не позволяет достаточно точно определить время, когда слово *красный* появляется в своей новой роли, в качестве цветообозначения. В самом деле, не говоря уже об одежде, многие предметы, будучи красного цвета, в то же время являются красивыми, ценными (например, *красный мрамор, красный камень, красная птица*). Далее автором высказывается мнение, что, возможно, в говорах цветовая семантика у прилагательного *красный* возникла раньше, чем в литературном языке. Самым ранним, по мнению Н.Б. Бахилиной, следует считать пример, относящийся к 1476 году: *«От Владыки две бочки вина, красного едина, а бѣлого друга, а от тѣхъ отот всѣхъ по мѣху вина»*. [Бахилина 1975: 166].

Этимологические исследования дают интересную информацию для размышлений. Лексема *красный* имеет соответствия во всех славянских языках: болг. *красен* «красивый, прекрасный», серб., хорв. *красан*, красно «прекрасный, милостивый», макед. *красен* «красивый, чудный, великолепный»; словен. *krásen*

«великолепный, пышный, красивый»); чеш., словц **krásny** «красивый, прекрасный; миловидный, привлекательный»; в.-луж. **krasny** «красивый, прекрасный»; н.-луж. **křasny** «красивый, прелестный, величественный», полаб. **krosān** «прекрасный»; ст.польск. **krasny, kraśni** «красный; красивый, прекрасный; жирный, дородный, цветной», польск. **krasny, kraśny** «красный, румяный (стар.); красивый»; словин. **krasnī** «красивый», **krāpsnī** «цветной; краснолицый, румяный»; ст.-укр. **красный** «красивый», укр. **красний** «прекрасный, красивый, хороший», диал. **красний** «красивый; красный», **красни** «красный»; ст.-блр. **красный** «красный; красивый», блр. **красны** «веселый, радостный», диал. **красный** «красный», **красный** «красный; красивый» [ЭССЯ 12: 109–110]

Общеславянской реконструкцией для анализируемого прлагательного является форма ***krasъnъ**, которая образована от общеславянской лексемы ***krasa** [ЭССЯ 12: 95–97]. По поводу происхождения существительного **kraca** существует несколько гипотез [см. подробнее Кожевникова 2001: 72–77].

Наиболее интересной нам показалась гипотеза О. Н. Трубачева, согласно которой о-слав. ***krasa** имеет «признаки типичного индоевропейского отглагольного имени (подобно ***kara, *slava** и др.) с долгим гласным а, построенного на базе глагола с корневым е», такими глаголами ученому представляются формы ***kresati** и ***kresiti**, для которых он восстанавливает значения «создавать, творить, разжигать огонь». С точки зрения индоевропейских и славянских закономерностей, считает О. Н. Трубачев, отношения ***krasa : *kresati** вполне логичны и допустимы. Тогда значение, которое можно реконструировать для об-слав. ***krasa** — «цвет жизни», оттуда затем «красный цвет, румянец (лица)», «цветение, цвет (растений)» и, наконец, более общее «красота». [ЭССЯ 12: 97].

Ю. Покорный, развивая концепцию О. Н. Трубачева, в своей работе возводит об-слав. ***krasъnъ** и ***krasa** к индоевропейскому корню ***ket**, для которого реконструируется значение «жечь, гореть, пылать, отапливать». Кроме славянских форм, автор к этому корню относит различные германские, балтийские, древнеиндийские формы, семантика которых в той или иной степени связана с огнем, жаром, пылом [цит. по Кожевникова 2001: 77]. В говорах прилагательное **красный** обозначает окраску широкого ряда оттенков по сравнению с литературным языком, называя окраску трех основных цветов спектра: от розового до коричневого.

У нейо вы́ступила ко́рь, покрыва́лась пупыре́шэчка́ми, покрыва́ли кра́сным си́ццэвым одея́лом. УСТЬ. Стр. Кума́ч — полотно́ ны́нешно, кра́сной кума́ч, бу́рой, голу́бой. ПИН. Квр. Щуры́-те на по́ле че́рви, кра́сны, длі́нны. У Та́си во́лосы кра́сны. Тарака́ны-то кра́сны, их моро́зили. ПИН. Влт. Да соба́ка кра́сная — то́жэ ры́жая. У сы́на мойево́ то́жэ кра́сны во́лосы. МЕЗ. Сфн. Ак лиса́ то́жэ йе́сь кра́сна. ПИН. Нхч. Земля́ с раку́шкой не софсе́м кра́сна — коричнево-бу́ра. Мез. Свп. Ис коло́ца кра́сная вода́ (желтого́ цвета) — из боло́та бельё стира́йю, оно не красе́ет. ЛЕШ. Вжг. Ф пэ́чку молоко́ поста́вят, выпаря́т, оно́ бу́дет тако́ кра́сно молоко́. ПИН. Квр. Бере́ця латка́ или кры́нка, туда́ в молоко́ яйцо́, и она́ томі́лась по полдн́я. Молоко́ ф кринке ста́вили и там пэ́нка кра́сная была́. НЯНД. Ми. Польі́ ф ста́ро

время йеловы делали. Сосна красная, а йель белая, не красили. ПИН.Ср. Красного супу хотела, а не накормила. Этот ис свёклы. Говорят, когда умрёт, дак не валят ф красной. Ф красной нельзя валить. Марина приехала тут, привезла оранжевойе платыйе. Так вы, говорит, пошто не валите ф платыйе? А тут, которая омывала: Нельзя, говорить, валить ф краснойе. Не то, што ф тёмном, но штобы не краснойе только было, можно в белой кофточке, юпка чёрная или чевó там — у ково как изготóвлено. В-Т.Сфт. Засеверило — иесть такóие понятыие, краснойе небо, яркой морóзной день с северным ветром. ЛЕШ.Смл. Как друго́й рас бежым из деревни в деревню, дак снегом нашо́ркаемса, штобы пришли ак красны были (нашо́ркаться — натереть щёки снегом, чтобы они были румяные). КОН.Твр. Чешуи луковой накладём, да вот тебе и красные яйца (про окрашивание яиц). А тепёр чевó-то налипáют (наклеют). ШЕНК.Шгв. Как дурная побежала, а чайник как орех красный стоит. Я то́жэ чайник пережгла, фся прибора порчу. ВИЛ.Трп. Раньше бат красок мно́го не было. Запáриш лисвени́чьну кору́, она веть красна. ЛЕШ.Кнс. Где сума́ красна? (оказалось — коричневая). ПРИМ.33. Ис круглого шара́ на дере́ве (нарост на дереве) в́идолбят ско́пкарь, а братынь ме́дная, красная ме́ть-то. В-Т.УВ. У сёмги у то́й красно мя́со. МЕЗ.Свп. Сухари́ зальи́еш водо́й. Настойи́ця да красной-красной бу́дет вода́-то. КОН.Твр.

Прилагательное *красный* может употребляться для обозначения животных и птиц коричневой масти с красноватым оттенком, рыжеватых.

По отношению к лошади (масти лошадей): *Этод жэребёнок-от от мойей кобылы, красной, Малышом я иевó звáл. МЕЗ.Мсв. У ково ко́нь красны́й, да это фсе́ и эдак ы зя́пъ паха́ли. УСТЬ.Бст. Чёрны́й — вороно́й, бе́ла, как тебе повя́рнуть (сказать), рыжы́й — красны́й, тёмно-ка́рий. ПИН.Ср.*

По отношению к корове: *Стада́ красных коро́ф, красной поро́ды. КАРГ.Ус. У красных (бурых) молоко́ о́чень хоро́шэйе, лу́че, чем у чёрно-пёстрых. ПИН.Ср. А се́йяс почему́-то не́ту красных коро́ф. Бы́г был красны́й, от коро́вы отро́дьйо и пошлó. МЕЗ.Бч. Коро́вы ф́инскийе не бо́льно бо́льшыйе, красны́е, а до́ят по пятна́циять ли́троф. ВЕЛЬ.Лхд. Мо́рдочка бе́лая, а са́ми красны́е (коровы). КАРГ.Ус.*

По отношению к курице: *Красных не́ было ку́р. ШЕНК.Ктж. Быва́ют красны́ ку́рочки, дак это о́чень рётко. КРАСН.ВУ.*

Прилагательное *красный* используется для обозначения сортов картофеля, имеющего клубни красного цвета: *Я зóбню тут сходи́ла нако́сила, там в куля́х карто́шка, красна. ВИЛ.Трп. Быва́ет и красна, а быва́ет бе́ла, бе́ленькая (картоф.) ОНЕЖ.Лми. Йёсь бе́лая, красная (картошка), жо́лтая, бордо́вая. ЛЕШ.Смл. У нас карто́шка красная, круглая. ПИН.Ср. У нас зьде́сь красная (сиреневые цветы картошки) ро́за (сорт картошки), да берли́хина, да скороспéлка, си́няя карто́шка, си́негла́ска. ПРИМ.Слз.*

Отдельно хочется отметить значение 'незрелый, неспелый, незрелый, с красноватым оттенком': *Иичэ́ красна морóшка (незрелая). ПИН.Нхч. У него́ мно́го черёмухи быва́ет. — Она́ ишо́ краснаа (незрелая) — Краснаа? ШЕНК.ЯГ. Со́нцо ударя́ет — она́ красная де́лаеца, не чёрная. Краснаа — это ишо́ не созрела́, ма́ло созрела́ (черника). ШЕНК.ЯГ. Говору́, што не созрела́ ишио́ (черника). ПИН.Нхч.*

Цветобозначение **красный**, как в литературном языке, так и в говорах, употребляется как свободно, так и в составе устойчивых сочетаний: названий животных, птиц, растений, т.е., как было отмечено Т.И. Вендиной, «работают» в онтологическом регистре, т.е. выполняют денотативную, маркирующую функцию, выделяя предмет среди ему подобных» [Вендина 1998: 288].

Цветовое значение прилагательного реализуется в составных наименованиях следующим образом.

В названиях насекомых:

◇ **Красный жук** Жук колорадский (лат. *Leptinotarsa decemlineata*) — вид насекомых из семейства жуков-листоедов. *Я красных боюсь (личинки колорадских жуков). Одни ботекы (стебли) оставят, все съедят. ВЕЛЬ.Пжм.* ◇ **Красный паут.** (Слепень, насекомое семейства двукрылых (лат. *Tabanidae*). *Пауты такъэ, слепачи. А мѳжэт красный паут, он, гот, петрѳвенди, а петрѳвендѳн уш проиѳл. УСТЬ. Брз.*

В названиях растений:

◇ **Красные головки** Растение *Trifolium pratense* L., клевер луговой. *А клевер, красныи-то голоѳки, нарвѳм да насушым, столкѳм што-то. В-Т.Сфт. То красны голоѳки (клевер) собирайем ходим, пекѳм. Клевер как хлѳп запекали, красны голоѳки, красны такийе. С мукѳй запекали. ВИН.Брк.* ◇ **Красное дерево** Растение *Impatiens*, сем. бальзаминовых, «Ванька мокрый» *Красно дерево на пол поставила, в окошко не выходит, высоко очень. Это-то у меня красно дерево — оно будет цвесьти розовыми такима, я их поздно посадила. Больши это красно дерево, а то гребешок. МЕЗ.Свп.* ◇ **Красная ива** Растение *Salix amigdalina*, сем. ивовых, ломашник. *Из ивы, из виц делали. Из белой ивы делали, плели морды-то. Красна ива в воде шипит. Бѳла, молочна ива. ВИН.Брк. Вот это красная, а вот это белая вѳрба. Куда дома долгуя поставиш. ШЕНК.ВП. Красная вѳрба маленькийе. А то большайя белая, крупная. Для скотины большую надо выломать, премую, а для себя можно маленькийе вѳрбушки. Краснотал — красная ива. Белая ива — белоивник. ШЕНК.Шгв.* ◇ **Красная кашка** Растение *Trifolium pratense* L., клевер луговой. *Вот и тѳпали кто чѳво, тѳндру да кашку красную (клевер). Бѳла кашка да красна кашка не сколько мулошка полѳзна, сколь чашѳчки. МЕЗ.Лбн.*

◇ **Красный корень** Растение *Impatiens*, сем. бальзаминовых, «Ванька мокрый» (?). *Красный корень (цветок), краснокоренник. В-Т. Сфт. У нас красный корень, а мы называли алой почему-то. Красный корень — растѳнийе-то. Ак они не созрѳли (семена). Вот синий корень, а вот красный иѳсь (семена от синих и красных цветов) ОНЕЖ.АБ. Это красный корень, он сирѳневый цветѳт. Раншиѳ красный корень нѳ был, петушиный гребѳн нѳ был, рябинка нѳ было. ОНЕЖ.Тмц. У нас розой называѳют, а так — красный корень по-научному (о цветке). ПИН.Нхч. Это красный корень — стѳвол красный. КАРГ.Ух.* ◇ **Красный мох** Растение *Politrichum commune* L. *Вот белый мох называѳйеца ягель, иѳго иѳдят олѳни, да и корѳвы. А красный мѳх иѳдет ф стройѳнийе ф пазѳи. Штоб дѳрево-то прилѳгло плѳтно, кладѳт красной мѳх, а потом конопѳтят, у меня двѳр иѳещѳ не проконопѳчен. Паклей, трѳпками проконопѳчиваѳиш фсѳ, штоп тепло было. ПРИМ.Ннк. Красный мѳх,*

тот под йёлками растёт, тот дерут ф стёны ложат, бёлый мох, скоту кормят. Белёет в бору. МЭЗ.Бч. Дома строя — ф пазы кладут красной мох, то строевой. Стройовой это мох — красной, а то коровой мох — белой. ПРИМ.33. ◇ Красная шапочка Растение *Celosia*, сем. амарантовых, «петушиный гребень». *Красна шапоцька* (комн. раст. «петуш. греб.»). МЭЗ.Бч.

◇ **Красные ягоды** а) Растение *Vaccinium Vitis idae* L, сем. брусничных, брусника До зрёлости я не знала, шо такойе клюква, у нас в Лохново клюкву не брали, бруснику брали, у нас называли красная ягода. ПИН.Квр. Не брусничкой звали, а красной ягодой, голубику — синей ягодой. КРАСН.Чрв. На болотах — пойдём в бор этот, высокий он назывался, там красные ягоды были — толоконны ягоды назывались. Морозика иёсь, черника, красные ягоды, мы их так зовём, а вошэ-то брусника, на борах росёт, да морозом убило, морозы были коуды. ХОЛМ.БН. Сначала идёт морозика, потом черника, за черничкой — красны ягоды ийдут, за красными ягодами идёт клюква. (А красные ягоды — это какие?) Брусника. ВИН.Уй. б) Растение *Ribes Ribum* L, семейства камнеломковых; красная смородина. Сморода — чёрна ягода, кислиця — красна ягода. Красну смородину кислицей называют, она красна, как янтарь. ПИН.Нхч. Красная ягода — это кислица, красная сморода. КАРГ.Клт. Это красная ягода, красная смородина. ХОЛМ.Сия. Ягода красна — не брусника. Кислица. ПИН.Кшк. Красной ягодой называёцца у нас ишо и красна смородина. В-Т.Сгр.

В названиях грибов:

◇ **красной гриб** [АОС 10: 55] ◇ **красная волнуха (волнушка)** [АОС 5: 39], ◇ **красная губа (губка)** [АОС 10: 123].

В названиях рыбы:

◇ **Красная рыба** а) Рыба *Salmo Salar*, атлантический лосось. Два-то цервака то за это место улёпиш ы будет клевать, у нас фсё навашка, не красна рыба, навашка. ОНЕЖ.Лмц. Хозяин у меня был живой, красну рыбу фсё ловил. ШЕНК.ВП. Зиму простойт подо льдом — и она опять красна (сёмга). ПРИМ.33. Не попадёт красная (сёмга) рыба — и пльви дальшэ. ЛЕШ.Смл. А я вот треску не так обожаю, я большэ красную рыбу. КОН.Твр. б) Рыба *Salmo trutta* — проходная, озёрная или ручьевая рыба из семейства лососевых (*Salmonidae*). В Усолье жыли здёсь, попадёт красна рыбина — уху вариш. Большэ то кумжа. ОНЕЖ.Тмц. ◇ **Красная нельма** Рыба семейства лососевых (*Stenodus leucichthys nelma*). И нельма красная, вот этот стёл — так вот так вот, а хвост там до полу (больше метра). Вот такая попала. Он ы говорит: таиши ф песок, зарывай. ЛЕН.Схд.

Лексема **красный** также активно используется для обозначения различных видов локусов: топонимов, физико-географических объектов, а также для названий различных изделий, предметов, явлений. Данный материал мы не анализируем, поскольку эти составные наименования лишь косвенным образом реализуют цветовую семантику.

Все цвета, по мнению И. Г. Рузина, имеют прототипические эталоны: как денотатные, так и неденотатные (вишневый цвет — «цвет вишни», красный — «цвет крови», белый — «цвет мела или снега» и т.д.), исследователь отмечает, что «круг

у именных основ» (эталон), менялся в истории языка [Рузин 1994: 81]. Если в литературном языке прилагательное **красный** имеет значение 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым, цвета крови' [МАС 2: 122], то в говорах с большой осторожностью мы можем говорить об ином прототипическом эталоне для формирования цветообозначения по сравнению с литературным языком. Если в литературном языке для прилагательного **красный** таким предметом эталоном для формирования значения является «цвет крови», то в говорах актуальным является более архаический прототипический эталон цвета — «огонь», что подтверждается данными этимологических исследований.

II. Прилагательное **красный** реализует в говорах практически полностью утраченные литературным языком значения, характеризующие внешние и внутренние признаки предмета и лица.

1. Красивый, прекрасный.

А на лицó он здоров, красной ёкой, вот, говорят, не завидуй красному-то. КОН. Влц. Красён гóлос-то. УСТЬ.Стр. Лént нé было, се ремни заплетáли, краснó, дорóдно. ПЛЕС.Мрк. Хорош́и-ти не были, а молод́и-ти красни-ти бы́ли. ВЕЛЬ.Пки. Он крас́ивый был, красной, дак ешио ма́ленького прозв́али Шаньгóй. Шаньгá да Шаньгá, ма́леньково ищ́е прозв́али, крас́ивый был крас́ный. УСТЬ.Брз. Красны мужы́ки-то бы́ли. А красны робя́та-ти бы́ли уда́льи. ШЕНК.УП. Типерь фсе́ внучя́та красны́ — вели́ки ста́ли. УСТЬ.Сбр.

2. Здоровый, крепкий, полный жизненной силы.

Ходи́ли г ба́нке, прико́с снимáли, я была́ красна́ — обду́мали. МЕЗ.Мсв. Я йешио молодá была́, красна́, не хамкала бы э́дак. Не красна́ была́, уставáла, фсе́ уш осла́бла ви́дно, си́ла выхо́дит. Трина́цать годóф в лёс на дя́нку угони́ли. На спла́ф-то погóнят да морози́ на. Здорóвье-то фсе́ наруши́ла, а красна́ была́, мешки́ носила́. УСТЬ.Брз. Мы с Мишкой́ ви́жыли, бо́лее красны́э. Де́фки красны́ вели́ки. Я так красна́ была, ника́кому мужы́ку не уступáла. Я красна́ была́ на лоша́дях си́льно йезди́ть. Он йеищ́е молодóй, э́тот Жырино́фский, красён. Она пахáть пойёхала, ой, стару́ха-от была, свекро́фка-то красна, пахáть, умéла. УСТЬ.Стр. Молода́, красна́ то́же, то́лстая, красна́я. Большо́й, хоро́шой, крас́ный был. ЛЕШ.Цлг. Ма́рфа, сама́ така́ глáтка, красна, но́ги худы́, де́сятеро ребя́т нанóшэно. ПИН.Влт. И не пове́рю, што мужы́к красня́е бабы. УСТЬ.Снк.

3. Деятельный, энергичный, способный работать с задором, огоньком.

Красна́ была, как метеóр. УСТЬ.Стр. Э́ко утро, да два красных челове́ка, мо́жно полови́ну ско́сить. УСТЬ.ВП. Я красна́ была́, фсе́ на све́те перерóбила. Фсе́ красны́, они убежа́т, а мне не дово́ицца. УСТЬ.Брз. Я бывáла красна́ была́, дак и капу́сты наро́ищку, все́го надаю́. УСТЬ.Бст. И лёшы́й зна́т как-то красна́ была́ (си́льная, все могла́, все успева́ла), и та́м роци́таёшся, и о́чередь займе́ш (на мельнице). ШЕНК.ЯГ. Красна́ была́, как метеóр! Красна́ ба́ба Парме́ниха, а коси́т худо́. На́до коси́ть окру́к себя́. УСТЬ.Сбр.

4. Умелый, мастеровой, способный искусно выполнять свою работу. В роли гл. члена. При инф.

Запева́ть красна́ была́, я щас ницё не по́мню, ни одной песьни. УСТЬ.Бст. А они красны́-то плы́ть. Она́ вра́ть красна́. Я вра́ть не люблю́ я пра́мо в глаза́ бу́ди скажу́ челове́ку. Па́сьть-то красна́ вопи́ть, а ту́д дак не могу́. УСТЬ.Брз. У меня́ оте́ц небольшо́й ро́сьтиком, а работа́ющий, а мужы́ки раньше́ красны́ были ро́бить. Красна́ я бы́ла скака́ть. Красны́ ро́бить-то. УСТЬ.Стр. Мы красны́ запева́ть. Ак Аполина́рия да Ду́ська Мака́рышка красны́ бы́ли пе́ть. Ой, красны́ плеса́ть. УСТЬ.Сбр. А финны́ коль не красны́ воева́ть-то. Она́ красне́е его́ поднима́ть-то се́но. ШЕНК. Ктж. Ка́тька то́жэ тре́х годо́ф не́т, а разгова́ривать кра́сная, так зуби́т, так зуби́т. ШЕНК.ЯГ.

Е. С. Яковлева, анализируя такие ключевые понятия, как *красный*, *крепкий*, *чистый* в древнерусском языке приходит к выводу, что подобные характеристики не мыслились носителем языка как обозначение независимых и объективных характеристик предмета, только в перспективе некоторого синкретичного образца, эталона. Ученый отмечает, что характерной особенностью модели мира средневекового человека, ее непременным атрибутом, было наличие больших и малых образцов и эталонов, с которыми сопоставлялись проявления и свойства конкретной вещи [Яковлева 2002]. Это наблюдение актуально и для нашего исследования. *Красный*, как показывает диалектный материал, характеризует человека не только как красивого, но и обязательно здорового, сильного, выносливого, а также умеющего хорошо работать, быть мастером своего дела. Таким образом, в этом слове реализуется абстрактное значение ‘цвет жизни’, этимологически восстановленное О. Н. Трубачевым [СРРЯ 12: 97]. *Красный* в говоре — это некий эталон жизни, внутренней жизненной силы человека, не случайно данная лексема используется в качестве постоянного эпитета в фольклорных текстах.

Вышеизложенный материал показывает, что в говоре обнаруживается несколько иное восприятие красного цвета носителями диалекта. Попутно отметим, что другие общерусские прилагательные также отражают иные представления о цвете в говоре. Так, например, в говорах прилагательное *белый* актуализирует сему ‘светлый, светящийся, ненасыщенный’ и выступает фактически эквивалентом света, а в литературном языке данный компонент уходит на периферию значения слова. Прилагательное *черный*, напротив, в диалекте обозначает цвета широкого диапазона оттенков, которые можно объединить общим значением ‘темный, мутный’ [Колесникова 2012].

III. Прилагательные *красный* и *белый* в говорах могут выступать в качестве синонимов, а *красный* и *черный* образуют антонимические пары в следующих значениях:

1. Красивый (1,2) // Уродливый, безобразный (3)

(1) *А бы́ла бе́ла, здоро́ва. Он краси́вый был, бе́лой. МЕЗ.Сн. Уш куды́ бы́ла бе́ла да а́ла. МЕЗ.Дрг. Аля-то ро́стом по ма́тери. Ва́ся по отцо́у небольшо́й быў, цернова́той, а Ко́ля краси́вой быў, бе́лой. Така́я по́лная, круглolíца, бе́лая. ВИЛ.Трп.*

(2) *Я лапотки́ пот коря́гу — сапошки́ наде́ну — до того́ красна́ бы́ла. УСТЬ.Стр. Фсе́ говоря́т, с па́рнями хо́дя, дак на лицо́ фсе́ худы́е, некраси́вы, а я на лицо́*

не менялась, ходила фсе́ краса́на была́, краса́ки мно́го бы́ло (румяная была), ба́бушка (свекровь) фсе́ мне́ говори́ла: «Де́фку но́сит — на лицо́ не меня́йеца», — а прине́сла, дак не де́фка, а па́рень. ПИН.Нхч. Она така́ краса́на была́ краса́вица. МЕЗ.Свп.

(3) Сама́ чёрна, не баска́я. КАРГ.Лким. Он це́рной, старообра́зной. ПИН.Квр. Сама́ чёрная, не краса́вая, суха́я. КОИ.Хмл. Бабе́нко-то чёрно́е, стра́шно́е, фсе́ пьёт. КРАСН.Тлг.

2. Здоровый, крепкий, кровь с молоком (1,2) // Болезненный, худой, чахлый (3).

(1) У нас пять мужыко́ф не пришло́ с войны́, бе́лых да хоро́ших. МЕЗ.Лмп. Высо́кий мушшы́на, бе́лой, хоро́ший. МЕЗ.Сн. Была́ де́фка, бе́ла да приго́жа. КАРГ.Нкл. Зять то́лстый, бе́лой. ПРИМ.Ннк. Посмотри́, как Ле́шка попра́вился, бе́лой, да краса́ной стал. ЛЕШ.Смл.

(2) Каг заберёмся на коня́, даг держа́ца не́ за што́, ребя́та-то краса́ные бы́ли, гало́пом поскáчют (сильные). ВЕЛЬ.Длм. Ра́ншиэ што́-то краса́ны бы́ли нас се́меро, а ни оди́н не у́мер. Па́вкой не уко́лотиш, фсе́ краса́ны. Ка́к он открыва́л фи́нку-ту, краса́ны-то зу́бы. УСТЬ.Брз. Как на сенокос уго́нят — йели́ лук ы карто́шку — не зна́ю как краса́ны бы́ли лю́ди. У меня́ краса́ным фсе́ бы́ли тро́е — ни оди́н не бо́лел. Мы с Ми́шкой вы́жыли, бо́лее краса́ныэ. УСТЬ.Стр.

(3) Была́ бы кака́ зави́дна, а она́ худя́шчя, чёрна. ЛЕШ.УК. А мужычо́нко це́рно тако́ бы́ло, не зажывно́. ЛЕШ.Юр. Та́то говори́т — я не́с тебя́, ты фсе́ чёрна была́ от ну́ды. МЕЗ.Сфн.

3. Счастливый, хороший, отрадный (1,2) // Мрачный, безотрадный, тяжелый (3)

(1) А вот йеце́ год бу́дет не белее́ ВИЛ.Пвл. Тепе́рь-та бе́лая жы́знь наро́ду, асо́бинна молодёжы. Тапе́рь жы́сть мая́ бе́лая, э́та хоро́шо жы́ть гора́ст. Тапе́рь у нас бе́лая жы́сть [ПОС 1.: 168]

(2) Моя́ жы́знь-то не краса́на. ЛЕШ.Кнс. Моя́ жы́знь, Анюшка́, была́ не шы́пко краса́ная. ВИЛ.Пвл. Не ду́майте, что бу́дет все́ краса́но. ОНЕЖ.ББ. Кра́сных де́н не ви́дела. ЛЕШ.Цлг. На́ша жы́сь не краса́на была́. Со́лому да мох йели́. ПИН.Нхч.

(3) А како́й го́т не роди́цца хлёп, то чёрный, худой гот. ЛЕШ.Вжг. Ско́ро вре́мя чёрно́ бу́дет, чёрно, тяжо́ло. МЕЗ.Длг. На́верно уш, на чёрный де́нь оста́влено. ПИН.Нхч. Жильё уш ста́ло чёрное. КАРГ.Ух.

4. Парадный, главный, предназначенный для избранных обитателей, почетных гостей, праздничных собраний // Курной, грязный, не предназначенный для приема гостей.

◇ **Красная изба, Белая изба // Черная изба**

Што́, проходи́те туды́ в бе́лу полови́ну. КАРГ.Лким. А где обе́дают да ча́й пьют — бе́ла полови́на. Вот ра́ншиэ-то бы́ло, го́сти к на́м придут, госте́й угои́чяли в бе́лой полови́не. КАРГ.Клт. Ма́нко бы́ло помешче́нье, а де́фка пошла́ ф ту́там, я пла́цую, а поце́му у нас не́ту, кто бе́лой избой́ зове́. ПИН.Ср. Чёрна изба́, курна́я, в той зи́мами жы́ли. УСТЬ.Стр.

◇ **Красный угол // Черный угол** Святой, передний угол, наиболее почетное место в избе, в котором находились иконы и стоял стол // Место в нежилой части дома, где обычно располагается туалет, отхожее место, свалка.

Красным углом у нас не зовут и не зывали. Большой. ШЕНК.Трн. Вот красным углом садились госьти какийе почётныйе. ПИН.Киш. А передним-то, ну иконы потом выносили, так його красным-то и не стали звать. Передним так и звали, может. ВИН.Уй. Особенно перет свадьбой, да фсе ф красный угол. Тут уж никто не садицца. ПИН.Штг.

Взяла, да и ф чёрном углу, да и удавлюсь, я худо жыла. ЛЕШ. Цлг.

◇ **Красная доска // Черная доска** Доска почета//Доска позора. На чёрну доску писали, на красну. ПРИМ.Ннк. Не выполнишь заданья — на чёрну доску отправят. КАРГ.Клч.

Р. В. Алимпиева полагает, что имя цвета **красный** несет положительный оценочный смысл и выступает потенциальным синонимом слова **белый**. Красный и белый цвета, выражающиеся соответствующими словами, выступают как необходимые составные компоненты возвышенного, прекрасного, то есть оказываются эстетически тождественными [Алимпиева 1986: 69]. Выводы ученого подтверждаются материалами говоров. Прилагательное **красный** в литературном языке обладает широким семантическим потенциалом, однако диапазон различий значений диалектного слова и литературного достаточно велик: в диалекте представлено гораздо больше значений, чем в литературном языке, кроме того, многие из представленных в литературном языке значений стилистически маркированы. Необходимо отметить факт сохранения в диалекте многих архаических значений, бытовавших в древнерусском языке. Обратим внимание и на то, что в говорах прил. **белый** и **красный** являются потенциальными синонимами, а **красный** и **черный** — антонимы, что совершенно невозможно для литературного языка.

Условные сокращения населенных пунктов Архангельской области

(ВЕЛЬ)	Вельский район	Крч	Кречетово
Длм	Долматово	Лкшм	Лёкшма
Лхд	Лиходеево	Нкл	Нокола
Пжм	Пежда	Ус	Усачёво
Пкш	Пакшеньга	Ух	Ухта
(В-Т)	Верхне-Тоемский район	(КОН)	Коношский район
Сгр	Согра	Влц	Вельци
Сфт	Сефтра	Твр	Тавреньга
УВ	Усть-Вья	Хмл	Хмельники
(ВИЛ)	Вилегодский район	(КРАСН)	Красноборский район
Пвл	Павловское	ВУ	Верхняя Уфтюга
Трп	Тырпасовская	Тлг	Телегово
(ВИН)	Виноградовский район	Чрв	Черевково
Брк	Борок	(ЛЕН)	Ленский район
Уй	Уйта	Схд	Суходол
(КАРГ)	Каргопольский район	(ЛЕШ)	Лешуконский район
Клт	Калитинка	Вжг	Вожгора

Кнс	Койнас	Ср	Сура
Смл	Смоленец	Штг	Шотогорка
УК	Усть-Кыма	(ПЛЕС)	Плесецкий район
Цлг	Целегора	Мрк	Маркомусы
Юр	Юрома	(ПРИМ)	Приморский район
(МЕЗ)	Мезенский район	ЗЗ	Зимняя Золотица
Бч	Бычье	ЛЗ	Летняя Золотица
Длг	Долгощелье	Ннк	Ненокса
Дрг	Дорогорское	Слз	Солза
Лмп	Лампожня	(УСТЬ)	Устьянский район
Лбн	Лобан	Брз	Березники
Мсв	Мосеево	Бст	Бестужево
Свп	Совполье	Сбр	Сабурово
Сн	Сояна	Снк	Синяки
Сфн	Сафоново	Стр	Строевская
(НЯНД)	Няндомский район	(ХОЛМ)	Холмогорский район
Мш	Моша	БНБрин-Наволоч	
(ОНЕЖ)	ОНЕЖСКИЙ	Сия	Сия
АБ	Анциферовский Бор	(ШЕНК)	Шенкурский район
Лмц	Лямца	ВП	Верхопаденьга
Тмц	Тамица	Ктж	Котажка
(ПИН)	Пинежский район	Трн	Тарня
Влт	Вальтево	Шгв	Шеговары
Квр	Кеврола	УП	Усть-Паденьга
Кшк	Кушкопала	ЯГ	Ямская Гора
Нхч	Нюхча		

Литература

Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура . Л.: Изд-во ЛГУ, 1986, 177 с.

АОС –Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–2015, вып. 1–16.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в современном русском языке. М.: Наука, 1975, 287 с.

Бородина, М. А.; Гак, В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979, 232 с.

Вендина Т. И. Символика цвета сквозь призму словообразования // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 1998.

Иссерлин Е. М. История слова *красный* // Русский язык в школе, №3, 1951, С. 85–89.

Кожемакова Е. А. История формирования семантики прилагательных цветообозначений в русском языке. ДКФН. Новгород, 2001.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательных *белый* — *черный* в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С.199–215

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Пицальникова В. А. Некоторые особенности функционирования цветových прилагательных в русских говорах // Исследование по семантике. Уфа, 1982. С. 45–49.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными, Л., 1967–2013. Вып. 1–24.

Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания, 1994, № 6, С. 79–99.

Суровцева М. А. Развитие цветового значения слова «красный» // Русский язык в школе, 1970, № 3, С. 97–100.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000, 624 с.

Фетисова С. А. Концептуализация цвета «красный». ДКФН. Иркутск, 2005.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984, 176 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев. Вып. 1–39. М.: Наука, 1974–2015.

Яковлева Е. С. О языковой картине мира в аспекте ее динамики: переосмысление старых значений // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2002, С.200–214.

Elena V. Kolesnikova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

el.kolesniova@bk.ru

SEMANTICS OF THE ADJECTIVE *КРАСНЫЙ* (RED) IN THE RUSSIAN DIALECTS

The particularities of semantics of the adjective *красный* (*red*) in the dialects became the subject of research. On the bases of the abundant material included in the electronic database of “the Arkhangelsk Region Dictionary”, the semantic particularities of this adjective are compared in the dialectal and literary language. According to the research, many archaic meanings, which existed in the Old Russian language, are retained in the dialect; furthermore, the parlance represents far more meanings of the said adjective than the literary language. The adjectives *белый* (*white*) and *красный* (*red*) appear as

the potential synonyms in the parlances, and, to the contrary, *белый* (*white*) and *черный* (*black*) enter into far more antonymic oppositions in comparison with the literary language.

Key words: All-Russian word, dialectal semantics, Arkhangelsk dialects.

References

Alimpieva R. V. *Semanticheskaya znachimost' slova i struktura*. L.: Izd-vo LGU, 1986, 177 p.

Gecovoj O. G. *Arhangel'skij oblastnoj slovar'*. M., 1980–2015

Bahilina N. B. *Istoriya cvetooboznachenij v sovremennom rusском yazyke*. M.: Nauka Publ., 1975, 287p.

Borodina, M. A. Gak, V. G. *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovanij*. L.: Nauka Publ., 1979, 232 p.

Vendina T. I. Simvolika cveta skoz' prizmu slovoobrazovaniya. *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya*. SPb., 1998.

Isserlin E. M. Istoriya slova krasnyj. *Russkij yazyk v shkole*, no. 3, 1951, pp. 85–89.

Kozhemyakova E. A. *Istoriya formirovaniya semantiki prilagatel'nyh cvetooboznachenij v rusском yazyke*. PhD theses. Novgorod, 2001.

Kolesnikova E. V. Semantika prilagatel'nyh belyj — chernyj v russkikh govorah. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii 15. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoj i literaturnoj form yazyka v slavyanoyazychnoj srede*. M.: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012, pp.199–215

Slovar' russkogo yazyka. Vol. 1–4, RAN, In-t lingvistik. Issledovanij, A. P. Evgen'eva (ed.). M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy Publ., 1999.

Pishchal'nikova V. A. Nekotorye osobennosti funkcionirovaniya cvetovyx prilagatel'nyh v russkikh govorah. *Issledovanie po semantike*. Ufa, 1982, pp. 45–49.

Ruzin I. G. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy percepcii (zrenie, sluh, osyazhanie, obonyanie, vkus) i ih vyrazhenie v yazyke. *Voprosy yazykoznanija*, no. 6, 1994, pp. 79–99.

Surovceva M. A. Razvitie cvetovogo znacheniya slova «krasnyj». *Russkij yazyk v shkole*, no. 3, 1970, pp. 97–100.

Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. M.: Slovo Publ., 2000, 624 p.

Fetisova S. A. *Konceptualizaciya cveta «krasnyj»*. PhD Theses. Irkutsk, 2005.

Frumkina R. M. *Cvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psiholingvisticheskogo analiza*. M.: Nauka Publ., 1984, 176 p.

Ehtimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond. O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev (Eds.). Vols. 1–39-. M.: Nauka Publ., 1974–2015-.

Yakovleva E. S. O yazykovoj kartine mira v aspekte ee dinamiki: pereosmyslenie staryh znachenij. *Slovo v tekste i v slovare. Sbornik statej k semidesyatiletiju Yu. D. Apresyana*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002.

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

(Россия, Москва)

eanefedova@gmail.com

ДО- ГЛАГОЛЫ В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОНА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования глаголов с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* в условиях устной диалектной речи. Этот словообразовательный тип является продуктивным не только в диалектах, он представлен и в литературном языке, особенно в разговорной речи, а также в просторечии в значении ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Фактор формирования подобной семантики — тандем приставки *до-* и сочетания с *до того, до чего*. В говорах представлена вариативность глагольной семантики, обусловленная свертыванием исходной конструкции, общей для литературного языка и говоров. Одним из существенных отличий от литературного языка является то, что отрицательный результат продолжительного и/или интенсивного действия может не иметь вербального выражения. Формальное упрощение исходной конструкции сопровождается семантической конденсацией глагольного слова. Употребление сочетаний *до того* и *до чего* с бесприставочными глаголами, с глаголами с другими приставками — *до того устала, до того перемазался*, с наречиями и прилагательными — *земля до того́ сухая*, также представленные в говорах, сближает их с наречиями со значениями ‘очень, в высокой степени’, ‘много’, ‘долго’.

Ключевые слова: диалект, семантика, глагольное слово, архангельские говоры.

В картотеке «Архангельского областного словаря» (АОС) представлен большой по объему материал, содержащий глаголы с приставкой *до-*, характеризующиеся интенсивно-результативным способом глагольного действия. Они образованы как от общерусских, так и диалектных основ. В 11-м и 12-м выпусках АОС содержится более тысячи таких глаголов.

Этот словообразовательный тип является продуктивным не только в диалектах, он представлен и в литературном языке (особенно в разговорной речи), а также в просторечии. Глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* (*до-V-ся*) в литературном

языке имеют следующее значение ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Значение полноты, исчерпанности результата может сочетаться у глаголов *до-В-ся* со значением интенсивности и экспрессивности действия. Семантика таких глаголов самонедостаточна и реализуется либо в конструкции с *до того, что*, либо в сочетании с дополнением с предлогом *до* [Русская грамматика: 386].

Кроме того, в литературном языке функционируют *до*-глаголы со значением ‘интенсивное или длительное действие, названное мотивирующим глаголом, довести до чего-н. (какого-л. этапа, границы, цели, результата)’. В каждом из значений глаголы сильно управляют род. пад. с предлогом *до* [Русская грамматика: 386].

В говорах функционирование глаголов *до-В-ся* имеет существенные отличия от литературного языка. Они касаются и структуры и особенностей их функционирования.

1. В говорах архангельского региона возможны образования в конструкции с *до того́* и с *до чего́*, при этом не только с постфиксом *-ся*, но и без него (*до-В*). Часто встречаются параллельные образования от одной и той же основы: *до того́ добе́гался* и *до того́ добе́гал*, *до того́ дореве́лся* и *до того́ дореве́л*, *до того́ до́жил* и *до чего́ до́жился*, *до того́ допи́ть* и *до того́ допи́ться*.

2. Глаголы без постфикса *-ся* могут быть образованы от основ непереходных и переходных глаголов и обозначать действие, направленное на его субъект: *до того́ допла́кала*, *до того́ доходи́ла*, и действие, направленное на объект: *до того́ добу́чила чай*, *до того́ дожалела́ котá*.

3. Как и в литературном языке, в говорах глаголы *до-В-ся* (*до-В*) обозначают продолжительное и/или интенсивное действие. Отрицательный, нежелательный результат предопределен высокой степенью проявления действия, превышающей некую общепринятую норму. Таким образом, сема ‘отрицательный результат’ заложена в семантике самого глагола. Конкретизация этой семы происходит в тексте:

а) в сложном предложении с союзами *что* или *дак*: *До того́ добежа́лась, што лежа́ла до́лго*; *Ту́т они́ и заблуди́лись* и *до чиво́ доблуди́лись, што оди́н но́ги отмо́розил*; *До тоо́ доно́сит, дополива́т, што фсе́ опя́ть изгниёт*. *До того́ догребу́т, дак ру́ки гото́вы отпа́сть*; *До того́ догуля́л, што у́хо оторва́ли*;

б) в сложном бессоюзном предложении: *До того́ добежа́лась, завздыха́лась; Спотела́, до того́ добежа́ла*; *До того́ добе́гают, ско́ро го́лову стрясу́т*; *До того́ доташи́шла, к ле́шему, в грудé боли́т*; *Ло́шади ти́хие, да морозина́, до того́ доползёиш, ло́шадь-то приста́нет (устанет)*.

в) в контексте более широком, чем предложение: *Во́рзуются молодё́е ребя́та, до того́ дово́рзуются, бу́дет вам во́рзаться, рва́ть пла́тья рипака́ми. Севодо́не до тово́ доёли* (комары), *пошла́ без ма́зи, и ру́ки фсе́ ф кровí и но́ги, итано́ф не обу́ла. До тово́ мы домы́лись — по́л-то цементо́вой*.

Одним из существенных отличий от литературного языка является то, что отрицательный результат продолжительного и/или интенсивного действия может не иметь вербального выражения: *До того́ догоня́ли мы, добе́гали её иска́ть*; *Она́ до того́ добараба́нила. И до того́ доруга́ла ф три́ тарары́*. В коммуникативном

акте он может выражаться с помощью интонации, жеста, а также вытекать из общего знания ситуации: *Я утром до того с ними добьюсь* ‘долго заставляю кого-н. сделать что-н. и затрачиваю на это много усилий’; *До того добродила по грязи* ‘долго бродила и устала, испачкалась’; *Ну, я пошла, до того довелела* ‘долго кричала и охрипла, сорвала голос’. Значение глаголов до-*V-ся* (до-*V*) ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’ состоит из пресуппозиции ‘интенсивное совершение действия’ и ассерции ‘доведение до неприятных последствий’. Невербализованной может оказаться ассертивная часть значения. Один и тот же глагол может функционировать в высказывании как с выраженной, так и невыраженной ассерцией: *Как коротеньки были дни-те, повалисье ф четыре часа, до того долежьи, фсе бока отлежьи* — *Я в больнице долежала до того*; *Она с одними поросятами до того доводилась, дак с ног валилась* — *С коровами тоже до того доводилась*. Второе высказывание представляет собой как бы свернутый вариант первого. Отрицательный результат в нем не конкретизирован, но именно он предопределяет общую негативную оценку описываемой ситуации.

Глаголом может обозначаться действие, заранее предполагающее отрицательный результат, что усиливает негативную окрашенность высказывания: *Вчера к нам приходили, до того добыняли*; *До того доглотили этого вина*; *Ванька до того добередил Веньку вашего*. В других случаях семантика мотивирующего глагола может быть нейтральной, а негативная оценка связана прежде всего с чрезмерной интенсивностью и/или продолжительностью действия: *Я до того доглядела, дождала* ‘очень, слишком долго смотрела и ждала’. Показательно объяснение семантики подобных конструкций носителем диалекта: *До того добились с сеном, это значит — силы все иссякли. До того добились с сеном — да тоже долго-долго бились, устали*.

Возможны такие высказывания, в которых результат действия может оцениваться как нейтральный или даже положительный, а семы ‘очень, слишком’, заключенные в семантике глагола, создают общую экспрессивность высказывания: *До того доплёл корзин этих* ‘очень долго плел, очень много наплел’. В подобных примерах есть и значение достижения некоего предела.

4. Значение интенсивности действия, приводящего к нежелательному результату, в говорах может быть выражено глаголами до-*V-ся* (до-*V*) и вне сочетания с до *того*, до *чего*: *Они скоро допадут, што коровы одну землю будут ийсь*; *Доплакала вчера, порато (сильно, долго) плакала*; *Родины протрезвились, гуляли две недели, догуляли, што уш сами себя не узнают*; *Ты у меня добродиши, доходиши, сейчас ф стойло засуну*; *Я допелась с ними*. В ЛЯ это возможно только у возвратных глаголов (*Ну что, добежалась!*)

Таким образом, семы ‘отрицательный результат’ или ‘нежелательные последствия’, как и в ЛЯ, заложены в семантике самого глагола. Их конкретизация происходит в контексте, но в отличие от ЛЯ, в говорах этой конкретизации может и не происходить. Общность информационной базы носителей говора (это одна из составляющих народной речевой культуры, особенности которой описаны в рамках

коммуникативной диалектологии В. Е. Гольдиным) допускает эллиптичность высказывания, избавляя говорящего от необходимости проговаривать то, что является общеизвестным. *С коровами тоже до того доводилась* — всем понятно, какими могут быть последствия долгой работы дояркой.

Наблюдаемая в говорах вариативность реализации семантики глаголов *до-V-ся* (*до-V*) объясняется условиями устной, не скованной строгой кодификацией речи. В речевой практике говорящих отражены этапы постепенного свертывания исходной конструкции, общей для литературного языка и говоров:

1) до того, до чего до-V-ся (до-V), что (дак): *До того допétалась, што то́ко ну́!*

2) до того, до чего до-V-ся (до-V): *Лóшат в лés-от так зáпрежйом-то ульнёт, так до того допéтаешся! До тово́ допétал, сам здох.*

3) до-V-ся (до-V): *Я допétалась с ними.*

Рассмотренные примеры показывают динамику свертывания исходной конструкции. Ее формальное упрощение сопровождается семантической конденсацией глагольного слова.

Существует и иная точка зрения на рассматриваемое явление. Она состоит в том, что глаголы *до-V-ся* (*до-V*) в говорах обозначают только длительное и /или интенсивное действие, а сема 'отрицательный результат' представлена не в семантике глагола, а только в контексте [Гецова 2001: 7–12]. Следовательно, высказывание *С коровами тоже до того доводилась* может быть прочитано так 'очень долго, много ухаживала за коровами'. Эта точка зрения нашла свое отражение в дефинициях *до*-глаголов в 11-м и 12-м выпусках АОС.

В «Предисловии» к 11-му вып. АОС О. Г. Гецова пишет о том, что в говорах имеются наречия *дотого* и *дочего*, не существует особой конструкции *до того до-*, но «имеет место свободное сочетание рассматриваемых наречий с приставочными глаголами. При этом наречия сочетаются не только с глаголами с *до-*, но и с глаголами, имеющими другие приставки, с бесприставочными глаголами, а также...со словами других частей речи (прилагательными, наречиями...» [Гецова 2001: 7].

Действительно, в сочетании с *до того* и *до чего* в говорах могут употребляться глаголы с другими приставками: *До того́ напилá винá, фсá простыла; До тово́ вьíдержалось, што сломáлось; Дак до тово́ зажнётся, рúки заболýт; бесприставочные глаголы: Стáла умирать, до того́ зубáми скьёркала, хорчýла; До того́ бéгать надоéло; наречия и прилагательные: До того́ свётлой, кáк вот стеклó; Земля́ кáг бьíтто асфáльт, до того́ сухáя; Прямо ткýт до тоо́ задóрно, без обéда; Качóля-то ой, до того́ добро́ кацýеция; Нóчью ля́жет, дак до тово́ тяжэло́ здохáет.*

Однако в этих употреблениях глагольная семантика и семантика *до того, до чего* имеют существенные отличия от сочетаний с глаголами *до-V-ся* (*до-V*). Сравним употребление глагола *пить* с приставкой *на-* и приставкой *до-*: *До того́ напилá винá, фсá простыла* и *До тоо́ допи́лá, цють не лóпнула*. В первом высказывании речь идет о том, что выпила очень много вина (то есть, актуализировано количество выпитого). *До того* выступает здесь как наречие меры. Во втором же

случае, в сочетании *до того допи́ла*, актуализируется интенсивность действия, доведение его до известного предела, повлекшего дурные последствия. И это значение может быть реализовано глаголом только с приставкой *до-* в составе сочетания с *до того*. Иначе говоря, тандем приставки *до-* и сочетания с предлогом *до* — фактор формирования подобной семантики.

Я до того с ёй заму́чилась, до того заму́чилась — очень, сильно измучилась, *До того дому́чилась, кочекáла зубáми-то, одва́ умерла́* — достигла предела предсмертных мучений.

Употребление сочетаний *до того* и *до чего* с бесприставочными глаголами, глаголами с другими приставками, а также с наречиями и прилагательными — *до того устала, до того перемазался* и т.п. — действительно сближает их с наречиями со значениями ‘очень, в высокой степени’, ‘много’, ‘долго’: *До того́ я ему́ чястүшек написáла. Мы́ нат поварёнкой до тоо́ насмея́лись. Самá мáленька, а во́лосье густо́е. До тово́ любо, до тово́ задо́рно.*

С учетом сказанного могут быть предложены следующие типы дефиниций для представления семантики глаголов *до-V-ся (до-V)*:

1. ‘Интенсивным или продолжительным действием, названным основой глагола, довести себя (кого-н., что-н.) до неприятных последствий (состояния)’: *До того́ добе́гали, боти́ночки розва́лились* (ср. в АОС-11 — ‘проводя долгое время в движении, ходьбе, вызвать нежелательные последствия’), *Уж до того́ доба́яла, не зна́ю, што и ска́зывать* (ср. в АОС-11 — ‘много наговорить, рассказать’).

2. ‘В результате интенсивного или продолжительного действия прийти в состояние, отрицательный результат которого однозначно связан с характером этого состояния’: *До того́ доваля́лся сыр* — ‘долго лежать небрежно брошенным и прийти в негодное состояние’ (ср. в АОС-11 — ‘долго лежать небрежно брошенным’). *До того́ доглотíли этóго вíна* (ср. в АОС-11 — ‘употребляя спиртные напитки в большом количестве, провести так долгое время’).

3. ‘Совершить слишком продолжительное или интенсивное действие, достичь предела действия или состояния, названного основой глагола’: *До того́ довя́жет ловушек э́тих* — ‘очень, слишком долго заниматься изготовлением чего-н.’ (ср. в АОС-11 — ‘вязанием изготовить в большом количестве’); *До того́ допришáливал, номеро́ф навьки́дывал* (ср. в АОС-11 — ‘шала, проказничая, провести за этим занятием долгое время’); *Ой, уи я́ фсю но́чь до тово́ додрожа́ла* (ср. в АОС-11 — ‘дрожа от холода, провести так долгое время, продрожать’); *До того́ доходи́ла по у́лице, ой, конь* (как) *до́лго* (ср. в АОС-12 — ‘находясь в движении, ходьбе, провести так долгое время’). *До того́ досиде́л, добле́дничал* — ‘достичь крайней степени бледности, сильно побледнеть’ (ср. в АОС-11 — ‘будучи бледным, пробыть в таком состоянии долгое время’).

Представляет интерес география глаголов *до-V-ся* в конструкции с *до того*. Их употребление «характеризует весь юг Архангельской области, в особенности юго-западную, а также западную ее части (запад и северо-запад)...» [Гецова 2001: 8]. Примеры такого употребления с обширной географией представлены в [СРГК, вып. 1] (Каргопольский, Онежский, Плесецкий р-ны Архангельской обл., Вытегорский,

Кирилловский р-ны Вологодской обл., Пудожский р-н Карелии, Терский р-н Мурманской обл.), в [СРГС, т. III] (кроме уже названных, еще и в Верховажском, Вожегодском, Харовском р-нах Вологодской обл.), в [НОС, вып. 2], [ПОС, вып. 9], [АкС, вып. 1]. Показательно, что в словарях южнорусских говоров: [ССГ, вып. 3], [ССРНГ], [СРДГ, т. 1] не представлено употребление глаголов *до-В-ся* (*до-В*) ни в сочетании с *до того*, *до чего*, ни вне этих сочетаний.

Делать окончательные выводы о географии рассматриваемого явления не позволяет отсутствие сопоставимых сведений, в основном относящихся к южным территориям диалектного членения, однако очевидно, что оно характерно прежде всего для северного наречия и среднерусских говоров.

Что касается особенностей функционирования глаголов *до-В-ся* (*до-В*), то приведенные в ПОС и АкС данные обнаруживают определенную общность с функционированием этих глаголов в говорах архангельского региона. В ПОС представлены факты употребления возвратных и невозвратных *до*-глаголов как в конструкции с *до того*, так и без нее. В АкС преобладают глаголы (*до-В*) с значением отрицательного результата или достижения предела состояния, употребляемые вне конструкции с *до того*, *до чего*.

Литература

Гецова О.Г. Предисловие / Архангельский областной словарь. Вып. 11. М., 2001. С. 7–12.

Нефедова Е. А. Виртуальное и актуальное в семантике глагольного слова (на материале говоров архангельского региона) / III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М., МГУ, 2016. С. 230–232.

Русская грамматика. Том I. М, Наука, 1980. 783с.

Словари

АкС — Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Вып. 1. Пермь, 1984. 398 с.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 11–12. М., 2001, 2004. С. 479, 479.

НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 2. Новгород, 1992. 143 с.

ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 9. СПГУ, 1994. 214 с.

СГК — Словарь говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. СПГУ, 1994. 508 с.

СГРС — Словарь говоров русского Севера. Т. III. Екатеринбург, ЕГу, 2005. 387 с.

СРДГ — Словарь русских донских говоров. Том 1. Ростов-на-Дону, 1991. 171 с.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 3. Смоленск, 1982. 160 с.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора. М., 1969. 612 с.

Elena A. Nefedova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

eanefedova@gmail.com

DO-VERBS IN THE DIALECTS OF THE ARKHANGELSK REGION: SEMANTICS AND FUNCTIONING

The article discusses features of functioning of verbs with prefix *do-* and suffix *-sya* in spoken dialects. This type of word-formation is productive not in the dialects only, it also presents in the literary language, particularly in spoken form, as well as in common parlance in the meaning ‘to bring themselves into unpleasant consequences by intense action, called by the motivating verb’. The combination of the prefix *do-* with ‘before that’, ‘to what’ is a factor in the formation of such semantics. Variability of the verbal semantics, resulted from the curtailment of the original structure, common to the literary language and dialects, is represented in the dialects. A negative result of prolonged and / or intense action may not have the verbal expression, which is a significant difference from the literary language. A formal simplification of the original structure is accompanied by a semantic condensation of the verbal word. The use of combinations of ‘before that’ and ‘to what’ with prefixless verbs, as well as with verbs with other prefixes — ‘tired to’, ‘smeared to’ and with adverbs and adjectives — ‘ground dry to’, also represented in the dialects, unites them with the adverbs ‘very high extent’, ‘much’, ‘long’.

Key words: dialect, semantics, verbal word.

References

Arkhangel'skij oblastnoj slovar [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 11. Moscow, 2001, 479p.

Arkhangel'skij oblastnoj slovar [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 12. Moscow, 2004, 479 p.

Getsova O. G. Predislovije [Foreword]. *Arkhangel'skij oblastnoj slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 11. Moscow, 2001, pp. 7–12. (In Russ.)

Nefedova E. A. [Virtual and actual in the semantics of the verbal word (on the material of dialects of the Arkhangelsk region)]. *III Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Slavjanskije jazyki i kul'tury v sovremennom mire»*. *Trudy i materialy* [3rd International Scientific Symposium «Slavic languages and cultures in the modern world. The works and materials]. Moscow, MSU, 2016, pp. 230–232. (In Russ.)

Novgorodskij oblastnoj slovar [Novgorod regional dictionary]. Vol. 2. Novgorod, 1992, 143 p.

Pskovskij oblastnoj slovar [The Pskov regional dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg, 1994, 214 p.

Russkaja grammatika [Russian grammar]. Volume I. Moscow, Nauka, 1980, 783 p.

Slovar govorov derevni Akchim Permskoj oblasti [A dictionary of the dialect of the village of Akchim of Perm region]. Vol. 1. Perm, 1984, 398 p.

Slovar govorov Karelii i sopredelnykh oblastej [Dictionary of the dialects of Karelia and neighboring areas]. Vol.1. St. Petersburg, 1994, 508 p.

Slovar govorov russkogo Severa [Dictionary of the dialects of the Russian North]. Vol. III. Yekaterinburg, Yekaterinburg State University, 2005, 387 p.

Slovar russkikh donskikh govorov [Dictionary of Russian don dialects]. Vol. 1. Rostov-on-don, 1991, 171 p.

Slovar smolenskikh govorov [Dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 3. Smolensk, 1982, 160 p.

Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora [Dictionary of contemporary Russian folk dialects]. Moscow, 1969, 612 p.

С. А. Мызников
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
myznikovs@rambler.ru

«СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

«Словарь русских народных говоров» является словарем дифференциального типа, включающим только диалектные слова и значения. В Словаре находит отражение диалектная фразеология, терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго в том случае, если они вписываются в диалектную лексическую систему и не известны в литературном языке. Дифференциальный принцип сказывается и в показе структуры слова.

В вышедших томах «Словаря русских народных говоров» зафиксировано 3809 словарных статей, в которых нет толкований и значение дается с вопросительным знаком — [Знач?]. В предлагаемой статье автор помещает как обзор подобного рода материалов, так и некоторые решения для реконструкции семантики. В виду различных затруднений при семантическом анализе словарных данных в процессе их лексикографического представления, одним из эффективных инструментов проверки толкования может быть этимологический анализ в совокупности с ареальным. Кроме того, имеющийся опыт изучения субстратных явлений из финно-угорских языков, дает хорошие результаты.

Ключевые слова: диалектный словарь, лексикография, семантика, словарная статья, субстрат.

«Словарь русских народных говоров» является словарем дифференциального типа. В его состав включаются только диалектные слова и значения. В нем находят место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова.

Как устанавливается в обновленной инструкции для составления СРНГ, в Словаре получают отражение основные семантические единицы слова, известные

в лексикологии и лексикографии под названием значения, оттенок значения и употребление. Выделение отдельного значения слова, показ соотношений семантических единиц внутри значения, установление их субординации, характеристика условий их реализации являются наиболее сложными проблемами в лексикологии и трудными для составителей словаря. Их решение предполагает выработку определенных принципов и методов семантического описания слов, позволяющих, наиболее точно отразить особенности семантических единиц и их место в семантической структуре слова. Лексическое значение устанавливается на основании показаний диалектных словарей, записей собирателей, фольклорных текстов, цитат из научных статей [СРНГ 28: XVI]. Диалектный словарь по характеру описываемого материала и по своему назначению заключает в себе элементы разных типов словарей: переводных, толковых, исторических и в значительной степени энциклопедических. В связи с этим в практике диалектной лексикографии выработано несколько способов семантической характеристики слов и значений. Различные лексические классы и группы слов нуждаются в особых приемах семантизации, учитывающих свойства слов каждой категории. Типы и виды лексических значений различаются прежде всего по отношению к реальному миру вещей и явлений, они по-разному связаны с теми или иными сторонами и фрагментами внеязыковой действительности. В Словаре применяются: а) словесное или дефинитивно-описательное толкование; б) эквивалентное, осуществляемое путем приведения литературного эквивалента или коррелята; в) толковательные формулы (то же, что...; уменьш.-ласк. к...; увелич. к...; относящийся к...; действие по знач. глаг.). Умелое их применение обеспечивает наиболее точную и адекватную передачу лексического значения слов. Определения синонимического или эквивалентного типа и дефинитивно-описательные определения ориентированы на различные категории слов в плане их взаимоотношения с лексикой литературного языка, их структурной организации и связей с внеязыковой действительностью [СРНГ 28: XVIII].

На сходных позициях стоит А. С. Герд, который во вступительной статье к СРГК пишет, что «в практике общих толковых словарей закрепилась тенденция к максимальному обобщению в одном значении (определении) различных употреблений и применений слова, хотя и связанных логически, но ситуативно и контекстуально нередко различных. Напротив, словарь, отражающий разговорную речь, а любой диалектный словарь всегда одновременно является и словарем разговорной речи, должен насколько можно более детально показать все многообразие разных семантических оттенков, употреблений и конкретных применений слова, продиктованных различными речевыми ситуациями. В конечном счете значение слова раскрывается только в единстве определения и цитаты» [СРГК 1: 8].

В вышедших в свет выпусках СРНГ представлено 3809 единиц, которые не имеют никакого толкования, а значение фигурирует только в виде знака вопроса — *Знач.?* В данной статье предлагается обзор этих материалов, а также предложение некоторых решений по семантическому описанию такого рода единиц.

Отсутствие толкования объясняется различными обстоятельствами. В картотеке СРНГ собраны материалы с начала XIX века по конец XX века. Причем нередко

имеются случаи, когда представлена запись слова без какой-либо дефиниции и иллюстративного материала. И желание составителей словаря не упускать ничего из более чем двухсотлетнего собрания диалектной лексики приводит к фиксации формы заголовочного слова с географической пометой и именем собирателя (не всегда оно имеется) материала, например:

Ба'бынка, и, ж. [Знач.?). Том., Рамзевич, 1913 [СРНГ 2: 31].

Барузде'ть, несов. [Знач.?). Твер., 1858 [СРНГ 2: 121].

Беда'к, м. [Знач.?). Боров. Новг., Евдокимов [СРНГ 2: 174].

Безза'пно, нареч. [Знач.?). Шенк. Арх., 1897 [СРНГ 2: 191].

Гага'рница, ы, ж. [Знач.?). Осташк. Твер. (год и автор неизвестны) [СРНГ 6: 88].

Гильна [удар.?). [Знач.?). Иркут., Ровинский [СРНГ 6: 172].

Крихи'на. [Знач.?). Волго-Камье, 1961 [СРНГ 15: 260].

Кру'глышек, м. [Знач.?). Тотем. Волог., Романовская, 1969 [СРНГ 15: 301].

Причем чаще всего выяснение значений для такого рода единиц на момент лексикографирования не представлялось возможным.

В большинстве случаев отсутствие значения единицы, представленной в СРНГ, сопровождается диалектной иллюстрацией или фольклорной записью, и нередко значение той или иной единицы в настоящее время уже можно прояснить по результатам словообразовательного, этимологического, сравнительно-сопоставительного, контекстуального и т.п. анализа.

Отсутствие толкования на страницах СРНГ, особенно в первых томах, нередко связано с отсутствием сопоставимого на момент составительского анализа материала. В настоящее время в ряде случаев довольно легко установить значение, которое по каким-то соображениям не было представлено в СРНГ, например:

Воро'к [Знач.?). *Надорвалась я, батюшка, Толкучи да мелючи, По вороку ходивчи, Бело платье мараючи, Я свинаях скликаючи* (песня). Курск., Сергеев [СРНГ 5: 111]. Явно соотносится с представленным в СРНГ: **Ворок** 'огороженное место, загон для скота' Бурнашев, Курск., 1849 [СРНГ 5: 110].

Кри'ца [Знач.?). «Обжав крицу под молотом и придав ей вид плоской призмы, мастер берет топор и рассекает ее на 4, 5 и 6 кусков, смотря по тому, какого размера железо намеревается готовить». Перм., Зап. Казан, эконом, общ., 1855 [СРНГ 15: 260]. Ср.: **Кри'ца**, ы, ж. Спец. Бесформенный кусок неочищенного от посторонних примесей железа, получаемый при различных способах обработки руды или чугуна [БАС 5].

Значительное число единиц, представленных без толкования, относится к данным фольклора. Фонетико-морфологические диалектные приметы языка фольклора признаются всеми исследователями языка и стиля устного народного творчества. Фольклорные произведения использовались как материал для формирования словаря русских областных словарей; из этого же источника черпались и цитаты, подтверждающие наличие слова в том или ином диалекте. Так поступали Куликовский, Добровольский, Васнецов, Смирнов, Миртов и другие составители областных словарей. Например, в Словаре Куликовского представлено 789 единиц по фольклорным записям Барсова, 136 по записям Рыбникова.

В ряде случаев имеется возможность сопоставления значений некоторых лексических единиц, зафиксированных в фольклорных и диалектных текстах. Даже тогда, когда речь идет об эпических жанрах — былинах. Например:

Кружа'ночка [Знач.?]. Фольк. *Становили старого [Илью] в кружаночку, Стала его выспрашивать*. Тихонравов и Миллер [СРНГ 15: 308]. Ср. диалектные данные: **Кружа'ночка** (Пудож. Кенозеро) — В кружаночку вм. вокруг, около [Куликовский]. **Кружа'ночка**, ж. В кружа'ночку, в знач. нареч. Вокруг, около. Олон., 1885–1898 [СРНГ 15: 308]. Приведенные материалы вполне можно сопоставить с иллюстрацией из быliny с соответствующим значением — 'круг, сомкнутая цепочка людей'.

В ряде случаев фольклорные данные могут получить разъяснение при анализе словообразовательного гнезда. Например, слово **заси'ренишь**, не имеющее толкования, с иллюстрацией из сказки: *Яга выхватила лопату, сама шлеп на лопату, девушки ее самое в печь запахали, заси'ренили, засмолили* (сказка). Волж., Камск., 1961 [СРНГ 11: 33].

Ср.: **Серени'ть** 'покрывать серным составом (палочки при изготовлении спичек)' Шенк. Арх., 1852. Онеж. Арх., Сев., Р. Урал [СРНГ 37: 212]. Причем два слова, вероятно, являются единицами со сходным значением, **заси'ренишь** 'покрыть серой', **засмоли'ть** 'покрыть смолой'.

Заретовать [удар.?]. [Знач.?]. *Заретовал он, родимый мой Кудимович, всем жуду (беду, тоску) накликал, хоть беги с двора*. Жиздр. Калуж., Архив РГО. [СРНГ 10: 382]. С префиксальным глаголом явно можно соотнести следующие данные: **Ре'товать** 'сердиться' Петрозав., Повен Олон, 1885–1898. Пудож. КАССР. *Не благуйся, а то матушка ретует* (т) Орл., 1852. *Бабы на мужей ретуют*. Калуж. Тул., Казан. 'Скорбеть, сожалеть о чем-л.' Павл. Ворон., 1850. Казан. [СРНГ 36:77].

Заре'яться [Знач.?]. *Что зареялись собаки, Побросались к воротам?* Великолукск. Пск., Прогр. АН, 1896 [СРНГ 10: 383]. Вполне сопоставимо с **Ре'яться**. 1. Идти навстречу, пробираться, напирать на кого-л. Остров. Пск., 1902–1904. 2. Бегать. *Реялись-бегали*. Порх. Пск., 1902–1904.

В ряде случаев в фольклорных материалах представлена языковая игра, и поэтому лексикографическая репрезентация весьма затруднительна, например: **Убо'йный...** 8. Фольк. [Знач.?]. *У нас были две кошки дойные да два коту убойные*. Белозер. Новг., Соколовы [СРНГ 46: 134]. Хотя несомненно употребление лексемы **убо'йный** в общенародном значении: 'предназначенный на убой'.

Нередко отмечается употребление слов в качестве эпитетов, что также затрудняет разработку толкований. В вышедших выпусках СРНГ представлено примерно 450 единиц, где толковательная формула дается в виде — эпитет кого-, чего-л., например: **Типу'ха**, ж. Фольк. Эпитет мухи. *Муха буруха, за ногу типуха* (сказка). Юрьев. Влад., 1910 [СРНГ 44: 132].

Ковы'рчатый. Фольк. Постоянный эпитет лаптей в песнях. Камышл. Перм., 1930 [СРНГ 14: 39].

Колпо'вистый. Фольк. Эпитет дуба. *Тут стоит сырой дуб, Сырой дуб колповистый*. Симб., Киреевский [СРНГ 14: 195].

Копы'лица. Эпитет прялки. *Прялица-копылица.* Кирил. Новг., 1898 [СРНГ 14: 301].

Кра'снышко, а, ср. Эпитет солнца. Семен. Нижегород. [СРНГ 15: 196].

Круглоска'тный. Фольк. Эпитет дороги. *Обглядится чужа дорога круглоскатна, жемчужина на сад-виноградье.* Арх., Якушкин [СРНГ 15: 299].

Кры'санец н ц а, м. Фольк. Эпитет kota: «сильно царапающий». Вят., Зеленин, 1915 [СРНГ 15: 349].

Хотя имеются случаи, когда по контексту иллюстрации видно употребление лексемы в качестве эпитета, однако такого рода толкование отсутствует, например: **Воронечка** [Знач.?]. *Пылай, пылай, печка, Пылай, воронечка.* Муром. Влад., 1879. [СРНГ 5: 113]. Несомненно, что **воронечка** — это эпитет печки.

В некоторых материалах довольно сложно разграничить — эпитет как таковой и случаи дивергентной редупликации¹. Например: **Ласко'тушка.** Фольк. Эпитет ласточки [?]. *Уж я лучше спрошу, беднушка, У косатой летной ластушки — Тая ластушка-ласкотушка Она летит ровнешенько* (причит.). Север., 1960 [СРНГ 16: 278].

Еще один пример, где сопряжены **овин** и **авиля** (овиля). Последняя единица, вероятно, своеобразный эпитет-редупликация: **Ави'ля** [Знач.?]. *Ты, овин, ты, авиля, Не пуцай на овин пламя* (заговор от огня). Березовка Дмитров. Орл., Добровольский, 1905 [СРНГ 1: 198].

Вероятно, также возможно трактовать следующую единицу как эпитет.

Бата'льица. [Знач.?]. *Шел парень со вечерочки, со батальицы, Шел-то, пришел к молодой жене. Он домой-то пришел поздно вечером.* Енис., 1908 [СРНГ 2: 140]. При наличии сопоставимого материала имеется возможность сравнения со следующими данными, ср.: **Бата'литься.** Возиться. Баталились до вечера. Селищев. О языке совр. деревни, 1939. **Бата'лица.** Баталия. *Как пришел Всеславич на ту на баталицу.* Терск., 1868. [СРНГ 2: 140]. Т.е., в данном случае — эпитет вечерки.

Итак, поиск отсутствующего значения в картотеке (и далее в СРНГ) нередко может быть продуктивным и приносящим какие-то результаты по анализу семантики однокоренных лексем. Кроме того, дополнительным аргументом может служить наличие значительного числа сходных данных в одном и том же регионе, например: **Заручи'ть** [Знач.?]. *Эти приговора заручены неправильно.* Тотем. Волог., Архив АН, 1898 [СРНГ 11: 10]. Ср. материалы Словаря Дилакторского: **Заручи'ть** (Великоуст., Кадников.). Подписать за неграмотного. Перед тем как расписаться неграмотный дает руку расписывающемуся за него, и этим рукопожатием он дает как бы разрешение за него расписаться [Дилакторский: 161]. Следует отметить, что в общенародном лексиконе в XIX веке фиксировалось другое значение: **Заруча'ть** 'подписывать своею рукою; скреплять подписанием своего имени и звания': Заручить запись, контракт, доверенность [Слов. Акад. 1847].

Таким образом, ввиду различных сложностей семантического анализа лексических данных в ходе их лексикографической репрезентации, одним из действенных

¹ О термине см. Арсентьева Е. Ф., Валиуллина Р. Б.

инструментов верификации толкования может быть этимологический анализ, совмещенный с ареальным. Причем опыт исследования заимствованных и субстратных данных финно-угорского происхождения показывает неплохие результаты, поскольку субстрат представляет собой адаптированные реликты, обычно связанные с определенным субстратным типом со стабильной формой (не всегда) и семантикой. Приведем некоторые примеры.

Бардошина, ы, ж. [Знач.?]. *Тут колосники и бардошины*. Кириш. Ленингр., 1960. **Ба'рдошник**, а, м. [Знач.?]. *Трясите ба'рдошник*. Кириш. Ленингр., 1955 [СРНГ 2: 114]. Вероятно — настил из жердей. Ср. вепс. *parz* 'бревно' (СВЯ, 402), pl. *parded* 'бревна'. Мена [б] / [п] вполне вероятно как на русской, так и на прибалтийско-финской почве. Можно также сопоставить и с **Ва'рда** 'изгородь из жердей' Лодейноп. [КСРГК]; *И повешаем в варду, изгорода такая, колья в землю торкнут, пяточку раздвоим, и в варду вешать*. Лодейноп. Ленингр. [СРГК 1: 162]. Трудно определенным образом атрибутировать данные, отмеченные в Приладожье. Вероятно, они могут быть связаны с предыдущими. Вряд ли эта единица связана с вепс. *varz* 'рукоятка, черенок', ген. *varden* [СВЯ: 615] или с вепс. глаголом *vard'oita* 'сторожить, караулить, стеречь', при люд. *vard'oida* 'то же' [SSAP 3: 413]. Ср., однако, кар. сев. *vartta* 'жердь, которой ломают лед', *vartata* 'плыть на лодке осенью или весной, жердью ломая лед' [SKES: 1661], фин. *varsta*, *vartta* 'цеп' [SKES: 1661], при коми *varпан* 'молотильный цеп' [ССКЗД: 38], из коми *варпны* 'молотить' [КЭСКЯ: 47].

Еще один пример отсутствия семантической разработки: **Лостинки** [удар.?] [Знач.?]: *— Ударил сырой дуб. Он весь на лостинки разбил*. Кирил. Новг. [СРНГ 17: 154].

Имеется весьма обширный материал, который проясняет семантику. **Ло'сты** 'две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы' Шекс. (Сизьма) [ПЛГО]. Север (Барсов). «Дранки в ткацком станке» Олон. [Куликовский]. Кирилл. [СВГ 1989: 51]. 'Приспособление в ткацком станке в виде деревянных брусков, служащих для разделения нитей основы»: — *Вот это красны, это лосты, по этим лостам пряжа идет*. Кирил. Бабаев., Вашк., Волог., Вытегор., Черепов., Белоз. [СРГК 3: 151]. **Лост** 'материал (дранка, лучина, рейки), которым зашивают просмоленные и законопаченные пазы наружной обшивки судна, лодки' Слов. Акад. 1847. Волж., 1914. Волог. [СРНГ 17: 154]. **Лоста'** 'две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы' Кирилл. Волог. [КСРГК]. **Лости'на** 'дощечка в ткацком стане, с помощью которой образуется зев продольных нитей основы' Бабаев., Белозер. Волог. [СРГК 3: 151]. 'Сосновая дранка' Белозер. [ПЛГО]. **Ло'стина** 'материал для заделывания законопаченных щелей в лодке' Кадуйск. Волог. [СРНГ 17: 154]. Данные варианты представляют собой особенности результата адаптации на почве вологодских говоров, причем этимологически представляют тот же субстратный тип с огублением [а] > [о]: **ла'ста** > **ло'ста**. Причем лексема *ласта* с вариантами имеет давнюю исследовательскую традицию. Я. Калима, основываясь на данных словарей Даля и Куликовского, предлагает ливвиковскую этимологию, ср. ливв. *lasta*

‘дранка, планка’, при фин. *lasta* ‘то же’ [Калима 1915: 150]. Сюда же относит люд. *laštikot* ‘планки в ткацком станке’, вепс. *laštikod* ‘лучины, из которых изготавливают корзины’ [Калима 1915: 150]. Впервые дал этимологию анализируемого материала в рассматриваемом нами значении Лесков, отнесший зафиксированную им лексему *ластежка* «дранки, полагаемые между нитками в ткацком станке» к кар. *lasta, lašte* ‘широкая тонкая лучина, из которой делают корзины и сиденья в дровнях’, кар. *lastu* ‘щепка’ [Лесков 1892: 100]. Фасмер разводит *ласт* «материал для обивки лодок» и *ластега* «деталь ткацкого станка», последнее возводя к люд. (см. выше) [Фасмер 2: 463]. Исходя из более обширных данных прибалтийско-финских языков, возможно говорить о вепско-общекарельском источнике слова *ласта*, со сходным объемом семантики, ср. вепс. *last* ‘расколотое полено для лучины’, ‘лучина для изготовления корзин’, ‘лучины при тканье, чтобы нити основы не перекрещивались’ [СВЯ: 278], кар. твер. *lašta* ‘одна из двух планок в ткацком станке’ [СКЯП: 132], ливв. *lastu* ‘щепка, щепка’, ‘лучина для узорного тканья’ [СКЯМ: 179], эст. диал. *last* ‘деревянный стержень, соединяющий ось телеги’, ливск. *lašta* ‘отвал плуга’, водск. *lassa* ‘бердо’ [SKES: 278], водск. *lassu* ‘щепка’ [VKMS: 142], ижор. *lastu* ‘щепка, лучина’ [IMS: 251]. Итак, сопоставление русских данных и этимологически первичных прибалтийско-финских материалов позволяет для слова **лостинки** предложить значение ‘щепки’.

Таким образом, в тексте СРНГ имеются как сильные стороны сводного диалектного лексического компендиума — историзм, обширность данных, глубина семантических разработок и т. п., так и некоторые возможности улучшения лексикографирования, направленные в том числе и на корректировку семантики представленных материалов.

В заключение следует сказать, что работа над осмыслением, анализом и верификацией уже изданного словарного текста, вне всякого сомнения, должна быть продолжена.

Литература

Арсентьева Е. Ф., Валиуллина Р. Б. Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1(31). С. 12–16.

Барсов Е. В. Причитания Северного края. Чч. 1–2. М., 1872–1882.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Тт. 1–3. М.-Л., 1949–1951 /1-е изд. СПб., 1873.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб. 1880–1882. Т. 1–4.

Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия по рукописи П. А. Дилакторского. СПб.: Наука, 2006 [Рукопись 1902 г.].

Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л., 1963.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Филин Ф. П. Об областном словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957. С. 12–13.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.

Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908.

Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Рыбников П. Н. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1–24.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. 1964–1973. Тт. 1–4.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.; Л., 1948–1965.

Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».

КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СВЯ — Словарь вепского языка. Сост. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Л., 1972.

СКЯМ — Словарь карельского языка [ливвиковский диалект]. Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.

СКЯП — Словарь карельского языка [тверские говоры]. Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994– 2005. Т. 1–6.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2016. Т. 1– 49.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.

IMS — Inkeröismurteiden sanakirja. Toimit. R. E. Nirvi // *Lexica societatis fenno-ugricae*, XVIII. Helsinki, 1971. 730 s.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1- 6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955- 1981.

SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.

Sergey A. Myznikov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(St. Peterburg, Russia)

myznikovs@rambler.ru

“DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS”: SOME PROBLEMS OF THE SEMANTIC DESCRIPTION

«Dictionary of Russian Dialects» is the dictionary of a differential type. It includes only dialect words and meanings. Dialectal phraseology, a variety of terminological vocabulary, archaisms and even elements of argo find their place in it, if they enter the dialectal lexical system, they have local limitations and are not known in the literary language. The differential principle extends to the structure of the word.

The released issues of the «Dictionary of Russian Dialects» are 3809 units, which have no interpretation, and the meaning appears in the form of a question mark -Znach? In this article we offer an overview of these materials by proposing some solutions for the reconstruction of semantics. propose

In view of the various difficulties in the semantic analysis of lexical data in the course of their lexicographic representation, one of the effective tools for verification of interpretation can be an etymological analysis combined with an areal one. Moreover, the experience of studying borrowed and substrate data of the Finno-Ugric search shows good results.

Key words: dictionary, lexicography, semantics, vocabulary entry, interpretation.

References

Arsent'eva E. F., Valiullina R. B. Reduplikaciya v sovremennom anglijskom i russkomazykah. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. 2013, no.1(31), pp. 12–16.

- Barsov E. V. *Prichitanija Severnogo kraja*. CHch. 1–2. M., 1872–1882.
- Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*. Vol. 1–3. M.-L., 1949–1951, 1-e ed. SPb., 1873.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. M.; SPb. 1880–1882. Vol. 1–4.
- Dilaktorskij P. A. *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya po rukopisi P. A. Dilaktorskogo*. SPb.: Nauka Publ., 2006 [Rukopis' 1902 g.].
- Evgen'eva A. P. *Ocherki po yazyku russkoj ustnoj poehzii v zapisyah XVII–XX vv.* M.; L., 1963.
- Kulikovskij G. I. *Slovar' oblastnogo oloneckogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii*. SPb., 1898.
- Filin F. P. Ob oblastnom slovare russkogo yazyka. *Leksikograficheskij sbornik*. Iss. 2. M., 1957, pp. 12–13.
- Dobrovol'skij V. N. *Smolenskij oblastnoj slovar'*. Smolensk: Tipografiya P. A. Silina, 1914. 1022 p.
- Vasnevov N. M. *Materialy dlya ob»yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora*. Vyatka, 1907. 357 p.
- Onchukov N. E. *Severnye skazki* (Arhangel'skaya i Oloneckaya gubernii). SPb., 1908.
- Podvysockij A. O. *Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii*. SPb., 1885.
- Rybnikov P. N. *Sbornik slov, upotreblyemyh v Oloneckoj gubernii*. *Ehtnograficheskij sbornik*. SPb., 1864. Iss. 6, pp. 1–24.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. M. 1964–1973. Vol. 1–4.
- Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors, 1915.

М. В. Турилова
МГТУ им. Н. Э. Баумана (Калужский филиал)
(Россия, Калуга)
turilova@gmail.com

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ СУМАСШЕСТВИЕ С УМОМ

В статье рассмотрены русские диалектные слова и словосочетания, связывающие сумасшествие с умом, рассудком человека, в лексико-семантическом поле «Безумие». Выделены семантические переходы, по которым развиваются указанные значения. Определены некоторые устойчивые словообразовательные модели, синонимичные гнезда.

Указаны примеры сохранения утраченного литературным языком этимологического значения лексемы или корневой морфемы в составе выражений, случаи объединения моделей, ремотивации, нейтрализации морфем.

Проведено сравнение мотивационной структуры групп диалектных слов и словосочетаний, связывающих потерю рассудка с качествами человека в целом и характеризующих помешательство в связи с умом, рассудком (последняя представлена в данной статье). Указаны уникальные модели в первой и второй группах.

Ключевые слова: русские диалекты, мотивационная модель, этимологическое гнездо, реконструкция, лексико-семантическое поле «Безумие».

Анализ лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке показал, что потеря рассудка связывается как с качествами человека в целом, так и со свойствами его ума. Некоторые модели включают в себя лексику двух типов. В данной статье представлено исследование лексики, которая предполагает связь помешательства со свойствами ума, рассудка. Первая группа моделей представлена в другой публикации.

Проанализированы русские диалектные словосочетания, включающие слова *ум, рассудок, смысл* и некоторые другие с подобным значением, входящие в лексико-семантическое поле «Безумие». При описании модели семантический переход назван по типу слов со значением 'сойти с ума', за исключением мотивационных переходов, предполагающих существование враждебного воздействия как причины сумасшествия. Остальные компоненты пропозиции потери рассудка даются

с указанием значения, но без уточнения мотивационной модели применительно к ним.

Мотивационные модели развития семантики безумия позволили реконструировать представления о помешательстве, существующие в диалектной языковой картине мира. Полученные результаты дали возможность уточнить этимологии некоторых слов.

1. Пространственные представления и отступление от нормы. Ум, рассудок может представляться пространством, местом или путем, которые оцениваются как правильные.

Продуктивной основой развития значения 'сумасшествие' является **семантика движения**: модель '**выйти**' → '**сойти с ума**' представлена урал., ряз. *'выйти из ума*, волог. *'выйти с ума* [СРНГ 5: 286], урал. *'выбиться из ума* 'потерять рассудок' [СРГСУ Доп.: 87], том. *'выйти из толка* 'лишиться ума' [СРНГ 5: 286; 44: 185], ряз. *из 'памяти* *'выйти* [СРНГ 25: 191], новг., белозер. безл. *'выкинуло из памяти* 'лишиться рассудка' [СРНГ 5: 290], том. *'выбыть из рассудку* 'стать сумасшедшим' [СРНГ 5: 251]; карел., арх. *'вывести из ума* 'свести с ума' [СРНГ 5: 256], карел. *'вывести ума на безумие кого-л.*, иркут. *'выкачать из ума кого-л.* [СРНГ 47: 159], олон. *'вывести с разума* 'довести до потери рассудка' [СРНГ 34: 71]. Учитывая семантику префикса, сюда же можно отнести вят. *'выиграться из ума* 'потерять сознание, сойти с ума' [СРНГ 5: 285].

Семантический переход '**сдвинуться в сторону, с (правильного) места**' → '**сойти с ума**' еще продуктивнее: это производные от литер. *сойти с ума* груз. *сумасшедить* 'сходить с ума' [СРНГ 42: 227–229], тул., курск. *осумасшедшеть* 'сойти с ума' [СРНГ 24: 97], дон. *отойти от ума* [СРДГ III: 170], сахалин. *с ума посойти* [СРНГ 30: 193], новг. *соходить с ума* [НОС X: 125], дон., иркут., том., сиб. *самашедший* [СРНГ 36: 74], нижегор. *самошедший* [СРНГ 36: 112], ворон., орл. *сумасходный* 'сумасшедший' [СРНГ 42: 227]; том. *сумасшедство, сумашество* 'потеря рассудка', карел. *сумасшедшая больница* 'психиатрическая больница' [СРНГ 42: 227–229], том. *'сдвинуться с ума* [СРНГ 37: 55], урал., волог., свердл. *отстать от ума, отстать ума* [СРГСУ III: 90; СРНГ 24: 320], карел. *'спятило (кого)* [СКар. 6: 294], смол. *'спятиться с ума* [ССГ 10: 100], вят. *поятнить с ума* 'сойти с ума' [СРНГ 30: 28], *'тронуться с ума, умом* *'тронуться* ряз., *'тронуться* пск., ворон., урал., новосиб. [СРНГ 47: 162] и производные смол. *сумастронный, сумастронный* 'сумасшедший' [СРНГ 42: 227–229], разг. *своротить с ума* [ССРЛЯ XVI: 573], новг. *соскочить с ума* [СРНГ 40: 45], кемер., омск., яросл. *'сбиться с ума* [СРНГ 36: 172], Ср. Прииртышье *сбродить с ума* [СРНГ 36: 184], волог. *в уме не устоять*, омск. *на ум не находить*, новг., ленингр. *с ума* *'крякнуться*, омск. *с ума сбивать* кого-л., томск., среднеобск., карел. *с ума* *'сбиться*, среднеобск. *с ума* *'сдвинуться*, арх. *смануться с ума* 'сойти с ума' (олон., карел. *смануть* 'шмыгнуть, юркнуть куда-л.') [СРНГ 38: 343], рост., дон. *отойти от памяти* 'потерять рассудок' [СРНГ 25: 191], вят. *'спятить с панталыку* [СРНГ 40: 300], прост. *'тронуться головой*, карел. *'тронуться умка* 'повредиться в уме' [СКар. 6: 516], экспрессивное свердл. *сдерихон* 'сумасшедший' [СРНГ 37: 67], смол. *свести с разума* [СРНГ 35: 166],

смол. *све́сти с вѣликого 'разума* [СРНГ 34: 71–72], дон. *отойти от ума*, омск., Низ. Печора *стря́хнуть с ума* кого-л. 'свести с ума', ленингр. *с ума 'сунуться* [СРНГ 47: 160–161], пск., онеж. *ума 'крянуться 'сойти с ума*' при яросл., ленингр., новг. *кря́нуть*, твер., новг., вят., олон., зап.-брян. *крéнуть 'сдвинуть(ся)'* [СРНГ 15: 368–369].

Сюда же можно отнести дон. *'рухнуть́я умом, с ума*, курск. *умом 'рухнувши* [СРНГ 35: 275], киров., вят. *ума ру́шиться* [СРНГ 35: 291], курск. *рыхнуться́ ума* [СРНГ 35: 323], *рехнуться́ (умом)*, омск. *рехнуться́ со всем умом* [СРНГ 35: 79–80], волог. *умка рехнуться́* [СРНГ 47: 193]. По версии Ж.Ж. Варбот, значение 'потерять рассудок' развивается по модели 'быстро сдвинуться', а сами глаголы относятся к гнезду праслав. **ръх-* 'сдвигать, разрушать'. Вокализм ступени редукции **ръх-* вторичен и появляется из **ръх-*, вторична и структура *решиться́* [Варбот 2012: 216]. От указанных словосочетаний образуются сложения влад. *умáрехнуться́ся*, моск. *умарéшенный, умáряхнуться́ 'сойти с ума*' [СРНГ 47: 175–176], моск. *сумáряхнуви́ный, сумáряхнуви́ный 'сумасшедший'* [СРНГ 42: 227].

Есть примеры контаминации этой активной модели и других: **'истратить'** → **'сойти с ума'** (арх., мурман., омск. *'выжиться́ из ума* [СРНГ 47: 159]), **'поглотить'** → **'сойти с ума'** (том., омск. *сду́реть с ума* [СРНГ 47: 161]).

Вариантами этой модели являются **'упасть, свалиться'** → **'сходить с ума'** (пинж. арх. *с ума свáлиться* [СРНГ 36: 207], арх. *пока́титься с ума 'сойти с ума'* [СРНГ 28: 372], омск., Низ. Печора *'страхивать с ума* кого-л. 'делать безумным, сводить с ума кого-л.' [СРНГ 47: 161], арх. *'скидывать с ума, 'скидываться умом* [СРНГ 37: 412–413], сарат. *ско́пытиться́ в уме* 'утратить способность здраво рассуждать' [СРНГ 38: 82], *с ума 'сунуться*, арх. *'через ум 'кинуться* [СРНГ 47: 159–162]) и **'спуститься'** → **'сходить с ума'** (новг. *соско́чить с ума* [СРНГ 40: 45], разг. *с ума спры́гнул*, ленингр. *с ума спу́ститься 'сойти с ума'* [СРНГ 47: 160]).

Осмысление ума, рассудка как **правильного места** или **пути** в варианте **'потеряться'** → **'сходить с ума'** мы видим в олон. *'сбиться́ с 'грунту 'сойти с ума'*, пск. *сбить с 'грунту* [СРНГ 7: 169], смол., курск. *'сбиться́ с 'глузду, глуздов* [СРНГ 6: 208], диал. *умобредствовать́ 'сумасбродить'* [Даль IV: 496], терск. *ум-разум рас-ходит* 'ум за разум заходит', омск. *разойтись́ умом 'разойтись с умом, потерять рассудок'* [СРНГ 34: 51], диал. *разумком расхоженький* 'о слабоумном человеке' [СРНГ 34: 302].

Еще одна группа моделей связана с представлениями о **запутывающем движении, кручении, верчении** под враждебным воздействием нечистой силы: «непрямое» поведение, повторяющиеся действия, движение по кругу в славянской картине мира наделяются негативными коннотациями [СД III: 13].

Мотивационная модель **'перевернуть (ум)'** → **'лишить рассудка'** активна в диалектах: донск. *'разум перевернуло* 'о человеке, потерявшем рассудок' [СРДГ III: 170].

Образ движения, соединенный с идеей **запутывания**, лежит в основе значений карел. *мѣшаться́ с 'разума* [СКар. 3: 236–237], *умом* [СРГСУ II: 131], карел. *помѣшался́ 'разум 'сходить с ума'* [СРНГ 18: 148], кемер., среднеобск. *смѣшаться́*

голово́й, свердл. *у́мом* ‘потерять рассудок’ [СРНГ 39: 11], ворон. *смў́тяться* ‘разумом’ ‘помешаться’ [СРНГ 39: 68]; вят., арх. *пóпутаться в ў́ме, ў́мом* [СРНГ 30: 19], смол. *в голо́ве забу́нтовано* ‘о помешательстве’ [СРНГ 9: 282], смол. ‘память забунто́валась’ ‘память смешалась, изменила’ [СРНГ 9: 282] при сиб. *бунт* ‘связка беличьих шкурок’, смол. *бунта́нина* ‘путаница’, пск. *бунто́вать* ‘взбалтывать, мешать, мутить’ [СРНГ 3: 277]. Образное перм. *мо́зга бунту́ют* ‘о мозговом заболевании’, вероятно, является результатом переосмысления в составе выражения значения глагола *бунто́вать* ‘скручивать, спутывать’ как ‘возмущаться, бунтовать’ [СРНГ 18: 201].

2. «Количественное» понимание безумия и рассудка. Такие модели метафорически представляют ум человека как некий объект, имеющий определенный объем, количество.

Продуктивной является модель ‘без ума’ → ‘глупость, неразумие, безумие’: ср. карел. *бэ́зумок* ‘человек с больной психикой’ [СКар. 1: 54], сиб. *безумле́нный* ‘малоумный, помешанный’ (Даль) [СРНГ 2: 201], перм., волог. *бэ́зумник, бэ́зумница* ‘человек, поступающий безрассудно, безумец’ [СРНГ 2: 201], моск. *прíйти в бэ́зумство* ‘сойти с ума’ [СРНГ 2: 202], урал. *прíйти в бэ́зумие* ‘обезуметь, лишиться ума’ [СРНГ 31: 233], моск. *бэ́зумный дом* ‘больница для душевнобольных’ [СРНГ 2: 202]; курск., орл., юго-вост., южн., пск., смол., зап. *нет* ‘глузду’ ‘без ума, памяти, рассудка, толка’ при *глузд* ‘ум, память, рассудок, толк’ [СРНГ 6: 207], *ума́лишенный* и *умалише́нный* ‘полоумный’ (Даль), морд. *умалише́нный дом* ‘психиатрическая больница’ [СРНГ 47: 174], том., омск., краснаяр. *не при ў́ме* ‘о слабоумном или психически больном человеке’ [СРНГ 20: 313], новосиб. *‘разум поте́рялся* ‘о потере рассудка, о сумасшествии’ [СРНГ 34: 71], омск. *толк поте́рять* ‘потерять рассудок’ [СРНГ 44: 185], дон. *Бог обнёс ў́мом* [СРНГ 47: 159].

Модель ‘мало ума’ → ‘сумасшедший’ иллюстрируют примеры *мало́умный* ряд. ‘взбалмошный, шальной’, перм. *мало́умок* ‘помешанный человек, глупец’ [СРНГ 17: 338].

Язык отражает представления о том, что избыток ума тоже приводит к помешательству: переход ‘чересчур много ума’ → ‘сумасшествие’ представлен диал. *до́умствовался до бэ́зумия* [Даль IV: 496], урал. *умо́ваться* [СРГСУ VI: 128], пск., твер. *переу́миться* ‘потерять способность понимать’, ‘сойти с ума’ [СРНГ 25: 255], *позау́миться* ‘потерять здравый смысл, разум; замечтаться’ (Даль) [СРНГ 28: 321].

Семантический переход ‘истратить (ум)’ → ‘сойти с ума’ представлен выражениями ‘сделаться без ў́ма’ [СРНГ 37: 63], брян. *глузд (глу́зды) отж́ивать* [СБрян. 4: 21–22], брян., омск. *отж́ить (ум)* ‘выжить из ума, потерять рассудок’ [СРНГ 24: 182–183], карел. *отж́иться*, дон. *выж́ивать ум* [СРДГ I: 86], урал. *изу́миться* [СРГСУ I: 203], олон. *обу́меть, обу́мить* ‘выжить из ума’, *обу́миться* ‘поглупеть, выжить из ума, стать забывчивым’ [СРНГ 22: 251–252], *ум от́ходит* ‘об ослаблении умственных способностей’ [СРНГ 24: 354].

Близка к описанной модель развития семантики сумасшествия на основе значения **потери**: дон. *те́рять смысл* ‘терять рассудок’, *те́ряться умом* [СРДГ III: 130], груз. гов. *те́ряться ра́судком* ‘терять рассудок’ [СРНГ 34: 236], новосиб. ‘разум

потёрлся ‘о тяжелом психическом заболевании, помешательстве’ [ЭССЯ 35: 137], великолук. *тёрять* ‘розум’ ‘терять ясность мыслей, сознания, сходить с ума’ [СРНГ 35: 166].

Сумасшествие связывается с **нехваткой, неполнотой**: ср. урал. *недóвольный, недóвольный голо́вой, умом* ‘психически ненормальный’ [СРГСУ II: 195; СРНГ 21: 18] при якут., арх., сев.-вост. *дóвольный* ‘достаточный, обильный’, влад. *дóвольный* ‘разум’ ‘здравый, трезвый ум’ [СРНГ 8: 86], лит. гов. *не́полного* ‘розума’ ‘не в своем уме кто-л.’ [СРНГ 35: 166], арх. *не во всем ра́судке* кто-л. ‘кто-л. со странностями, придурковатый’ [СРНГ 34: 236], арх., волог. *не во всем уме* ‘о человеке, на время потерявшем способность здраво мыслить из-за каких-л. переживаний’, ‘о человеке со странностями, придурковатом’ [СРНГ 47: 160].

Сюда же относятся многочисленные выражения с глаголом *не хв́атает* и синонимичными ему: донск., ворон., костром. *дévятой клéпки (мóзгов, винтиков) не хв́атает, не достáет, нет (в голо́ве)* ‘о человеке с придурью’ [СРДГ I: 143; СРНГ 13: 281], иркут. *до рубля семь ‘гривен не хв́атает* ‘о психически ненормальном или очень ограниченном человеке’ [СРНГ 37: 158], брян. *не дóхватывает в голо́ве* ‘выживший из ума’ [СБрян. 4: 22], арх. *не весь в уме* ‘о человеке странном, придурковатом’, волог. *не во всем уме*, том. *не с по́лна ума*, омск. *не́полный умом*, карел. *ума ‘целого нет* [СРНГ 47: 159–162], петрозав., олон. *не с ‘полного рас́судка, не с по́лна ума* ‘дурашливый, глупый человек, сумасшедший’ [СРНГ 20: 313], арх., урал. *не в ‘полном ‘разуме* ‘не совсем здоровый психически’ [СРНГ 34: 71], киргиз. *полу́мка* ‘слабоумный человек’ [СРНГ 29: 168].

Представления о **здоровье**, в том числе душевном, как **целостности**, унаследованные с индоевропейского периода (ср. греч. *σῶφρον, σοφροσύνη* ‘целомудрие, букв. здравомыслие, благоразумие, рассудительность’, гот. (*ga*)*hailjan*, нем. *heilen* ‘исцелять, лечить’, имеющие внутреннюю форму «целый»), — это соединение метафор «количества» и «качества» ума. Др.-русск. *цѣлымь умомь* ‘в полном разуме’ является формулой при составлении завещаний [Срезневский III–2: 1456], ср. также ст.-укр. *цельмь умомь, за целого розоумоу, цельмь розумомь* ‘в здравом рас­судке’ [ССтароукр. 2: 528], *с полнымь розумомь, оу полномь розоумѣ* ‘в полном (здравом) рас­судке’ [ССтароукр. 2: 183], *оу добромь розоумѣ* ‘то же’ [ССтароукр. 2: 299].

Еще одной «обратной стороной» полноты, цельности, наряду с неполнотой, нехваткой, **поврежденностью** (ср. краснаяр. *умом надóрваться* ‘внезапно потерять рассудок’ [СРНГ 47: 161]), является пустота как отсутствие объекта или его значимого качества. Модель **‘пустой (ум)’** → **‘сумасшедший’** представлена прост. *полу́мный*, на современном этапе — сложением с первым формантом **pol-* ‘полый, пустой’, ср. волог. *‘полый* ‘слабый по здоровью, болезненный’ [ЭССЯ 28: 250], а также яросл. *полу́ман* ‘сумасшедший’ из **polmę* с архаичным суффиксом *-теп-*, ср. *лихóман* из **lixmę* [Варбот 2012: 179; Турилова 2011: 238]. Сюда же относятся том., латв. *полу́м, полу́мка*, пск., твер. *полу́мок* ‘помешанный’, ‘бешеный’, свердл. *полу́мец*, пск., твер. *полу́мница* ‘помешанный, слабоумный человек’, твер. ‘бешеный’, нижнедон. *полу́мственный* ‘полоумный’, карел. *полу́мый*

[СРНГ 29: 127], пск., твер. *ополоум* ‘сумасшедший, полоумный или дураковатый человек’, тамб. *ополоумить* ‘свести с ума’, новг. ‘сойти с ума’, тамб., твер. *ополоумиться* ‘обезуметь, ошалеть, оглупеть’ [СРНГ 23: 277]. Признак ‘пустой’ противопоставляется ‘целому’ и наделяется негативными коннотациями: например, у многих славян нечистая сила обозначается словами со значением ‘пустой’, ср. полес. *пўстэ* ‘зло, нечистая сила’ [СД IV: 146].

3. Представления о «качестве» поврежденного ума. Для ряда моделей этой группы существенны представления о **норме ума, памяти, рассудка, поведения.**

Модели **‘не соответствующий норме, не свой (ум, рассудок, возраст)’** → **‘сумасшедший’** соответствуют разг. *быть не в своём уме*, дон. *презойти в детский разум* [СРДГ I: 130], *не в своём смысле (быть)*, карел. *не в ладах (быть)* ‘потерять рассудок, помешаться’, смол. *быть не в своей памяти* [ССГ 8: 11], дон. *отойти от памяти, не в своих памятах* [СРДГ II: 220] (ср. серб. *папет* — ‘ум, разум’), том. *не в порядке* кто-л. ‘слабоумный, ненормальный’ [СРНГ 30: 127]. Сюда же можно отнести модель *измениться ума, разума* ‘потерять рассудок’ (фольк.) [СРНГ 12: 144].

Вероятно, к случаю контаминации моделей **‘с чем-либо неподходящим в голове’ + ‘отравиться’** → **‘сумасшедший’** относится смол. *в голове багун* при смол. *багун* ‘багульник’ (некоторые его виды ядовиты), ‘глупость, помрачение ума, затмение’ [СРНГ 2: 36–37], ср. новг. *с максимцем* ‘о человеке с придурью, с причудами’ из новг. *макса* ‘рыбы потроха’ [СРНГ 17: 315].

Сохраняются лексемы, имеющие в своей основе представление о сумасшествии как о **темноте, помрачении**: арх. *тёмный рассудок у кого-л.* ‘об умственном расстройстве у кого-л.’, *мороки ударяют на голову (в голову)* [Даль II: 910, СРНГ 18: 273]. Вероятно, к этой модели относятся твер. *помутнение (в голове)* ‘сумасшествие’, терск. *помутилось в затылке у кого-л.* ‘помрачилось сознание у кого-л.’ [СРНГ 29: 233].

Сумасшествие связывается со свойством **закрытости с восприятию**: ср. гов. Низовой Печоры *умом поплёниться* [СРНГ 47: 162], латв. *голову глумить* ‘сбивать кого-либо с толку, лишать способности здраво рассуждать’ [СРНГ 6: 210] при *оглумить* пск., смол. ‘лишить способности соображать (шумом, криком, длительным разговором и т.п.)’ [СРНГ 22: 320]. В последнем случае лексемы сохраняют этимологическое значение корня, утраченное современным литературным языком, в котором представлена семантика злой насмешки, издевательства, ср. литер. *глумиться* ‘издеваться, зло насмеяться’. Праслав. **glumь* — это суффиксальное образование на базе усеченного **gluxь* [ЭССЯ 6: 147–148] со значением каритивности, отсутствия качества, неспособности воспринимать [Wojtyła-Świerzowska 1991; Толстая 2008].

По активной модели **‘сломаться’** → **‘сойти с ума’** идет семантическое развитие дон. *спорушиться умом* ‘сойти с ума’ [СРДГ III: 137]. В прибайкальских говорах есть выражение *репу замкнуть* устойчив. ‘потерять рассудок’ [СПрибайк. 3: 143]: вероятнее всего, это «модернизированный» вариант модели ‘сломаться’ → ‘сойти с ума’ с глаголом *замкнуть* ‘о поломке, связанной с электричеством’

и существительным *‘репа*, обозначающим голову, метафорически представляемую электроприбором. Вместе с тем, первое значение глагола *зámкнуть* — это ‘закреть’ (**разум зámкнуло*), и возможна модель ‘**закрытый (к восприятию)**’.

Этимологически слова *ум* и *глупость* характеризуют именно способность и неспособность к восприятию (арх. *‘нэум* ‘безумие, сумасшествие’, иркут., перм., урал., сиб., кемер. ‘бессознательное состояние’, кузбасск. *‘неумь* ‘отупление, оцепенение’ [СРНГ 21: 193]) и лишь позднее связываются с интеллектуальными возможностями человека. Праслав. **имь* восходит к и.-е. **au-men-* ‘ясное сознание’, ‘бодрствование’, ‘способность замечать, узнавать, познавать’, ‘ум, рассудок’ (от **au-*, **au-ēi-* ‘чувственно воспринимать, понимать’ [Рокотну 78]) и характеризует зрительное восприятие. Это значение корня сохраняется др.-русск. *разумь / розумь* ‘указание, знак’ [Срезневский III: 160], как и санскр. *áviḥ* ‘зримый’, *āvis* ‘явный’. Лат. *audiō* ‘слышать, слушать’ — звуковое восприятие, а греч. *αἰσθάνομαι* ‘чувствовать, ощущать’ — вероятно, тактильное. Однокоренные лит. *auėnis* ‘память’, *ovis* ‘бодрствуя’, *ovuje* ‘наяву’ описывают мышление [ЭССЯ I: 94]).

В диалектах, впрочем, есть примеры на первый взгляд обратного представления, ‘**неподобающе открытый**’ → ‘**сумасшедший**’: казан. *ум не ‘заперт* ‘о неокрепшей психике у молодых людей’, омск. *ум разбóишлся, ум расшáраишлся* [СРНГ 47: 161].

В древнерусском языке слово *умь* имеет значения ‘душа’, ‘способность мыслить и познавать, разум’, ‘мысль’, ‘разумение, понимание’, ‘знание, умение’, ‘рассудок’, ‘образ мыслей’, ‘промысел’ [Срезневский III-2: 1211–1212]. Диахронический анализ глагольных и именных словосочетаний со словами *ум, разум, рассудок, память, смысл, мозги*, обозначающих потерю рассудка, показывает, что синонимия слов *ум, разум* и *рассудок* и т.п. в контекстах, обозначающих утрату ясности сознания, потерю рассудка, безумие, и, таким образом, восприятие безумия, сумасшествия как (не)способности осмыслить и понять действительность появляется уже в древнерусском языке и сохраняется до современного этапа.

4. Понимание безумия как болезни, слабости. Модель ‘**больной**’ → ‘**сумасшедший**’ представлена экспрессивным *на всю ‘голову больной*, наделенным негативными коннотациями, и образным *поперхнуться умом* тобол. ‘сойти с ума’ [СРНГ 29: 311].

Семантический переход ‘**плохой, слабый, немощный (ум)**’ → ‘**потеря рассудка**’ иллюстрируют диал. *схудóумиться* и *худóумной, худóумой*, среднеобск., пск. *ума ‘спортиться* ‘выжить из ума’ [СРНГ 40: 233], курск. *халóумный* ‘безумный’, ряз. *охолóуметь* ‘сойти с ума’, ‘стать безрассудным, ошалеть’ [СРНГ 25: 45] от праслав. **xala-*, **xalъ* ‘дрянь, ветошь’ [ЭССЯ 8: 12–13].

Падежная форма дополнения в выражении *лишиться (умом)* мордов. ‘сойти с ума’ [СМордов. 128] указывает на параллелизм с выражениями типа *поврédиться умом*. С учетом пск., твер. *залишетъ* ‘сделаться сильнее, тяжелее (о болезни)’, можно предположить производность глагола от ‘*лихо* ‘худо, дурно (о болезненном состоянии)’ [СРНГ 10: 211] и мотивацию по модели ‘**ухудшиться, заболеть**’ → ‘**потерять рассудок**’.

Даль предлагает пример представлений о **пьянстве** как причине помрачения рассудка: *‘спиться с ‘глузду* (Даль) *‘спиться до помрачения рассудка* (без указания места) [СРНГ 6: 208], хотя здесь можно предположить ошибочную запись выражения *‘сбиться с ‘глузду*. Но есть и другие примеры отражения в говорах отрицательного отношения к пьянству: например, описательное смол. *‘капли сумасшедшие ‘водка* [СРНГ 13: 55].

5. Мотив внешнего воздействия. Большая группа продуктивных моделей объединяется представлениями о внешнем воздействии как причине потери рассудка.

В диалектах широко представлен семантический переход **‘ударить’** → **‘лишить рассудка’**: смол., южн., курск., ворон. *глузды отшибло, глузд отбить, глузды (все) отбить (бить, оббить, пробить)* [ССГ 3: 32; СРНГ 6: 207–208], амур. *тряхнуться*, волог., краснаяр. *тряхнуться ума*, омск., волог., новосиб., том., кемер., хакас., иркут., сиб., амур. *умом* [СПриамур. 303; СРНГ 45: 202], перм. *ум тряхнулся* ‘ум, рассудок ослабел, не работает у кого-л.’ [СРНГ 45: 202], прибайк. *стрёх головы* [СПрибайк. 4: 47], алт. *трёхнуться умом* ‘сойти с ума’ [СРНГ 45: 83], арх. с *ума стряхнуться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 42: 71], омск., свердл. *трахнуться (умом)* ‘сойти с ума’ [СРНГ 45: 15], арх., вят. *зашибает ‘память* безл. ‘отшибает, отбивает память’ [СРНГ 11: 188], омск. *‘чокнуться умом* ‘сойти с ума’ [СРНГ 47: 162], диал. *глузды отбить* ‘лишить рассудка’ и «свернутое» *оглуздить* ‘приводить в беспмятство нравственным или физическим ударом’ от диал. *‘глуздить* ‘бить, колотить’, которое развивает семантику удара метонимически от *глузд* ‘(поврежденный) мозг, (битая) голова’ [ЭССЯ 26: 211].

Донск. *отшибить ‘памороки* ‘утратить способность здраво рассуждать’, арх. *отбить ‘памороки* (‘паморки, ‘памерки, ‘паморотки) ‘лишить, лишиться памяти, способности соображать’ [СРНГ 24: 116], дон. *забить ‘памерки* ‘лишить соображения’ [СРНГ 25: 184], вероятно, появляется в результате затемнения внутренней формы существительных. Смол. *‘паморки* ‘невменяемость’, орл. *‘паморока, ‘паморка* означают ‘временное беспмятство, умопомрачение’ [СРНГ 25: 185], имеют корень *морок-* / *мерк-*, относятся к этимологическому гнезду **тырк-* ‘мерцать, темнеть’ (рус. *мерцать*, ц.-слав. *мрак*) и развивают семантику помрачения сознания на основе значения ‘темнота, помрачение’. Позднее происходит осмысление слов в качестве обозначений как ума, рассудка (дон. *отшибить ‘памороки, забить ‘памерки*), так и измененного состояния сознания или враждебной силы (смол. *‘паморки напали* ‘началось помрачение ума’ [ССГ 8: 11]).

Представления о **нечистой силе, одержимости** отражаются во внутренней форме лексем и в их употреблении в безличных конструкциях в комбинации с разными семантическими переходами: **‘лишить (ума)’** → **‘сделать сумасшедшим’** (донск. *отобрало ум* безл. ‘об отсутствии ясности ума’ [СРДГ II: 214]), **‘вредить, портить’** → **‘лишать рассудка’** (эвфем. урал. *повлияло ‘на голову* безл. ‘повредить, помутить (сознание, рассудок)’ [СРНГ 27: 249], смол. *позатревожено в голове* у ко’го-л. ‘о наличии странностей, признаков психической болезни у кого-л.’ [СРНГ 28: 320]).

Рассмотрим также арх. *дикóумный* ‘помешанный’ [СГРС 3: 227], входящее в гнездо **dikъ(jь)*. Однокоренное праслав. **děkati* — суффиксальное расширение первоначального **dě-* (как и **dě(ja)ti*) [ЭССЯ 4: 229–230], характеризующее проявление сверхъестественных сил (‘издеваться’, ‘водить (о нечистой силе)’) [Меркулова 1972: 142–143], развитие семантики объясняется родством значений ‘делать’ и ‘говорить’ на славянской почве. Первоначально **dikъ(jь)*, вероятно, буквально означало ‘подверженный воздействию нечистой силы, бесноватый’ (ср. *скажён-ный*), а потом развило значение ‘бешеный, буйный, яростный’. Последнее значение существенно для внутренней формы арх. *дикóумный* ‘помешанный’ (модель ‘буйный’ → ‘сумасшедший’).

Арх. *обум* ‘*прядать* ‘сходить с ума’ [СРНГ 33: 76] представляется неясным. Учитывая диал., в т.ч. арх., вят. ‘*прядать* ‘прыгать, скакать’, ‘*прядаться* вят. ‘метаться, беспокоиться’ [СРНГ 33: 76], арх. *обум* ‘праздно, без дела’, арх., перм. ‘без толку, зря, напрасно’ [СРНГ 22: 251], предположим мотивацию ‘буянить, быстро двигаться, перемещаться’ или ‘заниматься пустым делом’ → ‘терять рассудок’, связанную с неодобрительной оценкой поведения, которое воспринимается как асоциальное. В свою очередь, *безобумный*, *безобумная голова* ‘отчаянная, никогда не бывающая в своем уме; взбалмошная’ (Даль) [СРНГ 2: 195], как и пск. *бездурость*, *бездурье* ‘блажь, дурь’ [СРНГ 2: 190], являются примером нейтрализации экспрессивной пейоративной приставки *без-*, описанной в работах Н. И. Толстого, И. П. Петлевой, Е. Л. Березович, О. Д. Суриковой и др.

Анализ диалектной лексики лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке позволяет сделать следующие выводы.

В качестве устойчивых словообразовательных моделей отметим появление слов, образованных из словосочетаний (*изумение*, *изумляться* из ‘*выйти из ума*’), в том числе и сложений (*сумасшествие*, *сумасходный*, *суматронный*, *умарехнуться*, *сдергоумка*, *сдергоумоватый*). Выделяются ряды сложений с синонимичными корнями (например, *малóумный*, *худóумный*, *халóумный*, *полóумный*, *дикóумный*). Некоторые корневые морфемы имеют разные варианты огласовки (*рехнуться*, *ряхнуться*, *рыхнуться*, *рухнуть*; *крянуть(ся)* и *крéнуть*). Употребление лексем и выражений со значением помешательства в безличных конструкциях, вероятно, свидетельствует об активности представлений о враждебном воздействии как причине потери рассудка.

Некоторые выражения выделяются яркой, выразительной внутренней формой: *умом надóрваться*, *поперхнуться умом*. Есть примеры сохранения утраченного литературным языком этимологического значения лексемы или корневой морфемы в составе выражений (‘*голову глúмить*, *в голове забунтовано*, *недóвольный умом*, *ум расшáрашился*, *рухнуть*, *рыхнуться ума*, *умарешённый*, *халóумный*). Встречаются случаи объединения моделей (‘*выжиться из ума*, *сдуреть с ума*’), мотивации главным образом словообразовательной моделью (‘*выиграться из ума*’), нейтрализации экспрессивной приставки *без-* (*бездурость*, *безобумный*). Вместе с тем, активна ремотивация из-за затемнения внутренней формы слова (*отшйбить* ‘*паморки*, *зáбить* ‘*памерки*, *óглуздить*, ‘*сбиться с* ‘*глузду*, *мóзга бунтуют*’).

Богата синонимия глаголов и существительных в составе однотипных выражений рамках одной модели. Так, в составе многих выражений синонимичны слова *ум*, *разум*, *грунт*, *пантáлык*, *глузд*, *голова*, *память*, *смысл*, *лад*, *мозги*. Есть выражения-поговорки: например, *сам (са́ма) не с ума́* ‘о том, кто не соображает, что делает, ведет себя, как сумасшедший’ [СРНГ 47: 161].

В сравнении с мотивационной структурой группы диалектных слов и словосочетаний, связывающих потерю рассудка с качествами человека в целом, в этой лексической группе, характеризующей помешательство в связи с умом, рассудком, не представлены модели на базе значений ‘колебаться’, ‘ошибиться’, ‘крутиться’, ‘покрываться волнами’, ‘быстро, беспорядочно передвигаться’; ‘глупый, непонятливый, неловкий’, ‘тот, кто не в род, отличается от своих’, ‘старый’, ‘еретический (старообрядческий)’, ‘обманываться’, ‘мельтешить, мерещиться’, ‘насмешка’, ‘не чувствующий’, ‘ослепнуть’, ‘неподвижный, окаменелый’, ‘нападать, надвигаться (о нечистой силе)’, ‘вредить (наводить порчу)’, ‘встретить (наводить порчу)’, ‘пугать’, ‘владеть, обладать (о нечистой силе)’, ‘мучить, беспокоить’, ‘ломать, искривлять’, ‘нечистая сила’, ‘кликать, болеть кликушеством, истерией’, ‘Божья воля’, ‘Божий гнев, наказание’, ‘странное поведение’, ‘трястись, дёргаться’, ‘выпученные глаза’, ‘дурно себя вести’, ‘водить (о нечистой силе)’, нет эвфемизмов.

Проанализированная лексическая группа, в свою очередь, обнаруживает уникальные модели на основе семантики ‘выйти (из ума)’, ‘истратить (ум)’, ‘потерять (ум)’ → ‘сойти с ума’, ‘лишить (ума)’ → ‘свести с ума’, ‘без ума’, ‘мало ума’, ‘с чем-н. неподходящим в голове’, ‘неподобающе открытый’ → ‘сумасшедший’. Наиболее активны модели ‘сдвинуться’ → ‘сойти с ума’, ‘отсутствие (ума)’ → ‘сумасшествие’, ‘нехватка (ума)’ → ‘сумасшествие’, ‘ударить’ → ‘сойти с ума’. В целом, вероятно, можно сделать вывод, что в диалектной картине мира понятие ума, рассудка является значимым в лексико-семантическом поле «Безумие», о чем свидетельствует многообразие мотивационных моделей, слов и выражений в исследуемой группе.

Литература

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2007.

Меркулова В. А. К истории становления народной медицинской терминологии // *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes.* Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina — Verlag, [1975]. С. 132–143.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008.

Турилова М.В. Семантика ‘поврежденный, нецелый, пустой’ в номинациях сумасшествия в русском языке (К проблеме антонимичности лексико-семантических полей) // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С.Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва. М., 2011. С. 237–238.

Wojtyła-Świerżowska M. Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. *Głuch* // Южнославянский филолог. Београд, 1991. Кн. 47. С. 209–220.

Сокращения

Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Воспроизведение 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. I–V.

СБрян. – Словарь брянских говоров. Ред. В.И. Чагишева. Л., 1976.

СГРС – Словарь говоров русского севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Т. 1–.

СКар. – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Главный ред. А.С. Герд. СПб, 1994–2005. Вып. 1–6.

СМордов. – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1980–1993. Вып. 1–5.

СПриамур. – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. Сост. Ф.П. Иванова и др. Отв. ред. Ф.П. Филин.

СПрибайк. – Словарь русских говоров Прибайкалья. Отв. ред. Ю.И. Кошевская. Вып. 1–4. Иркутск, 1986.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Т. I–VII.

СРДГ – Словарь русских донских говоров / Под ред. Т.А. Хмелевской, В.С. Овчинниковой. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. I–III.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–41), С.А. Мызников (42–46–). Л., 1966–2016–. Вып. 1–49–.

ССГ – Словарь смоленских говоров / Под ред. доц. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974. 1–6.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка / Ин-т русского языка АН СССР. М.–Л., 1948–1965. Т. 1–17.

ССтароукр. – Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. В 2 тт. Сост. Д.Г. Гринчишин, У.Я. Едлинская, А.Т. Захаркив, В.Л. Карпова и др. Киев: «Наукова думка», 1978.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Репринт издания 1895 г. Т. I–III.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 2003. М., 1964–1973, воспроизведение 1-го издания на русском языке, Т. I–IV.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. М.: «Наука», 1974–2016–. Т. 1–40–.

Pokorny – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Maria V. Turilova
Bauman MSTU (Kaluga Branch)
(Russia, Kaluga)
turilova@gmail.com

RUSSIAN DIALECTAL WORDS AND WORD COMBINATIONS ASSOCIATING MADNESS WITH THE HUMAN MIND, SENSE IN THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD «MADNESS»

The article analyzes the Russian dialectal words and word combinations associating madness with human mind, or sense, in the lexical semantic field of madness. We single out semantic transitions by which the above mentioned meanings develop, as well as some fixed derivational patterns and synonymic etymological nests. We point out the examples of etymological meaning preservation of words and their roots, lost in the Russian literary language, and the cases of model juncture, remotivation, and semantic morphemes neutralization. We compare the motivational structures of two dialectal lexeme groups associating madness with human mind, or sense, and connecting the loss of mind with personal qualities in general. The unique models are indicated in both lexeme groups.

Key words: Russian dialects, motivational model, etymological nest, reconstruction, lexical semantic field of madness.

References

Dal V. I. *Tolkovyj slovar` zhivogo velikorusskogo yazy'ka* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, St.-Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Fasmer M. *E'timologicheskij slovar` russkogo yazy'ka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Ed. in chief, transl. and comm. O. N. Trubachyov. Moscow, 2003. Moscow, 1964–1973, reprint of the 1st Russian edition. Vol. I–IV.

Leont'yeva T. V. *Intellekt cheloveka v russkoj yazy'kovej kartine mira* [The Human Intellect in the Russian Linguistic Picture of the World]. Ekaterinburg, 2007.

Merkulova V. A. K istorii stanovleniya narodnoj medicinskoj terminologii [To the History of the Folk Medical Terminology Formation]. *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung*

des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina — Verlag, [1975]. Pp. 132–143.

Novgorodskij oblastnoj slovar` [The Dictionary of Novgorod the Great Region Dialects]. Ed. in chief V. P. Strogova. Novgorod, 1992–2000. Iss. 1–13.

Pokorny` Y. *Indogermanishes e`timologisches vyorterbux* [Etymological Dictionary of the Proto-Indo-European Language]. Berne, 1959.

Slavyanskiye drevnosti: E`tnolingvisticheskij slovar` v 5 tomax [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes]. N. I. Tolstoj (Ed.). Moscow, Mezhdunarodny`ye Otnosheniya Publ., 1995–2012.

Slovar` bryanskix govorov [The Dictionary of Bryansk Region Dialects]. Ed. in chief V. I. Chagisheva. Leningrad, 1976.

Slovar` govorov russkogo severa [The Dictionary of the Northern Russian Dialects]. Ed. in chief A. K. Matveyev. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2001. V. I–.

Slovar` russkix donskix govorov [The Dictionary of Russian Dialects of the Don River Region]. Eds. in chief Xmelevskaya T. A., Ovchinnikova V. S. Rostov-na-Donu, 1975–1976. Vol. I–III.

Slovar` russkix govorov Karelii i sopredel`ny`x oblastej [The Dictionary of Russian Dialects of Kareliya and the Adjacent Areas]. Eds. in chief Gerd A. S. St.-Petersburg, 1994–2005. Iss. 1–6.

Slovar` russkix govorov na territorii Mordovskoj ASSR [The Dictionary of Russian Dialects in the Mordovian ASSR]. Saransk, 1980–1993. Iss. 1–5.

Slovar` russkix govorov Priamur`ya [The Dictionary of Russian Dialects of the Amur River Region]. Moscow, 1983. Eds. Ivanova F. P. and oth. Ed. in chief Filin F. P.

Slovar` russkix govorov Pribajkal`ya [The Dictionary of Russian Dialects of the Bajkal Lake Region]. Ed. in chief Koshevskaya Yu. I. Iss. 1–4. Irkutsk, 1986.

Slovar` russkix govorov Srednego Urala [The Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Ed. in chief memb. of the Russian Academy of Sciences Matveyev A. K. Sverdlovsk, 1964–1988. Vol. I–VII.

Slovar` russkix narodny`x govorov [The Dictionary of Russian Dialects]. Eds. in chief F. P. Filin (Iss. 1–23), F. P. Sorokoletov (Iss. 24–45), S. A. My`znikov (Iss. 46–49–). Leningrad–S.-Petersburg, «Nauka» Publ., 1966–2016–.

Slovar` smolenskix govorov [The Dictionary of Smolensk Dialects]. Eds. in chief doc. A. I. Ivanova. Smolensk, 1974. 1–6.

Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka [The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, «Nauka» Publ., 1948–1965. Vv. I–XVII.

Slovar` staroukrainskogo yazy`ka XIV–XV vv. [The Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14-th–15-th centuries]. In 2 vol. Eds. D. G. Grinchishin, U. Ya. Yedlinskaya, A. T. Zaxarkiv, V. L. Karpova and oth. Kiyev, «Naukova Dumka» Publ., 1978.

Sreznevskij I. I. *Materialy` dlya slovarya drevnerusskogo yazy`ka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III. Moscow, 1958. Reprint of the 2-nd Ed. (St.-Petersburg, Publ. of the Department of the Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1880–1882).

Tolstaya S. M. *Prostranstvo smy'sla. Leksicheskaya semantika v obshheslavyanskoj perspektive* [The Space of Meaning. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, «Indrik» Publ., 2008.

Trubachyov O. N., Zhuravlyov A. F. (Eds.). *Etimologicheskij slovar' slavyanskix yazy'kov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Eds. O. N. Trubachyov (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlyov (Iss. 32–40). Iss. 1–40–, Moscow, Nauka Publ., 1974–2016–.

Turilova M. V. Semantika 'povrezhdyonny'j, necely'j, pustoj' v nominacy'yax sumasshestviya v russkom yazy'ke (K probleme antonimichnosti leksiko-semanticheskix polej) [Semantics 'damaged, not whole, empty' in the lexical semantic field «Madness» in the Russian language (On the problem of antonymousness of lexical semantic fields)]. *Sovremennaya slavistika i nauchnoye naslediyе S. B. Bernshtejna. Tezisy' dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayusshegosya otechestvennogo slavista doc.fil.n., prof. S. B. Bernshtejna*. 15–17 Marta 2011 g. G. Moskva. Moscow, 2011. Pp. 237–238.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj e'timologii* [Research in the Field of Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012.

Vojty'la-Sh`vezhovska M. Dlyachego gluxy' ne sly'shy'? Rozvazhanya o e'timologii psl. *gluxъ [Why *Gluchy* Doesn't Hear? Reasoning about the etymology of protoslav. **gluchъ*]. *Yuzhnoslovenski filolog*. Belgrade, 1991. Vol. 47. Pp. 209–220.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

АРЕАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МУРОМСКИХ ГОВОРОВ*

Авторы описывают диалектные особенности муромских говоров на фоне других говоров центральной диалектной зоны. Русские говоры центральных территорий неоднократно были предметом анализа диалектологов. Данная работа продолжает исследования в этом направлении. В статье представлены пучки изоглосс разных языковых уровней: фонетического (неполное оканье, *ё* на месте *ё* в 1-ом предударном слоге), морфологического (совпадение Т. и П. пп. единственного числа местоименного и адъективного склонения; наличие [e] в окончаниях единственного и множественного числа в притяжательных местоимениях и местоименных прилагательных), лексического (распространение лексемы *шабёр* ‘сосед’, композита *дуга-радуга*) и др. Часть этих изоглосс представлена на помещенной в статью карте. Рассмотренные явления характеризуют говоры Волго-Окского междуречья, включая и муромские. Описанный ареал входит в зону центра в масштабах русского языка, одновременно являясь далекой периферией в масштабах всей Славии. В связи с этим в описанных говорах встречаются как инновационные явления, так и архаизмы, восходящие к позднепраславянскому периоду.

Ключевые слова: ареал, изоглосса, муромские говоры, ёканье, центральная диалектная зона, ростово-суздальский диалект.

Феномен муромских говоров можно анализировать с разных позиций: как территориальное объединение идиомов — лингвогеографически и как объединение структурно близких идиомов — типологически. Рассматриваемое диалектное образование расположено в Волго-Окском междуречье. Издавна эта территория была этнически неоднородной: первоначально ее заселяли финно-угорские племена,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (ОГОН) проект №17-04-18022 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

а проникновение славянских племен происходило в два этапа: первый — в IV–VII вв. и второй — начиная с X в. В это время Муромские земли были удаленной восточной окраиной Киевской Руси и попали под власть черниговского князя. Лишь с конца XII в. образовалось самостоятельное Муромское княжество, которое соседствовало на юге с Рязанским, а на севере с Ростово-Суздальским. Именно в Волго-Окском междуречье складывается ростово-суздальский диалект, сыгравший значительную роль в формировании русского литературного языка.

Обряды, обычаи и фольклор социума описываемой территории нашли отражение в фундаментальном труде «Традиционная культура Муромского края» [Культура 2008]. Одна из особенностей народной культуры этого региона, как замечают авторы, связана с его положением «на основных торговых путях Великороссии», которое привело «не только к постоянным этноконтактам населения, но и к интенсивному переселению сюда выходцев из самых разных этнотерриториальных групп Руси и России» [Там же: 11].

По «Диалектологической карте русского языка в Европе» [Дурново, Соколов, Ушаков 1915] муромские говоры относятся к Северновеликорусским говорам, их Владимирско-Поволжской группе, напомним, что при определении диалектного членения авторы опирались на фонетические признаки, в случае муромских говоров учитывалось наличие в них неполного оканья¹.

В 60-х годах XX в. коллективом диалектологов Института русского языка АН СССР создавались региональные атласы русских говоров Центра Европейской части России. Единственным опубликованным из региональных стал «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», 1957 г. (АРНГ), куда вошли и муромские говоры. Именно в это время и на этом материале К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова разрабатывали новое членение русского лингвистического ландшафта. По мере накопления диалектных данных оказалось, что Владимирско-Поволжские говоры обладают таким комплексом языковых явлений, которые позволили авторам исключить их из состава северного наречия и выделить в самостоятельную группу среднерусских окающих говоров, в ее состав входят и муромские говоры [Диалектное членение 1970].

Следует подчеркнуть, что кроме наречий и групп говоров Захарова и Орлова выделили и описали диалектные зоны, которые показали значимость не только «горизонтального» членения, но и «вертикального», т. е. разделение говоров на западные и восточные (северо-западные, юго-восточные и т. д.). Существенным достижением исследователей стало выявление центральной диалектной зоны с достаточно подробным указанием целого ряда фонетических и морфологических признаков, противопоставляющих говоры центра и периферии [Русская диалектология 1965; Букринская, Кармакова 2014]. С. В. Бромлей подчеркивала важность найденного противопоставления и плодотворность открытия: «Большой заслугой авторов «Диалектного членения» было уже само обнаружение этого противопоставления,

¹ Многие современные лингвисты продолжают ссылаться именно на это членение при характеристике восточнославянского лингвистического континуума.

так как оно не лежало на поверхности» [Бромлей 1985: 9]. Знаменательно, что, предваряя список специфических признаков Владимирско-Поволжской группы (в том числе и муромских говоров), ученые замечают: «Кроме ряда черт Северного и Южного наречий для говоров этой группы характерно большинство явлений Северо-Восточной зоны, ряд явлений Юго-Восточной зоны и все явления, совпадающие с литературной нормой, свойственные говорам Центральной диалектной зоны» [Захарова, Орлова 2005: 271; см. также Захарова, Орлова 1965: 290–294]. Именно такое положение демонстрирует специфику восточных среднерусских говоров и отличает их от других единиц диалектного членения.

Существует и еще одна классификация русских говоров — типологическая, предложенная Н. Н. Пшеничновой, которая учитывает языковые явления, показанные на картах четырех выпусков Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). По ней муромские говоры относятся к Восточному диалектному типу среднерусских говоров [Пшеничнова 1996].

Муромские говоры в XX в. не раз становились объектом исследования лингвистов, прежде всего собиравших материал для Диалектологического атласа русского языка по [Программа 1947]. Так, В. И. Тагуновой, возглавлявшей экспедиции студентов Муромского учительского института после войны, в 1945–1948 гг., были написаны статьи по фонетике, грамматике, лексике, топонимике и ономастике [Тагунова 2005]. Достаточно подробно характерные черты этих говоров рассмотрены в академической монографии [Образование 1970] в связи с вопросами истории формирования среднерусских говоров и непосредственно историей складывания Владимирско-Поволжской группы [Там же: 386–391]. Наша работа основывается на материалах ДАРЯ и экспедиций в Муромский район Владимирской области сотрудников отдела диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН: 2012 г., с. Татарово — С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева; 2014 г., с. Молотицы, с. Татарово, с. Борисглеб — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова; 2014 г. с. Татарово, д. Нула, д. Ожигово — С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова.

Описывая лингвистическую составляющую муромских говоров, в первую очередь назовем такое фонетическое явление, как ёканье — диагностическую черту Владимирско-Поволжской группы, которое не раз становилось предметом обсуждения диалектологов. На его происхождение существуют разные точки зрения: одни считают это явление новым, т.е. инновацией [Образование 1970: 363], другие — старым [Сидоров 1966]. Ёканье в муромских говорах характеризуется тем, что звук [о] выступает не только на месте *е, *ь, но и на месте *ё в 1-ом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми. В современных говорах явление чаще фиксируется в речи информантов старшего поколения, при этом отмечается вариативность, что подробно рассмотрено в [Отчет 2015: 217–226]. В заударной позиции, в отличие от многих северных говоров, ёканья в муромских говорах нет. Гласный [о] на месте *ё в 1-ом предударном слоге имеет небольшие ареалы в тверских и ярославских говорах, компактный ареал в говорах между

Костромой и Ивановом, в среднем Поволжье, охватывает нижегородские и муромские говоры, далее уходя на восток, в нижнее Поволжье и говоры позднего заселения (см. карту). Авторы раздела о ёканье в муромских говорах А. В. Тер-Аванесова и С. В. Дьяченко делают вывод о том, что оно «равномерно затронуло позиции *е, *ь и *ё и свидетельствует о древнем неразличении этих гласных в безударной позиции» [Там же: 225].

Интересна точка зрения С. Л. Николаева, который, описывая полесско-восточнославянские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения, усматривает любопытную аналогию в реализации рефлексов *ё в дулебском диалекте (территория в бассейне Припяти) и в русских окающих говорах: «Дулебское противопоставление (долгих) рефлексов *ё под ударением и в заударных открытых конечных слогах (кратким) рефлексам *ё в прочих безударных слогах находит любопытную аналогию в русских говорах» [Николаев 2014: 367]. При этом он сосредоточивает внимание на особом случае, когда предударный *ё перед твердым согласным реализуется как /o/, совпадая с рефлексом *е, *ь, т.е. имеет место ёканье. Автор рассматривает различные позиции, в которых выступают рефлексы упомянутых гласных, дает ссылки на карты фонетического выпуска ДАРЯ и утверждает: «...для этих говоров надо предполагать древнейшее — до перехода [e] > [o] перед твердыми согласными — совпадение предударных рефлексов *ё, *е (и *ь) аналогичное дулебскому... Эти говоры, вероятно, восходят к позднепраславянскому ростово-суздальскому диалекту, на котором говорили носители археологической культуры, характеризовавшейся браслетобразными височными кольцами с сомкнутыми или заходящими концами» [Николаев 2014: 368]. В этих же говорах ученый отмечает переход *ь > *ь в корне *дѣп-‘дно’ перед гласными переднего ряда и *j (например, о[д’э]нье, о[д’и]нье, дѣнце). Изоглосса этого явления, по его мнению, сближает ростово-суздальский диалект с украинскими полесскими, подольским, (южно) волынским и галицким диалектами. В связи с этим вспомним, что Муромское княжество в XI–XII вв. было волостью киевских и черниговских князей и только в конце XIV в. было присоединено к Москве.

Назовем особенности муромских говоров, которые характерны для Владимирско-Поволжской группы, показанные на картах ДАРЯ и сохраняющиеся в современных говорах:

1. пятифонемный состав вокализма;
2. различие гласных /o/ — /a/ в 1-м предударном слоге после твердых согласных — неполное оканье, неразличение гласных в других безударных слогах;
3. произношение [y] в соответствии с /o/ во 2-ом предударном слоге: *угорóд*, *уд-далá*, *убрыва́ли*;
4. в материалах ДАРЯ зафиксировано твердое цоканье, а в современных говорах отмечены лишь единичные примеры;
5. в материалах ДАРЯ отмечено, помимо литературной формы *цвет*, произношение [т’в’ет], [т’в’от’ут], а в экспедициях последнего времени обнаружались реликты в виде твердого произношения согласных: [цвэт], [цвэт’от], [цвэ́тók].

— названия ягод с суффиксом *-иг(а)*: бруснига, клубнига
 — [o] на месте ъ в 1-ом предупредном слове

6. произношение [к] в соответствии с начальным *х* в слове *хлев* и др. [ДАРЯ I, карта 62]. Явление носит лексикализованный характер, по материалам говора с. Молотицы, начальное *к* произносится в словах *хлев* и *коровод*, при этом *ходить*, *хоронить* (то же записано в материалах ДАРЯ 1948 г.). Каждое отдельное слово имеет свою изоглоссу, лексема *хлев* образует наиболее обширный ареал, выходит за границы Владимирско-Поволжской группы, соответствуя максимальному варианту центральной диалектной зоны [Захарова, Орлова 1970: 60–62];

7. стяжение в формах прилагательных: *ма́йско пальто*, *це́лу зиму*, *сре́дня сестра*, *вя́ла и пону́ра коза́*, *кино́ ка́жут на́гло* (безнравственное), стяжение в формах глаголов с безударным окончанием: *запу́таешься* (запутаетесь), *збе́гат* (сбегает) *на ре́чку*, *по́лы вы́мам* (вымоем), *тя́пам* (тяпаем), *че́рпам* (черпаем); *приду́мут* (придумают), *де́лут* (делают);

8. ударение на окончании у ряда глаголов II спряжения в формах ед. и мн. ч.: *варю́ — вари́шь — вари́м — варя́т*; *свар[и́щ]а* (каша), *вали́т — свали́шь, дарю́ — дари́шь — дари́т — дaryáт*, *дои́шь — дои́м — доя́т*; *мори́м — мори́мся*; *солю́ — соли́шь — соли́м — соля́т*, *тащи́т — тащи́м — таща́т*; *ложáт, топя́т; распи́лим*.

9. назовем акцентологические особенности муромских говоров, которые были записаны во время экспедиций: сохранение старого подвижного ударения у существительных *-а* склонения шире, чем в литературном языке: *весна́ — ве́сну*, *зима́ — в зи́му*, *зола́ — зо́лу* (выгребаем), *изба́ — избу́* (помыть), *коза́ — ко́зу* (сколдуем), *коса́ — ко́су* (точила), *семья́ — на се́мью*, *сноха́ — сно́ху*, *сковорода́ — на скóвороду* (с. Молотицы, с. Татарово) [Основы акцентологии: 44]. Это явление не отражено в ДАРЯ, но, судя по материалам последних экспедиций, имеет восточную локализацию. Зафиксировано несколько слов *-а* склонения с ударением на флексии, в отличие от литературного: *ба́ушка Саи́а, Саи́ой, Груня́, роспря́* ('распря, ссора'), *груши́а* (с. Молотицы, с. Борисглеб). Представленный материал недостаточен для каких-либо выводов, но указывает на необходимость дальнейшего изучения акцентологических диалектных различий.

В муромских говорах отмечен комплекс лексических диагностических признаков, присущих северному наречию: *зы́бка* 'деревянная колыбель, подвешенная к потолку', *кваши́я* 'посуда для растворения теста', *кови́* 'емкость, которой черпают воду для питья', *ла́ять* (о собаке), *о́зимь* 'всходы зерновых культур весной', *сковоро́дник* 'ручка сковороды', *суя́гная* (об овце), *ухва́т* 'приспособление, при помощи которого ставят горшки в печь'. Тематические группы лексики и некоторые этнографические особенности говора с. Молотицы приведены в [Отчет 2015].

Как уже было сказано, во Владимирско-Поволжской группе распространен ряд явлений Северо-Восточной зоны. К ним относится употребление формы И. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *оне* [ДАРЯ II, карта 68], которое до сих пор фиксируется в речи носителей традиционного говора: *оне́ на войне уби́ты* (о мужчинах), *оне́ варя́т картошку* (о женщинах), *оне́ работали оба* (о мужчине и женщине). Надо заметить, что в материалах ДАРЯ единично встречаются случаи различения форм местоимения в зависимости от грамматического рода, в муромских говорах подобных различий нет. Частотность употребления *оне* в отличие от *они* определяется

возрастом информанта, его социальным статусом и темой разговора. Так, чем старше диалектоноситель, тем интенсивнее он использует диалектную форму. Возрастает число форм *оне* и в том случае, когда речь заходит о событиях прошлого, например, пожилая информантка, работавшая учителем в младших классах и имеющая среднее специальное образование, рассказывая о своей жизни, постепенно перешла с форм *они* на *оне* (материалы А. В. Малышевой).

Широко употребимы в муромских говорах согласованные постпозитивные частицы: *дом-от, в войну́-ту, деревни-ти; сп́ины-те* [Отчет 2013: 291], в говорах действует тенденция согласования частиц не по грамматическому, а по фонетическому принципу: *Зо́и-ти год был, в краё́-ту, из Украины-ти*. Одна из основных изоглосс северо-восточной зоны — форма инфинитива на задненебный согласный с ударением на *-и*: *печи́, беречи́, стеречи́*. По материалам ДАРЯ, в муромских говорах отмечено сосуществование форм: *бечь — бечи́, печь — печи́, беречь — беречи́, помочь — помочи́*. В современных говорах архаические формы встречаются редко. Из лексических черт Северо-Восточной зоны в описываемых говорах отмечается слово *у́повод* в значении ‘период работы без перерыва’ [ДАРЯ III, карта 56].

Описываемые говоры характеризуются также пучком лексических изоглосс, свойственных центральной диалектной зоне, включающей среднерусские говоры и прилегающие к ним говоры Костромской и Ярославской областей. Это ареал лексемы *кρίнка* ‘глиняный сосуд для молока с узким горлом’ [ДАРЯ III, карта 25], разорванные ареалы слова *западн́я* в значении ‘ход в подполье’ или ‘крышка, закрывающая ход в подполье’ [Там же, карта 8], наречие *бóльно* ‘очень’ [Там же, карта 99]. Еще один лексический архаизм — композиты *дуга́-ра́дуга* и *ра́дуга-га-дуга́* — образует небольшие ареалы в этой зоне [Там же, карта 89]. В муромских говорах известен вариант *дуга́-ра́дуга*, который сохранился в настоящее время лишь у представителей старшего поколения (с. Молотицы). Анализ различных названий радуги и ареалов их бытования в восточнославянских языках содержится в [Букринская, Кармакова 1995]. Также в пределах центральной диалектной зоны бытует наименование *елóха* ‘ольха’, употребляемое до сих пор. Более подробное описание лексических признаков центральной диалектной зоны приводится в [Букринская, Кармакова 2014].

Из черт, свойственных южным говорам, назовем следующие:

1. неразличение гласных во втором предударном и заударных слогах после твердых согласных;

2. отмечено у некоторых информантов смягчение губных согласных перед [к’]: *дэ[ф’]ки, ма́[м’]ки; на остано́[ф’]ки*;

3. отмечено окончание /e/ у сущ. ж.р. -а склонения в формах Род. п. ед.ч. с предлогом *у*: *у ма́[м’]и, у коро́[в’]и*. Форма *у сестре́*, картографированная в ДАРЯ, во время наших экспедиций не зафиксирована;

4. у сущ. ж.р. -і склонения в формах Д. и П. п., по материалам ДАРЯ, преобладало ударное окончание *-e/*: *по грядэ́, в печё, на лошаде́, в костё, в грядэ́*, в настоящее время преобладают литературные формы, а формы на *-е* встречаются редко: *едет мужчина верхом на лошаде́, мальчишки спали на печё* (с. Молотицы);

5. у глаголов II спряжения с безударным окончанием в 3 л. мн.ч. окончание *-ут*: *прихо́[д'у]т, лю́[б'у]т, но́[с'у]т*;

6. широко представлено окончание *-ы* в И.п. мн.ч. у сущ. ср.р. с ударением на основе: *брёвны, пятны, яйцы*;

7. более широкое, чем в ЛЯ, употребление окончания *-ов* в Р.п. (В. для одушевленных) мн. числа существительных: *держали козоф, теля́ткоф кормили, стри́жов тоже нет, мо́шков было много*;

8. известна лексема *пырять* 'бодать' и производное *пырля́лка* 'бодливая корова'.

Говоры Муромского края вместе с частью говоров центральной диалектной зоны (некоторые тверские, московские, ярославские, ивановские, нижегородские) обладают целым комплексом грамматических особенностей, касающихся местоимений и прилагательных. Так, интерес представляет компактный ареал распространения */e/* в окончаниях притяжательных местоимений *мой, твой, свой* в Т. и П. пп. ед. ч.: *с моём, в моём* и т.д.; в И.п. мн. ч. *моё, твоё, своё* и в косвенных падежах мн. числа: *моёх, моёми* и т. д. Этот ареал в целом повторяет конфигурацию ареала ёканья на месте *ё, но является более обширным и плотным [ДАРЯ II, карта 76, 78]. По материалам ДАРЯ, в муромских говорах отмечено сосуществование окончаний с гласными */e/* и */и/*, то же мы наблюдаем и в настоящее время. Более последовательно */e/* сохраняется в И.п. мн.ч. *своё портни́хи были, моё окна, моё братья*, записаны отдельные примеры с */e/* и в косвенных падежах: *со своём мужиком жила* (с. Молотицы). Вероятно, */e/* (из ь) пришло из формы мн. ч. жен. р. (моё) с аналогическим выравниванием в косвенных падежах при поддержке форм местоименного склонения твердой разновидности: *тъть, с тѣмь, тѣ, тѣхъ, тѣмь, тѣми, в тѣхъ*.

Менее широко в тех же говорах представлено */e/* в окончаниях местоименных прилагательных и прилагательных в П. п. ед. ч.: *в какём, в худём*, в И. п. и в косвенных падежах мн. числа: *какёи, какё, худёи, какёх, худёх* и т.п. [ДАРЯ II, карта 46, 48, 49]. Островные ареалы этого явления располагаются в тверских говорах, владимирских (между Ивановом и Владимиром), в муромских и нижегородских говорах, в среднем Поволжье и по течению р. Суры. Текстовый материал с лингвистическим комментарием, отражающий упомянутое явление в говорах Окско-Волжско-Сурского междуречья, содержится в книге [Климкова 2009]. В пределах рассматриваемого ареала отмечены системы, в которых указанное явление фиксируется только у местоименных прилагательных. По материалам ДАРЯ, в большинстве случаев диалектные формы сосуществуют с литературными. В муромских говорах, обследованных авторами (с. Молотицы, с. Борисглеб), записаны только формы с гласным */и/*, а в с. Татарове зафиксировано сосуществование: Т., П. п. ед. ч. *-им/ ~ -ем/*: *так'им, как'им, как'ем, так'ем* [Отчет 2013: 290]; И. п. мн. ч. *такёи йагѣтки, такё тонки блины, лошади какёи-тъ, какё-тъ рыжоваты коровы, такьи-тъ руки, какьи были заводы* (материалы А. В. Малышевой); и косвенные падежи — Р. п. *-их/ ~ -ех/*: *так'ех, как'ех, так'их, как'их* [Отчет 2013: 290], П. п. — *в какёх годях*. По-видимому, */e/* в окончаниях местоименных прилагательных возникло под влиянием местоименного склонения (см. выше).

В муромских говорах отмечена еще одна архаическая местоименная форма — В. п. ед. ч жен. р. *тоѣ* [ДАРЯ II, карта 71], исторически восходящая к форме Р.п. *тоѣ* [Черных 1952: 193–195]. В современных говорах она сохранилась лишь у диалектоносителей старшего поколения.

Любопытным явлением в области грамматики является омонимия форм Т. и П. пп. ед. ч. прилагательных, местоименных прилагательных, притяжательных местоимений и некоторых местоимений (*он, тот*) мужского и среднего рода. В ДАРЯ это отражено на карте 76, где показаны оба падежа притяжательных местоимений, а также на картах 46, 47, где показан только П.п. прилагательных. К сожалению, нет карт на формы Т. и П. пп. личного местоимения *он* и указательного местоимения *тот*. Поэтому об ареале совпадения Т. и П. пп. мы судим на основе карты 76. Он является компактным и достаточно обширным, охватывает территорию восточных среднерусских окающих говоров и примыкающую к ним часть ярославских говоров. Кроме того, рассматриваемое явление образует небольшие ареалы в пределах Западной диалектной зоны: в псковских и смоленских говорах, продолжаясь в северо-восточных белорусских [Образование 1970: 329]. В Западной диалектной зоне в Т. и П. пп. представлено окончание *-им/*, а в восточных среднерусских говорах — *-им/ // -ем/* у прилагательных и у местоименных прилагательных; более последовательно окончание *-ем/* отмечено у притяжательных местоимений (см. выше описание *-е/* в окончаниях).

Судя по материалам ДАРЯ, в муромских и некоторых других среднерусских говорах существовала система, в которой различались окончания прилагательных и местоименных прилагательных *какой, такой, другой*. Окончание *-им/* в Т. и П. пп. у прилагательных и *-ем/* у местоименных прилагательных: *с худым, в худым*, но *с какэм, с такэм, в какэм, в такэм* (например, приведенный материал из с. Татарово).

В обследованном нами говоре с. Молотицы отмечены следующие формы:

Творительный падеж

с вторым мўжем, с молодым человеком
с другим
с этим
с таким
со своим мужиком
с тем
с ним

Предложный падеж

во вторым часу
в другим клеvé
в этим болоте, на этим домú
в таким доме, в каким не то сараé
в своим доме
на тем конце
в ним

При этом диалектные формы отмечаются наряду с литературными.

Помимо ареалов, показывающих значимые явления в области фонетики и морфологии, во Владимирско-Поволжских говорах, включая муромские, представлены важные лексические изоглоссы.

Любопытен лингвистический ландшафт праславянского лексического диалектизма **kьrmysь/*čьrmysь* ‘приспособление для ношения, подвешивания’, рассмотренный О. Н. Трубачевым. Автор на материале неизданных региональных атласов составил карту, противопоставляющую более древнюю, с его точки зрения, форму муж. р. *коромысел, коромысль* и инновационную форму ср. р. *коромысло* [Трубачев 2002: 18,

20–21]. Распространение формы муж. р. во Владимирско-Поволжских говорах показано на сводной карте 13 [АРНГ 1957], этот фрагмент, к сожалению, в статье не приводится. Комментируя составленную карту, Трубачев замечает: «На ней четко представлены две главных периферийных (латеральных) зоны с продолжениями более древней формы муж. рода **kъrtyslъ* — западная, сопредельная с однотипными украинскими и белорусскими данными, и восточная, несколько более прерывистая (вообще фиксация здесь восточной периферии в принципе интересна)» [Трубачев 2002: 18]. Обращает на себя внимание тот факт, что указанные зоны по своей конфигурации очень близки описанным выше ареалам омонимии Т. и П. пп. прилагательных и местоименных прилагательных. Восточная территория распространения формы муж. р. *кормысел* во многом совпадает с ранее описанными изоглоссами.

Муромские говоры входят в компактный ареал, где отмечены названия съедобных ягод с суф. *-иг(а)*: *землянига, бруснига, чернига, клубнига* [ДАРЯ III, карта 86]. Он охватывает восточные среднерусские говоры (см. карту). Отдельные примеры подобных образований встречаются в памятниках письменности, имеющих восточнорусскую локализацию, начиная с XVII в. [Азарх 2000: 89]. Названия ягод с указанным суффиксом — собственно русская диалектная особенность, не отмеченная в других славянских языках, они сохранились и в современных говорах: «*Землянига*, у нас в народе землянига. Пишется, наверно, *земляника*, а в народе говорим *клубнига, землянига*» (с. Молотицы).

Еще одной яркой лексической чертой среднерусских говоров является название малых (горизонтальных) укладок снопов зерновых культур *крест, крестец* [ДАРЯ III, карта 50]. Они распространены в тех же говорах, где отмечено ёканье на месте ё, но их ареал несколько шире. В тверских и владимирских говорах преобладает вариант *крестец*, в муромских, ивановских, нижегородских — *крест*, во многих говорах наблюдается сосуществование с другими названиями, которые относятся к другому типу укладки снопов — вертикальному [Букринская, Кармакова 2004].

Восточную локализацию имеет лексема *шабёр* ‘сосед’, ‘товарищ’, она сохраняется и в современных муромских говорах в значении ‘сосед’. В ДАРЯ карты на это слово нет, о его распространении можно судить по восточному тому [АРНГ, карта 241], кроме того, лексема дана у Даля, в Словаре ярославских говоров [ЯОС 10: 67], где помимо указанных значений приведено ‘пайщик’, которое употреблялось в старой деревне. М. Фасмер считает его этимологически тождественным слову *сябёр*: ««сосед; товарищ; пайщик, соучастник», ряз., псковск. (Даль), «член общины с правом голоса», курск. (Даль), укр. сябер, род. п. -бра, сябрó, род. п. -á «участник, издольщик», блр. сябр «родственник, брат, товарищ» (Носович), др.-русск. сабрь «сосед, член одной общины» (часто; см. Срезн. III, 907 и сл.), др.-сербск. себрь «участник, испољщик, компаньон» (Иречек, AfslPh 22, 211; Новакович, AfslPh 9, 522), сербохорв. сЂбар, род. п. сЂбра «земледелец» (Дубровник), словен. srebǎg, род. п. srebra «крестьянин»» [Фасмер III: 824]. Подробно это слово рассмотрено в [Трубачев 2008]. Ученый полагает, что форма русск. *шабёр, шабрь* восходит к **sebrъ* и «что это диалектное изменение *c > ш* в русском ведет свое начало от неразличения обоих звуков в результате проникновения в русский язык

западнославянских — «ляшских» элементов» [Там же: 224]. Далее подробно рассматривается этимология этого корня, который возводится к общеславянскому *setьja*. На восточнославянской территории лексема *шабёр* имеет локализацию, схожую с архаической формой муж. р. *коромысел*, *коромысль* (см. выше).

В муромских говорах известны глаголы *брéковать*, *брéговать*, *брéкать* в значении ‘брезговать’, они образуют небольшой ареал. Как показывает материал экспедиций, эти глаголы до сих пор употребляются в речи: «*Брéковать*. — А что это значит? — Брезговать. Да это одно и то же. Это смысл один, а по-разному: пишется *брезговать*, а говорим *брéковать*» (с. Молотицы). Еще один небольшой ареал приведенных форм мы видим в смоленских говорах, между городами Белый и Гжатск [ДАРЯ III, карта 97; АРНГ, карта 235]. Варианты *брёгать* и *брёговать* зафиксированы в СРНГ с пометой Брян., Арх., Том., т.е. локализации не наблюдается. Интересно, что в ЭССЯ праформа приводится под вопросом: «*brěgovati? слвц. Пренебрегать, презирать, плохо обращаться. Русск. Диал. Бреговать питать к чему или кому брезгливое, гадливое чувство, пренебрегать (Молотилов. Говор сев. Барабы 98). Брегать (Словарь рус. старожильч. гов. Средней части бассейна р. Оби) рус. Диал. *Брекать* пренебрегать Добровольский 40)» [ЭССЯ 3: 16]. Авторы словаря отмечают, что это «трудное слово», так как оно отсутствует в других этимологических словарях, а зафиксировано лишь в русских диалектах и словацком языке, поэтому прерывистость ареала не позволяет делать обоснованных выводов о его происхождении.

Таким образом, муромские говоры входят в ареал говоров Волго-Окского междуречья, очерченный пучком изоглосс, которые были рассмотрены выше. Некоторые из названных изоглосс уходят на восток и юго-восток и далее в говоры позднего заселения, а некоторые охватывают соседние северные и северо-восточные говоры. Конфигурация изоглосс может быть связана как с миграционными процессами, так и с распространением языковых явлений на смежные территории. Описанный ареал входит в зону центра в масштабах русского языка, одновременно являясь далекой периферией в масштабах всей Славии. В связи с этим в описанных говорах встречаются как инновационные явления, так и архаизмы, восходящие к позднепраславянскому периоду.

Приложение

Лексика, собранная по Программе ДАРЯ в с. Молотицы

Жилище и приусадебное пространство

Дом, *изба́* ‘крестьянский дом’. *Западнjá* ‘крышка подпола’. *Зы́бка* ‘люлька, сделанная из дощечек’, висела на пружине, которая крепилась на крюк в потолке. *Клеть* ‘рубленная из бревен холодная комната в сенях’. В комментарии сказано, что слово могло быть названием постройки для зерна, для мелкого скота, могло быть названием летней спальни или места, где хранилась одежда и утварь. *Кóник* ‘лавка в избе’. *Подвóрье* ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’. *Пóдпол* ‘пространство под полом, подвал’. *Полáти* ‘деревянный настил под потолком, на котором спали’. *Посáд*, *порядок* ‘улица’. *Сéни* ‘помещение между жилой частью дома

и крыльцом', употребляется редко, чаще *коридор*, в материалах 1946 г. приведено *сени* и *мост*. *Усадьба* 'место, где сажают картошку' (может находиться в отдалении от дома). *Угород* 'место рядом с домом, где сажают овощи'. *Чердак* 'пространство между крышей и потолком', в 1946 г. отмечено название *подволока*. *Чулан* 'отгороженное место в избе, где готовят еду'.

Помещение для содержания скота

Двор 'помещение, пристроенное к дому, где стоит скотина'. *Доцаник* 'часть хлева, где держали мелкий скот, поросят'. *Клев, клеви* 'отгороженное место внутри двора, предназначенное для коровы'. *Мошаник, омшеник* 'место в хлеву, где держали мелкий скот, поросят'. *Сушило* 'место на дворе для сушки сена'. *Тырло* 'огороженное дальнее пастбище, загон для выгула коров'.

Хозяйственные постройки

Амбар, онбар 'постройка для хранения зерна', как правило, представляет собой небольшой рубленый домик, который стоит на краю усадьбы; не сохранились названия построек для сушки снопов *овин, рига, сельница*, отмеченные в 1946 г. *Гумно* 'место с навесом, где раньше молотили'. *Палатка* 'небольшой каменный домик для сохранения ценного имущества на случай пожара', иногда в нем живут.

Различные виды изгороди

Тын 'забор из дощечек или, реже, из бревен'. *Пряслы* 'загородка из жердей'. *Плетень* 'изгородь, плетеная из прутьев'.

Домашняя утварь

Валёк 'орудие для выколачивания белья'; *матеря наши вальками колотили*. *Горшок* 'многофункциональная посуда из глины с широким горлом'. *Жбан* 'большой сосуд для кваса'. *Квашня* 'деревянная посуда для растворения теста'. *Кормысл, кормысел* 'деревянное приспособление для переноски ведер с водой'. *Кринка* 'посуда из глины для молока с узким горлом'. *Сковородник* 'ручка у сковороды'. *Ухвát* 'приспособление для выемки горшков из печи'. *Чугун, чьгунь, чугунок* 'металлический сосуд для приготовления пищи'.

Сельскохозяйственная лексика

Гнёт 'жердь, скрепляющая снопы или сено на возу'. *Дёргать лён* 'убирать лен'. *Жнитво* 'жатва'. *Жнивье* 'поле после того, как с него убрали урожай', в данной местности рожь, пшеницу или просо. *Картóшка* 'картофель'. *Конопь* 'конопля'. *Коса* 'название орудия для косьбы', *окóсье, окóсево* 'длинная ручка у косы',

напáлок, пáлец ‘небольшая ручка на окосье’; *лезвие* ‘режущая часть косы’, имеет *пятку* и *нос*. *Кресты́* ‘малая укладка снопов в поле’. *Моркóшка, моркóвь* ‘морковь’. *Трепáть лён* ‘обрабатывать лен’. *Озимь* ‘всходы зерновых, посеянные осенью’, сеяли *озимую* пшеницу. *Омёт* ‘большая укладка снопов’. *Пахать, пáшут* ‘обрабатывать землю под посев с помощью орудий’. *Плеть* ‘ботва картофеля’. *Скирдá, ски́рды* ‘большая укладка соломы’. *Цеп, цепи́, цапы́* ‘орудие для ручной молоты-бы’, названия деревянных частей цепа не помнят, в 1946 г. были приведены: *кадúшка* ‘ручка’, *цепёц, б́ило* ‘название бьющей части’.

Названия лиц по профессии

Ведёрник ‘бондарь’. *Коло́дезник* ‘человек, который роет колодцы’. *Пеци́ник* ‘печник’. *Пчёлник* ‘человек, разводящий пчел’. *Тюрёмщик* ‘человек, который работает в тюрьме или отсидевший в тюрьме’.

Названия животных

Бугáй ‘нехолощенный бык’, диалектное толкование — *бычóк с яйцами*. *Насédка* ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’; *Пырýть* ‘бодаться’, *пырýчка* ‘бодливая корова’. *Ря́женная корова* ‘пестрая’, *Ря́жка* — кличка коровы. *Обьягнítься, обьягн́илась* ‘об овце и козе, родившей детеныша’.

Названия насекомых

Жигáлка, жигáлки ‘муха’. *Пау́т* ‘овод’. *Слепы́ш* ‘слепень’.

Лексика природы

Вёдро ‘хорошая погода’. *Боло́то* как в ЛЯ. *Ело́ха, ело́х* ‘ольха’. *Земляни́га, черни́га, клубни́га* — названия ягод. *Овра́г* как в ЛЯ. *Дугá-ра́дуга* ‘радуга’. *Яла́нь* (елань) ‘поляна в лесу’.

Еда

Ка́ша ‘еда из крупы’, три сорта каши — из пшена, гречки, риса — обязательный атрибут поминального обеда. *Кокúрки* ‘пирожки (пресные)’. *Кисе́ль* ‘студенистая еда’, варили из овсяной муки или из крахмала с ягодами, резали ножом, обязательно подавали в конце поминального обеда. *Кула́га* ‘каша из ржаной муки’. *Лапи́енник* ‘густая лапша, похожая на кашу’, это кушание можно резать — *лапи́енные куски*. *Лепёшка* ‘печеное блюдо из раскатанного пресного теста’. *Разва́живать хлеб* ‘разводить закваску и замешивать тесто’. *Сво́йский хлеб* ‘хлеб домашней выпечки’. *Селя́нка, соля́нка* ‘тушеная кислая капуста с мясом’. *Солодúшки* ‘пирожки с добавлением свеклы’, свеклу парили, терли, смешивали с мукой и пекли.

Названия одежды

Вáрежки ‘вязанные рукавицы’. *Голи́цы* ‘матерчатые рукавицы’. *Зáпон* ‘фартук’, *ма́мка*, *ба́бушка* так называли, *сейчас fáртук*. *Пово́йник* ‘головной убор’, *давно не носим, пово́йник* носила бабушка. *Пальто́ зímнее* ‘теплое пальто, зимнее’, *пальто́ ма́йско* ‘демисезонное пальто’. *Поряди́ть* ‘наряжать’; *папа* любил *поряди́ть*. *Разбири́ться* ‘раздеваться’ крайне редко, отмечено в 1946 г., сейчас слово не употребляется, хотя информантам старшего поколения оно знакомо. *Сря́да* ‘одежда’. *Ткани́на* ‘одежда из домотканого полотна’, *тканину* носили.

Наречия

Восе́й, *восе́йка* ‘недавно’. *Гужо́й* ‘вместе’ *всей гужо́й* идём. *Да́веча* ‘недавно’. *За́того* ‘заранее’. *Когды́*, *ковды́* ‘когда’. *Лéтось* ‘в прошлом году’. *Не́коли* ‘некогда’. *Отку́ль*, *отту́ль* ‘откуда’, ‘оттуда’. *Студенó* ‘холодно’. Наречия на -о чаще, чем в ЛЯ, имеют ударение на суффиксе: *бедно́*, *весело́*, *тонко́*, *чисто́*.

Обычаи

Корово́д ‘танец’; метафорическое употребление: *къраво́дами грибы растут* — *круга́ми*. *Круг* ‘гуляния молодежи на улице’. *По́мочь* ‘коллективная помощь в работе’, вместе избы мыли, дрова заготовливали, картошку сажали, после *по́мочи* был обед, на котором подавали, как правило, грибной суп, *свойский* хлеб. *Посиде́лки* ‘вечерние собрания девушек, на которых работали, преимущественно вязали’, для посиделок нанимали избу, когда приходили парни, устраивались танцы, *по кварти́рам ходили и плясали с гармо́нью*. *Песня́чить*, *запесня́чивать* ‘петь песни’. *Пла́кать го́лосом* ‘голосить по покойнику’. *Упово́д* ‘часть рабочего дня до перерыва’.

Обряды

В большей степени сохранилась семейная обрядность, связанная со свадьбой и похоронами. *Сватовство́* — приход родственников (или друзей) жениха к родителям невесты. *Ве́шать занаве́ски* — свадебный обычай привозить от невесты и развешивать в доме жениха занавески, обычно это делали подружки невесты, их было принято угощать. Этот обычай сохранился до сих пор. *Вы́пить за молодо́дых* — свадебный обычай на второй день ходить по деревне с чайником самогона, предлагая всем встречным выпить за счастье молодых, при этом нельзя было отказать. *Торговáть придáным* — свадебный обычай, по которому жених выкупал приданое, привезенное девушками — подружками невесты.

Похороны. *Выно́сить ду́шеньку* — часть похоронного обряда, по которому на 40-ой день было принято прощаться с душой умершего. Родственники и близкие собирались в доме, обедали, молились, после этого низко кланялись, просили

прошенья у покойника, со свечами выходили на улицу проводить душу. *Первая встреча* — обычай подавать милостыню человеку, который первым встретился похоронной процессии. Это мог быть хлеб, завернутый в полотенце. *Милостыня* — обычай подавать еду нищим или прохожим, чтобы те поминали покойных. *Подарки*. Если хоронили женщину, всем пришедшим женщинам принято было дарить головные платки, а если хоронили мужчину, то всем мужчинам дарили носовые платки. На кладбище следовало обойти трижды вокруг могилы, чтобы покойник не являлся домой. Поминальный обед включал кутью, блины, обязательно щи, кашу, горох (варили), картошку; густой кисель, который можно было резать, подавался в конце поминальной трапезы. Был на столе и *канун* — чашка с разведенным медом. Участнику поминок полагалось попробовать каждого блюда: надо было съесть, как минимум, по три ложки. Было принято класть в гроб деньги — «на перевоз», иногда отправляли для умершего ранее односельчанина какую-нибудь «передачу»: тапочки, сигареты.

Как пишут авторы [Культура 2008], календарный празднично-обрядовый цикл, который относится к древнейшему способу организации народной жизни, сохранился в современных говорах фрагментарно. При этом отмечается хорошая сохранность суеверий и гаданий, отражающих элементы магического сознания.

Колдовство: *До сих пор и колдуны есь. И есь колдуны белые и есь черные. Чёрны портят людей, а белые лечут. Вот. Баушка, колдунья* — ‘женщина, которая могла навести порчу на людей и скот или снять её’; *колдунья козу глупой сделала* — *из хлеба рвётся. Наговаривать воду (на воду)* — ‘читать над водой молитвенный заговор для снятия порчи’. *Кила* ‘опухоль’; *колдуны килы на коз вешали, коза стала вяла и понура и погасла* (сдохла). *Зелёный глаз* — ‘нарыв, образовавшийся вследствие колдовства’. *Сглазить, сглаживать* — ‘наводить порчу’. *Сказать слово, прийти со словом* — ‘ворожить, приворожить’. *Егорий, Ягорий* — ‘день памяти св. Георгия Победоносца’ (6 мая и 9 декабря по н. ст), считается в деревнях Муромского района «злым» праздником, в который категорически запрещалось работать: *В Ягорий не делайте ничего. Они [соседи] делали баню* — *у них сын глаз выколол, [другие] поехали на покос* — *целый сапог крови. Лучшие на Пасху работать, чем на Ягория.*

Литература

Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 2000, — 178 с.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., Изд. Академии наук СССР. 1957. — 1103 с.

Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М.: Наука, 1985, С. 8–31.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Названия радуги // Восточнославянские изоглоссы / отв. ред. Т. В. Попова. 1995. М.: Наука, 1995. С. 93–100.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, Вып. III. Диалектология / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, М., 2014, с. 258–272.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Мотивация названий малых укладок снопов зерновых культур в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII) Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2004. С. 253–263.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии М.: 1915.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М.: Наука, 1986; Вып. II. Морфология. М.: Наука, 1989.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, Синтаксис. Лексика. Ч. I. М.: 1997; Ч. II, М.: Наука, 2004.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М.: Наука, 1965. С. 227–297.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение. 1970, 167 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. С. 246–273.

Николаев С. Л. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы поздне-праславянского происхождения // Діалекти в синхронії та діакронії: загальнослов'янський контекст. Ін-т укр. мови НАН. К. КММ, 2014. С. 365–370.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970, 456 с.

Основы славянской акцентологии. Отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1990. — 284 с.

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 году // РЯНСО, 2013, № 1, С. 287–292.

Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году // РЯНСО, 2015, № 2, С. 217–244.

Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров // Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1996.

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л.: Наука, 1947, 220 с.

«Речи родимой бескрайняя даль...» Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: хрестоматия. Науч. Ред. Л. А. Климова Арзамас, АГПИ, 2009. — 265 с.

Сидоров В. Н. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // Из истории звуков русского языка. М.: 1966. 160 с.

Тагунова В. И. Муромские говоры // Лингвистическое наследие В. И. Тагуновой: материалы для лингвокраеведческой работы студентов-филологов и учителей русского языка и литературы. Владимир. 2005.

Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2-х т. Т. 1. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — 536 с.

Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII), отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, М., 2002. С.5–25.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3 — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 800 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1–4. М.: Наука, 1960–1964.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз. 1952. — 311 с.

Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 1–36. М.: Наука, 1974–2010.

Ярославский областной словарь. Научн. ред. Г. Г. Мельниченко. Т. 10. Ярославль, 1991.

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

AREAL DESCRIPTION OF MUROM DIALECTS

The authors describe unique features of Murom dialect in comparison with other dialects of the central dialectal zone. The Russian dialects of central territories were analyzed by dialectologists many times and this work continues studies in the same direction. The article investigates and describes isoglosses on different lingual levels covering phonetics, morphology and some items of the dialect lexis as well as their geographical distribution shown in the map appended. The phenomena examined characterize the dialects of Volga-Oka area, including Murom dialect. On the scale of the Russian language the described area belongs to the central zone, being at the same time a distant marginal zone on the scale of the whole Slavia. This accounts for the occurrences of both dialectal innovations and archaisms which date back to the late Common Slavic period.

Key words: areal, isogloss, Murom dialect, yokanje, central dialect zone, rostovo-suzdalskiy dialect.

References

Azarh Ju.S. *Russkoe imennoe dialektное slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte*. [Russian nominal dialect word formation in the geolinguistic aspect]. Moscow, Nauka Publ, 2000, 178 p.

Atlas russkikh narodnyh govorov central'nyh oblastej k vostoku ot Moskvy. Vstupitel'nye stat'i i kommentari [Atlas of the Russian dialects of central regions to the east of Moscow. Opening chapters and the commentary]. R. I. Avanesov (Ed.), Moscow, Nauka Publ, 1957, 1103 p.

Bromlej S. V. [Variations in the vocalization range of the sonorants and their role in the opposition of the central and peripheral subdialects]. *Dialektografija russkogo jazyka* [Dialectography of the Russian language]. R. I. Avanesov, A. I. Gorshkov (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 8–31. (In Russ.)

Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. [Names of the rainbow]. *Vostochnoslavjanskije izoglossy 1995* [The Eastern Slavic Isoglosses 1995]. T. V. Popova (Ed). Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 93–100. (In Russ.)

Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. [Motivation of the names small pilings of the sheaves in the Russian dialects]. *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii*. [Materials and study on Russian dialectology II (VIII)], L. L. Kasatkin (Ed.), Moscow, Nauka Publ, 2004, pp. 253–263.

Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. [Dialects of the center of Russia: towards the history of the study]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. III, Dialectology], L. L. Kasatkin (Ed.), Moscow, 2014, pp. 258–272.

Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. *Opyt dialektologičeskoj karty russkogo jazyka v Evrope s prilozheniem očerka russkoj dialektologii* [Experience of the dialectological map of the Russian language in Europe with the application of the description of Russian dialectology. Proceedings of the Moscow dialectological commission]. D. N. Ushakov (Ed.), Moscow, 1915.

Dialektologičeskij atlas russkogo jazyka. Centr Evropejskoj časti Rossii. [Dialectological Atlas of the Russian language. Center of the European part of Russia]. In the issue 3. Issue 1. Phonetics. Moscow, Nauka Publ. 1986. Issue 2. Morphology. Moscow, Nauka Publ, 1989. Issue 3. Syntax. Lexics. Part I, Minsk, 1997. Part II, Moscow, 2004.

Zaharova K. F., Orlova V. G. [The Dialectal Division of the Russian Language]. *Russkaja dialektologija* [Russian dialectology]. R. I. Avanesov, V. G. Orlova (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 227–297. (In Russ.)

Zaharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo jazyka* [The Dialectal Division of the Russian Language]. Moscow, Prosveshhenie Publ, 1970. 168 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G. [The Dialectal Division of the Russian Language]. *Russkaja dialektologija* [Russian dialectology]. L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 246–273. (In Russ.)

Nikolaev S. L. [Polesian-and-east Russian phonetic isoglosses of late proto-slavic origin]. *Dialekti v sinhronii ta diahronii: zagal'noslov'jans'kij kontekst* [Dialects in synchrony and diachrony: the Slavic context]. Institute of the Ukrainian language, Kiev, 2014, pp. 365–370.

Obrazovanie severnorusskogo narečija i srednerusskikh govorov [Formation of north and middle Russian dialects and subdialects]. V. G. Orlova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, 456 p.

Osnovy slavjanskoj akcentologii. [Bases of the Slavic emphasis]. R.V. Bulatova (Ed.). Moscow, Nauka Publ. 1990. 284 p.

Programma sobiranija svedenij dlja sostavlenija dialektologicheskogo atlasa russkogo jazyka [Program of the collecting of the materials for Dialectological Atlas of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ, 1947. 220 p.

Pshenichnova N.N. *Tipologija russkikh govorov* [The typology of the Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 208 p.

Reports about the dialectological expeditions of the institute of the Russian language of im.V.V. Vinogradova, 2012 y. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2013, no. 1, pp. 287–292.

Reports about the dialectological expeditions of the institute of the Russian language of im.V.V. Vinogradova, 2014 y. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2015, no. 2, pp. 217–244.

«*Rechi rodimoj beskrajnjaja dal'...*» *Govory Nizhegorodskogo Oksko-Volzhsko-Surskogo mezhdurech'ja: hrestomatija*. [The dialects of Nizhniy-Novgorod Oka- and Volga–Surskogo area]. L. A. Klimkova (Ed.). Arzamas, 2009, 265 p.

Sidorov V.N. [Moderate yakanje of the Central Russian dialects and severnorusskoe ekanje]. *Iz istorii zvukov russkogo jazyka*. [From the history of the sounds of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ, 1966. 160 p.

Tagunova V.I. [Muromskie dialects]. *Lingvisticheskoe nasledie V.I. Tagunovoj: materialy dlja lingvokraevedcheskoj raboty studentov-filologov i uchitelej russkogo jazyka i literatury* [Linguistic heritage of V.I. Tagunov: materials for the work of student- philologists and teachers of the Russian language and literature]. Vladimir. 2005. (In Russ.)

Tradicionnaja kul'tura Muromskogo kraja. Jekspedicionnye, arhivnye, analiticheskie materialy: [Traditional culture of the region of Murom. Expeditionary, archive, analytical materials]. In the issue 2. Issue 1. State republic center of Russian folklore, Moscow, 2008. 536 p.

Trubachev O.N. [From the history and the linguistic geography of the eastern Slavic mastery]. *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii*. [Materials and study on Russian dialectology I (VII)], L. L. Kasatkin (Ed.), Moscow, Nauka Publ, 2002, pp. 5–25. (In Russ.)

Trubachev O.N. [History of the Slav terms of relationship and some earliest terms of the social system]. *Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura* [Transactions on the etymology: Word. History. Culture]. Issue 3. Moscow, 2008, pp. 12–288. (In Russ.)

Vasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1960–1964, vol. 1–4.

Chernyh P.Ja. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1952, 311 p.

Etimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ., 1974–2002, Vol. 1–28.

Jaroslavskij oblastnoj slovar' [Yaroslavl dialects dictionary]. G.G. Mel'nichenko (Ed.). Issue 10. Yaroslavl, 1991.

Т. В. Попова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова
(Россия, Москва)*

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА*

Редколлегия включила в сборник последнюю статью Т. В. Поповой, которая ушла из жизни в 2014 г. Статья подводит итог фундаментальному проекту отдела диалектологии и лингвогеографии; по техническим причинам она приводится со значительными сокращениями.

В работе дан анализ лингвистического ландшафта, выявленного на картах восточнославянского атласа. На основе изучения отдельных грамматических, фонетических и лексических явлений выделяются диалектные зоны, характеризующиеся архаическими и инновационными чертами. Особое внимание уделяется такому признаку, как вокальность/консонантность диалектных систем.

Ключевые слова: восточнославянские диалекты, изоглосса, диалектная зона.

Работа над темой «Восточнославянские изоглоссы» (ВСИ) показала, что лингвогеографический метод исследования восточнославянских диалектных явлений очень перспективен. Так, он дает возможность: а) представить типологическую характеристику современного диалектного ландшафта Восточной Славии; б) выявить инновационные и архаические зоны в данном ареале; в) раскрыть пути развития во времени и в пространстве того или иного явления; г) определить и объяснить сходства и различия между восточнославянскими диалектами. Кроме того, без результатов лингвогеографического исследования восточнославянских диалектов затруднительно ответить на вопрос о том, в какой степени статус отдельного современного восточнославянского языка (русского, украинского и белорусского) обусловлен как собственно структурно-лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами.

* В течение ряда лет в отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН велась работа над темой «Восточнославянские изоглоссы». Обоснование необходимости этой проблематики содержится в известной специалистам статье С. В. Бромлей «Восточнославянские языки как объект лингвогеографии» [Бромлей 2011].

Карты ВСИ достаточно убедительно свидетельствуют о том, что истоки многих современных восточнославянских различий следует искать в глубокой древности — в правосточнославянских (племенных) диалектах. Систематизация, переосмысление и изучение диалектных данных русского, украинского и белорусского языков путем рекартографирования материалов национальных атласов (ДАБМ, ДАРЯ, АУМ) имеют исключительно важное значение для сравнительной характеристики восточнославянских диалектов и интерпретации их контактов, а также для разработки целого ряда кардинальных вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза, многие из которых до сих пор не получили еще в славистике удовлетворительного решения.

Оригинальность решения поставленных в ВСИ задач заключается в принципиально новой интерпретации исходного диалектного материала: совокупность диалектов русского, украинского и белорусского языков рассматривается в качестве отдельной сложной системы (макросистемы), структура которой состоит из общих для всех диалектов и варьирующихся по говорам звеньев. Поэтому и все восточнославянское диалектное пространство интерпретируется как единый и целостный объект лингвогеографического исследования. Такой подход позволил впервые в славистике не только проанализировать в лингвогеографическом аспекте диалектные явления всех трех восточнославянских языков вместе взятых, но и провести изоглоссы, не ограниченные рамками отдельных языков. Это дало возможность, с одной стороны, доказать единство и целостность современного восточнославянского диалектного пространства [Попова 2006], а с другой — наглядно представить его дифференциацию.¹

При этом важно подчеркнуть, что объединение разных языков/диалектов в единый объект лингвогеографического анализа ни в коем случае «не означает простого суммирования диалектных различий, представленных на национальных картах. Принципиально может меняться состав актуальных диалектных различий: явления, не имеющие дифференцирующего значения в рамках одного языка, при расширении картографируемой территории становятся компонентом диалектного различия, реализующегося на этой территории» [Калнынь 2002: 11].

Как уже говорилось, совокупность диалектов восточнославянских языков интерпретируется как отдельная сложная система (т.е. система диалектного языка, или диасистема, являющаяся научным построением, конструктом). Ее структура состоит из общих для всех диалектов и варьирующихся звеньев. Варианты, которые реализуют определенное явление в разных частных диалектных системах (ЧДС), формируют диалектные различия. Именно они и составляют объект лингвогеографии. Таким образом, карты ВСИ представляют собой карты особого типа, на которых территориальное распространение членов соответственного

¹ Необходимо напомнить, что описанная модель структурных и системных отношений была сформулирована Р. И. Аванесовым для собрания диалектов лишь *одного* — *русского* — *языка*, но она оказалась продуктивной и для диалектов *ряда родственных языков* (а именно — всех славянских языков, как в «Общеславянском лингвистическом атласе» (ОЛА), или трех восточнославянских языков, как в ВСИ).

явления переосмыслено в аспекте его функционирования в рамках всего современного восточнославянского диалектного континуума как целого. В этом континууме в характеристике любого явления информация о его принадлежности тому или иному языку является нерелевантной; здесь каждое из явлений имеет только одну значимость — значимость *диалектного восточнославянского явления*. С. В. Бромлей, обосновывая необходимость восточнославянского атласа, отмечала: «Целый ряд различительных восточнославянских явлений невозможно квалифицировать ни как языковые, т. е. противопоставляющие отдельные восточнославянские языки, ни как диалектные, т. е. различительные только в пределах отдельных восточнославянских языков. Это является главным лингвогеографическим критерием, позволяющим на основе синхронных характеристик квалифицировать восточнославянские языки как самостоятельный и целостный объект лингвогеографии» [Бромлей 1985: 177].

Продуктивность и практическая значимость данного принципа проявилась также при исследовании диалектной ситуации в зонах пограничий — украинско-белорусского, русско-белорусского, русско-украинского, русско-украинско-белорусского [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; Попова 2008].

Важно учитывать, что в отличие от лингвогеографического изучения диалектов каждого из восточнославянских языков в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ, образующих свои отдельные ареалы со специфическими особенностями, например, в отношении расположения периферийных зон и инновационных центров, изучение единого *восточнославянского ареала* выявляет иное распределение и соотношение своих, восточнославянских периферийных зон, например, наличие одинаковых признаков в северо-восточной и юго-западной зонах, и своего инновационного центра. Кстати, при включении восточнославянского ареала в максимально большой общеславянский контекст наблюдается перераспределение периферийных зон и зоны центра; например, на многих картах ОЛА вся территория русского языка представляет собой типичную восточную периферию.

На известную относительность выделения тех или иных ареалов, рассматриваемых через призму разных, различающихся по величине, территорий, указывал в свое время О. Н. Трубачев: «Вопрос о древнем среднеднепровском ареале славян продолжает стоять и сохраняет свое значение, особенно как исходный ареал для дальнейшего развития собственно восточного славянства. Однако не исключено, что для каких-то предшествующих периодов среднеднепровский ареал славян был лишь частью (периферией) более крупного, иначе локализованного пространства» [Трубачев 1983: 248]. Включение того или иного диалектного явления, исследованного ранее на материале лишь одного восточнославянского языка, в рамки всего восточнославянского ареала имеет очень важное значение для получения наиболее адекватной его характеристики. Отсюда следует, что картографирование явлений на *большой территории* может дать такие аргументы, которые позволят по-новому интерпретировать известные уже науке факты.

Карты и комментарии ВСИ показали, что только большая территория в сочетании с определенным набором диалектных различий и анализом расположения

и конфигурации диалектных зон дает возможность по-иному посмотреть и на тенденции развития диалектного явления, и на связи его с другими явлениями, а также позволяет переосмыслить традиционные представления об истории формирования некоторых особенностей каждой из диалектных зон восточнославянского диалектного пространства. Об этом же пишет Л. Э. Калнынь: «Картографирование диалектов на большом пространстве, охватывающем несколько языков, придает диалектной карте статус особого источника лингвистической информации. Для того чтобы адекватно оценить эту информацию, в ряде случаев надо критически отнестись к традиционно установившимся представлениям об истории отдельных языковых явлений и о складывании диалектной дифференциации отдельных регионов» [Калнынь 1998: 57]. Важность и результативность исследования диалектных явлений на большой территории убедительно доказала и работа над таким научным проектом, как ОЛА.

В качестве предмета изучения в ВСИ были отобраны те диалектные явления, которые можно было считать наиболее значимыми и информативными с точки зрения сравнительной характеристики восточнославянских диалектов, определения их контактов в прошлом и настоящем, нахождения архаических, инновационных и периферийных зон восточнославянского диалектного континуума, а также членения восточнославянской языковой области.

Поэтому диалектологическая карта, как основной объект исследования в ВСИ, на которой представлено то или иное явление в пространственной проекции, в ареалогическом плане может рассматриваться как отражение фрагмента исторического процесса столкновения и смешения языковых потоков различной хронологии и географической прикреплённости/направленности.

В связи со сказанным, в ВСИ уделялось большое внимание комментариям, которые фактически представляют собой развернутые статьи-исследования того явления, которое изображено на карте. В них дается интерпретация, как правило, сложной картины синхронного соотношения диалектных ареалов различных типов: компактных, размытых, кружевных, островных, имеющих свою определенную локализацию и лингвистическую характеристику. На основании лингвогеографического анализа диалектного материала и использования некоторых исторических данных в комментариях формулируются определенные заключения, относящиеся не только к собственно географическому распределению различных соотносительных явлений (диалектных вариантов), но и к истории их возникновения. А яркой иллюстрацией того, каким образом следует интерпретировать лингвогеографические работы по фонетике славянских диалектов, чтобы выявить целый ряд неизвестных ранее особенностей и внести некоторые коррективы в традиционные представления о фонетических явлениях, можно считать работу [Калнынь 1998].

Пучки изоглосс, выявленные на картах ВСИ, указывают прежде всего на наличие в синхронном плане единства некоторых структурных характеристик ряда говоров, объединенных территориально и образующих в рамках единого восточнославянского ареала *диалектные зоны*. Такая синхронно единая диалектная зона

содержит, как правило, разные с точки зрения хронологии явления, следовательно, и изоглоссы, очерчивающие зону, обозначают границы распространения разновременных диалектных признаков. В связи с этим, с одной стороны, в диалектной зоне моделируется определенная синхронная лингвистическая ситуация, позволяющая дать данной зоне квалификацию той или иной единицы диалектного членения восточнославянского континуума, а с другой — может быть реализована возможность реконструкции предшествующего состояния этой лингвистической ситуации [Попова 2006]. Существующие исследования по истории восточнославянских языков и диалектов помогают в установлении относительной хронологии изоглосс.

Также специально следует подчеркнуть следующее. Несмотря на то, что диахронический аспект в ВСИ представлен и недостаточно, и неравномерно в разных комментариях, сами диалектные материалы, характеризующие восточнославянское лингвистическое пространство в синхронном плане, проанализированы в работе достаточно основательно. Поэтому можно надеяться, что карты и комментарии всех 4-х выпусков коллективного труда ВСИ представляют собой надежный источник по диалектологии, который в настоящее время уже нельзя не учитывать при разработке целого ряда вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза.

Необходимо отметить, что одной из главных задач в работе над ВСИ является *интерпретация изоглосс* — и не только изоглосс отдельных явлений, но и пучков изоглосс, образованных разными явлениями (как в содержательном плане, так и в плане диахроническом). Пучки изоглосс рассматриваются в качестве реального инструмента для членения современного восточнославянского диалектного континуума и в качестве средства, помогающего получить определенную диахроническую информацию. При изучении изоглосс важное значение имеет анализ их локализации, а также определение их роли в выделении *ареалов*. В данном случае область лингвогеографии расширяется за счет выхода в другую, смежную с ней, область — ареалогию. При интерпретации ареалов релевантными признаками являются такие характеристики, как локализация ареала, совмещенность его с другими ареалами, лингвистическое содержание ареала, степень полноты (насыщенности) или разреженности реализованного на его территории явления.

В процессе работы выявились проблемы, нуждающиеся в дальнейшей разработке, к ним относится специальное изучение ситуации, сложившейся в украинском языке. Необходимость этого обусловлена тем, что ареал, образованный *украинскими диалектами*, по совокупности многих явлений выделяется на фоне других ареалов в рамках всего восточнославянского лингвистического пространства. Очевидно, что синхронная интерпретация известной «обособленности» украинских диалектов потребует серьезного привлечения диахронических данных. Можно надеяться, что сочетание двух таких составляющих, как изучение лингвогеографической картины украинского ареала и знание путей развития тех или иных явлений во времени и в пространстве, приведет к пониманию причин этой «обособленности».

Кроме того, более углубленно следовало бы изучить диалектную ситуацию на русском Севере, особенно обратить внимание на северо-восточные русские

говоры. Лексические материалы ОЛА и их ареалогический анализ показали, что наибольшим языковым своеобразием в масштабе всего славянского диалектного пространства отличаются говоры севернорусского наречия, которые находятся на самой периферии terra Slavica [Вендина 2009: 59].

Несомненный интерес представляет и каталогизация (с последующим углубленным анализом) тех явлений, которые объединяют в общий ареал юго-западные восточнославянские говоры с говорами западнославянских языков.

Работа над ВСИ позволила обратить внимание на одну, несомненно актуальную, проблему, которая до сих пор не являлась в лингвистике предметом специального исследования. Речь идет о целесообразности совместного изучения одинаковых явлений в *разговорной речи* восточнославянских литературных языков, с одной стороны, и в *восточнославянских диалектах*, с другой, в связи с тем, что как устные формы литературных языков, так и восточнославянские диалекты являются, по нашему мнению, некодифицированными разновидностями одного и того же восточнославянского лингвистического пространства, и этот факт может служить аргументом в пользу признания общего генезиса данных одинаковых явлений. Обращение к данной проблеме является убедительным свидетельством того, что изучение восточнославянских диалектов в лингвогеографическом аспекте актуально и для некоторых других областей языкознания.

Во всех вышедших из печати выпусках ВСИ содержатся карты, характеризующие различные языковые уровни: фонетический, морфонологический, морфологический, синтаксический и лексический. В результате в научный оборот был впервые введен большой корпус явлений, представленных во всех диалектных вариантах на картах восточнославянской территории.

Были исследованы следующие явления:

I. ФОНЕТИКА.

1. Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный типа *бра-ла, дала* (С. Л. Николаев, 1 вып.).

2. Рефлексаия праславянского латерального сонанта (**l*) (Л. Э. Калнынь, 1 вып.).

3. Рефлексы **ě* под ударением (А. В. Тер-Аванесова, 4 вып.).

4. Рефлексы **'a* и **e* под ударением (А. В. Тер-Аванесова, 1 вып.).

5. Гласные на месте редуцированных **ĩ* и **ũ* (Н. Н. Пшеничнова, 1 вып.).

6. Согласные на месте древнерусских [ш'т'ш'], [ж'д'ж'] (Н. Н. Пшеничнова, 2 вып.).

7. Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией праславянских сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными (Л. Э. Калнынь, 3 вып.).

8. Новые сочетания с /j/ (Н. Н. Пшеничнова, 4 вып.).

9. Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах (Н. Н. Пшеничнова, 2 вып.).

10. Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных (Н. Н. Пшеничнова, 3 вып.).

11. Гласные предупредительного слога (Л. Э. Калнынь, 4 вып.).
12. Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов (Л. Э. Калнынь, 3 вып.).
13. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами (Л. Э. Калнынь, 2 вып.).
14. Протетические согласные перед лабиализованными гласными (Л. Э. Калнынь, 2 вып.).

Следует отметить, что карты фонетического раздела по своей тематике можно разделить на два подраздела: в один из них, больший по объему, входят те карты, тематика которых ориентирована на диахронию (в них картографируются современные диалектные рефлекссы праформ, например, «рефлекссы **ě*», «рефлекссы сочетаний типа **tъrt*» и т.п.); в другой — те карты, тематика которых ориентирована на синхронию (в них картографируются современные диалектные различия, не обусловленные общим происхождением, например, «гласные предупредительного слога» и т.п.).

II. МОРФОНОЛОГИЯ

1. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа русск. лит. *печь, беречь* (Т. В. Попова, 1 вып., 1995).

2. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *платить* (Т. В. Попова, 2 вып., 1998).

3. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *любить* (Т. В. Попова, 2 вып., 1998).

4. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный (Л. Е. Лопатина, А. В. Тер-Аванесова, 3 вып., 2000).

III. МОРФОЛОГИЯ

1. Флексия глагольной формы 3-го лица единственного числа настоящего времени (Т. В. Попова, 2 вып., 1998).

2. Конечные /т/, /т'/ и /Ø/ в глагольных формах 3 лица множественного числа настоящего времени (Т. В. Попова, 4 вып., 2006).

3. Глагольная форма 1 лица множественного числа настоящего времени (Т. В. Попова, 4 вып., 2006).

4. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к,г/ типа рус. лит. *печь, беречь* (Т. В. Попова, 3 вып., 2000).

5. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, видеть, знать, писать* (Т. В. Попова, 3 вып., 2000).

6. Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести и класть, прясть, грызть* (Т. В. Попова, 3 вып., 2000).

7. Флексии звательного падежа (Н. Л. Голубева, 2 вып., 1998).

8. Средства выражения значения вокатива (Н. Л. Голубева, 1 вып., 1995).

9. Флексии творительного падежа множественного числа существительных (С. К. Пожарицкая, 3 вып., 2000).

10. Отражение флексии *nom.-acc. dualis* в счетной форме существительных *a*-склонения и *o*-склонения среднего рода (А. В. Тер-Аванесова, 3 вып., 2000).

11. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *a*-склонения (А. В. Тер-Аванесова, 2 вып., 1998).

12. Образование падежных форм дательного, творительного, местного единственного числа существительных женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать* (Т. В. Попова, 1 вып., 1995).

13. Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией 'гласный + [ǔ/в]' (типа *сóleǔ, sól'ou, c'ileǔ, c'il'ou*) в современных юго-западных украинских говорах (Т. В. Попова, 1 вып., 1995).

14. Формы творительного падежа числительного *два* (Н. П. Прилипка, 1 вып., 1995).

15. Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот — этот* (Н. Л. Голубева, 3 вып., 2000).

IV. СИНТАКСИС

1. Предикативное употребление деепричастий на *-ши* (Л. Е. Лопатина, 1 вып., 1995).

2. Объектно-целевые конструкции (типа *по бабушку, по грибы*) (Л. Е. Лопатина, 1 вып., 1995).

3. Использование предложно-падежных сочетаний типа *по лесам — по лесах* (Л. Е. Лопатина, 2 вып., 1998).

4. Родительный падеж в функции прямого объекта (Л. Е. Лопатина, 2 вып., 1998).

5. Сочетания типа *у меня болит голова — мне галава балиць* (бел.) (Л. Е. Лопатина, 2 вып., 1998).

6. Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными (Л. Е. Лопатина, 2 вып., 1998).

7. Конструкции типа рус. *корова (корову) подоено*, бел. *грыбы пазбирана*, укр. *гроші узято* (Л. Е. Лопатина, 3 вып., 2000).

8. Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных (Л. Е. Лопатина, 3 вып., 2000).

V. ЛЕКСИКА

1. Названия 'деревянной посуды, в которой растворяют тесто' (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, 2 вып., 1998).

2. Названия частей плуга: 1. 'лемех', 2. 'отвал' (Г. П. Клепикова, 3 вып., 2000).

3. Названия 'орудия для ручной молотбы и его деревянных частей' (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, 4 вып., 2006).

4. Названия: 1. 'валька для выколачивания белья' и 2. '[озимых] всходов зерновых культур' (Г. П. Клепикова, 2 вып., 1998).

5. Названия 'укладок снопов (в поле)' (Г. П. Клепикова, 4 вып., 2006).

6. Глаголы со значением 'возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)' (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, 1 вып., 1995).

7. Названия 'белки *Sciurus*' (Г. П. Клепикова, 2 вып., 1998).
8. Названия 'петуха' (Г. П. Клепикова, 2 вып., 1998).
9. Названия 'кукушки' (Г. П. Клепикова, 2 вып., 1998).
10. Названия 'муравьев' (Г. П. Клепикова, 3 вып., 2000).
11. Названия 'радуги' (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, 1 вып., 1995).
12. Наречия со значением 'очень' (Г. П. Клепикова, 1 вып., 1995).

VI. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1. Восточнославянские изогlossen (С. В. Бромлей, 4 вып., 2006).
2. Введение (Т. В. Попова, 1 вып., 1995).
3. Предисловие (Т. В. Попова, 2 вып., 1998).
4. Предисловие (Т. В. Попова, 3 вып., 2000).
5. Предисловие (Т. В. Попова, 4 вып., 2006).
6. Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» (Г. П. Клепикова, 4 вып., 2006).

Выше говорилось, что исследование диалектных явлений в рамках ВСИ позволило внести существенные дополнения и коррективы в традиционные представления о них. В качестве иллюстрации сказанного остановимся на некоторых картах и комментариях к ним.

Характер и степень реализации признаков вокальность/консонантность в восточнославянских диалектных системах

В статье Л. Э. Калнынь «Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов» [ВСИ 2000] содержится целый ряд уточнений и поправок в ставшую уже классической типологическую классификацию славянских языков (по ряду фонетических признаков) на вокалические и консонантические типы. В этой классификации русский, украинский и белорусский языки были отнесены ко второму, консонантическому, типу [Исаченко 1963].

Тщательный анализ всех доступных на сегодняшний день материалов по диалектной фонетике трех указанных языков показал, что в действительности восточнославянские диалекты характеризуются далеко не одинаковым отношением к признакам вокальность/консонантность как с точки зрения фонетической структуры диалекта, так и в отношении правил образования звуковых последовательностей. В данном комментарии впервые был определен тот набор фонетических средств, реализующих отношение к данным признакам, по которым звуковые системы восточнославянских диалектов можно было бы отнести к вокальному или консонантному типам. На основании этого были выявлены основные различия между восточнославянскими диалектами в уровне значимости признаков вокальность/консонантность в синтагматическом и парадигматическом аспектах.

Следует отметить, что одни из признаков (критериев), являющихся релевантными в оценке уровня вокальности/консонантности фонетического строя восточнославянских диалектов, относятся к инвентарному составу гласных и согласных в разных ЧДС, другие — к правилам звуковой синтагматики в каждом из диалектов.

В плане *инвентарном* имеющийся в распоряжении вполне сопоставимый диалектный материал дал возможность решить данный вопрос достаточно убедительно: наличие большего количества используемых в говоре гласных соответствует большей вокальности, а наличие большего количества согласных — большей консонантности. Однако в *синтагматическом* плане определение уровней вокальности и консонантности, характеризующих звуковые последовательности, потребовало серьезной предварительной разработки указанного вопроса и выявления таких критериев оценки качества звуковых цепей с точки зрения их вокального или консонантного содержания, которые можно было бы интерпретировать в лингвогеографическом, т.е. сопоставительном аспекте.

К этим критериям были отнесены следующие признаки: спирализация гласного и редуция безударного гласного до нуля, которые снижают уровень вокальности звуковой цепи; отношение гласных к ударению (т.е. результаты взаимодействия ударного и безударного вокализма); оценка степени консонантности согласных по «шкале нарастания консонантных признаков»; результаты вокально-консонантного взаимодействия, т.е. характер взаимоотношения вокальной и консонантной частей фонетического слова; стабильность/нестабильность артикуляции консонантных сочетаний (имеется в виду наличие/отсутствие ассимилятивного уподобления в консонантных группах) и т.д. Дополнительная трудность данного синтагматического анализа заключалась в том, что во многих случаях отсутствовал полностью сопоставимый материал по тем признакам, по которым диагностируется степень вокальности/консонантности звуковых цепей.

Карты и комментарий к ним показали, что в фонетике восточнославянских диалектов отношение к признакам вокальность/консонантность имеет многообразные и разноплановые проявления (например, в какой-либо ЧДС может быть зафиксирована такая ситуация, при которой система вокализма свидетельствует о высокой степени вокальности, в то время как в системе консонантизма имеются элементы, подчеркивающие высокий уровень консонантности). Все извлеченные из диалектных источников сведения были тщательно проанализированы и интерпретированы в комментарии и показаны на картах.

По данным инвентаря *вокальных единиц* в позиции под ударением был сделан вывод, что сравнительно высоким уровнем признака вокальность характеризуются русские говоры северо-востока, с одной стороны, и украинские и часть белорусских говоров, с другой. Наиболее вокальны украинские говоры, которые характеризуются ярко выраженной дифференциацией по количеству и качеству гласных в позиции под ударением — это говоры с 6-ю (наиболее распространенный вариант), 7-ю (крайние юго-западные говоры, за исключением закарпатских, и некоторые северноукраинские) и 8-ю (закарпатские говоры) вокальными единицами. Кроме того, варьирование украинского ударного вокализма обусловлено употреблением таких узко диалектных гласных, как *i*, *ie*, *yo*, *ye*, *u*, *ы*, *ä*, *ÿ* (при наличии гласных *a*, *e*, *o*, *y*, являющихся постоянным звеном): многообразные комбинации этих единиц создают высокий уровень дифференциации в области украинского ударного вокализма — насчитывается более 20 различных вокальных структур.

Также высокая степень вокальности отмечена в юго-западных белорусских говорах (ударный вокализм из 7 единиц). На русской территории обычна пятичленная система ударного вокализма. Но на северо-востоке, за счет рефлексации **ě* и **o* под восходящим ударением, известны вокальные системы с 6-ю ударными гласными, а в районе Тотьмы и Кирова — с 7 единицами.

Вопрос об инвентарном составе *консонантизма* из-за фактической несопоставимости материала решен, к сожалению, достаточно фрагментарно. Так, например, можно отметить, что в консонантных системах украинских и большей части белорусских говоров (в отличие от русских), отсутствуют мягкие губные и мягкий вибрант *p'*; также их консонантизм включает в свой состав звонкие аффрикаты *dz* и *dʒ*, отсутствующие в русских говорах. Эти черты понижают уровень консонантности в соответствующих говорах и повышают уровень вокальности.

В отношении *синтагматики* украинские и юго-западные белорусские говоры, а также крайние юго-западные русские (примыкающие к украинским и белорусским) и северо-восточные русские говоры демонстрируют высокую степень вокальности своих фонетических систем, которая в разных говорах может быть обусловлена разными средствами.

В украинских, а также в белорусских говорах на высокую вокальность фонетических систем указывают и случаи произношения билабиального спиранта *ʃ* на месте латерального сонанта в континуантах **ʃlt*, **ʃlt* (*воʃк*, *ноʃний*, *стоʃн*, *моʃстий*) и на конце формы *l-pts m sg* (*даʃ*, *снаʃ*, *стаʃ*).

В комментарии делается важный вывод, что данным, хронологически ранним, стремлением к повышению вокальности определенного фрагмента звуковой последовательности украинский и белорусский диалекты отличаются от всех других славянских диалектов.

В говорах юго-западного и северо-восточного ареалов, которые характеризуются высоким уровнем вокальности фонетических систем, можно отметить следующие явления, свидетельствующие об ослаблении уровня консонантности. Это отсутствие мягких губных и мягкого вибранта *p'* (украинские и белорусские говоры), изменение *v > ʃ* на конце слова перед паузой и в середине слова перед согласными (украинские, белорусские, юго-западные русские и северо-восточные русские говоры), утрата *ʃ* и ослабление участия голоса в образовании *ʃ* перед глухим согласным и перед паузой, ср. *v'it < v'iit*, *l'i*, *nob'i* (юго-западные украинские говоры), неразличение литературных *ц* и *ч* (русские говоры на северо-востоке, говоры центра к востоку от Рязани и говоры на северо-западе в районе Пскова), наличие шумных звонких согласных на конце слова перед паузой, ср. *хл'еб*, *холод*, *воз* (украинские, юго-западные белорусские, западнорусские, примыкающие к украинским и белорусским, и некоторые отдельные северо-восточные русские говоры), замена шумного согласного сонантом в сочетаниях взрывных губных и зубных согласных с последующими назальными сонантами в результате регрессивной ассимиляции, т.е. *дн > нн* (западнорусские и северо-восточные русские говоры, большая часть белорусских говоров, юго-западные украинские говоры) и *бм > мм* (западнорусские, северо-восточные русские и центральная часть севернорусских говоров),

наличие сочетания $C'C'$ и одного согласного C' на месте $Cj < *Cъj$ (в серии зубных согласных), ср. *вес'іл'л'а*, *вес'іл'а*, *плát'm'а*, *плát'а* (украинские, юго-западные белорусские, крайние юго-западные русские и некоторые северо-восточные русские говоры), наличие такого же удвоения мягких губных на месте сочетания губного cj (т.е. $Pj > P'P'$): *скам'м'á*, *мурав'в'ó*, *вып'п'у* (некоторые западно-русские говоры в Великолукской и Смоленской обл.) и мн. др. В комментарии и на картах исследован также целый ряд явлений в вокализме и консонантизме, понижающих уровень вокальности (и, соответственно, повышающих уровень консонантности) в фонетических диалектных системах. В комментарии приводятся и другие — многочисленные и разнообразные — примеры, которые подтверждают роль синтагматики в усилении/ослаблении вокальности/консонантности диалектных фонетических систем.

В результате исследования данного вопроса вырисовывается четкая лингвогеографическая картина современного состояния восточнославянских диалектных фонетических систем, различающихся такими типологическими характеристиками как вокальность/консонантность.

Так, выделяются два ареала на восточнославянском диалектном пространстве, говоры которых характеризуются повышенным уровнем вокальности фонетических систем: это юго-запад (украинские и юго-западные белорусские говоры, а также примыкающие к ним крайние юго-западные русские говоры) и северо-восток (северо-восточные русские говоры). Различия между этими ареалами заключается в том, что на юго-западе (особенно в украинских говорах) все явления, повышающие уровень вокальности, характеризуются последовательным и повсеместным проявлением, в то время как на северо-востоке некоторые из данных явлений отмечены только в отдельных говорах, образующих небольшие островки.

Максимально высокий уровень вокальности (и, соответственно, максимального низкий уровень консонантности) зафиксирован в северноукраинских говорах в пределах Волынской области.

Говоры с повышенным уровнем консонантности расположены в центральной части восточнославянского ареала. Самый высокий уровень консонантности присущ тем русским говорам, которые занимают юго-восточную часть восточнославянского диалектного пространства. Эти говоры имеют мягкие губные согласные на конце слова и ассимилятивное смягчение этих согласных перед k' , они характеризуются также нулевой редукцией безударных гласных. Значимость вокальной артикуляции в указанных говорах настолько снижена, что вокальные элементы в виде вставных гласных могут использоваться для поддержания уровня консонантности звуковых цепей — ситуация, когда вокальная артикуляция является компонентом консонантизма. Характерно, что в этом эпицентре консонантности отсутствуют какие-либо из тех явлений, которые на карте в других местах диагностируют снижение уровня консонантности. В результате делается вывод, что диалектный регион, характеризующийся данными чертами, может считаться минимально вокальным и максимально консонантным не только в восточнославянском диалектном континууме, но и во всей Славии.

Исследование восточнославянской диалектной фонетики в аспекте вокальности/консонантности звуковых цепей привело еще к одному важному выводу, а именно: в целом украинские и белорусские говоры отличаются от русских тем, что их фонетические системы содержат такие явления, которые отражают существование более высокого уровня вокальности в *исконном* состоянии фонетики этих диалектов.

<Фрагмент статьи, содержащий анализ морфонологических и морфологических различий восточнославянских языков не включен в публикацию в связи с большим объемом. Подробная морфонологическая характеристика глагольных форм содержится в статьях Т. В. Поповой [ВСИ 1995, ВСИ 1998, ВСИ 2006].>

Синтаксические явления

Следует подчеркнуть, что синтаксический раздел в ВСИ представлен в достаточно ограниченном виде, что обусловлено слабой разработанностью диалектной синтаксической тематики в доступных для исследования диалектных материалах русского, украинского и белорусского языков.

Характерной особенностью всех синтаксических карт, вошедших в ВСИ, является наличие на восточнославянском диалектном пространстве крупных ареалов, образованных противопоставленными вариантами того или иного синтаксического явления. Важно, что в ряде случаев синтаксическое явление выступает на всей восточнославянской территории в виде лишь одного (не противопоставленного другим) диалектного варианта. Вошедшие в ВСИ карты свидетельствуют о большей или меньшей общности и однородности восточнославянских диалектов в развитии их синтаксических систем.

Рассмотрим в качестве примера две синтаксические карты, лингвогеографическая картина которых является наиболее типичной для восточнославянского континуума с синтаксическим содержанием.

1. Карта и комментарий на тему «Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам* ~ *по лесах*» [ВСИ 1998], автор Л. Е. Лопатина, посвящены исследованию в восточнославянских диалектах разных вариантов синтаксической конструкции локативно- и темпорально дистрибутивного значения: «предлог *по* + сущ. во мн. числе» (ср. рус. лит. *по лесам, по праздникам*; рус. диал. *пошла по бабушкам*).

История развития данной синтаксической конструкции в восточнославянских диалектах различна, но не отличается разнообразием.

Так, в диалектах русского языка, на всем протяжении времени находим в локативно-дистрибутивном значении в сочетании с предлогом *по* словоформу Д. мн. имени существительного с окончанием *-ам* (< **ā*-основ): *пошли по домам*.

Что касается украинского и белорусского языков, то, начиная приблизительно с XV в. в староукраинских и старобелорусских памятниках письменности преобладающей конструкцией в указанном значении становится предлог *по* с М. мн.

имени существительного с окончанием *-ax* (*по корчмах ходят*), который активно вытесняет употребляющийся ранее Д. мн. [Ср.-ист. синтаксис 1968: 271]. Ср. современные конструкции: укр. *розійшлися по хатах*; бел. *працаваў на вечерах*. Следует обратить специальное внимание на то, что данная синтаксическая особенность украинских и белорусских говоров является общей с говорами польского языка и других западнославянских языков, что отграничивает их от говоров русского языка. Тем самым в лингвогеографическом плане данное явление выделяет в общеславянском масштабе, с одной стороны, русские, а с другой, — украинские, белорусские и все западнославянские диалекты.

Повсеместность употребления в диалектах одного ареала конструкции «*по + Д. мн.*» (русские говоры), а в диалектах другого ареала конструкции «*по + М. мн.*» (украинский, белорусский и западнославянские языки) может свидетельствовать об исконности как одной, так и другой конструкций, т.е. о существовании синтаксической вариативности уже в глубокой древности, несмотря на то, что в староукраинских и старобелорусских памятниках письменности один из синтаксических вариантов («*по + М. мн.*») зафиксирован достаточно поздно.

В комментариях рассматриваются также и другие реализации падежных окончаний у существительных, входящих в указанную синтаксическую конструкцию, которые зафиксированы лишь в отдельных говорах (ср., например, сохранившиеся старые флексии М. мн. *-ix < *hxъ* и *-ox < *ъxъ* — в таких примерах, как *по бараніх*, *по пол'ох*, *по лісох*, употребляющихся в отдельных карпатских, поднепровских и западноволыньских украинских говорах). Эти конструкции на карте не отражены.

2. Карта и комментарий на тему «Объектно-целевые конструкции типа *по бабушку*, *по грибы*» [ВСИ 1995], автор Л. Е. Лопатина. Здесь рассматриваются такие словосочетания, которые включают в свой состав глаголы направленного движения типа *идти*, *ехать*; *послать* (и его синонимы), а также имя существительное, обозначающее объект, на который направлено движение.

В современных восточнославянских диалектах употребляется несколько типов указанных синтаксических конструкций, различающихся прежде всего: а) предлогами (например: в русских, украинских и белорусских говорах — предлоги *за* и *по*; в русских и белорусских говорах — предлог *в*; в украинских говорах — предлог *на* и беспредложные конструкции); б) характером объекта (он может быть выражен либо одушевленным, либо неодушевленным существительным, либо — безразлично: одушевленным/неодушевленным существительным); в) составом существительных, обозначающих объект (который может быть либо лексически ограниченным, либо лексически неограниченным); г) падежом существительного. Например:

1) 'предлог *по + сущ. в В. п. + одуш./неодуш.*' — рус. *идти по бабушку*, *по молоко*; укр. *пішоў по лікаря*, *по воду*; бел. *ісці на воду*, *пасаць на доктара*.

2) 'предлог *за + сущ. в Тв. п. + одуш./неодуш.*' — рус. *пойти за ягодами*, *за бабушкой* (фактически, повсеместно); укр. *пішоў за водою*, *за лікарем* (в отдельных говорах); *ісці за вадой*, *за бацькам* (редко).

3) 'предлог *на* + сущ. в В. п.' (только в единичных юго-западных украинских говорах) — *нідемо на малини, на гриби, на зайці* и т. п.

Круг существительных различен по говорам. В русских говорах, например, выбор существительного более свободен в конструкциях с предлогом *за*, а в украинских — в конструкциях с предлогом *по*.

Все восточнославянские диалекты характеризуются общей закономерностью: в указанных конструкциях предлог *за* чаще употребляется с одушевленными существительными, в то время как предлог *по* — с неодушевленными.

Самыми архаическими являются объектно-целевые синтаксические конструкции с предлогом *по*: они широко представлены в древнерусских памятниках письменности; конструкции с предлогом *за* и существительным в Тв. п. появились уже позднее, но оказались чрезвычайно продуктивными (так, в русском книжном языке они стали употребляться только с конца XVIII в.; однако в настоящее время в русских диалектах данные конструкции с 'за + Тв. п.' распространены уже повсеместно).

В ряде русских и белорусских говоров встречаются довольно редкие конструкции с предлогом *в* и существительным в В. п., обозначающим растительный и животный мир: *пойти в орехи, в грибы, в малину; пошли ў рыбу*. Можно предположить, что это местные образования, которые истоками уходят в глубокую древность — в VIII–X вв., в период существования смоленско-полоцких кривичей: ареал распространения данных современных синтаксических конструкций соответствует территории расселения указанных племен [Седов 1994: 6].

В редких украинских говорах на границе с Молдавией отмечены беспредложные конструкции типа *іти води*.

Лингвогеографическая картина является типичной для восточнославянско-го диалектного пространства: на северо-востоке и на юго-западе (это украинские и большая часть белорусских — исключая северно- и восточнобелорусские говоры) употребляются конструкции типа *по воду, по грибы, по ягоды; по врача, по овец*. В центре русской территории — от бассейна Оки на юге и до Рыбинского водохранилища на севере — конструкции типа *по воду* и редко, в отдельных говорах — *по врача*.

В русских, в северно- и восточнобелорусских говорах, а также в южноукраинских зафиксированы конструкции типа *за братом, за водой* (рус.), *за бацькам* (бел.) и *за лікарем* (укр.).

На остальной территории (это западные, северо-западные и юго-восточные русские говоры) отмечены только наиболее типичные синтаксические конструкции и лишь в отдельных населенных пунктах, что обусловлено, скорее всего, неполнотой собранного материала.

Лексические явления

Лексические карты ВСИ показывают разную дифференцированность восточнославянского диалектного пространства. Наибольшая диалектная расчлененность с прерывистыми и нечетко выраженными изоглоссами представлена, например,

на таких картах, как «Название ‘валька для выколачивания белья’» с 28 лексемами [ВСИ 1998] и «Наречия со значением ‘очень’» с 25 лексемами [ВСИ 1995], автор Г. П. Клепикова. Напротив, четкое деление всей восточнославянской территории на три компактные диалектные зоны (ареала) показано на карте «Названия ‘орудия для ручного обмолота’» [ВСИ 2006], авторы И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. На этой карте самый основной и самый обширный ареал, образованный лексемами *цѣн/цѣн/цѣп*, объединяет говоры украинского и белорусского языков, а также все южнорусские и восточные среднерусские говоры. На северо-востоке восточнославянского пространства, т.е. во второй диалектной зоне (где распространены лексемы *молотѣло* и *молотѣлка*), объединены северные русские говоры — вологодские, костромские, а также часть владимирско-поволжских и архангельских. Для северо-западной, т.е. третьей диалектной зоны (это северо-западные русские говоры — новгородские, псковские, ладого-тихвинские и онежские), характерна лексема *прѣуз* и ее модификации *прѣузь/прѣвуз/прѣвузь/прѣвяз/прѣвязь*.

Важно отметить, что авторы лексических карт широко использовали этнографические, археологические и этимологические данные. Привлечение подобных дополнительных материалов особенно важно при исследовании лексики и семантики в лингвогеографическом аспекте.

Остановимся несколько подробнее на **карте и комментарии на тему «Названия ‘деревянной посуды, в которой растворяют тесто’»** [ВСИ 1998], авторы И. А. Букринская и О. Е. Кармакова. Важность исследования этого вопроса не вызывает сомнения, так как названия ‘посуды для теста’ относятся к пласту архаической лексики. В комментарии, наряду с лингвистическим анализом материала, дается и подробная этнографическая картина приготовления теста для хлеба (посуда, способ заквашивания и т.п.).

Все восточнославянское диалектное пространство четко делится на этой карте на две противопоставленные части: северную, в которой распространены лексемы от корня *квас-/кваш-* < **kvasъna* с первичным значением ‘закваска, кислое тесто, опара’ (ср. такие севернорусские говоры, как архангельские, вологодские, ярославские), и южную, в которой употребляются лексемы от корня *деж-/дѣж-* < **děža* и которая объединяет говоры украинского и белорусского языков, южнорусского наречия и небольшую полосу среднерусских говоров, охватывающую говоры центральной части Московской области. Важно отметить, что этот южновосточнославянский ареал продолжается далее на запад, распространяясь на диалекты западнославянских языков. Этот лингвогеографический признак, т.е. объединение в одном ареале южновосточнославянских и западнославянских говоров по тем или иным признакам (об этом неоднократно упоминалось выше), является характерной чертой членения всего *общеславянского* языкового/диалектного пространства.

Следует обратить внимание на то, что в говорах южного ареала наряду с лексемой *дежѣ* употребляется и лексема *дѣжка* (*дѣжка*). Образования с суффиксом *-к-* в одних говорах имеют деминутивный характер, в других же являются самостоятельным словообразовательным вариантом названия ‘посуды для теста’ (см., например, некоторые липецкие, тамбовские и курские говоры). Это соображение

относится и к лексемам *квашн'а* и *квашо́нка*, зафиксированных в говорах северного ареала.

Материалы памятников письменности в сочетании с лингвогеографическими данными позволяют предположить, что современное лексическое противопоставление *квашня* — *дежа*, разделяющее восточнославянскую территорию в диагональном направлении (с северо-запада на юго-восток) на два ареала — северный и южный, является старым диалектным различием **kvasьna* / **děža*, уходящим своими корнями в глубокую древность — в древнерусский (праславянский) период. Такое бинарное диалектное членение восточнославянской территории типично и для многих архаических (а также и инновационных) явлений других языковых уровней.

Интерпретация некоторых изоглосс и ареалов

На территории восточнославянского диалектного континуума выделены различные по своей конфигурации, географическому положению и лингвистическому содержанию диалектные зоны. Многие из них наглядно подтверждают важнейший тезис лингвогеографии о возможности проникновения диалектных явлений через границы сложившихся языков. Это является доказательством объективности существования такой лингвистической общности как единый и целостный ареал, объединяющий современные восточнославянские диалекты. Следует специально подчеркнуть, что в рамках ВСИ многие из показанных на картах и описанных в комментариях типов пространственной дифференциации восточнославянской территории выявлены *впервые* именно в данном коллективном труде [Попова 2007].

Рассмотрим в качестве иллюстрации лишь отдельные карты из ВСИ, на которых показаны диалектные зоны, свидетельствующие о единстве и целостности восточнославянского диалектного континуума.

1. Так, например, карты, посвященные: рефлексации праславянского, латерального сонанта **l* [ВСИ 1995: 15]; рефлексации **'a* и **ε* под ударением [Там же: 33]; образованию инфинитивных форм от глаголов типа рус. лит. *ходить*, *видеть* [ВСИ 2000: 128] и некоторые другие, показывают соотношенность двух диалектных зон — северо-восточной и юго-западной, в которых отмечены фактически одинаковые результаты развития указанных явлений. В данных диалектных зонах отмечен невелиризованный латеральный сонант [l]: невелиризованность следует считать, скорее всего, исконным качеством этого сонанта, в то время как его велиризованность следует отнести к вторичным явлениям [Калнынь 2005: 53]. В говорах указанной локализации на месте **'a* и **ε* отмечен нелабиализованный гласный нижнего подъема типа [e], который, как показало исследование [Калнынь 2002: 36], можно считать первичным, исконным рефлексом этого назального гласного; одинаковая рефлексация гласных **'a* и **ε* в виде гласного [не-а] в результате действия ассимиляционных процессов в русских северо-восточных и украинских юго-западных говорах свидетельствует об архаическом характере указанного явления.

Однако при этом важно учитывать разную синтагматику (значение предшествующего сегмента в юго-западных и последующего сегмента — в северо-восточных говорах) и, вероятно, разную хронологию появления гласного [не-а] на юго-западе и северо-востоке. В этих же диалектных зонах употребляются инфинитивные формы типа *ходити*, *видети* с архаическим суффиксом *-ти* [ВСИ 2000: 128]. Подробнее о явлениях, характеризующих указанные диалектные зоны [Попова 2006].

2. На карте, посвященной ударению форм *l*-причастия ж.р. ед.ч. типа **dala*, **pila*, **bъrala* от глаголов с подвижной акцентной парадигмой [ВСИ 1995: 13], изображено две диалектные зоны — на северо-западе (в основном в псковских говорах) и на юго-западе (в подольских, прикарпатских, закарпатских мараморошских и гуцульских говорах), где данные формы имеют наосновное ударение (*д́ала*, *п́ила*, *б́рала*). Однако исследование приставочных форм от этих глаголов позволило сделать вывод, что наличие одинаковых форм в двух отдаленных друг от друга диалектных зонах является, по-видимому, результатом независимого параллельного и одновременного развития [Там же: 14].

3. На некоторых картах показаны и общие (одинаковые) явления, характеризующие, с одной стороны, северную диалектную зону, образованную севернорусскими и особенно северо-восточными русскими говорами, а с другой — западную и юго-западную, в которую входят украинские и белорусские говоры. В этих зонах отмечено: различия глаголов I и II спряжений в форме 3 л. мн. наст. с наосновным ударением (например, *пи́шут* — *ды́шат*, *по́рют* — *спо́рят*) [Попова 2004: 138]; распространение флексий в Р. ед. и Д.-М. ед. существительных **a*-основ твердой разновидности, ср. русск. *жены* — *жене*, укр. *жени* — *жені*, полесск. *жени* — *женіе*, бел. *жаны* — *жане* [ВСИ 1998: 193–194]; употребление инфинитивных форм с архаическим суффиксом *-ти* типа *нести*, *класти* [ВСИ 2000: 138].

4. Карты ВСИ, показывающие наличие одинаковых явлений (в основном это архаизмы) в диалектных зонах, расположенных на крайних (северной и юго-западной) перифериях восточнославянского диалектного пространства, могут свидетельствовать о единстве восточнославянского ареала в прошлом и настоящем. По этому поводу напомним еще раз слова О. Н. Трубачева: «В плане лингвистической географии русский Север обнаруживает свойственные периферии архаизмы, причем немаловажно, что явления этой северной периферии перекликаются с другой периферией, южной, с аналогичными украинскими явлениями. Очевидно, что это проявление одного большого ареала, охватывавшего все позднейшие восточнославянские языки» [Трубачев 2000: 19]. При этом, анализируя одинаковые явления, но имеющие разную локализацию, необходимо помнить о возможности «параллельности развития, обусловленной общей исходной точкой — структурой языка, восходящего еще к праславянскому» [Shevelov 1982: 359]. Авторы многих карт и комментариев, посвященных перечисленным выше явлениям, обращают специальное внимание на вероятность именно «параллельности», независимости и разной хронологии в развитии таких явлений: они восходят к одному праславянскому источнику, реализуя единую тенденцию развития, и имеют поэтому в настоящее время одинаковый результат.

5. Целый ряд карт ВСИ показывает распространение какого-либо явления через государственные границы русского, украинского и белорусского языков. Так, например, говоры украинского и белорусского языков образуют одну диалектную зону по наличию сочетаний [шч] ([шч'], [ш'ч']) и [ждж] ([ж'д'ж']) (ср. бел. *гушча, вожджы*; укр. *очишчат', дрїжджі*) [ВСИ 1998: 61–62]. Говоры белорусского языка и большинства русского языка объединены в одну диалектную зону по наличию морфонологического чередования <Р1'> ~ <Р'> = <1 л. ед. наст.> ~ <все остальные формы парадигмы наст.> (ср. рус. лит. *люблю ~ любийшь*) [Там же: 104].

6. Имеются карты, на которых выделяются по какой-либо черте говоры только одного языка. Например, говоры одного лишь русского языка характеризуются интерконсонантными безударными сочетаниями [ро, ло, ре, ле], восходящими к **trьt, *tlьt, *trьt, *tlьt* [ВСИ 2000: 35–36]. Только в украинских говорах отмечено обобщение исхода основы по шипящему варианту в парадигме настоящего времени от глаголов на заднеязычный (*печу́, печёиш*) [ВСИ 1995: 44].

7. Карты некоторых явлений показывают такое их лингвогеографическое расположение в пространстве, которое можно интерпретировать как иллюстрацию наличия в рамках восточнославянского ареала инновационного центра и периферийных окраин (в понимании О. Н. Трубачева). Например, в севернорусских говорах, в центральных и восточных среднерусских говорах, а также в северо-западных, западных и южных белорусских говорах и во всех говорах украинского языка находим *архаические* инфинитивные формы *вести, сести*. Между данными северо-восточной и юго-западной диалектными зонами располагаются говоры, характеризующиеся *новообразованием* — инфинитивными формами *вест', сест'*. Это северо-западные русские говоры, большинство среднерусских говоров — кроме владимирско-поволжских и восточных акающих говоров, южнорусские говоры и северо-восточные белорусские говоры, расположенные в восточной части Витебской, Могилевской и Гомельской областей [ВСИ 2000: 129–138].

Членение восточнославянского ареала на три диалектные зоны показывает образование глагольных форм 3 л. мн. ч. наст. вр. с наосновным ударением от глаголов I и II спряжений с флексией *-ут /-ут'* в глаголах I спряжения и с флексией *-ат /-ат'* в глаголах II спряжения (*архаическая черта*), с одной стороны, и с флексией *-ут /-ут'* в глаголах I и II спряжений (*новообразование*), с другой. Так, различение глаголов I и II спряжений по форме 3 л. мн. ч. наст. вр. с наосновным ударением (*ни́шут, нóр'ут* — *ды'шат, спóр'ат*), т.е. *архаический* признак, находим в большинстве севернорусских, некоторых среднерусских и в немногих крайних юго-восточных говорах южнорусского наречия, а также в северо-западных, центральных и южных белорусских говорах и в говорах украинского языка. Неразличение глаголов I и II спряжений по данной форме (*ды'шут, ни́шут, спóр'ут, нóр'ут*), т.е. *новообразование*, отмечено в диалектах, расположенных территориально между указанными ареалами с архаической чертой, а именно в среднерусских и южнорусских говорах, а также в северо-восточных белорусских говорах [Попова 2004: 113–138].

Указанные ареалы могут служить иллюстрацией одного из принципов интерпретации лингвогеографического ландшафта, а именно — расположения периферийных и центральных диалектных зон исследуемого восточнославянского ареала. Ср. следующее высказывание: «Если на двух не связанных между собой перифериях господствует одна структура, а между ними лежит другая, то наиболее вероятно, что центральная структура вторична» [Шевелев 1982: 365; Трубачев 2000: 19–21].²

Таким образом, лингвогеографическое исследование восточнославянских диалектов показало общую неоднородность восточнославянского диалектного континуума, причем разные диалектные зоны характеризуются различной степенью такой дифференцированности. В рамках всего восточнославянского диалектного пространства наибольшие проявления она имеет, например, в северо-восточной диалектной зоне, в диалектной зоне, образованной говорами украинского языка, в зоне украинско-белорусского пограничья. Вместе с тем особенности восточнославянского диалектного ландшафта, представленные в труде «Восточнославянские изоглоссы», свидетельствуют также и о его несомненном единстве и целостности, что убедительно подтверждается и другими диалектными данными, в частности, материалами «Общеславянского лингвистического атласа» [Клепикова 2006].

Литература

- Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов Р. И.* Лингвистическая география и история языка // ВЯ, 1952, № 6.
- Аванесов Р. И.* Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ, № 5, 1955. С.20–42.
- Бромлей С. В.* Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В. И. Борковского. «Наука». М., 1985. С.172–179.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // К XIII Международному съезду славистов. Славянское языкознание. Материалы конференции. (Москва, июнь 2002). Отв. ред. А. М. Молдован. ИРЯ РАН. М., 2003.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Говоры белорусско-русского пограничья // ИСД. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). Отв. ред. Л. Э. Калнынь. ИСл РАН. М., 2008.

² В то же время следует учитывать, что в рамках восточнославянского диалектного пространства выделяются ареалы той же конфигурации (т.е., с одной стороны, север, северо-восток, запад и юго-запад, а с другой, центральная зона), в которых лингвистические признаки имеют противоположное значение (по сравнению со значениями ‘архаизм — новообразование’, а именно: в периферийных областях фиксируются новообразования, а в центральной — архаизмы (ср., например, карту, посвященную судьбе интервокального *j во флексиях прилагательных типа рус. лит. *молодой, молодая, молодую, молодое, молодые; красный, красная, красное, красные*: стяженные формы типа *молодá, краснó* отмечены на периферии, а нестяженные формы типа *молодáйя, краснóу* — в центре [ВСИ 2000]).

- Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009. С. 531.
- Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Восточнославянские изоглоссы 1995. Отв. ред. Т. В. Попова. «Наука». М., 1995.
- Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1998.
- Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. Отв. ред. Т. В. Попова. М., 2000.
- Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4. Отв. ред. Т. В. Попова. М., 2006.
- Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.
- Исаченко А. А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963
- Калнынь Л. Э.* Диалектная карта как инструмент изучения особенностей славянского диалектного континуума // ИСД 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 8–65.
- Калнынь Л. Э.* Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму // ИСД 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 11–17.
- Калнынь Л. Э.* Синтагматика сонантов в славянских диалектах // ИСД 11. М., 2005. С. 3–192.
- Клепикова Г. П.* Дифференциация восточнославянского диалектного континуума в ОЛА // ВСИ-4. Отв. ред. Т. В. Попова. М., 2006.
- Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, № 3, 1994. С. 23–49.
- Попова Т. В.* Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах // ОЛА. МИ 2001–2002. Отв. ред. В. В. Иванов. М., 2004. С. 113–138.
- Попова Т. В.* К вопросу об интерпретации восточнославянских изоглосс // ОЛА. МИ 2003–2005. Отв. ред. В. В. Иванов. М., 2006.
- Попова Т. В.* «Восточнославянские изоглоссы»: некоторые итоги работы над темой // Русский язык в научном освещении, № 1 (13). ИРЯ РАН. Языки славянской культуры. М. 2007.
- Попова Т. В.* О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья // ИСД. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2008.
- Седов В. В.* Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ, 1994, № 4.
- Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968.
- Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. IX МСС. Доклады советской делегации. «Наука». М., 1983.
- Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, № 5, 2000. С. 4–27.
- Shevelov George Y.* Между праславянским и русским // Russian Linguistics. Vol. 6. No. 3 June 1982. С. 353–376.

Tatiana V. Popova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

The Editorial board included in present issue the last article of T. V. Popova, who died in 2014 y. The article sums up the fundamental project “The Earst Slavic isoglosses”. In the work the analysis of the Earst Slavic linguistic landscape is presented. The dialect zones, which are characterized by archaic and innovation features, were revealed on the basis of the study of grammatical, phonetic and lexics phenomena. Special attention is paid to vocality/consonant of dialect systems.

Key words: East Slavic dialects, isoglosses, dialect area.

References

- Avanesov R. I. *Ocherki russkoj dialektologii* [Russian Dialektology]. Moscow, 1949.
- Avanesov R. I. [Linguistic geography and the history of the language]. *Voprosy jazykoznanija*, 1952, no. 6. (In Russ.)
- Avanesov R. I. [Problems of the formation of the language of the Russian (Great Russian) national character]. *Voprosy jazykoznanija*, 1955, no. 5, pp.20–42.
- Bromlej S. V. [Eastern Slavic languages as the object of the linguistic geography]. *Vostochnye slavjane. Jazyki. Istorija. Kul'tura. K 85-letiju akad. V. I. Borkovskogo* [Eastern Slavs. Languages. History. Culture. The 85th anniversary of Acad. V. I. Borkowski]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp.172–179. (In Russ.)
- Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. [Contrast of central and marginal areas in the eastern Slavic geolinguistic tradition]. *Slavjanskoe jazykoznanie. Materialy konferencii (Moskva, ijun' 2002). K XIII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Slavic linguistics. Conference proceedings, (Moscow, June 2002). To the XIII International Congress of Slavists]. A. M. Moldovan (Ed). Moscow, Institut russkogo jazyka Publ., 2003, pp. 3–16. (In Russ.)
- Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. [Dialects of belorussian-russian contact zone]. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii 13. Slavjanskije dialekty v situacii jazykovogo kontakta (v proshlom i nastojashhem)* [Slavic dialectology Studies]. Vol.13. L. Je. Kalnyn '(Ed.). Institut slavjanovedenija RAN. Moscow, 2008. (In Russ.)
- Vendina T. I. *Russkie dialekty v obshheslavjanskom kontekste* [Russian dialects in the pan-Slavic context], Moscow, 2009, 531 p.
- Voprosy teorii lingvisticheskoj geografii* [The theory of linguistic geography]. R. I. Avanesov (Ed.) M., 1962.
- Vostochnoslavjanskije izoglossy 1995* [The eastern Slavic isoglosses]. T. V. Popova (Ed.). «Nauka». M., 1995.
- Vostochnoslavjanskije izoglossy* [The eastern Slavic isoglosses]. Vol. 2. T. V. Popova (Ed.), M., 1998.
- Vostochnoslavjanskije izoglossy* [The eastern Slavic isoglosses]. Vol. 3. T. V. Popova (Ed.). M., 2000.
- Vostochnoslavjanskije izoglossy* [The eastern Slavic isoglosses]. Vol. 4. T. V. Popova (Ed.). M., 2006.

Dialektologičeskij atlas russkogo jazyka. Centr Evropejskoj časti SSSR [Dialectological Atlas of the Russian language. Center of the European part of USSR]. Vol II, Moscow, 1989.

Isachenko A. A. [Experience of the typological analysis of the Slav languages]. *Novoe v lingvistike*. III. M., 1963. (In Russ.)

Kalnyn' L. Je. [Dialect map as the material for the study of the special features of the Slav dialect continuum]. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii*. Aktual'nye problemy slavjanskoj lingvogeografii [Slavic dialectology Studies]. Vol. 5. Institut slavjanovedenija RAN. Moscow, 1998, pp. 8–65. (In Russ.)

Kalnyn' L. Je. [Eastern Slavic linguistic geography and its relation to the Slav continuum], *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii* Vostočnoslavjanskaja dialektologija, lingvogeografija i slavjanskij kontekst [Slavic dialectology Studies]. Vol. 8. Institut slavjanovedenija RAN. Moscow, 2002, pp. 11–17. (In Russ.)

Kalnyn' L. Je. [Sintagmatika of sonants in the Slavic dialects]. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii* [Slavic dialectology Studies]. Vol. 11. M., Institut slavjanovedenija RAN. Moscow. 2005, pp. 3–192. (In Russ.)

Klepikova G. P. [Differentiation of eastern Slavic dialect continuum in The Slavic Linguistic Atlas]. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii* [Slavic dialectology Studies]. Vol. 4. T. V. Popova (Ed.). M., 2006. (In Russ.)

Nikolaev S. L. [The early dialectal division of the eastern Slavic subdialects]. *Voprosy jazykoznanija*, 1994, no. 3, pp. 23–49. (In Russ.)

Popova T. V. [The unaccented inflexion of the verbal form 3 person in plural of Present time in the contemporary eastern Slavic dialects]. *Obshheslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija* [The Slavic Linguistic Atlas. Materials and the study 2001–2002]. V. V. Ivanov (Ed.). M., 2004, pp. 113–138. (In Russ.)

Popova T. V. [Interpretation of the eastern Slavic isoglosses]. *Obshheslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija* [The Slavic Linguistic Atlas. Materials and the study 2003–2005]. V. V. Ivanov (Ed.) M., 2006. (In Russ.)

Popova T. V. [“Eastern Slavic isoglosses”: The results of the work on the theme]. *Russkij jazyk v nauchnom osvешhenii*, no. 1 (13), 2007. (In Russ.)

Popova T. V. [The dialect situation of ukrainian-belorussian contact zone]. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii* 13. *Slavjanskije dialekty v situacii jazykovogo kontakta (v prošlom i nastojashhem)* [Slavic dialectology Studies]. Vol. 13, L. Je. Kalnyn' (Ed.). M., 2008. (In Russ.)

Sedov V. V. [The Eastern Slavic etnolingual unity]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 4, 1994. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoričeskij sintaksis vostočnoslavjanskih jazykov. Členy predložhenija [Comparative-historical syntax of eastern Slavic languages]. Moscow, 1968.

Trubachev O. N. [Linguistics and ethnogeny of Slavs. Ancient Slavs according to the data of etymology and onomastics]. *Slavjanskoe jazykoznanie. IX MSS. Doklady sovet-skaj delegacii* [Slavic linguistics. IX MSS. Reports of the Soviet delegation]. «Nauka». M., 1983. (In Russ.)

Trubachev O. N. [About the history and the linguistic geography of the eastern Slavic the colonization]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 5, 2000, pp. 4–27. (In Russ.)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru*

ЗАМЕТКИ О РЕЧИ УСТНОЙ, РЕЧИ БЕСПИСЬМЕННОЙ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ

Авторы предлагают разграничивать устную коммуникацию и коммуникацию бесписьменную, поскольку это влияет на структуру диалектной речи. Современные русские говоры продолжают существовать в устной форме, но традиционная устная коммуникация перестала быть бесписьменной.

Ключевые слова: русские диалекты, устная коммуникация, бесписьменная коммуникация, языковое сознание.

В русской диалектологии специфике языкового сознания носителей говоров уделяется значительное внимание (работы О. И. Блиновой, А. Н. Ростовской, Е. Л. Березович, Е. В. Иванцовой, Г. В. Калиткиной, Т. А. Демешкиной, Т. Ю. Кузнецовой, В. Е. Гольдина, О. Ю. Крючковой, Е. А. Штехман и др.). Монография А. Н. Ростовской [Ростова 2000] специально посвящена метаязыковым высказываниям говорящих на диалекте как наиболее явному выражению их языкового сознания. Исследователями установлены наиболее типичные объекты и главные функции метаязыковых высказываний, рассмотрено их строение и вызывающие их коммуникативные условия, определены мотивационные отношения как проявления языкового сознания, отмечена связь особенностей языкового сознания с устным характером диалектной коммуникации, заложена база особой отрасли знаний о диалектной речи, предмет которой составляет народная, или наивная, лингвистика диалектоносителей.

Вместе с тем русской диалектологией, как кажется, недостаточно учитывается тот факт, что основная масса диалектных записей, обсуждаемых в связи с проблемой специфики языкового сознания диалектоносителей, сделана в середине и во второй половине XX в. и отражает речевую практику людей, уже прошедших хотя бы самое начальное обучение грамоте и, таким образом, достигших некоторого уровня письменной культуры. Выявленные на таком материале черты языкового

сознания не могут без существенных оговорок распространяться на диалектное общение первой половины XX века и тем более — XIX века, когда речевое общение русских крестьян еще в полной мере соответствовало особенностям традиционной народной культуры с ее аграрным характером, циклическим восприятием мира, ориентацией на традицию, религиозностью, коллективностью и бесписьменностью [Захаров 2004].

Несмотря на некоторые усилия, предпринимавшиеся в конце XIX — начале XX века Министерством народного просвещения и Земством, едва ли не большая часть русского крестьянства оставалась к 1917 г., как известно, неграмотной. С этим было связано принятие Советом народных комиссаров и Совнаркомом РСФСР специальных декретов, направленных на ликвидацию безграмотности населения, создание общества «Долой безграмотность», осуществление властью и общественниками множества конкретных мероприятий по обучению неграмотных чтению и письму. Процесс шел трудно; слово *ликбез* вошло в русский язык раньше и легче, чем удалось существенно изменить ситуацию; считается, что лишь к концу 30-х годов уровень грамотности населения стал превышать 80% .

Рассматривая язык как деятельность, В. фон Гумбольдт подчеркивал, что письменная фиксация языка «представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи» [Гумбольдт 1984: 70]. Это, несомненно, так, и все же освоение письма — важнейшая цивилизационная ступень, на которой вместе с умением читать и писать носителю языка открывается возможность останавливать речь, рассматривать её, анализировать, использовать слово вне его прежде обязательной магической связи с вещами и действиями, делать слово самостоятельным предметом мысли и объектом своей деятельности, усиливать собственное влияние на язык (см. [Соломоник 1995]). Для значительной части русского крестьянства эти возможности стали открываться (не сразу и не в полном объеме) только в первой половине XX века. Не удивительно, что в XIX веке при общей высокой оценке народного слова русскими деятелями культуры, при неуклонно растущем внимании к народной речи и постепенном осознании её базой национальной культуры речь крестьянина и его отношение к речи могли представляться такими, какими, например, рисует их Л. Н. Толстой в романе «Война и мир».

Рассказывая, как няня Прасковья Савишна приходит во время родов княжны Лизы посидеть с взволнованной и испуганной княжной Марьей, автор вводит совершенно непонятную на первый взгляд характеристику речи няни: она «рассказывала, сама не слыша и не понимая своих слов»:

«Няня Савишна, с чулком в руках, тихим голосом рассказывала, сама не слыша и не понимая своих слов, сотни раз рассказанное о том, как покойница княгиня в Кишиневе рожала княжну Марью, с крестьянской бабой-молдаванкой вместо бабушки».

Современному читателю романа смысл этого замечания открывается не сразу (современникам Толстого он был, по-видимому, понятен), а тогда, когда автор вводит в повествование Платона Каратаева и очень подробно, гораздо подробнее,

чем о речи других героев романа, говорит о речи Каратаева. Толстой отмечает, что «главная особенность его речи состояла в непосредственности и спорности». *«Он, видимо, никогда не думал о том, что он сказал и что скажет; и от этого, — пишет Толстой, — в быстроте и верности его интонаций была особенная неотразимая убедительность».*

«Никогда не думал о том, что он сказал и что скажет» — это означает, что Каратаев лишь в самой незначительной степени подвергал свою речь сознательному контролю, почти не выделял ее в качестве самостоятельного предмета внимания. Слабое осознание речи как отдельного процесса и его продуктов, отделяющихся от всех других жизненных явлений, и отсутствие семантической рефлексии над словом («Он не понимал и не мог понять значения слов, отдельно взятых из речи») делали для Каратаева, как показывает Толстой, невозможным повторить только что им же самим сказанное:

«— ...Как не скучать, соколик! Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть. Да червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает; так-то старички говаривали, — прибавил он быстро.

— Как, как ты это сказал? — спросил Пьер.

— Я-то? — спросил Каратаев. — Я говорю: не нашим умом, а божьим судом, — сказал он, думая, что повторяет сказанное [Выделено нами. — В. Г., О. К.]».

В речь Каратаева отдельные метаязыковые и метакоммуникативные элементы Л. Н. Толстой включает, например:

«Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, — прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. — Соколиком на службе прозвали; так-то старички говаривали».

Однако невозможность разделить форму речи и содержание, поскольку речь и слово слабо выделяются у Каратаева в качестве самостоятельных предметов осознания, представляется Л. Н. Толстому столь характерной и одновременно существенной чертой, что в следующей главе романа он еще раз привлекает к ней внимание читателя: *«Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторить сказанное, Платон не мог вспомнить того, что он сказал минуту тому назад, — так же, как он никак не мог словами сказать Пьеру свою любимую песню».*

В представлении Л. Н. Толстого слабость рефлексии над речью есть, безусловно, не индивидуальная и не физиологическая по ее воплощению особенность Каратаева (совсем не то же, что шепелявленье Пьера или картавость речи Денисова, хотя и эти речевые признаки имеют в романе важное обобщающее, символическое значение), но черта родовая и психическая, духовная, свойственная людям того же жизненного круга, что Каратаев, того же мировидения, той же культуры, к которым принадлежит и няня Савишна (отсюда именно такая, «странная», характеристика ее речи в цитированном выше фрагменте текста). И нет никаких сомнений в том, что это круг людей неграмотных, людей бесписьменной народной культуры, которую культурологи определяют как «традиционную».

Весьма показательно, что ни в первом случае, когда речь идет о няне, ни во втором, говоря о Каратаеве, автор «Войны и мира», вообще склонный предлагать

читателям самое подробное истолкование побуждений, поступков, положений, состояний своих героев, никак не поясняет показанное им сверхслабое осознание речи Савишной и Каратаевым. По-видимому, для Л. Н. Толстого и для современных ему читателей данная особенность не была странной и не требовала объяснения: это было общеизвестное и точно «схваченное» Толстым типичное свойство речи неграмотного крестьянина.

В данном случае нас не интересуют идеологические оценки образа Каратаева (они, как известно, были самые разные, в том числе прямо противоположные); для нашей темы важно другое: в плане лингвистическом речь неграмотного крестьянина Каратаева показана и описана Толстым безупречно. Диалектологи-руссисты первой половины и середины XX века, когда еще встречались полностью неграмотные носители диалекта, постоянно сталкивались с различными проявлениями сверхслабого осознания речи, в частности — с трудностью сосредоточения внимания диалектоносителей на слове как таковом, на его форме и содержании.

Типичный пример. В ходе экспедиции по программе ОЛА студент-практикант, не встретив в живой речи жителей села интересующей его формы 3 л. настоящего времени глагола *догорать*, пытается получить ее, обращаясь прямо к лингвистическому сознанию своей неграмотной собеседницы:

— Бабушка! Вот в печи у вас все поленья *догорели* (намеренно выделяет глагол голосом)... Так?

— ну//

— а одно полено до конца не догорело и всё еще... что делает? Как сказать?

— а что?// вот у меня тушилка// туда угли согребаю/ закрою/ и всё//.

Сходный случай приведен в [Гольдин, Крючкова 2011: 13]. Студенты пытаются получить форму 1 л. ед. числа настоящего времени глагола *орать*, прямо обращаясь к языковому сознанию собеседника, а он не может понять, что их интересует только слово, и описывает различные ситуации, в том числе коммуникативные, связанные с пахотой:

— Вот раньше, Вы говорили, «орали» сохами. Да? Вот с этим словом давайте попробуем вот так вот, как раньше говорили. Вот, допустим, я... вот «он орёт пашню», да? А как вы про себя скажете? Я что делаю?

— вот бывае придёшь дак/ «орал или пахал»/ вот так//

— А если вот Вы сейчас идёте, и как вы скажете про себя? Я иду и что делаю? И сохой...

— ну а что делаю/ ничего так никому ничего не говоришь// что если идёшь с товарищем/ говоришь о каких своих достижениях/ а так что говорить?

— Вот если Вы идёте, да? И пашете. Вот «орёте», как вот Вы говорили раньше, «орёте». Так? А я Вас спрошу...

— тут уже на лошадь нукаешь/ «ну-ну давай/ дальше-дальше/ дальше-дальше/ ближе-ближе...»

— ...а я вот иду мимо Вас и спрашиваю: «Дедушка, а что Вы делаете?» А как Вы мне ответите?

— ну что делаю? если орёшь/ дак это говорится... орём или пашем/ вот два слова//

— А вот если вас не много, а вот Вы один идёте...

— ну так он спрашивает что/ «бог помочь» или «труд на пользу»// ну да/ а так не приходит/ не спрашивает что ты делаешь// идёт мимо/ ты работаешь/ так «труд на пользу» говорит//

Между почти полной неспособностью сосредоточиться на слове и, в противоположность этому, хорошо развитым вниманием к языку и речи лежит ряд форм, различающихся степенью осознания речи. Вот один из переходных случаев, беседа с женщиной 1918 г. рождения, пережившей этап «ликвидации неграмотности» и считающейся сейчас малограмотной (запись 1996 г.). Она не сразу вспоминает только что употребленное ею слово, с трудом переключается на метаязыковую тему, но все же подхватывает ее и в итоге даже обнаруживает представление о различии между современной речью и «старинной». Женщина рассуждает о том, что лучше одной жить у себя в деревне, чем в городе у детей:

— но я уж дома сама себе хозяйка// а там что я приеду к ним?// я буду только сидеть и дожидаться наряда// <...>

— Баба Ксеш, вот Вы сейчас сказали «жду наряда». Какого наряда?

— как наряда?

— Вы сказали, что... «Что я там буду сидеть, только ждать наряда».

— ну/ наряд/ даст наряд мне дочь-то/ скажет/ «мама-т/ иди вот/ поработай что-нибудь» / вот это...//

— А, это наряд.

— наряд это/ как сказать... это... по-старинному... называется// да// ну вот/ дочка/ ты мне наряд дала/ иди мне на работу там надо...

Кроме характерного для речи диалектоносителей толкования слова через указание на соответствующую ситуацию и на обычное для такой ситуации высказывание мы видим в данном фрагменте не менее типичный для общения на диалекте прием совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения путем включения в нее говорящим самого себя и своего собеседника («вот/ дочка [обращается к диалектологу]/ ты мне наряд дала/»), передачу высказываний только в форме прямой речи («дочь-то/ скажет/ мама-т/ иди вот/ поработай что-нибудь/») и другие явления, которые, хотя и с меньшей частотой и последовательностью, но встречаются также в устной литературно-разговорной речи и обычно рассматриваются как разговорные и определяемые устным характером традиционного сельского общения.

Сложности, связанные с метаязыковой коммуникацией, конечно, сразу не исчезают с освоением чтения и письма и могут наблюдаться и у лиц, постоянно читающих и пишущих. Ср. соскальзывание с метаязыковой темы, заданной самим информантом, грамотным старообрядцем, на рассуждение об обозначаемом словом действии:

и спрашиваю [у служителя церкви]/ я «скажите мне/ как у вас называется это вот/ казенье-то?»/ «ну как/ как и обычно/ как вроде и у вас»// я говорю/ «нет/ у нас не так// а в законе как я мол написано/ в этом/ в уставе? как кадить нады?»

крестообразно// я мол вы что же не кадите крестообразно-то? крест-то распятый/ как? так его и покади// а это чё эт ты мотаешь его? на что это нужно? это не есть кажение».

О тесной спаянности языкового знака с его денотатом в сознании диалектоносителей свидетельствует также и характер метаязыковой рефлексии, которая может возникать в нетипичных для носителей литературного языка случаях. Ср.: *вот я даю/ это к примеру/ я не говорю/ что я сейчас/ я сейчас/ вообще//* Использование формы настоящего времени «даю» в неактуальном значении, вне связи с моментом речи осознается самим информантом как необычное и вызывает потребность разъяснить такое употребление.

Представляется, что при анализе языкового сознания диалектоносителей всё же полезно разграничивать а) устную форму коммуникации и б) бесписьменность, то есть невладение чтением и письмом, как отдельные, хотя и тесно связанные между собой факторы, влияющие на языковое сознание носителей языка. Русская литературно-разговорная речь имеет в основном устный характер, но используется людьми, владеющими чтением и письмом, и это сказывается на ней и на ее осознании говорящими и не позволяет считать литературно-разговорную речь полностью оторванной от процессов, характерных для письменной речи. Сегодня литературно-разговорная речь продолжает регулироваться не кодифицируемыми нормами, а узусом, но ее явления и положение среди основных идиомов русского языка постоянно обсуждаются в печати, на радио и по телевидению, выступают предметом анализа в популярных изданиях, рассчитанных «на всех интересующихся русской речью» (см., например, [Кронгауз 2007; Левонтина 2016], и, таким образом, уровень ее осознания гораздо выше нулевого.

Русская диалектная речь конца XX — начала XXI в., как и литературно-разговорная речь, обслуживает людей, в определенной степени грамотных, и в этом ее существенное отличие от диалектной речи предшествующих периодов, — отличие, касающееся прежде всего осознания речи, её единиц, характера варьирования и представлений о месте говоров в системе идиомов русского языка. Говоры перестали осознаваться их носителями как лучшее средство общения, владение литературной речью оценивается на селе безусловно положительно, развивается тенденция использовать в разговорах с чужими грамотными людьми элементы литературной речи, освоенные диалектоносителями. Ср. показательный в этом отношении следующий разговор между встретившимися по пути с утренней рыбалки диалектологом и местным стариком-рыболовом (1977 г.):

— Ну, как улов? — спрашивает диалектолог, у которого клевала только небольшая серебристая рыбка, называемая, как ему говорили, *сорожкой*.

— *Да вот, полведёрка плотвы...*

— Да? А у меня одни сорожки! Покажите, какая она, плотва.

— *Так это... по-писанному — плотва, а по-нашему — сорожка*, — объясняет рыбак.

Этот носитель говора способен говорить с образованным собеседником, используя элементы его, собеседника, языка, который представляется ему (и это

весьма характерно) «писанным». Если в первой пол. XX в. основное воздействие на диалекты шло через городское просторечие и устную литературную речь, то постепенно все большее значение приобретают письменные источники влияния на говоры, а это ведет к большему осознанию речи вообще.

Понятно, что разделить проявления собственно фактора устности речи, с одной стороны, и фактора бесписьменности речевого общения, с другой стороны, трудно и не всегда возможно; и все же явления, связанные с неподготовленностью, спонтанностью высказываний (паузы хезитации, самоперебивы, нарушения последовательности повествования и под.) и/или с ситуативностью диалектной речи (обилие дейктических единиц, эллипсис, обусловленный ситуативностью общения), несомненно, определяются ее устным характером (не случайно все они имеют место и в литературно-разговорной речи), тогда как, например, нефункциональная вариативность диалектной речи на всех ее уровнях есть следствие прежде всего бесписьменности коммуникации, только поддерживаемое принципиально устным характером диалектной речи. Оно широко представлено в современной диалектной речи, но генетически связано прежде всего со слабой рефлексией над речью в условиях бесписьменного общения.

В 60–70 гг. XX в. к языковой вариантности, в том числе к вариантности диалектной речи, было привлечено значительное внимание исследователей, прошел ряд крупных конференций, посвященных данному явлению, появились работы, предлагающие углубленное понимание принципов и следствий варьирования диалектной речи (например, [Аванесов 1976]), многоаспектная типология вариантных единиц диалектных систем была разработана в эти годы Л. И. Баранниковой, считавшей, что «наличие сосуществующих вариантов вполне естественно для современного состояния русских народных говоров» [Баранникова 1971: 147]. Нефункциональная вариантность диалектной речи стала рассматриваться как одно из главных отличий говоров от литературного языка. В коллективной монографии «Языки народов СССР» утверждается, что «определяющей чертой литературного языка является преодоление в нем нефункционального различия единиц», являющегося характерным признаком диалектной речи [Панов 1966: 55].

При обследовании говоров по программам ДАРЯ и ОЛА было зафиксировано множество случаев вариантности единиц диалектной речи. Однако выполнявшиеся в тот период исследования рассматривали данное явление преимущественно в синхроническом аспекте; проблема изменений данного свойства диалектной речи под влиянием различных социокультурных факторов, в том числе в связи с распространением грамотности, специально не ставилась. Так получилось, что совершавшийся в первой половине XX в. переход русскими диалектоносителями важнейшей цивилизационной границы, отделявшей бесписьменную культуру коммуникации от культуры, включающей элементарную грамотность, оказался недостаточно изученным с точки зрения динамики его наиболее явных и важных проявлений. Исследование языкового сознания не соответствовало ведущей в те годы структурной парадигме диалектологического знания и не получало еще теоретической и методической поддержки со стороны психолингвистики и других наук когнитивного круга,

предметом которых является языковое сознание. Сегодня положение меняется, есть возможность опробовать в диалектологических целях ряд психолингвистических методик изучения языкового сознания. Становится понятным, что исследование того, как влияют на диалектную речь привнесенные в коммуникацию элементы грамотности, требует запуска специального проекта, рассчитанного на усилия целого коллектива исследователей, но для этого, как представляется, необходимо прежде всего разграничивать в приложении к русской диалектной речи ее свойства, порождаемые устностью и бесписьменностью коммуникации.

Литература

Аванесов Р. И. Акцентная вариантность и вокализм слова // Теория языка. Англистика. Кельтология. — М., 1976. С. 5–10.

Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 2005. 256 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2011. 120 с.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. — М., 1994. 400 с.

Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования, 2004, № 7. С. 105–115.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. — М., 2007. 232 с.

Левонтина И. Русский со словарем. — М., 2016. 464 с.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 55–122.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров). — Томск, 2000. 193 с.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. — М., 1995. 352 с.

Valentin E. Gol'din, Olga Ju. Krjuchkova
Chernyshevsky Saratov State University
(Russia, Saratov)
vpks@rambler.ru

NOTES ON THE SPEECH ORAL, NON-LITERATE AND THE LINGUISTIC MINDSET OF NATIVE DIALECT SPEAKERS.

The authors suggest delimiting oral communication and communication in language without writing, because they influence the structure of dialect speech in different ways. Modern Russian dialects continue to exist in oral form, but traditional rural communication has lost its non-written character.

Key works: Russian dialect speech, oral communication, non-written communication.

References

- Avanesov R. I. Aktsentnaya variantnost' i vokalizm slova. *Teoriya yazyka. Anglistika. Kel'tologiya*. Moscow, 1976. pp. 5–10.
- Barannikova L. I. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty*. Moscow, 2005. 256 p.
- Gol'din V. E., Kryuchkova O. Yu. *Russkaya dialektologiya. Kommunikativnyi, kognitivnyi i lingvokul'turnyi aspekty*. Saratov, 2011. 120 p.
- Gumbol'dt V. fon *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, 1994. 400 p.
- Zakharov A. V. Traditsionnaya kul'tura v sovremennom obshchestve. *Sotsiologicheskie issle-dovaniya*, 2004, no.7. pp. 105–115.
- Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. Moscow, 2007. 232 p.
- Levontina I. *Russkii so slovarem*. Moscow, 2016. 464 p.
- Panov M. V. *Russkii yazyk. Yazyki narodov SSSR. Vol. 1. Indoevropеiskie yazyki*. Moscow, 1966. pp. 55–122.
- Rostova A. N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov)*. Tomsk, 2000. 193 p.
- Solomonik A. *Semiotika i lingvistika*. Moscow, 1995. 352 p.

Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова
Томский государственный университет
(Россия, Томск)
4749@mail.tomsknet.ru, ekivancova@yandex.ru

МУЖ И ЖЕНА КАК КОНСТАНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ*

В статье рассматривается вербализация понятий *муж* и *жена* и связанных с ними смыслов в идиолекте языковой личности — носителя сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья В.П. Вершининой (1909–2004). Обширность круга общерусских и диалектных лексем, используемых для номинации супругов, развитость их парадигматических и синтагматических связей, наличие паремий, посвященных теме супружества, свидетельствуют о значимости рассматриваемых понятий как составляющих ядро аксиологически выделенных в крестьянском сообществе родственных связей.

Языковой материал позволяет обозначить ряд мировоззренческих констант традиционной культуры, в число которых входят: необходимость вступления в брак как следование социальной норме; важность своевременного создания брачного союза и для мужчины, и для женщины; одобрение союза, скрепленного венчанием или регистрацией; взвешенный подход к формированию семейной пары, поддерживавшийся институтом сватовства.

Анализ характеристик жениха и невесты, мужа и жены в рассказах о семейной жизни односельчан и родственников высвечивает требования, предъявляемые социумом к супругам и семье в целом. В зону положительной оценки входят прежде всего трудолюбие и духовное начало в отношениях супругов; негативно оцениваются пьянство и супружеская неверность, приводящие к распаду брака.

Ментальные установки диалектоносителя обусловлены спецификой бытия в крестьянском социуме, базируются на постулатах православия и неписаных законах народной жизни. Эти восходящие к глубокой древности константы традиционной культуры, сформировавшиеся у исследуемой языковой личности в начале

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17–14–70006 «а (р)».

XX в., оставались неизменными на протяжении всей жизни, несмотря на глобальные перемены в современном мире.

Ключевые слова: традиционная народная культура, константы, диалектная языковая личность, муж и жена.

Изучение связей языка и культуры является одним из актуальных направлений современной антропоцентрической лингвистики. Лингвокультурологический подход предполагает исследование этих связей в разных подсистемах национального языка, в том числе в народных говорах как наиболее полно сохраняющих константные характеристики культуры этноса.

В фокусе внимания исследователей оказывается «человек говорящий» — либо усредненный носитель языка, либо реальный индивид во всем многообразии его речевых проявлений. Культурные установки обобщенного представителя русского диалектного социума анализировались в работах С. М. Беляковой, Е. Л. Березович, В. Е. Гольдина, Г. В. Калиткиной, С. Е. Никитиной и др.; их отдельные черты в речи конкретных диалектоносителей рассматривались В. П. Тимофеевым [Тимофеев, 1971], В. Д. Лютиковой [Лютикова, 1999], Е. А. Нефедовой [Нефедова, 2008], Н. Н. Зубовой [Зубова, 2017] и др.

Реконструкция мировидения и миропонимания в народно-речевой культуре является одной из задач комплексного исследования феномена диалектной языковой личности, осуществляемого в Томской диалектологической школе. Объектом описания выступает языковая личность В. П. Вершининой (1909–2004), коренной жительницы с. Вершинино Томской обл., носителя сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья. Выбор информанта обусловлен высокой степенью сохранности как языковых, так и ментальных черт традиционной культуры в ее архаическом варианте. Изучались система концептов, занимающих ключевую позицию в идиолектной концептосфере [Гынгазова, 2006, 2007 и др.], семантические поля, репрезентирующие ценностно выделенные доминанты картины мира [Гынгазова, Иванцова, 2012, 2015, 2016; Земичева, 2016], образные средства [Гынгазова, 2009], метаязыковое сознание диалектоносителя [Иванцова, 2009].

В настоящей статье, продолжающей эту линию, начато рассмотрение одной из важнейших ценностей крестьянской культуры — родственных связей, на основе которых формируются и впоследствии функционируют сельские сообщества. На материале идиолекта В. П. Вершининой рассматриваются понятия *муж* и *жена*, входящие в ядро семантического поля родства. С опорой на способы обозначения этих понятий, анализ их сочетаемости, характер контекстуальных коннотаций единиц поля реконструируются представления диалектной языковой личности о нормах и ценностях традиционного крестьянского мира.

Основным источником исследования являются тексты информанта, отражающие его спонтанную речь в естественных условиях коммуникации. Объем расшифрованных аудиозаписей (1981–2004 гг.) составляет около 10000 страниц. В качестве дополнительного источника привлекалась серия словарей, составленных на основе записанного материала [Полный словарь..., 2006–2012; Иванцова, 2016].

Значимость понятия «супружество» для диалектной языковой личности получает отражение в частотном употреблении лексических единиц *муж* и *жена*, в наличии у них синонимических рядов (*супруг*, *мужик*, *мужичонка*, *мужичоночка*, *хозяин* и *супруга*, *баба*, *бабочка*, *хозяйка*), в закреплении народных взглядов на мужа и жену как первооснову семьи в прецедентных текстах. Тема супружеских отношений широко представлена в дискурсе. Речевые жанры воспоминания, автобиографического рассказа, бытовые диалоги раскрывают ее различные аспекты.

Необходимость вступления в брак как следование социальной норме традиционной культуры обосновывается рядом причин.

Обзаведясь собственной семьей, взрослый человек получал иной, более высокий социальный статус, становился менее зависимым от родителей, обретал определенную жизненную устойчивость.

Существование семьи в условиях натурального хозяйства напрямую зависело от здоровья, работоспособности и трудолюбия ее членов. Как правило, женщина после замужества входила в семью мужа в качестве нового работника. Появление хорошей работницы метафорически приравнивалось к приобретению полезной вещи, что отражено в номинациях *брать*, *взять*, *при[о]брести* жену: «*Ты бери Анну Петровну*». *Ну, поехали свататься за неё; На Яру он взял жену; Жену себе прибрёл*¹

В крестьянском социуме все виды работ четко разделены по гендерному принципу: тяжелый физический труд вне дома выполняется мужчинами, ведение дома, уход за животными и огородом закреплены за женщинами. Этот же принцип сохраняется и в семье. При отсутствии одного из членов семьи привычный миропорядок нарушается: одинокий человек вынужден заниматься видами деятельности, которые традиционно не соотносятся с его гендерной принадлежностью: *И столько прожила [без ушедшего из семьи мужа], всё равно, а... всё равно, как задало вроде бы. Чё скажут, чё де 'лат [он]: «Степан, гыт, с санка 'ми по солому ходил...» «Вот видишь, — думаю, — мужик, дак пошёл. А у меня вот нету» — и поросёнки были, и всё было, телёнки, и всё, самой надо. Скажут: «По солому поехал, ли по сено, привёз там, дрова привёз...» Думаю: вот видишь, жись-то какá.*

Семья важна как для мужчины, так и для женщины: она создает психологический комфорт, чувство защищенности, метафорически передающейся в образе *горозьбы*. Предпочтительным считается наличие даже плохого мужа, чем его отсутствие: *Худá, да горозьбá. Плохо огород загороженный, да овечки не едят; Ну хоть плохо огород загорожен, но овечки не лезут туды́, и не едят — раз загороженный. Так и так: худой, да мужичонка.* Человек, живущий одиноко, оценивается как *горемыка*: *Горемыка, горемычный. Что он один как-то, жены нету, семьи нету, горя много видел.*

В традиционной культуре значима своевременность вступления в брак. Для мужчины нежелательной считалась как слишком ранняя, так и запоздалая

¹ Фрагменты связной речи отделяются в иллюстрациях точкой с запятой. Полу жирным шрифтом маркируется эмфатическое ударение. При передаче диалога указаны инициалы собеседников. В квадратных скобках даны пояснения диалектологов.

женитьба; для женщины подчеркивалась необходимость достаточно раннего замужества: *Рвут светóк, пока светёт; Кодá светóк-то рвут — кодá светёт. Надо уходить [замуж]; Ага, я говорю, надо тогда уходить [замуж], пока берут да жéнятся; Я говорю, Ленке нашёлся [бы] какой-нибудь жених, пока́месь не избáлована она ничё, хорóша девка-то.*

Совместное проживание мужчины и женщины одобряется только в официальном браке. Ранее он закреплялся церковью обрядом венчания. Согласно христианским канонам, венчание предполагало прочность союза с взаимными обязательствами сторон (ср. в поговорке *я не венчана с ём: Не знаю, как доить буду. Сама согласилась, посере́дь пути бросать неохота. А если будет болеть [палец], дак уж откажусь. Я не венчана с ём [хозяином коровы]*). Сейчас официальный союз скрепляется *легистра́цией*. Гражданский брак, не зарегистрированный в ЗАГСе, оценивается отрицательно, особенно если смена партнеров происходит достаточно часто; мужчина в таком случае считается не мужем, а *сожителем, полюбовником: Приняла сожителя. (...) А он, этот сожитель, напился — а он пил, видно. (...) И он убил — её убил, в подполья бросил, девочку — тоже не знаю, какá девочка. (...) Дак от это... я говорю: вот они какí хорóши, эти, сожители; У ей был муж. Не муж, а... ну полюбовник, вернё... «друг». Она ребёнка прижила от него.*

Еще в начале XX в. в сибирских селах сохранялся институт сватовства, который способствовал созданию хорошей семьи. При сватанье особое внимание обращалось на отсутствие близкородственных связей сторон: *Ну, породу разбирали, да какó родство там... Разбирают-разбирают — разберут. «Ну ладно, от эту вот берите, гыт, ладно». Значимым был и уровень достатка семьи жениха и невесты: Парень боуатый на Яру жил. (...) Красíва она, ну бедненька. А раньше это позор шыытали, что бедный, дак не человек. Ну и вот, она это... он её посватал. А она пошла. Положительно оценивались также физическая сила и трудолюбие нового члена семьи, важные при ведении натурального хозяйства: Сватают: «Ну отдайте, отдайте [замуж]. Хороший парень, хорошо живёт, хороший работник он, трудолюбивый, ну отдайте, вы отдайте».*

При выборе будущей жены или мужа самим женихом или невестой в зону оценки попадали эстетические, этические и прагматические качества. В контекстах отмечается значимость привлекательности жениха или невесты: *За татарина вышла. А он такой хороший, синпати́чный, белый, хороший; С Пятого почтового жених прошлогóд приезжал. (...) Хороший такой паренёк, беленький, да высокенький; Эта говорила всё, Мотя: «Ой, красивя́ча эта Андрюшкина невеста!»* Хотя в диалектном дискурсе отмечена поговорка о предпочтении красоты пользе, как в составе прецедентных текстов, так и в реальной практике доминирует выбор человека с хорошим характером, трудолюбивого и хорошо работающего: *А тут от жених меня всё время сватал — краси-ивый он! (...) Я бы за его, может, пошла ба. Так-от мне ничё вроде бы, гля... гляну́лся бы... И с ём кодá и посижу де вечерок, провожу. Ну, он как-то, какí-то вот приедут — работники, няньки в деревню — и он уж обязательно с имя́! Он такой был какой-то... несамостоятельный казался мне; А он — красíвы они [члены семьи жениха] были-то... ну, хорóши. А это...*

она-то страшина: то шибко уж бледна какá-то была, то нос долгучий-предолгучий, так суды́ (...) у ей прям... повисло суды́ — ну, страшина была она! А тут одна женишына пришла да и говорит, Надежде Николавне-то: «Ну я бы на Владимир Иванычевом месте — не доила, а лишь бы по́ двору ходила! Такú бы не взяла. Пусть бы она...» — а эта была работяшиша, да славна, кара́хтер хороший, да всё... а она и гыт: «Я уж на Владимир Иванычевом месте — дак не доила, а лишь бы по́ двору ходила!» А котóры гыт: «с красоты воду не пить», «с лица воду не пить», «красота приглядится, ум пригодится», так... Ну она ничё была так-то. Ну тоже, неграмотна.

Важны и чувства, приоритет которых, особенно в молодости, позволяет пренебречь уровнем достатка. Эта установка находит отражение в прецедентных текстах: *Стали меня сватать, я серёжки итдалá, в задáтки. А сама думаю: «Не пойду [замуж за него]. Всё равно не люблю». Правда, гыт, молоды́... все, гыт, были, гыт, хороши не были, а молоды́ были. Я думаю: всё равно не пойду; «Ты пошто за Стёнку-то Прокофий Николаича-то не идёшь? Ты иди за его! Под крыльцом, да с молодцом!» — он бедный шибко был, Степан-то; «Не надо дом большой, пухóвы подушки, был бы милый по душе, поживу в избушке».*

В крестьянском социуме учитывается ряд параметров, по которым партнеры должны подходить друг другу: возраст, внешность, свойства характера, общность интересов. При их сопоставлении вырабатывается мнение об их соответствии/несоответствии, которое передается заключением *пара́/па́ра* — *не пара́, подходящий — неподходящий*: С.: *Однако, лет на 14 она его старше! В. П. У-у-у! Ой, дак это-то уж неподходя́шиша [жена]; Я говорю: «Я тебе найду невесту, вот тут — Таню! По годам подходя́шиша, ей, наверно, двадцать два года, двадцать три ли, не знаю, сколько»; А этот Игорь, он такой ростиком — ну хороший он хозяин, хороший, ну как бы Рае-то он бы не пара́ был даже, ага, по всему по её; Хороший [муж], жена-то так нева́жна по ему-то бы, худенька; А мужик краси-ивый, синпатичный, а она вот такá, как веретёшко; Это на каки́м курсе Кирюша-то учится? И она [жена] тоже, ага? Надо же подобра́лись па́ра какá!; Так-то она... синпатичненька, ну бо́йка шибко. А он-то смирноватый.*

Как неблагоприятный фактор всегда отмечается наличие предшествующего брака и детей, рожденных в нем: *Ну, и вот, она [за] женатого вышла... Я говорю: дак он женатый, чуть не двое ли детей... ли один ли там ребёнок... ну, один ли два...; Да он, поди, женатый был; Она уже второй раз замуж выходит, а он первый раз женился; Ну, а он брал-то её с ребёнком; А он взял бабу с ребёнком... женишыну с ребёнком взял; Дружит, то ли нашла кого, разжёню.*

К числу мировоззренческих констант относятся требования к мужу, жене и семейной паре в целом. При оценке каждого из супругов в семейной жизни отмечаются их положительные и отрицательные качества. Оценочные комментарии дают представление и об антинорме как обратной стороне нормативного поведения.

Хороший муж многое делает по хозяйству, не пьёт и не курит, заботится о жене и не обижает ее: *Он это, банок наделал тут-ка, ли банки ли спустил — банок сколько у них та́мо-ка, машину стирáльну купил... Сам записочку написал:*

«Таня, я...» — банки в погреб, однако, спустил, сказал. «Маши... эту, стиралку машинку купил... стира... стиралку, ли как ли он сказал, купил» — и всё изделал! (...) Не найдёшь таких [мужей]; Хороший, прям хороший! И непьющий! Не знаю, курить, однако, курит, а то не курил даже. Хороший парень!; Хороший [муж], так намного моложе её. (...) Он у ней не пьёт, не курит, ничё, ценит её; Он меня никодá не бивал! За 20... больше лет мы жили — никодá он меня пальцем не задевал. Такой горячий был, кодá заругáтся, да потом опётъ — как-то сразу итoidёт.

Неодобрительно оценивается ленивость мужа, агрессивность и склонность к рукоприкладству, а также проявления эгоизма: *Хоть бы сам чё-нибудь делал! А то сам ничё не делат, и её же ругáт; Ну от она и вышла за него. Он и давай её сдверяживать. Давай лупить да гонять; А мужик — во всё берёмя, здоровый, что ты там. Никудышний: ленивый, да сердитящийся, дерётся; В. П. Чё Галя там, как чувствоват? Плохо? (...) А. М. Нормально. В. П. Да... «Нормально!» [усмехается] (...) Правда: муж жену любит здорову, брат сестру боуáту — болеет, а он не верит. Ты чё? Болеет же она, всё равно.*

Хорошая жена трудолюбива, чистоплотна, умна, мудро управляет поведением мужа, удерживая от пороков: *Это Поля уж мне говорила: «Ну, дак она рабоча» — она правда, так за ей переделывать не надо, Ольга. Она молодец; Бабёночка так... ничё, хороша так вроде бы. Посудку помыла, сразу всё убирáт прямо... Видать, что такá, не ленива. Ну, а я говорю: «Ничё?» Володя-то гыт: «Ничё, ничё, гыт, она, хороша. Славна. Да и она, гыт, ему пить, само глáвно, не даёт. Кодá упивáт, она не даёт ему. А он ей подчиня́тся». Ну раз дру́жат дак; Баба у его краси́ва была, ты видала её там? Жена, да умна такá, да, гыт, дельна, да славна. Роль жены в семье иносказательно выражает пословица муж — голова, а жена — шея: Голова семьи, например, мужик. А шея — вторá голова семьи, гыт. На шею. Как жена [шея]. Управля́т, гыт, головой.*

Негативную характеристику получает прежде всего неряшливость жены, не умеющей поддерживать чистоту и порядок в доме: *Она всё спала тут, и всё, так поженились всё, домой увезли — ну ничё, гыт, не делат, абсолютно! Хоть бы чашки вымыла, кодá гыт поедят, ложки бы. Со стола не уберёт даже; Он [муж] всё делат, делат сам — а сама такá неряшлива! (...) А в избе я тоже, только раз приходила, она стирала — я стáра, и то так стирать не буду, махры свои. (...) Я говорю: выжала бы путём, да всё бы сделала, повёшала — бежит так, хлю́пается в сеня́х! на веранде. И в избе — плита грязна-грязна, как чёрт на ей ездил, наверно, тракторис какой-нибудь. Ага, а это... он собрался да уехал.*

Отрицательно оцениваются проявления неуважения к мужу, принижение его роли в семье и подчеркивание негативных качеств, выражающееся в том числе в настраивании детей против отца: *Ну Кольку — совсем ни за чё... тфу, затоптали и всё! И дети, и она, и всё; А это, он чё-то не пожилось — ну они плохо жили. Она учительница, а он тракторис. Она его всё так ни за чё не шийтала — молодо-ой он! Ну и она молодá. Ну и... ни за чё не шийтала его; Худó житьё, худó! Дак всех она, и детей настропалила прóти его. Прóти, прóти прямо!;*

Ну она детей шибко настраиват [против отца]. У Поли от муж был пьяница, от у Поли — а она никодá не настраивала. Ни-ко-дá не настраивала! Он шибко пьяница тоже был.

При характеристике семейной жизни как хорошей в зону оценки попадает прежде всего духовное начало. В высказываниях об отношениях мужа и жены редко встречаются лексемы *любовь* и *любить*. Для обозначения душевной привязанности предпочитают общерусские слова *дружно*, *дружный*, *беречь*, *уважать* и диалектные *совётный* ‘живущий в согласии’, *жалеть* ‘любить’: *Молоды́ дружны́ да совётны́; Вот здесь живут старик со старухой, приезжи они тоже, купили тут, в переулке. Дак вот это, дружно живут таки́... Пожилы́, и живут хорошо; Коровку купили они. «Чё, гыт, нам делать? Петя... Петро́ всё де́лат, а я, гыт, только подойду, и всё. А так всё де́лат сам». Молодец мужик тоже. Её [жену] берегёт, шибко берегёт, жалеет; Ой, Степан приехал [после пожара]— тоже к пеплу. Встреча́т меня бежит — он уважал меня, правда, дружно мы жили. Он бежит меня, стреча́т: «Ну ничё, не мы одни, ни чё, не горюй уж, ну чё, не мы одни...» — угова́риват меня.*

Важную роль в создании дружеской атмосферы в семье играет бесконфликтное речевое поведение: *Ну а он говорит: «Тётя Вера, мы не ругáмся. Дружно с ей [женой] живём»; «А кодá Степан чё заругáтся — а ты промолчи. Промолчи! Ничё будет, хорошо. А то один слово, а другá другó, от тебе и полезет всё в гору».*

Теплый семейный климат определяется в том числе и дружным совместным трудом, способствующим материальному благополучию: *Вот — женились мы, (...) мы там хорошо жили, так... Ну, матерьяльно, мо́же быть, и не так-то хорошо — дружно, всё... хорошо было там; Поросят взяли, стали ро́стить мы. Так, черёмуху брали, грибы́ брали, всё, всё... Пойдём, он [муж] прямо от такой... Я его всё, чё только заставляю — он всё де́лат. Хорошо мы жили.*

Отметим, что проявления чувств между супругами нередко передаются имплицитно, через описание поступков, за которыми стоит любовь: *А тут где мало яиц, ли совсем нету. Я сварю, думаю, хоть ему [мужу] два, себе, думаю, одно. От, Катя, от ей-боу, ей-боу! Ну никодá, чтобы он съел всё бы это, два яйца съел — обязательно пополам разрежет. Не съес.*

В высказываниях о плохой семье осуждению подвергается такая черта обоих супругов, как пьянство, часто выступающее причиной семейных бед: *Она с ём разошлась, с этим му... Она... хороший мужик был, и она вроде ничё была. А... спилась; Худо жили. И баба пила, и он пил; А он итрофировался. Пил-пил, и она сказала: «Не надо мне такого мужа»; Пря́м запивался. И с женой разошлись и... И де-то таишыл всё, продавал!; И он лечился, и ничё не помогло ему, стал пить. (...) А она [его жена] смоталась тоже, пить стала, её хотели материнства лишить, милиция приезжали... Осложняет отношения супругов отсутствие согласия: Они [супруги] всё время ругаются не перестают; Корено́вик. В кореню́ ходит он [ко́нь] — его зовут корено́вик. Корено́вик везёт хорошо, а пристяжна́ скачет. Муж-то де́лат хорошо, и жена скачет. Скажут: «Корено́вик везёт хорошо, а пристяжна́ скачет».*

Непреложной нормой семейных отношений является супружеская верность. Номинации ее нарушений составляют значительное по объему поле единиц: *изменять, мотаться/смотаться, снюхаться, спутаться, бегать, ходить, таскаться, болтаться, скүрвиться, сүчить, трепотня, беспүтна, бёгла, вольна*. Внутренняя форма многих единиц отражает их связь с идеей нарушения прямого, «правильного» пути (*беспүтна, мотаться/смотаться, спутаться*), многократного перемещения из стороны в сторону (*бегать, ходить, болтаться, таскаться, трепотня*), а также с неконтролируемым животным началом в человеке (*снюхаться, сучить*): *Женился он в 29-ом году. (...) А потом он прожил лет десять, она у него скүрвилась; Тоже мужик бросил её. (...) На Синем Утёсе де-то смотался с одной, бросил; Его [мужа] посадили, два года, гыт, дали. А она бёгат! (...) Ну бёгла она така. Бойка девка; Взámуж за его вышла. Он немножко пожил да начал её изменять, бегать стал; А он с Сарафíме-то спутался. Всё бегал; А бабёнка беспүтна тоже, а она и счас бёгат сүчит, бёгат без ума; А он и до ётого мотался, как мой бы Степан так болтался тоже, и это, и он с этой, с Граней-то и соиёлся, с Аксиньей-то не соиёлся; А он уж с ей таскался; У его до фронту-то не было никакой такой... трепотни-то этой [измен]. После уж он...; Она, гыт, она уезжала куды-то, к матери ли чё ли, к своим, на родину, а он тут оставался да и... снюхались, видно, тут и... Постулат верности в браке образно закреплен в пословице *все светы в поле не сорвёшь: И вот за бабами бёгат [односельчанин] — то за той, то за другой... Там... а она [жена] за ём бёгат, без ума, мне жалко. А я говорю: «Ты чё?» А он... Ну, я говорю: «Все светы в поле не сорвёшь же. Ну чё ты бёгаешь-то? Женился, — я говорю, — живи!» А он... «Чё она [жена], плохá рáзе? Хороша». — «Я ничё не говорю, что плохá». — «Ну, все светы в поле не сорвёшь».**

Контексты информанта широко отражают ситуацию распада семьи, которая для традиционного сельского сообщества ранее была нетипичной. Венчание не предполагало развода (*раньше же не расходились*), и разорвать супружеские узы могла только смерть мужа или жены. Утрата супруга маркировалась лексемами *овдовой, овдóвый, овдоветь, вдова, вдовуха, вдовушка: Говорили «вдова» или «вдовуха» и «вдовушка»... Овдовела так и вишь — муж помер; А на Яру — там ивдовёл мужик*. Существующая поговорка о вдовстве *два раза лүче сгореть, чем раз овдоветь* свидетельствует о том, что смерть супруга воспринимается как значительно большая потеря, чем утрата имущества.

Распад семьи при живом муже или жене связывается прежде всего с изменой мужа (*бросил, уиёл*): *Мужик её бросил. Мужик к другой женишине уиёл; Он пожил, опётъ смотался с какой-то бабой, эту бросил; Степан уиёл ит меня*. В прошлом уход мужа ставил под вопрос возможность выживания женщины с детьми на руках без постоянного источника доходов; кроме того, снижался социальный статус *брóшенки*: *«Брóшенка» когда называли так раньше, брóшенка так её муж бросил*. Женщина в современном мире более самостоятельна и требовательна к мужчине; она не боится стать инициатором разрыва семейных отношений даже при наличии детей, может *уйти, выгнать, отшвырнуть, попросить, отбить*. Несмотря на приущие языковой личности толерантность, отсутствие склонности к осуждению,

эти веяния нового времени не принимаются пожилой крестьянкой, что выражается в интонациях неодобрения, иронии и негативных заочных оценках: *А она пожила-пожила, да и... ешо говна́ такого взял, прости бог! — разошлась, ушла от него, кра́дучи убежала, бабёнка-то — с ребёнком взял её!; Я говорю: «Ну она уж сама отбила как вроде жениха-то этого, мужа-то, Славку-то. (...) Мужа-то от... отшвырнула; Она его, в обшэм, наверно, попросила, выгнала, жена-то; Тож с мужем не пожилось, чё-то... негодный, хорошего хотела наттí. И не пьяница он ничё — хороший, мне нравился мужик, хороший. Ну от... на руках её, видно, не носил. Ну и, это, разошлись.*

Таким образом, дискурс диалектной языковой личности отражает значимость понятий *муж* и *жена* как составляющих ядро аксиологически выделенных в крестьянском сообществе родственных отношений. Показательны обширность круга общерусских и диалектных лексем, используемых для номинации супругов, развитость их парадигматических и синтагматических связей, наличие широкого ряда паремий, обобщенно представляющих народный опыт.

К мировоззренческим константам традиционной культуры можно отнести необходимость вступления в брак как следование социальной норме; важность своевременного создания брачного союза и для мужчины, и для женщины; одобрение союза, скрепленного венчанием или регистрацией; взвешенный подход к формированию семейной пары, поддерживавшийся институтом сватовства, соблюдение в семейной жизни выработанных веками поведенческих норм.

Рассмотренные константы во многом обусловлены спецификой бытия в крестьянском социуме и базируются на постулатах православия, с одной стороны, и написанных законах народной жизни, закрепленных в паремиях, с другой.

Установки, получившие отражение в дискурсивной практике языковой личности носителя традиционной народной культуры, восходят к глубокой древности, но остаются для нее неизменными в условиях глобальных перемен современного мира.

Литература

Гынгазова Л. Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–230.

Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестник Том. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 15–19.

Гынгазова Л. Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 1(5). С. 13–22.

Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4(20). С. 12–23.

Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. Ключевые ценности крестьянской культуры в высказываниях диалектной языковой личности о себе // *Язык в пространстве речевых культур.* Москва — Саратов, 2015. С. 36–45.

Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // *Вестник Том. гос. ун-та. Филология.* 2016. № 6 (44). С. 20–37.

Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.

Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2017. 209 с.

Иванцова Е. В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.* Ч. 1 / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321–356.

Иванцова Е. В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.

Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 188 с.

Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной языковой личности. М.: Изд-во МГУ, 2001. 144 с.

Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.

Тимофеев В. П. Личность и языковая среда: Учеб. пособие. Шадринск, 1971. 141 с.

Lyudmila G. Gyngazov., Ekaterina V. Ivantsova

Tomsk State University

(Russia, Tomsk)

4749@mail.tomsknet.ru, ekivancova@yandex.ru

HUSBAND AND WIFE AS CONSTANTS OF TRADITIONAL FOLK CULTURE IN THE SPEECH OF THE DIALECTAL LANGUAGE PERSONALITY

The paper analyses the verbalization of the concepts *husband* and *wife* and meanings connected with them in the idiolect of the language personality of V. P. Vershinina (1909–2004), the speaker of the Siberian old-timer Middle Ob dialect. The broad stock of common Russian and dialect lexemes used for the nomination of spouses, their developed paradigmatic and syntagmatic connections, paroemias on the topic of matrimony testify to the significance of the concepts under consideration as nuclear units of family ties axiologically marked in the peasant community.

The language material allows the authors to identify a number of worldview constants of traditional culture, including the need for marriage as a social norm; the importance

of timely marriage for both men and women; the approval of entering into a marriage in church or in a civil registry office; a balanced approach to the formation of a married couple supported by the institution of matchmaking.

The analysis of the characteristics of the fiance and the fiancée, the husband and the wife in stories about family life of fellow villagers and relatives shows the demands of the society to the spouses and the family as a whole. The zone of positive evaluation includes, first of all, diligence and spirituality in the relations of the spouses. Drunkenness and adultery, leading to a divorce, are evaluated negatively.

The mental orientations of the dialect speaker are a result of the specifics of living in the peasant society; they are based on the postulates of Orthodoxy and on the unwritten laws of folk life. These ancient traditional cultural constants that the language personality under study formed at the beginning of the 20th century remained unchanged throughout life, despite the global changes in the modern world.

Key words: traditional folk culture, constants, dialectal language personality, husband and wife.

References

Gyngazova L.G. [About the concept «Will» in the individual consciousness of the traditional speech culture representative]. *Aktual'nye problemy rusistiki: Jazykovye aspekty regional'nogo sushhestvovaniia cheloveka* [Actual problems of Russian studies: Linguistic aspects of regional human existence]. Tomsk, 2006, pp. 220–230.

Gyngazova L.G. [Interpretation of the world by the linguistic personality of a dialect speaker and its reinterpretation by the researcher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 295, pp. 15–19.

Gyngazova L.G. [Interpretative potential of somatisms in the description of the picture of the world of a dialect speaker's language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2009, no 1(5), pp. 13–22.

Gyngazova L.G., Ivantsova E.V. [«What is good...» by traditional folk speech culture representative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, no 4(20), pp. 12–23.

Gyngazova L.G., Ivantsova E.V. [Key values of peasant culture in the utterances of dialectal language personality about herself]. *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur* [Language in the space of speech cultures]. Moscow — Saratov, 2015, pp. 36–45.

Gyngazova L.G., Ivantsova E.V. [Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialect language personality: products and dishes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016, no 6(44), pp. 20–37.

Zemicheva S.S. *Pertseptivnaia kartina mira dialektnoi iazykovoi lichnosti* [Perceptive worldview of the dialect language personality]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 2016. 208 p.

Zubova N.N. *Iazykovaia lichnost' zhitel'nitsy Russkogo Severa: opyt verbal'no-semanticheskogo, lingvokognitivnogo i pragmaticheskogo opisaniia*. Diss. kand. filol. Nauk [Language personality of a resident of the Russian North: an experience of

verbal-semantic, lingvocognitive and pragmatic description: Cand. Philol. Sci. dis]. Vologda, 2017. 209 p.

Ivantsova E. V. [Metalanguage consciousness of the dialect language personality]. *Obydennoe metaiazykovoie soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday language consciousness: Ontological and gnoseological aspects]. In N. D. Golev (ed.) Part. 1. Kemerovo — Barnaul, Altai State University Publishing House, 2009, pp. 321–356.

Ivantsova E. V. *Idiolektnyi slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [The Idiolect Dictionary of precedent texts of a Siberian Longtime Resident]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 2016. 162 p.

Lyutikova V. D. *Iazykovaia lichnost' i idiolekt* [The language personality and an idiolect]. Tyumen: Tyumen University Publishing House, 1999. 188 p.

Nefyodova E. A. *Ekspressivnyi slovar' dialektnoi iazykovoii lichnosti* [Expressional Dictionary of the Dialect Language Personality]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2001. 144 p.

Polnyi slovar' dialektnoi iazykovoii lichnosti [Unabridged Dictionary of a Dialect Language Personality]. In Ivantsova E. V. (ed.). Vol. 1–4. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, (2006–2012).

Timofeev V. P. *Lichnost' i iazykovaia sreda* [Personality and language environment]. Shadrinsk, 1971. 141 p.

О. В. Никитин

Московский государственный областной университет

(Россия, Москва)

olnikitin@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ: И. Г. ГОЛАНОВ И ЕГО ИДЕИ НА ЗАРЕ АРЕАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются научные идеи известного лингвиста И. Г. Голанова, стоявшего у истоков формирования современной диалектологии. Анализируются прогрессивные подходы и новаторские приёмы изучения и описания диалектов в рамках традиционной компаративистики и с учётом новых тенденций в науке. Приводятся малоизвестные факты из истории диалектологии в России. При подготовке статьи использованы материалы эпистолярного наследия И. Г. Голанова. В его письмах к Д. Н. Ушакову рассказывается об интересах начинающего ученого к истории русского языка. Отмечается роль И. Г. Голанова в деятельности Московской диалектологической комиссии. Особое внимание уделено его пионерским работам в области этнологии и социологии лингвистики с позиций ареального подхода к изучению языка. Это показывало И. Г. Голанова как передового ученого, который шел в ногу с мировыми подходами в диахроническом языкознании и был знатоком европейской научной традиции. Богатое идеями наследие замечательно-го лингвиста до сих пор не получило широкого признания в современной лингвистической теории и практике и нуждается в пропаганде и изучении.

Ключевые слова: история языка, диалектология, этнология, компаративистика, научная традиция.

В истории отечественной диалектологии XX в. немало ярких имен, поднимавших эту науку после революционной разрухи и продолжавших академические традиции Ф. Е. Корша, А. А. Шахматова, Д. Н. Ушакова и других замечательных деятелей русской филологии. Их ученикам выпала нелегкая ноша утверждения теории и методологии данной дисциплины в период гонений на историко-лингвистическую науку и травли ее лучших представителей¹. В их ряду почти потерялось имя Ивана Григорьевича Голанова (1890–1967), стоявшего у истоков ареального языкознания в России (см. подробнее: [Никитин 2015]). Эта удивительная личность одного из основоположников диалектологической науки в России находится

до сих пор как бы на периферии высокой науки, в которой постепенно занимают место другие имена, традиции и школы. Но классическое образование всегда помнит и почитает заслуги по-академически незаметного профессора, прошедшего самые трагические перипетии советской действительности, не потерявшего надежды и веры в свои силы, сохранившего ценностные ориентиры подлинной науки, идущей от его великих учителей — академика А. А. Шахматова (см. например, воспоминания [Голанов 1920]) и члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова.

В 1934 г., находясь в тюрьме, И. Г. Голанов рассказал свою биографию, которую теперь мы знаем из первых уст: «Я сын бедного малоземельного крестьянина (б. Тульской губ.), принуждённого от малоземелья уйти на заработки; всю дорогу к науке от сельской школы до университета мне пришлось пробивать упорным трудом, с 15-летнего возраста зарабатывая уроками на существование» [Ашнин, Алпатов 1994: 29]. Природная смекалка, недюжинное усердие и тяга к знаниям со временем сделали из этого деревенского мальчика известного учёного: он завершил гимназический курс с золотой медалью, а потом историко-филологический факультет университета с дипломом I степени и был оставлен там как подающий надежды исследователь для подготовки к профессорскому званию [там же: 30].

По данным Архива РАН, И. Г. Голанов являлся членом Московской диалектологической комиссии с 21 декабря 1911 г. и занимал должность ученого секретаря основателя с 1919 г. (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 71. Л. 40).

Одна из первых известных нам печатных работ И. Г. Голанова вышла в «Трудах Московской диалектологической комиссии» в 1914 г. и была посвящена диссимилятивному аканью [Голанов 1914]. Д. Н. Ушаков упоминает ее в своем отзыве о научно-педагогической деятельности И. Г. Голанова [Никитин 2004б], где также пишет и о том, что его молодой коллега «совершил ряд поездок по России для изучения народных говоров» [там же: 342].

Как выпускник Императорского Московского университета, славившегося своей классической лингвистической школой, И. Г. Голанов с ранних лет принимал участие во многих научных и общественных проектах: он состоял членом Московской диалектологической комиссии при Отделении русского языка и словесности АН, был хранителем материалов Диалектологической комиссии (с 1919 г.); редактировал труды Диалектологической комиссии (вып. 9–12), опубликовал Краткий очерк деятельности МДК [Ушаков, Голанов 1927]. В найденном нами и обнародованном документе [Никитин 2002] были опубликованы выступления участников юбилейного заседания Московской диалектологической комиссии (1929 г.). В нем личность И. Г. Голанова стоит в одном ряду с классиками, и ему отводится очень ответственная и почётная роль: «Секретарь И. Г. ГОЛАНОВ прочитал краткий отчет о деятельности Комиссии за 25 лет (личный состав, задачи, число заседаний и докладов, главнейшие темы их, экскурсии, издательская деятельность)». В выступлениях звучала и оценка деятельности и вклада конкретных ученых в развитие диалектологии. Об И. Г. Голанове сказано, что он выяснил границы диссимилятивного аканья и дал карту областей, представляющих это явление.

Стенограмма того заседания донесла до нас многие интересные факты из «диалектологической биографии» учёного: «Секретарь Комиссии И. Г. ГОЛАНОВ, в связи с своим положением в Комиссии заметил, что по времени вступления (1911) он не принадлежит ни к основателям, ни к молодым членам Комиссии, а составляет ее «серединою», принимая уже 10-й год большое участие в ее делах по должности секретаря (иногда довольно хлопотливой). Этим он всецело считает себя обязанным председателю Комиссии Д. Н. УШАКОВУ, которому он и приносит глубокую благодарность не только от себя, но и от лица всей Комиссии: привлечение к науке часто идет не только от нее самой, но от живой личности, как в данном случае. Сегодняшнее заседание рассеивает все сомнения и показывает, что этот труд по Комиссии следует нести и дальше» (см. подробнее: [Никитин 2002: 91–102]).

По воспоминаниям младшего коллеги И. Г. Голанова профессора П. С. Кузнецова, комиссия «стала по существу научным центром, в котором читались доклады по различным лингвистическим вопросам и воспитывались молодые лингвисты» (цит. по изд.: [Ашнин, Алпатов 1994: 30]).

И. Г. Голанов начинал работать в ту эпоху, когда ещё были живы традиции сравнительно-исторического языкознания Фортунатовской школы и вместе с тем возростал интерес к изучению синхронных явлений языка и тех процессов, которые изменили языковой облик XX века. Прежде всего, это социолингвистика и диалектология как сегменты новой науки. Они отражали *современное* состояние не элитной, скажем, писательской культуры, а обыденной — речевой практики рядовых людей, которые и стали двигателями многих внешних явлений сложного механизма ломки старых традиций и возведения «вавилонской башни» так называемого языка советской эпохи. И удержаться в это время в рамках компаративистских взглядов, проповедовать их в печатной форме, читать на такие темы лекции студентам было совсем не просто, а порой и опасно.

В этой связи обращает на себя внимание забытая теперь книга И. Г. Голанова «Русская диалектология», выпущенная в 1929 г. В ней высказаны оригинальные идеи не только практического, но и теоретического плана, актуальные и для наших дней. Так, автор считал, что «с точки зрения организации университетского преподавания параллельное прохождение диалектологии и истории русского языка даёт им полную возможность взаимно подкреплять друг друга» [Голанов 1929а: 9].

Одним из важнейших принципов изучения диалектологии И. Г. Голанов считал её связь с историей литературы и колонизацией народов. Он давал в своём труде интересный пример из «Западнорусского сборника» XV в. Императорской публичной библиотеке, исследованного академиком Е. Ф. Карским, который указал на интересные диалектологические явления, свидетельствовавшие о западнорусском происхождении его текста, например такие: «произношение *z* как гортанного придыхания (а м. б. и задненёбного фрикативного согласного) ясно: а) из пропуска *z*, где в иностранных языках *h* или *j* — анъела, ѿриеновы (=Оригеновы), б) из употребления буквы *z* для обозначения придыхания — Исрагеля (=Израиля) и в) из замены его через *X* — хистории; при этом *g* иностранных слов передаётся через *кz* — кглориа (срв. лат. *gloria*)» [там же]. Что касается второго процесса — колонизации,

то и здесь учёный верно подмечает, что «часто в языке народа сохраняются пережитки и отголоски таких эпох его жизни, от которых не сохранилось свидетельств другого рода; передвижения народных масс по территории большей частью ускользают от наблюдения и не фиксируются в письменных памятниках...» [там же: 10]. Этот пробел восполняет диалектология, которая способна использовать комбинированные методы истории, лингвогеографии и этнологии (заметим, кстати, что в книге И. Г. Голанова заголовок на с. 3 звучал по-новаторски: «Русская диалектология с введением в этнологию»). И снова он приводит характерный пример живого взаимодействия культурных традиций прошлого, которые сфокусировались на таком колоритном и нетипичном явлении для русской глубинки, как дзеканье: «В Лукоянском уезде Нижегородской губернии, — цитирует он фрагмент из книги Е. Ф. Карского «Русская диалектология» (Л., 1924. С. 9), — есть места с русским населением особого типа, которое слывет под именем “панов”. Если прислушаться к их речи, то можно заметить белорусские особенности, напр. *Дзеканье*. Принадлежность этого населения к белорусам подтверждается и документальными данными» [Там же].

При том, что И. Г. Голанов прочно усвоил уроки компаративистики и очень хорошо понимал последовательность этой линии в истории отечественной науки, он вопреки многим соратникам-традиционалистам смотрел на предмет диалектологии значительно шире. До И. Г. Голанова существовал вполне утвердившийся в науке подход: диалектологию исследовали с двух точек зрения — описательной и исторической. «В первом случае, — пояснял учёный, — изучается всё богатство диалектологических явлений в современном их состоянии и во всём многообразии территориального распространения; это описательное (здесь и далее разрядка автора. — *О. Н.*), или статическое, изучение русских говоров...» [Там же: 16]. И такой подход даже преобладал в университетском преподавании. «...лишь изредка, — писал И. Г. Голанов, — читались курсы по исторической диалектологии, что значительно сложнее и требует больших познаний со стороны занимающихся» (имеется в виду курс академика А. А. Шахматова). Вторая точка зрения — историческое изучение диалектологии, или динамическое (заметим, что И. Г. Голанов использует термин И. А. Бодуэна де Куртенэ), — рассматривает «все изменения, которым подверглись говоры русского языка с самого начала своего существования» [Там же].

Новая эпоха требовала решения более актуальных для научной теории и практики задач. И. Г. Голанов обоснованно говорил о необходимости *этнологического* и *социологического* подходов к изучению диалектов. И в этом отношении он шёл вровень с западноевропейской традицией. Истоки такого подхода он черпал в работах Н. Н. Дурново, Д. Н. Зеленина и даже А. А. Шахматова, который при своём традиционализме говорил о необходимости изучения *социальной* стороны языка (см.: [Голанов 1929а: 17]). Что же входило в понятие «социологическая разработка русских народных говоров»? Это те проблемы, которыми стала заниматься диалектология много позднее, как бы следуя заветам профессора И. Г. Голанова: значение культурных центров в развитии говоров; роль социальных групп населения

в жизни говоров; различие языка старшего и младшего поколений и т. д. Показательно воспоминание И. Г. Голанова о Н. Н. Дурново, который читал студентам курс русской диалектологии: он [Дурново] «указывал на необходимость всегда внимательно наблюдать, кому принадлежат изучаемые явления, каково происхождение крестьянского населения (бывшие помещицы крестьяне, или государственные, или “экономические”, или “однодворцы”» [Там же: 17].

Содержательны и во многом примечательны практические советы учёного диалектологам: «Главное внимание при записи слов стоит обращать на названия местных промыслов и их орудий (особенно земледельческих), а также и предметов производства, на обозначения построек и их частей (хорошо сопровождать их зарисовками), животных и растений, кушаний и напитков, обрядов и поверий. Интересно проследить распространение в народных говорах новых слов, созданных войной и революцией, а также влиянием городской речи с её сокращениями (*комитет, делегат, волисполком* или *вик, рабфак, вуз* и т. д.). Важны и народные переделки слов на русский лад (т. наз. “народная этимология”), напр. *оратель, тепломат* вм. *дипломат* (сближение со словом *тепло*), *треск* вм. *трест* и др.» [там же: 19].

В этой книге есть и другие замечательные моменты, на которые хочется обратить внимание именно сейчас. Вот один из них: И. Г. Голанов был большим знатком европейской традиции диалектологии, или, как он её называл, *языковой географии* [там же: 20], и критически описал, например, Марбургскую школу. В его анализе встречаем ряд интернациональных терминов и понятий современной диалектологии, которыми, как видно из обзора, отлично владел учёный: *ключ-карта, пограничные зоны, диалектография* (новое направление в изучении немецкой диалектологии) и др. В таких аналитических заметках И. Г. Голанов выделял прежде всего *новое* в методологическом отношении (см. подробнее главу II книги [там же: 20 и далее]).

В 1920-е гг. в методических и научных трудах учёный не раз возвращался к этой отрасли языкознания. Так, например, в книге «Русский язык. (Элементы русского языкознания)» он поместил в виде хрестоматии отрывки из говоров, дал «Краткий исторический очерк развития русских народных говоров и литературного языка» [Голанов 1929б: 16 и др.]. В «Программе для собирания сведений о говорах Ярославского края» он представил подробную инструкцию о том, как надо работать с информантами, как обрабатывать полученный материал, на чём стоит сконцентрировать исследовательский интерес. «...весьма ценны, — писал он, — будут записи слов и других разрядов, напр., местные географические названия рек, дорог, урочищ, клички-прозвания отдельных групп населения, напр., “сицкари”, “цокалы” и т. д.»; «...желательно также иметь ответы на следующие вопросы *о звуках, формах и оборотах* вашей местности...» [Голанов 1929в: 2].

На заре своей научной юности И. Г. Голанов продуктивно занимался историей русского языка — разрабатывал вслед за А. А. Шахматовым источниковедческое и ареальное направления. Он подробно об этом писал в 1913–1914 гг. Д. Н. Ушакову: «22 октября [1913 г.], в назначенное время, я явился к Алексею Александровичу Шахматову для беседы по поводу занятий. Он напомнил мне, что самое

главное — по его мнению, даже гораздо важнее, чем изучение специальной учебной литературы — личная работа над сырым материалом, т. е. 1) над памятниками и 2) над живыми говорами в их научной записи» [Никитин 2004а: 338]. В личном архиве его дочери Е. И. Голановой сохранились копии писем отца академику А. А. Шахматову, переданные ей из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и показывающие глубину интереса И. Г. Голанова к отечественному «памятниковедению».

Обстоятельства его жизни, как, впрочем, и судьбы многих учёных его поколения сложились так, что пришлось уйти из этой опасной отрасли и заниматься более понятной прикладной наукой. Но и здесь он не оставался в стороне от передовой вузовской практики, подготовил и издал замечательный учебник «Морфология современного русского языка» [Голанов 1965].

В очень непростые 1930-е годы, когда И. Г. Голанов был репрессирован, его учитель и друг Д. Н. Ушаков в своем отзыве писал, стараясь помочь коллеге: «... как ученый и опытный диалектолог, он был бы весьма полезен в качестве исследователя и в качестве руководителя тех работ по изучению русских говоров на обширной территории Союза, которые все шире и шире развертываются теперь научно-исследовательскими институтами Академии Наук СССР, а также университетами и педагогическими институтами» [Никитин 2004б: 342].

Пристальное внимание к русскому слову и быту, горячая любовь к живой народной традиции и вера в большое будущее диалектологии не оставляли его никогда. Своими идеями и разработками И. Г. Голанов приблизил современное понимание этой науки во время беспартийных дискуссий в языкознании, показал вектор её развития, отметил те перспективные проблемы, которые были подхвачены поколением «ушаковских мальчиков» и продолжены их учениками. Можно сказать, что И. Г. Голанов был одним из самых прозорливых диалектологов того времени, умело соединивших передовой западный опыт и отечественную лингвистическую традицию, которая сейчас находится на актуальных рубежах науки во многом благодаря стараниям И. Г. Голанова и его бесконечной преданности высоким идеалам классического образования.

Примечание

¹ После закрытия филологического факультета МГУ, а затем и ликвидации в 1931 г. Московской диалектологической комиссии учёный перешёл на работу в МОПИ. 10 февраля 1934 г. профессора Московского областного педагогического института И. Г. Голанова арестовали [Ашнин, Алпатов 1994: 30, 15]. В эти мрачные вьюжные московские ночи, практически в одну неделю, сотрудники ОГПУ уехали за решетку члена-корреспондента АН СССР А. М. Селищева, профессоров Московского педагогического института имени А. С. Бубнова В. В. Виноградова и Н. Л. Туницкого, профессора Московской консерватории К. В. Квитку, бывшего профессора МГУ пенсионера П. А. Расторгуева, профессора Литературного университета при оргкомитете Союза советских писателей В. Ф. Ржигу, молодого талантливого

лингвиста, ученика Д. Н. Ушакова, доцента Московского вечернего педагогического института В. Н. Сидорова... [Там же: 14–15]. Начинаясь фабрикация дела «Российской национальной партии», погубившего десятки ярких филологов, историков, искусствоведов. Вскоре состоялось «разбирательство», и до сведения подсудимых довели приговор: И. Г. Голанов получил пять лет лагерей. В выписке из протокола Коллегии ОГПУ обозначалось место пребывания учёного: Сиблаг, г. Мариинск (ныне — Кемеровская область), совхоз «Берикульский». Сменившаяся в конце 1938 г. верхушка ОГПУ смягчила содержание заключённых. Можно сказать, что И. Г. Голанову повезло: его освободили раньше срока, 9 ноября 1938 г. Он вынужден был скитаться за 101 км от Москвы, временно проживая в Можайске, Калуге, Шацке и Рязани, и искать какую-то работу за её пределами [Там же: 197]. В 1943 г. И. Г. Голанов преподавал в Рязанском педагогическом институте, а 12 января 1944 г. с него сняли судимость [Там же: 176, 177], и вскоре он переехал в Москву, где получил приглашение в МПГИ имени В. И. Ленина, а позднее долгие годы заведовал там кафедрой русского языка. Но в 1964 г. при проверке дел осуждённых И. Г. Голанова вместе с В. В. Виноградовым и другими злословными вновь опрашивали. Учёные свидетельствовали, что «в 1934 году ввиду неправильных методов следствия они давали ложные показания и что ни к какой антисоветской организации они не принадлежали и о её существовании не знали» [Там же: 188]. 17 ноября 1964 г. на московский адрес реабилитированного узника ГУЛАГа И. Г. Голанова послали справку о прекращении дела. Было признано, что так называемой антисоветской организации «Российская национальная партия» не существовало [Там же: 189]. Спустя тридцать лет восторжествовала справедливость!

Эти штрихи к биографии учёного стали известны только в 1994 г., когда под редакцией академика Н. И. Толстого вышла книга историков науки XX века Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова [1994] ««Дело славистов»: 30-е годы», откуда мы извлекли данные о трагической биографии лингвиста.

Литература

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.

Голанов И. Г. О диссимильативном аканье // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. товарища председателя комиссии Д. Н. Ушакова. Вып. 3. Варшава, 1914. С. 183–217 (на с. 218 приложена карта «Территория диссимильативного аканья»).

Голанов И. Г. Воспоминания о курсах и практических занятиях А. А. Шахматова в Петербургском университете в 1913–1914 учебном году // ИОРЯС, 1920, т. 25. С. 318–325.

Голанов И. Г. Русская диалектология. — М., 1929а.

Голанов И. Г. Русский язык. (Элементы русского языкознания). Задания №№ 3 и 4. М., 1929б.

Голанов И. Г. Программа для собирания сведений о говорах Ярославского края. Ярославль, 1929в.

Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. — М., 1965.

Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44817.php> (доступ 10.10.2017).

Никитин О. В. Письма И. Г. Голанова Д. Н. Ушакову (1913–1914 гг.) [публикация, подготовка текстов и комментарии О. В. Никитина] // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004а. С. 336–341.

Никитин О. В. Отзыв о научно-педагогической деятельности И. Г. Голанова // [публикация, подготовка текстов и комментарии О. В. Никитина] // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004б. С. 342–343.

Никитин О. В. Профессор И. Г. Голанов — диалектолог // Русский язык в школе. 2015. № 11. С. 57–60.

Ушаков Д. Н., Голанов И. Г. (сост.) Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. — январь 1926 г.) // Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии) / Под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. 9. Л., 1927.

Oleg V. Nikitin

Moscow State Regional University

(Russia, Moscow)

olnikitin@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN DIALECTOLOGY: I. G. GOLANOV AND HIS IDEAS AT THE DAWN OF AREAL STUDIES

The article discusses the scientific ideas of the well-known linguist I. G. Golanov, who stood at the origins of the formation of modern dialectology. We examine advanced approaches and innovative techniques for studying and describing dialects in the framework of traditional comparative studies and taking into account new trends in science. The author gives little-known facts from the history of dialectology in Russia. Materials of the epistolary heritage of I. G. Golanov are used in preparing the article. His letters to D. N. Ushakov tell about the interest of the budding scientist to the history of the Russian language. We note the role of I. G. Golanov in the activities of the Moscow dialectological Commission. Special attention is paid to his pioneering work in the field of ethnology and sociology of linguistics from the standpoint of areal approach to the study of language. It showed I. G. Golanov as an advanced scientist, who kept pace with global approaches to diachronic linguistics, and was an expert in European scientific tradition.

Rich legacy of wonderful linguist is still not widely recognized in modern linguistic theory and practice and needs in the promotion and study.

Key words: the history of language, dialectology, ethnology, comparative linguistics, scientific tradition.

References

- Ashnin F. D., Alpatov V. M. *Delo slavistov: 30-e gody*. Moscow, 1994.
- Golanov I. G. O dissimilyativnom akan'je. *Trudy Moskovskoj dialektologicheskoy komissii*. D. N. Ushakov (Ed.). Vol. 3. Varshava, 1914. Pp. 183–217 (na s. 218 prilozhena karta «Territoriya dissimilyativnogo akan'ja»).
- Golanov I. G. Vospominaniya o kursah i prakticheskikh zanyatiyah A. A. Shakhmatova v Peterburgskom universitete v 1913–1914 uchebnom godu . *IORYaS*. 1920. Vol. 25. Pp. 318–325.
- Golanov I. G. *Russkaya dialektologiya*. Moscow, 1929a.
- Golanov I. G. *Russkij yazyk (Elementy russkogo yazykoznaniya)*. *Zadaniya no. 3 & no. 4*. Moscow, 1929b.
- Golanov I. G. *Programma dlya sobiraniya svedenij o govorah Yaroslavskogo kraja*. Yaroslavl', 1929c.
- Golanov I. G. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, 1965.
- Nikitin O. V. Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyah D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy istorii Moskovskoj lingvisticheskoy shkoly). *Voprosy yazykoznaniya*. 2002. № 1. Pp. 91–102. Sited at: [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44817.php> (accessed 10.10.2017).
- Nikitin O. V. Pis'ma I. G. Golanova D. N. Ushakovu (1913–1914 gg.). *Otsy I deti Moskovskoj lingvisticheskoy shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Moscow, 2004a. Pp. 336–341.
- Nikitin O. V. Otzyv o nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti I. G. Golanova. *Otsy I deti Moskovskoj lingvisticheskoy shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Moscow, 2004b. Pp. 342–343.
- Nikitin O. V. Professor I. G. Golanov — dialektolog. *Russkij yazyk v shkole*. 2015. № 11. Pp. 57–60.
- Ushakov D. N., Golanov I. G. (sost.) *Kratkij ocherk deyatel'nosti Postoyannoj Komissii po dialektologii russkogo yazyka za 12 let (yanvar' 1914 g. — yanvar' 1926 g.)*. *Trudy Postoyannoj Komissii po dialektologii russkogo yazyka (b. Moskovskoj dialektologicheskoy komissii)*. Ushakov D. N. (Ed.). Vyp. 9. Leningrad, 1927.

РУССКИЕ ГОВОРЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

Тамара П. Лённгрен

*Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
(Норвегия, Тромсё)
tamara.lonngren@uit.no*

РУССКИЕ ГОВОРЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ: СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТНОГО АРХИПЕЛАГА УКРАИНЫ

В статье предлагается классификация русских говоров на территории Украины на основе их генетических связей с материнскими и другими переселенческими говорами и дается представление об их современном языковом окружении. Исследование проведено на основе магнитофонных записей, сделанных в полевых условиях на протяжении 1992–2011 гг. и дополненных рукописными и печатными материалами. При определении понятия микро- и макродиалектных единиц учитываются внутрилингвистические, внешнелингвистические и внелингвистические факторы. В исследуемом архипелаге выделяется шесть макродиалектных единиц. Строится модель лексической системы каждой микросистемы, а затем каждой макросистемы. Каждая модель строится по образцу-схеме «ВМЕСТИЛИЩЕ», построение ведется от центра (ядра) к периферии.

Выделяются девять основных уровней, включая центр: I — человек; II — одежда (обувь, украшения и т. д.); III — дом (и все, что входит в дом); IV — двор (все, что входит в крестьянский двор); V — поле (сад, огород, участок, поле); VI — природа (дикая, за пределами уровня 'поле': лес, цветы, грибы...); VII — пространство (ландшафт); VIII — время; IX — погода; X — нейтральный уровень (служебные слова).

Ключевые слова: русские говоры в иноязычном окружении, русско-украинские языковые контакты, методы изучения лексики.

Территория современной Украины — это земля, на которой в течение веков тесно соприкасаются представители разных этнических групп, где переплетаются отдельные человеческие судьбы и культуры целых народов. Интерес исследователей к феномену взаимодействия и взаимовлияния культур и языков соседствующих государств — явление далеко не новое, что в полной мере относится и к истории изучения лексики украинского и русского языков.

Поисками продуктивных методов изучения лексики давно озабочены лексикологи разных школ и направлений. Краеугольным камнем остается эта проблема и для диалектологов, поэтому сих пор не утратило актуальности мнение Н. И. Толстого, высказанное два десятка лет назад: «... принципы описания диалектной лексики с расчетом на достаточную полноту (как в инвентарном, так и в территориальном аспекте) и одновременно — экономность еще мало разработаны» [Толстой 1997: 119]. Наиболее проблематичным представляется изучение лексики в говорах переселенческих, развивающихся в иноязычном окружении. Именно проблеме описания лексики таких говоров посвящена предлагаемая работа, которая представляет собой фрагмент исследования лексического массива русского диалектно-архипелага¹ на территории Украины.

По ряду исторических причин в лингвистическом ландшафте Украины русские говоры занимают далеко не последнее место, но до сих пор четкого представления о русском диалектном архипелаге в украинском окружении нет. Хотя, конечно, есть исследования отдельных говоров². В этих работах, как и в большинстве других, посвященных описанию отдельных переселенческих говоров, вслед за Л. И. Баранниковой учитывается соотношение двух факторов: интра- и экстралингвистических [Баранникова 1977].

Такой подход оправдан при исследовании отдельных диалектных единиц, но при обращении к лексическому массиву всего диалектного архипелага учет только этих двух факторов становится недостаточным. Поэтому в этом исследовании пришлось, вслед за [Толстой 1997: 225–226], «считаться с тремя видами явлений (факторов). Эти факторы: а) внутрилингвистические (интралингвистические), вызванные к действию самой структурой языка или диалекта, структурой того или иного уровня языка (или диалекта), взаимоотношений элементов и систем отдельных уровней и т. п.; б) внешнелингвистические (экстернолингвистические), вызванные к действию столкновением или смешением различных языковых (диалектных) структур в результате языкового (диалектного) смещения, влияния, взаимодействия литературной и диалектной норм и т. п., ведущие в конечном итоге к изменению внутренней структуры языка; в) внелингвистические (экстралингвистические), находящиеся за пределами лингвистики, но так или иначе влияющие на структуру языка в целом или на отдельные его части, прежде всего лексическую».

Сказанное определило структуру статьи: вначале будет предложена классификация говоров на основе краткого сообщения о русскоязычных островах на территории Украины и причинах их появления. Это прояснит, с одной стороны, генетические связи изучаемых говоров с материнскими и другими переселенческими говорами, а с другой — даст представление о современном языковом окружении. Затем последует представление лексического массива всего архипелага.

¹ Под диалектным архипелагом здесь подразумевается совокупность всех островных говоров одного языка, функционирующих в иноязычном окружении на территории одного государства.

² См. библиографию в сборнике «Русские говоры на Украине».

Исследование проведено на основе магнитофонных записей, сделанных в полевых условиях на протяжении 1992–2011 гг. и дополненных рукописными и печатными материалами.

По статистическим данным на 2017 г., население Украины насчитывает 42297400 человек. Согласно переписи населения 2001 г. 77,82% составляют украинцы, 17,28% — русские³.

В настоящее время на территории Украины можно выделить пять основных русскоязычных островов.

I. Русско-украинское пограничье протяженностью в 1576 км⁴. Граница — это условная линия на карте, разделяющая не только смежные государства, но и смежные территории одного государства, заселенные носителями разных говоров одного языка или говорами разных языков. И несмотря на то что главное определение границы — это разделение, именно вдоль границы народы наиболее близки друг к другу.

II. Поселения локальной этнической группы горюнов в селе Линово и др. Сумской области⁵.

III. Современные промышленные районы (Донецкая, Луганская, Харьковская и другие области), частично совпадающие с территориями Слободской Украины (XVI–XVII вв.).

IV. Населенные пункты, сопутствовавшие укрепительным сооружениям:

1) Белгородская черта (1635–1653): Сумская обл.⁶;

2) Украинская оборонительная линия (1732–1742): Харьковская, Полтавская обл.;

3) Новороссия (для укрепления южных границ; вошла частями по четырем договорам с Турцией: 1739, 1774, 1791, 1812 гг.): Одесская, Херсонская, Николаевская, Измаильская (Буджак) обл.

V. Старообрядческие села: Одесская, Измаильская, Черновицкая (Буковина), Винницкая, Хмельницкая (Подолье), Житомирская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Сумская обл.

По времени переселения выделяются три русскоязычных потока: ранний, XVI–XVII вв.; промежуточный, или средний, XVIII–XIX вв.; поздний, XIX–XX вв.

Исторические данные переселения русскоязычного населения на территорию Украины находят отражение в генетических связях говоров переселенцев с говорами их исконных территорий. Здесь преобладают говоры южные, преимущественно курско-орловские, они распространены на юге и на территории Слободской

³ Численность представителей других национальностей — менее 1% каждой.

⁴ Граница с Молдовой — 939 км; с Беларуссией — 891 км; с Румынией — 169+362 км; с Польшей — 428 км; с Венгрией — 103 км; со Словакией — 90 км.

⁵ М. Г. Халанский считал, что это летописные горяне, которые жили по правобережью Днепра, а В. В. Мавродин и Б. А. Рыбаков — что это остатки древних северян, впитавших в себя потоки XVI–XVII вв.

⁶ А также Белгородская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская области (современная территория России).

Украины; среднерусские псковские акающие говоры отмечены в Киевской и Житомирской обл.; черты северных говоров встречаются в Хмельницкой обл.

Характер и причины переселения определили и характер диалектной основы. Так, на юге и в районах Слободской Украины доминируют говоры с полидиалектной основой, поскольку переселение шло из разных областей России. Старообрядческие говоры более однородны, но вряд ли можно с уверенностью говорить об их монодиалектной основе. С большой осторожностью можно классифицировать как монодиалектные говоры «рыляков» и «гусяков» в Винницкой области.

С точки зрения характера окружающей языковой среды можно выделить говоры: поликонтактные (контакты с молдавским, украинским, болгарским языками; русским, украинским, белорусским и т. д.); биконтактные (русско-украинское пограничье); контактные (в украинском окружении).

С точки зрения «проницаемости» элементов контактирующих языков выделяются тоже три группы: активнопроницаемые (говоры неконфессиональных групп); проницаемые (говоры поповцев); слабопроницаемые (говоры беспоповцев).

Нетрудно заметить, что перед нами довольно пестрый диалектный архипелаг, раскинувшийся на территории 603628 км², состоящий из огромного количества говоров разного происхождения, в разное время оторванных от материнских говоров, в течение разного времени развивающихся в иноязычном окружении.

Для описания этой разнородной массы оказывается недостаточно не только двух указанных выше факторов, но и известных в русской диалектологии понятий микро- и макросистемы. Поэтому здесь вводятся понятия микро- и макродиалектных единиц, при определении которых учитываются внутрилингвистические, внешнелингвистические и внелингвистические факторы.

Макродиалектная единица объединяет говоры, имеющие сходные характеристики всех трех факторов. Совокупность микродиалектных единиц в пределах одной региональной единицы образует макродиалектную единицу. В исследуемом архипелаге выделяется шесть макродиалектных единиц, которые приблизительно соответствуют территориальному распределению говоров в пределах областей: Сумской, Одесской, Харьковской, Винницкой, Житомирской, Хмельницкой.

Далее приступим к описанию лексического массива. Исходя из основных принципов, изложенных в работах [Johnson 1982; Lakoff 1990], моделируется лексическая система микродиалектной единицы, а затем макродиалектной единицы. По образцу-схеме «ВМЕСТИЛИЩЕ» построение каждой модели ведется от центра (ядра) к периферии.

Выделяются девять основных уровней, включая центр. Условно эти уровни могут быть представлены так: I — человек; II — одежда (обувь, украшения и т. д.); III — дом (и все, что входит в дом); IV — двор (все, что входит в крестьянский двор); V — поле (сад, огород, участок, поле); VI — природа (дикая, за пределами уровня 'поле': лес, цветы, грибы...); VII — пространство (ландшафт); VIII — время; IX — погода; X — нейтральный уровень, его образуют служебные слова.

Схематически эту систему можно было бы представить в виде входящих друг в друга десяти окружностей или кругов на воде, расходящихся от брошенного

камня. Каждый уровень состоит из какого-то числа n подуровней. Между подуровнями и уровнями границы подвижны, как подвижна окружающая нас материя.

В основу моделирования уровней и подуровней кладется концепция когнитивной семантики “lexical network theory”, согласно которой значения лексической единицы соотносятся сетевым образом. Такое соотношение слов объединяет, или удерживает, вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта.

Путем последовательного объединения уровней всех макродиалектных единиц строится общая модель лексического массива. Всего (по предварительным наблюдениям) эта модель объединяет около 5150 слов, которые распределяются по уровням (в процентном соотношении) следующим образом: I — 26,3%; II — 9,5%; III — 21,5%; IV — 17%; V — 6,6%; VI — 8%; VII — 4,9%; VIII — 2%; IX — 1,6%; X — 2,5%. Таким образом, перед нами общая картина лексического массива всего диалектного архипелага.

Теперь пора посмотреть на отдельное слово в этой системе. Одним из наименее изученных и наиболее проблематичных пластов лексики русских говоров остается лексика общенародная. Особый интерес в общенародной лексике представляют многозначные слова, входящие в состав литературного языка. Поскольку эти слова лишены необходимой экзотичности, они неоправданно долго оставались за пределами серьезных исследовательских интересов.

Следующий шаг представления исследования — это краткое изложение результатов исследования многозначных общерусских слов, функционирующих в этих говорах, установление механизма развития диалектных значений в структуре многозначного слова и выработка метода описания его семантической структуры.

В основу типологии таких многозначных слов кладется все та же концепция “lexical network theory”. Для каждого исследуемого слова моделируется такая двухуровневая сеть: сначала заполняются ячейки значений, известных в литературном языке (I уровень), затем — в говорах (II уровень).

Как правило, в говорах первый уровень почти полностью покрывается вторым уровнем, так как общенародное слово обладает большей кумулятивной способностью в говорах, чем в литературном языке. Это происходит за счет сохранения в говорах старых, потерянных литературным языком значений и накопления и развития новых. Значит, обычно второй уровень имеет больше ячеек, чем первый. Второй уровень имеет несколько подуровней. Ячейки первого из этих подуровней заполняются значениями, известными в материнских говорах, а ячейки последующих подуровней — значениями, известными в разных типах переселенческих говоров (микродиалектных единиц).

Для примера возьмем слово *выводить*, известное как в литературном языке, так и в изучаемых говорах (здесь я приведу только сокращенный вариант, без указания всех значений и мест фиксации). Первый уровень состоит из пяти ячеек: ‘удалять (машину из гаража)’; ‘исключать из членов...’; ‘переводить из одного психического состояния в другое’; ‘истреблять, уничтожать’; ‘делать умозаключение’. В этих

значениях это слово известно во всех исследованных говорах изучаемого архипелага, т. е. первый уровень для них актуален.

Второй уровень строится на основе значений этого слова, известных в материнских говорах и сохранившихся в исследуемых. На этом уровне появляются различия, обусловленные разным генетическим происхождением говоров. Наддиалектная модель второго уровня в этих говорах представлена 12 ячейками: ‘проптапывать тропу’, ‘делать отверстие в потолке’, ‘петь’, ‘прорастать’, ‘рожать’ и т. д.

Далее следуют подуровни. Так, например, в Сумской обл. это слово зафиксировано в значении ‘показывать невесту жениху во время сватовства’, в Харьковской — ‘лечить опухоль’ (в Донецкой, Луганской, Кировоградской обл. в этом значении зафиксирован глагол *выливать*), в Николаевской — ‘штукатурить углы, стены’ и т. д.

Как мы видим, все значения этого слова представляют одну сеть, состоящую из отдельных участков, или ячеек. С одной стороны, эти ячейки, образуя одно целое, обладают разными семантическими потенциями, так что для их описания требуются разные приемы.

Но, с другой стороны, большинство этих ячеек объединены эксплицитно выраженным признаком ‘движение за ограниченный предел’. Поскольку определение значений в семантической структуре многозначного слова, содержащих пространственные отношения, вообще довольно трудны и часто не поддаются четким разграничениям, то в этом случае может быть уместно применение семантических диаграмм, построенных с использованием траектора и ориентира [Langaker 1987]. Такой подход предусматривает видение различия между смыслами в самом расположении ориентира в пространстве.

Обратим внимание на два примера. В литературном языке возможно сочетание *вывести лишай*, что значит то же самое, что ‘вылечить кожу от лишая’. В говорах есть сочетание *вывести волос* ‘вылечить опухоль’. Казалось бы, что различия в значениях этого слова в говоре и литературном языке нет, но на самом деле это не так. В первом случае речь идет о медицинском вмешательстве, во втором — о заговоре, молитве с одновременным использованием воды, колосьев и совершением определенных действий. Другими словами, слово *выводить* имеет разные фреймы в говоре и в литературном языке. Важным условием является то, что фреймы, как известно, не создаются в языке, а отражаются в нем. Во втором случае это слово употребляется в связи с ритуальными действиями.

Как утверждает в названной выше работе [Lakoff 1980], мы постоянно исполняем ритуалы. Н. И. Толстой выделял в каждом ритуале три регистра: вербальный (слово), реальный (предмет) и акциональный (действие).

При описании диалектных слов, входящих в сферу ритуала, оказывается плодотворным использование этих трех регистров. Об этом уже шла речь в одной из моих работ, где было описано слово *подать / подавать* [Lönngrén 1997]. Слова *выводить* и *выливать* в названном значении в разных говорах имеют один и тот же фрейм, отличный от литературного языка. Регистры ритуала, в котором они используются, полностью совпадают (вербальный — одна и та же молитва;

реальный — вода, пучок связанных ячменных колосьев; акциональный — колосья прикладываются к больному месту и поливаются водой). Таким образом, вряд ли остаются сомнения, что в данном случае глагол *выводить* в говорах и литературном языке имеет разные значения.

Литература

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31.

Русские говоры на Украине. Киев, 1982. 232 с.

Толстой Н. И. Какой тип диалектного словаря нам нужен? // Избранные труды. Том I. М., 1997. С. 119–120.

Толстой Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Избранные труды. Том I. М., 1997. С. 223–242.

Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1983. С. 181–190.

Johnson M., Lakoff G. Metaphor and communication. Trier, 1982. 325 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 242 p.

Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. V. 1. 1990. N 1. Pp. 40–71.

Langacker, Ronald W. Concept, Image, and Symbol // *The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin — New York, 1987. 395 p.

Lönngren T. The Lexicon of Russian Old-Believers (based on material from Latgale and the Zitomir area) // 16-me Congres International des Linguistes. Paris, 1997.

Tamara Lönngren

University of Tromsø — The Arctic University of Norway

(Norway, Tromsø)

tamara.lonngren@uit.no

RUSSIAN DIALECTS OUTSIDE OF RUSSIA: THE WORD IN THE CONTEXT OF UKRAINE'S DIALECTAL ARCHIPELAGO

In this paper I propose a classification of Russian dialects in the Ukraine, which also takes into account their genetic connections with the maternal dialect from which they originate. The study is based on recorded material gathered in 1992–2011, supplemented with manuscripts and printed sources. I introduce the concept of “microdialectal unit”, by which is understood all extra- and intralinguistic features that constitute a certain dialect. I build a model of the lexical system of every microunit, and then of every macrounit. Each model is based on the schema CONTAINER and the direction of its construction

is from the center to the periphery. Nine levels, including the center, are distinguished. They can be labelled in the following way: 1. man; 2. clothing (also shoes, jewelry, etc); 3. house (and everything in the house); 4. yard (and everything belonging to a country yard); 5. field (including garden and grounds); 6. nature (i.e. wild nature beyond the “field”: woods, flowers, mushrooms); 7. space (landscape); 8. time; 9. weather. A separate, neutral level (10) is constituted by asemanic words.

Key words: Russian dialects in a foreign environment, Russian-Ukrainian language contacts, methods of study of vocabulary.

References

- Barannikova L. I. [Dialects of Late Colonization Territories and the Problem of Their Classification]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1975, no. 2, pp. 22–31. (In Russ.)
- Johnson M., Lakoff G. *Metaphor and communication*. Trier, 1982. 325 p.
- Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*. V. 1. 1990. No. 1. Pp. 40–71.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p.
- Langacker, Ronald W. Concept, Image, and Symbol. *The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin — New York, 1987. 395 p.
- Lönngren T. The Lexicon of Russian Old-Believers (based on material from Latgale and the Zitomir area). *16-me Congres International des Linguistes*. Paris, 1997.
- Russkie govory na Ukraine* [Russian Subdialects in Ukraine]. Kiev, 1982, 232 p.
- Tolstoy N. I. Certain Issues of Relations between Linguistic and Ethnographic Research. *Izbrannye trudy*, issue 1, Moscow, 1997, pp. 223–242.
- Tolstoy N. I. On the Subject of Ethnolinguistics and its Role in Language and Ethnos Studying. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii*. Leningrad, 1983, pp. 181–190.
- Tolstoy N. I. What Kind of a Dialect Dictionary Do We Need? *Izbrannye trudy*, issue 1, Moscow, 1997, pp. 119–120.

Е. А. Оглезнева
*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
(Россия, Томск)
eoglezneva@yandex.ru*

РУССКИЕ ГОВОРЫ В КИТАЕ В XX в.

Автор описывает факты, подтверждающие существование русских говоров в русском восточном зарубежье — в Китае XX в. Они появились там в связи с переселенческими волнами из России. Особое значение имеет первая переселенческая волна — дореволюционная, связанная со строительством Китайской Восточной железной дороги и образованием русской колонии в Китае, включающей разные социальные слои населения, в том числе крестьян и казаков, являющихся носителями русских говоров. В результате второй переселенческой волны — послереволюционной — в Китае возникли десятки русских деревень, в том числе старообрядческих, в которых говорили на русском диалекте. Диалектная речь оказывала влияние на городскую речь: в русских газетах, публиковавшихся в XX в. в Китае, используется диалектная лексика. Диалектную окрашенность имеет речь некоторых представителей русской диаспоры в Харбине, являющихся выходцами из русских деревень Китая в районе Трехречья.

Материалом для анализа выступили записи речи представителей русского восточного зарубежья, сделанные автором в начале XXI в. в Китае, и периодические издания русского восточного зарубежья начала и середины XX в. Автор приходит к выводу, что на протяжении всего существования русской диаспоры русский язык в восточном зарубежье имел более высокий уровень сохранности, чем в западном зарубежье. Основная причина этого — наличие живой и разнообразной русской языковой среды, представленной разными вариантами национального языка, в том числе диалектной формой.

Ключевые слова: диалектология, социолингвистика, русские говоры, русский язык в зарубежье, восточное зарубежье, диалектная лексика, Китай, факторы сохранности языка.

Вопрос о русских говорах в Китае закономерно возник в связи с изучением русского языка в восточном зарубежье.

Изучение русского языка зарубежья получило активное развитие в 90-х гг. XX в., что было связано с возможностью общения с представителями русской эмиграции и их потомками в зарубежных странах, а также с доступностью документов, отражающих беженство как факт истории России в XX в. Тема русского языка в эмиграции первоначально разрабатывалась на материале **западного** русского зарубежья. Источником для изучения стали как письменные книжные произведения эмигрантской литературы и периодической печати на Западе [Грановская 1995; Гловинская 2001; Зеленин 2008], так и разговорная речь эмигрантов [Земская 1995, 2001; Бобрик 2001; Голубева-Монаткина 1993, 2001]. Отдельного внимания был удостоен русский язык представителей различных конфессиональных групп: канадских духоборов [Голубева-Монаткина 2001], молокан и старообрядцев в Северной и Южной Америке [Никитина 2001; Касаткин, Касаткина, Никитина 2000; Ровнова 2007, 2014]. Русский язык конфессиональных сообществ в западном зарубежье — молокан и старообрядцев, как показывают работы исследователей, имеет диалектную основу и демонстрирует способы бытования диалектной формы русского языка вне метрополии во взаимодействия с иными языками и их формами.

Русский язык **восточной** ветви русского зарубежья начал исследоваться позже. Результаты этих исследований получили отражение в работах Е. А. Оглезневой (2000, 2004, 2009а, 2009б), Г. М. Старыгиной (2001), А. Н. Анцыповой (2005а, 2005б), С. В. Гордеевой (2014). Местами восточного «рассеяния» русских выступали такие азиатские страны, как Корея, Япония, Вьетнам, но основным местом сосредоточения русских в восточном зарубежье следует считать Китай, а центром — китайский город Харбин.

Эмиграция на восток была довольно интенсивной: так, в 20-е гг. XX в. численность русских в Китае, по данным разных источников, достигала от 200 до 400 тыс. человек [Аблова 2004: 127; Печерица 1998: 264].

Восточная эмиграция русских находилась в общем историко-культурном контексте российской эмиграции, однако обладала рядом специфических черт, определяющих ее своеобразие. Восточная эмиграция так же, как и западная, имела волнообразный характер, но волны восточной эмиграции не имели абсолютного тождества с волнами западной эмиграции.

Первая крупная переселенческая волна на восток — это отъезд русских в Китай на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) (1898–1917 гг.). В связи с этим образовалась русская колония в Китае, которая была очень неоднородной по социальному составу (инженеры-строители и члены их семей, обслуживающий дорогу и ее инфраструктуру персонал, казаки, отставные нижние чины, а также свободные переселенцы из России — представители торгово-промышленного класса, мелкие ремесленники и др. [Аблова 2004: 122]. К 1917 г. русская колония в Китае насчитывала более 50 тыс. человек (соответственно в Харбине — более 40 тыс.). Октябрьская революция привела к тому, что они стали вынужденными эмигрантами.

Вторая волна связана с революцией в России, и ее, как и западную, можно назвать послереволюционной (с конца 1917 по 1924 гг.). Послереволюционная волна

эмиграции на восток имела отличия от западной. Во-первых, среди беженцев на восток были не только представители привилегированных слоев российского общества, интеллигенты, но и в большом количестве солдаты белой армии, рабочие, крестьяне (44,8%), казаки (17,5%) [Дубинина, Ципкин 1996: 72–73]. Во-вторых, русские беженцы на восток, в Китай, попадали на чужую, но обустроенную соотечественниками территорию (Харбин и поселки по линии КВЖД), как в российскую провинцию, которой не коснулись революционные перемены.

Третья волна восточной эмиграции относится к середине 20–30-х гг. XX в.: на китайскую территорию из приграничных районов переходили отдельные советские граждане и крестьянские семьи, недовольные коллективизацией. По этой же причине в Маньчжурию эмигрировала и значительная группа старообрядцев из Приамурья и Приморья.

Таким образом, социальный состав переселенческих волн в восточное зарубежье характеризуется неоднородностью, что обуславливает и русское языковое многоголосие, в котором слышны голоса представителей разных социальных групп — носителей разных форм существования русского национального языка: литературной формы, диалекта, просторечия и жаргона. Социальный состав русского восточного зарубежья в 20–30-е гг. XX в., по данным исторических источников, включал значительный процент тех, кто потенциально являлся носителями диалекта, как минимум 62,3%. Это переселившиеся и бежавшие из разных российских губерний крестьяне, забайкальские казаки, староверы — носители русских говоров.

Охарактеризуем русское диалектное присутствие по данным научных исторических и лингвистических источников, а также по данным русских периодических изданий восточного зарубежья начала и середины XX в. и записей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине, сделанных нами в период с 2000 по 2006 гг.

Старообрядческие говоры в Китае

О старообрядцах на китайской земле в середине XX в. известно из работ историков [Кобко 2007; Аргудяева, Хисамутдинов 2013] и лингвистов [Касаткин, Касаткина, Никитина 2000; Ровнова 2007; Моррис Т., Моррис Р. 2015]. Языковеды изучали русский язык старообрядцев в Южной и Северной Америке, куда многие из них переселились в 60-е гг. XX в. из Китая.

В Китае местом сосредоточения старообрядцев были Маньчжурия и Харбин (староверов отсюда называют «харбинцами»), а также провинция Синьцзян (староверов отсюда называют «синьцзянцами»). Центром старообрядчества в Китае стал Харбин. Кроме того, в Маньчжурии было много старообрядческих сел: Селинхэ, Коломбо, Семеновка, Медяны, Чапигоу, Баринхэ, несколько старообрядческих сел было образовано в Трехречье, на западе Маньчжурии: Верх-Кули, Усть-Кули, Покровка, Усть-Ширфовая, Татьянаовка, Ивановка, Романовка [Кобко 2007: 303; Аргудяева, Хисамутдинов 2013: 135–138].

Особенности говоров орегонских старообрядцев в США — «синьцзянцев» и «харбинцев» по происхождению — впервые были описаны Л. Л. Касаткиным, Р. Ф. Касаткиной и С. Е. Никитиной. Они определили говор «харбинцев» как среднерусский диалект с чертами Северного наречия [Касаткин, Касаткина, Никитина 2000: 146–147]. В более поздней работе Л. Л. Касаткин, анализируя говоры «синьцзянцев» и «харбинцев» в Орегоне, писал, что «они совмещают многие черты двух наречий русского языка — Северного и Южного. Это среднерусские говоры» [Касаткин 2008: 577]. Автор указал на диалектные черты, встречающиеся в обоих наречиях (всего 5), на черты, характерные для Северного наречия (всего 2) и Южного наречия, дополнительно отмечая, что они присутствуют у «синьцзянцев» (всего 6), а также на черты, характерные для среднерусских говоров [Касаткин 2008: 578–579].

О том, что съехавшиеся в Америку староверы говорили по-русски «на том диалектном русском языке, который их предки когда-то вынесли из России», писали Т. и Р. Моррис [Моррис Т., Моррис Р. 2015: 86]. Добавим, вынесли из России и перенесли через Китай, где они продолжали говорить на русском диалекте. Вслед за Л. Л. Касаткиным Т. и Р. Моррис также отмечали, что близкие между собой говоры «синьцзянцев» и «харбинцев» имели средне- и севернорусскую основу (например, прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* после парных мягких согласных, /*j*/ и /*ч*/: *неже*[н'к']я, *в постe*[л'к']ю, *Ка*[т'к']я, стяжение гласных в результате выпадения *j* в интервокальном положении и их ассимиляция в формах прилагательных и местоименных прилагательных, а также в глагольных формах с ударным и безударным сочетанием *-аёе-*, *-ейе-*: *Выговска пустынь*, *большу рыбину*, *зелено сено*, *само мало*, *хлопашь*, *хворат*, *уважам*, *старем* и др.) [Моррис Т., Моррис Р. 2015: 86–87].

О говорах старообрядцев, которые переселились из Китая в Южную Америку, писала О. Г. Ровнова, отмечая, что «старообрядцы всех поколений говорят на абсолютно чистом русском диалектном языке, характеризующемся замечательной сохранностью» [Ровнова 2007: 299]. О. Г. Ровнова идентифицировала их говор как среднерусский, сформировавшийся на севернорусской основе, и указала на то, что говор старообрядцев сохранил диалектные особенности на всех языковых уровнях [Ровнова 2007: 299–300].

Уникальные фото- и видеоматериалы о русских староверах в Китае в 1936–1945 гг. остались от японских исследователей Фудзияма Итиро и Ямадзоэ Сабуро, которые изучали устройство жизни и быта русских старообрядцев методом вживания в чужую культуру, включающим проживание среди местных жителей, повседневное общение с ними [Кобко 2007: 303, 305]. Это были годы японской оккупации Китая, который рассматривался японцами как потенциальная колония Японии. Русские старообрядцы демонстрировали возможность выживания и в известном смысле процветания в суровом климате северо-восточного Китая, поэтому предприимчивые и дальновидные японцы занялись серьезным исследованием их опыта ведения хозяйства, обустройства жизни, видя в русских староверах пример для подражания [Кобко 2007: 304]. Фотографии были опубликованы в издании

«Дни в Романовке» [Дни в Романовке 2012]. Они запечатлели картины семейной жизни, основные занятия русских старообрядцев в Китае: охоту, полевые и огородные работы, пчеловодство, домашнее хозяйство, а также игры, развлечения, а главное, фотографии сопровождаются воспоминаниями староверов о Романовке, передающими особенности их диалектной речи.

Русские говоры в Трехречье

В западной Маньчжурии существует район, называемый **Трехречье**, в котором проживали носители диалектной формы русского языка. С начала 20-х гг. XX в. в этот район отмечался большой приток русских, а к середине 1920-х гг. там было уже 19 русских сел [Абеленцев 2005: 187].

Беженцами в Трехречье были в основном забайкальские казаки. Их основным занятием было сельское хозяйство: скотоводство и земледелие. Вот как описывается Трехречье в одном из популярных эмигрантских изданий, вышедших в Харбине в начале и середине XX в., — журнале «Рубеж»: *«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ган, Дербун и красавицей Аргунью, плавно несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивника, разметался привольный край, называемый русскими Трехречьем... Это всхолмленная степь, кое-где прорезанная лесными массивами, сбегаящими с предгорьев Хингана, географически тяготеющая к Барге, была еще три-четыре десятка лет тому назад настоящей пустыней, почти не имевшей постоянного оседлого населения. Жители соседнего Забайкалья, однако, хорошо знали этот привольный девственный край. В ту пору, когда государственные границы еще почти совсем не охранялись в этом глухом углу, они нередко посещали его как охотники, а летом выгоняли сюда на пастбища свой скот, уплачивая за это небольшие деньги охранявшим его монголам. Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к “китайской стороне” и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трехречье увидело у себя русских беженцев. Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так создался в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества»* [Рубеж 1941].

В этом же источнике содержится и упоминание о богатой диалектной русской речи жителей Трехречья: *«... звенит и поет сочная яркая русская речь на трехреченских просторах. Язык трехреченцев нестрит не только местными забайкальскими выражениями и словечками, но и чудесными архаизмами. Здесь говорят не “красивый”, а “баской”, не “пальцы”, а “перстья”». Языковую специфику данной территории демонстрируют и особые лексемы, указывающие на особый быт трехреченцев: «Дома трехреченцев — полная чаша: со старинным хлебосольством угощают здесь пришельца шаньгами и традиционным сливаном»* [Рубеж 1941]. Цитируемый источник иллюстрирует факт полноценного функционирования

языка в его диалектной форме на неисконной территории и позволяет строить гипотезу о типе русского говора, бытовавшего там, и его материнской основе.

В последнее время Трехречье находится в фокусе исследовательского внимания историков, фольклористов, имеется также опыт лингвистического описания русского языка в современном Трехречье [Абросимова 2014: 132–134; Сундуева 2015: 105–115].

О.Л. Абросимова описывает русских в современном Трехречье как живущих «в коконе иной цивилизации, внутри которого концентрируется в неизменном виде то русское национальное ядро, которое было принесено в Китай век назад» [Абросимова 2014: 133], при этом «старшее поколение пытается сохранить те традиции, которые были переданы предками, но иная цивилизация настолько сильна, что постепенно нивелирует все русское, подчиняя себе» [Абросимова 2014: 133]. Русским языком, как указывает исследовательница, владеют в совершенстве старожилы старше 70 лет, которые говорят на севернорусском диалекте, распространенном в Сибири. В их речи отмечается утрата интервокального *j* (*думат*), употребление постпозитивной частицы *-ся* вместо *-сь* (*улыбалася*) и некоторые другие черты [Абросимова 2014: 134].

Социолингвистический контекст современного Трехречья представлен в работе Д.Б. Сундуевой. Она указывает на то, что «русский язык в среде потомков русских старожилов Забайкалья, проживающих в Трехречье, функционирует в условиях многокомпонентной, неравновесной языковой ситуации» [Сундуева 2015: 107]. Русские и их потомки составляют там значительный сегмент — 42%. Исследовательница отмечает, что русский язык у представителей старшего поколения русских сохранился лучше, чем у потомков русских во втором и третьем поколениях, рожденных в основном в смешанных браках: в их речи наблюдается языковой сдвиг в пользу китайского языка [Сундуева 2015: 109]. В речи же русских старшего поколения присутствуют диалектные и просторечные черты. Диалектные черты в речи старожилов Трехречья в основном совпадают с характерными чертами говоров забайкальских казаков, сложившихся на основе севернорусских говоров (например, совпадение форм Тв. и Д. пп. во множественном числе) [Сундуева 2015: 113]. Д.Б. Сундуева отмечает, что сами информанты оценивают свою русскую речь как «гуранскую», отличая ее от правильной русской речи [Там же]. *Гуран* в одном из своих значений — это прозвище забайкальского старожила с ярко выраженными чертами потомка смешанных браков с аборигенами, а также название потомка русских переселенцев из Забайкалья [Аникин 2000: 172] — носителей забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты [СРГП 2007: 108].

Начиная с 2000 г. нами исследовался русский язык последних представителей русской восточной эмиграции в Харбине. Среди них была Параскева Валентиновна Свининникова, судьба которой тесно связана с Трехречьем. П.В. Свининникова представляет собой лингвоперсонологический тип, отражающий особенности существования языковой личности в иноязычном окружении.

П.В. Свининникова происходит из забайкальских казаков-гуранов. Гуранами на Дальнем Востоке и в Забайкалье, как было указано выше, называют потомков от смешанных браков русских с представителями коренного населения: тунгусами,

якутами, бурятами. Мать русская, по фамилии Писарева, была учительницей русского языка. Фамилия Свининникова у П. В. — по отцу, который был полурусский-полукитаец (его мать — русская, отец — российский китаец). П. В. родилась в России, в Китае оказалась в 1933г.: семья ее родителей не смогла вернуться с летних пастбищ, находившихся на территории Китая, в Трехречье, в Россию — в Забайкалье, потому что граница оказалась перекрытой. Вспоминает о родине: *Как вам рассказать? Где Забайкал, ага, вот там вот мы и жили, и люди жили боуато, так же и отец тоже был боуатый. А потом када красные заехали, да и раскулачили всех, и как стояли, так и остались* [ФА]. После жизни в Трехречье П. В. оказалась в Харбине. Была замужем за китайцем. Домашним языком являлся китайский, материнским же языком для ее пятерых детей был русский. Все дети говорят по-русски и по-китайски. Четверо из них в настоящее время живут в России, старший сын — в Китае.

Русский язык П. В. сохранился в диалектно-просторечной форме. В рассказах-воспоминаниях, записанных от П. В., много диалектных особенностей. Например: *Пошла к боуатому стирать, я говорю: «Вот ваша пимка» (диал. ‘булавка’ [СРГП 2007: 325]), он говорит: «Что? еще скажите “пимка”; долго смеялся: «Паша, пимка». Пимка — булавка; Много их было, до этого я ходила когда ишо, как ее, **телятничиха** жила, София Ивановна, так я ходила, так там ишо все комнаты были заняты; Одновременно приежайте, нитцево, тсе есть, то и поедим, голодны не будем, хлебушка есть всегда, рис есть, мука есть, блины будем стряпать, **колоба** стряпать. По деревне говорили: колоба; когда **масленка**, сперва блины, а потом колоба. Колоба такие толстые. Ну тоже **жаворонки** пекла на сковородке. Колоба — это на дрожжах стряпать, а потом в масло. Сметану макают, это называются колоба, или в мед, или варенье всякое.* Другие примеры, демонстрирующие диалектно-просторечную специфику анализируемого дискурса: *мнук, ишо, обкитаился, паишпорт, вастобус, мамка, хотишь, командоват, ейна дочь, никто, хто, ёная сестра, церква ихняя, с ём, деньги до меня посылает, куда это ложит, хочет убийство сделать, получка, стары праздники, культурна революция, синеньки которы, учёны-то все уехали* и др. Владение нелитературной формой языка, отсутствие или недостаточность ее использования в письменном виде являются, наряду со смешанным браком, причинами, ускоряющими процесс утраты родного языка. Китайский язык стал основным в конце ее жизни. Однако статус русского языка и русской культуры для нее был очень высок, и она всячески стремилась подчеркнуть и сохранить свою принадлежность к русскому этносу.

Учитывая особенность языковой личности П. В. Свининниковой, акцентируем внимание на том, что в детстве и молодости русский диалект был формой ее языкового существования. Она говорила на нем и на родине, в России, и затем в Китае — в Трехречье. Диалектные черты были явственны в ее русской речи в зрелом возрасте, уже интерферированной под влиянием китайского языка. Существование такого типа языковой личности является косвенным подтверждением функционирования русских говоров на территории Китая в XX в. Кроме П. В. Свининниковой, встречались и другие языковые личности аналогичного плана, что позволяет говорить об их типичности.

Диалектная лексика в русских периодических изданиях восточного зарубежья

Русское восточное зарубежье оставило после себя большое наследие периодических изданий, которые выходили в Харбине, Шанхае, Тяньцзине. Так, в Харбине, центре русской восточной эмиграции, выходило 154 наименования русских газет и журналов с начала основания города и до массового исхода русских из Маньчжурии [Сводный каталог... 1999], по другим источникам — от 200 до 400 наименований. Русские периодические издания восточного зарубежья были рассчитаны на разную аудиторию, имели различную политическую направленность и цели. Все это обуславливало и языковую специфику изданий. Наше внимание привлекли издания, предназначенные для широкой аудитории и выпускавшиеся прежде всего с целью информировать о событиях текущей жизни. Газеты и журналы восточного зарубежья полифоничны: в них слышны голоса разных слоев населения в свойственных им речевых формах, поэтому текстовое пространство периодики восточного зарубежья оказалось открытой (незамкнутой) системой, способной принимать средства разных вариантов национального языка: диалекта, просторечия, жаргона.

Самым демократичным жанром периодики русского восточного зарубежья, где присутствуют лексические средства, характерные для разных социальных групп и прослоек, были частные объявления. Предметом частных объявлений были купля-продажа имущества, поиск службы или работников, оказание услуг, сообщение об утере документа или пропаже чего-либо и др. Частные объявления затрагивали область частной, личной жизни, интересы, не связанные с общественной жизнью, что допускало большую свободу в подаче информации и выборе языковых средств. Лексическую основу частных объявлений составляли стилистически нейтральные, общеупотребительные единицы. Кроме того, присутствовала разговорная и диалектная лексика, служащая целям номинации лиц и предметов — объектов объявлений и вместе с тем социально характеризующая ее носителей. Так, например, названия одежды в частных объявлениях русских газет в восточном зарубежье представлены не только изысканными словами европейского происхождения, но и диалектными лексемами. Это названия разных видов мехового пальто — *кумулан*, *борчатка*, *барнаулка*, названия пород лис, из шкур которых изготавливали меховые изделия, — *огневка*¹, *чернобурка* и др.: *Лисицы натуральные огневка и чернобурка случайно продаются* 1943; *Продаются резиновые сапоги размер 42 и шуба-борчатка на мальчика 14–15 лет. Артиллерийская 42 кв. 8. Смотреть с 2–4 дня* 1943; *Куплю телегу или полук и сбрую, дугу, шубу-барнаулку в хорошем*

¹ *Кумулан*. В близких значениях слово фиксируется в СРНГ: 'коврик из меха' и в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина: *кумалан* 'коврик из выделанных шкур оленя, дикой козы и других животных', 'меховые ковры' и др. [Аникин 2000: 321]. *Борчатка*. Овчинная шуба со сборками на талии [СРНГ 3: 121; СРГП 2007: 45]. Верхняя теплая одежда, сшитая со сборками (*устар.*) [Вершининский словарь 1992: 1, 111]. *Огневка*. Подвид лисы, обладающей ярко-рыжим мехом [СРГП 2007: 290].

состоянии, можно короткую. Гостиница «Ориант», №4 1945 и др. Использование диалектных по происхождению лексем свидетельствует о довольно широкой их распространенности и потере ими в восточном зарубежье статуса территориально ограниченных в употреблении единиц. В языке метрополии соответствующего и последующего периодов приведенная диалектная лексика не «переросла» своего статуса областных слов. Так, в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова эти слова отсутствуют.

Особенно ярко диалектная составляющая представлена в частных объявлениях на сельскохозяйственные темы. На окраинах Харбина, а также по линии КВЖД русские люди держали домашний скот, занимались огородничеством, т. е. вели обычный для российской провинциальной городской окраины образ жизни. Это обстоятельство неизбежно повлекло за собой актуализацию лексики, обслуживающей соответствующие сферы деятельности в разговорной речи, и проникновение этой лексики в текстовое пространство периодики, в частности в рекламный дискурс².

Частные объявления сельскохозяйственной тематики содержат информацию о купле-продаже домашних животных, специальных построек для них, предметов упряжи лошадей, орудий сельскохозяйственного труда, информацию о пропаже домашних животных или их случайном обретении и др. В объявлениях указанной тематики также представлены как общенародные, так и диалектные и специальные названия³, в большинстве своем исконно-русские по происхождению. Например: 1) названия домашних животных — *корова, бык, бычок, телка, телочка, нетель* (обл.), *лошадь, жеребец, кобылица, жеребенок, свинья, свиная матка, поросята, подсвинок* (спец.), *чушка* (обл.), *боровок, кабан, кабанчик, коза, козочка, козел, козлятки, козлик, козляк*: «Козочки и козляки породистые продаются» 1945 (в Сл. Уш. отсутствует; обл.), *петух, гуси, гусак, индюк, кролик* и др.; 2) названия физических признаков и физиологических состояний животного — *комолая* (обл.), *дойная, с молоком, со свежим молоком, стельная* (с.-х.), *глубокостельная* (в Сл. Уш. отсутствует; обл.), *огуляная* (в Сл. Уш. отсутствует; обл.), *погуляная* (в Сл. Уш. отсутствует; обл.), *не чищенный* (в Сл. Уш. отсутствует; обл.), *мерин, ломовой, рысистый, откормленный* и др.; 3) названия, указывающие на породу животного — *кровный, полукровный, племянный 'племенной', белой масти, в яблоках,*

² См., например: *Продается русская корова с молоком* 1920; *Продаются грабли конные и сушилка для корневых овощей, т.е. морковь, петрушка и проч.* 1920; *Потерялась 19 декабря чушка, белая одно ухо порванное* 1943; *Продается кобылица пригодится для ломовой телеги, тут-же продается бардовозка* 1943; *Козлятник на 2 козы, он же курятник продается* 1943; *Телка двухмесячная, подсвинки, петухи, гусак, маленькие козочки продаются* 1945; *Чушка «матка» белой масти, ушла со двора 24-го марта в 3 часа дня* 1945; *Телочку желаю купить* 1945; *Коза ушла со двора, темной масти, с рогами, 26 марта в 12 часов дня. Знающих прошу сообщить за вознаграждение. За укрывательство буду преследовать по закону* 1945; *Рабочий требуется на линию, знающий сельское и молочное хозяйство, на хорошие условия* 1945; *Продаются 4 коровы, 3 дойные и 1 глубоко-стельная, желательна в одни руки* 1946 и др.

³ Статус лексем выверялся по Толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова.

бело-красная, молочная, канадской породы, йокширской породы, иоркширка, сименталка, русской породы, русская и др.; 4) названия, указывающие на предназначение животного — *ломовой, рабочий, выездной* (о лошадях); 5) названия построек для домашних животных — *стайка* (в Сл. Уш. отсутствует; *обл.*), *козлятник* (в Сл. Уш. отсутствует; *обл.*), *курятник*; 6) названия продуктов, используемых как корм для животных — *барда, гаолян* (заимств. из кит. яз.), *гаоляновые отруби, пампи-за* (заимств. из кит. яз.); 7) названия процессов воспроизводства потомства — *ягниться, объягниться*; 8) названия транспортных средств, используемых в сельском хозяйстве, и их частей — *американка, русская телега, арба, ломовая телега, бардovозка, полok, сбруя, дуга* и др.; 9) названия сельскохозяйственных орудий, механизмов и их частей: *плуг, борона, грабли конные, сушилка для корнеvых овощей, сепаратор* (с.-х.)⁴ и др.

Большое количество подгрупп сельскохозяйственной лексики, бытовавшей в восточном зарубежье, их лексическая наполненность свидетельствуют о достаточно большой детализации этого фрагмента действительности. Общерусские и диалектные наименования, функционирующие в данной сфере, находятся в различных парадигматических отношениях друг с другом: стилистической синонимии (*свинья — чушка*); гиперо-гипонимических отношениях (*свинья — подсвинок*).

Многие из представленных наименований нейтральны с точки зрения эмоционально-экспрессивной окрашенности, однако в частных объявлениях периодических изданий русского восточного зарубежья встретилось много диминутивов, обладающих ярко выраженным положительным коннотативным компонентом значения: *телочка, кабанчик, козочка, козлятки* и т. п. Использование диминутивной лексики естественно в разговорной и особенно диалектной речи [Янценецкая, Резанова 1996: 44], характеризующейся насыщенностью такого рода лексикой по сравнению с кодифицированной литературной формой языка. При всей демократичности жанра частных объявлений диминутивная лексика все же находится за пределами его стилистической нормы, однако оказывается частотной и допустимой при именовании животных в частных объявлениях русских газет в восточном зарубежье. Например: *Потерялась козочка, черненькая, кончики двух ножек белые, сбоку белое пятнышко. Нашедшего прошу вернуть* 1946; *Козочка белая с черными пятнами на ушках сбежала 5 янв. Нашедших прошу вернуть за вознаграждение* 1946 и др.

Лексика крестьянского хозяйства, бытовавшая в русском восточном зарубежье, в том же составе, за исключением китайских заимствований, применялась в первой половине XX в. и в метрополии и используется до сих пор в русском языке и его диалектах. Особенность этой группы лексики состоит в том, что она оказалась востребованной и активно функционировала в эмиграции — в восточном зарубежье, поддерживая своим существованием естественную языковую среду и одновременно являясь для русского языка вне метрополии «охранительным» фактором на протяжении десятилетий.

⁴ Сепаратор «Милка» продается. Старое Чинхэ 1945.

Роль русских говоров в сохранении русского языка в восточном зарубежье

Русское восточное зарубежье, как мы указывали выше, отличается по своему социальному составу от западного, где первая, послереволюционная, волна русской эмиграции представлена в основном аристократической и интеллектуальной верхушкой российского общества [Земская 2001: 36]. В восточном зарубежье в первой половине XX в. русское языковое пространство было неоднородным вследствие социальной неоднородности носителей русского языка. *«Шумит и не хочет перестать и смолкнуть русская жизнь, чудесно цветет красочный русский быт за стенами пригородных особнячков с их атмосферой покоя и прочного хозяйственного зажитка»*, — читаем в «Рубеже» о том, как русский Харбин, «сохраняя стародавние обычаи», праздновал Крещение в 1942 г., и лишний раз находим подтверждение пестроте социальной (и, следовательно, языковой) в восточном зарубежье: *«И снова, и снова становится понятно, какую огромную, ведущую роль играет в нашей эмигрантской жизни православная церковь, объединяющая воедино всех этих людей — и элегантную даму в модной шубке, и старого военного, и чинхейского пенсионера, и рыжебородого мужика в романовском полушубке»* [Рубеж 1942].

В восточном зарубежье смешались литературная речь высшего образованного интеллигентного общества, диалектная речь, городское просторечие, профессиональный жаргон, и все это в совокупности дало естественную живую языковую среду, необходимую для полноценного существования языка вне метрополии и его длительного сохранения в условиях иноязычного окружения.

В западном зарубежье подобная языковая среда отсутствовала: большинство носителей — русские эмигранты первой волны — владели литературной формой речи (хотя и допускали в ней элементы простонародного происхождения) [Земская 2001: 126–128; Бобрик 2001: 299, 307–309, 312, 322]. У западной эмиграции не было какой бы то ни было значительной крестьянской и ремесленной прослойки с характерной для нее речью, если не влиявшей, то хотя бы поддерживавшей многообразие естественной русской языковой среды.

У русских, эмигрировавших на Запад, вхождение в чужую языковую среду было необходимостью, требовалось знание языка принимающей страны (известно, что многие из русских эмигрантов эти языки знали). В восточном же зарубежье, в Китае, необходимости в обязательном изучении китайского языка не было, поскольку русский язык обслуживал все сферы жизнедеятельности русской колонии, а свое пребывание на территории Китая в первой половине XX в. русские мыслили как временное.

Удаленность, оторванность от родной языковой среды приводила к очевидно-му иностранному влиянию на русскую речь в западном зарубежье и сознательному стремлению образованного эмигрантского сообщества сохранить свой язык: *«...Культуру творят большие образовательные слои населения, творят литература, печать, газеты, а эти образованные слои в зарубежье, в силу рассеяния, нередко утрачивают сами чистоту русского языка. Дети их учатся в иностранных*

школах и часто просто не умеют говорить и писать настоящим русским языком. Им надо помочь, дать путеводную нить» [Волконский С., Волконский А. 1928: 3]. Охранение языка связывалось с возрождением народа, и все это стало причиной сильнейшего пуристического движения, борьбы за чистоту русского языка в западном зарубежье, чего мы не наблюдаем в восточном [Волконский С., Волконский А. 1928; Русская речь 1958, 1963].

Примечательны в этом плане опубликованные в 1926 г. в эмиграции размышления Н. А. Тэффи о русском языке и его судьбе, показывающие понимание значения живой языковой среды для сохранения языка: «Огромная Россия сочетала сотни наречий, тысячи акцентов. Каждая губерния, каждый уезд окали, цокали, сакали по-своему. Тот сухой академический язык, который рекомендуется нам сейчас, существовал лишь в литературе, когда автор вел речь от себя, потому что как только он начинал писать языком живым, на котором люди говорят, сейчас перед читателями выявлялась личность, от которой слова шли. Под безличным, гладким литературным языком автор прячется, отрекается от себя, говорит объективно.

Литературный язык в разговоре безобразен, потому что мертв. В России мы все говорили на живом языке. Он всегда менялся, отбрасывал изжитое, впитывал новое, не боялся ничего. Все участвовали в создании его, в питании новыми соками. Никто никого не одергивал, не исправлял, не останавливал. *Ich singe wie der Vogel singt* (Я пою так, как поет птица — нем.). Именно — “как птица”, как чувствовалось». И далее: «Какие бы шлюзы ни ставили через наш бедный эмигрантский язык, он прорвет их, и если суждено ему стать уродом, то и станет, хотя будет живым. Чем питать его? Старыми нашими истрепанными книжками? А самим нам много ли осталось? Горько, жалко, но это так!» [Тэффи 1988: 66]. По сути, Н. А. Тэффи обозначена судьба русского языка в зарубежье: он неизбежно меняется в отрыве от своей почвы.

Но был еще один путь у русского языка в начале XX в. — это его путь в восточном зарубежье, где на протяжении более чем полувека после 1917 года русский язык продолжал существовать в своем сохраненном виде, питаясь за счет естественной живой языковой среды, одним из компонентов которой являются русские народные говоры. Так, журнал «Рубеж» в 1932 г. от имени своего парижского корреспондента писал: «Париж — не Харбин, где русская жизнь пустила за 40 лет глубокие корни... У вас в Харбине, а также в Шанхае и других дальневосточных центрах русская колония блюдет вековые российские традиции... В Харбине, Шанхае, Тяньцзине Рождество празднуется совсем так, как в бывлой России: гусь, взвар, кутья, христославы, ряженые, визитеры... мы давно не знаем святочной поэзии. В Париже — два Рождества и два Новых года — французские и русские, по новому и старому стилю. Рождество наше тихое, грустное... Поидем в Сочельник в церковь. А выйдем из нея — дождь, все серенькое, все чужое... Возьмем Гоголя, почитаем про кузнеца Вакулу, пожалеем, что на нашу долю даже чорта не досталось. Вот и все» [Рубеж 1939]. «Два центра было у русской эмиграции: в Европе — Париж, в Азии — Харбин. И если русское дворянство быстро

ассимилировалось во французском обществе, то на другом конце света несколько десятилетий сохранялась дореволюционная Россия», — вторит автору «Рубежа» О. Б. Бобин [Бобин 1994: 7].

Итак, русские говоры в Китае существовали в контексте русского языка в восточном зарубежье как одна из его форм. Они были представлены в речи различных групп переселенцев: старообрядцев, забайкальских казаков, крестьян, переселившихся в связи со строительством КВЖД и после Октябрьской революции. Совокупность говоров составляла значительную часть речевого континуума русского восточного зарубежья. Диалектные единицы оказывали влияние на разговорную речь, а также проникали в письменную литературную речь, используя в периодических изданиях восточной ветви русской эмиграции и демонстрируя таким образом эволюционные процессы в русском языке восточного зарубежья, заключающиеся в обогащении литературной лексики из диалектного источника, что является вполне естественным языковым процессом. Существование русского языка в разных его формах, в том числе и в диалектной, стало охранительным фактором для него в восточной эмиграции, которая продемонстрировала большую сохранность русского языка по сравнению с западной эмиграцией⁵.

Литература

Абеленцев В. Н. Амурское казачество XIX–XX вв. Изд. 2-е. Благовещенск, 2005. 304 с.

Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

Абросимова О. Л. К вопросу о существовании русского языка и русских культурных традиций в китайском Трехречье // Язык в различных сферах коммуникации: материалы межд. науч. конференции / под ред. Т. Ю. Игнатович. Чита, ЗабГУ, 2014. С. 132–134.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Анцыпова А. Н. Язык русского зарубежья Австралии: Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов): автореф. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2005а. 19 с.

Анцыпова А. Н. Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии //

⁵ Так, если в западном варианте русский язык начинал угасать уже в третьем поколении среди эмигрантов первой, послереволюционной, волны, то в восточном варианте этот процесс чаще всего происходил гораздо позже — в 4–5 поколении и уже после реэмиграции из Китая [Оглезнева 2009: 283, 305], или не происходил вовсе, как, например, у потомков старообрядцев. Утрата русского языка происходила более быстрыми темпами при метисации русских с китайцами: во втором-третьем поколениях, как это происходило и было, собственно, типично для русской эмиграции на запад.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2005б. С. 108–112.

Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 428 с.

Бобин О. Б. Прощание с русским Харбином. М., 1994. 28 с.

Бобрик М. А. Очерк языка семьи // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 278–348.

Вершининский словарь. Т. 1. А-В / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 308 с.

Волконский С. М., Волконский А. М. В защиту русского языка: сб. статей. Берлин: Медный всадник, 1928. 102 с.

Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 341–492.

Голубева-Монаткина Н. И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. № 2. С. 100–105.

Голубева-Монаткина Н. И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / под ред. Е. В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 8–68.

Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае (на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков): автореф. ... канд. филол. наук / Том. гос. ун-т, Томск, 2015. 26 с.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / отв. ред. М. В. Ляпон. М., 1995. 176 с.

Дни в Романовке. Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930–1940-х годов, из собрания Приморского государственного музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., Программа «Первая публикация», 2012. 368 с.

Дубинина Н. П., Ципкин Ю. Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70–84.

Зеленин А. В. Типология лексических заимствований в эмигрантской прессе (1919–1939) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 85–120.

Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. С. 233–241.

Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 19–340.

Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Никитина С. Е. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 134–152.

Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура,

история / отв. ред. Л. Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. С. 573–608.

Кобко В. Старообрядческая община в Маньчжурии. 1936–1945 // Рубеж. № 7 (869). 2007. С. 303–310.

Моррис Т., Моррис Р. Староверы Орегона: экономика, религия, язык // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. С. 81–88.

Никитина С. Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / под ред. Е. В. Красильниковой. М.: Эди-ториал УРСС, 2001. С. 69–112.

Оглезнева Е. А. Русская диаспора в Харбине: уровни лингвистической адаптации // Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. СПб., 2000. С. 250–254.

Оглезнева Е. А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 2. С. 42–52.

Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009а. 352 с.

Оглезнева Е. А. Русские говоры в Китае в начале и середине XX в. // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. М.: Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009б. С. 167–169.

Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 276 с.

Ровнова О. Г. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2006 года // Русский язык в научном освещении. № 1 (13). 2007. С. 297–305.

Ровнова О. Г. Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М., 2014. С. 374–399.

Рубеж. Еженедельный литературно-художественный журнал. Харбин, 1939. № 2.

Рубеж. Еженедельный литературно-художественный журнал. Харбин, 1941. № 4.

Рубеж. Еженедельный литературно-художественный журнал. Харбин, 1942. № 5.

Русская речь. Союз для защиты русского языка. Париж, 1958. № 2–3.

Русская речь. Союз для защиты русского языка. Париж, 1963. № 1–3.

Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.

Старыгина Г. М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: АмГУ, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 263–269.

Сундуева Д. Б. Забайкальское трансграничье как социолингвистический феномен // Языковая культура Восточного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 85–139.

Тэффи Н. А. О русском языке // Русская речь. 1988. № 5. С. 65–68.

Яценецкая М. Н., Резанова З. И. Модификационные производные и их функции // Русские говоры Сибири. Семантика / отв. ред. Г. А. Раков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 42–53.

Сокращения

СРГП — *Словарь русских говоров Приамурья*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.

Сл. Уш. — *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.

ФА — *Фоноархив «Русский Харбин»*. Хранение: Лаборатория региональной лингвистики Амурского государственного университета. Дневник 17а, с. 7.

Elena A. Oglezneva

National Research Tomsk Polytechnic University

(Russia, Tomsk)

eoglezneva@yandex.ru

RUSSIAN DIALECTS IN CHINA IN THE XXTH CENTURY

The article proves the existence of Russian dialects in Russian east foreign countries, in China, in the 20th century. Russian dialects appeared in China due to social factors, namely, immigration of people from Russia. Pre-revolutionary immigration played an important role, as it was connected with Chinese Eastern Railway construction and forming of Russian colony in China, which included people of different social levels, in particular, peasants and Cossacks, who were Russian dialects speakers. Post-revolutionary immigration resulted in appearing of Russian villages in China, in particular, Old Believer villages, where people spoke dialects. Dialectal speech influenced the speech of a city. Besides, some Harbinians spoke dialects being a native of Russian villages of Three River Region.

The material for the analysis includes speech records of Russian east foreign countries representatives, made by the author in the early 21st century, and Russian east foreign countries periodical publications of the early and middle 20th century.

Thus, the Russian language in the east foreign countries had a high preservation level during the Russian Diaspora existence, as there was a live language environment included different variants of the national language, particularly, dialects.

Key words: dialectology, sociolinguistics, Russian dialects, Russian language in foreign countries, east foreign countries, dialectal lexics, China, language preservation factors.

References

Abelentsev V. N. *Amurskoe kazachestvo XIX–XX vv. Izd. 2-e* [Amur Cossacks in XIX–XX centuries. The 2nd edition]. Blagoveshchensk, 2005. 304 p.

Ablova, N. E. *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian emigration in

China: international and political aspects of the history (the first half of the XX century)]. Moscow, 2004. 432 p.

Abrosimova O. L. [Existence of the Russian language and Russian cultural traditions in the Three River Region in China]. *Jazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii: materialy mezhd. nauch. konferentsii* [A language in different spheres of communication: materials of international research-to-practice conference / ed. by T. Yu. Ignatovich]. Chita, Transbaikal St. Univ. Publ., 2014, pp. 132–134. (In Russ.)

Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniia iz uralskikh, altaiskikh i paleoaziatskikh jazykov* [Etymological Dictionary of the Russian Siberia Dialects: Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleoasiatic Languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 768 p.

Antsykova A. N. *Jazyk russkogo zarubezhia Avstralii: leksiko-grammaticheskii aspekt (na material pismennykh tekstov). Avtoref. ... kand. filol. nauk* [The Russian language in Australia: Lexical and grammatical aspect (on material of written texts) extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2005. 19 p.

Antsykova A. N. [Religious communication as a social function of the Russian language in foreign countries and its reflection in written speech of emigrants in Australia]. *Slovo: folkloro-dialektologicheskii almanakh* / ed. by E. A. Oglezneva, N. G. Arkhipova, 2005, no. 3, pp. 108–112. (In Russ.)

Argudiaeva Y. V., Khisamutdinov A. A. *Iz Rossii cherez Aziuu v Ameriku: russkie staroobriadtsy* [From Russia via Asia to America: Russian Old-Believers]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2013. 428 p.

Bobin O. B. *Proshchaniye s russkim Kharbinom* [The farewell to Russian Harbin]. Moscow, 1994. 28 p.

Bobrik M. A. [The essay of a family language]. *Jazyk russkogo zarubezhia: Obshchie protsessy i rechevye portrety* / ed. by E. A. Zemskaya, Moscow, Vienna, Jazyki slavianskoi kultury Publ., 2001, pp. 278–348. (In Russ.)

Vershininskii Slovar. T. 1. A–V. [The Vershinino dictionary. Volume 1. A–B] / ed. by O. I. Blinova, Tomsk St. Univ. Publ., 1998. 308 p.

Volkonskii S. M., Volkonskii A. M. *V zashchitu russkogo jazyka: sb. statei* [In defense of the Russian language: collection of articles]. Berlin, Mednyi vsadnik Publ., 1928. 102 p.

Glovinskaja M. Ja. [Common and specific processes in the language of metropolitan country and emigration]. *Jazyk russkogo zarubezhia: Obshchie protsessy i rechevye portrety* / ed. by E. A. Zemskaya, Moscow, Vienna, Jazyki slavianskoi kultury Publ., 2001, pp. 341–492. (In Russ.)

Golubeva-Monatkina N. I. [Peculiarities of Russian speech of the first Russian emigration descendants in France]. *Russkii jazyk za rubezhom*, 1993, no. 2, pp. 100–105. (In Russ.)

Golubeva-Monatkina N. I. [Emigrant Russian speech]. *Russkii jazyk zarubezhia*. Ed. by E. V. Krasilnikova, Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, pp. 8–68. (In Russ.)

Gordeeva S. V. *Russkii jazyk v prigranichnom Kitae (na materiale rechi russkikh pereselentsev v Kitai 20–40-khgg. XX v. i ikh potomkov). Avtoref. ... kand. filol. nauk* [The Russian language in the near-border China (on material of Russian emigrants and

their descendants' speech in China in 1920s–1940s) extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2015. 26 p.

Granovskaia L. M. [The Russian language in foreign countries]. *Ocherki po jazyku russkoi emigratsii pervoi volny*. Ed. by M. V. Liapon, Moscow, 1995, 176 p. (In Russ.)

Dni v Romanovke. Iaponskie fotografii, zapechatlevshie russkoe staroobriadcheskoe selo v Man'chzhurii na rubezhe 1930–1940-kh godov, iz sobraniia Primorskogo gosudarstvennogo muzeia imeni V. K. Arsen'eva vo Vladivostoke [Days in Romanovka. Japanese photos of Russian Old-Believers village in Manchuria in 1930s–1940s from the collection of Arseniev State Museum of Primorskiy Region in Vladivostok]. Moscow, Programma «Pervaia publikatsiia» Publ., 2012, 368 p.

Dubinina N. P., Tsipkin Iu. N. [Peculiarities of the Far Eastern Russian emigration (on material of Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees)]. *Otechestvennaia istoriia*, 1996, no. 1, pp. 70–84. (In Russ.)

Zelenin A. V. [Typology of lexical borrowings in emigrant press (1919–1939)]. *Vo-prosy jazykoznanija*, 2008, no. 1, pp. 85–120. (In Russ.)

Zemskaja E. A. [About the language of Russian foreign countries]. *Jazyk — sistema. Jazyk — tekst. Jazyk — sposobnost*, Moscow, 1995, pp. 233–241. (In Russ.)

Zemskaja E. A. [Common language processes and individual speech portraits]. *Jazyk russkogo zarubezhia: Obshchie protsessy i rechevye portrety*. Ed. by E. A. Zemskaja, Moscow, Vienna, Jazyki slavianskoi kultury Publ., 2001, pp. 19–340. (In Russ.)

Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., Nikitina S. E. [The Russian language of Oregonian Old Believers: language portraits]. *Rechevoe obshchenie v usloviakh jazykovoï neodnorodnosti* / ed. by L. P. Krysin, Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, pp. 134–152. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Research of Old Believers Russian dialects in V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science]. *Russkie staroobriadtsy: jazyk, kultura, istoriia* / ed. by L. L. Kasatkin, Moscow, 2008, pp. 573–608. (In Russ.)

Kobko V. [Old Believers community in Manchuria. 1936–1945]. *Rubezh*, 2007, no. 7 (869), pp. 303–310. (In Russ.)

Morris T., Morris R. [The Old Believers of Oregon: economy, religion, language]. *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost, mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svi-azi*, Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2015, pp. 81–88. (In Russ.)

Nikitina S. E. [Russian confessional groups in the USA: linguistic and cultural problematics]. *Russkii jazyk zarubezhia* / ed. by E. V. Krasilnikova, Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, pp. 69–112. (In Russ.)

Ogлезнева E. A. [Russian diaspora in Harbin: levels of linguistic adaptation]. *Vostochnaia Aziia — Sankt-Peterburg — Evropa: mezhsivilizatsionnye kontakty i perspektivy ekonomicheskogo sotrudnichestva*, St. Petersburg, 2000, pp. 250–254. (In Russ.)

Ogлезнева E. A. [The Russian language in the foreign countries of the Russian east]. *Izvestiia AN. Seriialiteraturyjazyka*, 2004, no. 2, pp. 42–52. (In Russ.)

Ogлезнева E. A. *Russkii jazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoi rechi v Kharbine)* [The Russian language in the foreign countries of the Russian east (on material of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk, Amur St. Univ. Publ., 2009. 252 p.

Oglezneva E. A. [Russian dialects in China in the early and middle 20th century]. *Aktualnye problemy russkoi dialektologii i issledovaniia staroobriadchestva*, Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2009, pp. 167–169. (In Russ.)

Pecheritsa V. F. *Dukhovnaia kultura russkoi emigratsii v Kitae* [The Spiritual Culture of Russian Immigration in China]. Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 1998. 276 p.

Rovnova O. G. [The report on dialectal expeditions of V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science in 2006]. *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, no.1 (13), pp. 297–305. (In Russ.)

Rovnova O. G. [The dialect of Old Believers in South America according to written materials]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, Moscow, 2014, no. 3, pp. 374–399. (In Russ.)

Rubezh. Ezhenedelnyi literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Rubezh. Weekly literary and art magazine]. Harbin, 1939, no. 2. (In Russ.)

Rubezh. Ezhenedelnyi literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Rubezh. Weekly literary and art magazine]. Harbin, 1941, no. 4. (In Russ.)

Rubezh. Ezhenedelnyi literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Rubezh. Weekly literary and art magazine]. Harbin, 1942, no. 5. (In Russ.)

Russkaia rech. Soiuz dlia zashchity russkogo jazyka [Russkaia rech. The union of the Russian language preservation]. Paris, 1958, no.2–3. (In Russ.)

Russkaia rech. Soiuz dlia zashchity russkogo jazyka [Russkaia rech. The union of the Russian language preservation]. Paris, 1963, no.1–3. (In Russ.)

Svodnyi katalog periodicheskikh i prodolzhaushchikhsia izdaniia Russkogo zarubezh'ia v bib-liotekakh Moskvy (1917–1996 gg.) [The joint catalogue of Russian foreign countries periodicals and serials in Moscow libraries (1917–1996)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 464 p.

Sarygina G. M. [Linguistic and historical portraits of Harbinians (on material of the speech of Russian emigrants)]. *Istoricheskii opyt osvoeniia Dalnego Vostoka*, Blagoveshchensk, Amur St. Univ. Publ., 2001, no. 4, *Etnicheskie kontakty*, pp. 263–269. (In Russ.)

Sundueva D. B. [Transbaikal transboundedness as a sociolinguistic phenomenon]. *Jazykovaia kultura Vostochnogo Zabaikalia*, Chita, Transbaikal St. Univ. Publ., 2015, pp. 85–139. (In Russ.)

Teffi N. A. [The Russian language]. *Russkaia rech*, 1988, no. 5, pp. 65–68. (In Russ.)

Iantsenetskaia M. N., Rezanova Z. I. [Modificational derivatives and its functions]. *Russkie govory Sibiri. Semantika* / ed. by G. A. Rakov, Tomsk, Tomsk St. Univ. Publ., 1995, pp. 42–53. (In Russ.)

О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
supilinn@mail.ru, crillon@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЧЕРТ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО ГОВОРА (СТАРООБРЯДЦЫ-«КАМЕНЩИКИ» КАЗАХСТАНСКОГО АЛТАЯ И «СИНЬЦЯНЦЫ» ЮЖНОЙ АМЕРИКИ)*

Многие деревни по реке Бухтарме в Казахстанском Алтае являются местами «исхода» старообрядцев в китайскую провинцию Западный Синьцзян в 1930-е гг., а позднее в Южную Америку. «Синьцзянцы» — новое групповое прозвище их, пришедшее на смену старому прозвищу «каменщики». Бухтарминский говор является материнским, первичным по отношению к переселенческому, вторичному говору южноамериканских «синьцзянцев».

Статья основана на экспедиционном материале, записанном О. Г. Ровновой на Бухтарме, в Зыряновском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (2011 г.), и поселениях «синьцзянцев» в Аргентине (2006, 2011, 2012 гг.) и Бразилии (2008, 2010 гг.). В ней дается сравнительно-сопоставительное описание языковой ситуации и конфессиональной культуры в старообрядческих поселениях Казахстана и Южной Америки, исследуется соотношение диалектных черт одного и того же русского говора, разделенного географически. Благодаря использованию инструментальных методов уточнен характер вокализма после твердых и мягких согласных. Сделан общий вывод о том, что по комплексу диалектных черт говор сближается с говорами северо-востока Нижегородской, юго-запада Кировской и востока Костромской области. Говоры этой территории и являются севернорусской основой среднерусского говора «каменщиков» и «синьцзянцев».

Ключевые слова: русские говоры старообрядцев, миграция, языковые контакты, первичные и вторичные говоры.

Старообрядцы-беспоповцы часовенного согласия, которые в настоящее время живут в Южной Америке (Бразилия, Аргентина) и США (штат Орегон), называют

* Исследование проведено по проекту «Диалектный язык русских старообрядцев» (рук. Л. Л. Касаткин), поддержанного грантом РФФИ № 15-04-00334.

своих предков «кержаками», что указывает на генетическую связь этой группы старообрядцев с ранним старообрядческим центром на реке Керженец в Нижегородской губернии. Как хорошо известно, в результате разгрома керженского центра в 1710–1729 годах началось массовое переселение кержаков на Урал и в Сибирь. Старшее и среднее поколение американских старообрядцев зовет себя «синьцзянцами» по названию предыдущего места жительства — провинции Синьцзян на северо-западе Китая. Они говорят на одном из сибирских, то есть переселенческих, говоров, который вывезли из России и сохранили в Китае и Америке. Согласно современной классификации, это среднерусский акающий говор, сформировавшийся на севернорусской основе. История его формирования (в частности, переход от оканья к аканью) связана с историей многочисленных миграций его носителей и, следовательно, с междиалектными и межъязыковыми контактами. Одна из задач изучения говора этой группы старообрядцев заключается в том, чтобы определить говор, являющийся первичным, материнским по отношению ко вторичному, переселенческому говору синьцзянцев, и исследовать соотношение диалектных черт того и другого. Решению этой задачи и посвящена наша статья.

1. Во время экспедиций ИРЯ РАН под руководством О. Г. Ровновой в старообрядческие поселения Южной Америки (2006–2008, 2010–2014 гг.) было установлено, что синьцзянцы, родившиеся в Китае в 1930-х — 1950-х годах, сохраняют историческую память о том, что до Китая их родители, деды или прадеды жили на Алтае. Так, прямое указание на это содержится в книге синьцзянца Д. Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева», написанной на родном для автора диалекте: «Прадед Агап Пантелеяв из Алтая, Бухтармы. <...> Прадед Корнилий Захарьев, по прозвищу кержаки. В како́ время выехали из Керженса — неизвестно, как попали в Алтай — не знаем» [Зайцев 2015: 21]. Некоторые старообрядцы, рассказывая о предках, смогли вспомнить названия населенных пунктов, в которых жили их старшие родственники. Оказалось, что все топонимы имеют отношение к Казахстанскому Алтаю — к современной Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, а точнее, к бассейну реки Бухтармы: «посёлки коло *Зыряновска*», деревни *Великая Мяконька*, *Малая Мяконька*, *Фыкалка*, *Осочиха*, *Соловьёво*. В 1927 г. в рамках работ Казахстанской экспедиции АН СССР этнограф Евгения Эдуардовна Бломквист (1890–1956) и этнограф и диалектолог Надежда Павловна Гринкова (1895–1961) обследовали русские поселения в бассейне Бухтармы [Бухтарминские старообрядцы 1930]. Согласно их данным, здесь, в труднодоступных горных долинах, действительно жили старообрядцы-кержаки, которые называли себя «каменщиками», так как жили в «камне», то есть в горах. В частности, исследователи сообщают о 9-ти крупных деревнях, которые были образованы в 1792 г. [Бухтарминские старообрядцы 1930: 15–16], и о некоторых других. Сведения Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой о хозяйственной деятельности, домашних промыслах и ремеслах, характере поселений, системе питания, одежде, искусстве, диалектном языке кержаков-каменщиков приобретают особую ценность, если принять во внимание, что они собраны в 1927 году — то есть за несколько лет до их бегства в Китай.

Дальнейшая история миграции каменщиков выглядит следующим образом. Спасаясь от советской власти и ужасов коллективизации, в начале 1930-х годов они бежали из Казахстанского Алтая в Китайский Алтай, в провинцию Синьцзян. Во второй половине 1950-х годов, из-за установления коммунистического режима, начался их «исход» и из Китая — через Гонконг, в Бразилию и Аргентину [Касаткин 2008: 574–575; Аргудяева, Хисамутдинов 2013: 163–165]. В русском переселенческом лагере в Гонконге алтайские старообрядцы встретились с другой группой старообрядцев — мигрантами из поселений в окрестностях Харбина в Маньчжурии, на северо-востоке Китая. В Гонконге бывшие «каменщики» получили новое коллективное прозвище «синьцзянцы», их одноверцы стали называться «харбинцами» [Зайцев 2015: 27–28]. Эти коллективные прозвища по отношению к людям старшего поколения, родившимся в Китае, и людям среднего поколения, родившимся в семьях, где оба родителя — синьцзянцы или харбинцы, бытуют в Южной и Северной Америке до сих пор. Всего в Бразилию (штат Паранá) и в Аргентину (провинция Рио-Негро) в 1956–1965 гг. прибыло около 120 семей синьцзянцев; в 1970-е годы значительная часть их переехала в США (штат Орегон), оставшиеся семьи синьцзянцев сейчас живут в бразильских штатах Мату-Гроссу, Гойас и в аргентинской провинции Рио-Негро. Освоив испанский и португальский языки, старшее поколение синьцзянцев, их дети, внуки и правнуки продолжают говорить на русском диалектном языке.

Таким образом, исторические и топонимические данные позволяли полагать, что говор каменщиков и говор синьцзянцев соотносятся друг с другом как первичный и вторичный, материнский и переселенческий, развивавшийся в иноязычном окружении, изолированно от диалектной и литературной форм русского языка. Для проверки этого положения были необходимы современные языковые данные с Бухтармы.

2. Диалектный материал из бухтарминского региона был записан О. Г. Ровновой во время экспедиции в Зырянский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан в сентябре 2011 г.¹ [Ровнова 2012]. Она была проведена с помощью и при непосредственном участии Александра Андреевича Яковлева — заведующего отделом русской этнографии Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (г. Усть-Каменогорск). Были обследованы три населенных пункта, являвшиеся в прошлом крупными старообрядческими центрами: село Тургусун, деревни Снегирево, Быкова², находящиеся соответственно в 23-х, 18-ти и 45-ти километрах от Зыряновска.

Обследование показало, что старообрядческая традиция на Бухтарме угасла (*«теперь всех кержасков сменяли на шшаков»*, как сказала одна информантка). Главными хранителями ее теперь являются русский отдел этнографического музея

¹ Экспедиция состоялась благодаря финансовой поддержке диалектологических экспедиций ИРЯ РАН в 2011 г. грантом РГНФ № 11–04–18047 («Полевые исследования русских говоров России и зарубежья», рук. Л. Л. Касаткин).

² Деревня Быкова не раз упоминается в книге Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой. Ю. В. Аргудяева и А. А. Хисамутдинов называют с. Тургусун и д. Снегирево в числе тех населенных пунктов, в которых новосибирский этнограф Л. М. Гусарова в 1980-е годы встречалась «с близкими или дальними родственниками» синьцзянцев из США (Орегон) [Аргудяева, Хисамутдинов 2013: 165].

в г. Усть-Каменогорске, имеющего богатейшее собрание предметов материальной и духовной культуры старообрядцев-кержаков, и фольклорно-этнографические ансамбли. Основное население края, даже самое старшее поколение, живет вне религии.

Отмечены различия в использовании конфессионимов в Южной Америке и на Бухтарме. В Южной Америке синьцзянцы выражают свою религиозную идентификацию словами *староверы* и *христиане* (*христианьы*, *християны*) и противопоставляют себя *никониянам* — последователям официального православия. На Бухтарме по отношению к старообрядцам используют слова *староверы* и *кержаки*, противопоставляя приверженцев древлеправославия *христианским* или *православным*. Конфессионим *кержак* имеет на Бухтарме, как и по всей Сибири, широкое значение 'старообрядец', в отличие от Южной Америки, где это слово употребляется в первоначальном, узком значении 'старообрядец — выходец с Керженца'.

Более того, в речи местных жителей у слова *кержак* развилось отрицательное оценочное значение: *Здесь одни кержаки раньше жили, кержачьё. Тургусун раньше Кержеград звали* (с. Тургусун) [Ровнова 2012: 299]; *Мы больше гостеприимны — не как кержаки какие-нибудь* (д. Снегирево). Как следовало из бесед с информантами, родители которых относились к «христианским», «православным», основные обвинения против кержаков относились к их бытовому поведению: *воды не дадут напиться³; уйдёшь — они сразу ручку двери тряпкой вытирать, будто мы грязные какие; Вот даже эти кержаки, если у их православный поп был, уйдёт, оне скóбу вымоют, за что дверь открывашь. Мыли, мóрговали оне*. Такое поведение старообрядцев, свидетельствующее о предписанном «законом» стремлении обособиться, воспринималось и воспринимается приверженцами официального православия или неверующими людьми как оскорбление: «*староверы нами мóрговали*», то есть брезговали. Тем не менее люди, на старости лет обратившиеся к вере и предпочитающие называть себя «христианскими» (не «кержаками»), на нашу просьбу показать, как они крестятся, складывали именно два перста.

Во всех трех населенных пунктах, о которых было известно, что в них раньше проживали старообрядцы, участники экспедиции разыскивали прежде всего людей, имеющих те же фамилии, что и старообрядцы Южной Америки: Анфилофьевы, Пятковы, Русаковы, Снегиревы и некоторые другие. Однако историческая память современных бухтарминцев не сохранила никаких сведений о бегстве кержаков в Китай в 1930-е годы; не знали они и о существовании возможных родственников в Бразилии и Аргентине.

3. Характеризуя говор бухтарминских старообрядцев как в основе севернорусский, испытавший воздействие южнорусского говора старообрядцев-«поляков», Н. П. Гринкова подчеркивает его целостность и высокую степень сохранности в 1927 году, чему в равной мере способствовала конфессиональная и географическая изолированность старообрядцев: «любой кержак, независимо от пола и возраста, может служить объектом для наблюдения над местной типичной речью» [Бухтарминские старообрядцы

³ На самом деле дадут напиться, но из отдельной посуды, перелив туда воду из ковшика, которым зачерпнули ее из ведра.

1930: 438]. На сегодняшний день данное высказывание справедливо только по отношению к синьцзянцам — потомкам кержаков: как уже отмечалось, в Южной Америке на русском диалектном языке говорят все поколения старообрядцев.

В Казахском Алтае традиционный бухтарминский говор разрушен. Устная речь информантов старшего поколения представляет собой региолект, то есть такую форму речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [Герд 2005: 22]. В региолекте старшего поколения бухтарминцев отмечен ряд диалектных черт традиционного говора, которые можно считать наиболее устойчивыми, хотя они встречаются в речи разных информантов с неодинаковой частотой. К ним относятся:

— произношение щелевых согласных на месте аффрикат: [с] на месте *ц* (соканье) и [ш'] на месте *ч* (щоканье): [с]арáнается, пáль[с]ами, пятнá[с]ать, [с]ёрква, помóр[с]ы, китáй[с]ы, кúри[с]ы, птíи[с]у; ка[ш']áли, у[ш']ítель, порьбá[ш']им, про[ш']итáл, [ш']есáли, котелó[ш']ек, дéво[ш']кя, за рú[ш']кю, на[ш']нút;

— сильная спирантизация мягких взрывных согласных *т'* и *д'* (цеканье и дзеканье, см. форму *молэц'ил'и*, приведенную на Графике 1);

— произношении долгого твердого шипящего [шш]: *всё раста[шш]íли; молотяга большú[шш]а была;*

— мягкое произношение заднеязычных после мягких согласных перед гласными: *кержá[ч'к']а, дó[ч'к']а, в ня[н'к']ах, мáле[н'к']а, фотокарто[ч'к']у, мáле[н'к']ую, рú[ш'к']а, нé[ш'к']у, де[н'г']áми;*

— утрата [т] в сочетании [ст] на конце слов: *кре[с] идёт вперёд; хол[с] носили; прямо через мо[с] езжайте; не подошёл ро[с] у его;*

— произношение гласного [а] в корне глаголов *сесть* и *лечь* в форме прош. вр.: *лягли спать;*

— отнесенность одушевленных существительных с суффиксом *-ишк-* ко 2 склонению: *этого нажила парнишка; ей пацана не надо было, мальчишка; два мальчишка было;*

— флексия *-е* в форме Р. п. ед. ч. существительных 1 склонения на *-а* с твердой основой, омонимичная флексии Д. и Р. пп.: *все родственники умерли, у снокé-то;*

— флексия *-ы* в форме И.-В. п. мн. ч. существительных ср. р.: *вот такие делы; рукотёрты полотенцы; деревянные вёдры;*

— стяженные формы прилагательных и глаголов: *бéла изба; деревня большá была, шибко большá; в гроб клали богорóчку трáву; в другú деревню; на железну досточкю; рукотёрты полотенцы; нижны ряды; он рабочих не обижáт; ему ничего не помогáт; дед у меня сам косит, и нанимáм; мы молитвы знам; по-казацки ('по-казахски') мы же не умём;*

— флексия *-им (-ым)* в форме П. п. ед. ч. прилагательных м. и ср. р., омонимичная флексии Т. п.: *в какíм году-то; в éтим доме; в Зыряновским церква; в двадцать седьмým году; в тридцать шестým году;*

— местоимение 3 л. мн. ч. *онé*: **оне** и сами работали день и ночь; **оне** ничего не соображали; **оне** сидят все под дубом;

— употребление местоимений *кого, некого, никого, кем* в соответствии с литературными *чего, нечего, ничего, чем*: **коó** ругаться, раз такой закон; теперь **коó** я спою — один-единственный зуб; **когó** я одна-то буду; одеть **некого** было; с ним **никоó** не договоришься; мне мама **никоó** не рассказывала; прялку не жалко, мне **некоо** прясть на ней; хоть **кем** стирай;

— флексия *-ут (-ют)* в форме 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения: *закусят, измолотют, косят, крестют, курют, накурются, сходятся*;

— союзы *аль ‘или’, ёслив ‘если’*: откуда выселили его **аль** как его — это не говорили, что выселенный был; **ёслив** не сунешь [денег], то мать не нужна.

Эти фонетические и морфологические черты свойственны и говору синьцзянцев [Касаткин 2008: 577–580; Ровнова 2014: 376–380, 385–387; Ровнова 2015; см. также приведенные в разделе «Диалектные тексты» настоящего сборника расшифровки синьцзянского говора, сделанные О.Г. Ровновой].

Во время экспедиции на Бухтарму были записаны диалектные слова, одна часть которых была ранее зафиксирована О.Г. Ровновой в речи южноамериканских старообрядцев, а другая нет (*ика́ть, купля́ть, мо́рговать, па́евка, поло́ть, по́чва, пра́бка, рукотёртый, челя́да* и некоторые другие). Специальный опрос синьцзянцев, проведенный во время экспедиций в Аргентину в 2011 и 2012 гг., и дальнейшие наблюдения над их речью показали, что эта лексика им знакома. Приведем примеры, свидетельствующие об общности словарного состава двух говоров (даются иллюстрации из бухтарминского говора):

вдову́ха ‘вдова’: в Богатырёвой у меня есть на примете вдову́ха, мы его женим на ей;

велича́ть, несов., **свелича́ть**, сов. ‘называть (назвать) по имени-отчеству’: как его велича́ть?; подошла, свелища́ла его;

вовёсьма ‘совсем’: погромче, погромче — и вовёсьма;

городьба́ ‘ограда’: вон белая городьба́;

дарма́, нар. ‘даром’: дом продала почти дарма́;

де, нар. ‘где’: парни если де какие курют, дак уйдут далёко куды-то;

ика́ть ‘заикаться’: внучка наша, правнучка, ика́т шибко — испугалась, от испугу;

купля́ть ‘покупать’: дома под дачи купля́ли;

куть-куть-куть ‘подзывные слова для кур’;

лист, ли́стик ‘противень’: выкатала тесто, сразу на листы́;

ма́хом, нар. ‘мгновенно, сразу’: я ма́хом понимаю;

мо́рговать, несов. ‘брезговать’, **помо́рговать**, сов. ‘побрезговать’: староверы эти, оне мо́рговали нашей верой православной, церковью; не помо́рговайте, приходите;

моло́тяга ‘молотилка’: мо́лотягой мо́лотили; мо́лотяга большуиша была;

надса́да ‘грыжа’: девясил — он от надса́ды;

наго́ить ‘напачкать, нагрязнить’: опять я тебе наго́ила;

ни́мо, нар. ‘мимо’: ни́мо проезжал, поглядел, какая сэ́ркава;

- пáевка** ‘берестяная сумка для сбора ягод’: *вот я вам подарю пáевку в музей;*
пасть д́ухом ‘упасть духом’: *я д́ухом пáла;*
пéрво, нар. ‘сначала’: *пéрво лён застынет, а потом уже с обеда сохнуть начинат;*
перерóдок ‘ребенок, родители которого относятся к разным конфессиям’: *он уже перерóдок, мать кержачка, отец нет;*
пóчва ‘подошва обуви’;
полóть (хлеб) ‘жать’: *хлеб полóли серпами; тогда же хлеб полóли людьми;*
потник ‘мягкая подстилка, матрас’: *беседка сделана — сиденье, потник постеленной;*
п ráбка ‘прабабушка’;
пригón ‘место с постройками для скота’;
пристáть ‘устать’: *бабёнки, вы же пристáли;*
рóдство ‘родственники, родня’: *большое рóдство — это много родни;*
рукотёртый (о полотенце) ‘полотенце для вытирания рук’: *были таки рукотёрты полотенцы;*
сáменький, мест. ‘самый’: *да, этот сáменький у нас был;*
слезún ‘горный лук’: *слезún рвали, ќслицу;*
солнцезакáт ‘закат солнца’: *до солнцезакáта работали;*
сколь ‘сколько’: *сколь фермов было, у каждого было по сколь скота;*
срóдный ‘двоюродный’: *срóдный брат — матеря́ у нас были сёстры родные;*
страшнóй ‘некрасивый’: *рыжий-рыжий был, а так не страшнóй был, хоть рыжий;*
сум́ина ‘мешок, навьючиваемый на лошадь’;
хлеушóк ‘постройка для кур’;
челядá ‘дети, ребятишки’, и др.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ языкового материала позволяет с уверенностью говорить о том, что говор бухтарминских старообрядцев-«каменщиков» является первичным по отношению ко вторичному говору синьцзянцев Южной Америки. При этом вторичный говор значительно превосходит первичный по степени сохранности традиционных диалектных черт, что, как хорошо известно, характерно для говоров старообрядцев в целом.

4. Нуждается в уточнении характер вокализма после твердых и мягких согласных в говоре бухтарминских «каменщиков», отмеченный Н. П. Гринковой в 1927 г.

4.1. По ее словам, в бухтарминских говорах «после непалатализованных согласных этимологическое *a* сохраняется как *a*: *травá, самá* и т. п. Этимологическое *o* звучит в первом предупредном слоге как *a*: *вадá, ваз'мú, памнóгу, палéхше...*». Таким образом, местной диалектной системе присуще сильное аканье [Гринкова 1930: 439]. Между тем Л. Л. Касаткин, исследовавший говор синьцзянцев в Северной Америке, отметил, что их говору свойственно аканье «при узком челюстном растворе, что характерно для говоров с бывшим *o k a n ь e m* [разрядка авторов. — О. Р., Д. С.]. Следствием такого раствора является такой вид аканья, когда на месте /o/ и /a/ в 1-м предупредном слоге после твердых согласных обычно произносится гласный

среднего ряда среднего подъема [э] перед всеми ударными гласными: *рэд'ылэс', стэр'ик, в аднү, с вадбй, хэц'эл'и, вэйнá, нэ гэрáх...*» [Касаткин 2008: 579–580].

Данные, собранные на Бухтарме в 2011 г., также расходятся с данными Н. П. Гринковой. В речи информантов старшей возрастной группы (1920-х годов рождения) обнаружен особый тип вокализма, который можно квалифицировать как переходный от оканья к аканью. Инструментальный анализ звукового материала показывает, что в качестве основных репрезентантов фонемы /о/ в первом предударном слоге в рассматриваемом слое говора преобладают гласные [о] и [э]: *с[о]всём, э[о]дү, д[о]скá, нарк[о]мáны, в к[о]лхóзе, к[э]мү, п[э]шлá, р[э]дýлáсь, х[э]тél, мол[э]тýли* и др. В качестве факультативного варианта иногда появляется гласный более высокого (чем [э]) уровня подъема [ы]: *р[ы]дýлáсь, ст[ы]т.* Иначе говоря, на месте фонемы /о/ в безударной позиции произносятся как лабиализованные, так и нелабиализованные гласные. Основные репрезентанты фонемы /а/ — гласные [а] и [э], отличающиеся друг от друга уровнем подъема: *эл[а]вáрь, т[а]бáк, ст[а]рýнной, д[э]внóшней, зам[э]шýной, д[э]внó, д[э]внýм* и др. В этой позиции также возможен гласный типа [ы]: *мáг[ы]зýн, бóг[ы]чéй.* Понижение частоты F_1 у предударного звука на месте фонем /о/ и /а/ в примерах типа *ст[ы]т* и *бóг[ы]чéй* связано с качеством следующих за ним звуков: гласного переднего ряда или мягкого согласного.

Гласный [о], который произносится на месте /о/ в первом предударном слоге приблизительно в половине случаев, также можно охарактеризовать как слабиализованный, упрежденный звук с $F_2=1400–1500$ Гц, что свидетельствует о постепенном смещении аллофонов соответствующей фонемы в область среднего ряда среднего подъема. Подобные гласные изредка произносятся также в позиции второго предударного слога, как правило, после губных согласных (наряду с более распространенным [э]): *м[о]лотýли*, но *х[э]рошó, м[э]локó* (см. График 1).

Иначе говоря, в первичном говоре происходит постепенный отход от полного оканья через ступень неполного оканья владимирско-поволжского типа к неразличению фонем /о/ и /а/ в безударной позиции, их совпадению в гласном типа [э]. Во вторичном говоре синьцзянцев можно наблюдать заключительный этап этого процесса. Как правило, фонемы /о/ и /а/ в первом предударном слоге реализуются гласным средне-нижнего подъема [а] («поджатое а») и гласным [э]: *нр[а]стýте, н[а]трáтили, нáсп[а]ртá, с[а]дýтэсь, м[а]шýны, позв[э]нýла.* В этой позиции возможен и широкий гласный [а]: *к[а]гдá, д[а]вáли*, а перед мягкими согласными и передними ударными гласными — упрежденный э-образный гласный: *ск[э]рée, с [э]мэрики.* В редких случаях произношение гласного [о] на месте /о/ (то есть следы оканья) возможно во втором предударном слоге после губного согласного: *н[о]звонýла.*

Обращает на себя внимание архаическая особенность, зафиксированная в говоре жителей Казахстанского Алтая, — следы волнообразного ритмического контура. Сигналом такой словесной просодии оказывается пониженная интенсивность и длительность гласного первого предударного слога по сравнению с ударным. Например, в форме *молáц'ыл'и*, приведенной на Графике 1, во втором предударном слоге произносится более длительный, напряженный и менее централизованный гласный, чем в первом предударном ([о] — 82 мсек, 68 dB, $F_1=430$ Гц, $F_2=950$ Гц;

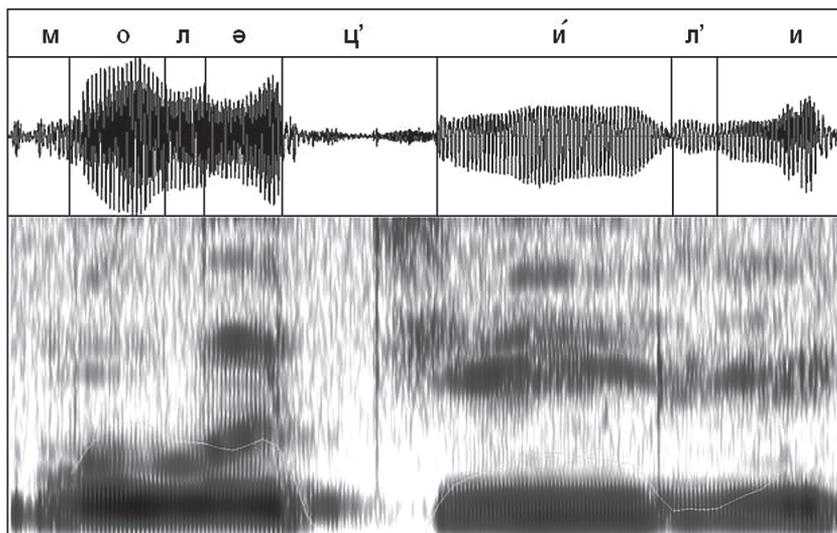

График 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы молотіли

[э] — 71 мсек, 65 dB, $F_1=410$ Гц, $F_2=1650$ Гц). Возможно, с этой же особенностью связано и спорадическое произношение гласного [о] именно во 2-м предударном слове в говоре синьцзянцев Южной Америки.

По мнению ряда исследователей, волнообразный ритмический контур был характерен не только для древнерусского языка, но, возможно, для праславянского, а также индоевропейского праязыка. Следы этого более древнего фонетического оформления слова до сих пор отмечаются в архаических севернорусских говорах, о чем свидетельствуют «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неконечном слове и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47], а также в некоторых других славянских языках, подробнее см. [Савинов 2013: 55–57].

4.2. По данным обследования 2011 г., после мягких согласных в бухтарминском говоре функционирует сильное еканье с единичными случаями произношения в первом предударном слове гласного [’а] на месте этимологического *a*, а также [и], главным образом, в отрицательной частице *не-*: с[’е]п’о́м, в[’е]з’а́ть, гр[’е]б’ла́, вр[’е]д’а́, ув[’е]з’ли́, нос[’е]д’е́л, гл[’е]д’е́л, л[’е]т’и́т, кол[’е]с’о́, бел[’а]к’а́ми, н[’и]сл’ы́шала, н[’и]на́до и др. Это наблюдение также не соответствует данным Н. П. Гринковой, которая писала, что местному говору свойственно сильное яканье с элементами еканья: «причем *a* отмечено по преимуществу в случаях перед следующим лабиализованным согласным, реже перед палатализованными, *e* (еканье) отмечено исключительно перед палатализованными согласными и притом весьма редко» [Бухтарминские старообрядцы 1930: 439–440].

Говор синьцзянцев Южной Америки перешел с еканья на иканье, о чем свидетельствует не только слуховой анализ их звучащей речи, но и данные письменной речи. Так, в рукописи книги Д. Т. Зайцева многочисленны примеры типа *диревня*, *на дитеи*, *заввила*, *ко всиму*, *на биригу* и под. [Ровнова 2014: 376].

5. Современный говор бухтарминцев Казахстанского Алтая и синьцзянцев Южной Америки совмещает черты южнорусских и севернорусских говоров.

К севернорусским чертам относятся: сохранение различия гласных неверхнего подъема в безударной позиции, наличие следов волнообразной ритмической структуры слова, утрата конечного *-т* в сочетании *-ст*, прогрессивное ассимилятивное смягчение всех заднеязычных согласных, широкое распространение стяжения гласных в результате выпадения *j* между гласными и их ассимиляции в формах прилагательных и глаголов, произношение гласного [а] в корнях глаголов *сесть* и *лечь*, отнесенность одушевленных существительных с суффиксом *-шик-* ко 2 склонению. Севернорусским говорам может быть свойственно и еканье, то есть неразличение безударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных. Так, сочетание полного оканья с особой системой вокализма после мягких согласных, близкой «к неразличению гласных», характерно для Костромской группы Северного наречия [Захарова, Орлова 1970: 115].

К южнорусским чертам относятся утрата смычки у аффрикат *ч* и *ц*, цеканье и дзеканье, флексия *-ы* в форме И.-В. п. мн. ч. существительных ср. р., флексия *-ут* (*-ют*) в форме 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения. Наличие окончания *-ым/-им* в форме II. п. ед. ч. м. р. прилагательных характеризует как северо-западные, так и восточные говоры (эта особенность считается характерной чертой Владимирско-Поволжской группы восточных среднерусских окающих говоров) [ДАРЯ 1989: карта 46; Захарова, Орлова 1970: 155].

Как произошло совмещение южных и северных черт? Как известно, на Бухтарму старообрядческое население пришло с реки Керженец, которая берет начало на севере Нижегородской области и впадает в Волгу; этим и объясняется название «кержаки». Здесь же на Алтае недалеко от кержаков по рекам Ульба и Убе жили «поляки» — также старообрядцы, переселенные сюда в 1765 г. с Ветки и Стародубья [Бухтарминские старообрядцы 1930: 2–3, 11–12], носители южнорусского говора. По мнению Л. Л. Касаткина, именно у «поляков» кержаки заимствовали некоторые юго-западные черты, в частности произношение [ш'] в соответствии с *ч* и [с] — в соответствии с *ц* [Касаткин 2008: 579]. Возможно, о неисконности этой черты в говоре кержаков косвенно свидетельствует один факт. В речи кержаков после звука [ш'] (из *ч*) происходит прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных: *рj[ш'к'] а, нé[ш'к']у* и др., тогда как в юго-западных русских говорах этого не происходит [ДАРЯ 1986: карта 66]. Эта особенность обусловлена тем, что в исконном говоре кержаков звук, произносившийся в соответствии с *ч*, был мягким, поэтому после него происходило смягчение заднеязычных. Отсутствие смягчения заднеязычных после [ш'] на юго-западной территории «объясняется наличием там в прошлом твердого [ч]», на месте которого и появился мягкий шипящий [Касаткин 1968: 79].

6. Лингвогеографический анализ диалектного материала позволяет высказать предположение о территории, говоры которой стали севернорусской основой акающего среднерусского говора кержаков — «каменщиков» и «синьцзянцев».

По комплексу диалектных черт этот говор сближается с говорами северо-востока Нижегородской, юго-запада Кировской и востока Костромской областей. Так,

на указанной территории отмечены «единичные случаи» употребления [ш'] и [с] в соответствии с *ч* и *ц* [ДАРЯ 1986: карты 45, 46], окончание *-ым/-им* в форме П.п. ед.ч. м.р. [ДАРЯ 1989: карта 46], глагол *мóрговать* в значении 'брезговать' [ДАРЯ 2004: карта 97] и некоторые другие черты, отмеченные у «кержаков». Возможно, первая встреча севернорусской группы старообрядцев, которая в дальнейшем получит названия «кержаки», «каменщики», «синьцзянцы», и «поляков», переселявшихся с юго-западных земель на восток, произошла еще на Керженце. Видимо, именно на это указывают отмеченные здесь «единичные случаи» утраты аффрикатами смычки, тогда как в говоре «кержаков», переселившихся, как и «поляки», на Алтай, эта особенность стала последовательно проведенной диалектной чертой.

Литература

Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013.

Бухтарминские старообрядцы [Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Серия Казакстанская]. Л., 1930.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. I: Фонетика. М., 1986; Вып. II: Морфология. М., 1989; Вып. III (Ч. 2): Синтаксис. Лексика. Карты. М., 2004.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Зайцев Д. Т. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева / подготовила к изданию О. Г. Ровнова. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах. М., 1968.

Касаткин Л. Л. Исследование русских говоров старообрядцев в Институте русского языка В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 573–608.

Касаткин Л. Л. Сохранение в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох // Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2013. С. 424–442.

Ровнова О. Г. Экспедиция в Казахстанский Алтай // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 298–391.

Ровнова О. Г. Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М., 2014. С. 374–399.

Ровнова О. Г. «По спичьы» и «за спичьями»: наблюдения над междиалектными контактами в старообрядческих общинах Южной Америки // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского

языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 1 ноября 2015 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 173–175.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.

Olga G. Rovnova, Dmitry M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

supilinn@mail.ru, crillon@yandex.ru

**INTERRELATION OF FEATURES OF PRIMARY AND SECONDARY
DIALECT (OLD BELIEVERS «KAMENSHIKI» OF THE KAZAKH ALTAI
AND «SINTSZYANTSY» OF SOUTH AMERICA)**

Many villages along the Bukhtarma River in the Kazakh part of Altai are places of “exodus” of Old-Believers towards the Chinese province of Western Xinjiang in the 1930s and later to South America. “Sintszyantsy” has become a new nickname for their groups, appeared to replace the old nickname “kamenshchiki”. Bukhtarminsky dialect is considered to be a mother tongue or a primary dialect in relation to a resettled, secondary dialect of the South American “sintszyantsy”.

The article is based on the expedition material recorded by O.G. Rovnova on the Bukhtarma, in Zyryanovsky district of the East Kazakhstan region (2011) and in the settlements of “sintszyantsy” in Argentina (2006, 2011, 2012), Brazil (2008, 2010). It provides a comparative description of the language situation and confessional culture in the Old Believers’ settlements of Kazakhstan and South America as well as the correlation of dialect features of the same Russian dialect, divided geographically. Due to the use of instrumental methods, the nature of vocalism after hard and soft consonants has been clarified. It has been made the general conclusion that according to the complex of dialect features the dialect is similar to dialects of the northeast of Nizhny Novgorod, the south-west of Kirov and the east of Kostroma region. The dialects of this territory are the North Russian base of the Middle Russian dialect of “sintszyantsy” and “kamenshchiki”.

Key words: Russian dialects of Old Believers, migration, language contacts, primary and secondary dialects.

References

Al'mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. *Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh* [The reduction of the vowel sounds and prosody of the word in the Russian dialects with ‘okanie’]. Kazan', 1980.

Argudyayeva Yu. V., Khisamutdinov A. A. *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: russkiye staroobryadtsy* [From Russia through Asia to America: Russian Old-Believers]. Vladivostok: Dal'nauka, 2013.

Bukhtarminskiye staroobryadtsy [Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy. Vyp. 17. Seriya Kazakhstanskaya] [Bukhtarma Old-Believers [Materials of the expedition research commission. Issue 17. The series of the Kazakstan]]. Leningrad, 1930.

Dialektologicheskiy atlas russkogo yazyka. Tsentri Yevropeyskoy chasti SSSR [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR]. R. I. Avanesov, S. V. Bromley (Eds). Issue I, Phonetics, Moscow, 1986; Issue II, Morphology, Moscow, 1989; Issue III (Part 2), Syntax, Vocabulary, Cards, Moscow, 2004.

Gerd A. S. *Vvedeniye v etnolingvistiku* [Introduction to the ethnolinguistics]. St. Petersburg, 2005.

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [The Dialectal Division of the Russian language]. Moscow, 1970.

Zaytsev D. T. *Povest' i zhitiye Danily Terent'yevicha Zaytseva* [Zaitsev D. T. The Tale and the Life of Danila Terentyevich Zaitsev] prepared for publication O. G. Rovnova. Moscow, Alpina non-fiction, 2015.

Kasatkin L. L. *Progressivnoye assilyativnoye smyagcheniye zadneneznykh soglasnykh v russkikh govorakh* [Progressive assimilative softening of backward consonants in Russian dialects]. Moscow, 1968.

Kasatkin L. L. [Studies in dialects of the Russian Old-Believers at the Vinogradov Russian Language Institute (RAS)]. *Russkiye staroobryadtsy: Yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statey k XIV Mezhdunarodnomu s'yezdu slavistov* [Russian Old-Believers: Language, Culture, History. Collected articles for the 14th International Congress of Slavists]. L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, 2008, pp. 573–608. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Preservation of dialects features of past epochs in dialects of Old-Believers]. *Yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statey k XV Mezhdunarodnomu s'yezdu slavistov* [Russian Old-Believers: Language, Culture, History. Collected articles for the 15th International Congress of Slavists]. L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, 2013, pp. 424–442. (In Russ.)

Rovnova O. G. [Expedition to the Kazakhstan Altai]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. No 1 (23), Moscow, 2012, pp. 298–391. (In Russ.)

Rovnova O. G. [The dialect of the South American Old-Believers (handwritten data)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. No. 3. Dialektologiya* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute. III. Dialectology]. Moscow, 2014, pp. 374–399. (In Russ.)

Rovnova O. G. [“Po spich”yi” and “za spich”yami”: observations of interdialect contacts in the Old-Believer communities of South America]. *Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Yevrope: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii 30 oktyabrya — 1 noyabrya 2015 g.* [Actual problems of Russian Dialectology. To the 100th anniversary of the publication of the Dialectological Map of the Russian language in Europe: Abstracts of the International Conference October 30 — November 1]. Moscow, The Vinogradov Russian Language Institute (RAS), 2015, pp. 173–175. (In Russ.)

Savinov D. M. *Evoluytsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vowel systems in South Russian dialects]. Moscow, 2013.

ЭТИМОЛОГИЯ

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

(Россия, Москва)

zhannavarbot@yandex.ru

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРАСЛАВЯНСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ И ЭТИМОЛОГИЯМ. VII*

В статье¹ рассматриваются структурные и семантические аспекты трех русских диалектизмов в их соотношении с реконструируемыми праславянскими лексемами: (1) псков. *остегноваться* ‘обосноваться, поселиться (где-либо)’ — как свидетельство первичности корневого *ь* в **stьgna* в восточнославянских диалектах; (2) перм. *прорышелиться* ‘прогуляться’ — как подтверждение семантики быстрого движения для корня **рух-* в гнезде **рух-* / **ръх-* / *рух-* ‘рушить’ в русском языке; (3) псков. *оскорок* ‘искра, лучина’ — как подтверждение образования слова **jьskra* в гнезде **sker-* ‘резать, драть’.

Ключевые слова: этимология, реконструкция праславянской лексики, диалектизмы, модели мотивации в этимологии.

Пск. *остегноваться* (к праслав. **stogna*)

Этот глагол зафиксирован со значением ‘обосноваться где-нибудь, поселиться’ [Пск. обл.сл. 23: 435]. Достаточно надежной представляется его производность от др.-русск. *стьгна* ‘площадь, улица, переулок’: Изиди скоро на распутия и стьгны граду [Остр. ев. 1о7 об. 1057 г. — СлРЯз XI–XVII вв.28: 41].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

¹ I–V статьи этой серии были опубликованы в 2002–2010 гг. в различных отечественных и зарубежных изданиях и объединены позднее в томе: Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.- СПб, Нестор-История, 2012. С. 453–466. Там же см. информацию о первых публикациях. VI статья опубликована в: «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IV. Этимология. М.:2015, С.126–137.

Появляется и написание *стыгна*: И бысть бежание по стьгнам [Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 177– там же 72], которое с XVI в. закономерно преобразуется в *стогна*. Формы других славянских языков свидетельствуют о первичности **stьgna*: ср. ст.-слав. стьгна, польск. *ściegna*. Поэтому слово связывают со **stьga* ‘тропа’ и возводят к гнезду *-стигать* (праслав. **stьg-* / **stig-*), причем для объяснения русского вокализма *стогна* принимается ассимиляция гласных [Фасмер III: 763]. Подтверждением этой этимологии является отмеченное в XVII в. русск. *стогна* ‘тропа’: Стогна — дорожка малая [Алф¹, 215 об. XVII в. — СлРЯз XI–XVII вв. 28: 72].

На фоне славянских соответствий и возобладавшей в русском литературном языке (как устаревшей и поэтической) формы *стогна*, псковское диал. *остегноваться* примечательно сохранением исходной ступени вокализма корня и развитием значения в производном глаголе (ср. село — *поселиться*).

Перм. *прорышѣлиться* (к праслав. **rychlъjь*)

Глагол представлен в словаре со значением ‘прогуляться’ [Перм. сл. 2:234]. Генетические связи его не столь прозрачны, как в предыдущем случае. Возможность выделения корня *-рыш-* с суффиксом *-ел-* дает основания для предположения о связи с русск. *рыхлый* < праслав. **rychlъjь*. Кроме русского языка, продолжения этого прилагательного известны также украинскому языку (*ріхлий*) и белорусскому (*рыхлы*) с общим значением ‘неплотный, сыпучий, мягкий’ и группе западнославянских языков: чеш. *rychlý*, словц. *rychly*, в.-луж., н.-луж., польск. *rychły* — все со значением ‘быстрый, скорый’.

Указанное различие в семантике прилагательного **rychlъjь* в восточнославянских и западнославянских языках стало для В. Махека основанием для генетического различения двух форм как омонимичных. Относительно восточнославянской Махек разделяет общую точку зрения — принадлежность к праслав. этимологическому гнезду **rьx-* / **rix-* / **ryx-* с исходной семантикой разрушения, разваливания, рыхления, а для западнославянской формы Махек предположил родство с лит. *rūkti* ‘быстро бежать’ [Machek 1997: 526–527], считая достаточно частой замену *k/ch*. Версия Махека не принята последующими исследователями. Помимо вероятности семантического развития **rychlъjь* как производного гнезда **rьx-* / **rix-* / **ryx* ‘разрушенный’ > ‘разваливающийся’ > ‘быстро движущийся’ [Grálik 517], вполне убедительно наличие семантики быстроты также в производном того же гнезда, но с другой ступенью огласовки корня — укр. *рухливий* ‘подвижный, проворный’ [Гринченко IV: 89].

С точки зрения лингвогеографии полезно отметить фиксацию не только в западнославянских языках, но и в русском языке основы **ryxl-* с семантикой быстроты: это диал. костр. наречие *рыхло* ‘быстро, скоро’ (*Отбирай рыхлей*) [СРНГ 35: 322]. Подобным же свидетельством представляется диал. перм. *прорышѣлиться* ‘прогуляться’, с той же огласовкой корня, близкой к *рыхло* по структуре форманта и семантике движения.

Псков. *оскорка* (к праслав. **jьskra*)

Относительно происхождения праслав. **jьskra* существует несколько версий, но решительно преобладает реконструкция корня **jьsk-/ *jěsk-* с индоевропейскими связями, отражающими семантику ‘гореть, пылать, жар, светлый, ясный’ [Фасмер II: 140; ЭССЯ 8: 239–240; ЭСБМ 3: 400; ЕСУМ 2: 318–319; Borys 206; Snoj 188; Králik 237]. Особняком стоит не получившая распространения версия Махека: родство с лит. *iš-skriėti* ‘вылетать’, предполагающая обозначение частиц, вылетающих из огня [Machek² 227]. Однако именно с этой версией связано мотивационно толкование, предложенное А. Ф. Журавлевым, также не получившее поддержки в этимологических исследованиях, но представляющееся весьма обоснованным: первичное значение слова реконструируется как ‘осколок, отлетевшая частица’, при последующем осложнении добавочным семантическим элементом ‘раскаленный, вылетевший из огня’, с производностью от корня *(*s*)*ker-* ‘резать, отделять’ и префиксом **jьz-* [Журавлев 1989: 80–81].

Существенным аргументом в пользу версии происхождения праслав. **jьskra* из гнезда *(*s*)*ker-* ‘резать, отделять’ является русск. диал. псков. *оскорка* ‘искра, обожженная лучина, лучина для растопки’: представленные значения слова непосредственно указывают на развитие семантики от ‘обрубок’ / = осколок’ к ‘искра’, огласовка корня — на реальность производности от корня **sker-*.

Литература

- Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. I–IV.
ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
Журавлев А. Ф. Слав. **jьskra*. Рус. *искрометный*. In: Этимология. 1986–1987, Москва, 79–83.
Перм. сл. — Словарь пермских говоров / Сост. : Бажутина Г. В., Борисова А. И., Подюков И. А. и др. Вып. 1–2-. Пермь, 2000–2002-.
Псков. обл. сл. — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. Вып. 1–23. Л.-СПб. госунив. 1967–2012-.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–29), Р. Н. Кривко (вып. 30). Вып. 1–30-. М., 1975–2015.
СРНГ — Словарь русских народных говоров, гл. ред. Ф. П. Филин (1–23), Ф. П. Сорокалетов (24–49), Ленинград = СПб., 1965–2016-.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / гл. ред. Мартынов В. У. Мінск: 1978–2010. Т. I-13-.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып.33–39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып.40). М.: «Наука», 1974–2016-.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. [Etymological dictionary of Polish language] [Kraków]: Wydawnictwo literackie, [Kraków], 2005. 861p.

Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava 2015.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé opravené vyd. Praha, 1997

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.

Zhanna Zh. Varbot

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

zhannavarbot@yandex.ru

**RUSSIAN DIALECTAL ADDITIONS TO PROTO-SLAVIC
RECONSTRUCTIONS AND ETYMOLOGIES. VII**

The article comprises three sketches, each proposing structural and semantic aspects of Russ. dialectal words in connection with reconstructed Proto-Slavic lexical units: (1) Pskov. *остегноваться* ‘settle’ — as evidence for primary *ь* in **stьgna* in East Slav. dialects; (2) Perm. *прорыиелиться* ‘take a walk’ — as supporting the semantics of swift movement for the root **ryx-* in the word-family **rux-* / **rъx-* / *ryx-* ‘destroy’ in Russ.; (3) Pskov. *оскорок* ‘spark, spill’ — as corroboration for the origin of the formation **jьskra* within the word-family **sker-* ‘cut, break’.

Key words: etymology, reconstruction of Proto-Slavic lexicon, dialect words, models of motivation in etymology.

References

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo jazyka* [Dictionary of Ukrainian language]. Kyjev: 1907–1909, V. I–IV.

Etymalagichny sloŭnik belaruskaj movy [Etymological dictionary of the Belorussian language]. Martynaŭ V.U. (ed.). Minsk, 1978–2010. V. 1–13.

Etimologichnii slovník ukráins'koj movi. O.S. Melnichuk (Ed.). Iss. 1–6, Kiiv, 1982–2012.

Etimologičeskii slovar' slav'anskih yazykov. Praslav'anskii leksičeskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. O.N. Trubachev (Ed.) (iss. 1–31), O.N. Trubachev (Ed.), A.F. Zhuravlev (Ed.) (iss. 32), A.F. Zhuravlev (Ed.) (iss. 33–39), A.F. Zhuravlev (Ed.), Zh. Zh. Varbot (Ed.) (iss. 40).]. Iss. 1–40-.Moscow, Nauka Publ. 1974- 2016- (In Russ.).

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Dialectal Dictionary with Historical Data]. Eds. Larin B. A., Gerd A. S., Gluskina S. M. and others. L.-SPb: 1967–2012-. V. 1–23-. (In Russ.)

Slovar' permskikh govorov [Dictionary of Permish dialects]. Coll.: Bazhutina G. V., Podjukov I. A. and others. Perm': 2000–2002-, v. 1–2-. (In Russ.)

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII v.v. [Dictionary of Russian language XI–XVII cent.]. Eds.: Barkhudarov S. G. (iss. 1–6), Filin F. P. (iss. 7–10), Shmelev (iss. 11–14), Bogatova G. A. (iss. 15–26), Krysko V. B. (iss. 27–29), Krivko R. N. (iss. 30). M.: 1975–2015-. (In Russ.)

Slovar' ruskikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Ed. Filin F. P. (iss. 1–13), Sorokoletov (iss. 24–49). L.-SPb: 1965–2016-. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka* [Russian etymological dictionary]. Translation and additions by O. N. Trubachev. Moscow, 1964–1973. V. I–IV. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. Slav. *jъskra, Rus. искромётный. *Etimologija. 1986–1987* [Etymology 1986–1987]. Moscow: 1989. P. 79–83. (In Russ.)

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of Polish language] [Kraków]: Wydawnictwo literackie, [Krakow], 2005. 861 p.

Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.

Machek V.. *Etymologický slovník jazyka českého*. Druhé opravené vyd. Praha, 1997

Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, 1997.

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД*

Предметом рассмотрения стали диалектные слова, которые по форме и по значению ограничены в своем распространении русскими диалектами. Такие локально ограниченные явления позволяют полнее представить состав морфологических вариантов слова, расширить наши знания о семантическом наполнении слова.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, русские диалекты, семантика.

Мат

В этимологической литературе это слово, чаще всего употребляемое в сочетании *кричать благим матом*, т.е. очень громко, либо оставляют без объяснения [ср. Mikl. 184], либо необоснованно производят от звукоподражания, междометия *ма! мя!* [Преобр. 515]. Справедливо отклоняя как неубедительные попытки сравнения с скр. *mímāti* ‘блекочет, рыкает, кричит’, греч. *μῦκαωοῦαι* ‘блею, кричу’ [Горяев 203], Фасмер склоняется к объяснению от шахматного термина *мат*, который через нем. *matt*, *schachmatt* и т.п. пришел из араб. *eš šāh māt* ‘король умер’, отсюда ит. *matto* ‘безумный, помешанный’, нем. *matt* ‘вялый, слабый’ [Фасмер II: 579–580]. В ЭССЯ [18: 10–11] приводится рус. *мат* со ссылкой на работу В. А. Меркуловой [Меркулова 1979: 92–94], в которой с привлечением большого диалектного материала очерчивается круг родственных слов и их семантические взаимосвязи, определяются истоки слова в гнезде, объединяющем продолжения гл. **majati*, **mamiti*, **maniti*, **mataiti* с исходной основой **ma-*, расширенной элементами *-m*, *-n*, *-t* [Меркулова 1979: 92–94; ЭССЯ 17: 236;].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

С выходом в свет новых лексикографических источников и новых этнокультурных и этнолингвистических исследований расширяется общее пространство когнитивных поисков, появляется возможность в более широком контексте охарактеризовать рус. *mat* и родственные ему образования как слова, относящиеся к определенной понятийной сфере — сфере народных представлений о привидениях, призраках. Эта идея, намеченная, но не получившая развития в работе В. А. Меркуловой и в ЭССЯ, представляется вполне плодотворной, поскольку через исходную сферу функционирования слова раскрывается мотивация семантических взаимосвязей.

Как показывает анализ материала, истоки слова кроются в древних представлениях о невидимых силах, способных внести изменения в жизнь человека. Человек стремился постичь внутренний смысл окружающего земного мира через мир воображаемый, через невидимую реальность, которая наполнялась видениями, образами, мифологическими персонажами, воздействию которых приписывались изменения в природе, в жизни человека. Наблюдается разная степень персонификации этих явлений. Домовые, лешие и т.п., способные повлиять на жизнь человека, были наделены конкретными характеристиками. Невидимая, непонятная сила может быть лишена конкретного образа, но представления о ней складывались по тем изменениям, которые проявлялись в окружающем мире или в жизни человека. В воображаемом мире об их существовании напоминали болезни, недуги, изменения погоды и т.п. Представления о явлениях, необъяснимых, неведомых, но определяющих взаимосвязь незримого с реальным видимым миром, находят воплощение в вербальных единицах, через семантику и характеристику которых в определенных контекстах раскрывается сверхъестественный мир со своими мифологическими персонажами и способами их вмешательства в ход людских событий. И русский материал в контексте широких славянских связей дает основания для такого рода выводов. Воздействие внешних скрытых, невидимых сил обозначается в русском языке безличными конструкциями с гл. *чудиться*, *казаться*, *мерещиться*, *маячить*, *вержиться* и т.п. [СД 4: 263–265]. К мифологическим образам, обозначенным по глаголу, можно отнести рус. *мані́лко* ‘домовой, нечистый дух’ < *манить* безл. ‘чудиться’ [ЭССЯ 17: 198, 196], **matъ* (чеш. диал. *mat* ‘привидение, призрак’), **mamidlo*/ **mamilo* (ср. словен. *mamilo* ‘одурманивающее средство’, польск. *mamidlo* ‘призрачное видение’ и т.п.) ~ **mamiti* [ЭССЯ 17: 189, 187]. К разряду видений, привидений относится сохранившееся в русских диалектах *mat* в прямом значении ‘призрак, привидение’ (новг., Белозерье), ср. также блр. диал. *mat* ‘отчаяние, ужас’, передающее тревожное состояние, беспокойство, связанное с проявлением призрака и т.п. [СРНГ 18: 20; Меркулова 1979: 92–93].

На остальной славянской территории слово **matъ* в такой форме не засвидетельствовано, но представлено производное на *-oga* — **matoga* у южных и западных славян в качестве обозначения привидения, призрака, которые проявляются в форме разных мифологических персонажей (домовой, злой дух и т.п.): ср. словен. *matoga* ‘некое страшилище, привидение’, чеш. *mátoha* ‘злой дух, привидение’, ст.-польск. *matoga* ‘домовой’ и т.п. [ЭССЯ 18: 5]. Непосредственно с обозначением

злого духа связаны отыменные образования — чеш. *mátožiti* 'страшить, бредить, грезить, фантазировать' [Kott I: 988; u mor. Valach.; VI: 946], словц. *mátožit'* '(про) являться как привидение; блуждать' и т.п. [подробнее см. ЭССЯ 18: 7]. В русских диалектах отсутствуют продолжения **matoga*, но представлено производное от этого имени — гл. *mátožit'* в значении 'слегка покрываться тучами, становиться пасмурным' (пск.) [СРНГ 18: 33]. Состояние атмосферы, наметившееся изменение погоды в сторону ухудшения обозначено глаголом, производным от не засвидетельствованного на русской территории имени **matoga*. Древние представления об изменениях во внешнем мире и, в частности, в воздушном пространстве под воздействием сил, незримых, лишенных внешнего облика, переосмысляются и трансформируются в конкретный образ, состоящий из визуально наблюдаемых признаков и явлений, и таким образом на первый план выходят внешние проявления невидимых, скрытых сил (ср. в нашем случае это *тучи, пасмурно*), размывается и даже стирается понимание причинно-следственных отношений на глубинном уровне.

Лексика русских диалектов позволяет расширить состав гнезда рус. *мат*. Лишь на русской территории находим отыменный гл. *матить*, который в значении 'чуть-чуть виднеться, слабо примечаться' (сев.-двин.), 'чуть-чуть припоминаться; бредить' [СРНГ 18: 29] связан с проявлением некоей сверхъестественной, невидимой и непонятной силы. Этот глагол в русских диалектах имеет широкий круг значений, в которых можно видеть переосмысление исходного значения, связанного в общем плане с проявлениями расплывчатого, неясного, нечетко выраженного состояния, проявления внешнего воздействия: ср. физическое состояние: 'о состоянии нездоровья, недомогания', 'тошнит, мутит' (перм.), то, что относится к сфере психологического состояния человека: 'переживать, волноваться за кого-, что-л.' (свердл.), 'надоедать, наскучивать; досаждать' (перм.), 'мучить' (казан.), 'смущать' (сев.-двин.), с этим связан переход к обозначению препятствия, обусловленного состоянием человека, — 'препятствовать, мешать, замедлять что-л.' (вят.) [СРНГ 18: 29; подробнее Меркулова 1979: 92]. К продолжениям того же глагола с преф. *с-* относятся диал. *сматить* 'измучить, лишить покоя' [Сл. Мордовии II: 1183], 'измучить, извести, одолеть кого-л.' (казан., волог., яросл.), 'надоедать, мешать кому-л. работать' (яросл.), 'заболеть' (свердл.) и семантически связанное с ним *сматить* 'сбить с правильного пути, соблазнить, уговорить, убедить сделать что-л.' (ульян., яросл., влад.), *сматило* безл. 'смутило, привело в смущение' (яросл.) [СРНГ 38: 346]. Семантика глагола в диалектах свидетельствует об утрате связей с первоначальной сферой употребления.

В это же гнездо включаются отыменный слав. гл. **matati* (ср. с.-хорв. *matati* 'приманивать, привлекать', словц. *mátat'* 'ходить как привидение; вызывать в ком-л. страх, пугать кого-л.' и т.п.) [ЭССЯ 17: 235], рус. *матно* безл. 'о состоянии усталости и скуки' [Вят. сл. 6: 28], *суматоха* 'спор, беспокойство', 'суматошный, суетливый человек', 'пугливая, суматошная овца', 'метель' (костр.) [СРНГ 228–229], если верно предположение об образовании от *су-* (< **sq*) + *матовать* 'беспокоить, приводить в смятение', сближаемого с гл. *маять* [Фасмер II: 582; III: 802].

В старых текстах и особенно в диалектах *мат* употребляется в сочетании с прилаг. *благой* (<цслав.), которое в памятниках с XVI в. и в диалектах известно в значении ‘дурной, скверный’, ‘сердитый, злой’, ‘беспокойный, озорной, проказливый’ и т.д.: ср. ст.-рус. *благой слонь* ‘злой, свирепый’, *по благимъ мѣстамъ* ‘по плохим местам’, рус. диал. *благой человек* ‘негодяй’, *благой умом* ‘взбалмошный’, *ребенок благой* ‘беспокойный’ и т.п. [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 191; СРНГ 2: 307–308]. Поляризации значений у слова *благой* — это пример развития взаимоисключающих друг друга значений (ср. еще с.-хорв. *вДсео* ‘веселый, жизнерадостный’ и ‘бедный, несчастный’) [SP 1: 307]. В диалектах отмечены устойчивые формулы *благим мѣтом*, *лихим мѣтом* ‘(бежать, побежать) очень быстро, изо всех сил, поспешно’ (нижегор., вят.), *тихим мѣтом* ‘тихо, неспешно, осторожно’ (олон.) [Вят. сл. 6: 28; Сл. Карелии 3: 201], *скакать лихим матом*, *тихим матом*, в которых через прилагательное определяется характер проявления невидимой силы, обозначенной лексемой *мат*. В небольшой незаконченной заметке В.В. Виноградов приводит примеры из литературы: «... со страху побежали мы все *благим матом* из горницы» (1781 г.), «Я, не взирая на продолжение моей болезни, решился *благим матом* ехать» (1878 г.) [Виноградов 1994: 59–60]. В этих сочетаниях значение сопутствующего прилагательного помогает понять, в каком направлении шло воздействие тайной, скрытой, невидимой силы: она ускоряет движение или, наоборот, его замедляет, делает тихим, незаметным. В отрыве от первоначальной понятийной сферы складывается в диалектах вторичная семантика — *мат* ‘громкий голос’, нареч. *матом* ‘очень громко, сильно’, истоки такого значения, вероятно, в первоначальном сочетании с прилаг. *благой* в значении ‘лихой, злой’ [СРНГ 18: 19]. Эти сочетания встраиваются в один тип с такими выражениями, как *каким духом*, *каким ветром*, *каким лешим*, *каким Макаром* [об этом имени см. Топоров 2/1: 84–89], т.е. с помощью невидимой силы, которая приписывается ветру, лешему и т.п.

Щель

В гнезде не сохранившегося в славянских языках гл. ***skelti*, родственного лит. *skelti* ‘колоть, раскалывать’ < и.-е. **skel-/skol-* ‘колоть, раскалывать, расшепять’ [Pokorny I: 923], находим образования с разной огласовкой корня и преобразованиями исходной семантики в разных направлениях: ‘колоть, раскалывать’ > ‘узкое отверстие’ (рус. *щель*), ‘скалить зубы’ (*ощелить* ‘оскалить’ [Сл. Карелии 4: 361]), ‘обломок’ (рус. *осколок*).

Интерес к рус. *щель* (<**ščelь*) ‘узкое продольное отверстие’, принадлежащему к этому гнезду, обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, с выходом в свет новых лексикографических источников большой пласт диалектной лексики, вводимый в практику научных исследований, расширяет материальную базу, что позволяет в рамках гнезда с основой **skel-* точнее обозначить линии семантического развития у морфонологических вариантов в славянском ареале. Во-вторых, в контексте славянских семантических и морфонологических отношений проясняется

природа некоторых образований, функционирующих в регионах со сложной этноязыковой ситуацией.

Устойчиво прослеживаемое в этом гнезде у образований с разным корневым вокализмом, в том числе и у рус. *цель*, значение ‘обломок, обрубок’ становится исходной точкой для переосмысления слова и перенесения наименования на реалии, по форме похожие на обломок, обрубок, — это палочка в игре, задвижка, запор в двери. Это значение отмечено для рус. диал. *цель* ‘обрубок, обломок’, имеющего структуру отглагольного производного с корневым вокализмом *e*, и производных с разными суффиксами: ср. рус. диал. *целёц* ‘небольшой деревянный обрубок, палочка в игре’, *целёжка* ‘щеколда’ [Сл. Карелии 6: 928], а также не вошедшее в словарь Карелии *целика* ‘пень, ствол поваленного дерева’ (ср. собира́ем, на *целику* сядем, оддохнем), *целичок* ‘кусочек, остаток пищи’ [К-ка Сл. Карелии]. След этой основы в рус. диал. *пáцелок* ‘человек маленького роста’ (< **pa-šćelьkь*) (яросл.) [СРНГ 25: 309], производном с архаичным преф. **pa-* в функции уподобления ‘похожий на обрубок’.

Важно отметить, что как будто бы не прослеживаются точные лексико-семантические соответствия в славянских языках для образования **šćelь* в значении ‘осколок, обрубок’. Но линия семантического развития ‘колоть, раскалывать’ > ‘обломок’ объединяет русский диалектизм с продолжениями слав. **skola*, образованного на основе регулярных отношений с чередованием *e: o* от того же исходного гл. ***skelti*. К продолжениям **skola* относятся хорв.-кайк. *skolek* ‘доска, дощечка’ [Boryś 2007: 395–402], а также производные с преф. **ob-*: рус. *осколок*, чеш. *oskolek* ‘обломок’ < **ob-skolьkь* [ЭССЯ 29: 181]. В составе продолжений с корневым вокализмом *-o-* образования с преф. *pa-* в функции уподобления: блр. диал. *пáскалак* ‘бревно, чурбан’, ‘лодырь, бездельник’ [ЭСБМ 8: 182], чеш. *paskolek* ‘то, что остановилось в своем развитии, поникло’ (Kott II: 503: Us.). С некоторыми видоизменениями та же семантика прослеживается у продолжений родственной основы с удлинением корневого вокализма в рус. диал. *скáлá* ‘береста, подкладываемая под тес крыши для предохранения от воды’ (волог.), *скáлы* ‘пластины лемеха’ (север.) [Сыщиков 112], ‘свернутый в трубку луб, содранный с одной липы’ [СРНГ 37: 373], укр. *скалка* ‘осколок чего-л. твердого’ [ЕСУМ 5: 262] и т.п.

В этом гнезде значением ‘осколок, обрубок’ мотивирован переход к значению ‘камень’ у образований с разным вокализмом в корне. Это значение известно прежде всего в русских диалектах Карелии: ср. *цель* ‘большой плоский камень или скала’, *целок* ‘плоский камень, выступающий из воды’ [Сл. Карелии 6: 929], в близком значении *целье* ‘каменный, гладкий, пологий берег’ [Даль² IV: 654]. Параллельно практически в том же значении функционирует *цельга*, *цёлга*, заимствование из финно-угорских языков [Гусельникова 1996: 57; Мызников 2004: 72]. Вполне возможно, что на территории Карелии в условиях тесных языковых контактов носителей русского и финно-угорских языков произошло сближение и частичное слияние близких по форме и значению слов разного происхождения — рус. *цель*, *целье* и *цельга*, *цёлга* ‘каменистая или скалистая гряда, возвышенность’, поэтому не всегда можно провести четкую грань между этими двумя группами образований. Сближение могло идти по линии усечения заимствования (*цельга* > *цель*) и влияния семантики финно-угорского

образования, однако, можно думать, не во всех случаях, поскольку предпосылки к развитию этого значения заложены в исходной семантике глагола. Значение ‘камень’ характеризует производные с корневым гласным в ступени удлинения: ср. рус. диал. *скалá* ‘камень в воде’ (ворон.) и ‘обрывистый, высокий край оврага’ (ворон.), *ска́лка* ‘кремень для высекания огня’ (новг., перм., арх., свердл.) и др. [СРНГ 37: 373, 376], блр. *скала* ‘кремень’ и ‘кремневые орудия каменного века’, а также в полесск. *скалá* в значении ‘молния’, ‘заревое, световые полосы, тянущиеся от солнца’, ‘удар молнии’, последнее сложилось на основе представления о грозе как высекании небесного огня с помощью кремня, ср. укр. *ска́лки* ‘искры от камня’, просто ‘искры’, а также в польск. *skala piorunowa* (= *piorunowiec*) ‘кремень’ [Страхов 2012: 304–311].

Возможности семантических преобразований исходного глагола и его производных подводят к пониманию некоторых узколокальных русских образований с затемненной внутренней формой. К числу таких изолированных образований можно отнести новг. *щельгáться* ‘идти, с трудом передвигая ноги, плестись’ [Новг. сл. 13: 114], если принять во внимание отношение ‘нечто небольшое, мелкое; семя’ > ‘семенить ногами’.

Отражение с той же исходной основы с удлинением корневого вокализма и переходом $\bar{e} > \bar{a}$, вероятно, в новг. *щáлить* ‘кусать внезапно и сильно’ [Новг. сл. 12: 111], словен. диал. *ščalja* ‘щепка’ [Plet. II: 14; Pokorny I: 926], хотя для словенского диалектизма, ограниченного в распространении, допускается возможность заимствования ит. *scaglia* ‘кусочек, кусочек’ [Bezljaj IV: 60].

Как видим, преобразование исходного значения ‘раскалывать, расщеплять’ в направлении ‘щель’ и ‘осколок, обломок (дерева)’ стало причиной семантического расщепления производящей глагольной основы и образования в некоторых диалектах семантических омонимов, каждый из которых имеет свою линию морфонологических и семантических отношений.

Оболонуться

В этимологической практике нередко приходится сталкиваться с такими случаями, когда понимание внутренней формы затруднено неясностью морфемного состава слова, затемнением исходной формы. Примером такого явления может быть отмеченный лишь в русских говорах на территории Мордовии гл. *оболонуться* ‘успокоиться, усмириться’ [Сл. Мордовии II, 686]. Вероятно, изначальной формой глагола было *об-волок-нутьсЯ*, связанное со слав. гл. **velkt’i*. У принадлежащего этому гнезду гл. *оболокáть*, *оболо́чь*, *оболоктí* (< **обволокать*, **обволочь*) наряду со значением ‘одевать; наряжать’ отмечены в диалектах значения ‘обтягивать чем-л.; закрывать, покрывать чем-л.’, ‘закрывать, окутывать (об облаке, тучах, тумане)’ [СРНГ 22: 164–165], ср. с противоположным значением карел. *разволáчить* безл. ‘разносить ветром (тучи), становиться солнечным (о погоде)’ [Куркина 2003–2005: 226], отсюда вполне закономерен переход к значению ‘успокоиться, усмириться’. Русский диалектизм отражает новую ступень в семантическом развитии глагола, производного от **ob-velkt’i*.

Литература

- Виноградов В. В. История слов. М.: изд. Институт русского языка РАН, 1994.
Вят. сл. — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8-. Киров, 1996–2012-.
- Горяев Н. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.
- Гусельникова М. Л. Рус. диал. *щелье, щелья* // Этимологические исследования. Вып. 6: Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1996.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Ред. колегія: Мельничук О. С., Коломієць В. Т., Лукинова Т. Б. и др. Т.-16. Київ, 1982–2012.
- К-ка Сл. Карелии — Картотека Словаря русских говоров Карелии. СПб.-ЛГУ (Словарный кабинет им. Б. А. Ларина).
- Куркина Л. В. Заметки по этимологии русских диалектизмов // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2003–2005. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2006.
- Меркулова В. А. Некоторые проблемы лингвистической географии в связи с этимологией // ZfSl Bd. 24, N. 1, 1979, 89–95.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: «Наука», 2004.
- Новг. сл. — Новгородский областной словарь. Составители: Клениона А. В., Никитин А. В., Петрова Л. Я., Строгона В. П. / Отв. ред. Строгона В. Л. Вып. 1–12. Новгород: изд. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 1992–1995.
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Окончание // Труды ИРЯ Т. I. М., 1949.
- СД — Славянские древности. Т. I–VII. М.: изд. «Международные отношения», 1995–2012.
- Сл. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.
- Сл. Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т. I–II. Редакционная коллегия: Мызников С. А., Левичкин А. Н. и др. СПб.: «Наука», 2013.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Ред. В. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1- 46-. Л., СПб.: Наука, 1965–2013-.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29-. Ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. М.: Наука, 1975–2011.
- Страхов А. Из славянской метеорологии: полесск. *скалá* // *Paleoslavica* XX/1. 2012, № 1.
- Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии II (1–3) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Том. 2 (книга 1). М.: изд. Языки славянских культур, 2006, с. 79–122.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ЭСБМ –Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў і др. Т. 1–10-. Мінск: Беларус. навука, 1978–2010-.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–40-. Отв. ред. акад. О. Н. Трубачева, дфн А. Ф. Журавлева, Варбот Ж. Ж. М.: Наука, 1974–2016-.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I–V. Ljubljana: Mladinska knjiga + Založba ZRC, 1976–2007.

Boryś 2007 — *Etymologie słowiańskie i polskie. Wybór studiów z okazji 45-lecia pracy naukowej.* Pod redakcją Wł. Sędzika przy współudziale Zb. Babika i T. Kwoki. Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW), Instytut Slawistyki PAN. Warszawa, 2007.

Kott — *Kott F.* Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha: Kolár, 1878–1893.

Mikl. — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Plet. — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja. I–II. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2006.

SP — *Słownik prasłowiański.* T. 1–8-. Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1974–2001-.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1959–1969.

Liubov' V. Kurkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

lyukurkina@rambler.ru

RUSSIAN DIALECT VOCABULARY AS A SOURCE OF SLAVIC ETYMOLOGICAL NESTS

The subject of the Russian steel the lexical dialect (*мат, цель, оболонуться*), allowing for a fuller presentation of its morphological variants of the word, to expand our knowledge about the semantic content of the word.

Key words: etymology, reconstruction, Russian dialects, semantics.

References

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of Slovenian Language]. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007 (in Slov.).

Etimologichnii slovník ukrains'koi movy [Etymological Dictionary of Ukrainian Language]. T. 1–6. Kiiiv, 1982–2012 (in Ukr.).

Etimologichny slounik belaruskai movy [Etymological dictionary of Belarusian language]. Vol. 1–10-. Minsk, 1978–2010- (In Belarus.)

Goriaev N. *Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language]. Tiflis, 1896 (in Russ.).

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Vol. I–IV. Moscow: Progress Publ., 1964–1973 (in Russ.).

Kott F. *Česko-německý slovník* [A Chehisch-German Dictionary]. Vol. I–VII. Praha: Kolár Publ., 1878–1893 (in Cheh.).

Kurkina L. V. *Zametki po etimologii russkih dialektizmov* [Noted on the etymology of the Russian dialect]. Common Slavic linguistic Atlas. Materials and research. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences, 2006.

Merkulova V. A. *Nekotorye problemy lingvisticheskoj geographii v svjazi s etimologiej* [Some problems of linguistic geography in connection with the etymology]. ZfSl Bd. 24, H. 1. Berlin, 1979 (in Russ.).

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien. 1886 (in Germ.).

Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proishozhdenija v russkih govorah Severo-Zapada: etimologicheskii i lingvogeographicheskii analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of North-West: Etymological and linguistic and geographical analysis]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2004 (in Russ.).

Novgorodskii oblastnoi slovar' [Novgorod regional dictionary]. Vol. 1–12. Novgorod, 1992–1995 (in Russ.).

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Vol. I–II. Ljubljana: 2006 (In Slov. and Germ.).

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. I–II. Bern, 1959–1969 (In Germ.).

Preobrazhenskii A. *Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I–II. Moscow, 1910–1914 и 1949 (in Russ.).

Slavianskie drevnosti [Slavic antiquity]. Vol. I–VI. Moscow: International Relations Publ., 1995–2012 (in Russ.).

Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastei [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and neighboring areas]. Vol. 1–6. S.-Peterburg, 1994–2005 (in Russ.).

Slovar' russkih govorov na territorii Respubliki Mordovija [Dictionary of Russian Dialects in Republic of Mordovia]. Vol. I–II. S.-Peterburg: Nauka Publ., 2013 (in Russ.) (in Russ.).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk Dialects]. Vyp. 1–46-. Leningrad- Saint-petersburg: Nauka Publ., 1965–2013- (in Russ.).

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Russian dictionary of XI–XVII centuries]. Vyp. 1–28-. Moscow: Nauka Publ., 1975–2011- (in Russ.).

Słownik prastłowiański [Proto-Slavic dictionary]. Vol. 1–8-. Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–2001- (in Pol.).

Strahov A. *Iz slavjanskoj meteorologii* [Slavic meteorology]. *Paleoslavica XX/1*. Cambridge, 2012 (in Russ.).

Toporov V.N. Iz indoevropskoj etimologii [From the Indo-European etymology]. *Studies on the etymology and semantics*. Vol. 2 (book 1). Moscow: Languages of Slavic cultures, 2006 (in Russ.).

Языки и диалекты

Араб. — арабский, арх. — архангельский, блр. — белорусский, влад. — владимирский, волог. — вологодский, ворон. — воронежский, вят. — вятский, греч. — греческий и.-е. — индоевропейский, ит. — итальянский, казан. — казанский, калуж. — калужский, карел. — карельский, костр. — костромской, лит. — литовский, нем. — немецкий, нижегор. — нижегородский, новг. — новгородский, олон. — олонецкий, перм. — пермский, полесск. — полесский, польск. — польский, пск. — псковский, рус. — русский, свердл. — свердловский, сев.-двин. — северодвинский, север. — северный, скр. — санскрит, слав. — славянский, словен. — словенский, слвц. — словацкий, ст.-рус. — старорусский, с.-хорв. — сербохорватский, укр. — украинский, ульян. — ульяновский, хорв.-кайк. — хорватско-кайкавский, цслав. — церковнославянский, чеш. — чешский, яросл. — ярославский.

Другие сокращения

Безл. — безличный, гл. — глагол, диал. — диалектный, нареч. — наречие, преф. — префикс.

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

ОБРАЗЦЫ ГОВОРА С. МОЛОТИЦЫ (МУРОМСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Ниже мы публикуем расшифровку аудиозаписи монолога Анны Григорьевны Пеженковой, 1932 г. рождения, живущей в с. Молотицы Муромского района Владимирской области. Она родилась в д. Вареж, в 15 км от нынешнего места жительства, приехала в Молотицы после замужества. Анна Григорьевна имеет среднее специальное образование (школа и бухгалтерские курсы). Она человек наблюдательный, с острым умом и хорошей памятью, прекрасный рассказчик, поэтому текст интересен по содержанию и дает представление о тяжелой жизни русской деревни. Монолог представляет собой воспоминания о детстве, совпавшем с началом войны, о послевоенной жизни, о хозяйстве и семье. Текст записан и расшифрован И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой.

Ключевые слова: муромский говор, грамматические особенности, рассказ о жизни.

Сведения о характерных признаках говора содержатся в статье И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой, помещенной в разделе «Лингвогеография» настоящего сборника. Из фонетических особенностей говора получили отражение в расшифровке лишь некоторые: [о] на месте *-е* в 1-ом предударном слоге, [у] на месте *-о* во 2-ом предударном слоге, долгие шипящие и некоторые другие, при этом грамматические и лексические черты сохранены в тексте.

Рефлексия по поводу языка: Мы говорим на *о*, конечно. Вон когда другó раз кроссворд гадаешь... А как в Москве разговор? — áканье пишешь...аканье, а мы на *о* говорим, а там на *а* — áканье.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) проект № 17-04-18022 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Начало войны

Ну, родители у меня — крестьяне, мать и отец. Детство наше — война. Было мне девять лет, как война началась. Ну и шо...это ж лето — в июне война началась. А у нас как было...посевная, кончилась посевная, и у нас в этот день делают общий обед. Эт как праздник — общий обед по бригадам. Колхоз выделяет там мяса, какие продукты на общий обед. Там... наша бригада здесь, другая бригада там, в другом месте, по бригадам. В колхозе несколько бригад, вот. Ну и сделали общий обед, конечно, сварили всё, всё тут приготавливали, всё...И приехал нарочный: «Всем собраться вот это место: будет митинг!» Шо? Чевó? Но он ничё не объяснил. И все обеды отложили, а пошли все на митинг. Теперь, значит...вот, как щас я гляжу, помню, едет мущина, верхом на лошаде, кожана куртка на нём чёрна... а митинга там вот, туда. Я с Варижа сама-то, вот рядом деревня, вот... И он как-то едет с горки, а потом опять в гору, ну вот на горе-то этой стоим. Ну вот, он приезжает и говорит: «Началась война». Ну, чё? Все сразу в слёзы. «Вот, Киев бомбили уже севодни, есть уже и жертвы, и всё. Ну уж, крепитесь! Мужины все собирайтесь, конечно, повёски вам дадут и все поедете безотказно». Ну всё. И обед — не обед, никому...все в слёзы. И обедать никто не пошёл. И я... Конечно, слёзы...

Нас вот семья — семь человек у маме было — один одного меньше. Ну и на третий или на четвёртый? На четвёртый ли день папу взяли на войну. Мама осталась одна... Вот, конечно, в детстве не эта... как-то не переживаешь... не думали вот. Вот, а щас я думаю, когда уж своих детей народили, думаешь: вот встанет — чем кормить? Ишшо первое-то время были запасы, первое-то время не было такой-то..., а потом запасы все исчерпались. Вот встаёт — чем кормить? Дети. Чем кормить? Нечем.

«Травоядны были»

Вот весной-то, ешо вот снег сходит и все идём на поле — собирать картошку. А она после зимы — один крахмал образуется только. Он, этот крахмал, всё в кожуре. Вот кожу эту снимаем, этот крахмал сушим, толчём, просеиваем — это вот у нас праздник! Мы вот эту вёсну, когда собираем эту картошку... нас вот в семье то много, все подём — мы много набираем. Вот, и мы ей тут едим. А тут весна, на поле появляются.. как ево?...ну, мы звали пёстики. Сначала, значит, они растут — пестики, а потом... не лисья [листья], а эта... как же её зовут? Забыла... эту траву-то... Вот, мы её нарываем, она так... ели мы её... она вкусна. И вот..., а во рту немного вяжет. И вот у нас язык вот так вот. Ели досыта, штоб чем то... чрево то надо...И-их. Вот...

Летом, конечно, похуже нам, ничево нет, ну ягоды... а потом... Щас нет вот, воды такой щас нет. Этот у нас рózлиф был от горы до горы — вот какой рózлиф был. И вода сходит — на лугах появляется коновник. Ешо коновник не тот вот, которые уж зелёный такой рóстют, а вот низинка... там лужица... и в этой лужице вот растёт коновник. Он так сам красенький такой, фиолетовый, и вот такой высóкий

вот. Мы его рвём — едим досыта. Сыты. Вот... А потом... столбунцы́, лук, вот вся эта... Как-то мы жили, я не знаю. Мы вместо скота были. Без хлеба, безо всего. Где хлеба-то взять? Ну, выменит там мама на чего не то... А на чего? Да так, фсе́ чё бы то ни ели... Только и питались травой. Травоядны были. Во время войны мы были травоядны. Все.

Голод

Ну, тут стали манёнько.. сначала... если вот в войну-то давали нам хоть бы там по сто или по двести грамм хлеба на трудодень. Трудодней много у нас было. Мы все работали. Вот. Ну тут манёнько... Вот поманёньку, поманёньку как-то пербывались. А вот уш когда кончилась война, тут нам сказали, што всё надо на восстановление хозяйства. И нам в колхозе давать ничего́ не стали. Вот рабóтам, а нам ничего не дают. Это, наверно, года два вот после войны, ничего не давали. Ничего. А работать заставляли. Штобы было по сто шестьдесят выходов на работу. Если кто не выходил эти дни, то судили. Вот. А давать — ничего не давали. Потом стали поманёньку давать. Грамм по двести хлеба на трудодень и там сколько? Може килограмм ай два картошки на трудодень. Ну, тут манёнько, хош не досыта, но фсе́-таки стали манёнько есть чего не то. А потом... как-то уж тут карточки стали ..., по карточкам хлеб стали давать. Конечно, и выкупать-то было нечем — не было денек-то — ну всё равно как-то... И-эх... Только уж вспомнить — страх!

Вон, сколько мне было? Може, годов пятнадцать...шеснацати, наверно, не было...поедем в город. Ну, с чем ехать в город? У нас щас вон её, земли-то, сколько хочешь бери, и сколько хочешь сажай. Тогда вот у нас было шесть соток на такую семью! Ну чё там шесть соток? Мы, пока начинается, до зимы всё это съедим. И морковь посеём мы там, и лучку, и всего, ну и съедим. И всё. И нет ничего. А штобы вот корма — картошки на год закупать негде было. Чё шесть соток — это не земля. Надо хоть бы соток двадцать, тридцать. И тогда не давали што-то, тогда... я не знаю. Леса раскорчывывали. Вот у нас вот здесь вот были. Щас опять всё заросло, конечно, лесом. А тогда раскорчывывали, сеяли каждый клочок, а щас всё заросло борщевиком — щас никому ничё не надо. Земля-то никому не нужна. Ведь это ужас, што делается, это ужас! Как это так? Земля... всю жизнь земля кормит человека. Надеемся за... на... границу, на заграницу? Это нельзя так делать. Вон они — поля-то все, а все заросли борщевиком и лесом зарастают. Берёзки, сосны. Если вон пойдешь за грибами, уж теперь в лес не ходим, а на поля. Маслята вон все. Уж я-то не хожу. Я-то уж не хожу — вот, с палочкой. А тогда... Я не знаю, почему всю землю бросили?

Послевоенная жизнь

Ну вот я про себя-то. Денек-то как мы зарабатывали? Навяжем веников... это... из этого... из тальника — вон, на речке. Веников навяжем... Ну, куда эти веники? Ну, снег смести... На салазки и поедem в город торговать этими вениками. үсподи!

Эта двадцать пять километров на салазках! Щас ведь автобусы, вот у вас не будет автобусов — будете здесь ночевать. А мы ходили пешком, да ишо с грузом, туда и обратно. Туда везем веники, а оттуда очередь стоим за хлебом. Набираем хлеба и опять на салазки и опять везем. А там, где вот был этот тёрочный-то завод... крахмал-то... тут внизу-то, не помните? Нет? Ну, вы молодые, конечно. Вот... А приёмный вот, в армию-то провожали, на горе. Как вот въезжаешь в гору... Мы не по дороге, а вот понизу, из Чадаева [Чаадаево — название деревни], мимо этой горы ходили пешком. Теперь дорогу-то на горе выстроили, а то внизу, мы низом ходили — тут поближе вот. И, вот, там это... по этому... я там не знаю чё... солдаты были. И вот мы везем салазки в гору-то, а тяготá-та какая! ўосподи! И один солдат ко мне подходит, ну, я так неплохая была, эт щас уж страшнее атомной войны, гуворит: «Давай я те пособлю, девушка, да как тебя зовут? Давай я повёзу, давай я повёзу». А мне уж неудобно. Товар-то у нас какой? Чем торговать-то едем? Вениками? ўосподи. По рублю, а тогда эт рубль ничегó не стоил. По рублю за веник. Ну, веников двадцать у нас, може побольше. Вот на эти двадцать рублей купим хлеба и оттоль едем с хлебом. Вот уж так мне было неудобно перед этим парнем. Всё-таки уж у меня тоже возраст потходил такой, шо уже стыд чувствовать. Вот.

А потом соломы снопов навяжем, солому повезем в город. Ну тогда город тоже жил бедно, тоже держали скотинку и всё... кто козов, кто овец каких, кто чего-то тоже держал. И соломка надо, и сенцо надо, и всё. Вот мы возили на салазках, а щас? Вон, до Борисглеба не посадят на автобус, не приедет — и в Борисглеб никто пешком не пойдет. А мы ходили в школу в Борисглеб.

Волки

И волкóв было много в деревне. Вот выходим гулять зимой — у нас тут напротив школа, она как-то удалёно, в деревню идти. И волки каждый вечер приходят и начинают выть около этой школы. Пока ишо их нет, мы так маненько по улице гуляем. Как только волки собрались — и-и-и — все по домам. На крыльце стоим и слушаем. Как волки воют. А они голос... этим... рожи кверху и всю их видать, и воют, и воют. В крайних-то домах овец всех пертаскали. Подрывали под этот... ну, под дверь и, овец пертаскали, и кур всех пертаскали, всех. Это вот в крайних домах. В центре тише вроде, не так, а там на краю...

После четырех классов мы ходили в школу в Борисглеб. А во время-то войны волков то всех выгнали с той-то стороны, оне все сюда, к нам в леса приехали. И вот мы собираемся в школу, и мы... тут две деревни у нас — Новый Вариж и Старый Вариж рядом. И вот мы все собираемся — кто в город, кто в школу, кто куда — все собираемся в одно место. Там, к восьми часам — к девяти што ль ходили в школу? В восемь часов мы должны на этом месте все собраться, или кто в город, кто куда. И всей гужой идём до Борисглеба пешком. А вот боязливо. Щас вот толь едешь налево, где кладбище, тут болото-то, а мы ходили по этом... по этой стороне... у нас было вот это... с правой стороны оставался. Вот идем, идем, а в этим булоте нас встречают волки, стая волкóв. Каждый божий день стая

волков нас встречает. Но и мы пустые не ходили. Кто с этим... со сковородками, кто с чем-то, кто с самолюшками, кто с спичками, кто с чем — у кого чего есть. Как только выходим... тут лес, а сюда вот это вот булото, а в эту сторону лес — и они идут. Мы идем по дороге, а они идут по булоте напротив нас. Мы эти... и звеним, и самолюшки жгём и кто чё. И это кажжый день! Это кажжый день было! А страх какой! Вот тогда и с Тычинина, тоже ходили оне, там лесом у них дорога-то — одну девчонку съели. Только што вот в валенках оставили. Валенки и в них ноги. Вот только што в валенках, а остальное ничего — всё съели. И волки были голóдны. Вот. Ой, үсподи!

Ну, а уж после-то войны, тут стали маненько вроде уж ужываться, кто как. Тоже нам было трудно. Идем пешком, оттоль идем, а из леса едут парни. Мужиков-то не было — всех перебили. В нашем же возрасте едут парни... Обоз там или с дровами, или с лесом, или с чем-то. Попадаются нам целые вóзы. «Эх, каки девчонки!» — и за нами. Мы от них. Они в нас палками этими, сучками — ой, үсподи! Стали жаловаться: «Мы не будем ходить!». Ну, нельзя ходить, конечно. Это ладно, убежим аль не убежим мы: какой этой дровесиной кинут, и позвоночник, и али ноги изломают. Ну, чего же делать? Ведь нельзя. Там нас убеждают как-то. И нам сделали дорогу лесом. Идти до половины Глебовки, а потом половину этой пройдем, половину этой дороги, и лесом идем, где не ездют. А шас на автобусе и то не хотят. Вот такие дела-то.

Об отце

Отец вернулся.. Угу. И... Раненый, конечно, ноги обморóжены у него были. У него... где-то форсировали Днепр, што ли, вот он рассказывал. Зима, нас, грит [говорит], бомбят, нам надо перплываться. Нас... наши, грит, кто на лодке, кто на чем, а я, грит, живу около реки — всю жизнь прожил — плавать не умею. И, когда, грит, нашу лодку-то первернуло, все тут кто как. Ну, а друг друга знают: «Гриша, давай, давай, вот сюда. Вот, хватайся за эту вот... эту перекладину-то хватайся». Чтобы ему не утонуть. Переплывем, а где сушиться-то? И вот мы, грит, ляжímся полёницей. Так ляжímся, и вот так. Другие кверху, ешо выше опять так и ешо выше вот так вот. Теперь, значит, верхние замерзают — всё замерзает, нíжни вылазиют: онé, значит, наверх, а эти подвигаются туда. И вот так вот постепенно, вот, манёнечко, грит, согрëвались, чтобы не сгáнуть [не умереть]. Вот и обморозил он все ноги. Ну, а приехал — чего тут? Вот тут голод был страшный. После войны. В войну мы не так голодовали, как после войны. После войны голод был ужасный. Надо чтоб прокормить..., он и плотничал, он и всё тут делал...

Работали за лошадей

А где-то надо покупать корм — картошку. У нас участки — я говрю [говорю], здесь шас вот столько земли пропадает — тогда нам не давали земли, тогда засеивали всё колхозу. Ездили в Татáрово, в Пёньзю за картошкой. А лошадей-то тогда

не было, в войну-то лошадей-то всех взяли на войну; мы сами работали за лошадей-то. Вот надо усадьбу пахать... у нас некому, лошадей нету, а про трактора... и тогда ишо и не было их совсем. И вот мы собирались пять человек... вот там... пять человек, там, дома. Четверо... так вот эти переклады на веревке... два человека здесь, два человека тут [показывает], и, одна за плугом, и вот — ташшим, а одна пашет. И она возьмет, как за лошадьми, этот... кнут — о-о — матом на нас. «Вылезти из борозды!» Там по-всякому матом на нас. Вот мы... ну, давайте утдыхать. Сначала поём песни, утдыхаем — поём песни. Ну, второй раз, там и поём, и не поём. А уж третий раз сядем — ревём. Устали и ревём, все вот, уосподи!

А потом... уж это после войны, после войны картошку вот убирали... картошка у нас была в лесу, а... там были раскорчёваны поля. Картошка хороша была, вот такая — розовая, продолговата. Ой! А осень, октябрь месяц, а ишо у нас картошка там, в лесу-то. Бригадир скажет: идите, девчонки, матерям-то когда идти-то, у них семьи, скотина. А туда надо, шоб там и пообедать и до темнова. Кто сколько донесёт. Ну вот кто сколько донесёт? Это при такой-то жизни. Мы берем по мешку, в корзинки роем и откладываем, котора нам понравивца-то картошка. Накладываем целый мешок под завязку. А она попадаетса ишо лучше, мы ишо в грудку наложим, наложим в грудку. Ой, домой идти, батюшки, чё тут оставлять-то, надо всю забирать. И эту соберем, грудку-то, ну и это из мешка може, штук десять сбавим в корзинку, шоб нести наперевес. И по целому мешку, ну, сколько мне было, може, годов шестнадцать, семнадцать, я по целому мешку таскала из лесу. А вот щас вот спина согнется, вон носом-то хожу черчу. Спины-ти изломаны трудом великим.

А траву как таскали? Щас вон коси, где хочешь — не держут коров. Не держут — не хотят, тяжело с коровами. А мы... негде нам косить — берёменем таскали. Где-то накосим, навяжем берёмя и несем. А вот сестра-то у меня, она училась, а на лето, на каникулы, приедет, всё равно работала. Ой, где ни только... полем или там чего дёлам. А в болото в это, в поздний бор пойдем за травой. Там накосим, навязываем берёмя и несем. Один раз навязали это мы, трое, мы шли, мы с сестрой и одна ишо девчонка. Ой, я из сил вышла, я не могу, я заплакала, я больше не могу, у меня сил нет. Ну давай с этого, скидывай. Какой скидывать, я не могу сбросить это берёмя, оно меня придавило? Ну, скинули. Она из моего-то берёмя хватает, да в свое суёт, сама-то тащит чуть-чуть, а жалко бросить-то. Она в своё берёмя суёт. Ну... опять маненько отдохнём, ну, пошли. Вот придёшь домой-то, вот... вот так согнёсся, свалишь его и всё. И грудь поднимается, вот сама поднимается. Видимо, до чего уже нажмет, грудь-то, и она вот прям чувствуешь, вот она поднимается, кости выправляются. Э-э! Тяжёлу жызнь мы прожили... прожили — войну!

Бомбёжка

...Когда вот в войну-ту... вот этот мост — городской-то — его каждый день приезжали бомбить, прилетали немецкие эти... самолёты. Как вечер — мы выходим, глядим. И мы уже знали по голосу, чей самолёт: или наш, или немецкий. Вот

наш... он летит, у него звук он монотонный есть, вот у-у-у там. А их летит у-у-У у-у-У у-у-У. Он, наверно, до того бомбами этими напичкал, што ему и самолёту-то тяжело летать. И сразу глядь — зенитки свѣтют. Зенитки, зенитки со всех сторон. И с этой стороны, и с той стороны зенитки. Ну мы... эт летят этот мост бомбить. Им надо было эт разбомбить, эта связь была с этим... с Сибирью.

Тяжелая работа

Мама работала и дояркой, и скотницей, и птичницей. И за курами ухаживала, и на откорме телят эта... откармливала, коров доила. Она как уйдет... часов-то не было. Были эти вот... такие... ходики-те, а шо-то они разломались — не знает сколько время... Поглядит — уж она знает сколько время. По этому... по небу, по луне — пора уж мне ийти. Вот. И уходит — тёмно, и приходит — тёмно. О-ой. А там она нам... напротив ешо вот моя подружка жила: «Приходите там дрова попилите». Там эт... котѣл такой, телятков кормили — картошку варили. «Там дрова попилите. А то вот такие дубья на эта... привезут...» А чѣ тут мы с этими, с дубьями? Ну, всё-тки как-то тут наскрябаем чѣ не то. И вот, оне варят картошку, а мы, как работники, картошку эту сварим, сварят — мы поядим, досыта картошки поядим. И мы охотно ходили на эту работу, вот, на ферму тоже, вот чѣ.

А одна женщина, она, ну как-то, неунывата была. Она воду возила. Воду возила — такие были бочки продолговаты, она их там... На санях стоит бочка, и у ней вот так вот сверху окошечко, и она вот этой... ведерко — оно, как ухватом, вот так сделано и с ручкой. Она задевает и наливает в эту бочку на речке, и наливает. А ведь, ну, зима есь зима. Щас нет таких зим, как тогда были. Тогда очень холодны зимы были, щас нет таких зим. Она приедет, бочка вся замёрзшая — воды-то там... сама вся обледеневшая... «Ох, картошка сварѣна». «Да, Огаша...» — Огаша её звали — «да ешо не доварилась». Она достанет: «Фу, фу, фу, да сыр горячо не бывает». Вот так вот... и картошину-то перекидывают: «Сыр горячо не бывает». И жуёт так, недоварену. Поесть-то хочется. Сырую картошку, а всё-таки съем. Сыр горячо не бывает — и ест эту картошку. Отогреется маненько, оттает, опять поедет за водой. Надо скотину поить. Ой, господи,... вот так. Чѣ вам ешо рассказать?

Отлов волков

Ну вот после войны начался у нас отлов волков. Они... даже крупный рогатый скот стал пропадать, коров стали загрызать. Их много здесь, все вот то ли оне пришли сюда и начался отлов, чѣ поделать-то. И вот нас собирают, вот Молотицы, Барановка, Варез, и всех вот, все, кто ходячий, и молодых и старых, все вот собираемся, кто печки заслон, заслоняли печки русские. Он здорово звенится. Кто с этим заслонами, кто со сковородами. И вот кругом у нас здесь вот щас рыбхоз, пруды. А тогда было булото, даже с этой вот стороны такая смердяга была. Вот люди даже пропадали. Вот одна женщина пошла за ягодами, за смородиной и заблудилась, и съели её мухи, нашли уж, а она вся объедена. Вот, а щас всё вот

осушили. И болóты эти, и пруды, и выбросют карпы. Ну и вот всё это булóто вот так. Молотицы — село большое, и Барановка, вот так вот всё до леса кругом, и там осталось сколько метров им пройти, этим волкам в лес убéгáть. И приезжают из городу охотники и стоят вот по краям. А мы, значит, как вошли это булото, и все сокращаем, сокращаем, сокращаем его и движемся, и движемся, и движемся. У них, значит, у нас все вплотную, вплотную и надо убéгáть в лес. Где ни звона нет, и они, значит, бéгúт. По двадцать восемь волков выстреливали в раз. Они, когда бéгúт, они их стреляют с обеих сторон. Конечно, ... опять обратно когда стрельба-то идёт, вёртаются, и всё равно настигаем, настигаем, со звоном, со звоном. Вот по двадцать восемь волков отстреливали за один раз, увозили туда вот, уж куда, мы не знаем. Ну, потом стало меньше их, а щас уж опять ...

Посиделки

А посиделки вот, ни керосину не было, ни свету не было, ничего не было. Ну вот соберёмся: кто вяжет, кто вышивает. Нас несколько, вот за стол. Щас лампадочки, вон у меня. Утром читаю, утром, вечером, ну а как уж тогда у нас были такие лампадочки, оне керосином были заправлены, вот на стол ставим и по кругу этого стола вот сидим, и кто вяжет, кто вышивает, кто ... темно, ну и кто чего. Разговаривали, кто какие-то басни, кто чего, кто песни запоём, кто чего, голос был...

Плохо было, а всё равно. Не было ни уборочной техники, ничего ... Вот жнитву, я всех хуже работу не любила жнитву, жать хлеб или просо. Это вот целый день вот в таком состоянии вот, вот целый день, только шо ж на коленки можно облокотиться, то как? А то вот целый день надо провисеть. Так болела спина! Это ужасно, руку схватяешь, всё распухнет, эта рука-то вот, тут и эти насечки и всё. Ой, ну никуда не подём, никуда нынче не подём, как придём и ляжем, придём умóисся, всё, никуда не подёшь, а когда у нас там на Вариже был гармонист, у него аккордеон был. И вот он приехал, в городе работал с аккордеоном, как приехал на выходной, вот там придёт, тоже умоется — всё вышел на улицу, как только аккорд дал по клавишам-то, по всему Варежу слышно. И все сразу собираемся, как бы мы ни устали, собираемся, бежим в клуб.

А в клуб-то ведь надо одеться, а у нас нет ничего. Ой, да ведь только рассказать — это неделю не расскажешь. У нас нет ничего, нам с подружкой сшили вот по ситцевому платью цветáстому. Это мы заработали сами. Ездим ночью в лес. Ездили в лес за дровами, и эти дрова привозим, распилим, расколем и складываем, надо наложить целый кубометр, ну куб, кубический метр, а мы их делаем в полметра вышины и два метра длины и будет кубометр. И потом этот кубометр мы везём в поля, там лесов не было. Они покупали у нас эти дрова. Вот эти дрова перевозим опять ... и вот у нас эти деньги, сколько мы продали, купим себе там вот платья,... мы купили, нам сшила Анечка по платью, а обувь — полуботинки, ну теперь уж нет таких-то, кожана, кожа свиная, у них ... гладкая, а эта вот как пупырчатая свиная кожа. По ботинкам, это у меня мальчишечьи, ну мы рады и таким. И вот мы купили по таким по ботинкам. И мы, значит, собираемся, Лёшка приехал ...

на станции до упада. И мы надеваем эти платья́, новые, цветáстые, в нас боуатство незнамо какое, уж нам было годов по шестнадцать, наверно, все-тки мы уж были подростки. А эти туфли-то нам жалко носить-то, мы их в тряпчку, наденем какие-нить шлёпки удобны-то вот, и в этих шлёпков до клубу-то доходим, эти снимаем на крылечке, а эти вот полуботинки мы надеваем, и мы танцуем в них уж, ой, уосподи! За дровами-те ездили, щас ведь вон весь лес сморют, и я не знаю, щас леса уже нету. А тогда вот только што ночью мы ездили воровать, а днём поедем за сучками для топки...

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

**SAMPLES OF THE DIALECT OF THE VILLAGE OF MOLOTITSY
(MUROMSKIY DISTRICT, THE REGION OF VLADIMIR)**

The publication presents a sample of the Murom dialect recorded in the village of Molotitsy. This text is monologue of Anna Pezhenkova, who was born in 1932 y. in the village of Varezh (in 15 km from Molotitsy). She arrived into Molotitsy after marriage. Anna Pezhenkova has the special secondary education (school and bookkeeping courses). She is the excellent teller; therefore, text is interesting in the content and gives idea about the heavy life of Russian village. Monologue presents the recollection about her childhood, about the years during the Great War, about her family. Text was recorded by I. Bukrinskaja and O. Karmakova in 2012 y.

Key words: Murom dialect, story about the life.

С. В. Дьяченко, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
dialects@mail.ru

ОБРАЗЦЫ ГОВОРА С. РОГОВАТОЕ СТАРООСКОЛЬСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Настоящая публикация представляет собой расшифровку аудиозаписи речи Елены Андреевны Нечаевой (1932 г.), родившейся и живущей в селе Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Елена Андреевна неграмотная, в молодости несколько месяцев работала в Москве на строительстве Московского университета, потом вернулась в Роговатое и уже никуда не выезжала. Она одна из немногих живущих ныне носителей диалекта, у которых довольно последовательно сохраняется чистый задонский тип предударного яканья. Текст записан в 2013 г. О. Е. Кармаковой и А. В. Малышевой.

Ключевые слова: диалектология, южнорусские говоры, текст, сплошная расшифровка, аудиозапись.

Комментарий к транскрипции. Символами *ô* и *ê* обозначены фонемы верхне-среднего подъема, представленные под ударением дифтонгами [yo], [ie]. Символами *o*, *e* обозначены фонемы среднего подъема, представленные монофтонгами [o], [e]. Говор Роговатого характеризуется архаическим диссимилятивным аканьем: фонемы неверхнего подъема перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема совпадают в звуке [a], а перед ударными гласными среднего и нижнего подъема — в звуке [ъ] (в некоторых случаях в звуке [ã] более низкого подъема). В других безударных слогах после твердых согласных гласные неверхнего подъема совпадают в [ъ] (реже в [ã]).

После мягких согласных гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге реализуются в [a] перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема, в [e] (редко [и] перед мягкими согласными) — перед ударными гласными среднего и нижнего подъема. Кроме того, в транскрипции используется знак [ъ] для обозначения редуцированных гласных переднего ряда верхнего подъема (обычно в заударных слогах).

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00485а.

Мягкость согласных обозначена апострофом ['] (о специфике реализации категории твердости-мягкости в говоре см. статью С. В. Дьяченко в настоящем сборнике). Звонкий фрикативный задненебный согласный обозначен [ɣ]. Фонема /л/ перед гласными [е], [о] (редко перед [а]) может быть представлена «средним» [l]. Фонема /т/ (обычно в словоформах *что, чтобы*) может быть реализована апикальным [t]. Фонема /в/ в позиции конца слова, реже перед гласными непереднего ряда может быть представлена билабиальным [w].

Описание фонетики, грамматики и лексики говора с. Роговатое см.: [Букринская и др. 2014], [Букринская, Кармакова 2013], [Дьяченко 2013], [Дьяченко 2015], [Дьяченко и др. 2013], [Исаев 2013], [Малышева 2013], [Малышева, Тер-Аванесова 2016], [Тер-Аванесова 2013], [Тер-Аванесова 2015].

Первое замужество матери

— Ну и што́ вот вы праслúхъл'и май р'éch'и, и што́?

— *Теперь опишем, как говорят в Роговатке.*

— А йá р'ёткь рьзúвáр'ивьйу. Ну. Кубы́ вам рьскъзáт', што́ йа прышла́. Оо. Н'а мо́жнэ! Мы уйэхъл'и тьдá-ть, раз... э... бы́л, знáиш, шо у стар'ину́, кáк-ть урам'ил'и вóт бьу́ч'ей эт'их, скат'йну́ вóт ъдб'ирáл'и. Ну а зь тák.

— *Раскулачивание.*

— Рьскúл... дá. Вóт мой ът'ец: а, бúду пьч'чин'áць эт'им! А мáмá вы́шль нэ п'ит'арых д'ит'ей зáмуш.

А мýжь п'ёрвьу́ нэ үрьждáнскýй вайны́ убил'и, мáмыньу́. Ёнá щó вóт, хвьрáль, а вóт прь н'еуó ёнá. А йá: «А пьч'аму́ ты прь мьйеуó ъцца́ н'е этъ, н'а хóч'иш рьзúвáр'ивьт', а прь э́нтъу́?» — «Он мн'е э́нтът н'а ну́жын тво́й, этът, кьуó ты л'убилъ». Ёнá д'úш э́нтъу́ л'убилá, ну ёнá малóд'ин'к'ие выхад'иль. Ну и скóкэ ёнá там с н'им, мóжэ м'ёс'ицьw п'áт' н'е жылá, а йеуó зьбрáл'и на вьйну́, нá үрьждáнскýй. Ну ёнá зьб'ер'ём'ьн'елá. П'ёрвьйъ с'естрá у м'инé, тáм схьрьн'онъ ужэ. Ну вóт. А ёнá рьд'илá йей, и у ней бы́ль п'áт' зáлóвкь. А кáк үвьв'р'á: лúч'ш'е, үйт', вòс'им' д'ив'ер'ей, кáк ёднá зáлóвушкь, а их п'áт'. Вóт ёнá им пьч'чин'áльс'е, мáмь. П'áт' зáлóвкь. Ну, эту́ д'ёвч'к'у ани выхáживъл'и тáм. А ёнá бáбь мьльдáйá, зь ней и п'ёрвájен'цы свáтъл'ис', р'еб'áть тáм. Ну, бы́лá крьсáв'иць. А ёнá н'е пьшла́ н'и зь кьуó. Н'и зь коуó, н'е. Ну и жылá, жылá с эт'им'и з зáлóвкьм'и. үввар'ит', л'уд'и үвв'р'á: «А дакúдъ ты бúд'иш жы́т' на н'их йешáч'ит'?» — «Дь — үввар'ит'— этá, ты ишшó зáмуш вьд'иш».

Сватовство

И ёнá п'ир'ешлá к свья́му ацу́, мáмь, ү д'едушк'и. А у д'едушк'и бы́ль тр'и сы́нэ и дóч'. И ёнá сьмá друуá. И сáм д'едушкá. Ну ёнá-ть, н'án'а, мál'ин'к'ийъ. Ой, щó-йтъ шшэкá кусáйь, щó-йтъ плáкълъ, и с'ёр'ць пькáльвьйъ. Дá. Ну вóт. И тьдá этъ мáмь думьль, думьль, дь щó... А он этът, мóй ът'ец, тáм ч'ёр'из үарóт, и за ней пьщел'ил. үр'ит', а ну-кь йá, йей пьсвáтъйу, мóш ёнá пьдэ зь

м'енé, што там у д'едь ъна б'уд'е жыт', с'им'яá б'ыл'шáя. Ну, пр'ид'е, а ъна н'е шлá, мáмь, зь н'еуó. Н'е. Он йей, эть мóй вг'ец, стар'ей нь п'ат' уадòw. Ђна: н'е, н'е пайд'у зь неуó, н'е. Ђна, мáмь-ть, м'льдайт' ишó. Этъ д'ет'и... св'екрòв'я н'арòдн'ий, хот' у н'еуó у ѡца н'арòдн'ий мáт' б'ылá. А их п'ат' д'ит'ей. Ну вòт. А ѡна бл'инòу-ть н'п'ик'е к'ислых, тóлст'и, харòш'и! Кáк, пшòннáй п'акл'и, и г'р'ач'ишнáй. И д'уже бл'инн'и х'рашы. Ну и см'етáны н'к'ладут', эть св'екрòв'я н'к'лде ч'е... этá, ч'ир'ап'ушкь, и бл'инòw там, этьт, д'ажн'ик, á... ну тáм... пр'изн'рáвл'ив'ье — «Н'ас'ит'е мáт'ир'и, н'ас'ит'е, мóжэ ѡна п'ед'ет' за н'еуó, з ѡца». Вòт ан'и пр'ин'асут': «Мáм, нá вот, бáбушкь зд'ялá таб'е, йеш», — нь мáму. Ну шó ш, вткáз... д'ит'ò пр'ин'ьс'е — дь н'ехáй. Ну, мáмь ваз'м'е. Ну тады жылá, жылá. Ђна исп'ик'е, мáмь, этьй н'án'и эть бамб'ышк'и н'зывáл'ис' тады у стар'ин'у, ис п'шан'ицы. Мукá ѡна нь ч'ást'ью с'ит' прас'ейе и йей бамб'ышку н'тр'е, н'án'и-тá. Йá и н'án'у, к'н'ешн'ь, ѡна стар'е м'енé-т намòуь. Йá вь друòуь ѡца, ѡна — вт п'ер'в'уь. Ну вòт. А óн, д'едушкь, пáщцел'ил: á! И эть кáк уш óн руáлс'и: «г'р'еб'ут твай'у мáт', т'и ишшó б'уд'иш нь ч'ást'ью с'ит', прас'еисс'и! прас'еисс'и!» Ну, с'ем'яá-ть б'ыл'шáя. А мáмь д'ум'ль, д'ум'ль: «á, дь, б'уду йá эть, у п'ч'ч'ин'ен'ийу жыт'?» Ну уз'елá и ушлá зáмуш за эт'уь, зь м'йеуó ѡца.

Отец и мать

А с'в'екрòв'ий н'арòдн'ий. Ну вòт, в'пшэ уш. У мáмы этá д'евкá ѡднá, и ѡна ишшó нáз, дв'ух д'евáк р'д'илá этá. Адн'у р'д'илá, Вáр'а звáт', ѡна ум'ерлá дв'енáцц'ьт' и уадòw, и м'ин'е р'д'илá — д'евкь в'п'ат'. Вòт óн, а óн швéc был, мóй вг'ец. Тады пь н'ч'ám шыл'и. Ну вòт, у нòч' ид'е шйт'? И ус'у нòч' у йеуó, тáм ш'йе он. П'ч'ам'у тáх-ть мóдь б'ылá? Вòт он пр'ишòл, а мáмь р'д'илá м'ин'е, пасл'едн'ийу-тá, и нь п'ач'и л'ажыт'. А эть ѡна г'вар'ит': «Андр'ун'а, — на м'йеуó, а йá б'г'áкь йеуó з'влá. — Андр'ун'а! Дь ит' в'п'ат' тр'ет'ийу д'еуку р'д'илá!» Он: «Т'ф'у! Врáйи ттаб'е кòжу сым'и! Дь ит' этá, ус'ò у ней, р'ч'к'и, ус'ò, здрáв'ин'к'ийá?» — «Дь эть ус'ò». А мáмь на п'ач'е. Он: «Пòл'к', а т'и-ть штò тáм, здарòв'ие кáк?» А мáмь: «Дь н'ич'еуó». Ну, р'д'илá ч'ил'эк. Ђуá. «Ох, а т'и, Пòл'к', н'е г'ар'уй, — нь мáму, — кáк с'áдут' у тр'и пр'áх'и пр'ас'т', а т'и тòкь сн'уй!» Эт'и, ну знáиш, эт'и сн'вáл'и тады. Ну вòт. И ѡна, мáмь, п'в'ис'ал'ель. Ну вòт, вòт так. И мáмь жылá, жылá, с' н'им, ну н'а д'уш дóлгуь, ну дь п'жылá, г'л'á ѡна дв'ух р'д'илá.

Начало раскулачивания. Выезд в Сибирь

Скат'ины мнòуь. Этъ н'ч'áл'и эть г'рам'ит-тá, эт'их т'ил'ат' с'б'ирáт', зь тáк. А óн, б'г'áкь, ó — уз'áл нòч'и быкòу пар'езьл, в'вéc — и нь гóр'ьт. А óн этьт áкт'ив'ист ид'е^а — «Андр'ей Ур'иуóр'ич', — гундòс'ий б'ыл, — а г'д'е ш у т'иб'е быч'к'ий?» А óн: «Ид'и, врáйи ттаб'е кòжу, йá тт'иб'е щ'áс!» — нá неуó, зькзыр'áлс'и. Ну и зьпр'ет'ил: «Нь С'иб'ир' уйед'им». Мáмь н'и г' какуйу: «Н'е, н'и пайеду нь Сиб'ир', шó ты м'ин'е пр'ив'òл, эть, йá б'уду з д'ит'áм'и стрáн'ьств'ват'

там. Н'ёт!» А наших л'уд'ей там! Ишшо м'ожэ хт'о зн'ь к'д'а п'ьп'уй'ех'ъл'и н'ь С'иб'ир на эту. З'ап'ак'вал'и б'ь'у'а'ц'т'в'ь — там и п'ан'овы, ск'ок'ь з'ипун'ов ы ск'ок'ь эт'и ш'убы хвалд'ух'и, и ч'икм'ани — там, и не пражыл'и б' у'ьт н'и у'н'ук'и, н'и пра'унук'и — б'ь'у'а'ц'т'в'ь б'ыл'ь. З'ьп'к'вал' эт'и и б'ь'у'аш уп'ир'от' эт'прав'ил, б'ьт'ак'а. А сам'и н'ьз'ад'е.

Ну пр'ий'ех'ъл'и н'ь С'иб'ир, ну жив'ут', жив'ут', а он у'вар'ит', б'ьт'ак'а: «Над'ь ш, П'ол'к', и'ех'ьт' пр'ь б'ь'у'аш узн'ьв'ат-ть. Ну, ул'ан' ишшо к'д'а». Ну, пай'ех'ъл. Пай'ех'ъл и, и там уш н'ь дру'ой д'ен' и'ед'е. Ид'е, у'ьт', эт'ь в'от так, кн'ут'ик'ьм п'ьб'атыв'ьйе. П'ад'ьш'ол: «Ну, у'ьв'р'ит', П'ол'к', б'ь'у'аш ухл'оп'ьлс'и». Тад'ь-т'а н'е так, как ш'ас, пра'вд'ь? Тад'ь р'азур'ом б'ыл. И вс'о. Пр'ьп'ал б'ь'у'аш ы фс'о. А ид'е там, и фс'о. М'ам'ь у'р'ит': «Б'ст'альс' у м'ин'е д'в'ена'ц'ьт' м'етр'ьв — арш'ин, д'в'ена'ц'ьт' м'етр'ьв, эт'ь халст'ин'ы». Арш'ины т'ьд'а н'ьз'ыв'ал'и. И вс'о. М'ам'ь пр'ьд'ьл'а, у'на д'ьр'ьу'ай'ь б'ыл'а халст'ин'а. И там пажыл'и, пажыл'и. Он, м'ой у'т'ец' п'ьступил н'ь п'ьст'ьй'анн'ьйу раб'от'ьт'.

Смерть отца

А н'ь п'ьст'ьй'анн'ьйу над'ь ч'ер'е... р'ек'а Ч'ар'ьш б'ыл'ь з'в'ат'. Ч'ер'еш Ч'ар'ьш, там ид'е-йт'ь круж'ат'. Ну в'от, з'им'а, п'ьд' у'кт'абр'ецк'ьйе он ут'оп. Ц'арств'ь Неб'есн'ьй бат'ак'и, ут'оп'ин'ику! Ой, и'а н'е ма'у! М'ам'ь р'ьск'азыв'ьй, а и'а б'ыв'ал'ь, кр'ич'у: «К'аг жэ он ут'ьп'ал, хал'одн'ьй'а!» А б'ыл ад'ет'ьй он. Эт'ь, ш'ол бы у'т Ч'ор'над'упк'и! Тул'уп, эт'и, в'ал'инк'и с кал'ош'ьм'и, и ша'пк'ь к'ьлп'ьк'ом б'ыл'а. Т'ьд'а м'од'ь б'ыл'а, м'ош там н'ь Сиб'ир'и м'од'ь б'ыл'а к'ьлп'ьк'ом ша'пк'ь. И н'ь саб'е н'ос хл'еб'а п'еч'он'ьг'у м'ожэ п'уда дв'а, нам, нам зб'ир'ал, у'ол'ьт! В'от он ид'а, ид'а эт'ь, н'е так ш'ол, вот вот так, х'од'ьм, а ш'ол в'от так бат'ушк'ь м'ой, б'ок'ьм! А он эт'ьт, др'ьг'ьйе. «Д'ь куд'ь ш ты ш'ол?» — и'аму п ск'з'ат', а он з'ьш'ол там у стар'ошк'у. Ну, стар'ошк'а. И у'вар'ит': «Р'иб'ат', как мн'е в'от, м'ожн'ь эт'ь, пр'айт'ит' т'ут, н'ьпр'аму'йу?» — «В'о, Н'ич'ай'ew, маш'ины и'ез'д'ийут', а т'ь байс'с'и п'ешк'ом». В'о, дур'ак'и. А там б'ыл'ь м'ожн'ь круж'ат'-ть, х'от' д'ьл'ак'о. Ну он, бат'ушк'ь м'ой, а там у'дна ж'эн'шшын'ь, эт'ь к'ьлат'иль р'уб'ахи, в'ал'к'и т'ьд'а б'ыл'и, у'на, там, эт'ьг'а, н'ь край'у-т'а, и в'от так кал'от'е. А он, б'едн'ьй, кр'икнул у тр'ет'ий р'ас: «Не дайт'е душы па'уйбнут'!» И ут'оп. Фс'о-т'а ч'ижал'о как ы, у'брушыл м'етр'ьв д'в'ена'ц'ьт', эт'а, л'д'у, и ут'оп. Ой, б'ол'н'ь, б'ок бал'ит' р'ьск'азыв'ьт'. Ну в'от. И т'ьд'а эт'а, р'ьбак'и р'ьбу лав'ил'и, и п'ьйм'ал'и и'еу'о к'ьл... эт'ьт, к'ьлп'ак'.

Болезнь и выздоровление матери. Добрые люди помогли

Ну а м'ь жыл'и там у ж'эн'шшыны, наш'эй д'ер'евн'и у'на. А он ы в'ьш'ол, а м'ам'а... М'ь сп'им уш там, нам, с нам'и м'ам'ь спит' н'ь, эт'ь, н'ь п'ас'т'ел'и. А он у'вар'ит': «Т'от' М'он', а т'от' П'ол'а у'д'е?» — м'аму П'ол'а з'в'ат'. У'на у'р'ит': «Д'ь в'он спит' з д'ит'ам'и». У'на у'р'ит': «А ш'то?» А он у'р'ит': «Д'ь хт'о знай, к'ау у'вар'ит'». М'ам'ь у'р'ит': и'а т'ок'ь слых'ал'ь эт'ь, он ск'з'ал: «А хт'о знай, у'ьт', как и'ей у'вар'у. Д'ь и м'ь в'от нашл'и д'ад'и а'ндр'е'иву п'ьйм'ал'и ша'пк'у, к'ьлп'ак'». Ну и у м'амы н'оу'и

ьтн'ал'ис'е, мамъ дв'енаццѣт' н'ад'ѣл' б'аз нѡу л'ежалъ. Ъна, мы, нас-ть трѡе ѡкъл'йѣй. А ѣнт'и пѣрь... хтѡ знай ид'ѣ, пѣрьзбр'ал'ис'е ѣт'и мѣйеуѡ ѣцца д'ѣт'и-ть п'ат'ерѣ. Хтѡ жан'илс'и, хтѡ там вышѣл, хтѡ. Ну а штѡ д'ѣлѣт'? А ѣт'и бѣбы тѣм так'ийе с'иб'ир'ак'и — дѡбрѣи, так'ийе дружнѣи ан'и — д'в'енаццѣт' рѣз бѣн'у тап'ил'и, бѣн'у! Дрѣвѣм'и тѣдѣ тапил'и. ѣвар'ит'. «Штѡ ж, д'ѣт'и-ть прѣпѣдѣй-ут', б'ез н'ѣй, б'ез мат'ир'и. Дѣвѣйт'е йѣй л'ач'ит'». Д'в'енаццѣт' рѣз бѣн'у тапил'и и йѣй бѣн'ил'и ѣт'им б'ер'ѡзѣвым в'ѣн'икѣм с'ѣкл'и нѡу'и. Там пѣр'ил'и йѣй, смѣзѣвл'и — ѣташл'и нѡу'и. ѣспѣд'и, ѣсл'и живѣе ан'и, дѣй им Бѡу ишшѡ жѣт', жѣт', д'ѣт'ам йхн'им. Ах, тѣ мѡжѣ вѡт пѣм'ѣрл'и, цѣрѣствѣ им н'ѣб'ѣснѣй, вѡт ѣт'им л'уд'ам, как'ие маму пус'т'ил'и на с'в'ѣт! И ѣна ишшѡ мамѣ жылѣ, вѡт м'инѣ, м'инѣ ѣл'ан' скѡкѣ выхѣд'илъ ѣна! Уш йѣ — ѣна ум'ерлѣ, мамѣ, вѡс'им'д'ис'ит йѣй ч'итѣр'и ѣдѣ бѣлѣ, а йѣ уш п'ѣн'з'ийѣ, к п'ѣн'з'ии ишшѡ, ѣдѣ пѣжылѣ дѣ п'ѣн'з'ийѣ, йѣ уш дѣжылѣ дѣ п'ѣн'з'ии. Вѡт, и нѡшк'и хад'ил'и, ѣна у ѣдѣ п'ѣшкѡм хад'илѣ! Нѣкѣд'ѣ мѣслѣ, нѣзѣт, нѣп'ѣр'ѡт, хѡд' бѣ пѣрѡжн'ийе, а тѡ нѣ саб'ѣ т'ан'е. Мѡж ѣна п'ѣдд'ес'ѣт рѣс у ѣдѣ хад'илѣ п'ѣшкѡм. Мѣшѣн-ть тѣдѣ н'ѣ бѣлѣ и ѣфтѡбузѣв.

Вѡ, кѣк жѣл'и. А тѡ щ'ѣс живѣт' — н'их'т'и х'тѡ (?), м'ид'в'ад'ѣл'уцѣ ѣс'ѣ, вѡт мѣрѡжѣнку тѣм, ишшѡ ч'ѣо, нѣ. А мы жѣл'и — йѣ нѣ трав'ѣ жылѣ, тра-ву йѣлѣ — св'арѣубс, шшѣв'ил', ѣтѣ, хѣлѣшк'и, кѣзѣл'ѣц. Тѣ, вѣ знайт' ѣтѣ вѡт? Кѣзѣл'ѣц. Тип'ѣр' ѣтѣ, вѡт ч'ѣснок кѣкѡй-ть дѣ крѣлѣй бѣл нѣ луѣу, бѣвѣл пѣд'ѣмт'е, пѣд'ѣмт'е, — д'ѣт'и сѣб'ѣр'ѣмс'и. И ѣтѣ бѣрын'е, вѡт рѣзѣрѣч'ивѣицѣ, ѣна ш тѣкѣй скѣл'искѣйѣ. А мы вѡт тѣк скѣтѣим и ѣ рѡт, ѣту бѣрын'у, л'ис'т'йѣ, ан'и ш малѡд'ин'к'ии. Вѡт. Йѣ, мѡжѣ ѣспѡт' м'ине д'ѣржѣ, йѣ из ѣтѣй, ис трав'ѣ, ис трав'ѣ йѣ из д'ѣлѣнѣ. Вѡт кѣк.

Д: А как же вы в Роговатку вернулись?

ЕА: А пѣтѡм мѡй ѣт'ѣц ѣм'ѣр. Он ѣм'ѣр пѣд ѣкт'ѣбр'ѣцкѣйе. А вышлѣл он ѣтѣ в'ѣснѡйу. Вѡт. И с ѣпр'ѣжѣм' и ѡшѣд'и вѡт тѣк бурлѣйут', ну св'ѣт кѣн'ѣц тѣм, утѣпѣл'и. Ну вѡт. Ну и ѡн-ть пѣлѣѣ. А рыбак'и ан'и знѣл'и йѣуѡ. И ѣр'ит': ѣтѣ Н'ѣч'ѣйѣв пѣлѣѣ, д'ѣд'ѣ Ъндрѣй. Нѣ-кѣ пѣдѡднѣйу лѡтку пѣд н'ѣуѡ, и йѣуѡ ѣтѣ. А йѣмѣ уш ѣтѣ п'ѣс'ик'и абѣл'и рыбѣ, ѡн ужѣ, за н'ѣуѡ вѡт тѣк н'ѣл'з'ѣ ѣз'ѣцѣ, он шшѣп'ицѣ. Нѣ и йѣуѡ, вѡт тѣк нак'ѣнул'и рубѣшкѣ и ѣтѣ бр'ѣк'и. И тѣх-ть во кѡйе-кѣк ѣ ѣрѡп пѣлажѣл'и йѣуѡ. И вс'ѡ. ѣтѣ бѣт'ѣку ѣтѣ ѣпрѣв'ил'и, сѣхрѣ-нѣл'и.

Мѣмѣ — д'ѣдушкѣ ишшѡ бѣл, ѣт'ѣц мѣмын живѡй, ѡн с нѣм'и нѣ С'иб'ир' уйѣхѣл. Ну ѣдѣлѣт бѣл. Ну вѡт, ну и ѣтѣ вѡт ѣрам'илѣвкѣ бѣлѣ. Ну и тѣдѣ ѣтѣ, мамѣ пѣступ'илѣ за ѣт'им'и зѣ пѣрс'ѣтѣм'и ѣт хад'ит'. Ну а штѡ д'ѣлѣт'. Д'ѣт'и жѣ, нѣдѣ ш кар'м'ит'. Пѣтѡм ѣтѣ, тѣм клѣдб'ишшѣ бѣлѣ у пѡл'е. Ъна выѣн'ѣ пѣрс'ѣтѣк мѣл'ин'к'их ст'ѣр'ѣч', ѣна нѣ нас-ть скѣжѣ: «Ид'ит'е, вѡн ѣтѣ вѣрѣбѡйушк'и, б'ѣу'ит'е пѣймайт'е», а сѣмѣ ѣтѣ свѡл'ицѣ нѣ маѣйлу и кр'ѣч'ѣт'. Нѣн'ѣ кр'ѣч'ѣт', зѣфтрѣ кр'ѣч'ѣт'. Нѣпѣлѣ нѣ нѣй жалтѣхѣ. Не ѣткѣй жал... вѡт ѣлѣзѣ жѡлтѣи, ѣр'ит', кѣк вѡт пѣтсѡлнѣх т'в'ѣт'ѣ, жѡлтѣи. И л'ицѡ, и рѣк'и, ус'ѡ. А д'ѣдушкѣ ѣвар'ит': «Пѡл', дѣ штѡ, штѡ ты стѣлѣ тѣкѣй?» И л'ѣд'и-ть: «О, дѣ ит' ѣтѣ, Пѣлѣѣйѣ, ѣтѣ у т'ѣб'ѣ жалтѣхѣ», — а ѣ нѣй ѣдѣ н'ѣ выживѣлѣ. «Ой! Дѣ штѡ жѣ? Пѣтсѡлнѣх тѡкѣ зѣт'в'ѣт'ѣ

п'э́рвѣй, и пр'а́м ѡеу́о р'в'и́ и ѣт'апл'ива́й. И э́йт'ь, п'е́й э́ту во́ду». Ёна́ п'ѣп'ила́ мо́жэ ба́н'к'и́ и тр'и́ э́т'иу́ во́ тр'о́хлитро́вѣй, и ёна́ э́т'ь, п'ѣджы́ло у́ не́й. «П'ѣт'солну́х'и́ р'в'и́, то́к'ь з'ѣт'в'е́т'е́, во́т п'э́рвѣй э́т'ьт', и пр'а́м ѡеу́о р'в'и́, и ѣт'апл'ивѣ́й и п'е́й э́ту во́ду. Во́ду н'ика́ку́ н'е́ п'е́й, то́к'ь э́ту п'е́й и п'е́й и п'е́й. Ка́ и хо́т' п'и́т' захо́ч'иш', п'е́й хало́днѣ́й, ѣсту́жа́й». Во́т, и ёна́ ма́м'ь, ён'и́ ѣп'а́т' л'у́д'и́ вы́л'ич'ил'и́ ѡе́й.

Возвращение в Роговатку

Ну пато́м ма́м'ь ѡва́р'и́д: «Ба́т'а, д'ѣва́й уѡе́д'им. Н'е́ хач'у́ ѡл'ад'е́т' — и тр'ѣва́ н'е́ т'ька́й'ь, и п'т'и́цы н'е́ та́к ч'ив'и́ка́йут', д'ѣва́й уѡе́д'им ат'су́д'ь, д'ѣва́й уѡе́д'им». — «Ну́ д'ѣ д'ѣва́й». А д'е́душк'и́ во́с'им'д'ис'ит' п'а́т' ѡадо́в, ста́рѣ́й та́ко́й. Ад'и́н зу́п у́ ро́т'е́ был' ку́дн'и́й. Во́с'им'д'ис'т' п'а́т' ѡадо́в. Ну во́т ѡе́д'им, а та́м ѡа́му, зна́иш', д'е́душк'ь — и то́ ѡа́му п'и́р'ьжо́к та́м, ѡа́йч'к'а́ д'ѣва́й-ут', ѡа́му, д'е́душк'и́, ну ста́р'ин'к'и́й. Н'ѣ́ и во́т у́ ѡр'е́м'а́ч'и́е, вы́ слы́ш'ѣл'и́ ѡр'е́м'а́ч'и́е п'ѣд' Варо́н'и́жы. Э́т'ь, туды́ мы́ ну шл'и́, п'е́шк'ом во́пч'ѣ́м. Ну и та́м п'ѣд' лаз'и́нч'к'и́йу́ п'ѣпра́с'и́льс' ма́м'ь у́ жэ́н'шшы́ны, э́т'ь «Т'о́т'а, д'ѣва́й мы́ э́ ту́т х'ѣт' п'ѣд' лаз'и́нч'к'и́йу́, у́ м'е́н'е́ во́т ѣт'е́ц з'ѣбал'е́л», э́т'ь. Ёна́: «Д'ѣ́ бу́т'т'ь п'ѣд' лаз'и́нч'к'и́й». А у́ не́й сы́н рабо́т'ѣл' у́ р'ѣйо́н'е́ та́м ч'е́м-т'ь. У́ не́у́о т'ил'ихво́н' пр'е́м, ну о́н спи́т' — т'ил'ихво́н' о́к'ѣл ѡеу́о. Ну н'е́ т'ьк'о́й во́т, н'е́ со́т'ѣв'ѣ́й, а та́к'и́е, ко́мн'ѣтн'и́. Ну́, ма́ма́, а о́н ѡва́р'и́т': «По́л'к', и́д'и́, до́ч'к', п'ѣпра́с'и́с', во́н, во́н та́м нас' с'е́л'ут', ска́: жы́в'и́ на́ п'е́ч'к'у́, ѡа́ д'у́жэ́ ѣз'а́п», — д'е́душк'ь. Д'ѣ́, а тады́ ма́м'ь-т'ь ѣт'ы́шла́, о́н: «До́ч'к'а́, д'ѣ́ ѡл'ад'и́ та́м, а э́т'ь, що́п' т'еб'е́ ѣфч'а́р'ьцк'ѣ́й ѣс'ѣба́к'ь н'е́ кус'и́ла́, та́м ѣв'е́ц ст'ир'а́у́т'», — д'е́душк'а́, пасл'е́дн'и́йу́ сло́в'ь ѡе́й ск'ѣза́л. Ёна́ паб'е́у́ла́. «Д'ѣ́ ск'ѣр'а́йе́, пр'иха́д'и́!» — н'ѣ́ ма́му. А мы́-т'ь, о́к'ѣл ѡеу́о п'ѣса́у́н'ул'ис'е́, л'а́жы́м. А о́н уш' ѡ́м'ер. Ма́м'ь-т'ь убо́еу́ль, а о́н уш' ѡ́м'ер. А мы́ л'а... ну шо́, мы́ д'е́т'и́, ищ'о́ ѡа́ была́, ма́м'ь нас'и́ль м'и́не́, та́м мо́ж ѡдо́ѣ́ два́ мн'е́. Ну во́т. Ну, ма́м'ь п'ѣт'ска́ч'и́ль: «Ба́т'а, ба́т'а», — а о́н ужэ́ ѣту... Ёна́ з'ѣкр'и́ч'а́ль, э́т'ь х'ѣз'а́йк'а́ вы́шл'ь: «Д'ѣ́ што́ случ'и́льс'ь, жэ́ншшы́н'ь?» — «О́й, д'ѣ́ во́т ѣт'е́ц по́м'ер', што́ мн'е́ т'ип'е́р' д'е́л'ѣт'?» — н'ѣ́ даро́у́и, ну, д'ѣл'о́к'ь, з'ѣ́ ч'ѣу́о бра́ц'ѣ́? Ё́ ёна́: «О́й, ну н'е́ на́д'ь, н'е́ валну́йс'и́, та́б'е́ д'у́жэ́ у́п'ер'ад'и́ ѡро́р'ь мн'о́у́», — э́т'ь ба́б'ь-т'ь, да́й ѡе́й Бо́у́ здраво́в'ѣ́а́. «Жэ́ншшы́н'ь, та́б'е́ д'у́жэ́ мн'о́у́ ѡро́р'е́ у́п'ер'ад'и́ ишшо́. Ну п'ѣуа́д'и́, ѡа́ паду́ св'ѣ́йеу́о сы́но́ч'к'а́ п'ѣб'е́спако́йу́, он хо́т' то́к'ь л'о́к». Ну́, ув'ѣ́шла́ и ѡа́му ск'ѣза́ль, сы́ну. Он пр'а́м э́т'ьт', тру́пк'у, ну́, «И́ н'е́м'е́дл'енн'ѣ́ вы́е́ж'ѣ́йт'е́, и з' ѡро́б'ѣ́м и...» Ма́м'ь ѡл'а́нуль: ѡ́ш ѡе́д'е́ ма́шын'а́, ѡро́п ма́шшо́н'ѣ́й та́м, хр'о́ст ч'о́рн'ѣ́й та́м, ну ѡ́с'еу́о, н'е́в'ѣ́з'мо́жн'ѣ́. Ну во́т. И́ ус'о́ ув'ѣ́бра́л'и́, ну ѡеу́о п'ѣру́з'и́л'и́, ад'и́н ѡва́р'и́т': «Д'ѣ́ д'ѣва́йт'е́, р'е́б'а́т', д'ѣ́ хт'о́ зна́й, ка́му́ к'ѣка́й'ь см'е́р'т', ну д'ѣва́йт'е́ ѡеу́о п'ѣло́жы́м, д'е́душк'у». Ну, д'е́душк'ь. Ну и, ад'и́н з'ѣ́ но́у́и́, а дру́го́й — п'ѣла́жы́л'и́ ѡеу́о у́ ѡро́п. А ма́м'ь с' н'им-т' ха..., с' н'и́м'и-т' хат'е́л'ь н'ѣ́ к'ѣ́й... На́с тро́е́ и ёна́. А ан'и́ ск'ѣза́л'и́: «Д'ѣ́ ба́бушк'ь, — н'е́, т'о́т'а, ёна́ ишшо́ м'ѣ́л'ѣда́й'ь, — т'о́т'а, на́ та́б'е́ д'е́н'ѣ́х, — т'ѣ́да́ д'ѣ́в'е́с'т'е́ ру́бл'е́й да́л'и́ ѡе́й, дв'е́с'т'е́ ру́бл'е́й! Т'ѣ́да́ де́н'у́и́ зна́иш' ка́к'и́е! Ау́а́, — Э́т'ь ты́ п'ѣм'е́н'и́ш', э́т'ь, во́т, вы́ п'ѣм'е́н'и́т'е́. А што́ ты́ бу́д'и́ш' э́та́, д'ѣ́ и ант'у́д'ь ѣбра́тн'ѣ́? Н'а́ ѡе́з'д'и́, т'о́т'а, н'а́ му́ч'и́й д'и́т'е́й и с'ѣ́ма́

с'еб'е. Мы йеуо б'уд'им ишшо купат', п'трашыт' и схарон'им к'к' надь, — им жь плот'ут' з'а эть. — И п'прыщайт'ис». Дь мамь з'уьлас'иль, з'кр'ич'аль, йеуо п'в'азл'и, д'едушку у Варон'еш, там йеуо сх'ран'ил'и. Вот т'б'е ш. Дь и в'стальс' вот с нам'и, и ус'о, мам'а.

Сколько мы прожили! Снова добрые люди

Э, ск'окь мы пражыл'и, ск'ока, ск'ока! Эт'к н'ихто н'е пражыл, как м'ы, н'ет. Пр'ийехл'и с Сибирь, уарот н'е д'в'ал'и, дь п'ч'аму ш? П'л'а... бур'йном, а уарот н'е д'в'ал'и. Вот мамь — л'ет'ь н'стан'е, т'на п' л'уд'ам к'из'ак'и д'ельйе, вы н'е знайт'е шт'ь? Киз'ак'и д'е..., вот топч'е эт'и стан'к'и, топч'е. Киз'ак'и, уароды пол'е с л'у..., хаты м'азыл'и тады, знайт'е? Ну, ой, ой, мн'оуь, мн'оуь, йа б'лакаль п и ден', и два, и тр'и дн'а, н'ад'ел'у и. И эт'к'их п'ер'ажыт'к'ф ск'окь, ск'оккь б'ыл'ь уор'а, ульда, х'льда, ох!

Рас ид'е с нам'и в'асно'йу, т'на, мамь, у Варон'иш, н' пр'к'рмлен'ие. Т'да н' к'ильурамы д'в'ал'и хл'еп. И, нун'е хв'ята'й к'ильурамь — пр'ир'езач'ик. Вот ан'и эт'т пр'ир'езач'ик, там ст'яа их м'ил'ийоны нас, эт'их д'ит'ей — ан'и т'д'в'айут', эт'т, пр'ир'езч'к. В'т мамь-т'ь с'ма н'ейд'е, м'льда'й, ст'идн', скай п'ч'аму н'е раб'от'иш? А ид'е раб'от'т'? Йей раб'оты н'е б'ыл'ь. А м'ы-т'ь мал'ин'к'ии. Т'на: ид'ит'е, ид'ит'а. Вот т'на, прашл'и, йа с н'ей, т' эт'т В'ар'к'а и н'ан'а. Пай-д'ут', н'асут' хл'е... н'б'арут' ет'их кусоч'к'ьв. уосп'д'и! А рас ыд'им п'ешком у Варон'еш. П'ешком! Т'окь в'асно'йу нач'ал'и эт'т ст'о'жыч'к'и. Эт'т, дь Скуп'ой дашл'и — в'сп'лен'ийь у мамы, т'на ш пол'йь в'да. Пр'естуд'ильс' — у л'пт'ах, у ч'ом хад'ил'и — у л'пт'ах. А нас в'езла н' п'тсанк'ьх. В'да п'ерх-ват'ила — н'и туды, н'и суды. Мамь: «Ох, ох», — кр'ич'ит', — в б'ок з'кал'оль, н'е мау'. К'ой-каг дь хаты там д'ьпалзу'. Т'на к' едн'ой п'прас'ильс'е: «Ну, у м'ен'е н'еуд'е». Ну, хаты ед'инарк'и т'да б'ыл'и. Ну эсл'и з' душой, эт'т хот' как-н'ибут', а пус... ну, знач'ит' у ней н'ет ус'ерд'ие. Ну вот. А мамь — тады там с'рай, рыуь, т'на д'оруж'ий сал'ому, мамь, и нам эт'т — слат'. Ну, хот' н' дароу'и, а хот' п'д эт'им. А едн'а ид'а: «Т'от'а, шшо ты д'ельйиш?» А мамь — ну, з'кал'оль йейо, в'сп'лен'ийь. «Дь вот, спат', д'ит'ей, надь хот' т'хт'аво, с'аду н' эту, н' сал'ому». Т'на п'д'шла к' эт'т'и ж'ен'шшыны: «В'ер'а!» Т'на: «Што?» — «У т'иб'е эт'т, ты кр'ест нос'иш?» — н' н'ей. Т'на: «Нашу. А што?» — «А што жэ ты эт'т? эт'т вот скат'инь ил'и л'уд'и? Хот' и скат'ин'а, ус'о равн'о надь шт'о-йт'и и п'слат'. Ну што ж ж'ен'шшынь д'оруж'ийе сал'ому? И спат', эт'т, лажыт' д'ит'ей. И с'ма з'бал'ель». — «Ну у м'ин'е н'еуд'а, а эт'т, их мн'оуь л'уд'ей». Нас эт'т н'ан'а, мамь, В'ар'к'а, йа — ч'ит'ыр'и эт'т ч'илаек'ь. Ну йа-т'ь хот' мал'ин'к'а, ну ус'о равн'о. «Ид'е йа их б'уду, н'ехай к'да вот...» Т'на: «Ну ладн', йа вазму дв'ух. И ты, вот эт'т мал'ин'к'ийа д'евч'к'а и йей. Дь сматр'и йей, эт'т, сатр'и», — к'ирас'иньм т'да с'т'ирал'и. Эт'т п'ерв'ий лек'арств'ь. К'ирас'ин'ам. Ну т'на, мамь ур'ит', правд', эт'т ж'ен'шшынь, эт'т, на п'ч' м'ьне, н' п'ач'е, — ур'ит', — ур'ач'о, как п' ент'ий п'есн'и, н' к'рват'и хол'дн'. Ну и п'лажыл' м'ьн'е на п'ач'е, р'ст'орль м'ьне. Скор'ийа. Р'ст'орль м'ьне, увар'ит', у^w эт'т,

ъбв'езалъ, и там нъ п'ач'е мамъ. Палѣкшыль. А эт'и двоѣ у ѓнтъй баб'е. А йа-тъ уж, ыр'ит', и думъйу, пълѣкшыль, а ид'е ш ѓнт'и? Ид'е ш ѓнт'и? Ну пр'ишла ѓтъ бабъ и ырвар'ит': «ѐтъ, т'от'а, н'е б'еспакѡйс'и, ан'и, ырвар'ит', м'ел'н'иць там м'еле, а йа их пръслалъ нъ м'ел'н'ицу. Там м'ел'ут' л'уд'и, и им дъвай-ут' пъ ырстгч'к'и мук'и. Дъ, ыр'ит', нъбрал'и х'унтъв, ыт, дѣс'ит', как ан'и дътанул'и, ыт, н'е знайу, дъ м'ен'е. Ишшѡ, ыт, пашл'и». ѓ мамъ-тъ: «Дъ йа радъ, о». Дъ т'ѣсть нам'ѣс'а, а мы нъйар'ивъим ѓту т'ѣсть, такуйу, сыруйу. Во каг жыл'и. Как мы, ѡ, п'ер'ажыл'и мнѡуъ, мнѡуъ.

Не умела читать. Письма от жениха

Д: Елена Андреевна, а в школу-то удалось походить вам?

ЕА: Мн'ѣ? Ох, вѡт то-тъ, то-тъ-тъ, йа неурамътнъй. Кубы ш' йа была урамътнъй! От хат'ельъ ѓ школу! Вѡт иду, а кърндаш н'е зъ ще купид' былъ. Ты пн'имайш, кау жыл'и. Тады-тѡ п'орушк'и был'и. Нъ палгч'к'у п'орушку, н'иткъ ѓдна, и ѓбмч'айш у пузыр'ѡк и п'ишыш. Вѡт' йа б'ыл бумашку какуйу пьды-му — врод'и ч'итайу иду, ну хат'ельсъ мн'ѣ ѓ школу. А йа нъ маму с'ер'ч'айу вѡт за ѓтъ, што ѓна м'ѣне, былъ п мѡжнъ. У нъ Къвкъз'ъ жыл'и тр'и ыдъ мы, ыд'ѣ хлпкъсавхѡс, хлѡпкъ с'ѣил'и. Тъу вы знайт'е, што ѓтъ, хлпѡк? Вѡт ѓт'и вѡт прастыи ѓт'и... И вѡт ан'и... Ан'и на н'ѡм рабѡтгль'и, на ѓтм на хлѡпку. Вѡт ы з'б'ираг' — п'ер'вѣй вылаз'е, как со'пл'и, в'ис'ит', бл'ас'т'ит', ан'и йеуѡ з'б'ирай-ут', и хвартук'и так'ийа, ну йим дъвал'и. И з'б'ирайут'. Ѓна л'ѡхкѣй, но нуднъй. Ѓна пѣясн'иць — кубы саус'ѣм наунуфшы, а то нъпълав'инъ ѓтъй. А знайш, как умар'ивъл'ис'е. Ну вѡт. И вѡт тр'и ыдъ жыл'и там.

Д: А это какой же город там?

ЕА: Ёржн'ик'ид'з'ицк'ий край, станцыйъ Т'ер'ек. Вѡт ид'е ш'ас Ч'ич'н'а ѓт'и вѡт. Вѡт мы там жыл'и. Вѡт йа п пъхад'иль ѓт'и хѡд' бы тр'и ыдъ-тъ! И йа п то и то, и йа п ухват'иль уч'ѡбу ч'ер'ъс скѡкъ-н'ибут'. А то вапч'ѣ неурамътнъй. Ну расп'исывъщъ мауу. Там бѡквы ѓс'ѣ знайу, а слѡжывѡт' н'е мауу. Вѡт в'иш как.

И вѡт у Маскв'ѣ йа жылѡ нъ к'ирп'ишнъм завод'е. А у м'ѣне жан'их там был, Курбанѡв Зъхар Бар'ис'ив'ич'. Он служыл там, а йа нъ к'ирп'ишнъм завод'е рабѡтгль стѡвшыщъйу. Н'е падумъй стѡвшыщъйу. Вѡт выуан'ѣтк'и, а мы пъ шѣс' к'ирп'ич'ѣй, вѡт с ѓнтгъв бѡкъ ч'елаѣк и с ѓтъуъ. Вѡт' йа сваи м'инут'и пькладу, апилкъм'и п'ер'асыпл'у, а ѓна ишшѡ склъдаѣе. Дъ што ты там? Штоп н'е зъд'ер-живъл'ис' ѓт'и, выуан'ѣтк'и.

Ну, нъпалс'и жан'их мн'ѣ. Ну ан'и пр'идут', къда им увал'н'ит'ел'нъй, ан'и там к нам ув ѓпшч'ѣжыг'ийе пр'идут'. Ну вѡт. Ну ад'ин, он крас'ивъй был Зъхар Бар'ис'ив'ич'.

Д: А что ж вы за него не вышли?

ЕА: Дъ надъ йупку пькъзат' у Ръувѡтк'и! Нъбрал'и нър'адъв. Пъч'аму? Пъслухъй, кау жѣ ѡн н'и ѓз'ал бы м'енѣ. А ѡн в ѡтпус пайѣхал дамѡй. Мат'ир'и скъзал: йа там нъшѡл д'ивч'ѡнку, ѓна рабѡтгъе нъ к'ирп'ишнъм завод'е. Ну вѡт, йа ѓтслужу и пр'ийѣду с нейу. А мат', а ѡн хѡхѡл был: «Пъжалустъ, пр'иваз'и,

мы н'е прот'..., л'йж бы т'иб'э н'рав'ильс'». Ну, пр'и... там, част'инцьв мн'э пр'ив'ос. Йабльк'и вот так'ийа, а, што ты! Йабльк'и! Тьда-ть, их р'еткь, эть щ'ас у кáжньуь. Ну вот. Вот нам ос'ин'йу увал'н'ит'ил'ньи: «Д'еьушк'и, хтó жэла́йе, ьств'а́йт'ис'а, мы вам кварт'ёры, пь два, па тр'и ч'илэ́ка, кварт'ёры ьц... ьцтро́ил'и. Хтó, а хтó дамóй, кáк хóч'ит'а. Пр'ипíскь щ'ас, прапíскь щ'ас, а тó н'а б́уд'е прапíск'и». А мы-ть... Ох, как пл'еч'а лóм'е, óх! Ну вот, с вам'и врод'е зьбьвл'а́йус'е. Зьбьвл'а́йус'. А мн'э — дамóй, ó, дамóй, дамóй! Эт ньбрáл'и нър'адьф саб'э — шóлкьвьи плат'к'и, эть ус'акьи йу́пк'и тáм, пьтай... Ой, кáу... душá, н'евзьмóжнь! Ну вот. А ь'этгь, йá мáмы увьслáль п'исмó, ишшó н'е рашш'итывьл'ис' мы. А мáмь пр'ислáль: óй, дь хвát'а, йежжáй дамóй, йежжáй дамóй. Ну, пр'ийéхьль.

Дá, а óн этгьт Зьхáр, кáк увáшóл, увал'н'ит'ил'ньийь йаму́ былá, а уш кóйк'и уóлáй у нáс. Мы пьздьвáл'и мьтрáсы. А óн как пьдьшóл, áж, ьыт', ув'ес': «А ьд'э ш Лénьч'кá?» — «Дь, — ьыт', — этгь, пашл'и ьас'т'инцы ньб'ирáт' дамóй». — «Кудá?» — «Дамóй, — ьнá, — уйежжáим, рашш'итывьимс'е». Ой, óн у мьуáзин, увьшóл, а тьдá дьвáл'и, кáк-ть, этгь, пь к'ильурáмьм дьвáл'и, эти, сáхьру. А óн мн'э: «Скóкь ты хóч'иш, йá ньб'ару́, тóкь не уйежжáй. Ну штó. А ьввар'у: эсл'и нáдь, пр'ийéдиш, ка мн'э, ну йá саскúч'ильс' пь мáмы. Ну, уйé... А óн м'енé прьвьжáл, нь пóйсь сьжáл. Ну и зьрáбóтъл саб'э ьутбáхту. Пр'ислáл п'исмó: «Лénьч'к'а, йá дэс'ит' сýткь нь ьутбáхт'е был. Из-зá т'иб'э, штó ьпьздáл нь зьн'áт'ийь». Как л'убил! Как л'убил! И дамóй слáл, двá уóдь пíсмы слáл. А пáтом ьър'ит': «Ну хвát'а нáм кьнч'áт' пíсмы, нáдь пь-ньстьйáшшэму схад'ищць. Ну, кькáйь тáм у вáс рáбóта, и етá, йá пр'ийéду к т'иб'э». Ну а хáть былá сьмáнкá, йá ьр'у: «Дь дьл'óкь он пр'ийéд'е, мáмь». Ёна ьввар'ит': «ó, дь тáм йиму хáть нужнá! Дь йаму́ нужнá ты». ьá йá иму ньп'исáль: «Йá выхажу́ зáмуш зь вóт этгьуь, вóт, зь кáкóуь». И йá дáжэ п'ис'мы, тáм кáртгч'ьг бьль — ус'э пьжóк óн, мóй этгьт, тáх-ть р'авн'ивьй. Тáм с'ид'ит' н'ивазмóжнь, д'ужь харóшгьй, пь-вьйенньму хурáшкь кькáйь-ть, ну óн был ч'ин-ть н'ипрьстóй. От как. Пьт'ир'áль суд'бу и фс'ó. А тó пь жылá тáм бы. Ох, у жызн'и мнóуь ус'еуó быль. А н'е ьм'еиш лав'ит' йей, эту шшáст'ийá. Тькóй был крас'ивьй, егьт Зьхáр. Я н'икьдá н'е забúду, Курбанóв Зьхáр Бар'ис'ич'.

Дá! И йóн, йá-ть вáм, ч'ёр'из зёр'н'ицу, этгь бы ьс'ó р'áдьм. Он п'исмó пр'ишл'э, а йá сьмá-т п'исáт' н'и ьм'ейу. Этгь ш инт'ереснь. Сьмá-ть н'и ьм'ейу п'исáт'. А мн'э падрúуь то этгь нап'ише, ну. А мóже ьнá ьт с'ибé ч'еуó-н'ит' ньмул'уйá. А йá-ть пр'икáзывьйу йей: во тó-ть, во тó-ть. Ну óн пр'исьлáйе мн'э п'исмó: «Лénч'к'а, пьч'аму́ ты пóч'ч'ерк м'ен'áиш?» Он нь м'ен'э. Ну, штó ш мн'э? А йá, а йá ишшó-ть ньп'исáль: «Ну, дь йá тьк мау́». А óн ьбрáтнь мн'э пр'исьлáйе, ьвър'ит': «Дáжэ Лén'ин н'а мóх м'ин'áт' пóч'ч'ерк. Лén'ин дáжы пóч'ч'ерк н'а мóх м'ен'áт', а ть ет кькáйь ьрáмьтньйь», — нь менé. Ну уш он тьдá пьн'áл, шшо йá н'еурáмьтньйь. Знáиш, кáу бьль н'еудóбнь. Вот ху... ну мáмь прьшлгьй рáс, этгь, пр'ислáль п'исмó, а óн ьз'áл йей, эту п'исмó. Ну óн ьыт': «Ну дьвáй, дьвáй, ч'итáй, йá ш н'е мау́ ч'ужу́йу этгь. Ч'итáй», — нь менé. А йá пьд'ержáль у рук'э — дь н'ехáй патóм прьч'итáйу. А йá-ть н'е ьм'ейу ч'итáт'. Вот тáк и п'ер'б'ивáльсье, ьрáмьть вóт. Ёб'ижáйус' йá нь мáму. Хóд' бы йá трóх'и мьу́лá п, а тó н'ич'еуó. Вот тáк пьлуч'ильс' у м'енé ь жызн'и.

Литература

Букринская И. А., Дьяченко С. В., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г. / Под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 2 (28). М., 2014. С. 262–309.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Лексика говора с. Роговатое (Старооскольского р-на Белгородской области) в зеркале диалектологического атласа русского языка // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2013. С. 98–102.

Дьяченко С. В. Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ. // Исследования по славянской диалектологии: судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 244–298.

Дьяченко С. В. Гласные в заударном открытом слоге после мягких согласных в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2013. С. 102–105.

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Мальшева, А. В. Тер-Аванесова. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области / Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. / Под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 1 (25). М., 2013. С. 275–285.

Исаев И. И. Инструментальный анализ боковых согласных в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2013. С. 110–116.

Мальшева А. В. Сочинительные соединительные союзы при однородных членах предложения в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2013. С. 138–143.

Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. Предлог у < *ц, *въ в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): к юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Составители О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016–640 с. С. 224–227.

Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. Новые данные о формах, восходящих к плюсквамперфекту, и близких им по значению конструкциях в южнорусском говоре // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): к юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Составители

О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016–640 с. С. 238–241

Тер-Аванесова А. В. I склонение существительных в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2013. С. 155–166.

Тер-Аванесова А. В. Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Исследования по славянской диалектологии: судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 298–333.

S. V. Dyachenko, A. V. Malysheva, A. V. Ter-Avanesova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
dialects@mail.ru*

SAMPLES OF A DIALECT OF THE VILLAGE OF ROGOVATOE (STAROOSKOL'SKIY DISTRICT, BELGOROD REGION)

This publication is a transcript of an audio recording of the speech of Helena Andreyevna Nechaeva (1932), born and living in the village of Rogovatoe Stary Oskol district of the Belgorod region. Elena Andreevna is illiterate, in his youth was a few months working in Moscow construction of Moscow University, then returned to Rogovatoe. This is the monologue in the local dialect, which reflects main phonetic and grammatical features of the language in this region.

Key words: dialectology, southern Russian dialects, spoken language, text, audio recording.

References

Bukrinskaja I. A., D'jachenko S. V., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. Otchetny o dialektologicheskikh jekspedicijah Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2013 g. Pod obshh. red. A. V. Ter-Avanesovoj. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. No. 2 (28). M., 2014. Pp. 262–309.

Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. Leksika govora s. Rogovatoe (Starooskol'skogo r-na Belgorodskoj oblasti) v zerkale dialektologicheskogo atlasa russkogo jazyka. *Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij*. Voronezh, 2013. Pp. 98–102.

D'jachenko S. V. Glasnye pervogo predudarnogo i udarnogo slogov v arhaicheskom juzhnorusskom govore. Kolichestvennyj analiz. *Issledovanija po slavyanskoj dialektologii: sud'ba slavyanskih dialektov i perspektivy slavyanskoj dialektologii v XXI veke*. M., 2015. Pp. 244–298.

D'jachenko S. V. Glasnye v zaudarnom otkrytom sloge posle mjagkih soglasnyh v govore sela Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij*. Voronezh, 2013. Pp. 102–105.

D'jachenko S. V., Isaev I. I., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Jekspedicija v selo Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. Otchety o dialektologicheskikh jekspedicijah Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2012 g. Pod. obshh. red. A. V. Ter-Avanesovoj. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. No.1 (25). M., 2013. Pp. 275–285.

Isaev I. I. Instrumental'nyj analiz bokovyh soglasnyh v govore sela Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. *Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij*. Voronezh, 2013. Pp. 110–116.

Malysheva A. V. Sochinitel'nye soedinitel'nye sojuzy pri odnorodnyh chlenah predlozhenija v govore s. Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. *Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij*. Voronezh, 2013. Pp. 138–143.

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Predlog u < *u, *v v juzhnoruskom govore: fonetika, upravlenie, semantika. *Slavjanskie jazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyj simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 23–26 maja 2016 g.): k jubileju dekana filologicheskogo fakul'teta MGU professora Mariny Leont'evny Remnjovoj*. Sostaviteli O. V. Dedova, E. V. Petruhina, L. M. Zaharov. M.: MAKS Press Publ., 2016–640 p. Pp. 224–227.

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Novye dannye o formah, voshodjashhikh k pljuskvamperfektu, i blizkikh im po znacheniju konstrukcijah v juzhnoruskom govore. *Slavjanskie jazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyj simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 23–26 maja 2016 g.): k jubileju dekana filologicheskogo fakul'teta MGU professora Mariny Leont'evny Remnjovoj*. Sostaviteli O. V. Dedova, E. V. Petruhina, L. M. Zaharov. M.: MAKS Press Publ., 2016–640 p. Pp. 238–241.

Ter-Avanesova A. V. I sklonenie sushhestvitel'nyh v govore sela Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. *Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij*. Voronezh, 2013. Pp. 155–166.

Ter-Avanesova A. V. Udarenie i kornevoj vokalizm i-glagolov v juzhnoruskom govore sela Rogovatoe Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti. *Issledovanija po slavjanskoj dialektologii: sud'ba slavjanskih dialektov i perspektivy slavjanskoj dialektologii v XXI veke*. M., 2015. Pp. 298–333.

А. В. Малышева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annatalys@mail.ru

ОБРАЗЦЫ ГОВОРА С. ТАТАРОВО МУРОМСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Данная публикация представляет собой расшифровку аудиозаписи, произведённой в 2013 г. в селе Татарово Муромского района Владимирской области. Это рассказы Нины Ивановны Игониной, родившейся в 1926 г. и всю жизнь прожившей в Татарове. Нина Ивановна отучилась шесть классов в школе, работала в колхозе, была продавщицей в магазине при крахмальном заводе. Она рассказывает о своих близких, работе, родителях, вспоминает о том, как в детстве ездила с семьёй по вербовке на Украину и делится своими впечатлениями об этой поездке.

Ключевые слова: диалектология, среднерусские говоры, устная речь, текст, аудиозапись.

Текст записан С. В. Дьяченко, И. И. Исаевым, Е. В. Корпечковой и А. В. Малышевой. Подробнее о муромских говорах см. статью И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой в настоящем сборнике, а также [Дьяченко, Исаев, Малышева 2013], [Малышева, Тер-Аванесова 2015].

Расшифровка даётся в упрощённой фонетической транскрипции, построенной на основе русской графики (в одном слове встречается звонкий фриктивный задненебный согласный, обозначенный [γ]). Мягкость согласных передаётся апострофом ['].

Для членения текста на смысловые отрезки используются знаки препинания. Паузы hesitation обозначаются многоточием. Знак (...) указывает на пропуск части текста. Пояснения и комментарии внутри текста даются в квадратных скобках, реплики диалектологов — курсивом.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) проект № 17-04-18022 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Отдельные лексические и синтаксические диалектные особенности выделены в тексте курсивом, при этом особое внимание уделяется употреблению служебных частей речи — предлогов, союзов и частиц.

Семья

У м'ен'а ой, у м'ен'а в'ос'им' внукаф, в'ос'им' правнукаф, ь ды щи эт'и вот праправнук'и йес'т'. А вот праправнукуф н'е знайу *што* [сколько], н'и счита́ла. Вот так. Боу́та.

— *Грех обижаться!*

Да. А ч'о уш уб'ижа́ц-ть. Жыв'ом х'рошо́. Корм'имса. П'енс'ийу х'т' получ'айу н'ибол'шуу йа, д'ев'ит' тыс'ич', а фс'о равно хвата́ит, хвата́ит, хвата́ит.

У м'ен'а род'ит'ил'и *бол'нь* ра́нь у́м'ирл'и. Зо́и-т'и вод бы́ль п'ад' го́д'ик'ф с'естр'е-т'и. Брат'я́а пог'ибл'и тро́йа. От'ец, мат' вон то́жэ давно́, уш йа и н'е зна́йу, ско́л'к'ь л'ет уш, ско́к'ь л'ет.

На койку вон сад'ит'иса эт'ь, уд'ейа́ль-ть во́н оно́ эт'ь. Ну, т'ьк йа *тепе́рич'и* н'е помру́, ишо́ сто́л'к'ь пр'ьживу́.

С'естра́ у м'ен'а одна́, а брат'я́оф — тр'и́ брат пог'ибл'и на фронт'и. Од'и́н брат с'еч'ас *живо́й*, в Му́р'ьм'и жыв'о́т. Вот то́жу ста́р'ин'кый, с тр'и́цатьв'ь го́да. Бо́л'шы н'ету́.

Дом

И н'и хожу́. Ишо́ до́м^ь-т'ь мой [в котором жила раньше] он ус'ирот'е́фшай, м'ен'а тудá уш н'е т'ан'ит, *н'ека-к*. У м'ен'а Ёл'екс'е́й Па́вл'ьв'ич' [муж], вон там он с'ид'ит' [на фотографии], и эта... стро́ил. Од'и́н дом вы́строил'и, згор'е́л'и. Пока до́йт' ход'ила, вон... в эт'т'ьт... кла́л'и коро́ф-т'и *о́к'ьл о́з'ира*, и згор'е́ль. Иду́ йа г... дом згор'ит'... отту́д'ва, с о́з'ира-та. А йет уш вот фторо́й дом-та. Эт уш *посл'и* ишо́ вы-стр'ьили. А жыт'-т'ь вот н'е́к'ьму, д'ев'ч'к'и. А как пло́х'ь одно́й-та, ску́шна! Ну у м'ен'а с'ес... эта... йес' вот с'естр'и́ца, то́жэ, то́жэ, у йей муш то́жэ у́м'ир, Зо́йа Ива́н'ьвна, ну она п'ьмоло́жэ м'ен'а на с'е́м' готко́ф.

— *А вы тут давно живете?*

Фс'у жы́з'н', да, ну н'е в эт'ьм до́му-ту, в друго́м... ну... бы́ль... эт'ь уш вот н'е *бо́л'нь* давно́ мы ту́т. Супру́к: йа дл'а т'а́, ба́бушка, то́к'ь дл'а т'еа́. А вот со мно́й н'екто́ н'е хоч'ит жыт'-та, н'е л'у́б'ут ста́рых-т'и, б'ида́-т'и. То́к'ь вот л'у́б'ут вот, д'ен'и́шку. (...) То́жэ вод до́ч'ка зд'ес' жив'о́т, вот йа и п'ьм'ина́йу *Ро́ма-ту*. До́ч'ка, у н'е́й вот сынóк-ьт жив'о́т в Го́р'к'им, у до́ч'к'и-т'и.

Работа

А ф шко́л'и йа то́л'к шэс' кла́с'ф уч'и́льс. Рабо́тьль йа... эт как йийо... в'ез'д'е́. Ну ф колхо́з'и мно́г'ь рабо́тьль йа́. Ишэ н'ибол'шай'ь былá, кон'ешн'ь. Жал'и, с'ерпа́м'и, д'ев'ч'к'и, жал'и в'ит'. Эт т'еп'ер' вон машы́н'ьм'и. А мы с'ерпа́м'и жал'и. Вот

пр'ид'ош, а р'ук'и-т'и, вон он'е р'ук'и-т'и. Тут ч'о у м'ен'а так'ии-ть р'ук'и? Ут ра-
б'оты. Кос'ил'и косам'и, фс'о кос'ил'и. Луг'оф-т'и полно б'ыла. Ф'ерма у нас была, йа
на ф'ерм'и раб'отыль. М'ылок'о там пр'ин'имал'ь, фл'аг'и м'ыла. Ф' тр'и ч'аса ф'етавала
утра, и туда на ф'ерму. А супр'ук-т'и у м'ен'а, Л'он'-та, он пас скот т'ама. И вот йево заб-
одал... этат... бык. И он п'ь'бол'ел, п'ь'бол'ел и ум'ир. Ужэ давно ум'ир, уш вот наэрн'ь
год'оф ч'етырн'ьц'ьт', как ни п'атнац'ьт'... Вот так ы жив'у одна. Одна вот. Жэлайуш-
ших н'ету... шт'о-та. В д'ер'евн'-ти ос'об'инн'ь. Над'ь ит' вон и угор'от, и усат... Усат
бр'ос'иль, ужэ н'е саж'у, н'ич'оо. Вот ток'ь зд'ес' гр'атк'и. Вод д'оч'к пр'ид'от, нафты-
кайт тут ч'о-н'ибут'. Ну и ладн'ь. А мн'е н'ич'о и н'е над'ь. У нас машын'ь йез'д'ит.
Вот пр'ам'ь зд'ес' вот ф'стонавл'ив'ьца. Вон. Фс'о у м'ен'а йес'т'. И п'еч'ен'йе,
и пр'ан'ик'и и фс'о на св'ет'и. Ток'ь вон гас конч'илса, бой'ус п'ьткл'уч'ат'.

Раб'отыль и зд'ор'ьвь, д'ев'ьч'к'и, зд'ор'ьвь мы раб'отыль. Снач'аль-ть йа
на ф'ерм'и раб'отыла. А пот'ом уш тут вот м'ен'а в заво'т, в лар'ок. Как вро-д'и
с'ирот'у пожал'ел'и. Лар'ок был в заво'д'и. Т'ор'ьшн'ий [крахмальный] у на'з заво'т
зд'ес' вот пр'ам н'ьпр'ам'уй'у. И он тожэ ужэ л'икв'ид'ир'ьвл'са, н'и раб'отыт. То
ран'ш'ь как х'рош'о б'ыл'ь. Крахмал-т'и у на'з был, мы йел'и лапш'энн'ик'и-т'и, как
картошк'у т'еп'ер' вон йед'ат. Как мы эта... ск'ол'к'ь б'ыл'ь. Картошк'и-т'и воз'ил'и
со фс'эх д'ир'ев'ен'и с'ол. Вот ы... И заво'д-ьт-ть раб'отал.

— А завод долго был?

Заво'т-ьт? Да, пор'ад'ьшн'ь, пор'ад'ьшн'ь, уш йа н'е зна'й'у, ск'ол'к'ь год'оф-та. Там
м'ен'а тут э'т'ь устро'ил'и... пр'ам конто'ра была, и зд'ел'ьл'и пр'ам ф'к'ьр'ид'ор'и
э'т'ьт лар'оч'ик. И вот йа там т'ьрговал'ь. Вот отг'уд'ь йа н'ьч'ала т'орговл'у-т. Пот'ом
п'ер'в'ел'и м'ен'а... э'т'ьт ч'ап'ог был зд'ес' ужэ ф'Татар'ьв'и. Э'т'ь ч'айн'ья стро'илас.
Ч'айн'ь в'ьстр'ил'ис, м'ен'а ис ч'апк'а-т'и ф'ч'айну. Вот йа ск'ол'к'ь раб'отыла, в'ез'д'е, йа
как ныро'к, м'ен'а в'ез'д'е, и! Б'йова, ишо и была, н'е зна'й, д'иловай'ь ина'ч'и! Н'е зна'й!

Лапшенники

А, пр'ь лапш'энн'ик-та. Э'т'ь вот ис крахмала бл'инк'и так'е тонк'и п'ек'у-
ца. Н'ь ск'ьвор'отк'и. Мо'жн'ь вон н'ь газ'у-ту, то оч'ин' х'рош'ы йесл'и тут ышш'ь
п'еч'и-та. Постав'ил ск'ьвор'отку, снимай'. Он'е сн'имай'уц'ь х'рош'о — рас —
и п'ер'в'ерн'ош. Ой, у м'ен'а э'к'ь вот супр'ук л'уб'ил: баушка, ч'ай па'р'ьч'ку даш
мн'е! Л'уб'ил э'т'и лапш'энн'ик'и. (...) Ну вот, разво'д'иш, над'ь йево н'ь м'ылок'е.
И йайч'к'ь (...) Па'р'ьч'ку-тро'ич'ку йайч'ик тут фс'о р'ьзб'ива'иш. Пот'ом вот зна'ч'ит
став'иш на гас, ил'и ф'п'еч'и. У м'ен'а вон ы ру'ск'ь п'еч'иш н'е изло'м'ьна. Мо'жн'ь
и в ру'ск'ий фс'о вар'ит' и па'р'ит' вон ы т'ькву, и св'оклу или ч'ев'о там. Фс'о,
у м'ен'а фс'е удо'пства. При'ежжайти ко мн'е, мо'ж'ь жыд' бы пр'ийежжайт'и, кому'
жыт' н'егд'и. У м'ен'а там ишш'о дв'е ко'мн'ьты.

Да, про э'т'и та'к ышо йа пр'ь лапш'энн'ик'и-т'и н'е скаж'у, н'е сказа'ль, ф' кон-
це-ти как. Да. Ну вот снач'ала вот как бл'инны-т'и п'еч'от'и, с'еч'ас п'еч'от'и
бл'инны-ть, вот пров'ер'ит'и, п'ер'в'ерн'ош, а у м'ен'а н'е р'ьссыпай'уц'ь с крахмал-
лу-ту, н'е так'еи, зна'иш. А пот'ом р'ежыш йих, та'к. Пот'ом уш вон в м'йску, или ка-
кай'ь ч'ир'епушк'ь или бл'уд'ь ка'кой-н'ибут'. Клад'ош ых туда оп'ат', накла'дыв'ьш

до цэльвъ и потóm йайч'къ тудá оп'át' и мáсл'ица сл'ивъч'нъва, ну и фкúснъ, д'евъч'к'и, вы н'е йёл'и н'икогдá? У м'ен'á шас уш крахмáлу-ть как н'е вод'ищ. Вот завод как пропáл. То знáиш, знáит'и, каг бýль д'ель-та, ой. Н'осúт полм'ешкá крахмáлу-ту за бутылку в'инá. От каг бýль д'ель-ть. Ч'ó уш тут. Ч'ó, куды хóш д'овáй мен'á, вот што бýль, то и рьскáзывъйу.

— А муку не кладут, только крахмал?

Н'ет, н'ет, тóк крахмáл. И йайч'къ. И мýлокó. Нъ мýлок'é. Нъ вод'é тожé йих плъховáт' бýд'ит. Он'е бýдут каг д'ир'ев'áнны. Вóт ы п'еч'óш. Он'е эть... ф п'еч'é-ть вот в рúскай-то осóб'иннъ он'е запожáр'евны как'é-ть д'éлауць, поджáр'ины. Фкúсныи! Пр'ам бы шш'ас вот пойёл. Дъ н'ету. Крахмáл стал дърогóй. Крахмáл стал дърогóй, а из мук'й-ти лапшэnn'ик-ть н'е тóт, э! У м'ен'á снохá сынóк в Мýръм'и живóт, вот у йих ум'ерлá этa... тóжо бáушкъ. Ну онá н'é былъ шъ была стáр'ин'ка. И вот йá э нъл'оклá дв'е м'йск'и.

Дочка живет в Португалии

Дóч'ка ф Пъртугал'ийу эть... йéз'д'иль. Ч'эт'в'ирь их йéзд'иль. Вот эть... тóл'къ эть пр'ив'ез'л'й. А тó пр'ив'ез'л'й од'óжу, а ум'ен'á своейй вон как в мьгаз'ин'и. Фс'о в'ешам ы в'ешам, вон ф т'ерáс'и. Ой! И вот эть вот. Да, дъ п'ерч'áтк'и, п'ерч'áтк'и, как'é-ть вот ынт'ер'есны, пълóв'инъ кóжъны, пълóв'инъ так'ей. Ф Пъртугал'ии-ть видáт' тóжэ н'и дурак'й живýт, тóжэ умны, в'идáт'. Так што йа ой, в'ит'... Тóкъ шъ ф Пъртугал'ийу-т м'ен'á н'е вз'áл'и. Птому шть йих ч'етýр'и ч'илов'éка, а там... Ну и там^в живýт кáм'енны домá-т'и. Вод дóч'къ у м'ен'á там уйéхълъ и жив'óт уш н'эскъл'къ л'ет тáма ф Пъртугал'ии-та. И вышлъ там зъ стър'ич'кá зъ какóвъ-ть. Он йей пьмогáл стрóица, и вот онá уш тák с' н'им ы живýт. Живýт он'е в'йднъ хърошó вот. Дóч'къ йéзд'ила, внúч'ка, правнуч'к йéзд'ил. Да, внúч'ка, правнуч'ик. Скóкъ йих йéзд'иль, ч'эт'в'ирь, трóйе? Трóйе ил'и ч'эт'в'ирь уш? Йá тут н'и набълáбóн'у? (...) Ой, вы уш мн'е уш вот как'é-ть как врóд'и родныи!

Раньше большие семьи были

Мат'-ть вóнъ. Вот он'é. Эть вот он'é фтыграф'иръвъл'ис в Ивáнъв'и, скóл'к-ть там пóжыл'и, в'йднъ. Фтыграф'иръвъл'ис. Фтограф'ии-та. А эть вот брáт'иц з двáцът' тр'ет'йивъ гóдь. Пог'ип. Тóжэ на фрóнт'и. Ишшó пог'йбл'и у м'ен'á два, ну йих тут н'ету, он'é от нъ фтокартьч'кх нав'ёрнъ.

Мнóгъс'ем'ейны. А у нас однá жэнш'инъ вот тут вот, как на нóву-ть л'е-н'ийу, т'от' Пáша с'емнáцът' ч'илов'эк род'иль. Ну, правдъ рáн'шы ум'ирáль мнóга. Остáльсь н'е знáйу, вóс'им' што л' ч'илов'эк живых-та. А рожáл'и рáн'шы по-мнóгу. Вот у нас у мáт'ир'и с оцóm-ть бýль шэст'ирь тóжэ. И у рód... вот у род-ных, т'óтк'и тóжэ, ишэ вот тóт' когдá л'ежу, нач'инай, аýа, у вот у д'áд'ин'к'и бýль сч'итáйу шэст'ирь, у т'óт'ин'к'и вон Натáл'йи шэст'ирь... д'ет'ей, д'ет'ей тóл'къ. Рожáл'и фс'é вот. Н'е знáй, кáк... бýла. Но жыл'и фс'е. А т'еп'ёр' вот што-ть ум'ирáйут бóл'нъ уш мнóга. Мнóгъ ум'ирáйут л'уд'ей. Жыв'ит'и дóл'шы.

(...) Нарóду-ту быль рáн'шы в'ит' мнóгъ. Эт т'еп'эр' уш у нас н'ет н'и фика на-рóду-ту. А тогда ой! Ф кáждъм дóми с'эмйи был'и. Вот т'еп'эр' *пройд'и* ф кáждый дом — и фс'о ум'эр, фс'о ум'эр, фс'о ум'эр, *и до т'ех нóр* фс'е умрúт. Вот. А йá вот видáт'...

М'ен'á Уоспóт' хран'йт, нав'эрнъ, за мойó п'ир'ижывáн'йе. За мойó с'ирóцва. А уш ы работъг'-тъ йа пъработъгль мнóга, но... А шш'ас уш н'и рабо-тъйу. С'емйá у м'ен'á хорóшгъ. Внуч'áты, прáвнук'и, прапрáвнук'и ужé йес'т'. Пр'ийежжáй-ут ко мн'е. (...). Готóв'ут он'е сáм'и, кон'эшнъ, вон у м'ен'á гас. Йá уш ы н'и вн'икайу, а тó вит' и н'и угодйш нъ мьлодýх-тъ.

Дóч'ка, внúч'ка, снóшка... внúка... этъ вот у н'их т'еп'эр'ич'а ишшó род'йл'и. Одны в Гóр'к'им жывúт, вот Рóма-ту вот, как йá эт фс'о на вás гл'ажу, *дък* кóп'ийь Рóма.

— *Меня Игорем зовут.*

Игър'? О! Эх, штóбы Рóмай! Игър' тóжэ хърошó! Ну и вот. Вот такайъ йа мнъгод'этныйь бáушкъ. Оч'ин'дájэ. Ну, м'ен'á н'и уб'ижáют.

— *А родители у вас где жили, здесь где-то рядом?*

Род'йт'ил'-т'и? Вот н'ету. Там клáдб'иш' у нас, вот этът дóm-ат, котóрый йа ушла *оттúдъвъ* зáмуш-ту вот с'удá, и этъ... тáмъ вот дóm-ът от клáдб'ишш' тут тр'и дómъ нав'эрна. И этъ... Там йа жылá. Там пóч'та у наз былá, клуп р'áдам.

— *А как улица называлась, где родители жили?*

Ай н'екáк! Татáрьво однó.

— *И никак концы не назывались?*

Н'ет. (...) Нóвъ л'и-н'йа,, во у нáс там вóт.

— *А где родители жили, никакого названия не было?*

Н'ету, н'ету, н'ету, н'ет. А род'йт'ил'-тъ он'е жыл'и вот, мат'-тъ жылá вон дом ы с'еч'áс стойт, упорóжн'илса, а от'ец'-тъ вот на нáшым пор'атк'и жыл тож тут вот р'áдам...с...с... дóма-тъ. Рáн'шы с'эмйи бол'шыи тóжэ был'и. Мнóгъ был'и... нарóду былъ. И д'ет'ей рожáл'и мнóгъ. Нáс шэст'иръ былъ. Вот. Остáльс вот, в'ид'иш, йа уш однá остáльс.

Хочется жить дома

О, йа ишшó, вон гóльс-тъ у м'ен'á ишшъ какóй, йа кв'ил'икну, тък пожáлуй вон тудá вон ф кър'идóр... ф кър'идóр уб'огúт. Йа пр'амóй ч'илов'эк, но йá и жал'л'йвъйъ, и ко мн'е фс'е, вот пр'áмъ фс'е как-тъ этнóс'уць хърошó — *и внúк'и, и вóны* фс'е. Внúк'и у м'ен'á н'е... н'еп'йúшшые. А вот Рóмъ-та, он вопшó вон знáйит, ч'илов'эк-тъ нашэнскýй, татарьфскай, он н'е п'йот. А дóч'къ-тъ вотъ, з'áт'-тъ' вот в Москв'е работат, стрóйуць. Кък настроил'и тóжэ, вот м'ен'á пр'иглашáют, дъ штó-тъ н'екáк, Л'убъ, йа однú нóч' и нъч'овáль и уб'егль нóч'йу, в дв'енáцэт' ч'асóф. И вот...

— *Потому что свои стены.*

Да, дómъ-тъ йа хоз'áйка. А там — á-а-á-а-á! *Вот тák штъ.* Она Зóйу тóжэ вот, Ал'б'инь-та. жыв'и, мам, кои... эта... *жыв'и*, пр'иходí, жыв'и. Ну, прáвдъ, она

и пьмогайт, и ст'ирайт. Вон уш Рóмь-ть вон пр'ив'ос мн'е машыну ст'ирал'ну. Б'ел'йá-ть полна машына, в э́тът, во́ду-т уткл'уч'ыл'и, а она... йей самой на́дь во́ду-т наб'ира́т'-та. И вот т'еп'ер'е цэл машынь, уш т'еп'ер' в у́зъл дáл'и он'е Ал'он'и, дóч'к'и, вот пус' с'т'ирайт. Ну н'и уб'ижáйт ишэ м'ен'á, н'ектó н'е уб'ижáйт. Мы и с с'естр'и́цъй во́тъ лáд'им, *ты штó*, друг'и́и с'óстры-ты в'ит' и... и ругáйуць, а мы н'эт, мы óч'ин' хьрошó жыв'óm.

Поездка по вербовке на Украину

Вот у нас мат'-ть зьбол'ела, настýла, покáшл'ила и ум'ирлá. А от'ец'-ту у нас вьйевáл. Эт ышэ рáн'шы он пупáл, вьйевáл, и он нав'ернь то́жэ што-н'ибúт' *или* рáн'иный был *ил'* простúжыный был, то́жэ, он'е рáнь у́м'ирл'и.

В° Крайíну мы йéз'д'ил'и, нас в'ирбовáл'и нас'йл'на. Вод Зóйи-ти с'естр'и́ч'к'и то́къ бьль ч'тыр'и м'ес'ць, а застáв'ил'и йéхат'. Мы тогда в р'óф фс'е, *плáкат'* — н'и пойéd'им, а... нам сказáл'и... А от'ец'-ть у нас работьл, вот какáй-т контóрь была, уш, *тó л' сов'эт, тó л' ч'евó* бьль, ты, гьвр'ит, н'и пойéd'иш, мат'-ть то́жэ плáкъл, н'е йéхъл, ну ч'етыр'и м'ес'иць, п'ат' *или*, вот Зóйи-ти бьль. Уш óс'ин', хóльднa бьль. Застáв'ил'и, нас'йл'на. Пр'ийéхъл'и в Украину, мы там пóжыл'и. Вот с э́т'и... брат'йá-ть бьл'и стáрш-т'и, вот котóрых уб'ыл'и, он'е работьл'и тáма. А мь ишэ... йа ишэ уч'и́ць то́къ *нъч'алá бьл* (было). И удрál'и, нóч'йу уйéхъл'и, *из* Украины-т'и. Хьрошó вот там жыт'-ть.

— А зачем вербовали?

В'ирбовáл'и? Там был гóлат, как'е-ть годá. Тóч'нь-ть уш вот н'е знáйу, *ф как'ех годáх* гóлад был, и там то́жэ пр'им'ерль óч'ин' мнóгъ нарóду, нъ Украин'и-т'и. И вот ы в'ирбовáл'и прóсть нас'йл'нь нас. А в'ид'иш как, бол'шьи с'эмий выб'ирáл'и. Вот нас в'ид'иш, у нас и роб'áт-т'и уж бьл'и взрóслыи, ну нáс вот тóл'кь мы бьл'и брáт, вот Зóй-ть дь брáт ы йá вот, пумолóжы-т'и. А т'е бьл'и стáршы фс'е. Вот нас ы зьв'ирбовáл'и.

Нóч'йу уйéхъл'и, и н'и рьсч'итáл'ис дáжэ, работьл'и, работьл'и л'эт'-та, и н'и рьсч'итáл'ис и уйéхъл'и. А тó, говр'ит, н'и отпúст'ут. Домá-т'и там мázьнк'и дь ч'овó тáмъ, ой, д'эфк'и! Вóт тьк попáл'и. Блóх'и зайéл'и. Н'е бьль полóф. Полóф софс'ем н'е бьль, прóсть з'емл'á. А з'емл'á-ть ч'óрнь, вот как сýмка ил'и вон са-пóшк'и. И вóт, там мыт'-ть уш вот н'и пр'иход'и́лс н'ич'овó. Ст'ены э́тъ гл'йна, ну пьб'ел'ил'и, нас тут ждáл'и, в'идáт', пьдр'емонт'ирьвал'и. П'атнáцът с'ем'ей йéзд'иль тудá вот в Украину-ту. И фс'е уб'ежáл'и. Тóкъ однá жэншшына вышлэ зáмуш тáма и остáлс, а тó фс'е уйéхъл'и с Украины.

— А вас туда повезли на чем-то?

Да, пов'ез'л'и. А уш прохлáднa бьла. На лóшыд'и. Сн'эг-ьд бьл? Уш вот н'е пómн'у, на... На лóшыд'и то́къ мы йéхъл'и, и нáм закрьл'и вот пьлотнóм, шшоп пт'епл'ей-та йéхат'-ть бьль. И вóд до стáнцыйи. А стáнцый-ть вод гд'е? Нъ какú стáнцыйу-ту н'е пómн'у. На ныл'и [нрзб.] ф Ч'улкóвъ, мóжыт, ил'и как'е бьл'и рáн'шэ мóжыд друг'и́и стáнцыйи. И вóт нас ы пьв'ез'л'и.

Пожар

Пр'ив'ез'л'и́ — дом ужé готóф. А мы в'ит... м'ат'-ту у нас н'е знáль, как топ'ит'-та, ч'ем там топ'ут. А там топ'ил'и вот эт-ть... эт'и, кáк йих, ст'эбл'и-т'и вот, с'эм'ич'к'и-т'и, с'эм'ич'к'и-т'и. И их вот сушыл'и и топ'ил'и. А она н'е знáль, в'иднь, на... нап'ихáль мнóгъ в'эту... тудá. И зьгор'елса у наз дóм-та. Зьгор'елса крýшь, крýшь. А мы фс'е ньпугáл'ис, думáл'и как зд'ес'а, б'ат'ушк'и, дом зьгор'елса, мы выб'ижъл'и, таскáт' нáч'ъл'и, вытáскывьт'. А б'аушкь Мóтрь, и с'еч'áс фс'о пóмн'у, шшо вот ыйó, тóлст'ый такáйъ, пьдошлá дь: *ни таскáйт'и*, н'ич'евó н'е б'уд'ит, *н'и вытáскывьйт'и* вопшэ н'ич'еó. И правдь, тóкь вод б'ыл'и эт'и кáк йих, шшэлк'и, в'идáт' с'эт'вь, нагр'елъс там фс'о. Фс'о б'ылъ гл'и'н'ина. Вот как жыл'и. Ну мы и мьхонул'и *оттуд'ьвь*.

Жизнь на Украине: язык, одежда, музыка, еда

Ну а эт'ь... вот йа л'убопытнь, в'идáт', б'ылá, г'вар'ит' пь-украинск'и сáмь п'эрв'ь н'ч'алá в дóм'и. Йа фс'о с р'иб'ат'ишк'м'и, з д'ефч'онк'м'и, спрáшывьу, как эт'ь вот нъзывáиць, кáк эт'ь вот нъзывáиць, и, пám'ит'-ть в'идат' б'ылá, вот *ы* йá и *тут* *ы* рукъвод'ит'ил'им и стáль у фс'ех.

Ну... х'рошó! Украинь жылá, в'ид'имь, х'рошó. Мы, а'уá, м'узыку, услышым — м'узыка, а зд'ес ишшэ н'е б'ылъ у нас ыт' м'узык'и-ть, ээх, пьб'ежым, гд'е м'узыкь играйт'! И танц'уйт'! А од'евáл'ис у йих как ынт'ир'еснь, вот рашшыты у парн'ей рашшыты рубáшк'и, а у жэншшын вот рукавá, фс'о рашшытъ, фс'о б'элым. А *бьси-кáми*! П'áты вот так'ей вод здорóвы, бьс'икáм'и-т'и, *видáт'*, хóд'ут. Ой, и вот мы *бежат'* тудá, смотр'эг' фс'о б'эгъл'и. Снач'áль-ть нам ышэ у нас н'е б'ылъ зд'ес' м'узык'и-т'и такóй-га. (...) Под м'узыку игрáл'и, ну тáмь тáнцы-т'е йа н'е знáйу, как'ей уш по ихн'ему-ту нъзывáйуць.

Приходилъ с нáм'и туд *друзылъ* б'аушкь Мóтра, вóт *ы* фс'о пóмн'у. Пр'ид'ót, а мы в'ит' с'уп-ть как по-свóйиму вар'ил'и, жытк там. Ну картóшыч'кь там, ишó ч'ó-ть, а у йих густóй д'эльйут. У(т) тут у н'их *ы* п'эрв'ь и фторóйе. Вот, нас фс'о: *дь вы ч'овó тутъ, тут ч'овó вы тут* вóду-ту йед'ит'и? У йих уш тут фс'о готóвь. И сýтна.

И вóт там жáрка, *руских-ть печ'ей* д'эльл'и вот подóкным'и гд'э-ть, ну ман'эн'кь одд'эл'нь, *ил'* гд'э-т там ззáд'и, тóжэ такуйу жэ вон п'éch' как у нас руску, д'эльл'и, из гл'ины. И вóт у нас мат' тáмь п'ирог'и п'оклá. Тóжэ з'д'эльл'и! П'ирог'и. Ну этá, р'áдьм вот óкълъ дóму. Вот, ор'эх'и тáмь вот б'ылá, мнóгъ, у кáждьвь нав'эрнь дóма ор'эшн'ик. А у нас н'е ор'эшн'ик был, а какóйе-ть д'эр'ивь такóйе бол'шóйе кудр'áва. А там йáгды вот так'ей, как мал'инь вон у нас такáйъ рождáиць крáсна. Вот мы тóжэ кúшъл'и тáмь. Слáтк'ии так'ей йáгьтк'и.

Да, вот так вóтъ. А вот пахáл'и тáмь. В'ит' у нас вот нь лошыд'áх пахáл'и, а тáм нь корóвх. Там корóвы с'ил'н'ейь лóшыд'и. Лóшыд'и как'ей-ть так'ей н'из'ин'к'ии. А корóвы-т'и уууу! Цв'эт-ть как'ей-ть так'ей вот рыжовáт'ин'к'и как'э-ть.

И вот. Ч'ём там. К'ькурузъ тамъ. Фс'о п'итан'йе кукурузъ. Мука к'ькурузнъ. Смотр'ёт'-ть в'йó хъ... на н'ейó х'рошó, б'ела, *цэлыхкадúшык* пóмн'у, вот та-кайъ бол'шайъ у нас стойаль. К'ькурузныйъ мука. А мы ишь по гл'упьс'т'и иш н'и пон'ал'и, кака тут мука-та. Ну мат'-ть вот п'окла, ну по-свóйиму она п'окла. На ул'ицы вот. Пч'емú этъ вот? Жаркъ, нав'ёрнъ, там нъ Украин'и-т'и. Поч'т'и у каждъвъ на ул'ицы вот эт'и вот п'еч'к'и. Прóсть такуй вот. Вот нашу п'еч'ку вон *вы-в'из'и*, вон т'у вотъ. И он'е вот ы там фс'о д'елъл'и.

— Ну они какие, *чистоплотные, хозяйственные?*

Да, ч'истоплòтны. Вот к нас [?] баушк'ь-т Мòтрь ход'йлъ, знаиш какайъ, вот как вы, потòлшшы д'ажэ м'ен'а. Пр'ид'òт, с'рафан, кóфт'ч'ка рошшыгъ вот отс'удъ дос'удъ. Вóпшшэм, в'идат', рабòт'льи, вышывал'и разным'и цв'етóч'к'ьм'и. А мушч'ины-т'и вот тóжэ крас'ивъ, в'ротá вышытыи, т'ут вотъ вышыгъ. Тóжэ и рукава зд'ес'а. У нас одна тóл'к там остальс ж'эншшынъ, замуш вышль. *А то фс'е уйэхъл'и, нёт, што ты.* Гд'е, говр'ит, род'илс, т'ут пр'игодилс, так што...

Блохи

И вòт мы тут ы... и жыл'и. Л'есу там н'е былъ. Вот полы-т'и н'е ис ч'ивъ д'елат'-та, н'ич'ó н'е былъ, х'д' бы фан'еръ ай бы ч'евó, н'ич'еó н'е былъ. Нас вот блóх'и-т'и и з'йодал'и. Л'ажыш вóгъ, пока л'ажыш, врòд'и т'ерп'иш. Как ман'ен'к'ь *видат'* нал'езут, выхóд'иш, а у нас д'ер'ивъ, акацыйъ была п'д' окошк'ьм, сн'имайш рубашку: хó, хо... тó акацыйу-ту выб'йиш, он'е врòд'и выл'изут, ауá, л'ажыссь оп'ат. И вот такайъ жыс'-ть вот... была, как он'е там ток т'ерп'ел'и.

Возвращение домой

А уш отт'удъ нóч'йу мы. Этá, как йих вот нъзв'айут, б'уйвълы *што ли*. Рогá вот так'ейи! Ну у нас вон эт'и бык'и, а там вóгъ б'уйвълы. Корóвы тамъ бол'шыйи, б'элы, вот как'е-ть рыжоваты, а эт'и лóшyd'и ман'ин'к'и. У нас вот науборòт, лóшyd'и зд'ес'я бол'шыйъ, корóвы м'ен'шь, а там вот там так вод былъ. И вòт в'езл'и нас на б'уйвъл'и нóч'йу. Ат'а, ат'а, ат'а — эт йа н'е знайу ч'евó, — ат'а, — наэрнъ, п'гон'айут. Собэ, собэ, — *то* фстат', *то*... Вот запóмн'иль. Вот ат'а дъ собэ запóмн'иль. Мн'е былъ с'ем', нав'ёрнъ, с'ем' л'ет. А вот в'идат' пам'ит'-ть была л'уч'шы, фс'о пóмн'у.

— *А сколько же вы там прожил'и?*

Прóжыл'и мы там н'емнога. Скóкъ йа вот уш тóч'нъ-ть н'е пóмн'у, но... Наэн, гòт ай двá. И м'хонул'и нóч'йу. Вот йа и г'вор'у, зажыр'ал'и блóх'и нас. Эт штó т'ута. Выхóд'иш, дъ вот р'зд'евайишь дъ... Уш ладнъ, нóч'йу-ть н'е в'идат'. Выб'йиш рубашку-ту, над'ен'иш дъ оп'ат'. Н'емногъ мы жыл'и. Н'емнога. Мы д'ажэ вот дómъ-ть ис тово дómъ вот... из этъвъ... уйежжал'и. Дóm-ът ишь вот тóжэ фс'о стойт, *гл'ад'и-кь*, дó с'ех пór стойт, кв'ерт'иранты вот ыз Дз'ержынскъ пр'ийежжайут, жив'ут, а йа и н'и смòт'р'у, какой он там дóm т'еп'ер'ич'ъ, н'е знайу, обл'ик'-ть врòд'и фс'о такой, прòйд'òш вон когда на кл'адб'ишша.

— *А здесь-то не было неприятностей, что приехали?*

Н'э, ну, н'э-н'е-н'е. А мы ф свой дóm-ът, мы н'е прódьл'и дóm-ть. Ну кóи... н'экътъры продал'и, продал'и н'экътъры домá-т'и, а мы н'е пръдавал'и. А вот картошк'и н'э былъ, а мы картошк'и óч'ин мнóгъ остáльсь с усаду, у нас усат как-ть в н'из'ин'и был, нърывáл'и мнóгъ. И вот от'ец с одним д'ад'ичкай йезд'ил'и ис Украины-т'и с'удá к нáм зъ картошкой. Шэс' м'ешкóф тогда от'ец-ть у нас пр'ив'ос. Как он'э? Ну вдвойóm пьмогáл'и нав'ёрнь друк друшк'и груз'йт'-ть.

— *Откуда они ездили сюда?*

С Украины пр'ийежжáл'и ф Татаръвъ. Н'э былъ картошк'и. А мы н'е мóжым б'ис картошк'и. Мы вот пр'ивыкл'и эт'и вод зд'ес' — картошкъ, картошкъ, картошкъ. А вот н Украины-т'и н'э былъ штó-ть картошк'и-т'и, н'е знáйу. А откúдь жэ крахмáл у ййх? Наэрнь сад'йл'и, тóкъ мóжэ вот ч'áсн'ик'и-ть, эт ч'áсны-т'и н'и сад'йл'и. Ч'ó ж он'э?

— *А чему вы у них там научились?*

Ч'о нъуч'йл'ис? Дъ ч'ó тут? Мы мáль пóжыл'и. Ч'ó йа? Йа и ф шкóлу-т тóл'къ бы мн'э иттí.

— *А огурцы, помидоры здесь раньше сажали?*

Там этъвъ н'ету. Там другóйе ч'овó-та. А ч'овó вот ышó на ум-ть н'е пр'ишлó. Бýл вóтъ, згор'ел'и мы тогда, тросн'ик. Ой, мы напугáл'ис, бат'ушк'и т'еп'ер', крышь-ть н'е покрьгъ, а тръсн'ику-ту за усадъм-т'и вó — стойáл такой! Л'йсы там уш вод'йл'исъ, л'йсы. Вот л'йсы-т'и, а кúр-ть там вот тóжэ в'идáт' д'ержáл'и, вот он'э наэрнь и ход'йл'и л'йсы-т'и с'удá.

Ну эт лóшыд'и вод бýл'и тáм, знáчит, н'е бык'й, вот у нáз бык'й зовúт, а там буйвълы как'э-ть, уж бóл'нь рогá у ййх вот так'ей, ил'и мн'е так казáльс. Мán'ин'... н'ибол'шыйи мы ишь бýл'и.

Литература

Дьяченко С. В., Исаев И. И., Малышева А. В. Экспедиция в село Татарово Муромского района Владимирской области / Под ред. А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 1(25). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. С. 287–292.

Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиции в муромские говоры. Материалы по грамматике муромских говоров. Глагольные формы. Союзы и частицы // Русский язык в научном освещении. № 2 (30). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015.. С. 217–250.

Anna V. Malysheva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

annamalys@mail.ru

SAMPLES OF A DIALECT OF THE VILLAGE OF TATAROVO (MUROM DISTRICT, VLADIMIR REGION)

This publication is a transcript of an audio recording made in 2013 in the village of Tatarovo (Murom district, Vladimir region). They are stories of Nina Ivanovna Igonina. She was born in 1926 and lived all his life in Tatarovo. Nina attended six classes in the school, worked on the farm, was a clerk in the store. She talks about her family, work, parents, recalls how in his childhood the family traveled to recruit in Ukraine and shares his impressions of this trip.

Key words: dialectology, Central Russian dialects, spoken language, text, audio.

References

Dyachenko S.V., Isaev I.I., Malysheva A.V. Jekspedicija v selo Tatarovo Muromskogo rajona Vladimirskoj oblasti / Pod red. A. V. Ter-Avanesovoj. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2013. No. 1(25). Pp. 287–292.

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Jekspedicii v muromskie govory. Materialy po grammatike muromskih govorov. Glagol'nye formy. Sojuzy i chasticy. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2015, no. 30 (2). Pp. 217–250.

О. Г. Ровнова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
supilinn@mail.ru

«НАДО ПО-РУССКИ ГОВОРИТЬ»: СТАРООБРЯДЦЫ О СОХРАНЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ*

Публикуемые тексты записаны во время экспедиций в старообрядческие общины Уругвая, Бразилии, Аргентины, Боливии в 2006–2014 гг. Старообрядцы рассказывают о том, какие меры они предпринимают для сохранения родного языка в условиях жизни в иноязычных странах. Тексты приводятся в орфографической записи. Передаются фонетические и морфологические особенности двух диалектов — «синьзянцев» и «харбинцев»; значения слов, непонятные из контекста, раскрываются в постраничных сносках.

Ключевые слова: старообрядцы, Южная Америка, русский диалектный язык, языковые контакты.

Старообрядцы-часовенные обосновались в Южной Америке в начале 1960-х годов. Они покинули Россию в конце 20-х — начале 30-х годов XX века, спасаясь от советской власти и коллективизации, и до переезда в южноамериканские страны проживали в Китае — в провинции Западный Синьцзян (выходцы с Казахстано-го Алтая) и в Маньчжурии, в окрестностях Харбина (выходцы из российского Приморья). От китайских топонимов образовались коллективные прозвища «синьзянцы» и «харбинцы», употребляющиеся старшим поколением и сегодня.

Крестьяне по социальному положению, старообрядцы обеих групп вывезли из России два близких диалекта, которые сохранили во время миграций и обогатили новыми явлениями, в том числе и в результате контактирования с испанским и португальским языками. В настоящее время все поколения, включая самое младшее, в Южной Америке говорят на русском диалектном языке. Вопрос сохранения родного языка в условиях мощного воздействия иноязычной культуры очень

¹ * Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17–04–00566 ««Испоконный язык неисковерканный». Словарь говора старообрядцев Южной Америки».

заботит старообрядцев, поскольку они видят, что в Северной Америке, где живут их родственники и одноверцы, молодое поколение теряет русский язык и переходит на английский, да и в общинах Бразилии молодежь при общении отдает предпочтение португальскому, или «бразильскому», языку.

Публикуемые расшифровки устных текстов о сбережении русского языка были записаны мной в разные годы, в разных южноамериканских странах, от людей разного возраста, «синьцзянцев» и «харбинцев». Тексты приводятся в орфографической записи, передающей фонетические и морфологические особенности двух диалектов; значения слов, непонятные из контекста, раскрываются в постраничных сносках.

Текст 1

А. Е.: А у нас как-то всё больше на русском языке. Знают по-испански. У нас в испанску школу они не ходют. По-русски учатца сразу, а подрастают, оне¹ тогда уже язык изучают испанской. Но как-то больше мы в посёлке имя² запрещшам, чтоб они по-испански разговаривали — чтоб свой язык не теряли.

В школу ходят дети здесь?

А. Е.: В свою школу, русскуу. Просто мы в посёлке учим, и всё. Прасковья — Ивана Даниловича, евошна дочь учит. Читать учит, и задачи решать, и всё такое учит. А они когда язык уже научаютца испанской, оне уже это всё знают, имя³ учить не надо.

И. Е.: По-граждански не учут, только по-славянски.

А. Е.: По-славянски больше. Они по-славянски научутца — они по-граждански уже читают, их учить уже не надо. А вот в Бразилии наши же староверы в школу ходют, и в Америке ходют в школу тожа дети — то оне уже язык потеряли. С ём³ от ты по-русски не договорисся. У некоторых ешо в дому разговаривают больше как-то родители — те ешо знают. А в некоторым уже взрослые, и станешь ему говорить по-русски — он стоит, смотрит, плечам жмёт: он не понимает. То от ради етого⁴ мы больше старамся, чтоб дома учить.

И. Е.: Но это нерадеенье родителей. Оне б могли дома с йими толька по-русски, а в школе английской, в школе самы учутца. А то оне потом у себя в дому по-английски разговаривают.

Вот что вы были в Аргентине у Беликовых⁵. У них так: в квартире, в доме уже на другом языке оне очень строго запрещшают говорить. Сейчас не знаю как, это мы давненько были. Были, стояли⁶ у них: у мне хозяйка была в больнице, в Буэ-

¹ Они.

² Им.

³ С ним.

⁴ Из-за этого.

⁵ Светлана Игоревна и Владимир Дмитриевич Беликовы попали в Аргентину после окончания Великой отечественной войны. Их подчеркнуто русский, гостеприимный православный дом в Буэнос-Айресе является центром русской эмиграции.

⁶ Останавливались на ночлег.

нос-Айресе. Я женатай, уже двадцать пять — тридцать лет мне было. Мы тут уже подходя⁷ лет жили, и уже тоже происходило, что по-испански легче произнести, выразить слово, чем по-русски. Так же вот были у них, я чё-то по-русски не мог скоро поймать в мыслях, сказал по-испански. Она менé говорит: «Дяденька, если хотите по-испански разговаривать, пожалуйста, выйдите на улицу». Вот! У никонианов — православные оне, никониане, — у них так строго, а мы своих детей? Распустили, не учим, в дому не запрещам им разговаривать. Но если бы дома запрещшали разговаривать по-американски⁸, толька пускай он на улице, в школе, — то все бы дети свой язык сохранили.

У меня рóдство⁹ всё в Норт-Америке¹⁰, я один здесь. Там у менé четыре брата и одна сестра, в Орегоне. И вот эсли бы дома запрещшали, оне бы не забывали бы свой язык. А то сейчас уже и замужние, и женатаи — подойдёшь к другому: знашь, что он русской, видишь, на свадьбе встрéтишь. Подойдёшь к ём, станешь разговаривать, а он стоит, на тебя смотрит, как осёл, ничего тебе не ответит. «Я не знаю по-русски!» Русская, а не знает по-русски.

А. Е.: Последняя дочка у нас там отадаена, в Норт-Америке. Поехали в гости, оне друг дружку увидали — и не вернулася больше к мамке. Он тамошнай рождéнец. Они приехали, он не знал по-русски, по-русски совсем не знал. Повстречался, увидел в молодёжи её, поглянуласе. Познакомился и не отстал, всё ходит. И вот он за три недели уже сдумалсе¹¹ и повстречатца, и он уже так натвердил язык русской! Давай пластинки русские всё слушать, язык свой ломать по-русски. Отец евошной рассказывал: «Зашёл, Ванька русски песни слушат. Удивился: что это с ём получилось? Никогда не слушал русски песни». А он всё: язык давай, давай, давай!

То есть он тоже старовер, но больше говорил на английском языке?

А. Е.: Он старовер, просто по-американски говорил всё. Сейчас говорит: «Не хочу забывать русской язык. Мне очень трудно пришлось учитца». Вообще там много молодёжь, что они просто не знают. А она всё по-русски, она по-американски не знала.

И. Е.: Она и американской¹² быстро поняла.

А. Е.: Она только восемь месяцев походила там в американску школу, пишет и читат.

И. Е.: И то она в меньшие классы не ходила, сразу в высшую школу¹³.

А. Е.: Ну, она по-русски была научёна!

И. Е.: И восемь месяцев проучилась, и чисто по-американски сейчас говорит, и на компьютере и на всём.

⁷ Много.

⁸ По-английски.

⁹ Родня, родственники.

¹⁰ В Северной Америке, от *исп.* Norteamérica.

¹¹ Придумал.

¹² Английский язык в США.

¹³ В старшие классы американской школы, от *англ.* high school.

А. Е.: А младший сын — вот ему не даётца. По-русски говорит, всё говорит, а читать по-русски не далось ему, не может.

И. Е.: И в Бразилии у нас тоже есть дочка. Вот маленькие детишки, а они уже меж собой не хотят по-русски говорить. А если ешо лет пять-шесть, они совершенно не будут разговаривать. А дома не запрешшают там. Я говорю: только должны разрешать йим в школе, на улице, где они меж собой играют, а дома должны запрешшать разный¹⁴ язык. Тогда оне будут свой язык знать, а так всё потеряют.

И. Е. — «синьзянец», 1947 г. р.,
А. Е. — «харбинка», 1946 г. р., его жена.
Уругвай, д. Офир, 2006 г.

Текст 2

С. С. И.: Ведь надо по-русски говорить.

То есть дома у себя, у вас в избе запрешшается говорить не по-русски?

С. С. И.: Да. Дома, в избе запрешщено: надо по-русски говорить. А если не запретишь, и они не будут уметь говорить, и совсем не будут говорить.

Это правильно делаете. Мне приходилось слышать, что в Орегоне, в Америке, там совсем плохо стало с русским языком, у молодежи именно.

С. С. И.: Да, там пошти никто больше не говорят. В мои года мало-мало людей говорят, а от моих годов книзу¹⁵ вовсе никто не говорит ничё. Мне тридцать восем. Моя жена с Орегону, то когда мы с ей познакомились, она мало-мало по-русски говорила. Вот ейны братии есь, от её старше — говорят хорошо по-русски, особенно один из братьев. У его много <знакомых>, скажем, русски советски, которы с России недавно приехали. Ему многи работают, знашь, то поэтому он от йих хорошо по-русски, просто настояшше по-русски науцился говорить. А в общем там русские многи даже нисколь не умеют по-русски говорить, большинство даже нисколь не умеют говорить по-русски.

Сейчас ваша жена по-русски говорит, да?

С. С. И.: Да, она по-русски, по-английски, по-бразильски¹⁶ говорит.

С. С. И. — из семьи «синьзянцев», род. в 1970 г. в Бразилии.
Бразилия, штат Гойас, 2008 г.

Текст 3

Е. Т. А.: Так, как щас наша молодёжь разговариват здесь по-русски, — станут говорить или что-то читать, в церкви станут читать: у их наместо «жэ» у них «зэ», им надо будет «жо» сказать, они «зо». «Жэ» уже он не может сказать. Он русской,

¹⁴ Другой, иностранный.

¹⁵ О более молодом поколении старообрядцев.

¹⁶ По-португальски.

русской детёныш, от русских, а разговариват — на испанскую тему тянет и всё, хоть ты...

М. Д. Ш.: Это сами родители виноваты.

Е. Т. А.: Конечно.

М. Д. Ш.: Надо было ущить сразу в школу, чтоб была, с малого, а никто не постарался.

А вот в Питанге мы были сейчас, там тётка Агриппина учит детей!

Е. Т. А.: Де¹⁷ это?

В Питанге, в Уругвае.

М. Д. Ш.: Ну щас это уже стало. А когда мы, наши дети росли, никто не ушил, не было. Я сама их учила вот.

Причём она учит аз-буки-веди — вот так, по-правильному.

М. Д. Ш.: Ну я и ето знаю, и ето знаю, и по-кыргызски знаю, и по-русски знаю, я вот йих дома <учу>. Он никогда дома не бывает, он всегда уезжат — такой полету́чий.

Е. Т. А.: Если б меня начала учить, то на собак лаять научила. (*Смеется.*)

М. Д. Ш.: То я... Оне¹⁸ пошли когда в школу, а я им сказала. Пришли домой, и вторая девочка, Поля, говорит: «Мама, а мы сёдня пильярили. А пильярили, — говорит, — а потом убежали. А оне нас аттахар, и мы опеть¹⁹ пильяр». Понимаете это?

Нет!

М. Д. Ш.: Но я как знаю два языка, я поняла. Я говорю: «Ну-ка ты мне снова расскажи, что ты говоришь-то, я не понимаю». Она опеть: «Мам, ну как не понимаешь-то, что мы сёдне пильярили!» Я говорю: «Ну и потом дальше щё?» — «А потом оне, попиллярлись мы с имя, а мы побежали. А оне нас аттахарили и опеть начали пильярить». Я говорю: «Знашь щё, доща, — говорю, — я тебе щас скажу, вот всем вам. (Оне трое пошли в школу.) С сёднешного дня вы менё²⁰ ни одного испанского слова в доме не скажете!» Знацит, пильяр²¹ — «мы сёдни подрались».

Е. Т. А.: Пильяр — это дратьца.

М. Д. Ш.: Вот. Дрались, дрались, перэдрались и убежали. А «оне нас окружили» — как?

Е. Т. А.: Оне опять забежали...

М. Д. Ш.: Аттахар²² — как забежали нас кругом²³, и мы опять начали дратьца. Но эслив²⁴ я понимаю обои языки, я говорю: «Нет, этого теперь не будет. Ты

¹⁷ Где.

¹⁸ Дети — две дочери и сын.

¹⁹ Опять.

²⁰ Мне.

²¹ От *исп.* pelear, pelearse — драться.

²² От *исп.* atajar — идти наперерез, преграждать.

²³ Окружили.

²⁴ Если.

уже на вонтараты пошла²⁵, — говорю. — Ты нисколь не поушилась в школе — ты не знашь уже русский язык? Нет, ты доложна русский язык знать!»

Месяс, больше, я боролася с имя²⁶. В доме слушаю — оне уже опеть по-испански, слушаю — по-испански.

Е. Т. А.: Как они быстро его подхватили там!

М. Д. Ш.: Не-е-ет, я не могу так терпеть! Я поставила их в угол. Стоят, стоят: «Мама, ну мы не будем больше говорить по-испански, толька по-русски». — «Хорошо, не будете говорить по-испански больше в доме — выходите из угла. Нащинайте работать над своей, всяки-разны тама кой²⁷ книжки, пишите, щитайте».

Вот они это все пишут, пишут и между собой опять снова нащинают <говорить по-испански>. «А де мама? Шоб не видала». Ага, думаю, ах вы же паршивыя! Нет, вы меня не обманете. Я их поставила на коленки. Оне со слезами: «Но ведь, мама, мы ничего плохого не сделали! Почему ты так делаешь, ты нас так поставила на коленки?» Я говорю: «Для меня больно! Я русской щеловек, во мне русская кров, и я хошу, чтоб в моих детях так же было, чтоб вы любили русской народ, и говорили по-русски — он всегда нужон!» Простоялися на солé до слёз.

Но и в концы концов опеть снова! Что делать? Его²⁸ нету. Если их бить — уже невозможно. Я опеть. Насыпала кукурузы, сказала: «Задержите платишки», а Боре говорю: «А ты снимай штаны или задери пúшше²⁹, ставай, — говорю, — на коленки!» А у самой у меня плётка в руках. «Вот вам! Это сёдне последняя битва с вами. Если вы не будете по-испански больше говорить в доме, вы будете в этом доме жить. А если будете — пойдёте жить с испанцами». «Мы не хотим с испанцами жить!» — это сама младшая такаа была, что сразу слёзы у ей как град. Она вылупит корольки³⁰: «Я не хошу, я не люблю испанцев!» Я говорю: «Но ты испанцев-то не любишь, а пощему ты язык-то ихний подцепила? Ты говори по-русски — вот и будет хорошо».

Там, в школе, говори по-испански.

М. Д. Ш.: «Там ты пошла в школу, ты там говори по-испански. Встретилась с друзьями на дороге, которы выходят в школу идут — говори с имя по-испански, я тебе не запрещаю. Но в доме ни одного слова, как хочете!» Ну так, наверно, ишло месяца два я проборолася с имя.

А потом один раз сидят, всё пишут и говорят, но я им помогаю, из-за ще³¹ не могут оне по-испански хорошо понять, я им помогаю. А одна из девошек и говорит: «Мам, из-за чё такая злая? — говорит. — От по-русски, по-русски, по-русски!» Я говорю: «Знаешь чё, доча, ты русская». «Ведь я родилась, — говорит, — в Аргентине!» Я говорю: «Мне не нужно. А у тебя папа и мама русские, дедушка, ба-

²⁵ Начала говорить непонятно, кое-как.

²⁶ С ними.

²⁷ Какие.

²⁸ Мужа.

²⁹ Больше.

³⁰ Вытаращит глаза.

³¹ Из-за того что.

бушка — все русские, дяди все русские, и ты должна говорить по-русски. Одно. Второе. Ёси³² ты сохранишь русскай язык — ты ущишься в испанской школе, когда ты вырастешь большая, ты уже умеешь два языка, тебе не надо будет ходить, тебе не надо будет тратить время в школу ити. Тебе не надо будет тратить время, нам не надо будет тратить деньги. Ты наущишься от меня русский язык, будешь считать, писать, разговаривать прекрасно, — говорю. — Вот ты знашь, как хорошо будет. Может, придётца когда-то, поедешь в Россию, но ты ж не поедешь потом немая³³, ты бы поедешь уже с языком, ты уже всё будешь понимать». Она сидела-сидела, говорит: «Дак ты давно русска-то! Оне, подись³⁴, теперь тама разно³⁵ говорят, другой язык-то». «Нет, — я говорю, — ты его поймёшь всё равно, так что продолжайте ущитьца».

И вот ужо в Америку приехали, нашáli опять ходить в американску школу, самые младшие³⁶.

Ну сейчас дома говорят по-русски?

М. Д. Ш.: По-русски чисто говорят! Я им, как уже отъезжать, купила русские книжечки тамока, сказала: «Продолжайте и между собой говорите по-русски. Это пожалуйста. И детей начинайте ущить». Ну у мя³⁷ сноха — она ненавидит русских людей, оне не говорят <по-русски>. А вот другая есь, у ей маленькой малышонок, она строго: «Не говори в доме по-американски!» Вот, говори толька по-русски. И он, говорит, приезжат, с тётками нашинат по-русски разговаривать просто, хорошо.

Детям не проблема, они на два языка, на три могут научиться.

Е. Т. А.: Враз наущитьца может!

М. Д. Ш.: Да. Но она опять говорила имя, что вот ишо этот год он так проработав, пойдёт в школу. А потом отец будет занимать один час испанскай язык, шоб он рос и три языка знал. Я говорю: «Вот это очень умно будет женщиной и хорошо, и ребёнок будет хорошо, не надо мучитьца».

Полмира она знает: испанский, английский и русский.

Е. Т. А.: Само главное языки!

М. Д. Ш.: Да! Но вот шас младшая дошь, она сразу, когда приехали в Америку, правда, шибко плакала, не хотела что³⁸. «Говорят, — говорит, — как картошки в рот набрали, швякают³⁹, ненавижу даже, надо обратно в Аргэнтину». Плащет, рэвёт, что «моя Аргэнтинка, я аргэнтинка, я доложна». Но у нас закончила здесь тоже среднюю школу, и так что она была привязана к школе. Всегда выходила первой, флаг в руках был, так что она выступала везде. А там приехала — потеряла: испан-

³² Если.

³³ Не умеющая говорить по-русски.

³⁴ Наверное, *вводн*.

³⁵ По-другому.

³⁶ О внуках.

³⁷ У меня.

³⁸ Потому что.

³⁹ Говорить неразборчиво, шепеляво, причмокивая.

ского-то языка нет нигде пошти. Нет вообще только первое время. Ну, там были мексиканы, но мы <с ними не общались>.

Е. Т. А.: Нет, она потеряла язык испанской, а у их и не знала ишо.

М. Д. Ш.: Вот и плакала. Но она такая, она еслив раз, два раз, ещё малёнька услышала или прочитала — ей уже больше не надо, она уже знат. Ну, прошло совсем мало время, я говорю: «Чё, Нина, поедем в Аргэнтину?» «Но, но⁴⁰! Я уже вам не аргэнтинка». Я говорю: «А как быстро-то! Ты же в Аргэнтине ущилась, — говорю, — поедем, там будешь ущитьца». «А я теперь в Америке, — говорит, — наущилась уже, уже разговариваю хорошо, всё». И сидят со старшей сестрой...

А чем они в Орегоне занимаются? Они земледельцы?

М. Д. Ш.: Ну не-е-е-т, оне выушились, оне работают. Она, скажем, главный, как сказать, компании, хэфи⁴¹, как заведующей компании она.

Своей или она работает на кого-то?

М. Д. Ш.: Брату, у брата. Брат имет большую компанию, строительство, вот она ему всё там работат.

А они высшее образование получили? Они в институтах учились?

М. Д. Ш.: Оне там ущились уже по-американски⁴². Она день работала, а ночь ущилась. Она не ущилась в институте, она толька брала классы⁴³. Она и до сих пор ўщитца. А в школу она не ходила, потому что она сразу на работу пошла и нащала полущать хорошо и нащала работать, а ночью ущилась. А щас она, значит, уже ўщитца — как? «Искребано публику⁴⁴», нет?

Е. Т. А.: Она уже получила.

М. Д. Ш.: Она уже опеть снова полущила диплом, на другую работу. Хохощет, что «мам, я опять уже диплом полущила!» А я говорю: «Ну и чё, успокоишьсь ущитьца?» — «Нет, мама, не успокоюсь. Я хочу учитьца. Или зубным врацом, ну, подумаю ишшо, или, может быть...».

Лойером, юристом?

М. Д. Ш.: «Лóбером⁴⁵ не хошу, — говорит, — я. Я еслив лóбером буду ущитьца...» Я ей сказала: учиьсь, говорю, на лóбера, она говорит: «Я этих лóберов ненавижу». Она, знаете, какая — жестокая. А оне неправильно судют. Она их там один раз так всех их там разгоняла!

Но если она эскрибано, то она уже первый шаг к лойеру сделала.

М. Д. Ш.: Мы это знам, но она ўщитца дальше и дальше, она говорит: «Пока я могу, буду ущитьца. Когда мне надо будет, я в любую работу могу поступить».

Е. Т. А. А щас уже инженерам классы даёт⁴⁶. И всё ишо ўщитца, уже поседела, и всё ишо ўщитца.

⁴⁰ *Исп.* no — нет.

⁴¹ *Исп.* jefe — глава, руководитель.

⁴² На английском языке.

⁴³ *Англ.* take classes — проходить курс обучения, брать уроки.

⁴⁴ *Исп.* escribano público — государственный нотариус.

⁴⁵ *Англ.* lawyer — юрист.

⁴⁶ *Англ.* give classes — проводить занятия, давать уроки.

М. Д. Ш.: Так что оне все хорошо живут. Хорошая работа у них, дома, машины, деньги. Это уже горевать нечего.

М. Д. Ш. — «*синьцзянка*», 1942 г. р.,
Е. Т. А. — «*синьцзянец*», 1948 г. р., ее муж.
Аргентина, провинция Рио-Негро, 2012 г.

Текст 4

У. Р.: Я не учился в школе. Я в школе неделю был, в этой, гражданской, всего неделю поучился, и всё.

А пишете на каком языке?

У. Р.: На испанским, на русским. Я стал забывать. Я вот учился у одной сестрянки⁴⁷ по-русски, надо побольше поучиться.

Вам надо будет частные уроки взять в России.

У. Р. (шутит): Вот час⁴⁸ приеду в Россию, пойду в школу. Будет государство содърживать до восемьдесят лет меня. Буду ученик. (*Смеется.*) Да нет, мне уж школа ни к чему. Научимся. Насобачимся⁴⁹!

«Насобачимся» — молодец!

У. Р.: По-русски я. Не по-русски — по-российски!⁵⁰ Но там и разговаривают, вот это да! Не по-нашему.

Там матом ещё ругаются.

У. Р.: Да всяко. А мало, слышал, но мало. Уже запретили.

Кто запретил?

У. Р.: Государство. Работат один — Григорий Федулович Басаргин, мы у его были неделю. Он работат — когда поез слетит с линии, группу имет тридцать человек, он работат там. Имú пришло факсом, что не должны люди уже материтца. «За матерьку будешь по рублю вышшитывать». Он говорит: поматькался, за пятнадцать секунд — 170 рублей он вышшитал с его, назавтра, говорит, спокойнай пришёл. Так он рассказывал, не знаю.

Человек элив⁵¹ вырос с таким языком, у его нету тормоза. Ведь не все матькёютца. <...> Мы проехали — были в Москве почти неделю, потом в Переяславке ходили там тоже у тётки, потом там в етим, в Хабаровске, в Дальнереченске, ну там в Рошино — походили там в городах. На поезде ехали, сперва ездили тут с Ефимом суды к етим Басаргиным, в Комсомольске-то суды. Скажем, в одном месте — у нас колесо проткнулось, и мы заехали починить его. И оне меж собой двое сидели в комнате, мы сидели за стеной, оне разговаривали. Надо было менé их загравоватъ⁵²! Что толька тут слышал, а потом нигде шибко не слышал. Интересно, правду

⁴⁷ У двоюродной сестры.

⁴⁸ Сейчас.

⁴⁹ Новое слово, услышанное в России.

⁵⁰ Так, как говорят в России.

⁵¹ Если.

⁵² Сделать аудиозапись, от *исп.* grabar — записать на пленку, на пластинку.

я говорю, вот сколь проехали, вот тут только слышал. Приехал, ишо рассказываю друзьям тут. «Чё, — говорят, — наслушался матерькёв?» «Простите, почти, — говорю, — не слышал». Вот и рассказываю: «Тут, говорю, слышал, надо бы давнۇть⁵³, заграво́вать, вы бы послушали».

*У. Р. — из семьи «харбинцев», род. в 1974 г. в Бразилии,
в 2015 г. переехал с семьей на Дальний Восток.
Боливия, г. Санта-Крус, 2014 г.*

Olga G. Rovnova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

supilinn@mail.ru

THE OLD BELIEVERS ON THE PRESERVATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN SOUTH AMERICA

Published texts were recorded during the expeditions to Old Believer communities of Uruguay, Brazil, Argentina, Bolivia (2006–2014). Believers talk about what measures they are taking to preserve the native language in the conditions of life in foreign countries. The texts are in the orthography script. Phonetic and morphological peculiarities of two dialects are transmitted; the incomprehensible out of context meanings of words are disclosed in footnotes.

Key words: Old Believers, South America, Russian dialects, language contacts.

⁵³ Нажать на кнопку звукозаписывающего устройства.

ЮБИЛЕЙ

Стефан Гжибовский
(Польша, Торунь)
stefgrzy@interia.pl

СЛОВО О ЛЕОНИДЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ КАСАТКИНЕ

19–20 сентября 2016 г. в Университете Николая Коперника (г. Торунь, Польша) в третий раз прошла международная конференция «Старообрядцы в зарубежье: История. Религия. Язык. Культура», организованная кафедрой славянской филологии. Пленарное заседание было посвящено юбилею Л. Л. Касаткина. Со словом о юбиляре выступил профессор Стефан Гжибовский — инициатор и руководитель исследований польского старOVERия в Торуньском университете. Публикуемый текст является несколько модифицированной версией его выступления на конференции.

Леониду Леонидовичу Касаткину в декабре 2016 года исполнилось 90 лет. Поэтому, организуя в сентябре 2016 года очередную конференцию «Старообрядцы за рубежом», молодые исследователи старообрядчества в Торунь решили посвятить её приближающемуся высокому Юбилею, ибо они знали, что инициатива новых исследований русского говора старообрядцев в Польше связана с приездом Л. Л. Касаткина с женой Розалией Францевной в 1998 году в Польшу на XII Международный конгресс славистов в Кракове и с короткой ориентационной поездкой в деревни Габове Гронды и Бур с целью разузнать возможности исследования старообрядческого говора. Тогда для меня стало ясно, что одним из аспектов исследования должно быть описание польского воздействия на этот уже полностью островной говор и этим должны заняться польские русисты. Леонид Леонидович с Розалией Францевной и Ольгой Геннадьевной Ровновой ещё раз приехали в 2000 году в Габове Гронды и сделали целый ряд записей говора в этой деревне и в других, в том числе в Августове и Сувалках.

Спустя некоторое время в Торуньском университете образовалась группа сначала студентов, потом аспирантов и в конце концов научных сотрудников — исследователей, занимающихся изучением старообрядчества в Польше. Леонид Леонидович со своими коллегами благосклонно курирует наши исследования, чаще

всего издалека, но почти постоянно участвуя в наших конференциях, не только старообрядческих, и предоставляет нам возможность показывать результаты наших исследований в Москве. Встречались мы с ним также в Киеве и Тарту. Жаль, что состояние здоровья не позволило ему приехать на эту, посвящённую его юбилею конференцию.

Но не только поэтому мы решили отметить его юбилей.

Ведь Леонид Леонидович — это один из самых серьёзных и самых выдающихся русских учёных наших дней. Список его трудов насчитывает более 10-ти индивидуальных и коллективных монографий, свыше 30-ти изданий учебников и учебных пособий или их редакций, чаще всего в сотрудничестве с другими учёными, но также и индивидуальные, особенно по русской фонетике и диалектологии. Научных статей написал он свыше 160-ти, энциклопедических и словарных статей более 60-ти, прочёл, несомненно, гораздо больше, чем около 60-ти докладов на конференциях, как следует из списка тезисов докладов в его библиографии. Это ещё не всё. Он опубликовал 15 расшифровок магнитофонных записей русской диалектной речи и является редактором более 30-ти научных изданий.

Но дело не только в количестве, хотя это и является показателем активности учёного. А об активности и позиции Леонида Леонидовича в русской лингвистике свидетельствуют мнения его близких и коллег. «Трудоголик», — говорит Розалия Францевна. «Золотой человек», — сказал мне один из самых выдающихся русских фонологов Михаил Викторович Панов, оценивая достижения нашего юбиляра в области исследования русских диалектов. «Учёный первой величины, настоящий лингвист, великолепный исследователь», — сообщают мне другие. Я ещё добавлю — человек высокой культуры, прекрасный организатор, великолепный знаток и любитель русской культуры, а также Гражданин своей страны с большой буквы и сторонник демократического обустройства России. Его приверженность к истине и борьба за права человека и гражданина прервали в 1968 году его карьеру в Институте русского языка АН СССР, с пользой для МГПИ им. Ленина в Москве, где он после этого стал работать. Известна мне также его оценка современной общественно-политической обстановки в России, а также крайне негативная оценка Сталина и его наследия в истории его Родины. В трагические 1930-е годы ему пришлось расстаться с родными, причём с отцом — навсегда (отец был расстрелян в 1937 г., о чём ни он, ни его мать не знали до 1954 г.), с матерью сначала на 11 лет, а потом ещё на 5, когда её приговорили к ссылке. Мать в ожидании своего ареста отправила сына на поезде к родным в Москву и тем самым спасла его от участи, ожидающей «детей врагов народа». Надо вспомнить, что его отец и мать арестовывались и ссылались в тюрьмы и лагеря ещё раньше, до и после рождения Леонида Леонидовича. Так что ему пришлось испытать какую-то часть той лютой судьбы, которую переживали жители Советского Союза в XX веке. К счастью, ему довелось пережить и некоторые радости, связанные с падением коммунистической системы и распада СССР. В 1980-е годы я пытался пригласить его на работу в Быдгощ, где в пединституте требовались специалисты по русскому языкознанию. Он мне ответил: «Стефан, я — невыездной!» Но не прошло и десяти лет, и я, приезжая

иногда в Москву, не заставлял его дома. Он то в Париже, то в Лос-Анджелесе, то на Кипре (отдыхает), а то и в Польше на конгрессе или на конференциях, не только у нас в Торуни. Он пытается наверстать упущенное за те годы, когда его никуда не выпускали. Но он также постоянно в диалектологических экспедициях — на Мезени, на Волге, на Дону, в деревне Деулино, в Каргополе, у старообрядцев в Болгарии, Украине, Молдавии, в Орегоне (США). Слава Богу, что если в Польше, то чаще всего вместе со мной. Поистине неисчерпаемая активность и подвижность, несмотря на годы, а также интерес к новым исследовательским методам и объектам.

Леонид Леонидович известен прежде всего как учёный, занимающийся исследованиями русской фонетики и фонологии современного русского языка и русских диалектов. Ему принадлежит ряд открытий в области русской диалектной фонетики и постановка ряда гипотез о сущности и происхождении таких частных, но очень важных для истории русского языка явлений, как прогрессивная мягкость заднеязычных согласных, отсутствие консонантной корреляции по мягкости в некоторых говорах и история аканья, которой посвятил некоторые последние свои изыскания. Одно из них недавно (в 2013 г.) опубликовано в Польше — в *Slavia Orientalis*. Существенными являются также методологические постулаты Леонида Леонидовича относительно диалектологических исследований. Именно он ратовал за пересмотр результатов исследований, проводимых в своё время без применения магнитофонной или цифровой регистрации, позволяющей многократно прослушивать записи и исследовать их с применением инструментальных методов. В его работах и работах его учеников и сотрудников можно найти интересные результаты такого пересмотра. Важно именно то, что он руководил группой научных сотрудников, многие из которых были его учениками, и организовывал их научные исследования. Таким образом, он создал определённую школу диалектологических исследований в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, куда он вернулся после изгнания в 1968 г. Не надо забывать и о том, что он — редактор нескольких изданий учебника «Русская диалектология», а также автор одного из самых капитальных трудов по русской диалектологии — «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (Москва, 1999).

Заглавие этого труда говорит о том, что Леонид Леонидович не ограничивается диалектами, но активно развивает исследования по фонетике литературного языка, рассматривая её как одну из исторических ветвей, сопряжённую с диалектной. Он занимает одно из ведущих мест в истории исследований литературной нормы и развития русской фонетики. Не стану перечислять, какими вопросами русской фонетики и фонологии он занимался, легче было бы, но тоже не очень просто сказать, какие ускользали из его поля зрения. Кроме конкретных вопросов его интересовала также теория фонологии. Как последователь Московской фонологической школы, он успешно развивал её (например, выдвигая теорию орфоэпемы) и применял её положения в своих разработках как по литературной, так и диалектной фонетике. Не отказался сказать своё слово также в области интонации, где разработал

интересную концепцию тональных контуров. Он автор нескольких изданий университетского учебника «Современный русский язык. Фонетика» с интересными инновациями в области описания безударного вокализма. А в последние годы вместе с Розалией Францевной и Марией Леонидовной Каленчук активно занимался орфоэпической нормой русского языка, готовя к изданию в качестве главного редактора очередной капитальный труд своей жизни — «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты» (Москва, 2012). Примечательность и оригинальность этого труда заключается в том, что в нём не устанавливается единая норма произношения, а предлагаются также возможные орфоэпические варианты с квалификациями типа *допустимое, устарелое, старшее, младшее* и, естественно, *неправильное* или *не рекомендуется*. Кроме того, этот словарь содержит полное описание фонетики современного русского литературного языка со всеми произносительными вариантами и их квалификацией. Произносительные варианты и инновации в русской литературной и диалектной фонетике также стали темой одной из последних разработок ИРЯ РАН при участии Леонида Леонидовича — коллективного сборника, продолжающего традиции сборников «Развитие фонетики современного русского языка» (Москва, 1966, 1971), а именно монографии «Русская система в развитии: Фонетические „отцы” и „дети” начала XXI века» (Москва, 2013), в которой наш юбиляр очередной раз проявил себя как скрупулёзный учёный, обращающий внимание на самые мелкие, но очень существенные с дескриптивной точки зрения варианты реализации определённых фонетических единиц.

Из учебных пособий, которые были написаны при участии Леонида Леонидовича, я хочу упомянуть только два: «Современный русский язык. Словарь-справочник» под ред. П. А. Леканта (Москва, 2004) и «Современный русский язык. Анализ языковых единиц» под ред. Е. И. Дибровой (Москва, 1995). Их мне довелось использовать в своей преподавательской практике, и я высоко ценю их как источники настоящих разработок русской грамматики для студентов-филологов.

Но Леонид Леонидович не ограничивается чистой лингвистикой. Он не упустил из вида историю создания сказки «Конёк-горбунок» и вместе с Розалией Францевной нашёл ряд интереснейших лингвистических аргументов в пользу того, что автором этого выдающегося произведения был А. С. Пушкин.

В моей переписке по электронной почте с юбиляром полно литературных зарисовок, анекдотов, интересных фотографий, репродукций картин, юмористических сцен, интересных статей по разным вопросам, не только лингвистическим. Ибо Леонид Леонидович — это человек высокой культуры, не только умело и тонко разбирающийся в вопросах строгого принципиального лингвистического анализа, но и прекрасный рассказчик, великолепный лектор, выступления которого привлекают внимание слушателей высоким научным уровнем, но также и большим мастерством «произношения» объясняемых аудитории явлений.

Наш достойный юбиляр также сторонник поисков истины во всех её проявлениях, даже самых неприятных. Не забуду, как на одной из московских конференций он упрекнул одного из докладчиков в том, что тот, рассказывая о старообрядцах

окрестностей Харбина, упустил из виду их трагическую судьбу в СССР после II Мировой войны.

Леонил Леонидович, к сожалению, не смог приехать на нашу конференцию, он был в больнице. Он и сейчас тяжело болен и ограничен в своих желаниях совершать даже близкие поездки. Но его жизнеспособность и активность «трудоголика» не позволяет ему, даже в таком состоянии, избегать умственного труда, и можно быть уверенным, что к следующим научным мероприятиям он подготовит электронные тексты, в которых сообщит нам о своих новых мыслях и конкретных разысканиях.

Stefan Gzhibovskii
(Poland, Toruń)
stefgrzy@interia.pl

A REPORT ON LEONID LEONIDOVICH KASATKIN

On 19–20 September 2016 at the Nicolaus Copernicus University (Torun, Poland) the International Conference “Russian Old Believers Abroad: History. Religion. Language. Culture” organized by the Department of Slavic Languages was held for the 3rd time. The plenary meeting was devoted to the anniversary of L. L. Kasatkin. Professor Stefan Gzhibovski, initiator and director of studies of Old Belief in Poland at the University of Torun, held a report on the anniversary celebrant. The text below is to be taken as a modified version of his report held at the Conference.

О. Г. Ровнова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
supilinn@mail.ru

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ КАК ЛЮБОВЬ И СУДЬБА

Заметка написана в связи с юбилеем Леонида Леонидовича Касаткина, чья жизнь связана с исследованием русских говоров и Институтом русского языка имени В. В. Виноградова.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, история науки.

В жизни каждого из нас есть человек, повлиявший на выбор рода занятий и тем определивший жизненный путь. Таким человеком для меня стал Леонид Леонидович Касаткин — подвижник диалектологической науки, руководивший отделом диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН с 1998 по 2011 г.

Я познакомилась с Леонидом Леонидовичем летом 1982 года, в те далекие времена я была студенткой филфака Московского педагогического государственного университета (тогда МГПИ имени Ленина), перешедшей на пятый курс и еще не определившейся в своих научных пристрастиях, к тому же, как водится, переживавшей душевный кризис. Валентина Ивановна Хитрова, которая читала у нас курс диалектологии и возила на диалектологическую практику в Воронежскую область после первого курса, сказала, что в этом году руководителем практики будет прекрасный диалектолог, прекрасный преподаватель и прекрасный человек. И добавила, что он, хотя и не работает на нашем факультете, но готов взять с собой в экспедицию пять студентов филфака и она может включить меня в список старостой экспедиционной группы. Всё оказалось так, как говорила Валентина Ивановна.

Мы тогда ездили в Архангельскую область, в деревню Белощелье Лешуконского района. Я помню, как мы, студенты, были поражены открытостью Леонида Леонидовича, его всегдашней радостной готовностью объяснять и объяснять нам услышанные диалектные явления, а главное — поражены тем, что при нем не стыдно было признаться, если не помнишь, не знаешь или не понимаешь чего-то из курсов исторической грамматики или современного русского языка. «Не

стеснительно» признаться, как сказали бы его любимые старообрядцы-«харбинцы» из Орегона. Такой свободный стиль общения между преподавателями и студентами не был принят на нашем филфаке.

После этого у нас было много совместных экспедиционных поездок, последняя из них — в октябре 2015 года на Украину, в Одесскую область, в село Великопложское, где мы записывали и записывали речь тамошних староверов. Я знаю, когда у Леонида Леонидовича бывает самое счастливое выражение лица, — когда он сидит в деревенской избе, хате или курене и часами записывает на диктофон русскую диалектную речь.

А первая его диалектологическая поездка состоялась в 1953 году, когда он, 27-летний преподаватель Моршанского учительского института, на грузовике вывез группу студентов слушать тамбовские говоры. Если посчитать «диалектологический экспедиционный стаж» Леонида Леонидовича, получится 63 года, причем за один полевой сезон ему случалось бывать не в одной, а в нескольких экспедициях. Беседы с ним о разных диалектных явлениях, которые были для меня новыми или неожиданными, сформировали стойкое убеждение, что он знает о русских говорах — в сё.

Недавно Леонид Леонидович рассказал факт своей биографии, который меня поразил. Оказывается, Р.О. Якобсон, прочитавший статью Л.Л. Касаткина «Русская диалектная и историческая фонетика в работах Р.О. Якобсона» (она была опубликована в 1977 г. в сборнике к юбилею маститого ученого), будучи в Москве, попросил одного московского лингвиста познакомить его с автором статьи. В разговоре с Леонидом Леонидовичем Якобсон предложил ему подумать о возможности переезда в США и работе в одном из университетов. Когда я спросила Леонида Леонидовича, почему он отказался от эмиграции, получила очень простой ответ: «А что бы я там делал? Мое дело — это русские говоры».

Когда в 1998 г. Л.Л. Касаткин стал руководителем нашего отдела, наступил новый, очень насыщенный период и его жизни, и диалектологов Института русского языка. Благодаря финансовой поддержке РГНФ и Президиума РАН, ежегодно начиная с 2001 г. сотрудники отдела выезжали в экспедиции, за один полевой сезон, как правило, проходило 8–10 экспедиций. В результате этих поездок собран огромный массив аудиозаписей русской диалектной речи современной России и зарубежья. Стала традиционной осенняя международная конференция по диалектологии, в 2004 году была организована первая, а в 2018 году состоится уже шестая такая конференция. По инициативе Леонида Леонидовича было возобновлено серийное издание «Материалы и исследования по русской диалектологии», в 2014 году вошедшее в «Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова». Увидели свет два новых издания учебника «Русская диалектология», в который включены новейшие диалектные факты и редактором которого является Л.Л. Касаткин. Вышла книга «Русская деревня в рассказах её жителей» — памятник трагической судьбе русского крестьянства в XX веке.

Особое место в судьбе Л.Л. Касаткина занимает изучение говоров русских старообрядцев. Конечно, они привлекают его тем, что в их говорах сохраняются

многие интереснейшие диалектные явления, утраченные в других, не старообрядческих, говорах. Но не только этим. Уверена, что Леониду Леонидовичу чрезвычайно близок характер старообрядцев, в котором главное — неподчинение неправедной власти и верность своим убеждениям.

Он сделал описания говоров старообрядцев Молдавии, Болгарии, Румынии, Украины, Северной Америки, Забайкалья, Дона... Благодаря Леониду Леонидовичу изучением говоров старообрядцев стали заниматься лингвисты других стран: Польши, Эстонии, Германии, да и мои исследования языка и культуры старообрядцев Южной Америки являются продолжением его экспедиций в Орегон. По инициативе Л. Л. Касаткина в 2008 г. на XIV Международном съезде славистов в Охриде была создана Комиссия по исследованию старообрядчества, в которую вошли исследователи разных научных специальностей из многих стран.

Конечно, подвижник, конечно, трудоголик — как не вспомнить его фразу, обращенную к нам, сотрудникам отдела: «Работаете вы, конечно, много, но совершенно недостаточно!» Смеемся над ней, но помним...

Подвижник в возрасте патриарха. Пусть будет здоров!

Olga G. Rovnova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

supilinn@mail.ru

DIALECTOLOGY AS LOVE AND DESTINY

Note is written in connection with Leonid Leonidovich Kasatkin's anniversary whose life is connected with a research of the Russian dialects and Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

Key words: dialectology, Russian dialects, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, science history.

IN MEMORIAM

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

ПАМЯТИ Т. В. ПОПОВОЙ

Т. В. Попова — известный славист, специалист по болгарскому языку, славянской диалектологии и лингвогеографии, возглавила работу над проектом «Восточнославянские изоглоссы» в 1991 г. В разделе «Лингвогеография» настоящего выпуска публикуется ее итоговая статья по этой теме.

Ключевые слова: славянская диалектология, лингвогеография, восточнославянские изоглоссы.

Татьяна Вениаминовна Попова (1929–2014) пришла в отдел диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова в начале 1991 г. переводом из Института славяноведения и балканистики АН СССР, к этому времени она была состоявшимся лингвистом, доктором филологических наук.

Мы познакомились с Татьяной Вениаминовной и ее трудами намного раньше: она была опытным диалектологом и лингвогеографом и не раз рецензировала сборники трудов отдела, именно ее редакторы Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) пригласили быть рецензентом III, завершающего выпуска атласа «Лексика. Синтаксис».

Т. В. постоянно выступала с докладами на съездах славистов, конференциях, круглых столах. Встречались мы и на различных совещаниях. Так, до распада Советского Союза раз в три года в одной из союзных республик проводилось Всесоюзное совещание, которое организовывал Научный совет по вопросам диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук. В них принимали участие специалисты по разным языкам, обсуждая теоретические и практические вопросы составления диалектных и исторических словарей, атласов национальных языков, принципы издания памятников письменности и др. Мы выезжали в командировку почти всем отделом, так как совещания были интересны и полезны: здесь разворачивались живые дискуссии, споры, и это позволяло

не вариться в собственном соку, а быть в курсе последних достижений в области иранистики, славистики, тюркологии и др.

Татьяна Вениаминовна была непременным участником этих совещаний, как и многие лингвисты академических институтов, ее доклады касались вопросов исторической и диалектной фонологии, морфонологии, типологии славянских языков и всегда вызывали отклик у слушателей.

Татьяна Вениаминовна была диалектологом, лингвогеографом, известным специалистом, специалистом по болгарскому языку. Она принимала участие в сборе материала для атласа болгарских говоров на территории СССР, была одним из авторов «Български диалектен атлас», «Карпатского диалектологического атласа», «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА). Надо заметить, что Т. В. — ученица С. Б. Бернштейна, она успешно развивала теоретические положения учителя, применяя его методику работы с материалом. Как известно, именно С. Б. Бернштейн придавал большое значение интерпретации картографируемых явлений, эту позицию разделяла и Т. В. Она была опытным полевым диалектологом, много рассказывала об экспедициях в трудное голодное послевоенное время, когда диалектологи собирали материал в болгарских селах СССР. Будучи болгаристом, Т. В., естественно, в совершенстве владела болгарским, но знала и другие славянские языки: сербский, польский, чешский. За заслуги в области болгаристики в 1987 году она была награждена Государственным Советом Народной Республики Болгарии орденом «Кирилла и Мефодия» 1 степени.

Т. В. плодотворно работала в Институте славяноведения, но вот в 1990 г. сотрудники отдела диалектологии Института русского языка стали просить ее возглавить тему «Восточнославянские изогlossen», так как прежний руководитель — Софья Владимировна Бромлей — собиралась уйти на пенсию.

Т. В. трудно было решиться на столь серьезный шаг — поменять профиль научных исследований, занявшись непосредственно восточнославянской диалектологией. Она приняла это непростое решение и, как нам кажется, об этом впоследствии не пожалела, хотя трудностей было множество. Тема «Восточнославянские изогlossen» (ВСИ) была задумана, как совместная с диалектологами Украины и Белоруссии. После 1991 г. осуществлять контакты стало намного сложнее. Т. В. была очень предана этой теме, и ей удалось организовать совместные совещания, обсуждения карт, привлечь украинских диалектологов к участию в выпусках ВСИ. Здесь понадобились терпение, умение договариваться с людьми, человеческое обаяние, так свойственное Т. В.

У истоков проекта «Восточнославянские изогlossen» стоял Р. И. Аванесов, которого Т. В. тоже считала своим учителем и очень уважала. Именно Аванесов разработал лингвогеографическую концепцию, положенную в основу таких атласов, как ДАРЯ, ОЛА, ДАБМ («Дьялекталагичны атлас беларускай мовы»). Его ученицы С. В. Бромлей и Т. В. Попова рассматривали пространство восточнославянских языков в качестве единого и целостного объекта лингвогеографического исследования, что позволило по-новому взглянуть на многие традиционные вопросы фонетики и грамматики.

Т. В. выступала автором и редактором всех выпусков ВСИ, а их вышло четыре: в 1995, 1998, 2000, 2006 гг.. Она была замечательным редактором: внимательно и вдумчиво, с карандашом в руках, читала каждую статью, давала советы авторам, относящиеся не столько к стилистической стороне работы, сколько к содержанию статьи, предлагала четче сформулировать выводы, подробнее описать явление, дать по возможности его историческую интерпретацию.

Одна из центральных задач проекта — выявление закономерностей восточнославянского лингвистического ландшафта, получение новой диахронической информации. Материал ВСИ позволил конструировать не только изоглоссы отдельных явлений, но и выявить пучки изоглосс, которые дают представление о членении восточнославянского диалектного континуума. Т. В. уделяла внимание сопоставительно-типологическому изучению диалектов, поэтому как в ее статьях, так и в статьях других авторов каждое явление рассматривалось на широком славянском фоне.

Т. В. большое значение придавала языковым явлениям, отмеченным в зонах пограничья: русско-белорусского, русско-украинского, белорусско-украинского — и призывала всех участников проекта пристально рассматривать процессы на этих территориях. У нее самой есть важная для понимания специфики пограничных зон статья об украинско-белорусском пограничье.

Т. В. всегда поступала, как очень демократичный руководитель, замечания всегда облакала в корректную, необидную форму, львиную долю работы в коллективной теме взваливала на свои плечи. Она была очень интеллигентным человеком, абсолютно неконфликтным, прекрасно разбиралась в музыке, в литературе, умела остроумно и артистично, с большой долей самоиронии рассказывать о забавных эпизодах своей жизни. Несмотря на разницу в возрасте, Т. В. была для нас другом, коллегой и образцом человека с тонким, изысканным вкусом.

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

dialects@mail.ru, okarmakova@list.ru

TATJANA VENIAMINOVNA POPOVA

T. V. Popova was well-known Slavist, specialist in the Bulgarian, Slav dialectology and linguistic geography, she headed the work on the project “The eastern Slavic isoglosses” in 1991 y. In the part “Linguogeography” of present issue is published her article on this theme.

Key words: Slav dialectology, linguistic geography, the eastern Slavic isoglosses.

Научное издание

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Выпуск 12, 2017 г.**

Диалектология

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2017. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 32,3. Заказ № 1131
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23